

Памятники истории
и культуры Бурятии

На земле ГЭСЭРА

мультимедийный проект
ЭЛЕКТРОННЫЙ КАТАЛОГ

Руководитель проекта
Любовь Мордвина

СОДЕРЖАНИЕ

6 Слово о Бурятии
Е. Раднаева

10 Наша общая забота
Д. Цыренова

14 Свидание с Байкалом

Из века в век

ВЕТРА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

21 В поисках древностей
Е. Ташак

36 Раннемонгольское и монгольское время
Б. Зориктуев

41 На земле Гэсэра

47 Их-хориг – великая заповедная зона древних монголов. *Ч. Гомбоин*

ОКРАИНА РОССИИ

52 Казаки за Байкалом
Р. Цыдыпова

57 Степные думы в жизни бурят *Н. Пилсуева*

63 Легенды и были Белой горы
А. Найканчина

70 Семейские – сибирские старообрядцы. *Ф. Болонев*

83 Богодухновенные книги
С. Бураева

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ

86 Обо – поклонение духам – «хозяевам» местности

90 Праздник Белого месяца – Сагаалган

92 На Верхней Березовке
Этнографический музей народов Забайкалья

100 Забайкальский Пиросмани
С. Бардалеева

103 Прабабушкина мода

106 Белый волосок серебряный...
И. Соктоева

По историческим местам

БАЙКАЛЬСКИЙ БЕРЕГ

111 Посольский монастырь

120 Возрождение Посольского монастырья
А. Зайцев

130 От Мысовой до Бабушкина
А. Шеина

132 Хроника «пикирующего бомбардировщика»

132 Селенгинская дельта
Б. Михайлов, В. Поломошин

135 Троицко-Селенгинский монастырь

141 В долине Итанцы

142 К Святому Носу

В БАРГУЗИНСКИЙ КРАЙ

147 Незабытый город Баргузин

154 Былое богатство баргузинских евреев.
Л. Кальмина

157 Золото Баунта.
В. Козулин

162 В верховье Баргузина

ТРИ ВЕКА УЛАН-УДЭ

161 Тебя называли Верхнеудинск

172 Почтовая экспедиция – жилой дом Фролова

176 Дом Иннокентия Загузина

178 Общественный колодец

185 Реальное училище

192 Присутсвенные места

197 Дом И.И. Меньшикова

202 Усадьба Борисовой

211 Дом Голдобиной

223 Дом Трунёва

236 Общественное собрание

248 Пти-отель

253 Приют для несчастнорожденных

258 Лазарет Красного Креста

271 Тюремный замок

284 Погибшим за власть Советов

292 Творцы советского Улан-Удэ: Л. Минерт, А. Вампилов, *В. Бельгаев, Б. Михайлов*

297 Театр оперы и балета. Гордость бурятской сцены

302 Реставрация Дворца искусств

304 Памятник Ленину

312 Памяти павших

314 Здания эвакогоспиталей – памятники истории

НА РЕКЕ СЕЛЕНГЕ

319 Селенгинск: покинутая «столица»

324 Бестужевы в селенгинской ссылке

330 Новоселенгинские меценаты и просветители *М. и В. Харитоновы*

ТРОИЦКОСАВСК — КЯХТА

334 «Песчаная Венеция»

349 «Лучшие годы моей жизни» Из воспоминаний Ю.Д. Талько-Грынцевича *Комментарий Л. Мордвиной*

356 Старейший в Забайкалье *Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева*

367 Троицкосавск в вихре революции *С. Малахирова*

371 Арестованное краеведение *М. Константинов*

373 Вторая жизнь пограничного храма

385 В память подвига на Курской дуге

386 Новая Триумфальная арка

ПО ГОРНОЙ БУРЯТИИ

388 Край сибирских нарзанов

Искусство бурятских дацанов

398 Сансарын-Хурдэ. *Схема буддийской философии*

В ДАЦАНЫ СЕЛЕНГИНСКИХ БУРЯТ

404 Иволгинский дацан: возрождение буддизма в Бурятии41

410 Нетленный лама

415 Ваятель священных образов *С. Бардалеева*

417 Мандала Гунриг *С. Бардалеева*

426 К ламам Гусиного озера *И. Васильева*

435 Алтан-Сэргэ – «золотая коновязь»

439 Буддийская мистерия цам *В. Найдакова*

450 Сохранение Тамчинского дацана

В ДОЛИНЕ РЕКИ УДЫ И ЕЕ ПРИТОКОВ

456 Жизнеописание Агвана Доржиева, пандидо-хамбо-ламы, учителя далай-ламы XIII

456 Ацагатский дацан – Школа тибетской медицины

464 Атлас тибетской медицины

468 Анинский дацан

477 Субурганы Анинского дацана

482 Возвращение императрицы

483 Великая ступа на Кижинге

484 Секреты дацанской живопис

490 Зандан Жуу – «сандаловый Будда»

СЛОВО О БУРЯТИИ

Территория Республики Бурятия составляет 351 тыс. кв. км. Население ее, по данным переписи 1989 г., — 1045,6 тыс. чел., в том числе русских — 726,2 тыс. чел., бурят — 249,5 тыс. чел., украинцев — 22,9 тыс. чел., татар — 10,5 тыс. чел., представителей других национальностей — 36,5 тыс. чел. В республике живут более 100 национальностей.

Республика за Байкалом расположилась по определению географов в контрастной среднегорной стране преимущественно в бассейне реки Селенги. Побережье Байкала, величественные горы, живописные долины, бескрайняя тайга, степи вместе составляют особый природный регион на границе таежной Сибири и пустынной Центральной Азии.

Здание Народного Хурала Республики Бурятия

Природное разнообразие дополняется культурным. На протяжении столетий на земле Бурятии сосуществуют различные культурные и конфессиональное традиции. Бок о бок здесь живут и помогают друг другу буряты и русские, эвенки, татары, евреи, немцы... Православие и буддизм, старообрядчество и шаманизм, католицизм и другие культы, пройдя сквозь безверие, возродились за Байкалом в конце XX в. Идет восстановление храмов и дацанов, пробуждается интерес к истории края.

Высок культурный и творческий потенциал Бурятии. Здесь действуют 6 профессиональных театров, среди них — Бурятский государственный академический театр оперы и балета (единственный в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке), Бурятский государственный академический театр драмы им. Х.Намсараева, Государственный театр песни и танца «Байкал».

На территории республики открыты 1040 библиотек, в том числе 4 республиканских, 489 муниципальных, 13 научно-технических и специальных, 4 вузовских и другие.

Государственный герб Республики Бурятия представляет собой трехцветный круг (сине-бело-желтый — цвета национального флага).

В верхней части круга расположено золотое соембо — традиционный символ вечной жизни (солнце, луна, очаг).

В центре круга — одинаковой ширины сине-белые полосы — волны Байкала, а также светло-зеленый и темно-зеленый фон горных вершин, характерные для местного ландшафта.

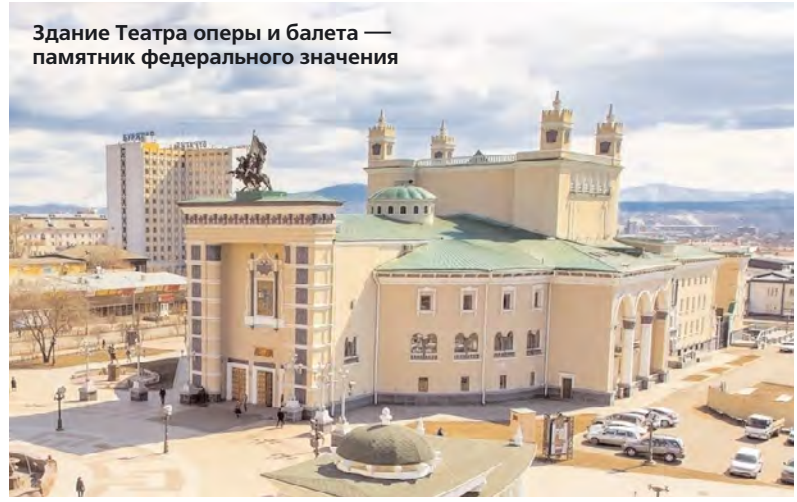
Нижнюю часть круга обрамляет голубая лента «хадак» — символ гостеприимства народа Бурятии. Центральная часть хадака служит основанием герба, на котором написано название республики на государственных языках: Буряад Республика, Республика Бурятия. Лента равномерно один раз с каждой стороны нижней части круга обвивает герб. Концы ее ниспадают по обе стороны герба над его основанием.

В республике действуют 13 музеев. Среди них — Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Республиканский художественный музей им. Ц.С. Сампилова, Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева, Этнографический музей народов Забайкалья, Музей природы.

Всего в Бурятии насчитывается 1098 учреждений культуры и искусства, в которых работает около шести тысяч человек. В Бурятии работает 71 школа искусств, где обучаются более шести тысяч учащихся.

Ежегодно проводятся театрализованные представления «Сагаалган» (Новый год по лунному календарю), «Рождество», «Сурхарбан». Регулярно устраиваются творческие вечера и бенефисы ведущих артистов, писателей, композиторов, книжный салон «Книга Бурятии», конкурсы «Лучший библиотекарь». Пользуются большой популярностью «Рождественский телевизионный фестиваль хоровой музыки», Фестиваль детской хоровой музыки, конкурсы «Лучшая песня года», исполнителей эстрадной песни «Наранай туая», «Играй, гармонь!», народного танца «На земле Гэсэра», «Дангина», «Гэсэр». Проводятся Дни национальных культурных центров, Региональный фестиваль фольклора старообрядческих коллективов.

Государственный флаг Республики Бурятия представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из трех горизонтально расположенных полос: синей, белой и желтой с изображением символа (соембо) желтого цвета на верхней синей полосе у древка.
Соотношение полос: синяя составляет две четверти ширины, белая — одну четвертую ширины и желтая — одну четвертую ширины флага. Отношение ширины флага к его длине 1 : 2.



Здание Театра оперы и балета — памятник федерального значения

Эта книга об историко-культурном наследии Республики Бурятия, которое необычайно многогранно. И если вы взяли ее в руки, вам предоставится возможность узнать немало неизвестных широкому кругу людей эпизодов истории родной для меня земли. После прочтения рукописи сложилось цельное представление о том духовном богатстве, памятниках истории и культуры, которые принадлежат всем народам и народностям, населяющим нашу республику. Некоторые очерки и фотографии стали откровением даже для меня, хотя я всю жизнь живу в этих местах среди родного народа, знаю традиции и обычаи, люблю поездить по селам и улусам, поговорить со стариками. Все, о чем здесь написано, мне близко и интересно и как профессиональному учителю. Я преподавала в школе, позднее работала заместителем министра образования и науки республики и знаю, как важно не только накопить сведения, но еще и увлекательно донести до умов свои знания и опыт. По роду сегодняшней моей службы мне представляется еще более необходимым и своевременным представить не только жителям нашей республики, но и всей России этот коллективный труд разных авторов, которых объединила под одной обложкой забота о сохранениии культурных сокровищ нашей Бурятии.

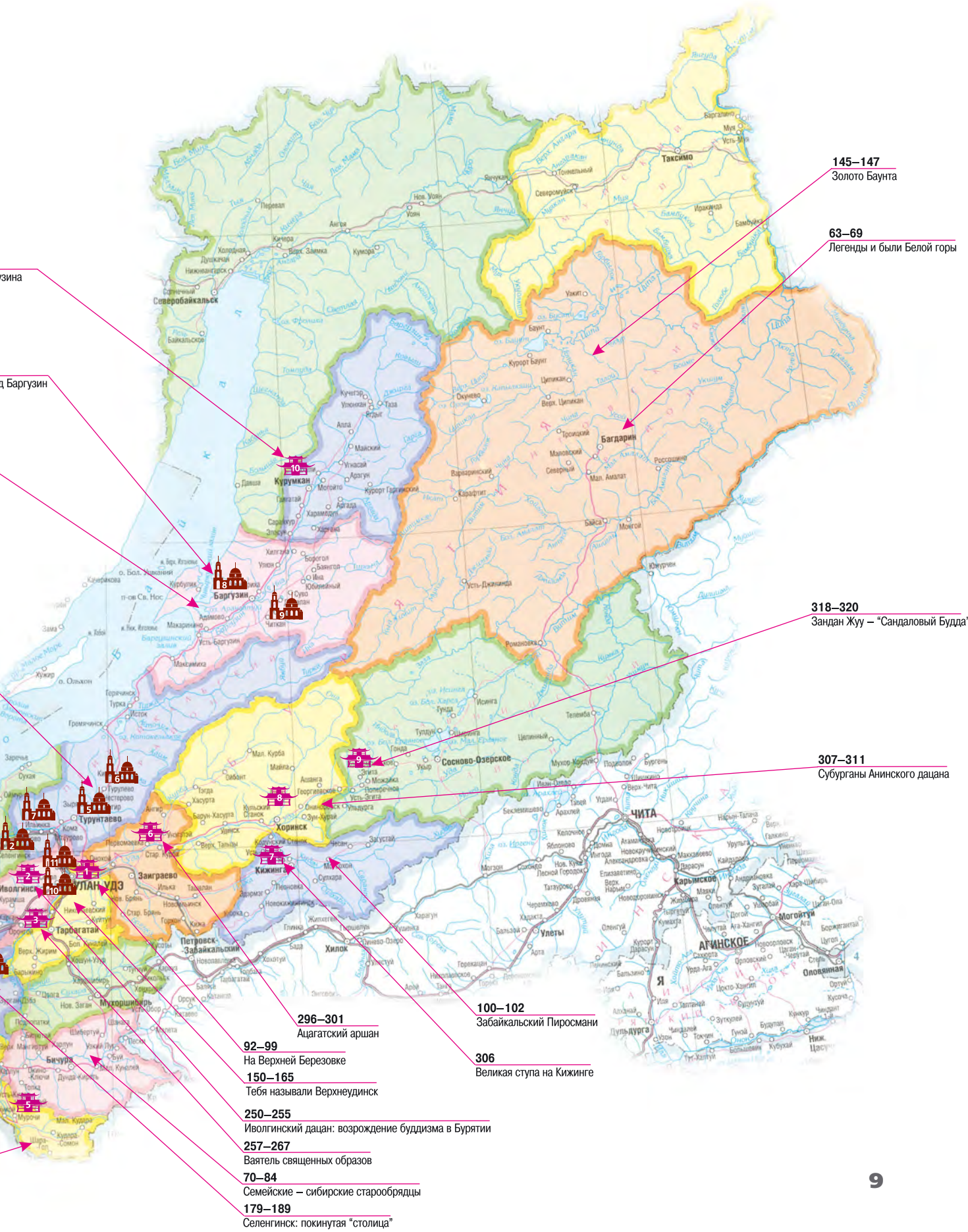
Евдокия РАДНАЕВА, министр культуры Республики Бурятия в 1998–2003 гг.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ*

1. Посольский монастырь (XVII–XIX вв.) *Кабанский р-н*
2. Троицко-Селенгинский монастырь (XVI–XIX вв.) *Кабанский р-н*
3. Богородско-Казанская церковь в с. Творогове (1809–1835). *Кабанский р-н*
4. Благовещенская церковь в с. Кударе (1793–1799) *Кабанский р-н*
5. Спасская церковь в с. Турунтаеве (1791–1818) *Прибайкальский р-н*
6. Сретенская церковь в с. Батурине (1811–1836) *Прибайкальский р-н*
7. Богоявленская церковь в с. Ильинке (2-я пол. XIX в). *Прибайкальский р-н*
8. Спасо-Преображенский собор в Баргузине
9. Церковь Рождества Христова в с. Читкане (1829–1839). *Баргузинский р-н*
10. Улан-Удэ. Одигитриевский собор (1741–1785).
11. Улан-Удэ. Троицкая церковь (1798–1809)
12. Спасский собор Старого Селенгинска (1783–1789) *Селенгинский р-н*
13. Вознесенский собор в Новоселенгинске (1888) *Селенгинский р-н*
14. Кяхта (Троицкосавск). Троицкий собор (1812–1817)
15. Кяхта (слобода Кяхта). Воскресенский собор (1830–1838)
16. Покровская церковь в с. Тунке (1812–1820) *Тункинский р-н*

БУДДИЙСКИЕ ДАЦАНЫ*

1. Буддийский духовный центр на Верхней Березовке, резиденция Хамбо ламы — главы буддистов России, *г. Улан-Удэ*
2. Иволгинский дацан. *Иволгинский р-н*
3. Янгажинский дацан. *Иволгинский-р-н*
4. Тамчинский (Гусиноозерский) дацан *Селенгинский р-н*
5. Мурочинский дацан. *Кяхтинский р-н*
6. Ацагатский (Шолотский) дацан. *Заиграевский р-н*
7. Кижингинский дацан. Великая ступа Джарун-Хошор. *Кижингинский р-н*
8. Анинский дацан. *Хоринский р-н*
9. Эгитуйский дацан. *Еравнинский р-н*
10. Баргузинский дацан. *Курумканский р-н*
11. Хайморский (Аршанский) дацан. *Тункинский р-н*
12. Кыренский дацан. *Тункинский р-н*



145–147
Золото Баунта

63–69
Легенды и были Белой горы

318–320
Зандан Жуу – “Сандаловый Будда”

307–311
Субурганы Анинского дацана

296–301
Ацагатский аршан

100–102
Забайкальский Пиросмани

92–99
На Верхней Березовке

306
Великая ступа на Кижинге

150–165
Тебя называли Верхнеудинск

250–255
Иволгинский дацан: возрождение буддизма в Бурятии

257–267
Ваятель священных образов

70–84
Семейские – сибирские старообрядцы

179–189
Селенгинск: покинутая “столица”

НАША ОБЩАЯ ЗАБОТА

В 2002 году увидела свет книга «Сокровища культуры Бурятии», став первым изданием в серии книг о культурном наследии народов России журнала «Наследие».

Данное научно-популярное издание стало значимым событием для Бурятии, с одной стороны подведя своеобразный итог труду нескольких поколений руководителей, специалистов, ученых, деятелей культуры и искусств республики, а с другой — очерчивая круг вопросов по сохранению культурного наследия, вставших перед обществом и государством.

С тех пор минуло 18 лет, много это или мало?

Оглядываясь назад, без сомнений можно сказать — пройден большой и трудный путь. На сегодняшний день в Республике Бурятия на государственной охране находятся 1824 объектов культурного наследия. Из них 839 являются объектами археологии, 985 относятся к памятникам истории и архитектуры. За последнее десятилетие под защиту государства попали 62 объекта культурного наследия, 23 объекта получили статус выявленных памятников истории и культуры, 295 — выявленных объектов археологии.

Как видно из приведенных выше данных, подавляющее большинство памятников было выявлено и поставлено на государственную охрану в 1970–1990 годы. В то время государственная охрана памятников истории и культуры находилась на этапе активного становления, вырабатывались основные понятия и требования, проводились первые реставрационные работы, благодаря которым некоторые памятники архитектуры удалось в буквальном смысле спасти.

Научно-проихводственный цетр по охране и использованию памятников истории и культуры Республики Бурятия во главе с Натальей Аполлоновной Петуновой. *2002 г.*

Так, без малого четыре десятилетия длилась реставрация красивейшей Воскресенской церкви в Кяхте. Построенный в 1830-е годы на щедрые пожертвования кяхтинских купцов-миллионеров храм изначально был задуман как форпост православной империи на границе с восточными соседями. На протяжении 1970–1990-х годов проводились многочисленные работы по реставрации церкви, однако недостаток финансирования и квалифицированных специалистов зачастую сводили всю проделанную работу на нет. Только в 2000-х годах удалось провести полномасштабную реставрацию храма с привлечением лучших специалистов со всей республики.

Не менее многотрудна история спасения Тамчинского дацана, старейшего действующего буддийского храма России. Будучи не только религиозным, но и культурным, научным и просветительским центром в регионе, к началу XX века Тамчинский дацан являл собой целый город. В силу известных исторических событий к середине XX века Тамчинский дацан находился под угрозой полной утраты. Возрождение буддийского храма как памятника архитектуры с 1980-х годов заняло почти 30 лет и завершилось в 2011 году.

Оба реставрационных проекта стали важными вехами в сохранении памятников истории и культуры Бурятии. Наряду с храмами в 2010–2011 годы была проведена большая работа по ремонту и реставрации объекта культурного наследия федерального значения «Здание Бурятского государственного театра оперы и балета». С учетом особенностей местоположения театра, нужно отметить, что среди прочих реставрационных работ были проведены антисейсмические мероприятия (усиление стен и фундаментов), ремонт интерьеров и фасадов здания театра.

Необычным проектом стала реставрация памятников, расположенных по улице Соборная в Улан-Удэ. В тесном взаимодействии с администрацией города Улан-Удэ в 2016 году были проведены ремонтно-реставрационные работы памятников деревянного зодчества. В настоящее время часть отреставрированных объектов обрела современное назначение и использование. Здесь появился уютный ресторан в купеческом стиле с воссозданием аутентичных интерьеров.

Начиная с 2018 года, в рамках государственной программы «Развитие культуры» осуществляются ремонтно-реставрационные работы на объекте культурного наследия федерального значения «Собор Троицы» (Республика Бурятия, Кяхтинский район, г. Кяхта, Городской сад).

Современные реалии бывают порой очень жесткими по отношению к объектам культурного наследия, и наша основная задача сегодня — это грамотное и своевременное обеспечение нормативно-правового регулирования их охраны. За последнее десятилетие утверждены границы территорий, зоны охраны, предметы охраны объектов культурного наследия, расположенных в Улан-Удэ, Кяхте, поселках Баргузин, Новоселенгинск и других. Все эти документы являются надежной защитой, эффективность которой не раз была доказана нами в залах судов. Тенденция к увеличению количества судебных исков, защищающих объекты культурного наследия от негативного воздействия и порой варварского отношения, является общероссийской. В 2009 году в Бурятии был создан судебный прецедент по привлечению виновных в уничтожении объекта археологии к уголовной ответственности и возмещению стоимости мероприятий, необходимых для его сохранения.

За последние десять лет увидели свет прекрасные издания о памятниках архитектуры Республики Бурятия. Первой ласточкой стал двухтомный «Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия». Несмотря на довольно сухое и справочное содержание, «Свод» вызвал большой интерес как среди специалистов и профессионалов, так и у обычных читателей. Следующим изданием стала книга «Храмы Бурятии», созданная в сотрудничестве с лучшими фотографами нашей республики. Красочное, наполненное уникальными фотографиями издание стало настоящим событием для любителей родного края. В последующие годы под эгидой Комитета были выпущены книги, посвященные

главным «жемчужинам» храмового зодчества Бурятии — Воскресенской церкви в Кяхте и Тамчинскому дацану в Селенгинском районе. Главной целью издания этих книг было продемонстрировать читателю, что объекты культурного наследия Бурятии уникальны, неповторимы и бесценны, а истории, связанные с ними, по накалу событий порой напоминают приключенческий роман.

Большие перемены произошли и с органом охраны памятников истории и культуры за прошедшие годы. До 2005 года охраной объектов культурного наследия занимался Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, имея статус подведомственного учреждения Министерства культуры Республики Бурятия. Под руководством Натальи Аполлоновны Петуновой НПЦ вел огромную работу по выявлению и паспортизации памятников истории и культуры республики, инициировал крупные реставрационные проекты.

С годами появилась потребность в государственном органе, наделенном полномочиями в сфере охраны объектов культурного наследия. Так, в 2005 году появилось Управление государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Республики Бурятия, которое возглавила Ирина Александровна Петрова. В течении десятилетия она руководила работой органа охраны памятников, который позже вошел в состав Министерства культуры в качестве Комитета, а потом — в состав администрации главы Республики Бурятия и правительства Республики Бурятия. В новом статусе орган охраны памятников значительно расширил работу по государственной охране памятников истории и культуры — объекты культурного наследия республики получили территории, зоны и предметы охраны, проводилась большая работа по надзору за исполнением законодательства, увидели свет уникальные издания о памятниках истории и архитектуры Бурятии.

Деятельность Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры также претерпела значительные изменения за прошедшие десятилетия. С самого своего основания НПЦ охраны памятников занимался выявлением, учетом, мониторингом состояния, паспортизацией объектов культурного наследия республики. Постепенно поле деятельности Научно-производственного центра расширялось. На сегодняшний день Автономное учреждение Республики Бурятия «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры» также осуществляет проведение государственной историко-культурной экспертизы, занимается документальным обеспечением Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, занимается изготовлением информационных надписей на объекты культурного наследия.

В 2017 году НПЦ получил лицензию Министерства культуры Российской Федерации на разработку проектной документации по консервации, реставрации и воссозданию памятников истории и культуры.

В последнее время мы с радостью наблюдаем повышенный интерес общества к вопросам культурного наследия. Если раньше энтузиасты сохранения памятников и любители

В отреставрированном доме бывшей усадьбы мещанки Сечиной на Проезжей улице (ул. Каландаришвили, 41) в Улан-Удэ с 1991 г. размещается Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры. *Фото Б. Михайлова*

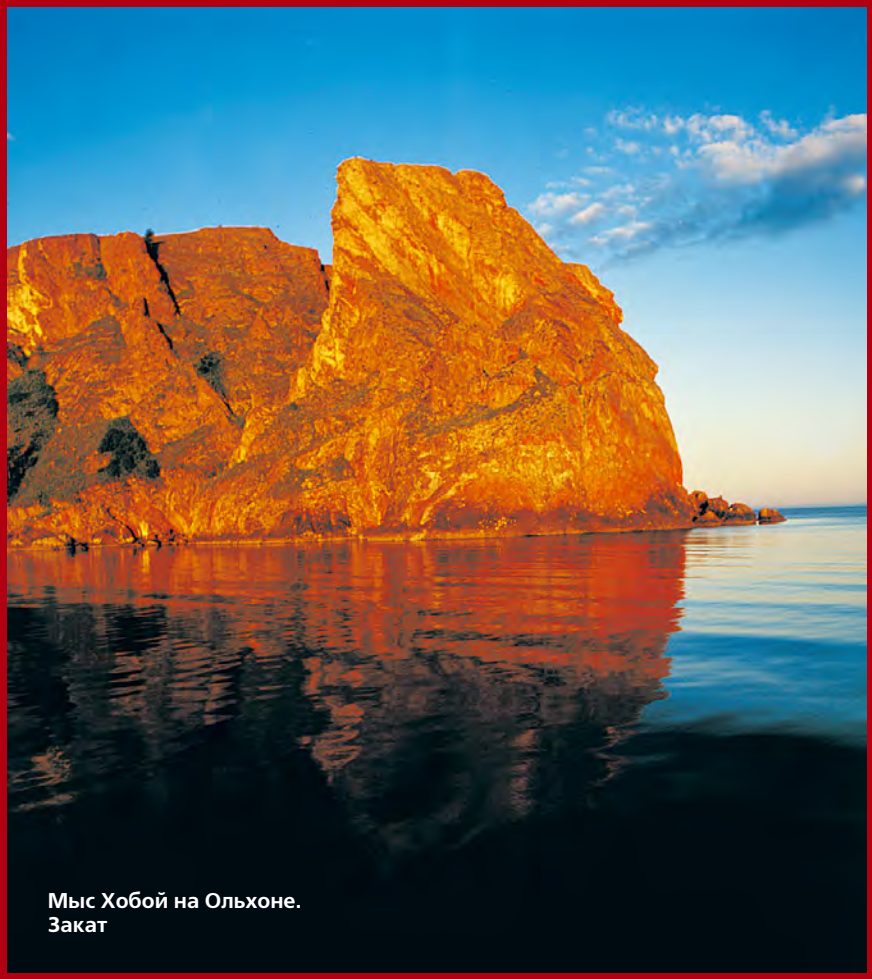
Сотрудники Комитета по государственной охране объектов культурного наследия Республики Бурятия и Нацчно-производственнорго центра по охране и использованию памятников истории и культуры. на откртыии памятника Герою Советского Союза летчику Б.С. Быстрых в г. Бабушкине. В центре руководитель Комитета с 2005 по 2018 г. И.А. Петрова и Герой России, командующий Дальней авиацией генерал-лейтенант С.И. Кобылаш. 9 мая 2019 г. *Фото А. Тарунова, 2019 г.*

старины были больше привычны для мегаполисов с богатым прошлым, то сегодня даже маленький городок может похвастаться парой-тройкой сайтов с обзорами местного деревянного зодчества, или волонтерскими сообществами, где любой желающий может принять участие в уборке и облагораживании памятников истории и культуры. Общественная повестка о сохранении культурного наследия не где-то далеко в столице, а здесь, на соседней улице, стала сверхактуальной. Мы, как общество, постепенно приходим к пониманию того, что наши купеческие и крестьянские усадьбы, церкви, дацаны и синагоги, скромные сельские памятники в честь воинов-односельчан составляют тот самый национальный культурный код, который отличает нас от других этносов и народов.

Новые времена диктуют новые правила — впервые издание о культурном наследии Бурятии выходит в цифровом формате. Мы очень надеемся, что такой формат сделает информацию о памятниках культуры и истории Бурятии более доступной и интересной для самого широкого круга читателей.

Дугарма Цыренова,
председатель Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия

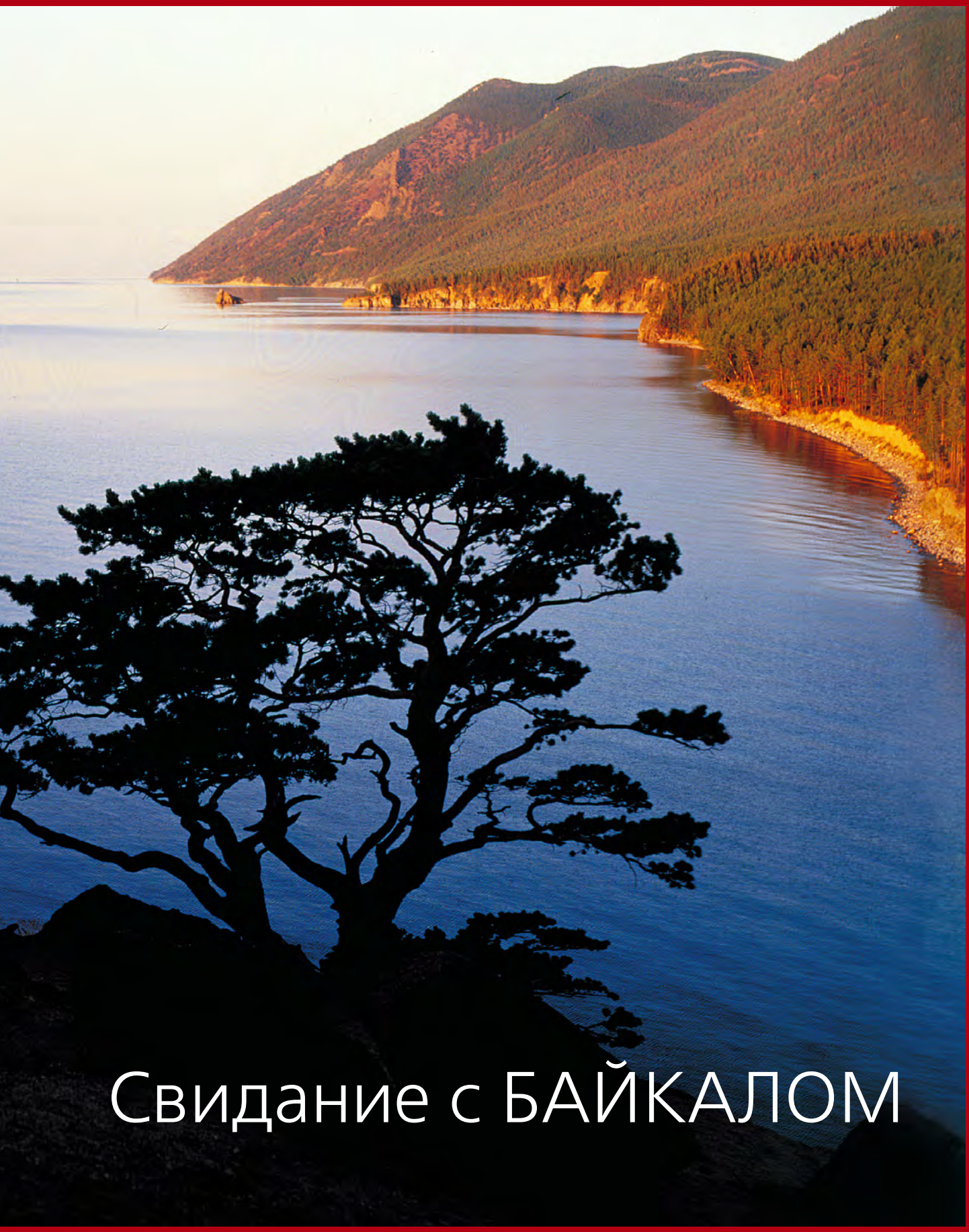
Рассвет на Ольхоне
Западное побережье



Мыс Хобой на Ольхоне.
Закат

Жители Бурятии имеют счастливую возможность провести отпуск с пользой для души и для тела, не удаляясь далеко от дома, не тратясь на транспортные расходы, не меняя резко климат, что не всегда благотворно влияет на самочувствие. Рядом с ними — прозрачный Байкал, минеральные источники, заснеженные гольцы Саян, международные туристские тропы Хамар-Дабана и неприступные дебри Баргузинской тайги.

Фото С. Ильина



Свидание с БАЙКАЛОМ

Ежегодно озеро Байкал привлекает несколько тысяч российских и иностранных туристов. Чаще всего отправляются в путешествие летом. Хотя и зимой находятся любители посмотреть на прозрачный байкальский лед.

Вокруг Байкала — горные хребты, достигающие высоты 3000 метров. Самый популярный среди туристов — хребет Хамар-Дабан, где проложены пешеходные, водные и лыжные маршруты. Эта примыкающая к великому озеру местность привлекает своей экзотичностью и экологической первозданностью. Это рай для любителей романтических приключений.

По всей протяженности побережья Байкала множество мест отдыха, песчаных пляжей, бухт и заливов. Жители Бурятии любят отдыхать на южном побережье, где вдоль Транссибирской магистрали расположены туристские базы «Култушная» и «Байкальский прибой». Пользуются популярностью и Посольские песчаные косы, Северная и Южная, отделяющие залив Посольский Сор, где летом хорошо прогревается вода.

Отличным местом отдыха считается дельта реки Селенги, крупнейшего притока Байкала. На севере дельты по берегу Байкала в селении Энхалук расположены туристские базы «Энхалук», «Ослик» и другие, где предлагается активный отдых в любое время года: конные маршруты, водные круизы, экскурсии и охота. Немало удовольствия можно получить, поднявшись на высшую отметку Морского хребта — голец Давыдов (1707 м), который в летнее время представляет собой яркий ковер цветущей альпийской растительности.

Круиз по Байкалу — незабываемое событие! Потрясающее впечатление производят скалистые мысы Бакланий, Тонкий, Щвец, Черный. Повезет тем, кто завершит путешествие по Байкалу осмотром малодоступного полуострова Святой Нос и Ушканьих островов, где находятся лежбища нерпы и заросли черной березы.

Чивыркуйский залив

У турбазы «Энхалук»

Фото Б. Михайлова

Фото Сергея Конечных

Из века в век

ВЕТРА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ОКРАИНА РОССИИ

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ

ВЕТРА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В ПОИСКАХ ДРЕВНОСТЕЙ

РАННЕМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

НА ЗЕМЛЕ ГЭСЭРА

ИХ-ХОРИГ — ВЕЛИКАЯ ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ

Археологические исследования поселения Подзвонкая.
Кяхтинский район.

Ветра тысячелетий промчались над лесами и степями Забайкалья. Остались следы ушедших эпох — археологические памятники. На этой земле нашел свое отражение каждый период истории человечества. Многие происходившие здесь события имели серьезное значение для истории народов Центральной Азии. Племена и народы, нашедшие свою колыбель здесь, активно влияли и на процессы, происходившие в далеких Европе и Америке.

Елена ТАШАК

В ПОИСКАХ ДРЕВНОСТЕЙ

По следам древних людей

Эпоха палеолита

Еще в начале 80-х гг. XX века ученые полагали, что древний человек поселился у Байкала сравнительно недавно — каких-нибудь 20 тысяч лет назад. Как это мало по сравнению с возрастом древнейших останков людей и орудий труда, найденных на других континентах, исчисляющихся сотнями тысячелетий! Но открытия последних двадцати лет безоговорочно отодвинули дату освоения Забайкалья первобытными людьми на несколько десятков тысяч лет.

Теперь совершенно ясно, что уже 80–60 тысяч лет назад просторы Бурятии не были безлюдными. Постепенно приоткрывая тайны седых веков, археологи с осторожностью начинают думать, что первобытные человеческие сообщества появились здесь еще раньше. Значит, надо продолжать поиск, тщательней исследовать места, где селились или могли селиться наши далекие предки.

Для непосвященного человека памятники палеолита (древнекаменного века) — поселения и стоянки — это бесформенное скопление камней и костей разных форм и размеров. Но опытный взгляд специалиста сразу вычленяет и орудия, изготовленные человеческой рукой, и отходы производства, и немногочисленные украшения, и то, что в обиходе называют кухонными отбросами — остатки костей съеденных животных. Палеолитические объекты Бурятии широко известны в научной литературе — поселения Варварина Гора, Санный Мыс, Каменка и Подзвонкая. Пристальный интерес специалистов вызывают исследования комплекса Хотык в долине реки Оны. А изучение материалов геологического разреза недалеко от деревни Засухино, что в нескольких десятках километров от байкальского побережья, дало совершенно неожиданные результаты — здесь были обнаружены древние орудия, предварительно датируемые эпохой нижнего палеолита.

Поселение Санный Мыс, расположенное на берегу реки Уды, выделяется среди прочих тем, что содержит остатки жилища древнего человека. Фундамент его был выложен плоскими каменными плитами, очень хорошо подогнанными друг к другу. Пространство между ними было заполнено более мелкими кам-

Остатки палеолитического жилища на стоянке Санный Мыс
Хоринский район

нями, плиты поставлены на ребра. Жилище имело овальную форму, внутренняя его площадь составляла 18 квадратных метров. Внутри располагались три очага. Один из камней отодвигается в сторону, тогда как остальные неподвижны — именно здесь был вход. Сохранились только каменные конструкции жилища. Можно предположить, что стены были сделаны из жердей, либо обтянутых шкурами, либо обложенных дерном.

Как правило, археологические раскопки приводят к исчезновению памятника, он продолжает существовать только в научных статьях, книгах. На Санном Мысе остатки жилища сохранились и после раскопок. Археологи исследовали культурный слой внутри него и вокруг, сохранив камни обкладки. Грунт в этих местах песчаный, без дополнительного закрепления конструкция могла быстро разрушиться. Поэтому в нижней части плиты скрепили цементным раствором. И теперь все, кто проезжает по Хоринскому тракту на северо-восток республики, могут остановиться у остатков первобытного жилища и, дав волю фантазии, представить, как жили люди в те далекие времена.

Подобная находка — большая удача. Чаще всего в палеолитическом культурном слое встречаются орудия — скребла и режущие орудия на массивных пластинах, долотовидные изделия, резцы, служившие для обработки кости, остроконечники (каменные орудия), проколки, провертки, ретушеры, шилья (костяные изделия) и огромное количество отходов производства каменных орудий или заготовок для них, остатки очагов. Изредка встречаются и украшения — плоские кольцеобразные подвески, сделанные из скорлупы яиц страуса, бусины из других материалов, вплоть до перла-

Фото Сергея Конечных

мутра. Очень редко, но попадаются предметы, которые специалисты называют первобытным искусством — антропоморфные (человекоподобные) изображения-фигурки из кости, рисунки-насечки на мелких камнях, насечки на костяных изделиях.

Основными занятиями людей того времени являлись охота и собирательство. Объектами охоты были как степные животные — лошади, бизоны, шерстистые носороги, так и лесные — олени, аргали и более мелкие. Изредка встречаются обитатели гор — горные бараны и сибирские горные козлы и совсем редко — верблюды, пантеры. В те очень далекие времена климатические условия в Забайкалье мало чем отличались от современных. Ландшафты, как и сейчас, представляли собой открытые степные пространства, чередующиеся с лесными массивами. Кто-то из людей науки дал им очень красивый, почти поэтичный термин — мозаичные ландшафты.

Об объектах охоты можно говорить, опираясь на результаты определений костей животных, проведенных палеонтологами. А вот о том, какие растения употреблялись в пищу или использовались в других целях древними людьми, обитавшими на территории Бурятии, нам почти ничего не известно. Тем не менее на поселении Варварина Гора было найдено каменное изделие, служившее, вероятно, пестом. Может быть, им размельчали корешки или зерна.

Сведения о растительном мире, характерном для той эпохи, можно получить с помощью спорово-пыльцевого анализа. Так, по данным специалистов-палинологов, в лесах росли тогда сосна обыкновенная, кедр, береза, ильм, вяз, лещина, встречались дуб, ива, вересковые, ольховники. Широко были распространены папоротники, мхи, плауны.

Охотники и рыболовы

Эпоха мезолита

К эпохе среднекаменного века — мезолита — относятся памятники, отличающиеся от палеолитических прежде всего способом изготовления и внешним обликом орудий и заготовок для них. В это время (приблизительно 12–8 тысяч лет назад) для изготовления орудий чаще всего применялись мелкие каменные пластины.

Широкое распространение получили так называемые вкладышевые орудия, состоящие из костяной (роговой) основы с пазами, прорезанными вдоль нее. В эти пазы вставлялись пластины шириной 0,4–0,6 и длиной 4–6 см, имевшие специальную подработку. Получался нож, если паз один, или кинжал — в случае, если пазы были прорезаны по обеим сторонам костяной основы. Люди, жившие в это время, были не только искусными охотниками. Памятники, обнаруженные по реке Селенге (Усть-Кяхта-3, Усть-Кяхта-17, Ошурково), свидетельствуют о широком распространении рыбной ловли.

В культурных горизонтах эпохи мезолита в большом количестве обнаружены орудия, необходимые для рыбной ловли — гарпуны, костяные цельнорезные рыболовные крючки. Объектами охоты, как и в палеолитическое время, служили преимущественно лошади, бизоны, лесные животные. Среди кухонных остатков очень много рыбьих костей — водилась в те времена рыба в реках! И какая!

Массив Хотык — научная лаборатория археологов. Здесь открыты петроглифы, поселения каменного века, плиточные могильники эпохи бронзы... *Фото Б. Михайлова*

На Фофоновском могильнике
Фото В. Ташака

Следы поселений и могил

Эпоха неолита

В неолитическое время (VI–III тыс. до н. э.) люди научились изготавливать керамические сосуды. Их фрагменты в большом количестве встречаются в материалах Посольской стоянки, стоянках Исинга, Тулдун, поселения Мухино, неолитических слоях Ошурково и других. В музейных неолитических коллекциях особое внимание посетителей всегда привлекают замечательные изделия, выполненные из шлифованного нефрита — топорики, тесла, ножи. Изменяется и форма рыболовных крючков, они становятся составными, когда к основе — каменному стерженьку — прикрепляется коготь животного. Среди находок встречаются наконечники стрел, костяные обкладки луков, вкладышевые кинжалы и ножи, гарпуны и другое.

Эпоха неолита в Бурятии представлена не только поселениями. Наиболее интересным объектом этого периода считается Фофоновский могильник, расположенный на высоком мысу реки Селенги над одноименной деревней недалеко от впадения реки в Байкал. Возвышенность, раскинувшаяся вдоль реки на несколько километров, в древности служила местом захоронения усопших.

На Фофоновском могильнике с конца 1920-х годов было исследовано около ста захоронений. Дно могильной ямы и останки людей везде засыпаны красным порошком — охрой. В могилу укладывали необходимые в загробной жизни предметы. Мужчинам полагалось иметь оружие, рыболовные снасти, женщинам — орудия для обработки шкур и другие подобные предметы. Археологи находят множество украшений — расщепленные клыки кабана, нашивавшиеся, по всей видимости, на головные уборы и одежду, бусины и ожерелья из резцов марала и перламутровых раковин, кальцитовые подвески. В некоторых могилах погребальный инвентарь совсем отсутствует.

Захоронения Фофоновского могильника в большинстве своем никак не обозначены на поверхности земли, лишь часть их, относящаяся к более позднему периоду, имеет невыразительные задернованные каменные кладки. А вообще пока эти захоронения являются самыми древними из найденных в Бурятии.

Также к эпохе неолита относились могильники Алтан и Бухусан, исследовавшиеся в 1970-х годах в Еравнинском районе.

Климатические условия были в этот период очень благоприятные. В неолитическое время были заселены даже территории, в настоящее время приравненные в Бурятии к районам Крайнего Севера, — Баунтовский и Северобайкальский, Муйский районы.

Шлифованные тесла из нефрита
Неолит

Шлифованные тесла из нефрита
Неолит

Фото Сергея Конечных

Плиточный могильник Ацагат-II
Заиграевский район

Тайна погребальных плит и рисунков

Эпоха бронзы

Неотъемлемая часть современных степных ландшафтов Бурятии — плиточные могилы, появившиеся в эпоху бронзы во второй половине II тыс. до н. э. и просуществовавшие до середины I тыс. до н. э. Плиточные захоронения чаще всего хорошо видны издалека — почти у каждой из бесчисленных забайкальских сопок с южной стороны можно заметить вертикально стоящие плоские камни в форме ящика. Самые крупные камни — по углам. Иногда они достигают высоты человеческого роста, иногда — не выше метра.

Восстановить весь погребальный обряд ученым не удастся, конечно, никогда. Ведь только одним ветрам известно, какие слова или песни неслись над степью, когда соплеменники провожали в последний путь своих родственников, какими ритуалами все это сопровождалось. Но археологам ясно, что территория захоронений, скорее всего, очищалась огнем. Могильная яма, ориентированная по линии восток-запад, как правило, не была особенно глубокой. Под голову помещали каменную «подушечку» либо оставляли земляной уступ. Стенки некоторых ям обкладывались плитами. Умерших отправляли в иной мир в одежде и обуви, чаще все-

Плиточный могильник эпохи бронзы Хотогой-Хабсагай
Хоринский район

Наскальные рисунки в пещере Острой Сопки
Иволгинский район

Наскальный рисунок из «галереи» Хотогой-Хабсагай
Хоринский район

го обильно расшитых бусами — пастовыми и перламутровыми, из бирюзы, халцедона, нефрита и других камней. Для украшения одежды и застегивания использовали разнообразные бляшки-пуговицы, пряжки, поясные пластины, подвески. Изредка в захоронениях встречаются оружие (бронзовые наконечники стрел, остатки луков и др.); конская сбруя; орудия труда — игольники, бронзовые и костяные иглы, шилья, проколки, бронзовые ножи и зеркала.

Некоторые предметы выполнены из золота, но подобные находки крайне редки. Часто встречаются изделия из камня — скребки, пластины, скребла. Керамические сосуды в захоронениях практически не встречаются, но глиняные черепки между плитами надмогильного сооружения — обычная находка. Вероятно, попали они туда в момент совершения погребального обряда, скорее всего, сопровождавшегося тризной.

Беда в том, что найти неразграбленное плиточное захоронение очень сложно. Слишком хорошо они просматриваются. И даже непосвященный человек без труда поймет, что перед ним искусственное сооружение. В XVIII в. целые семьи существовали за счет грабежа древних захоронений, а сами могилы именовались «маяками».

Фото Бронислава Михайлова

Пещера Баин-Хара
Мухоршибирский район

Наскальные рисунки возле села Ангир («лесные» писаницы). *Заиграевский район*

Наскальные рисунки возле пещеры Баин-Хара
Мухоршибирский район

Иногда на отвесных скальных плоскостях над могилами встречаются наскальные рисунки — петроглифы, выполненные красной краской-охрой. Сюжеты рисунков одинаковы: человечки, оградки с точками (по всей видимости, символ хозяйства-двора), птицы в полете. Эта группа писаниц (так их всегда называли в Сибири) носит имя «селенгинской».

Специалисты выделяют еще группу «лесных» писаниц — среди них распространены иные рисунки — изображения лосей, оленей, других животных.

Наскальные рисунки Бурятии заслуживают отдельного рассказа. До нас дошли из глубины веков целые «картинные

Фото Сергея Конечных

галереи». В местности Баин-Хара Мухоршибирского района в одном из распадков находится одноименная пещера. Все скальные поверхности у входа в нее от земли до свода покрыты рисунками. Многие из них уже плохо различимы — сказывается «почтенный возраст» — более трех тысячелетий. К сожалению, древние рисунки не у всех вызывают чувство восхищения и преклонения. Некоторые наши современники ведут себя хуже вандалов — великолепной сохранности петроглифы часто испачканы масляной краской или мелом. Бессмысленные надписи идут прямо поверх рисунков, встречаются и процарапывания. И нет пока спасения от нынешних «геростратов»...

В южных районах Бурятии кроме петроглифов «селенгинского» типа встречаются рисунки, выполненные методом точечной выбивки или процарапывания на поверхностях камней, потемневших под влиянием солнца — на «корочке скального загара». Как правило, отдельные рисунки разбросаны на небольших валунах по южным склонам сопок и преимущественно содержат изображения животных — козликов, верблюдов, бегущих оленей с ветвистыми рогами. Встречаются изображения солнца и колесниц (по определению академика А.П. Окладникова). На огромной горе Бага-Заря, возвышающейся над Селенгой возле села Зарубино Джидинского района так, что с нее видны окрестности до 50 километров вокруг, есть рисунок человека с бычьими рогами на голове, может, это изображение шамана?..

Загадки курганов-керексуров

Эпоха бронзы

В эпоху бронзы на территории Бурятии жили не только племена, оставившие плиточные могилы. Очень интересный, загадочный и мало исследованный пласт древних памятников — курганы-керексуры. Если культура плиточных могил в какой-то мере связана с восточными традициями, то керексуры вместе с людьми, их строившими, «пришли» на территорию Бурятии с запада. Это каменные курганы высотой от 30–40 сантиметров до 1,5–2 метров с

Река Селенга
Тарбагатайский район

круглыми или квадратными оградками из камней. Некоторые из них имеют еще и дополнительные «украшения» в виде петелек по углам или маленьких кругленьких «розеточек» за оградкой.

Керексуры до сих пор вызывают споры ученых. Вплоть до середины 1980-х годов большинство специалистов относили их к середине — второй половине I тыс. н. э. Сейчас возобладала иная точка зрения: их появление отодвинули на 2–2,5 тысячи лет раньше. Датировка керексуров затруднена по нескольким причинам. Во-первых, слишком малое их количество было исследовано, потому что изучать каменный курган — весьма трудоемкое занятие. А во-вторых, слишком скудный материал можно получить в ходе раскопок. Иногда керексуры под каменными насыпями скрывали человеческие захоронения совершенно без каких бы то ни было предметов, иногда между их камнями встречались фрагменты керамики. Сказать что-то определенное об их предназначении сегодня весьма сложно, поскольку археологами раскопано всего 40 керексуров (включая Бурятию, Северную и Центральную Монголию). И только 8 из них содержали вещественные остатки, скорее всего, привнесенные иными, более поздними культурами. Тем не менее современные исследования подтверждают, что на территории Бурятии они появились раньше плиточных могил и, возможно, сосуществовали вместе с ними на протяжении какого-то времени. Подобное предположение основывается на том, что в отдельных случаях на каменных оградках керексуров, внутри них и на самих курганах встречаются плиточные захоронения.

Керексур с квадратной оградой
Джидинский район

Керексур с круглой оградой
Джидинский район

Фото Бронислава Михайлова

Городище эпохи хунну Баян-Ундэр
Джидинский район

Остатки жилища хунну на городище Баян-Ундэр
Джидинский район

Хунну — покорители Азии

На рубеже новой эры

Примерно с III в. до н. э. на территории Бурятии появляется народ, сведения о котором можно почерпнуть уже не только в ходе археологических раскопок. Китайские хроники этого периода часто упоминают о том, что на севере появились воинственные племена хунну (сюнну — в китайской транскрипции, гунны — в европейской), серьезно беспокоившие китайских правителей. Этот воинственный кочевой скотоводческий народ, обитавший в степях Центральной Азии в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э., выделяется в последние века до нашей эры из среды местных племен. Хунну создали под своей властью могущественный союз, явившийся первым в истории Центральной Азии государственным образованием. В пору расцвета ему были подвластны земли от Хингана на востоке до Тянь-Шаня на западе, от Байкала и Саян на севере до Ордоса на юге. Центром державы была территория Монголии и Южной Бурятии, где сохранились наиболее многочисленные следы их обитания.

Основой хозяйства хунну было скотоводство при значительном распространении земледелия и ремесленного производства. В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится: «Из домашнего скота у них более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, частью

разводят верблюдов, ослов, лошаков и одомашненных диких лошадей и куланов». В годы благополучия и процветания хунну на одного человека приходилось до 19 голов скота, а в годы, климатически неблагоприятные, его количество сокращалось до четырех. Среди населения выделялись группы кочевников и оседлого населения — по археологическим источникам выявлена группа памятников — обычных и укрепленных поселений-городищ, где люди жили постоянно и даже занимались земледелием.

У кочевого населения первостепенную роль играли лошади (монгольские табунные). Разводили также крупный рогатый скот — быков, яков. Широко были распространены овцы (грубошерстные и тонкорунные). У оседлого населения преобладали овцы, крупный рогатый скот, свиньи, лошади, козы. Стадо круглый год содержалось на подножном корму.

При раскопках могильников были обнаружены зерна проса, ячменя и пшеницы. Из земледельческих орудий были найдены сошники, наконечники лопат, мотыги, серпы. Предположительно, землю пахали небольшим деревянным плугом на глубину 7–8 сантиметров. Почву взрыхляли мотыгами. Для уборки урожая применяли серповидные ножи длиной 17–20 сантиметров и серпы. Зерно мололи на каменных зернотерках, хранили в специальных ямах.

Тем не менее обеспечить себя продуктами собственного производства кочевые племена в полной мере не могли. Потребность в зерне при экстенсивном характере земледелия еще могла быть покрыта за счет торговых связей или военных набегов. Племенная верхушка нуждалась в предметах роскоши — шелк и камни, предметы утвари, изготовленные китайскими ремесленниками, — привлекали кочевников. Но выменивать эти дорогие вещи на собственную продукцию было невыгодно, легче было отнять силой. Набеги хунну на территорию Китая стали обычным делом, способом существования.

«Царский курган» эпохи хунну в Ильмовой пади. *Кяхтинский район*

Вспомогательную роль в хозяйстве хунну играли охота и рыбная ловля. Охотились с помощью лука и стрел, применяли копье или рогатину. Древко стрел изготавливали из березы, оперяли орлиными хвостовыми перьями, наконечники стрел изготавливали костяные, бронзовые или железные. Разнообразие их форм

Фото Бронислава Михайлова

и размеров определялось условиями охоты на различных животных (тупые наконечники предотвращали порчу шкурки). Охотились на оленей, косуль, степных лисиц, диких кабанов, лосей, зайцев, глухарей. Рыбу добывали с помощью крючков, гарпунов и сетей. Породы рыб характерны и для сегодняшних дней — таймень, ленок, хариус, лещ, щука, омуль, осетр.

Для передвижения использовались верховые лошади, легкие двухколесные китайские повозочки и массивные телеги.

Очень большой интерес у специалистов вызывают могильники племенной знати хунну. На территории Бурятии насчитывается несколько таких памятников. Могильник в Ильмовой пади, расположенный недалеко от г. Кяхта, смело можно называть грандиозным — здесь обнаружено до трехсот захоронений, среди которых встречаются и так называемые «царские» курганы.

Конструкции этих захоронений весьма оригинальны. На древней поверхности земли из крупных гранитных плит складывалась прямоугольная ограда размерами в среднем 15 х 15 метров (могильник в пади Царам также недалеко от Кяхты имеет курган размерами до 30 х 30 метров). С южной стороны к ней примыкала ограда в виде усеченного конуса длиной от 14 метров и более. Здесь находился спуск в могильную яму — дромос, разделенный продольной перегородкой. С северной стороны также прослеживалась короткая пристройка. Внутри ограды по всему периметру шел заполненный землей котлован, разделенный каменными стенками-перегородками (несколькими поперечными и одной продольной) на отсеки. Перегородки шли в глубь котлована до плах, перекрывающих сруб.

«Царский курган» эпохи хунну в Ильмовой пади. *Кяхтинский район*

Фото Сергея Конечных

Вход из обеих половин дромоса в отсеки основного сооружения был перекрыт вертикальными плитами сверху донизу. На дне ямы находилась погребальная камера, состоявшая из двух отсеков. В одну ее часть устанавливался дощатый гроб, в свободное пространство помещался жертвенный инвентарь. Гроб изнутри и снаружи обтягивался шелковой тканью.

Общим правилом погребального ритуала хунну было снабжение умершего пищей, кухонной и бытовой утварью. На могилах во время погребальной церемонии совершались обильные жертвоприношения. Захоронения проходили специальный обряд очищения огнем — возможно, при засыпке могилы из ритуальных костров, горевших вокруг нее, время от времени бросали внутрь тлеющие угли. Часто вокруг таких курганов расположены сопровождающие захоронения.

«Царские» курганы отличались большим богатством, и поэтому привлекали внимание грабителей с самых отдаленных времен. Сейчас археологам остается довольствоваться тем, что осталось от предыдущих «исследований». Но каждый из них не теряет надежды отыскать своего Тутанхамона.

Захоронения рядовых хунну отличаются от «царских» значительно меньшими размерами и иным устройством. На поверхности они обозначены небольшой кольцевой кладкой и западинами. Захоронения рядовых соплеменников, изученные

Из находок на Дырестуйском култуке — могильнике эпохи хунну
Раскопки С.С. Миняева
Джидинский район

Поясные бронзовые пряжки

Фото П. Иванова

Из находок на Дырестуйском култуке — могильнике эпохи хунну
Раскопки С.С. Миняева
Джидинский район

Бусы
Подвески

Фото П. Иванова

на Дырестуйском могильнике (Джидинский район), кстати, не потревоженные грабителями, содержали уникальные находки — бронзовые поясные пластины с изображениями животных или мифологических персонажей. Некоторые из них несли следы позолоты.

И этот памятник мог просто исчезнуть с лица земли, и никто никогда бы не узнал о том, какие удивительные вещи находились в земле. Союз песка и ветра — один из главных врагов археологических памятников Бурятии. Здесь же, в излучине реки Джиды, именуемой Дырестуйским култуком, в результате ветровой эррозии древние захоронения оказались почти на поверхности земли — в 5–10 сантиметрах от нее, в то время как обычно они уходят на глубину до двух метров.

Памятник был спасен благодаря совместной работе Научно-производственного Центра по охране памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Бурятия, Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева и Забайкальской археологической экспедиции Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург) под руководством С.С. Миняева.

Меньше повезло могильникам, которые находились на противоположном берегу реки Джиды — Гуджир-Мыгэ и Хара-Усу. О захоронениях там напоминают лишь остатки каменных кладок, культурный же горизонт полностью развеян...

Воинственность племенного союза привела к тому, что соседи объединились против него и в I в. н. э. разгромили. Часть хунну устремилась на запад, послужив толчком к великому переселению народов, некоторые остались и растворились среди новых завоевателей.

Всадники. Наскальные рисунки эпохи средневековья в местности Сарбадуй. *Джидинский район*

На заре новой эры

Раннее средневековье

Среди археологических памятников, относящихся к нашей эре, непременно следует упомянуть остатки двух средневековых усадеб монгольского времени в Мухоршибирском районе — уникальная для Бурятии находка! До нее считалось, что кочевники не строили постоянных жилищ, а здесь были зафиксированы даже фрагменты черепицы.

В Джидинском районе встречаются наскальные рисунки, выполненные охрой желтоватого оттенка — здесь изображены конные воины со шлемами-шишаками, фигурки верблюдов и многое другое.

И почти по всей Бурятии в различных укромных местах археологи часто находят захоронения монгольского времени — небольшие округлые каменные кладки.

Проблемы происхождения современных центральноазиатских народов — бурят, якутов, монголов, эвенков и других своими корнями уходят в прошлое. Много сведений о взаимоотношениях и истории древних племен может дать исследование археологических памятников.

От курыканской культуры, памятники которой сосредоточены возле Байкала, ведут свою родословную якуты и эвенки.

Активная дискуссия ведется вокруг происхождения бурятского народа, и все чаще в поисках истины обращаются к выводам археологов.

Фото Сергея Конечных

Булат ЗОРИКТУЕВ,
доктор исторических наук

Раннемонгольское и монгольское ВРЕМЯ

С середины VI в. до начала II тыс. н. э. территория по обе стороны озера (в ряде письменных источников названного Тенгисом) была занята тюрко-телескими племенами, среди которых наиболее значительными были курыкан и байырку (байегу). Курыканы обитали западнее Байкала и частично в Забайкалье. Они имели письменность, знали различные ремесла, основу их хозяйства составляли полукочевое скотоводство и земледелие. В составе курыканов находились вышедшие из Саяно-Алтая предки якутов, которые благодаря своему древнему племенному символу — тотему были известны окружающим народам под именем *марал*.

О народе байырку, который обитал к востоку от Байкала, китайские источники сообщают, что он являлся особым поколением *теле* и обладал развитой культурой. Байырку занимались скотоводством, земледелием и охотой, умели добывать железо.

После гибели жужаньского каганата и возвышения в Центральной Азии тюрков-тукю, что явилось важной вехой в истории Центральной Азии, территории Западного Забайкалья достигла группа монголов, почитавшая своим покровителем волка и называвшая себя его именем — *«чино»*. Приход монголов и совместное их обитание у Тенгиса (Байкала) с тюркоязычными племенами со временем оформились в предание о пришельце Бортэ-Чино и женщине Хоай-Марал, вошедшем в знаменитый письменный памятник «Сокровенное сказание» и другие источники по истории монголов, в устном виде и поныне бытующем в Бурятии. Старожилы рассказывают, что в давние времена из Монголии в Баргузин, спасаясь от беды, прибыл некто Бортэ-Чино. В Баргузине он жил

Фото Сергея Конечных

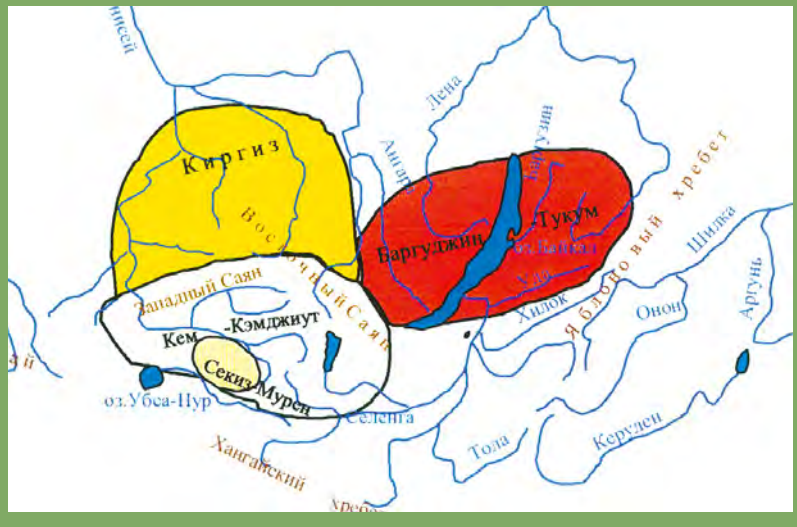
на склоне горы Бархан, на широком выступе, где до сих пор сохранились остатки древнего стойбища. Супругой Бортэ-Чино была красавица Хоай-Марал, ее имя упоминалось в местных шаманских призываниях.

Прибытие племени чино означало главное: Западное Забайкалье становилось землей монгольских племен. Живя у Байкала, монголы вступили в разнообразные связи с местным населением. Характер этих взаимоотношений нашел отражение в названии Баргуджин-Токум, означавшим «родственный Баргуджин». Так новопришельцы обозначили обретенную землю.

Позже, к середине IX века, племя чино осело в Трехречье — в Хэнтэйском районе Монголии у истоков Онона, Керулена и Толы, где стало основой формирующейся монгольской народности. Западное Забайкалье в то время было заселено монголоязычным населением. Упоминаемые в начальных параграфах «Сокровенного сказания» имена Хорилартай-мэргэн и Баргудай-мэргэн являются олицетворенными названиями племен хори и баргут, которые составляли главные этнические группы названного региона, укрепляли и развивали установившиеся связи с собственно Монголией. Большое значение имел брак между одним из предков Чингисхана Добун-мэргэном и женщиной из племени хори Алан-Гоа.

В эпоху Чингисхана происходит наибольшее сближение Прибайкалья и Монголии. В это время монголы названием Баргуджин-Токум обозначали не только восточную сторону Байкала, низовья Селенги, долины Уды и Баргузина, но и западную: верховья Ангары и Лены, где они появились в X–XI вв. после ухода отсюда тюркоязычных курыканов на Среднюю Лену. Ве-

Территория средневекового Баргуджин-Токума



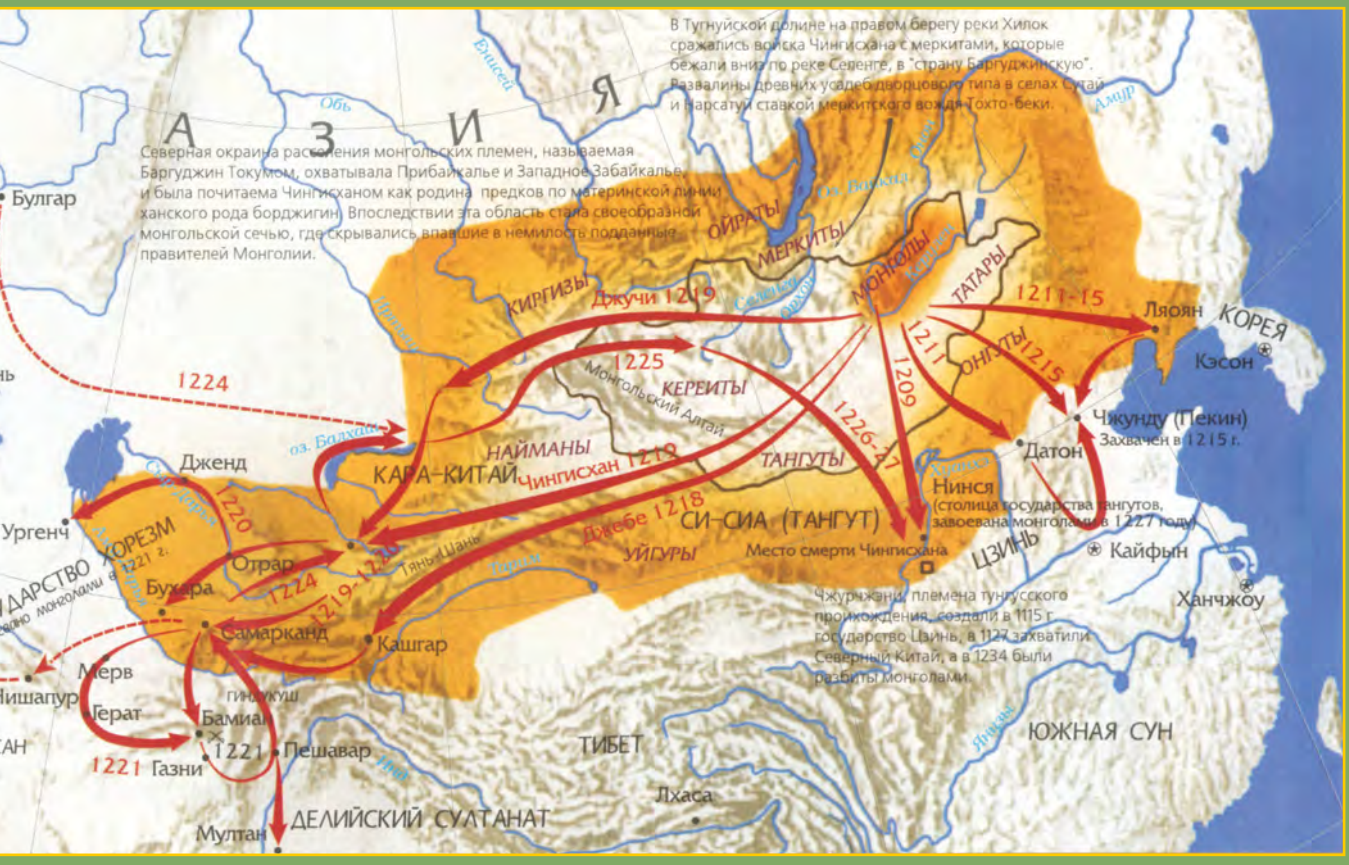
дущими племенами Предбайкалья были булагат и эхирит, которые в памятнике по истории монголов XIII в. «Сборник летописей» обобщенно названы булагачин и кэрэмучин («соболевщики» и «белковщики»). Обитатели Баргуджин-Токума относились к числу лесных монгольских племен, и по роду своей хозяйственной деятельности делились на две группы. В первую входили охотники, ко второй группе относились кочевые и полукочевые скотоводческие племена.

Около 1201 г. племена Баргуджин-Токума подчинились нарождавшемуся централизованному Монгольскому государству. Это подтверждается совокупностью летописных данных, в частности точно засвидетельствованным фактом приезда в Баргуджин-Токум послов Чингисхана, которые получили от предводителя местных племен Кадан-Айин согласие о признании власти Чингисхана и заключили с ним равноправный и дружественный союз. Выходцы из Баргуджин-Токума активно участвовали в военно-политической жизни державы монголов и вносили свой вклад в его становление и укрепление. Они несли службу в воинских частях, занимали высокие административные и войсковые должности, принимали непосредственное участие в походах.

В 1207 г. монголами были покорены народы Саяно-Алтая. Содержащийся в «Сокровенном сказании» термин *бурят*, обычно отождествляемый с названием народности *бурят*, в действительности был наименованием протекающей близ верховий Енисея реки Бурят, где со своим войском побывал Джучи. В XIII в. бурятской народности и, соответственно, этнического названия *бурят* не существовало.

Вторжение монголов на Енисей вызвало ответные вооруженные выступления со стороны местного населения. Особенно упорно сопротивлялось племя тумат, в «Сокровенном сказании» названное хори-тумат. Так как в этом словосочетании есть слово «хори», то некоторые ученые считают, что с монголами вели борьбу хоринцы Баргуджин-Тукума. Однако вероятнее, что монголам противостояло тогда тувинское племя тумат, и его вооруженная борьба явилась продолжением тех событий, начало которым положил поход Джучи. Название хори-тумат осталось в «Сокровенном сказании» как воспоминание о том периоде, когда к забайкальским хоринцам в качестве союзника примкнуло пришедшее из местности Секиз-мурэн (долина Малого Енисея) племя тумат. О туматах известно, что они были потомками древнего тюркского племени дубо, известного с середины I тыс. н.э. западнее озера Хубсугул; самоназвание тума(т) является фонетической разновидностью этнонима дубо (туба). Хори-туматский союз распался задолго до появления Чингисхана, примерно в IX в. В начале XIII в. туматы обитали на своей исконной родине в Секиз-мурэне, где и были застигнуты монгольским вторжением.

Следующий этап истории Прибайкалья совпадает с периодом феодальной раздробленности Монголии. В это время, когда страна распалась на ряд самостоятельных частей, связи между Прибайкальем и собственно Монголией ослабли. В XVI в. государство монголов на севере охватывало лишь часть Забайкалья. Границы вновь образованных халхаских уделов прошли по реке Хилок, по линии размежевания лесных и степных племен. В результате вся территория бывшего Баргуджин-Току-



Монгольские завоевания в период правления Чингисхана (1206–1227)

Империя Чингисхана.1227 г.

Граница ханства

Направления движений монгольских войск

Маршруты Субэдэя и Джебе

Главные сражения

ма оказалась вне пределов Монголии, что не могло не сказаться на характере взаимоотношений этих двух регионов. У удельных монгольских князей, занятых междоусобной борьбой и сугубо внутренними проблемами, понятие «Баргуджин-Токум» («родственный Баргуджин») потеряло свой первоначальный смысл и было предано забвению. Отношения партнерства, господствовавшие в предыдущие периоды, со стороны монгольских феодалов были подменены стремлением превратить Прибайкалье в подвластную территорию, а обитавшее там население поставить в положение данников. Такая ситуация сложилась к XVII в.

В самой Монголии одним из основных итогов ее развития в послечингисову эпоху явилось образование в XVI в. халхаской народности, что означало вступление Северной Монголии на самостоятельный путь развития.

Сначала консолидационные процессы развились в Предбайкалье. Они привели к возникновению союза племен, который, как и у многих других народов, предшествовал образованию народности. Поэтому историю собственно бурятского народа следует рассматривать с XVI в. Потребность в объединении диктовалась соображениями обороны и захвата кыштымов. В этот компактный союз не входили хоринцы, родиной которых преимущественно являлось Забайкалье. К тому же они на протяжении значительной части XVI в. находились в отдаленных районах Восточной Монголии.

Племенное объединение предбайкальцев называлось бурат. Данный термин в качестве их общего наименования упоминается в ойратских, узбекских, тибетских, русских письменных источниках XVI–XVIII вв. Важно отметить, что в настоящее время среди урянхайцев Западной Монго-

Чингисхан на охоте
Китайская миниатюра на шелке

Ставка монгольского войска. *Рисунок европейского художника XV в.*

лии есть род бурат, который, согласно их преданию, некогда отделился от бурят, а сами урянхайцы, как и большинство монголов Внутренней Монголии КНР, бурят и сейчас называют бурат. В союзе главную консолидирующую роль играли булагаты и эхириты, поэтому буратами первоначально называли себя они. Об этом можно судить по записям исследователей XVII – первой половины XVIII в. и данным бурятского фольклора.

Бытование в Предбайкалье по меньшей мере до середины XVIII в. одной только формы бурат позволяет заключить, что она была праформой существующего ныне этнического названия бурят. В основе бурат лежит монгольское слово *бура* (лес), которое с суффиксом *-т*, обозначающим групповую совокупность людей, означает «люди леса». Содержание этого термина адекватно понятию «лесные племена», которым степные монголы издавна именовали население по обе стороны Байкала.

У других народов название «бурат» бытовало в своем подлинном звучании. Исключение составляли хакасы и пришлые русские. Но не подлежит сомнению, что и хакасское *пырат*, и русское *брат* являются измененным по созвучию на свой лад словом «бурат».Слова *пырат* и *брат* не могли возникнуть от бурят, потому что западнее Байкала ко времени прихода русских устойчиво сохранялось название *бурат*.

До прихода русских племенной союз предбайкальцев был заметной силой на юге Сибири. Бураты брали дань не только от своих ближайших кыштымов, живших на Бирюсе, Уде, Чуне, Вихоревой и других местах, но и совершали объединенные военные экспедиции до Кана и Среднего Енисея, где взимали дань с племен аринов, коттов, ассанов, камасинцев.

В начале XVII в. расселение основных племен Прибайкалья выглядело следующим образом: по Ангаре и ее притокам жили булагаты, южнее и левее их, по долинам Иркута, Китоя и Белой, располагались хонгодоры. Верховья Лены занимало племя эхирит. В Забайкалье, по Уде, обитали возвратившиеся из Восточной Монголии *хоринцы*. Южнее их, от реки Хилок, начиналась территория Халхи.

С началом проникновения русских, в 30-е гг. XVII в., Прибайкалье вступило в новый, российский этап своей истории. Установление в 1727 г. официальной русско-китайской границы, развившаяся общность экономической жизни, сложение единой феодализированной системы управления и другие факторы способствовали стабилизации этнического состава населения, усилению процесса консолидации, вовлечению в орбиту объединительных тенденций хоринцев и монгольских этнических групп Забайкалья. Это не могло не ускорить формирование на базе племенного союза предбайкальцев новой этносоциальной общности более высокого уровня — народности, располагавшейся на обеих сторонах Байкала. Этноним *бурат* приобрел форму *бурят*, которая в качестве названия единой народности объединила все население Предбайкалья и Забайкалья. Окончательное сложение бурятской народности относится к началу XIX в.

НА ЗЕМЛЕ ГЭСЭРА

По материалам международной конференции,
посвященной 1000-летию бурятского эпоса

Героический эпос «Гэсэр» существует по крайней мере тысячелетие. Его по праву считают одним из наиболее значительных произведений мирового героического эпоса, справедливо называя «Илиадой Центральной Азии». Эта грандиозная поэма распространена от тропической реки Ганг до холодного Амура, от солнечной Хуанхэ до сумрачной Лены. Эту поэму поют сказители с древнейших времен до наших дней. Их голоса звучали и звучат в Тибете, в степях Монголии и Бурятии, в сибирской тайге.

История и культура бурят неразрывно связаны с культурой и историческим развитием монгольского мира, занимавшего с древности обширные районы Центральной Азии. Территория проживания бурятских племен составляла неотъемлемую часть этого мира и в древности, и в средневековье, и в Новое время. И эпос этих народов в прошлом был общим, а Гэсэр — общим героем. Вот почему Гэсэр стал национальным эпическим героем Бурятии. Основные сюжетные линии этого эпоса общие во всех версиях «Гэсэриады» — и тибетских, и монгольских, и корейских, и бурятских...

Ч. Шонхоров. **Иллюстрации к бурятскому народному эпосу «Абай Гэсэр-Богдо-хан».** *1993 г.*

Бурятский «Гэсэр» сохранил до сего времени наибольшую первозданность, своеобразие и поэтичность. Он бытовал всегда в нескольких вариантах, каждый вариант состоял из девяти «ветвей». Сказители, называемые гэсэршинами, рассказывали собравшимся в юрте бурятам сказание только ночью, по одной «ветви» за ночь, прерываясь в самом интересном месте. Все это рассказывание продолжалось десять ночей подряд. Гэсэршины не просто рассказывали — тут были элементы повествования, декламации и более всего — пения. Сказители обладали феноменальной памятью, помнили наизусть тысячи стихотворных строк и таким образом донесли художественное сокровище до наших дней.

Обнаружение бурятских версий «Гэсэра» стало крупным открытием российского востоковедения. В конце XIX — начале XX века был выявлен целый ряд бурятских селений и районов, где эпический памятник, известный у других народов в письменных списках и публикациях, продолжал бытовать в устной традиции и сохранять свое место в духовной жизни народа. Русский перевод эпического сказания «Абай Гэсэр-Богдо-хан», записанный известным бурятским этнографом и фольклористом М.Н. Хангаловым со слов народного рапсода Петкова-Тушемилова и своего отца Николая Хангалова, был опубликован в 1893 году знаменитым русским путешественником Г.Н. Потаниным во втором томе описания его путешествия в Центральную Азию в 1884–1886 гг.

Г.Н. Потанин много занимался изучением «Гэсэриады». Он делал записи поэмы о Гэсэре на русском языке через переводчиков, которые передавали ему, слышанное из уст народных сказителей в Монголии и Тибете. Кроме того, Потанину удалось, будучи в Амдо, приобрести экземпляр тибетской «Гэсэриады», который в настоящее время хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

Бурятские варианты сказания о Гэсэре открываются «небесным прологом». Там представлен пантеон высших божеств шаманизма, состоящих из 99 небожителей — тэнгриев. Последние делятся на два враждующих лагеря – 55 западных тэнгриев и 44 восточных. Во главе западных добрых и светлых тэнгриев стоит Хурмаса Тэнгрий (вариант — Хан Хурмас), а 44 восточных злых и темных тэнгриев возглавляет Атай Улан Тэнгрий. Борьба между западными и восточными тэнгриями происходит в виде одиночных поединков Хана Хурмаса и Атай Улана, их сыновей, а также групповых сражений баторов-небожителей. Причиной раздоров служит либо соперничество за женитьбу сыновей Хурмаса и Атай Улана на дочери Срединного Неба Тэнгрия, либо за подчинение каждой стороной всего Срединного Неба.

В поединке Хан Хурмас разрубил побежденного на куски, и куски эти побросал вниз на землю. На земле из каждой части поверженного и разрубленного образовались злые чудовища и мелкие бесы, вообще всякая нечисть и всякое зло. Бесы и бедствия завоевали землю.

Богатая жизнь стала бедной,
Жирная жизнь стала скудной,
За что ни схватятся люди — вредно,
За что ни возьмутся люди — скучно.

Болезни, о которых никто не знал,
Людей косят,
Болезни, о которых никто не слыхал,
Стада косят.
Люди плачут и голосят.

Небожители спохватились и собрались на совет во главе с главным небожителем Эсэгэ-Маланом. Оказывается, кому-то нужно спускаться на землю, избавлять людей от несчастий и бедствий. После споров старенький Эсэгэ-Малан решил:

— Виноват во всем Хан Хурмас.
Пусть он сам на землю спускается.
Пусть он сам во всем разбирается.
Пусть как хочет он, так и действует,
Но закроет дорогу бедствиям.

Освободить земные народы от зла, ниспосланного небожителями, берется средний сын Хана Хурмаса по имени Бухэ-Бэлигтэ:

Говорит (он) отцу без лишних слов:
— Я на землю спуститься готов.
Если принесли мы народам зло,
Если напустили множество бедствий,
Время искупать вину пришло,
Время пришло не слов, а действий...

Но оказывается, небожителю надо не просто спуститься на землю. Он должен воплотиться в человека, родиться от земных родителей, вырасти и потом уж приняться за свои дела. Об этом — рождении будущего героя в бедной избушке, о детстве, юности, возмужании его, о совершении им всех его подвигов, об избавлении людей от несчастий, бедствий, от зла и рассказывает эпическая поэма «Гэсэр».

К богатырю тянутся все нити действия эпоса. У него небесные и земные родители, тридцать три богатыря и три тысячи воинов. Богатырь проводит жизнь в седле. Он часто и подолгу находится в чужих краях, встречается с множеством разных людей, человекоподобными существами (мангадхаями), олицетворяющими непознанные или враждебные силы. Богатырь встречается и вступает в единоборство последовательно с несколькими противниками, при этом сила и коварство его врагов возрастают с каждым разом, от встречи к встрече.

Когда Гэсэр (под таким именем был воплощен в человека Бухэ-Бэлигтэ) совершил все подвиги, настала пора возвращаться ему на небо. За ним прилетел небесный гонец Эрлиг-Хан.

Эрлиг-Хан торжественно начал,
Хлебосольства дары приемля:
— Ты исполнил свою задачу,
Для которой послан на землю.
. . . . . .
А теперь,
Когда на земле порядок и мир царят,
Пора тебе возвращаться назад.
На рассвете,
Пока не взойдет еще солнце,
Мы с тобой с земли унесемся.

Без тебя
Они будут рассвет встречать,
Без тебя
Они будут детей качать,
Без тебя
Они будут есть и пить,
Без тебя
Они будут жен любить,
Без тебя
Они будут скот пасти,
Без тебя
Они будут жизнь вести.

Но Абай Гэсэр, пока жил на земле и освобождал ее от всякой нечисти, пока спасал людей от несчастий и бедствий, успел полюбить эту землю и людей, населяющих ее, и на небо возвращаться ему вовсе не хотелось.

У Абая Гэсэра сердце забилось,
У Абая Гэсэра в глазах помутилось,
Дрожью он начал дрожать,
Посыльному внемля,
Не хочет он покидать
Прекрасную землю.

Гэсэр пошел на хитрость, так наугощав и напоив небесного посланника, что тот едва-едва дополз до постели.

Наутро Эрлиг-Хан возвратился один на небо, забыв Гэсэра на земле.

На любимой земле цветущей,
И людей и зверей кормящей,
Табуны и стада пасущей,
Родниковой водой поящей,
Стал по-прежнему мирно жить,
Для народов защитой быть...

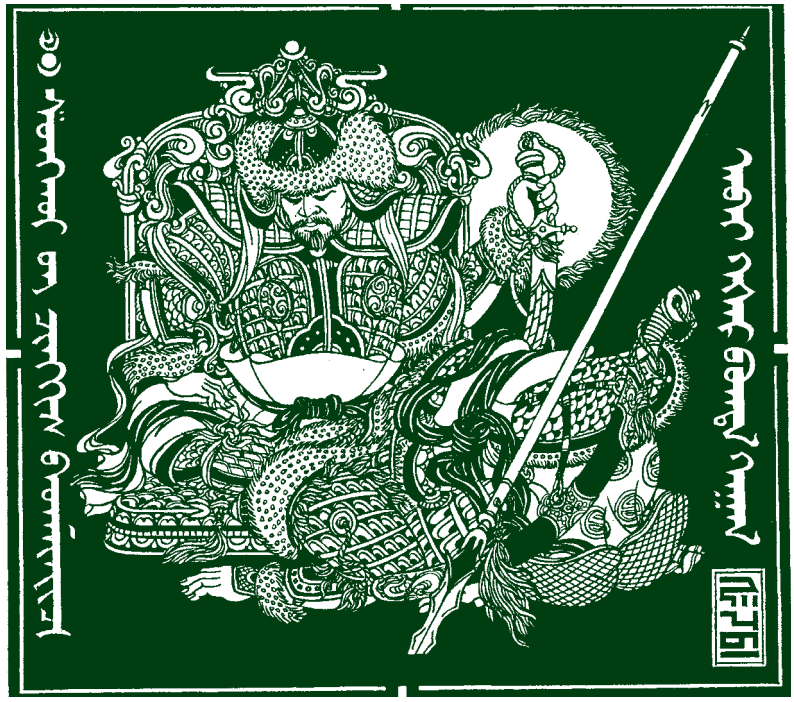
Куда бы ни забрасывала героя судьба, как бы ни были продолжительны его странствования, сколь ни тяжелы испытания, Гэсэр всегда с неизменным постоянством, верный заветам веры и интересам отечества, возвращается в родные пределы и останавливает бег своего верного гнедого скакуна у порога отчего дома.

Эпическая родина богатыря «на дальней восточной стороне» — страна Гэсэра — у каждого сказителя своя. Рассказывая о подвигах богатыря, гэсэршины нередко переносили действие в знакомые для слушателей места, упоминали местные названия гор и рек, вводили региональные устные рассказы о силачах, приравнивая их к эпическим баторам.

Вот почему еще Гэсэр одновременно так близок родственным народам. Все они — тибетцы, монголы, буряты, тувинцы и алтайцы — считают родиной Гэсэра свою родину. Потому и бурятские версии «Гэсэра» — это национальное достояние народа, по-своему оригинальные и самобытные.

Гэсэр — не только центральный герой бурятского героического эпоса, но и самый популярный персонаж всего фольклора бурят. Буряты всегда любили свой эпос, именами героев называли детей, устраивали спортивные игры в честь славных баторов, поклонялись заповедным местам. В Республике Бурятия такие места находятся в Саянах, в долине горной реки Оки.

Окинское плоскогорье представляет собой как бы Тибет в миниатюре. И сегодня здесь



Ч. Шонхоров. **Иллюстрации к бурятскому народному эпосу «Абай Гэсэр-Богдо-хан»**

можно услышать легенды, связывающие подвиги Гэсэр-хана с местными горами.

Восточнее села Хужир, на правом берегу Оки находится вершина Хан-ула. По преданиям, на самой высокой речке этой горы находятся стрелы Гэсэра. В другом варианте этой легенды, там хранится меч Гэсэра, который видели два местных старика. По их словам, меч мог принадлежать только батору, потому как длина меча около 8 метров, ширина клинка 12 сантиметров.

Вершина Тараг-шулун расположена на правом берегу Оки, напротив села Хужир. На вершине высится останец, который хорошо виден со всех сторон расстилающейся под ним Хужирской долины. В народной памяти этот останец служит сэргэ-коновязью сказочного коня Гэсэра.

Скала Улан-шулун находится на левом берегу Оки, выше урочища Сайлаг. Скала Улан-шулун выложена породами с красноватым оттенком. В ненастную погоду она из красновато-оранжевого пятна постепенно превращается в багрово-красное, и этим цветом окрашивается все ущелье. По преданиям, скала стала такой от крови, пролитой Гэсэр-ханом и его богатырями в битве с Гал-Нурманом.

От вулкана Перетолчина, по-бурятски называемого Альбинэй болдог («Холм демона, злого духа»), тянется шлейф лавы длиной около 50 километров. Лава, сползая с горы, застыла черными туфами по долине реки Жомболок, от впадения ее в реку Оку до местности Обоото. По местному поверью — это остатки дворца Гал-Нурман хана. Дворец этот якобы расплавился от стрелы Гэсэра и превратился в лавовый поток.

На левом берегу Сенцы, рядом с улусом Шаснур, лежит большой камень останец. По легенде, Гэсэр вез большой самородок золота и для равновесия приторочил этот камень. По другой версии, Гэсэр-хан вез голову чудовища-мангатхая.

Жители Окинского района Бурятии с гордостью называют свои отчие места краем Гэсэра, его «тоонто нютаг» — малой Родиной. Согласно народным преданиям, Гэсэр и его баторы превратились в каменные изваяния на вершинах Саянских гор, чтобы охранять мирную жизнь людей и красоту первозданной природы.

Издавна славится своей самобытной фольклорной традицией соседняя Тункинская долина. Из Тунки вышли такие прославленные гэсэршины и сказители, как Майсан Алсыев,

Дарма Забанов, Арабдан Онгорхоев, Сороковиков-Магай, Санжа Матуев. Здесь сказания о Гэсэре бытуют и в настоящее время, составляя неотъемлемую часть современного бурятского фольклора.

Сказители при воспроизведении эпического текста, который переняли от предшественников, не передавали его в неизменном виде, по-своему варьировали его, приближая свой вариант к интересам слушателей нашего времени.

Но какой бы феноменальной памятью ни обладали сказители, все равно за века накапливались «разночтения», так что фольклористам и ученым Бурятии пришлось провести громадную работу по изданию сводного текста «Гэсэра». В этой работе неоспорима заслуга видного бурятского драматурга Н.Г. Балдано, который более пятнадцати лет напряженного труда отдал изучению и сличению различных вариантов «Гэсэра». Именно он создал основу для того, чтобы героический эпос бурят стал достоянием России. Бурятский народный героический эпос «Гэсэр» в художественных поэтических переводах писателей Семена Липкина и Владимира Солоухина появился на русском языке. Он издан в двух томах — в 1968, 1973 годах (издательство «Художественная литература»), затем в 1986 году в Улан-Удэ и в 1988 году в Москве.

Величественное творение — героический эпос «Гэсэр», ярко воплотивший в себе идеал народного богатыря, поборника правды и справедливости, давно уже перестало быть только фактом устного народного творчества и вошло неотъемлемой частью в культуру Бурятии. Балет «Сын земли» Ж. Батуева, циклы иллюстраций А. Сахаровской, Ч. Шонхорова, Д. Пурбуева, «Эпическая поэма» композитора Б. Ямпилова — таков неполный список произведений, созданный деятелями искусства и литературы Бурятии на основе «Гэсэра». В своем творчестве к образу эпического героя обращались и будут обращаться бурятские художники.

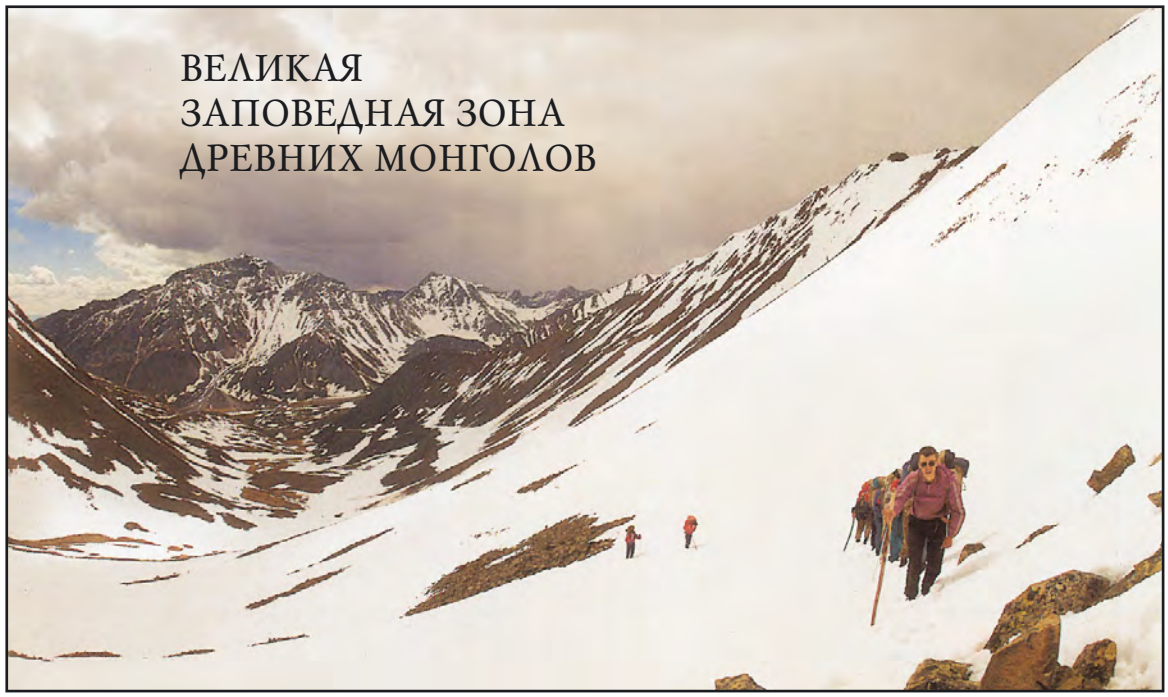
Восточные Саяны в Окинском районе Бурятии. Здесь, по преданию, совершал свои подвиги богатырь Гэсэр

Мой крик, подхваченный долгим горным эхом, замирает вдали. Кто-то из ребят — отсюда не различить кто — оборачивается, прощально машет рукой, дескать, не волнуйся, все будет в порядке. Группа исчезает в зеленой чащобе Хамар-Дабанской тайги. Я же долго стою на скалистом гребне. Где-то там, за горизонтом, серебряная чаша Байкала, а ближе к вершине Хамар-Дабана — искусственный каменный курган, невесть когда насыпанный племенами окрестных мест, уже восемь веков почитаемый обо Чингисхана. Именно туда, к сакральному месту древних бурят-монголов, стремились мы давно, составляли планы, намечали маршруты.

ИХ-ХОРИГ —

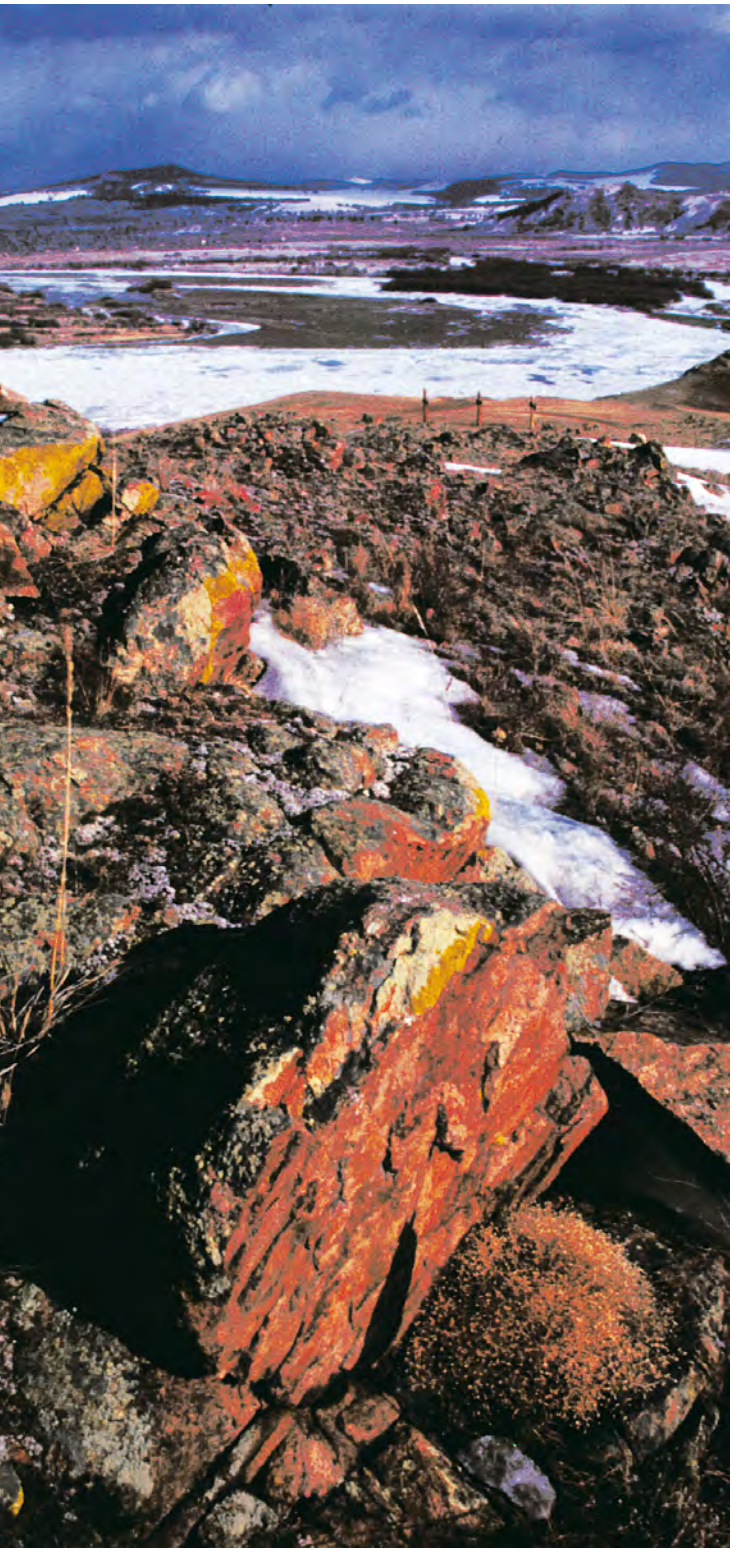
ВЕЛИКАЯ ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ

Чингис ГОМБОИН



И вот мы на его подступах. Решили, что разбиваем основной лагерь в верховьях речки Убукун, чуть в стороне от некогда торной, теперь заброшенной трассы Бабушкин — Гусиноозерск. Говорят, что именно тут пролегал в древности торговый путь. Приходилось видеть карту, где намечена трасса будущего газопровода с Ковыктинских месторождений газоконденсата в Китай; если таковая осуществится, она пройдет по этим местам. Со стоянки — в пеший поход к обо Чингисхана, на что уйдет минимум два дня. Четверка моих спутников уходит в маршрут. Можно было выбрать путь полегче, но наша задача — выйти к заветному месту со стороны Байкала по речке Большой, чтобы на будущее наметить тропу для экотуризма.

Сейчас главным в нашей группе становится картограф Феликс Болдохонов, за свою жизнь исходивший тысячи километров по просторам России, Белоруссии, Бурятии. Уходят в маршрут фотограф, кинооператор Геннадий Егерь, архитектор по профессии и геосенсограф (проще говоря, лозоискатель) по природному дару Геннадий Червяков и аспирант Максим Власов. Есть еще один профессионал-восходитель, историк, участник многих научных археологических экспедиций Анатолий Жалсараев.



Мне тяжеловато будет в сложном, по стланику, по каменным россыпям, крутым склонам, переходе, потому остаюсь на таборе у машины. Поднялся с ребятами до первой гряды, еще раз убедился в верности своего решения — дальше мог бы стать обузой для группы. Присели перед пусть не столь дальней, но трудной дорогой. Кажется, все уже обговорено в деталях, все же на правах руководителя еще раз напоминаю: первая наша экспедиция ознакомительная, никакой самодеятельности, ничего не трогать, соблюдать все ритуалы, о чем нас наставляли шаманы перед поездкой, нанести на карту объекты, зафиксировать на фото- и кинопленку.

Следующие наши экспедиции будут более основательными. С участием археологов, ботаников, биологов с тем, чтобы провести научное описание. объекта, составить обоснование для создания в районе «Обо Чингисхана» особоохраняемой природной территории. По многим данным, в его окрестностях немало видов растительного и животного мира, занесенных в Красную книгу. Отсюда берут начало множество рек и речушек, впадающих в Байкал через Селенгу с южных склонов Хамар-Дабана и напрямую в Священное море — с северных.

По некоторым источникам, многие места этнической Бурятии, в частности долина Селенги, отроги Хамар-Дабана восемь столетий назад были объявлены Великой заповедной зоной Их-хориг, ибо здесь была родина Чингисхана и его предков, здесь хоронили великих ханов золотого рода, ближайших потомков Чингиса, возможно, и Хубилая, императора Китая, а некоторые места заповедной зоны стали местами поклонения духам предков. Таковым является и обо Чингисхана.

Теперь несколько слов о понятии «Их-хориг». По Джасаку (закону) самого Чингисхана, примерно с 1212 года, когда, по преданию, великий хан совершил поездку к Ариг-Ус (Байкалу) по долине Селенги, где он ранее сокрушил племя меркитов, похитивших его любимую жену Бортэ, эти земли были объявлены «Их-хориг» — Великим запретом. Помимо географического понятия, «Их-хориг» означает и «хэлэни хориг» (хэлэн — язык, речь), то есть табу на информацию об этих местах, также «хэрэги хориг» (хэрэг — дело, деятельность), иначе говоря, запрет на определенный род деятельности. Так, по долине Селенги запрещалось землепашество, хотя до 1212 года тут выращивали хлеб (просо), что подтверждается археологическими находками, топонимами. Под запрет попало и строительство городов, укреплений (балгас), хотя таковые тут раньше имелись. В частности, город-укрепление меркитов Шара-Тэбсэк, его развалины.

Но самое примечательное — в Их-хориг повелением великого хана была запрещена облавная охота! Она ведь велась не только для добычи зверья на пропитание, но и для оттачивания военного мастерства, обучения воинов. Парадокс великого полководца: Чингисхан, почитавший превыше всего воинское искусство, умение сражаться, вдруг объявляет места

своих предков Буртэ-чино и Гоа-марал зоной умиротворения, гармонии, согласия.

Именно тогда, в июле 1998 года, на вершине Хамар-Дабана, поблизости от обо Чингисхана, по-новому представились некоторые стороны моего и моих единомышленников культурно-исторического проекта «Их-хориг — заповедная зона монголов XIII–XV веков», которым занимаюсь более трех десятков лет. Толчком для поисков стали рассказы моего отца Доржи Гомбоевича, в свою очередь услышанные им от своего отца Гомбо Галсанэ, человека для своего времени образованного, бывшего в начале века писарем-секретарем Цугольской волостной управы Забайкальской области, знакомого с русскими учеными. Кстати, за помощь в работе Агинской экспедиции Куломзина в 1900-х годах дед был удостоен медали. Так вот он, по рассказам моего отца, утверждал, что Чингисхан был похоронен в «тоонто-нютаг», на месте своего рождения — на реке Онон близ горы Делюн-Болдок, в местности Ихэ-Арал.

В шестидесятых годах я учительствовал в селе Кункур Агинского автономного округа. Село это расположено в нескольких километрах от Ихэ-Арала, где, по преданиям, родился Темучин, создатель Великой монгольской империи. Конечно, местные жители знали легенды и предания о месте рождения Чингисхана.

Впрочем, есть записанные учеными, опубликованные в научных изданиях. Вот одна из них, записанная со слов Эринчи Сайсанова, проживавшего в 1920-е годы в Эрэни-Ольском сомоне Адун-Челонского хошуна Агинского аймака. Она была опубликована в 1927 году в сборнике под названием «Бурятская легенда о Чингисхане в связи с названием местностей Забайкалья и предельной Монголии». Написано следующее: «От Есукея, от олсонутки Хиһулан (сохраняю орфографию, транскрипцию оригинала. По-современному — Оулэн) в 1160 году на берегу Онона немного выше с. Чиндант (Шиндан) у подножия горы Делюн-Болдок, что находится в трех верстах от Кучуевского караула, родился великий Темучин, впоследствии известный под именем Чингисхана. По легенде выходит, что Забайкалье является родиной Чингисхана, также ареной его первых военных подвигов по покорению монгольских племен и родов.

Рассказывают, что Темучину пришлось вести упорную и продолжительную войну с родными хори-туматами для подчинения под свое владычество, так как они после смерти Есугея-багадура «не ужились вместе и разбрелись в разные стороны...».

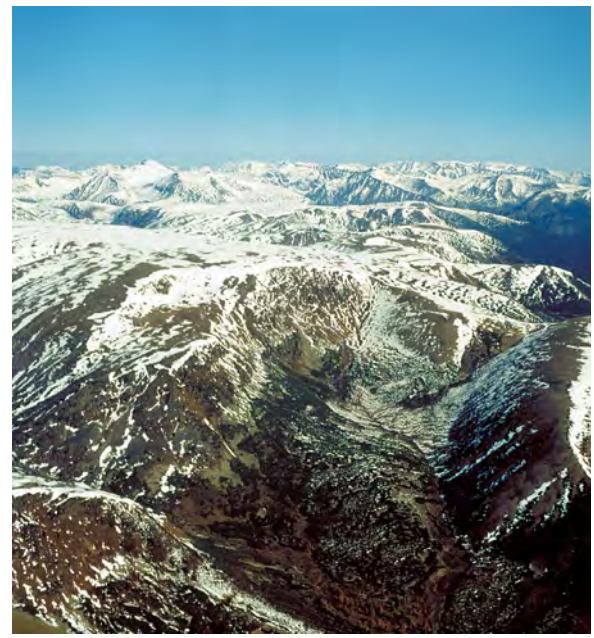


Фото Сергея Конечных

На Делюн-Болдок, Ихэ-Арал, как место рождения Темучина, указывается и в «Сокровенном сказании» («Тайная история монголов»), написанном спустя 13 лет после кончины Чингисхана в 1240 году. Но если известно «тоонто» великого хана, то мы мало знаем о месте его последнего земного пристанища, кроме одного — захоронен в родовых своих угодьях. И ничего конкретного. Хэлэни хориг — табу на информацию! И вот в 1965 году неподалеку от Делюн-Болдока, правда, в правобережье Онона, у меня произошла встреча, даже с легким налетом мистики. До этого и после я ни разу не встречал своего собеседника, чей рассказ весьма повлиял на дальнейшие поиски. Встретился я с ним на рыбалке. Странно, что я, обычно не очень разговорчивый с незнакомыми людьми, разоткровенничался тогда со стариком (впрочем, таковым он мне показался из-за тогдашней моей молодости). Рассказал и о своем увлечении историей монголов, личностью Чингисхана. Поделился мечтой выяснить место его захоронения, заметив, что оно может оказаться и в этих самых местах на Ононе.

При этих словах глаза старика сверкнули, и он очень убежденно сказал, что я прав в своих предположениях. Он прямо на песке набросал что-то вроде схемы и рассказал, что тело великого хана его полководцы доставили на Онон, построив временную плотину, отвели русло реки. На обнаженное каменное дно опустили в саркофаге из горного хрусталя тело Чингисхана, затем снова пустили воды Онона по старому руслу...

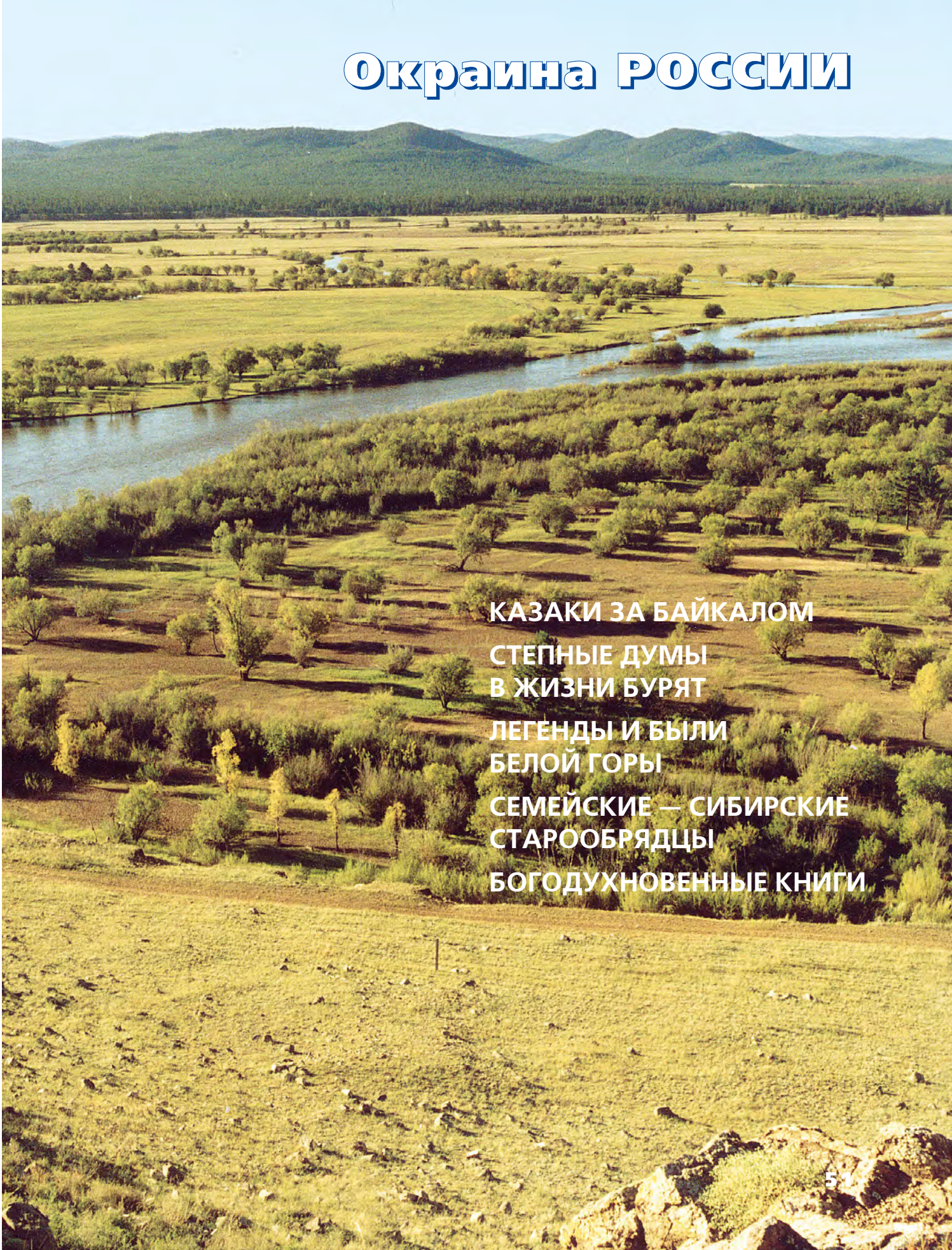
Много воды утекло в Ононе с той встречи, и мои смутные догадки, подкрепленные или благословленные, как хотите, словами моего случайного собеседника, постепенно выстраивались в рабочую гипотезу, которая меня увлекла на всю жизнь. Особенно активизировался я в своих изысканиях в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, когда на территории современной Монголии развернула работы по поискам захоронения Чингисхана совместная монголо-японская экспедиция. Несмотря на то, что при поисках была использована самая современная техника, они не увенчались успехом.

Да и не могло быть иначе, думалось мне. Как говорят китайцы: трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Думалось мне: надо искать захоронение и на территории этнической Бурятии — на берегах российской части Онона, в долине Селенги, предгорьях Хамар-Дабана поблизости от Ариг-Ус, Байкала. Это и послужило обоснованием уже упомянутого проекта. Суть его, помимо уже сказанного, заключается также в том, что мы, нынешние бурят-монголы, являемся потомками Буртэ-чино и Гоа-марал и имеем отношение к Чингисхану ничуть не меньше, чем другие монголоязычные народы, если не больше. Утверждаю, что именно здесь, в этнической Бурятии, находится Их-хориг — Великая заповедная зона монголов XIII–XV веков. Тут на родовых землях своих предков завещал Чингисхан похоронить его и в дальнейшем — ближайших его потомков из золотого рода. На поиски этих предполагаемых захоронений и нацелены усилия членов экспедиции проекта «Их-хориг. Великий запрет». Из разных источников — ксилографов на старомонгольской письменности, отписок русских землепроходцев своим воеводам и царю-государю, изучения топонимов, гидронимов, устных легенд и преданий, знакомства с зарубежными изданиями на эту тему, штудирование книг бурятских ученых, писателей, краеведов, коих за последнее время увидело свет немало, накопилось обширное досье. Сведения эти стали ориентирами для наших поисков...

Байкальская Сибирь, Великая заповедная зона предков Их-хориг! Века прошумели над этой благодатной землей, принося ее насельникам немалые потрясения, испытания, надежды на будущее. Много тайн хранит эта земля. Об этом думалось мне на вершине Хамар-Дабана. Еще думалось, что не зря наши предки объявили эти земли заповедной зоной. Были в истории за эти восемь прошумевших столетий великие войны, потрясения. Но в целом Их-хориг сумел избежать крупных катаклизмов. Даже в период распада Монгольской империи, во времена междоусобных войн. И в XVII веке, когда бурят-монголы перешли в подданство белого царя, тоже не было кровопролитных войн. Разве что год 1917-й принес в Их-хориг гражданскую войну.

Но уроки истории не проходят даром. Не зря, думается, зона Их-хориг сегодня входит в список участков мирового наследия, становится моделью устойчивого развития.

Окраина РОССИИ



КАЗАКИ ЗА БАЙКАЛОМ

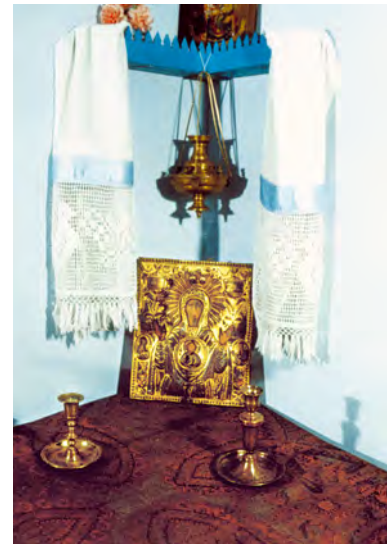
СТЕПНЫЕ ДУМЫ В ЖИЗНИ БУРЯТ

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ БЕЛОЙ ГОРЫ

СЕМЕЙСКИЕ — СИБИРСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

БОГОДУХНОВЕННЫЕ КНИГИ

КАЗАКИ ЗА БАЙКАЛОМ



Русские впервые появились в Забайкалье в 30-х годах XVII века. В 1638 г. енисейский отряд подьячего Максима Перфильева первым побывал в Забайкалье. В 1644–1647 гг. казачьи отряды под предводительством Василия Колесникова, Ивана Похабова (первый обошел Байкал с севера, второй пробрался по льду) пробрались в Забайкалье и получили сведения о богатых серебряных рудниках. С этой поры казачьи отряды обходили Байкал с севера и с юга, прорывались зимой по льду. Буряты, которые жили здесь издревле, вынуждены были взяться за оружие. Однако под Верхоленским острогом бурятские конные отряды были разбиты. С этого времени враждебные действия среди забайкальского населения сошли на нет. Тунгусы и буряты увидели в казачьих отрядах реальную силу, способную защитить их от частых набегов со стороны Китая воинственных монгольских племен.

Русский конный и пеший казаки XVII в.

На далеком рубеже

Ринчима ЦЫДЫПОВА

Первым острогом Забайкалья был Баргузинский, заложенный летом 1648 г. отрядом Ивана Галкина, ставший «дверью» в Забайкалье. Остроги ставились в центре путей кочевых инородцев, а путями были долины рек. Казаки располагались на среднем течении реки, при впадении какого-нибудь притока или между двумя речными системами на волоке. В течение 25 лет, начиная с 1640 г. по была создана сеть острогов по всему Забайкалью. В 1665 г. в устье Чикоя поставили Селенгинский острог, который оказался последним к югу русским щитом от нападения монголов.

В 1676 г. на притоках Аргуни было найдено серебро, и впоследствии построены рудники и заводы. Постепенно остроги обрастали посадским населением из переселенных крестьян и служилых людей, превращались в города.

В 1689 г. по Нерчинскому договору была установлена граница между Россией и Китаем. Россия отказывалась от амурских земель, но закрепила за собой Забайкалье.

С этого времени началось хозяйственное освоение края русским населением. Забайкальский «по-

Казачья станица Шарагол. Юг Кяхтинского района. Граница с Монголией через реку Чикой

Фото С. Конечных

луденный край» становился самым отдаленным форпостом на юго-востоке страны. Изменилось назначение казачества. Хозяйственное освоение земель и воинская служба — вот главные задачи, которые решались казаками. Отважные землепроходцы стали стражами пограничных рубежей Российской империи. Охрану границы обычно несли посты из 4–6 казаков, которые высылались из городов поочередно. Кроме того, рубежи охранялись передовыми станицами.

Огромной протяженности китайская граница не могла управляться малыми силами. Поэтому в период с 1752 по 1754 г. российское правительство принимало меры по переселению казаков из городов на пограничную линию. С этого времени казаков стали обучать военному строю по военным уставам. Для усиления охраны далекой восточной границы были сформированы в 1760 г. Тунгусский пятисотенный полк, а в 1764 г. образованы четыре бурятских полка в 2400 человек для охраны Селенгинской границы. В 1772 г. на границе было поселено 800 русских селенгинских, нерчинских и иркутских казаков вместе с женами и детьми. На восьми пограничных дистанциях учредили 8 крепостей и 63 караула, при которых жили русские казаки. Пограничные острожки и караулы постепенно перерастали в станицы и поселки.

Правительство отменило казакам хлебное жалованье и выделило им землю для запашки. Казаки получили возможность вести самостоятельное хозяйство. Стал складываться особый казачий уклад жизни в Забайкалье, а вместе с ним и характер людей, которые породнились с местным населением, вобрали в себя внешние и внутренние черты коренных народов Забайкалья.

Караульная жизнь казаков на безлюдной границе имела свои особенности, ухищрения и традиции. Значительная часть городовых казаков с трудом прокармливала себя, свою семью и содержала лошадей, оружие, одеяние. Поэтому правительственным указом 1796 г. забайкальское казачество было выключено из податного состояния. С этого времени казачество составило особую сословную группу населения.

Сначала пограничные казаки подчинялись гражданскому ведомству, что осложняло выполнение ими задач по охране восточных рубежей России. В 1851 г. был принят проект по преобразованию жизни забайкальских казаков генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. По этому проекту было создано Забайкальское казачье войско числом 51 561 человек. Больше половины его составили бывшие крестьяне Нерчинского Завода.

Было введено новое административное устройство, по которому все войско делилось на четыре военных отдела — пешее и конное, каждое из которых состояло из трех бригадных округов, а бригадный округ разделялся в пешем — на четыре батальона, а в конном — на двенадцать сотенных округов. В конном войске было 36 сотенных и в пешем 12 батальонных правлений. Войско подчинялось военному министру через генерал-губернатора Восточной Сибири.

В военное время каждый округ выставлял соответствующую строевую часть. Казаки жили станицами, занимались, в зависимости от условий местности, земледелием, промыслами, скотоводством, но имели военное правление. Ближайшим начальником забайкальцев был наказной атаман, ставка которого находилась в Чите. В станицах казаки подчинялись станичному атаману, выбиравшемуся станичным сходом.

Burjate (Buddhist). Sibirisches Infanterieregiment Nr. 26.

Воинскую повинность казаки отбывали с 19 лет. Зачислялись на 22 года, из них 15 лет находились на полевой службе, 7 лет на внутренней. В мирное время на службе находилось не более одной трети казаков, а в военное время все призывались на службу. Обмундирование, коня, снаряжение казак должен был приобрести за свой счет из личного дохода хозяйства. Для обзаведения всем необходимым для службы требовалось 250–300 рублей, которые можно было заработать в течение нескольких лет.

Осенью уходила на полевую службу половина казаков в станицах и поселках в возрасте от 19 до 40 лет. Службу проходили в тех частях, к которым были приписаны. В течение зимы казаки учили уставы, наставления, занимались строевой подготовкой, тактикой, огневой подготовкой, а весной уходили для несения службы в караулах по границе.

К весне следующего года казаки возвращались домой на двухгодичную льготу. После 40 лет казаки переводились на внутреннюю службу по охране общественных амбаров, содержанию мостов, дорог, почты, по переправке обозов и сопровождению арестантов на этапах. В 60 лет они получали отставку.

В Забайкалье насчитывалось 470 казачьих станиц и поселков, состоявших из 29 242 дворов. В 1909 году забайкальское казачество составляло 231 698 душ обоего пола.

Казаки первого и второго военного отделов в основном занимались скотоводством, особенно разведением табунного коневодства для поставки в армию. Нерчинские казаки третьего и четвертого военного отделов предпочтение отдавали земледелию.

Главным мерилом богатства у забайкальских казаков оставалось наличие скота. Самоотверженным трудом казачество обеспечивало себя основными продуктами питания. Трудилось на земле все не занятое службой население. Поэтому и возникали новые селения, расширялись станицы, расширялись хозяйства.

Трудовые будни казака чередовались праздниками. Главным войсковым праздником являлся день утверждения Положения о Забайкальском казачьем войске — 17 марта. В этот день проводился Войсковой круг, во всех частях устраивали церковные парады: выносились войсковые знамена, совершался молебен во славу войска. В станицах и поселках проводились смотры казаков. Вторым по значению праздником был день Алексия Божия человека — покровителя забайкальских казаков, который праздновался тоже 17 марта. 26 ноября войско отмечало день кавалерского праздника Святого Георгия Победоносца, когда чествовали Георгиевских кавалеров и всех награжденных. Кроме общих войсковых праздников были свои полковые или батальонные.

Но всегда по первому зову казачество вставало на службу Отечеству. Во время войны 1812 года и Крымской кампании особо отличился Селенгинский кавалерийский полк. Его знамя хранится в Грановитой палате Московского Кремля. До 1851 г. городовые и пограничные казаки, тунгусы, буряты несли пограничную службу, охраняли границу от набегов, а также сопровождали караваны купцов и почту, служили конвоем при посольствах в Китай.

С 1851 по 1899 г. забайкальские казаки несли службу на границе с Китаем, а одна сотня от войска являлась постоянным конвоем русского посланника в Пекине и русского консула в Урге.

В 1900 г. войско в полном составе отправилось в поход против восставших в Китае «боксеров», а в 1904–1905 гг. храбро проявило себя в русско-японской войне. Забайкальские казаки принимали участие в пресечении беспорядков на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг., а в 1914–1917 гг. войско в полном составе участвовало в первой мировой войне.

1997 г. Чита. Сбор Забайкальского казачьего войска по случаю внесения в Государственный реестр

Справа — на переднем плане управляющий Читинской и Забайкальской епархией епископ Иннокентий

Возрождение забайкальского казачества

Валерий САВИНОВ,
казачий полковник

Забайкальское казачье войско создано по указу Николая I 18 марта 1851 года на базе четырех бурятских, двух русских и одного тунгусского конных полков. До революции жители нынешних Закаменского, Кяхтинского, Джидинского и Тункинского районов в большинстве своем были казаками. Среди них бурят-казаков насчитывалось 26 тысяч.

Съезд казаков Забайкальской области в апреле 1917 г. объявил о самоликвидации, однако второй областной казачий съезд, подготовленный есаулом Г. Семеновым, генералом И. Шильниковым и «кадетом» С. Таскиным в августе того же года отменил это решение, восстанавил казачье сословие.

После установления власти Советов в марте — апреле 1918 г. большинство делегатов Третьего казачьего съезда проголосовало за ликвидацию сословия. Но спустя пять месяцев власть в Забайкалье захватил Г. Семенов (в период гражданской войны генерал-лейтенант, атаман Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск) и своим приказом восстановил в станицах атаманов и казачьи правления.

В годы существования Дальневосточной республики была принята Конституция, одна из статей которой отменяла «сословное деление граждан», и таким образом, вновь ликвидировала казачье сословие.

На открытии казачьего кадетского корпуса в Улан-Удэ. *Сентябрь 2001 г.*

Возрождение Забайкальского казачьего войска началось в ноябре 1990 г., когда состоялся Большой учредительный Круг потомков забайкальских казаков.

В настоящее время Забайкальское казачье войско (ЗКВ) состоит из четырех отделов: 1-й Верхнеудинский отдел, 2-й — Агинский, 3-й — Читинский, на правах 4-го отдела — Междуулусное землячество казаков Республики Саха (Якутия).

1-й Верхнеудинский отдел ЗКВ был сформирован в марте 1991 года. Делится по станицам с центром в Улан-Удэ.

12 февраля 1997 г. по указу Президента России Забайкальское казачье войско внесено в Государственный реестр войсковых казачьих обществ Российской Федерации.

До 1997 года в 1-м отделе ЗКВ до введения Реестра насчитывалось 1661 казак, на данный момент эта цифра выросла на 30 процентов.

За двенадцать лет возрождения Забайкальского казачьего войска в 1-м отделе возродили 15 храмов, несколько часовен и дацанов. По распоряжению министра обороны России несколько воинских частей переименованы в казачьи, открыты казачьи заставы. Учрежден Казачий кадетский корпус для детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. В этом огромная заслуга бывшего воина-афганца, летчика,. полковника А.Ф. Онуфриенко, ныне являющегося директором Международного Азиатско-Восточного института общественных наук и председателем попечительского совета кадетского корпуса.

Статус казачьего профессионального лицея получил Онохойский лицей № 21.

Современные казаки помимо подготовки юношей к службе в армии оказывают практическую помощь пограничникам. Например, в горном Окинском районе Бурятии, где 200 километров границы с Монголией и Тывой не охраняются совсем, а соседи, чувствуя собственную безнаказанность, крали скот, браконьерничали, с ведома районной администрации стала действовать казачья стража. При Госкомитете по использованию природных ресурсов Бурятии также планируется создать казачью стражу.

В ближайших планах казаков Бурятии — восстановление Торейского конезавода в Джидинском районе. В 2001 году в честь 150-летия со дня учреждения Забайкальского войска проведена научно-практическая конференция по истории казачества. Созданы и уже успели завоевать популярность казачьи фольклорные ансамбли песни и пляски «Забава», «Казачок», «Станица», «Звонница».

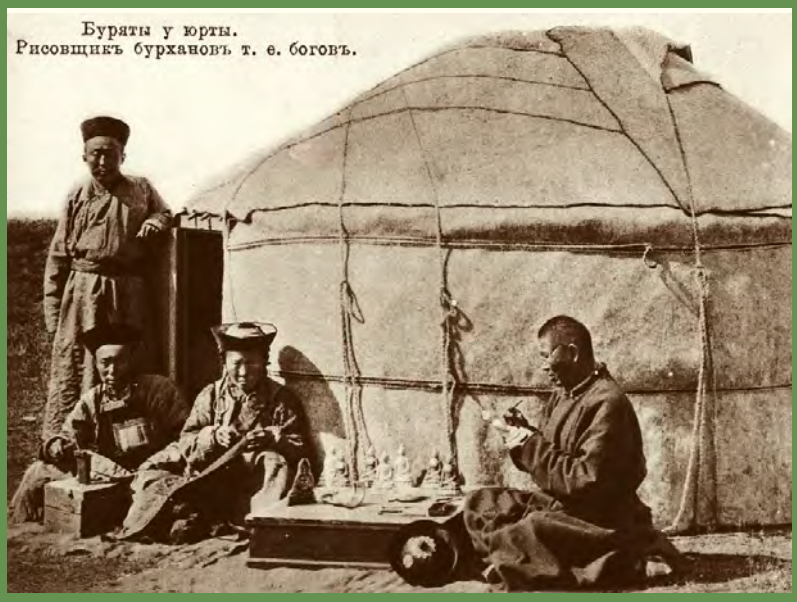
Казачий народный ансамбль «Забава» (г. Улан-Удэ).
Фото С. Конечных

Степные думы в жизни бурят

Присоединение к России обширных забайкальских пространств и появление «инородных» подданных сразу поставило проблему государственного переустройства. Благодаря верным административным мерам Правительства, этот сложный процесс осуществился безо всяких насильственных действий и противостояния. Родоплеменная организация жизни бурят была мирно приспособлена к общероссийским законам.

В 1819 году генерал-губернатором Сибири был назначен выдающийся государственный деятель времен Александра I граф Михаил Михайлович Сперанский. Обширный подведомственный край предстал перед ним в полном разорении. Причиной тому была элементарная административная и судебная неустроенность огромной восточной губернии, на тысячи верст удаленной от Петербурга. До назначения Сперанского сибирским генерал-губернатором долгое время был Иван Пестель, который смотрел на этот пост как на источник личного обогащения. Его сын, декабрист Павел Пестель, приговоренный к смертной казни, на упрек отца: «И чего ты хотел?» ответил: «Я хотел, между прочим, чтобы по возможности не было таких генерал-губернаторов, каким вы были в Сибири».

«Сибирь должна возродиться, у нас новый властелин, вельможа добрый, сильный и сильный только для добра», — писал будущий декабрист Г.С. Батеньков, приглашенный Сперанским в качестве помощника в разработке сибирской реформы. Поборник федеративной организации государства, Батеньков в представленном проекте законодательства исходил из экономических, климатических, национальных



особенностей края; истории, этнографии сибирских народов.

В 1822 году реформа вылилась в ряд законодательных актов, среди которых особое место занимал «Устав об управлении инородцев Сибири».

Управление коренным населением Забайкалья и Предбайкалья по «Уставу…» вверялось в руки степной администрации. Созданные в 1822 году Степные думы, как высшая инстанция бурятского общества, по существу, явились прообразом национальной автономии. Сформированные по принципу традиционной родоплеменной структуры, бурятские ведомства представляли собой территориально-родовые объединения. В Забайкалье было создано пять Степных дум, в Предбайкалье — семь.

Степное управление, просуществовавшее на протяжении почти всего девятнадцатого столетия, контролировало практически все сферы жизнедеятельности бурят. Это и вопросы землепользования, подати и повинности, распространение земледелия среди бурят, народоисчисление, образование, здравоохранение, обычное право. О последнем свидетельствует документ 1840 года, в котором оговариваются должностные обязанности вновь назначенного военным губернатором Забайкальской области старосты галзутского рода хоринских бурят Цырена Доржиева: «… по приносимых просьбах друг на друга во взаимных ссорах, в воровстве скота, побоях (исключая криминальные дела и смертные убийст-

ва) судить своими начальниками и посредством их разбирать такие ссоры, дабы к тяжбе и волоките, расстраивающим общежитие, не допущать; и когда дело малое, то судить родовому начальнику, а когда больше, то выбирать от родов доверенных по два человека и в чем вы определите, на том и состоять, а которые дела будут криминальные, те представлять суду Земскому и Окружному».

Степные думы находились в подчинении уездного полицейского управления. Отчеты направлялись в это ведомство. Все переговоры с русскими властями вели родоначальники. Одной из обязанностей их было ходатайствование перед высшим начальством о пользах родовичей. В распоряжении от 26 ноября 1830 года комиссии Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг излагается просьба родононачальников готольского рода Идинской степной думы: «… поверенные от 796 душ готольского рода Матвей Мархаев и Башилей Никулин в поданном прошении изъясняя, что многие из родовичей их кочуют от родового управления в 15 и 40 верстах, почему и встречают затруднения, как в переездах своих, так и в разных расчетах с их шуленгою. Вследствие чего просят отчислить их особым родом, с дозволением быть у них шуленгою родовичу их Василию Азаргину, на которого представили и общественный выбор».

Общественный приговор (документ 1860 года) рассказывает нам об избрании в Казанскую учебную ферму наиболее способных и подготовленных мальчиков из Идинской степной ду-

мы. На учебу были отправлены два мальчика, один из которых был сыном старосты 2-го шараллаевского рода Ивана Петухова. Этот документ свидетельствует о возможностях родовитой части бурят дать хорошее образование своим детям, отправляя их на учебу в разные города Российской империи. Были среди них и выпускники столичных вузов. Не случайно ядро бурятской интеллигенции в то время составляли выходцы из семей родоначальников, из среды так называемой «степной аристократии». Среди известных имен плеяды ученых, общественных и политических деятелей XIX — начала XX века следует назвать Цыбена Жамцарано — сына зайсана Хойто-Агинского родового управления, Элбека-Доржи Ринчино — сына старшины Сенгелдурского родового управления (Баргузинский уезд), Петра Баторова сына тайши Аларской степной думы Павла Баторова.

Будучи сам тайшой Аларской степной думы в 1876–1880 годы, Петр Баторов с увлечением изучал историю и культуру бурят. Он являлся членом Русского Географического общества, занимался сбором этнографических материалов и затем отправлял их в музеи Иркутска и Петербурга. «Для Иркутского музея посылаю сокола-тетеревятника и разных жуков, собранных мною в Аларской степи. От учителя г-на Манзанова посылается старинный головной убор свахи и курительная трубка», — писал Баторов в письме от 22 февраля 1895 года правителю дел Восточно-Сибирского отдела РГО.

Образованные люди, представлявшие цвет бурятского общества прошлых столетий, пользовались особым уважением и почетом среди своих сородичей. Родители стремились дать детям хотя бы начальное образование. «Зная ту пользу, какую должно ожидать от образования своих детей, за необходимое полезное полагаем открыть в здешнем Баргузинском ведомстве приходское училище при самой нашей Степной думе», — писали в 1841 году в своем ходатайстве баргузинские буряты. На содержание училища к ежегодной сумме в 600 рублей ходатаи добавили еще 100 и «… сверх оного полагаем ныне единовременно собрать добровольных пожертвований на покупку книг российских и монгольских для училища 60 рублей серебром». А «… помощник тайши чиновник 14-го класса Хамнаев изъявил усердие построить дом» для училища.

Людей, вносивших добровольное пожертвование на строительство и содержание школ, было немало. Заседатель Хоринской степной думы Торба Жигжитов в 1847 году в докладной записке смотрителю Верхнеудинского уездного училища предлагал бесплатно «… обучать детей монгольской грамоте и переводу на русский язык, также чтению и письму по-тибетски». Он же пожертвовал Онинскому училищу «… дом о шести комнатах, отстроенный в 1838 году со всеми службами и другими принадлежностями: столами, мебелью и пр. отличной отделки и прочности», оцененный в 1000 рублей серебром.

Выборность и коллегиальность органов степного управления позволяла ограничивать личную власть родоначальников, хотя примеров злоупотребления этой властью было немало. Тем не менее ядро степной администрации составляли люди, пользующиеся уважением своих сородичей и выдвигаемые ими на должности тайшей, зайсанов, шуленг и старост. Причем звание наследственное оставалось наследственным, а избирательное — избирательным.

В благодарственном листе иркутского гражданского губернатора от 13 августа 1835 года, выданном на имя помощника шуленги Селенгинской степной думы Омо-кто Абидуева, говорится: «Инородцы, обитатели Забайкальского края, с давних времен отличаются усердием своим к пользе Отечественной, ревностною службою оному и разными посильными приношениями своими. При отправлении в 1831 году в Китай нашей Пекинской Российской Духовной Миссии, Забайкальские инородцы, снова доказали свое усердие, сделав для сей Миссии пожертвования из стад своих, лошадьми и скотом; за что некоторые произведены в офицерские чины, другие получили медали, кортики, часы и сукна на кафтаны — и прочим; Монаршею волею предоставлено Гражданскому Губернатору выдать за своим подписом печатные благодарственные листы. В числе сих последних удостоен получения такового благодарственного листа помощник шуленги Омокто Абидуев».

С момента присоединения к Российскому государству административное устройство бурятского общества подвергалось неоднократно изменениям. Но в сущности, изменения, происходившие в системе административно-территориального управления краем, не затронули в основе родоплеменной организации бурят. Устав Сперанского сыграл значительную роль в жизни бурятского общества, юридически закрепив автономность самоуправления внутри бурятской общины. Действие устава продлилось до конца XIX столетия, когда царское правительство ликвидировало Степные думы и издало ряд законов, унифицирующих административную систему во всех губерниях обширной Российской империи.

Легенды и были БЕЛОЙ ГОРЫ

Анна (Ованка) НАЙКАНЧИНА,
президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Бурятия

Много веков тому назад тунгусские племена и народы освоили колоссальные таежные просторы Сибири и Дальнего Востока. Они одомашнили оленя и связали с ним жизнь, которая с тех пор проходила в постоянных кочевьях по суровой необозримой тайге. Современные эвенки — наследники этого огромного тунгусского мира, простирающегося от Енисея до Тихого океана, от степей Монголии до тундр Заполярья. Сегодня в России эвенков насчитывается всего около 29 тысяч человек, а в Бурятии их около 2 тысяч.
До начала XVIII века — времени активного продвижения на север бурятских племен и появления здесь русских крепостей — эвенков («тунгусов») можно было встретить по всему побережью Байкала и прилегающих таежных массивов. Теперь они в основном проживают в северных горных и лесных территориях — в Северобайкальском, Баунтовском, Курумканском, Баргузинском, Муйском районах республики.

Белая гора у поселка Багдарин — священное место эвенков. *Фото А. Найканчиной*

Кочующий оленевод — орочон

Бабушка Агафья Михайловна Дандеева, известная сказительница, прожила в Баунте 104 года

Эвенки Бурятии издавна делятся на три обособленные группы. Баунтовские эвенки называют себя орочонами, что связано с основным видом деятельности — оленеводством («орон» в переводе с эвенкийского означает «олень»). Эвенки Баргузинской долины — мурчены, занимаются скотоводством и коневодством («мурин» — конь). Северобайкальские эвенки — ламучеры, проживают у моря (так они называют озеро Байкал) и занимаются рыболовством.

В Бурятии образован особый эвенкийский район — Баунтовский, «столица» его — поселок Багдарин. Он расположен у подножия Белой горы. Само название «Багдарин» переводится как «белая гора».

«Давно это было, — рассказывают старые орочоны. — Гора тогда была белая-белая. Приходили к этой горе орочоны, совершали обряды, просили у нее благословения, молились ей, просили удачи и здоровья. На вершину горы можно было подниматься только мужчинам, мальчикам, юношам и старухам. Но однажды случилось несчастье — на вершину горы поднялась молодая красивая девушка, чтобы посмотреть с высоты на прекрасную таежную землю. В тот же миг гора почернела с одной стороны. С той поры на орочонов обрушились болезни, несчастья. Теперь Белая гора с одной стороны белая, а с другой — черная». Орочоны говорят, что нельзя нарушать запреты стариков.

Неподалеку от поселка есть пещера Долган, самая глубокая на территории Восточной Сибири. Орочоны приходили к пещере и просили удачу в охоте, счастья в доме, здоровья. Если охотнику не везло в охоте, он приходил к пещере, ложился на ее краю, смотрел в глубину и молился. Там показывались фигурки зверей — оленей, соболей, белок, медведей. Сколько он увидит — столько добудет зверя. Также перед свадьбой молодые люди приходили к ней и смотрели, как сложится их будущая семейная жизнь.

В Багдарине действует Музей народов Севера, где представлены культура эвенков, природа, растительный и животный мир Баунта. Очень ин-

Оленеферма на Каратале. Икатский хребет

Агафья Дандеева в расцвете сил славилась как лучшая охотница Баунтовской тайги

Потомственный оленевод Баунтовской тайги Догончин

тересен геологический музей, рассказывающий о полезных ископаемых, добываемых в горах Бурятии.

Баунтовские эвенки славятся своим умением рассказывать легенды, предания, сказки, петь песни. Знаменитые сказители района — Агафья Михайловна Дандеева, прожившая 104 года, Павел Ильич Найканчин, Юлия Спиридоновна Курдюкова. Все они обязательно рассказывали легенду о Витиме, могучей реке, несущей свои воды через непроходимые кряжи Баргузинской тайги.

Когда-то давным-давно жил богатырь Витим. И были у него две дочери-красавицы. Но однажды спустился злой дух в образе коршуна и унес дочерей. Плохо жили дочери Витима. Они носили старые одежды, их заставляли пасти оленей. Когда Витим узнал о страданиях дочерей, он стал плакать. От его слез образовались озерки, которые превратились в реку Витим. Потом дочери сбежали от злого духа и превратились в две речки. И каждая речка течет по-своему, что нашло свое отражение в легенде. Когда дочери Витима бежали, они кричали: «Амалат! Амалат!», что в переводе с эвенкийского означает «к отцу». И действительно, Малый Амалат — горная и опасная река с множеством порогов и сильным течением — спускается с высоких гор. Это младшая дочь Витима, она бежала от злого духа через горы. Большой Амалат — река полноводная, спокойная. Это старшая дочь

Река Витим — известна всем по роману В.Я. Шишкова «Угрюм-река». *Фото С. Конечных*

Оленевод и охотница Татьяна Петровна Портнова

Эвенкийский чум в Баргузинской долине
Фото С. Конечных

богатыря, она бежала от злого духа по равнине. Сначала сестры не видели друг друга, но потом встретились. Так и реки Большой и Малый Амалат соединились и потекли вместе к отцу своему — Витиму». Там, где соединяются реки, расположено эвенкийское село Россошино, в котором проживают более 200 эвенков.

Жизнь орочона немыслима без оленя. Орочон любит оленя, как брата. Раньше, передают старики, олень понимал человеческую речь и мог говорить по-человечески. «У одной семьи жил олень. Он был очень умным. Все его любили. Но он состарился. И однажды отец сказал, что убьет оленя. Олень все слышал и понимал. Но он думал не о том, чтобы уйти от орочонов и не о смерти, а о том, как он сильно любит людей. И он стал плакать о скорой разлуке с орочонами. Орочоны увидели это и пожалели его. Тогда отец сказал, что не будет убивать оленя. Он пойдет на охоту и добудет зверя. Олень это услышал и обрадовался. С тех пор олень и орочон вместе. Даже после смерти они вместе. Вместе уходят и в Верхний мир». Так гласит легенда, в которую орочоны свято верят.

Эвенки, живущие в Россошино, неукоснительно соблюдают древний обряд погребения усопших. По их представлениям, душа покойного уходит в загробный мир на олене. Поэтому, когда умирает мужчина-охотник, то его ездового оленя убивают, мясо используют на поминках, а шкуру с головой, рогами и копытами вывешивают на стоящее рядом дерево. Умершего охотника также хоронят в гробу на деревьях. Возле дерева кладут оленье седло и вещи покойного.

Традиционные занятия — охота, рыболовство, оленеводство, собирательство дикорастущих плодов. Чтобы передвигаться зимой по тайге, эвенки

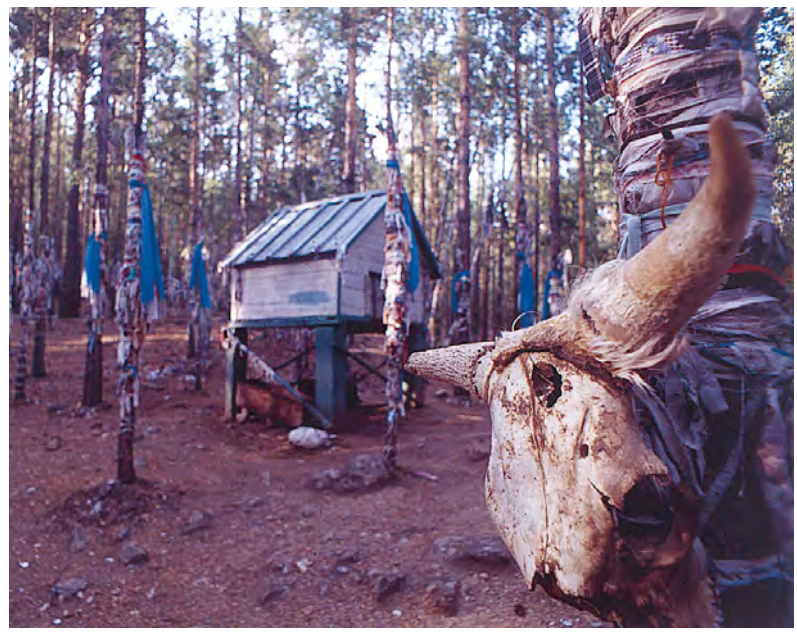
делают лыжи, по краям оббитые камусом, — жесткой и короткой шерстью с голени оленя.

С далеких времен у эвенков сложилась и своя национальная «архитектура» — временный домчум, приспособленный к суровым условиям кочевой жизни в лесу. Домашняя утварь отличается прочностью, легкостью. Она невелика, но удобна ввиду постоянных переездов верхом на олене. До сих пор в быту эвенков сохраняются традиционные предметы утвари — берестяная посуда и туески, которые используются для хранения муки, круп. В такой посуде хорошо сохраняются соль, чай, спички. Из бересты изготавливают сумы, которые служат вьюками и используются для перевозки грузов. Сверху такие вьючные сумы покрываются замшей из кожи оленя или лося. Также бересту используют для изготовления битков для сбора ягод. Такими битками, легкими и прочными, не нарушаются ягодные кустарники, в них не мнется ягода, что очень важно для длительного хранения.

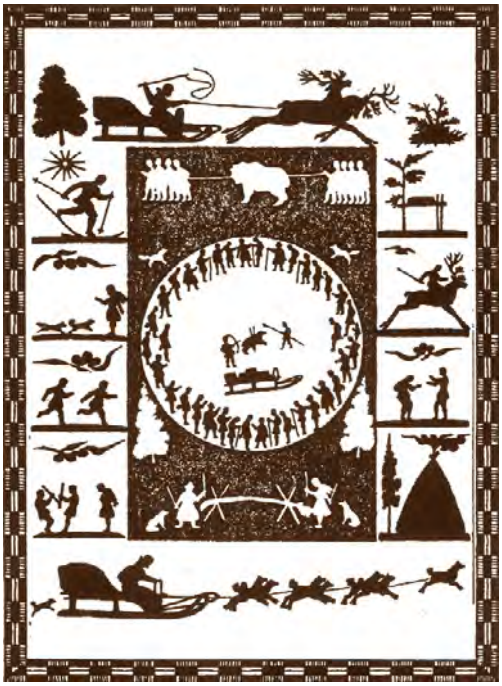
Из мягкой утвари до сих пор бытуют меховые коврики — кумаланы, которые шьются из оленьего меха с использованием меховой аппликации и бисерного шитья. В домашнем быту также используются берестяные игольницы, где хранятся предметы для рукоделия. Эвенкийские женщины сла-

Жертвоприношение оленя во время похоронного обряда. *Фото А. Найканчиной*

Шаман — собеседник духов. *Фото начала XX в.*



Шаманское святилище на Баргузинском хребте
Фото С. Конечных



Замечательный эвенкийский художник Семен Надеин (1931–1982) создал удивительно поэтичную графическую серию, посвященную жизни своего народа. *Лист слева* **— Праздник медведя.** *Лист справа* **— Стойбище**

Национальный танец в праздничный день. Этнографический музей народов Забайкалья. *Фото С. Конечных*

вятся своим мастерством выделки шкур, пошива изделий из меха, в особенности унтов. Унты — меховая обувь, богато орнаментированная бисером и меховой аппликацией.

Эвенки от рождения приспособлены к кочевой жизни в лесу. Они хорошо ориентируются на местности, используя природные признаки, приметы, без компаса точно определяют страны света по солнцу и звездам. Им знакомы приметы, предвещающие изменение погоды и позволяющие узнавать характер наступающего периода года. Например, если заготовленные белкой грибы висят на нижних ветках лиственницы, зима будет малоснежной, и наоборот. Если журавли летят высоко — осень будет долгая и теплая, низко — скоро жди снега. Паук на снегу — будет тепло. Собака свернулась клубком возле костра — жди похолодания. Если вокруг нового месяца ореол, весь месяц будет холодно и с осадками. Деревья трещат — к холоду; чистое небо перед заходом солнца и яркое мерцание звезд — к похолоданию; дым от костра стелется по земле — к дождю или ненастному дню; ушла рыба от берегов на глубину — к наводнению, дождю.

Выработанные веками знания простейших метеорологических прогнозов в виде народных примет облегчают эвенкам условия перекочевок, помогают в любое время года сохранять хозяйство, успешно вести промысел, определять будущий урожай ягод, грибов, корма для оленей.

Одна из важнейших традиций эвенков — словесное закрепление за определенным родом или семьей какого-либо охотничьего угодья и строгое соблюдение границ этих угодий. Каждый род знает пределы своих территорий.

Все эвенки охоту на копытных животных начинают с наступлением весны, когда уплотненный снег покрывается ледяной коркой. В период середины апреля — начала мая начинается активная заготовка мяса и рыбы впрок на солнце и на костре. В июне начинается охота на изюбра — добыча пантов. В июле и начале августа охота временно прекращается, так как в это время матки животных выращивают детенышей. Добывают изредка на пропитание дикую козу, кабаргу. В этот период на берегах озер, во время водопоя животных, эвенки промышляют лосей. Баргузинские и северобайкальские эвенки на протяжении всего времени занимаются рыболовством. С августа по конец сентября заготавливают грибы, ягоды. В местах, где растет кедр, ведут заготовку орехов. Иногда промышляют водоплавающую птицу. В конце сентября эвенки опять переключаются на охоту на изюбра, у которого в это время начинается «гон» — период «свадеб». Охота ведется с помощью «ревуна» — сухой березовой конусообразной трубки длиной 50–60 см. Имитируется рев самки — изюбрихи, призывающей самцов. Во второй половине октября эвенки выходят на пушной промысел (соболь, белка, ондатра и другие). Период активной охоты приходится на ноябрь — декабрь. К концу декабря охотники возвращаются домой, чтобы пополнить запасы продовольствия и боеприпасов, затем охота продолжается до февраля.

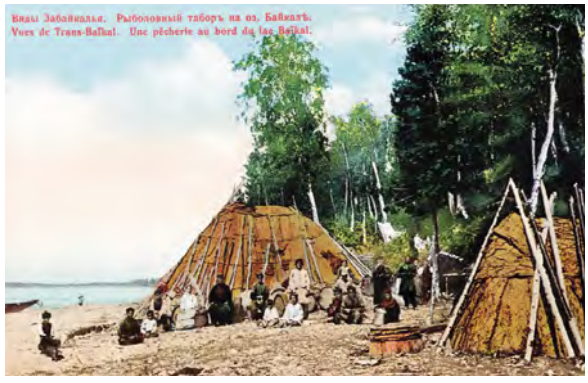
Эвенки придерживаются особых обычаев и обрядов, связанных со зверем. Говорят, нельзя детям кричать и взрослым ругаться, когда кто-то уходит на охоту; нельзя хвастаться, что убьешь оленя или лося, они услышат и не придут на выстрел; когда отец уходит на охоту, нельзя шуметь; женщине нельзя перешагивать через мужские предметы — мужу удачи не будет на охоте и так далее.

Особое мужество, смелость и умение требуются в охоте на медведя. Этот могучий зверь считается священным животным, чаще всего эвенки называют его уважительно — дедушка, отец. Медведя считают обладателем особых качеств, которые помещаются в частях его тела. Лапу после свежевания вешают над дверью, заболевшее вымя коровы или важенки (самки) оленя растирают медвежьей лапой. В доме, где находится медвежья шкура, считают, что она отпугивает злых духов. Особое отношение к медведю породило множество запретов и оберегов. Например, беременной женщине нельзя есть медвежье мясо; во время охоты нельзя ругать медведя, нужно говорить о нем иносказательно; кости и голову его нужно обязательно складывать на лабаз и не разбрасывать их. Нарушение запретов грозит неудачей на промысле, несчастьем, болезнями.

Пушная охота на соболя, белку, колонка проходит с собакой. Особо почитается белка, которая идет в пищу, беличьи тушки не выбрасываются, так как считается, что удача отвернется от охотника, да и духи накажут. Для удачи в пушном промысле эвенки собирали амулеты — лапки белок, соболей, шкурки пушных зверьков с необычным окрасом или какими-либо пятнами. Каждая шкурка окуривалась дымом, идущим от жира, брошенного в огонь.

В паспортах современных эвенков значатся в основном русские имена и фамилии, но до сих пор сохраняется наречение новорожденного особым эвенкийским именем, которое известно только членам семьи или рода. Произносить его вслух при постороннем запрещается. Считается, что услышавший настоящее имя может наслать порчу, сглаз или болезнь. При рождении ребенка обязательно выполняется обряд изготовления хранителя души. Это своего рода талисман, призванный охранять человека на протяжении всей его жизни. Шьется из материи или шкуры, представляет собой сиамских близнецов, сросшихся головами или руками. Чтобы ребенок рос здоровым, нужно соблюдать ряд запретов: нельзя выносить его на улицу вечером, нельзя кричать на него и обижать.

Эвенки очень нежно и чутко относятся к воспитанию детей, чье предназначение сберечь все, что передадут им старшие. И поэтому можно сказать, что с молоком матери здесь прививается любовь к своей суровой земле, к удивительно трудному, но свободному и неразрывно слитому с природой образу жизни, который трудно понять и тем более повторить иным народам.

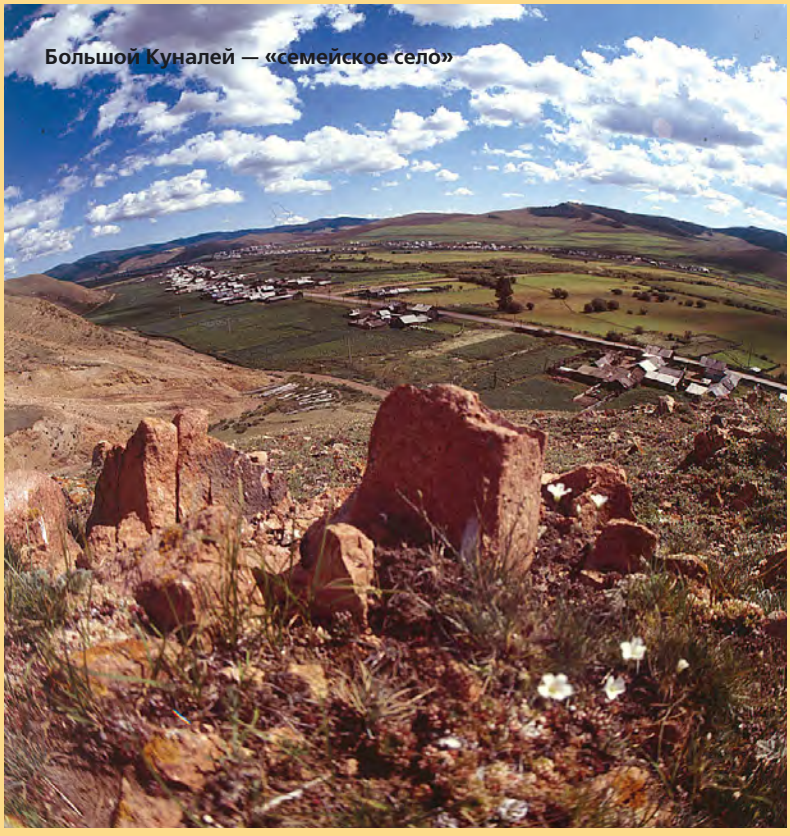


Старообрядцы пришли сюда семьями, водворены семьями и потому сохранили досель имя семейных.

А. Мартос. Письма о Восточной Сибири. М.,1827

Фирс БОЛОНЕВ,
доктор исторических наук

СЕМЕЙСКИЕ — сибирские старообрядцы



Большой Куналей — «семейское село»

В середине XVIII столетия территория нынешней Бурятии была заселена слабо. В правительстве России рождались планы хозяйственного и промышленного освоения слабозаселенных окраин империи. Одной из таких местностей было и Забайкалье, где уже давно работали железоделательные и сереброплавильные заводы, и была сосредоточена довольно внушительная военная сила. Однако хлебных продуктов хронически не хватало. На Нерчинских серебряных заводах было недостаточно рабочих рук. Только переброска в этот район значительного числа крестьян, ссыльных людей могла в какой-то мере решить проблемы недостатка продовольствия и рабочих рук. Формирование русского населения за Байкалом шло различными путями и способами.

Значительную роль в заселении края сыграла ссылка. Благодаря насильственному выселению из европейской России (и не обязательно уголовных элементов) значительного количества русских крестьян к концу XVIII века Западное Забайкалье становится крупным земледельческим районом. В эти места большими группами были поселены старообрядцы, выведенные из Польши, Белоруссии, Украины, также сюда прибыли группы крестьян с Русского Севера, Урала, казаки с Дона.

Заброшенные волею судеб в «страшную глушь за раскол», сами старообрядцы раскольниками себя никогда не признавали, «не брали грех на душу». Ибо раскол был сотворен руками патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим.

Русская церковь разделилась на две ветви: на древлеправославную, старообрядческую, и официальную (никонианскую). Старообрядцы сохраняли традиции и культуру, выработанные в дониконианский период, не отступив от древних заветов и преданий вплоть до советского периода.

Словом, семейские — это русские старообрядцы разных староверческих толков и согласий или, по-иному, — это этноконфессиональная группа последователей древлего православия, сторонники старины, старых общинных порядков, старой веры, старых обрядов. Спасаясь от преследований за свои убеждения, сторонники старых обрядов (отсюда и старообрядцы) со всех губерний России бежали на окраины русского государства и даже за рубеж. Дюжие пращуры семейских оказались на землях белорусов и украинцев, входивших тогда в состав Речи Посполитой (Польши). Там, в бассейнах рек Днепра, Боха и Буга, ими было освоено много слобод и поселений. По данным современного польского исследователя Евгения Иванца, до первого раздела Польши (1772) в тех местах проживало свыше ста тысяч староверов.

В 60-е годы XVIII века правительство Екатерины II с помощью военной силы переселяет старообрядцев из польских пределов в Сибирь. Часть их поселили на Алтае, где они получили название «поляки», по Барабе, а самую большую часть отправили за Байкал-море. Тут они были поселены, как уже было отмечено, семьями в отличие от одиночных ссыльных, вот почему за ними закрепился этноним «семейские».

Надо отдать должное дальновидности правительства Екатерины II. Благодаря этой политике Россия не только

расширяла свои территории на юге и востоке страны, но и умела их своевременно осваивать, развивая хлебопашество, промышленность и надежно закрепляя рубежи. Крепло государство, а на его окраины волны вольных и невольных переселенцев несли и внедряли традиции русской культуры.

Появились новые селения, пополнялись новоселами старые деревни и слободы. Вокруг этих сел земля принимала обихоженный вид. Тщательно обработанные огороды, полосы пашен и сенокосных угодий занимали все большее пространство. Кроме земледелия семейские крестьяне занимались охотой и рыболовством. Две цивилизации — скотоводческая (кочевая) и земледельческая — пришли в соприкосновение и начали бок о бок жить в крае. Началось их взаимное влияние, культурный обмен, усилилась торговля. Впоследствии семейские основали еще ряд новых поселений.

Семейские, несмотря на все гонения и перипетии в их судьбе, сохранили свое лицо, одежду, обычаи, нравы, преданность старой вере, прошли через все испытания и выжили в экстремальных условиях. При этом трудно говорить о каком-то единстве этнографической группы, об их конфессиональном единстве. Еще в дореволюционное время у семейских было два основных направления: поповщина и беспоповщина. Перовые признавали священство, имели свои храмы, часовни. Старообрядческая церковь хотела иметь своих священников, которые совершали бы богослужение по старым книгам и обрядам. В вероучении они почти ничем не отличались от официального православия. Но гонители древнего православия лишили старообрядческую церковь епископов. По правилам Церкви священники, последователи старой веры, могли согласно своему сану совершать Божественную литургию, управлять паствой временно без епископов. Но они не имели права рукополагать новых священников и диаконов. Выход из этого положения был один — согласно древним соборным правилам, древлеправославная церковь принимала духовных лиц, рукоположенных в новообрядческой церкви, в сущем сане. Таких попов, вернувшихся к древнему православию, стали называть «беглыми». За ними семейские ходоки из Забайкалья ходили в европейскую Россию. Борьба за свою веру, за своих священников, «добытых» с великим трудом, за сохранение своей церкви часто принимала весьма острый характер, а иногда доходила до бунтов. Подобные выступления в 40–60-е годы XIX века отмечены были в селениях Большом Куналее, Куйтуне, Никольском, Хараусе, Бичуре. Беглые попы тайно от властей совершали все необходимые и присущие их сану таинства и требы: крестили, миро-

Церковь в селе Никольское
Фото В. Новикова, 1970-е гг.

Улица в старообрядческом селе Большой Куналей
Фото В. Новикова. 1970-е гг.

Такие длинные телеги старообрядцы используют для перевозки грузов и в наше время
Фото Ф. Болонева

помазывали, исповедовали, причащали, венчали, погребали умерших... Для исполнения треб в запасе у старообрядцев должно быть достаточно святого мирра, освященного еще партиархом Иосифом, были у них и древние антиминсы (частицы мощей, вшитые в ткань. Антиминс лежит на алтаре. На антиминс совершается Евхаристия или Благодарение).

Беглопоповщина постоянно находилась под неусыпным оком властей и официальной церкви. Со временем от нее отошли часовенные. Их уставщики из-за отсутствия священников вели богослужение, крестили, исповедовали, причащали верующих в часовнях.

Более сложное направление в старообрядчестве — беспоповщина. Последователи этого течения не признают попов. Они считают, что со времен Никона православная церковь отступила от «истинной веры», а настоящие православные священники перевелись. Беспоповцы следуют положению, согласно которому «каждый христианин есть священник», а оно вытекало из слов одного из ранних деятелей христианской церкви Иоанна Златоуста: «Сами себя освящайте, сами себе священ-

Мухор-Тала — семейское село
Фото Ф. Болонева

ники бывайте». Наиболее известны в Забайкалье сторонники Феодосия Васильева или федосеевский толк, поморский, спасовский или нетовщина, чистяковщина, были еще дырники, темноверцы и другие. Но их среди семейских было мало.

Особый колорит, пестроту и яркость в этнографическую картину Забайкалья внесли поселенные старообрядцы, выведенные из Заднепровья. С их водворением началось более интенсивное освоение девственных мест этого прекрасного края. Насильственно приведенные сюда в значительном числе (около 5 тысяч человек) последователи старой веры, обладая большим сельскохозяйственным опытом, крепкой общинной сплоченностью и поразительным трудолюбием, уже через короткое время заслужили признание лучших земледельцев края, а места их поселения стали хлебными житницами Бурятии. «Они и камень сделали плодородным», — отозвался о них иркутский губернатор Трескин. Их земледельческий талант и «неусыпное трудолюбие» отмечали все путешественники, ученые и декабристы, побывавшие в их селениях.

Алексей Мартос, сын известного скульптора, писал: «Русские, избрав берега Чикоя и Хилка своим отечеством, принесли сюда же и образ своей домашней жизни, дух веселонравия, деятельность и свои привычки гостеприимства. Довольство, чистота блистали в светлице пришельца! Так, в недрах Сибири жители Стародуба, Добрянки, Гомеля обрели для себя новое отечество, а неутомимое прилежание, деятельность даровали переселенным возможное на земле счастье...» Он также отметил, что «благодетельное искусство земледелия здесь, в краю отдаленном, принесло им известный материальный достаток, поселило самое дружество к соседям». В книге Мартоса мы впервые встречаем термин «семейские», относящийся к старообрядцам Забайкалья: «Старообрядцы пришли сюда семьями, водворены семьями и потому сохранили досель имя семейных».

Французский ученый Поль Лаббе, который посетил Забайкалье в 1902 году и побывал у семейских в селе Бичура, в книге «У лам Сибири» тоже дал интересные зарисовки их быта и культуры. После посещения Цонгольского дацана П. Лаббе проехал через деревни семейских. Он писал: «Мы прибыли на земли семейских. Хорошо возделанные поля следовали одно за другим, добрые молодцы трудились

В гостях у бабушки

Фрагмент старинной росписи семейского дома в селе Мухор-Тала. *Фото Б. Михайлова*

Ворота в усадьбу — гордость любого семейского хозяина

Расписная горница в семейском доме в селе Мухор-Тала. *Заиграевский район*

За гончарным кругом. Село Шаралдай Мухоршибирского района
Фото Ф.Болонева. 1970-е гг.

Костоправка Белова с семейской девушкой
Фото 1920-х гг.

За ткацким станком. Село Бичура

вместе с женщинами, которые носили на головах платки в форме больших тюрбанов. Я достиг, в конце концов, Бичуры, важной деревни, главная улица которой тянется на многие километры. Там я остановился у друга доктора Талько-Грынцевича, который именовался Михаил Климыч Петров».

В книге рассказывается о трудолюбии семейских, об их жизненном укладе. Описание этой части забайкальского населения выдержано в идиллических тонах. Заключительные его строки звучат почти восторженно: «Упорство семейских дало чудесный результат, они преодолели все препятствия. Их поля покрыты хлебами, их удобные дома вызывают в течение целого столетия восхищение всех путешественников... Они держат в порядке свои жилища, имеют просторные

Семейская женщина из села Десятникова в праздничной одежде. *Фото С. Конечных*

и проветриваемые комнаты, на стенах висят старинные образы и часто — чудесные иконы. Почти над всеми дверями домов виден деревянный скульптурный орнамент, иногда художественный... свидетельствующий об изобретательности в оформлении. Нравы этих крестьян часто ставились в пример эмигрантам, которые за последние тридцать лет прибыли в таком большом числе из Европы в Азию. С юных лет они умеют читать и писать (по примечанию Е.М. Закинда, здесь П. Лаббе упускает одно важное обстоятельство: детей обучали церковнославянскому письму. Процент же

За прялкой в селе Тарбагатай. *Фото С. Конечных*

грамотных по-русски у семейских был ничтожен), они ревниво сохраняют свои старинные обычаи и еще сегодня можно собрать у них обильную жатву старинных песен и замечательных легенд. Только недавно некоторые стали употреблять спиртное и курить».

Надо отметить, что родственные связи семейские хорошо знали и соблюдали. Браки между родственниками у них были запрещены до 8-го колена. Не было кровосмешения. Здоровье народа было хорошо защищено. Слабоумных людей старообрядческое крестьянство почти не воспроизводило. Естественный прирост населения у семейских был самым высоким в Забайкалье, женщины рожали от 10 до 24 детей.

На протяжении веков в состав этой этнографической группы вливались русские люди почти всех провинций России. Мы находим в их культуре кроткие краски Русского Севера, яркое многоцветье центральных и юго-западных областей России, южнорусский диалект и колоритные вкрапления элементов культуры украинского и белорусского народов. Украинец или белорус, оказавшись в Бурятии, невольно почувствует какое-то родство, а нередко и встретит неожиданные вкрапления родного языка в вольной стихии языка семейских, а в их культурно-бытовом укладе обнаружит много общих черт, присущих коренным жителям Приднепровья, Присожья, Прибужья. В лексике семейских к основному пласту общего великорусского языка наслоились и продолжают жить слова украинского, белорусского, польского, а в Бурятии и бурятского языков. Здесь вы встретите украинские слова и выражения: бульба, печерица, «на высокий забор похилился», «хмелю зелененький», «как за гаем, гаем, гаем зелененьким»,

белорусские: водянка, ночва, или ночевка, луста, лусточка (кусок хлеба) и проч. Прожив у панов около сотни лет, несколько поколений старообрядцев не могли не позаимствовать у своих соседей — сородичей богатство их устно-поэтического творчества. Мы находим много общего в их формах обрядового фольклора, в их преданиях, верованиях, поверьях.

Все это не могло не повлиять на колорит и своеобразие их культуры, на живописность и красочность их величавой одежды, быта, на декоративное оформление домов, нашло свое отражение в фольклоре и неповторимой ралдае. Со временем на территории Забайкалья будут построены десятки церквей и часовен. В 1930–1940-е годы в Забайкалье разрушены 81 старообрядческий храм и часовни. Это далеко не полные данные. Ныне вновь построены в Бурятии старообрядческие церкви в селах Куйтун и Бичура, ведутся работы по строительству храмов в селе Тарбагатай и городе Улан-Удэ. Кое-где действуют молитвенные дома.

Наладить свою обрядовую службу удается с трудом за неимением священнослужителей, молитвенных домов в большинстве сел и хра-

Народный хор села Большой Куналей. *Фото Ф.Болонева*

соте семейского распева. «Все у них соответствовало одно другому: от дома до плуга, от шапки до сапога, от коня до овцы — все показывало довольство, порядок, трудолюбие», — писал декабрист А.Е. Розен.

Но при таком достатке старообрядцев постоянно не покидала мысль о спасении душ своих. В начале 80-х годов XVIII века они начинают хлопотать перед начальством и Иркутской духовной консисторией о строительстве храма в с. Большой Куналей или в Шамов, необходимых богослужебных книг, икон, которые были уничтожены при разрушении церквей и других святынь. В советское время словно полчища Мамая прошлись по селениям староверов во время насильственной коллективизации ликвидаторы кулачества как класса, когда вместе с кулаками были выселены из родных мест середняки и бедняки с семьями. Были уничтожены самые светлые головы, самые работящие руки. Если учесть, что староверы с их трудолюбием и трезвым

Русскую печь украсила своими руками хозяйка дома Василиса Соколова. *Село Десятниково Тарбагатайский район*

Этот дом в Десятникове расписала хозяйка Зинаида Ивановна Бадашкова. *Фото Ф. Болонева*

образом жизни, поддержкой своих единоверцев были сравнительно зажиточной частью общества, то можно представить, какие ужасы сталинских репрессий им пришлось вынести.

Теперь большая часть населения в семейской среде неверующая, многие весьма равнодушны и безразличны ко всяким реформам. Это мешает процессу возрождения старообрядчества. Насаждение атеизма дает свои результаты. Трудно старообрядческим начетчикам и уставщикам бороться и с электронными средствами массовой информации. Современная цивилизация проникла во все поры жизни. Многие благочестивые старообрядцы не признают телевизор, но не могут уберечь свои семьи и паству, как они говорят, от «большеротого».

В быту воспитывались основные эстетические идеалы староверов: представления о красоте и гармонии в природе, разумно устроенной Богом, любовь к иконе, к красивому богослужению, к красоте и опрятности народного костюма, любовь к фольклору, пению. Все это создавало известную гармонию отношений. Быт придавал уверенность в правильности выбранной старой веры, старых обрядов, создавал духовно-психологический комфорт в семье, в общине, уставщики умело корректировали духовное и психическое здоровье верующих. Все это вкупе с трудолюбием возвышало старообрядцев.

Этнограф Г.М. Осокин отметил: «Ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения».

Для семейских характерен культ чистоты — духовной и физической. Это было присуще им в религиозной жизни, в быту в отношении к пище и посуде. Чистоте помыслов соответствовала чистота тела, жилища, одежды. В связи с этими требованиями существовали запреты иметь общение с мирскими (инаковерующими) «в ядении, питии и любви». Но в этом запрете заключалась чисто гигиеническая мера.

Семейских отличала их неистребимая потребность в красоте, которая внешне выражается в яркости и буйстве красок. Они хотят, чтобы «браво было» во всем: в одежде, в украшении, в утвари, в резьбе по дереву и в росписи домов.

Там люди украшать охочи
Карнизы, ставни и венцы.
Да так, что радовались очи
И слава шла во все концы.

Я вижу удивленным взором,
Как проявленье волшебства
Цветных наличников узоры,
Резных карнизов кружева.

Старообрядцы в Забайкалье выделялись своей яркой величавой одеждой, комплекс ко-

торой оформился в XVII — начале XVIII в., когда староверы проживали в Польше. Поскольку контингент старообрядческого населения, проживающего в пределах Польши, составлялся из жителей разных областей России, то это повлияло на оформление костюма семейских. Женский костюм включает в себя средне- и севернорусские особенности одежды: рубаху, прямой и косоклинный сарафан, пояс, запон (фартук), кичку, кокошник.

В костюме семейских присутствуют и южнорусские черты одежды (бисерные украшения, косник, дутые бусы, украшения цветами (живыми и искусственными) и перьями птиц (селезня). В одежде старообрядцев Забайкалья находим украинские и белорусские влияния. У бурят они заимствовали отдельные виды верхней одежды: доху, меховые шапки (малахай), обувь (унты, пимы). Покрой зипунов, халатов и шуб был характерен для русского костюма.

Семейские женщины, как и все женщины, любят наряжаться и украшать себя. Особенно ярко это проявляется в праздничном костюме. Их величавая одежда шилась из дорогих цветастых тканей: атласа, кашемира, бурса, канфы, шелка, плиса. Возможно, только у семейских, благодаря их преданности старине, сохраняются те формы русской одежды, которые у других групп русского народа давно вытеснены европейским костюмом. Молодежь местных старообрядцев не отстает от современной моды, но женщины в годах до сих пор преданы заветам предков. Они часто поют:

Я семейская была
И семейской буду,
Свой семейский сарафан
Сроду не забуду.

Любимыми украшениями семейских Западного Забайкалья — девушек и женщин — были разноцветные бусы и янтарные ожерелья. Последние они называют — «янтари». В праздники девушки навешивали на шею по 3–8 связок янтарей. Ближе к шее надевали мелкие, низ завершала полуфунтовая связка отделанного, отшлифованного и иногда граненого янтаря. Самый крупный, находившийся в центре связки, был окольцован, как правило, серебряным ободком. Янтарь был при-

В деревне Пестерево

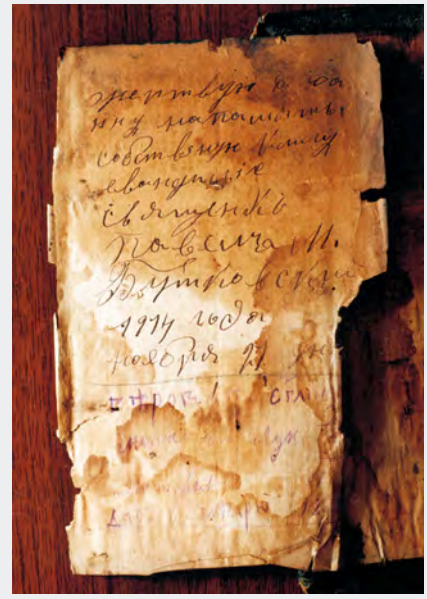
Юное поколение села Десятникова. *Фото С. Конечных*

везен с места высылки из польских пределов и из Прибалтики. В Забайкалье у семейских он служил в качестве амулета и лекарства. Из-за недостатка в воде йода многие жители страдали заболеванием зоба. Вот почему женщины до старости носили под рубахой связку янтарных бус. В случае тяжелого заболевания щитовидной железы янтарь обращали в порошок и принимали внутрь. Потребность староверок в янтарных украшениях хорошо учитывали купцы Верхнеудинска и Кяхты.

Пожилые женщины в забайкальских старообрядческих селах до сих пор носят старинную одежду. Мужская одежда не сохранилась.

В среде староверов сохранились многие памятники культуры и древнерусской письменности. Археологи и этнографы собрали у них замечательные материалы: древние книги и рукописи, предметы быта и обихода, образцы старинной одежды, найдены уникальные иконы. Эти предметы старообрядческой культуры существенно пополнили книгохранилища и музеи страны, обогатив науку и культуру. Словом, преданность семейской старине, их «консерватизм» (религиозный и бытовой) сыграли ныне положительную роль.

Можно сказать, что семейские как этнографическая группа сами являются редчайшим памятником русской неповторимой самобытности, стойкости русского человека.



Переселяясь за Байкал, старообрядцы — семейские в числе самого необходимого везли с собой и древние фолианты. Рукописи и книги, изданные еще до раскола, имелись в каждой семье, неукоснительно хранились в каждом поколении и передавались от отцов детям, по мере возможности пополняясь другими. Таким образом на протяжении веков складывался круг необходимой служебной и четьей литературы.

Большую часть бытовавших в забайкальском регионе славяно-русских книг составляют печатные издания. Самое раннее, известное в настоящее время, — Евангелие, изданное в московской анонимной типографии около 1564 года. На территории Бурятии обнаружены подлинные шедевры — первопечатные издания Ивана Федорова, Петра Мстиславца и типографии Мамоничей, которые относятся к концу XVI в. Широко представлены богослужебные книги, выпущенные в первой половине XVII в. Московским Печатным двором — здесь издания таких известных печатников, как Тимофея и Андроника Невежи, Василия Бурцева, софийского попа Никона, Иосифа Кириллова.

Богодухновенные КНИГИ

Сладостен убо цветник и рай,
много же сладостнее книжное
почитание и разум…
Из старообрядческого «Цветника» XVIII в.

Светлана БУРАЕВА

Из собрания Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова

К концу XVIII в. многие привезенные издалека книги обветшали и использовать их стало практически невозможно. Поэтому неудивительно, что в Забайкалье в больших количествах различными путями доставлялись старообрядческие издания из западных и центральных регионов Российского государства. У семейских Забайкалья нередко встречались старообрядческие издания из Почаева, Супрасля, Вильно, Гродно, Варшавы. Богослужебная и четья литература, напечатанная в легальных и нелегальных старообрядческих типографиях посада Клинцы, Ясс, Махновки (находившихся на западной окраине Российской империи) также не были редкостью за Байкалом. В XIX в. появляются издания московской единоверческой типографии, которая специализировалась на перепечатывании «дониконовских» московских изданий «первых пяти патриархов». После подписания в 1905 году кардинально изменившего положение в старообрядческом книгопечатании Манифеста о веротерпимости, в забайкальском регионе получили широкое распространение издания новой московской старообрядческой традиции, а также старообрядческой типографии Уральска.

Причетница из с. Десятникова
Фото С. Конечных

География печатных изданий, бытовавших в семейской среде, очень широка — Москва, Вильно, Киев, Могилев, Почаев, Супрасль, Клинцы, Яссы, Гродно, Уральск, Варшава. Таким образом, они практически без изъятия представляют четыре столетия кириллической традиции книгоиздания.

Местной книжно-рукописной традиции около 200 лет. Однако наиболее ранние рукописи — Минея и Псалтырь датируются XVI веком. Известны рукописные Евангелия, Апостолы, другие богослужебные книги для общественного и частного богослужения. К этому следует добавить крюковые рукописи, произведения писателей-старообрядцев и различного рода сборников.

Крюковые певческие рукописи старообрядческой традиции изготовлены не только на территории Бурятии. В конце XIX века и особенно в начале XX века после постройки Транссибирской железной дороги в Забайкалье стал весьма ощутим приток богато украшенных певческих рукописей, изготовленных в Москве и окрестностях (в частности, в Гуслицах).

Наиболее ярко книжно-рукописная традиция проявилась в рукописных сборниках. Служебные сборники содержат молитвословия, последования различных служб. Нравственно-учительные конволюты включают в свой состав различные апокрифические сочинения; Слова и Поучения святых отцов; жития русских и нерусских святых; фрагменты из известных сочинений, таких, как Страсти Христовы, Скитское покаяние, Великое Зерцало. Широкое бытование имели сборники духовных стихов, среди которых наиболее распространены «Плач Адама», «Стих о прекрасном Иосифе», «Плач о пустыне», «Стих о плаче душевном и о смертной минуте». Сборники смешанного содержания включали в себя статьи из богослужебной литературы, духовные стихи, хозяйственные документы. Кроме того, они могли содержать и произведения историко-культурного характера: Синопис Гизеля, Историю о падении Царьграда, Повесть об Антихристе, хронологические выписки о русских князьях; известен случай включения в состав сборника фрагмента трагедии М. Хераскова «Пламена».

Полемические сборники содержат материалы по истории старообрядческих согласий и отражают проблематику полемики между представителями различных направлений и толков. Полемическая литература распространялась как в рукописной форме, так и с помощью машинописи, гектографии и литографии. Репертуар произведений такого рода включает как широко распространенные в старообрядческой среде Послания Аввакума и Поморские ответы, так и местные полемические произведения. Одно из наиболее оригинальных и интересных — «Письмо о беззаконных попах и епископах в последнее время» — написано в конце 1950-х годов Иваном Антоновичем Бертиневым.

Для забайкальского региона, как и для других центров старообрядчества, характерно наличие достаточно большого количества старообрядческих библиотек — рядовых верующих, уставщиков, священников. В настоящее время многие из них прекратили свое существование и учеными ведется работа по реконструкции этих книжных собраний. Наиболее значительное из реконструированных — собрание белокриницкого епископа Иркутского и Дальневосточного Афанасия, имевшего в 1920-х гг. резиденцию в селе Тарбагатай.

Двухсотлетняя местная книжно-рукописная традиция, тесные связи с другими старообрядческими центрами и Москвой, широкое распространение грамотности в семейской среде и наличие крупных книжных собраний — все это говорит о высоком уровне старообрядческой книжности в регионе.

Немеркнущий свет

Обо — поклонение духам — «хозяевам» местности

Сагаалган — Новый год по восточному календарю

Этнографический музей народов Забайкалья на Верхней Березовке

Прабабушкина мода

Белый волосок серебряный...

Фото С. Конечных

На перевалах, возле родников-источников и вдоль дорог на деревьях повязаны бесчисленные яркие тряпочки-ленты. Проезжая мимо, местные жители непременно здесь остановятся. Бросят монетку, спички, сигареты или конфетку, выпьют рюмку-другую водки, не забыв брызнуть перед этим несколько капель в разные стороны. Спроси, зачем все это делается? Ответят — традиция такая. Кто-то скажет, что так делали всегда, кто-то вспомнит, что это для того, чтобы духи — «хозяева» местности — приняли и поспособствовали доброй дороге и благополучию. Такие священные места в Бурятии называют «обо».

Обо в предгорьях Саян

ПОКЛОНЕНИЕ ДУХАМ – «ХОЗЯЕВАМ» МЕСТНОСТИ

По материалам
А. АБАЕВОЙ и Р. БАЛБАРОВОЙ

Перед началом праздника. *Начало XX в.*

Молебен на празднике. *Начало XX века*

Культ «обо» всегда занимал особое место в бурятской культуре. Религиозные обряды, связанные с почитанием «хозяев» местности (духов гор, озер, рек, священных источников — аршанов), сопровождаются молитвенными просьбами. Чаще всего к покровителям местности обращаются с традиционными пожеланиями богатства, счастья, здоровья, удачи, потомства, избавления от засухи.

Каждый бурятский род имеет свои священные места. Обряды совершаются в строгой последовательности.

Вот как, например, в Селенгинском районе поклонялись Ехэ-обо в окрестностях села Арбузова. В обряде принимали участие представители шести родов селенгинских бурят. Молебен, как правило, совершался в первый летний месяц по лунному календарю, в благоприятный день.

Ехэ обо располагалось в степи на небольшом плоском возвышении, где не росло никаких деревьев. Перед молебствием туда заранее завозили несколько срубленных молодых деревьев, втыкали их в груду камней. Само место поклонения и жертвоприношения — обо — находилось в самом начале возвышенности. Сейчас там установлен субурган.

Готовится ритуальный костер

Кульминация праздника

Бурятский шаман

Выход на Ехэ-обо считался большим праздником для всех живущих в этой местности родов. Люди одевались в лучшие одежды, садились на хороших коней, брали с собой продукты на день. Каждая семья ставила светильник. К веточкам воткнутых деревьев привязывали тряпочные шнурки или ленты. Перед обо на небольшом расстоянии (около 20 метров) из маленьких камней складывали круг, где сжигали можжевельник, подливали в огонь топленое масло, молоко, подкладывали кусочки бараньего хвоста. Обычно этим занимались специально выделенные люди.

После призываний, когда «хозяин» горы опускался на установленное ему место, присутствующие совершали обряд «горо» — ходили вокруг обо по солнцу. В качестве жертвоприношения забивали барана, тушу которого разделывали по суставам, а мясо варили в большом котле. Голову опаливали на огне, очищали и варили в отдельном котле без нижней челюсти. Голова барана считалась самым почетным угощением для «хозяина» горы, еще к этому относились лопатка, грудина, крестец и четыре верхних ребра. Мясо и отдельно голову, молочные продукты клали в специальные тарелки. Мужчины, главы се-

Так выглядят обо
в различных уголках Бурятии

мей, брали свои принесенные и приготовленные тарелки с продуктами и ставили около обо, предварительно покружив их по ходу солнца и призывая благополучие. Затем снова совершали круг по ходу солнца, разбрасывая во все стороны маленькие кусочки принесенной пищи, как бы угощая «хозяев» местности. На этом ритуальная часть заканчивалась. Присутствующие садились в большой круг, начинался праздник. На почетных местах располагались старейшины, остальные — по кругу. В середину ставили все продукты. Молодые люди обслуживали участников обряда, подавая им пищу, начиная с самых уважаемых людей родов. Старики вели беседы, молодые общались друг с другом, пели песни. Затем начиналась борьба, скачки, стрельба из лука. Самый сильный борец, меткий стрелок, лучший всадник получали награды. Победившему коню посвящали специальную песню — «мориной соло». К вечеру праздник заканчивался.

При дожде и громе совершался особый обряд, посвященный культу Далха — охранительному грозному божеству, ныне утраченный. Культовое место оформлялось следующим образом: в ограде размером 5 х 5 метров были посажены деревья — пихта, ель, осина, за которыми регулярно ухаживали, поливали. Сам культ отправлялся летом. Приглашались ламы, читались молитвы о благополучии всего рода. Вокруг ограды привязывались девять белых или саврасовых коней, люди старались одеваться понаряднее, преимущественно в белый цвет. После завершения чтения молитв молодые люди садились верхом на белых коней и мчались вокруг ограды по ходу солнца, стреляя в воздух холостыми патронами. Дети бегали вокруг ограды, размахивая деревянными саблями и винтовками, имитируя криками стрельбу.

На многие обо запрещалось выходить женщинам. Но пища для угощения «хозяина» горы и общего угощения приготавливалась только женщинами данного рода. Погребение родовых, племенных старейшин совершалось также без участия женщин. Почетным местом захоронения старейшин являлся юго-восточный склон родовой горы.

Нередко культовые бурятские места располагаются на древних археологических памятниках — могильниках, или там, где есть наскальные рисунки. Наверное, обычаи поклонения духам — «хозяевам» местности — существовали и несколько тысяч лет тому назад.

Праздник Белого месяца

САГААЛГАН

Новый год по-восточному календарю

В условиях кочевого и полукочевого скотоводства сложился особый цикл хозяйствования, определявшийся по лунному календарю. Начало этого цикла у предков монгольских народов означало наступление нового годового периода, сопровождавшегося торжественными обрядами и церемониями. Название праздника произошло от слова «сагаан», что означает «белый», или выражения «сагаан сар», то есть белый (светлый) месяц. Первоначально он отмечался осенью, в октябре, перед началом зимовки скота.

После распространения и утверждения буддизма среди монгольских народов празднование Сагаалгана было перенесено с осени на самый конец зимы или, по-монгольски, на первый месяц весны, то есть примерно на февраль. Причины и точная дата переноса праздника неизвестны. Ясно лишь, что он был одним из самых популярных, почему буддийское духовенство и не могло не включить его в свою религиозно-культовую систему. В Бурятии, являвшейся частью монгольского мира, Сагаалган также был в значительной степени ламаизирован.

В 1930-х годах праздник был запрещен. Возрождение традиций началось лишь в послевоенное время. В 1990 году национальному празднику Сагаалган был присвоен официальный статус народного праздника.

Существуют две формы празднования — официальная дацанская и народная бытовая.

Дацанский праздник начинается накануне, в ночь наступления традиционного Нового года по лунному календарю и сопровождается соответствующими молениями и ритуальными действиями. В процессе богослужения для благополучия в наступающем году сжигается на особом костре «сор», символизирующий людские грехи за истекший год, служится молебен, посвященный «хранительнице веры» богине Лхамо, которая в эту ночь якобы пересматривает мир. После Нового года устраивалось богослужение в честь победы основателя буддизма над шестью противниками буддийского учения. Легенда гласит о том, что Будда одержал победу путем проявления чудес, продолжавшихся с 1-го по 15-е число первого весеннего месяца. Поэтому в течение этих 15 суток в дацанах производится хурал (богослужение) во имя распространения и упрочения буддизма. Считалось, что это время является наиболее благоприятным для поминания усопших. Каждый верующий совершал обильные приношения в дацан во имя умерших родственников.

Итак, праздник длится в течение 15 дней. Перед его началом в домах и ранее в юртах вывешивались изображения бурханов — божеств (обряд бурхан дэлгээлгэ). Перед божницей ставились яства, зажигались лампады (зула) и спрессованные палочки ароматических трав-благовоний (хужэ). Каждая семья тщательно готовится к торжеству — принято справлять к нему обновы, запасаться продуктами, наводить порядок и чистоту в доме, готовиться к приему родных и близких, соседей и друзей. В день праздника обычно навещают друг друга, особенно дети родителей (если живут отдельно), младшие старших поздравляют с праздником, желают здоровья, долгих лет жизни, одаривают, угощают. Ранее в дни Сагаалгана устраивались конные скачки и прочие игры.

Священный ритуал: ламы сжигают на костре «сор», символизирующий людские грехи за прошедший год. *Фото С. Конечных*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

На Верхней Березовке

Этнографический музей народов Забайкалья был открыт для посетителей в 1973 году. Музей расположен в городской черте Улан-Удэ, в живописной местности Верхняя Березовка, являющейся любимым местом отдыха жителей столицы Бурятии. На огромной территории музея воссозданы бурятские улусы, деревни русского старожильческого населения и семейских, казачий дворик, уголок старого Верхнеудинска.

По материалам сотрудников Этнографического музея народов Забайкалья

Тамара ГУРКА (эвенкийский комплекс),
Елена ЯНГУТОВА (забайкальский комплекс),
Лариса РАКШАЕВА (предбайкальский комплекс),
Ринчима ЦЫДЫПОВА (старожильческий комплекс),
Надежда ЖАЛСАРАЕВА (городской комплекс).

Территория Этнографического музея разделена на несколько комплексов: археологический, эвенкийский, бурятские предбайкальский и забайкальский, старожильческий, старообрядческий, городской.

Экспозиция каждого комплекса представлена в виде характерных для поселений прошлого века усадеб и хозяйственных построек с орудиями труда, домашней утварью, мебелью. Единый ансамбль комплексов под открытым небом, а также природный ландшафт создают подлинную и многообразную картину жизни и быта эвенков, бурят, русских с начала XIX по начало XX века.

В музее можно увидеть традиционные для Забайкалья жилища — чумы эвенков, войлочные юрты бурят. Помимо жилых строений здесь представлены памятники культового деревянного зодчества — буддийский дуган «Деважин», церковь из старообрядческого села Никольское, часовни.

Строительство музея еще не завершено. К настоящему времени на территории музея сосредоточено около 46 архитектурных памятников. В музейных фондах собрано свыше 11 тысяч экспонатов. Значение музея как научно-исследовательской базы, хранилища архитектурных памятников растет постоянно. Сохраняя для нынешнего и будущего поколений культурное наследие народов Забайкалья, он помогает понять его прошлое и лучше оценить сегодняшние достижения.

Далекое прошлое Забайкалья имеет богатую историю, запечатленную в многообразных археологических памятниках. Стоянки первобытного человека и городища хунну, пещеры и рисунки на скалах, могильники и культовые предметы дают представление о том, как жили и чем занимались наши далекие предки. Группа памятников датируется бронзовым веком — II–I тыс. до н. э. В музее сосредоточено несколько типов «плиточных» могил, «оленный» и «сторожевой» камни, часть скалы с древними красочными рисунками. С культурой обработки железа были связаны племена хунну. Два жилища хунну перевезены в музей и реконструированы. С острова Ольхон перенесены «шатровые» могилы, из Джидинского района — «керексуры».

1. Вход

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

2. Плиточные могилы
3. Павильон с реконструкцией хуннских жилищ

ЭВЕНКИЙСКИЙ КОМПЛЕКС

4. Эвенкийский комплекс

ПРЕДБАЙКАЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС

5. Зимняя усадьба богатого бурята
6. Зимняя усадьба середняка-бурята
7. Летний улус

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКС

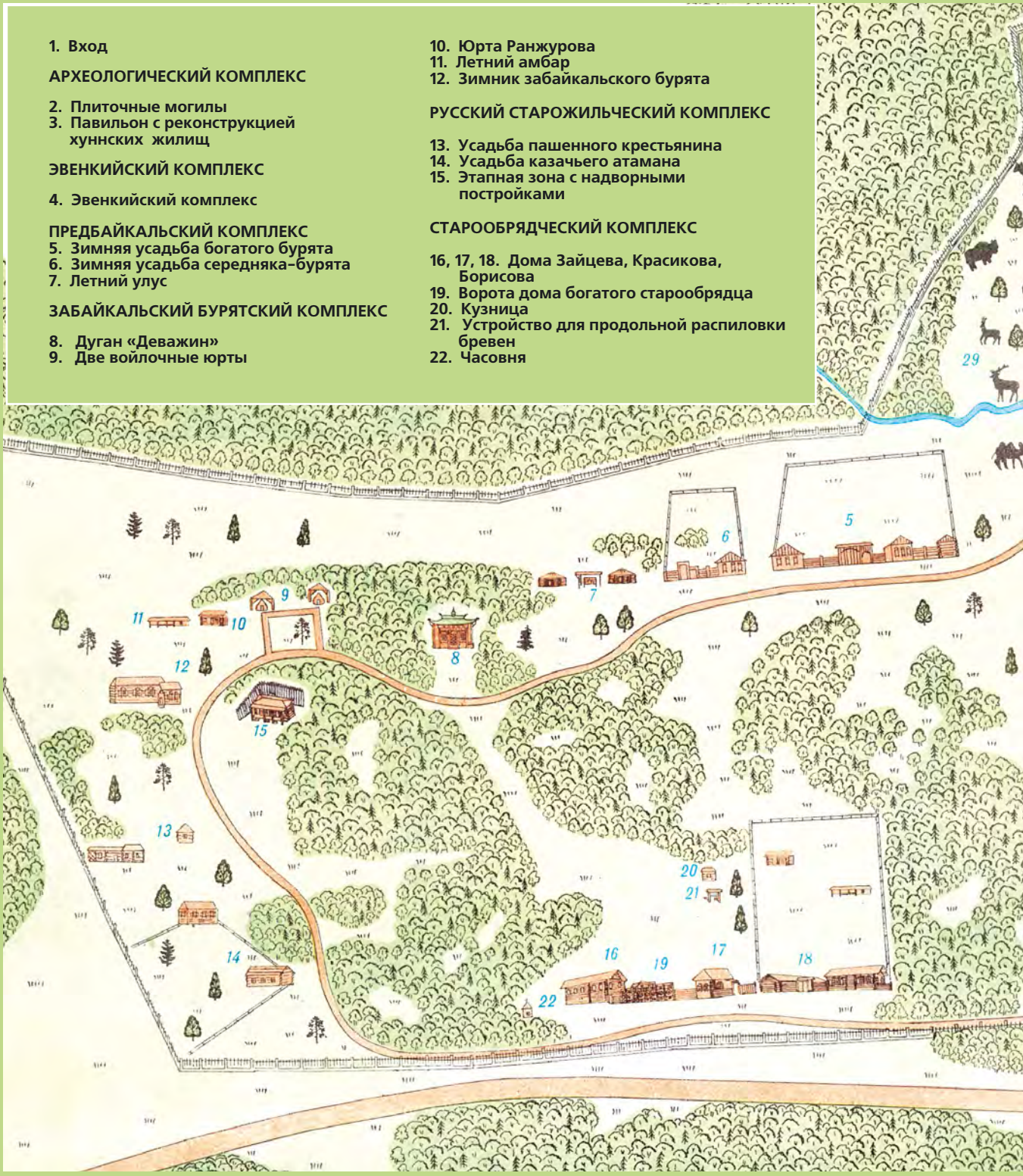
8. Дуган «Деважин»
9. Две войлочные юрты
10. Юрта Ранжурова
11. Летний амбар
12. Зимник забайкальского бурята

РУССКИЙ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

13. Усадьба пашенного крестьянина
14. Усадьба казачьего атамана
15. Этапная зона с надворными постройками

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

16, 17, 18. Дома Зайцева, Красикова, Борисова
19. Ворота дома богатого старообрядца
20. Кузница
21. Устройство для продольной распиловки бревен
22. Часовня



ГОРОДСКОЙ КОМПЛЕКС

23. Деревянная церковь
24. Жилой дом с ул. Почтамтская, 22
25. Жилой дом с ул. Ленина, 67
26. Амбар
27. Жилой дом с ул. Трудовая, 28
28. Часовня
29. «Живой уголок»
30. Закусочная

**Жилище предбайкальских бурят. XIX – начало XX в.:
Дом-зимник зажиточного бурята-земледельца,
Восьмистенная деревянная юрта,
Интерьер деревянной юрты**

Этнографическому музею удалось по собранным материалам реконструировать не только жилища, но и воссоздать характерное стойбище эвенков — рыболовов и оленеводов конца XIX – начала XX в.

Комплекс состоит из нескольких чумов, расположенных в непосредственной близости друг от друга и двух свайных лабазов с крышами, крытыми лиственничной корой. Свои стойбища эвенки ставили в сухом бору, что и соответствует местоположению комплекса. Чум летом и зимой был основным жилищем эвенков. Летний чум сооружался из бересты, а зимний у бедного эвенка из лиственничной коры. Более зажиточные эвенки покрывали зимний чум шкурами диких животных.

Интерьер для всех жилищ традиционный.

Ведущей отраслью хозяйственной деятельности бурят в прошлом веке было скотоводство. В Забайкалье оно не отличалось от типичного монгольского кочевого хозяйства. Разводили пять видов скота: крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз и верблюдов. В Предбайкалье скотоводство носило полукочевой характер, существовала система заготовки кормов на зиму.

В XVIII – начале XIX в. в хозяйственной жизни бурят произошли существенные изменения. Под влиянием русских крестьян буряты постепенно стали переходить к земледелию и оседлости. В конце XIX – начале XX в. у предбайкальских бурят преобладало земледельческо-скотоводческое, а у забайкальских — скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Бурятский Забайкальский комплекс состоит из зимней усадьбы с жилым домом, деревянной летней юрты и амбара. В комплексе экспонируется войлочная юрта, буддийский дуган «Деважин», амбар Ц.Ц. Ранжурова.

Бурятский предбайкальский комплекс представлен двумя усадьбами крестьян разного достатка и двумя восьмистенными юртами.

Усадьбу зажиточного бурята составляли дом-зимник и широкое крестьянское подворье: амбары, юрты, коровники, котухи для овец, рига, овин, утуги — все это ограждалось прочным забором.

Дома-зимники в XIX в. являлись широко распространенными типами жилищ крестьян-бурят Иркутской губернии, занимавшихся помимо скотоводства земледелием.

Усадьба середняка представлена домом-зимником с холодными сенями (пятистенок), деревянной четырехстенной летней юртой, небольшим амбаром для хранения муки, зерна, мяса.

Многоугольные деревянные юрты, как традиционное жилище, сохранились к началу XX века. К этому времени они становятся летним жилищем,

претерпевая ряд усовершенствований. Деревянные юрты различались по величине, добротности материала в зависимости от степени зажиточности хозяина.

В музее представлены восьмистенные юрты из разных районов — одна из села Иний (Качугский район Иркутской области), другая — из села Далахай (Закаменский район Республики Бурятия).

Закаменская восьмистенная юрта была построена без традиционных опорных столбов в 1898 г. местным мастером Ц. Самбиловым. Крышу поддерживают решетчатые переплетения. Крыша снаружи покрыта корой, а сверху — дерном. Качугская юрта опирается на четыре опорных столба, которые соединяют балки, образующие квадратную форму.

В центре юрты находится очаг — квадрат земляного пола с тремя камнями (дулэ). Интерьер традиционный — на правой от входа половине расположены полки с деревянной и берестяной посудой — кадушки, туеса, чаши, корытца, маслобойки и пр. Напротив входа, занимая почти всю стену, находится кровать (орон) со всеми постельными принадлежностями — хубсарами, катаными потниками (шэрдэками), подголовниками из камусов, набитыми оческами шерсти, овчинными одеялами.

На другой половине от входа — (барун тала) располагалась лучшая часть убранства юрты — нарядно расписанные сундуки, стол для гостей, деревянный диван (сапа), ближе к двери — седло, предметы конского снаряжения.

Разделение юрты на мужскую и женскую половины было условным, оно способствовало более практичному использованию относительно небольшой площади юрты и поддержанию в ней порядка.

Рядом с юртой стоит глинобитная печь. Такие печи для выпечки хлеба ставили обычно на летниках, так как они удалены от зимников на значительные расстояния.

Для закрепления и охраны порубежных земель в начале XVIII века большая часть забайкальского казачества была переведена на китайско-монгольскую границу. Правительство отменило казакам хлебное жалованье и выделило им землю для запашки. Казаки получили возможность вести самостоятельное хозяйство. Стал складываться особый казачий уклад жизни — воинов-земледельцев.

Поселение огораживали изгородью, выделяя выгон для скота. Комплекс показывает самобытную культуру и быт забайкальских казаков и пашенных крестьян. Все дома и постройки являются подлинными памятниками и представляют собой образцы народного зодчества, перевезенные из разных мест Забайкалья.

Дуган «Деважин» из Тамчинского дацана
Интерьеры дома-зимника и бревенчатой юрты забайкальского бурята-скотовода. XIX – начало XX в.

Усадьба станичного атамана разделена на передний и скотный дворы, огород. На переднем открытом дворе расположен жилой дом, амбары, завозня, навес:

Дом семейского
Интерьер семейского дома
Во дворе дома станичного атамана

а) амбар двухкамерный предназначен для хозяйственных нужд. Перевезен из дер. Халзаново Прибайкальского района;

б) завозня — изолированная постройка с двухпольными дверями для хранения повозок, саней, инвентаря, сбруи;

в) однокамерный амбар с погребом;

г) крытый навес для отстоя лошадей.

В скотном дворе размещалась конюшня, загон для овец, стойки для крупного рогатого скота. Здесь же размещено крытое гумно — площадка для обмолота зерна.

В огороде находится колодец с воротом на цепях под двухскатной крышей. Круглый дом с верандой, перевезенный с Заудинской станицы г. Верхнеудинска, построен в конце XIX века. Делится дощатыми перегородками на избу-кухню и парадные покои. Интерьер дома был разнообразен. В избе-кухне готовили пищу, отдыхали и работали. В парадных комнатах стояла лучшая мебель и предметы убранства.

Усадьба пашенного крестьянина состоит из дома, амбаров, сарая, завозни. Дом вывезен из села Батурина Прибайкальского района. Представляет собой типичную великорусскую постройку первых поселенцев края. Это зимовье с тремя окнами, дом с самцовой кровлей, потолок из круглых бревен, пол неокрашен. Напротив дома расположен двухкамерный амбар, сарай двухстенный, завозня.

Этапный амбар перевезен из села Кульский станок Хоринского района, является частью этапного пункта, представляет собой трехкамерное помещение. В амбаре размещена выставка «Из истории ссылки и каторги Забайкалья», где представлены предметы этапных помещений.

Вскоре после своего насильственного переселения в Забайкалье староверы составили основное ядро здешних земледельцев. Хозяйственная деятельность семейских была постоянным предметом восхищения путешественников и исследователей.

Семейские выращивали рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, гречку, овес, сажали картофель, разводили огороды. Скотоводство играло в хозяйстве подсобную роль. Крестьяне держали овец, крупный рогатый скот, лошадей, свиней и птиц (кур, гусей, уток).

Ремесло и домашнее производство в основном были направлены на удовлетворение личных нужд, на изготовление предметов домашнего обихода.

Старообрядческий или семейский комплекс представляет собой типичную улицу с односторонней застройкой конца XIX – начала XX в. Здесь имеются дома крестьян разного достатка: «дом-связь» зажиточного хозяина со всеми надворными постройками, изба крестьянина-ремесленника, дом богатого старообрядца, а в некотором отдалении расположена часовня беспоповцев. Кроме того, рекон-

струированы уникальные ворота, вывезенные из села Новая Брянь. Все строения деревянные, из лиственничных и сосновых бревен.

Усадьба зажиточного крестьянина состоит из трех основных частей: переднего двора, отгороженного от улицы забором — «заплотом», скотного двора и огорода.

Жилой «дом-связь» был перевезен из села Надеино Тарбагатайского района и ранее принадлежал крестьянину Зайцеву. В доме воссоздан интерьер жилища зажиточного семейского крестьянина. Практически все вещи, представленные в экспозиции, подлинные.

Во дворе, кроме жилого дома, имеется зимовье, навес для сушки зерна, амбар, сарай, завозня. На скотном дворе имеются загоны для скота, сеновал. В огороде — баня «по-черному» и колодец.

Усадьба бедного крестьянина-ремесленника представлена домом, который был построен в 1861 году и ранее принадлежал крестьянину Красикову.

В доме и во дворе представлены предметы и орудия домашних ремесел. В отдалении стоит кузница (конец XIX в.). Перед кузницей стоит станок для подковки лошадей и «бало» — приспособление для гнутья дуг и полозьев для саней.

Дом богатого крестьянина-старообрядца, некогда принадлежавший семье Борисовых в селе Куйтун, построен во второй половине XIX в. Дом двухэтажный, с высоким крыльцом, балконом-террасой. Интерьер этого дома традиционный, но здесь уже можно видеть мебель городского типа.

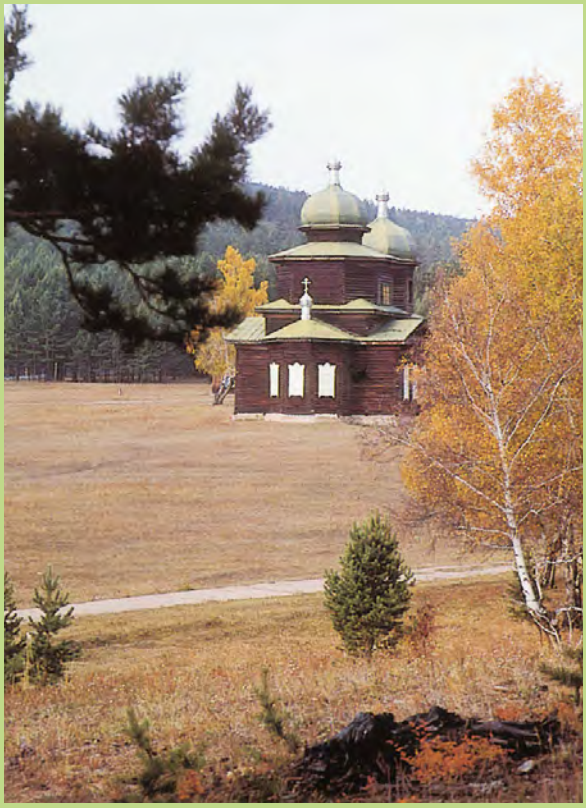
Городской комплекс представлен несколькими деревянными зданиями, перевезенными сюда из Улан-Удэ — бывшего уездного города Верхнеудинска. В перспективе городской комплекс будет представлять собой улицу старого города с домами купца, мещанина, ремесленника, с торговыми и ремесленными лавками, пожарной каланчой, церковью и часовней.

Перевезены и установлены в музее «доходный дом» с улицы Ленина, дома с мезонином с улицы Почтамтской и улицы Трудовой. Фасады домов богато украшены легкой ажурной резьбой карнизов, оконных наличников, ставней.

Деревянная часовня (конец XVIII в.) перевезена из Старого Селенгинска. Восьмиугольное в объеме здание на фундаменте из бутового камня покрыто шатровой крышей с луковкой и главкой.

Церковь из села Никольское Мухоршибирского района возведена в 1913 году и выдержана в классических традициях деревянного культового зодчества.

В «Живом уголке» музея содержатся изюбры — благородные олени, яки (сарлыки), медведи, волки, косули, заяц, верблюд, овцы грубошерстной породы.



Старообрядческая церковь, перевезенная из села Никольское
Дом состоятельного горожанина–верхнеудинца начала XX в. Перевезен с Почтамтской улицы (№22) Улан–Удэ

В дороге. *1976 г. Бумага, тушь, перо*

Рисовать Очиров стал совершенно неожиданно, возможно, собранный им фольклорный материал требовал творческого выхода. Сюжеты из истории, быта и культуры бурят самодеятельный художник рисовал карандашом и тушью на отдельных листах бумаги. Рисовал для себя, но часто листы раздавал знакомым, дарил по разным случаям. Никто не относился к занятиям сельского учителя серьезно — его рисунки вызывали только добрые улыбки.

Кроме того, Цырен-Намжил Очирович был еще неплохим резчиком по дереву. Вероят-

Забайкальский Пиросмани

Светлана БАРДАЛЕЕВА

Угощение вдовушки. *1976 г.*

Цырен-Намжил Очирович Очиров всю жизнь прожил в селе Могсохон, что в Кижингинском районе. Преподавал в местной школе родной язык и литературу. Был очень любознательным человеком, страстным собирателем местного фольклора, старинных бурятских сказок и преданий, словом, слыл «деревенским знатоком». На досуге все увиденное и услышанное от других заносил в толстую тетрадь. Таких рукописных книг с короткими рассказами и выразительными иллюстрациями накопилось у него несколько.

Буряты на охране русско–китайской границы в 1760 г.

Предводитель гуннов Тумэн. *1976 г.*

но, это свое увлечение он считал более профессиональным. Поэтому в начале 1970-х годов он пришел в Художественный музей им. Ц.С. Сампилова в Улан-Удэ и предложил свою работу — изящную деревянную ступку для толчения чая. А заодно показал и папку со своими рисунками.

Его графические листы произвели разное впечатление — от восторга до раздражения. Некоторым сначала показалась странной и обидной манера изображения бурятских лиц. Но нашлись и такие, кто в самодеятельных рисунках Очирова увидел настоящее откровение, прочувствовал свежесть взгляда на мир человека из глубинки. Рисунки Очирова подкупали своей необычностью, выразительностью и познавательностью, абсолютно верной передачей бытовых деталей. Жизнь и быт бурят были не сфотографированы, а показаны как бы изнутри с мягким юмором и любовью.

По мере знакомства с новыми и новыми рисунками учителя из Могсохона становилось ясно — это настоящее художественное явление. Контуры фигур художник создавал одной не-

Перекочевка. *1976 г.*

Кожемялка. *1976 г.*

Просеивание зерна на ветру. *1976 г.*

Пеший охотник

прерывной, вихрящейся линией. Его стиль был неповторим, разнообразен и индивидуален. Непосредственность, простота, некий «примитивизм» в изображении фигур, нарочитая гротесковость лиц были теми сознательно выбранными приемами, с помощью которых художник безошибочно передавал суть народного характера, живое восприятие жизни, слитность, неразрывность с миром природы.

Замечательный культурный феномен стал общепризнанным фактом после публикаций искусствоведа Светланы Цыбыктаровой, собиравшей разлетевшиеся по всему Советскому Союзу рисунки художника из Могсохона.

Музеи стали закупать графические листы Очирова, демонстрировать их на выставках, в том числе и авторских. К Цырен-Намжилу (Николаю) Очирову пришло широкое признание. Шесть дипломов I степени четырех советских и двух международных выставок самодеятельных художников стали первыми признаниями успехов и последними наградами в его жизни. В 1987 году народный мастер умер, прожив 67 лет.

Много рисунков сохранилось в семье художника. В Художественном музее им. Ц.С. Сампилова (г. Улан-Удэ) собрано свыше 500 графических листов, созданных Очировым в течение десяти последних, самых плодотворных лет жизни.

Родной улус

Встреча в пути

ПРА бабушкина МОДА

Фото С. Конечных

Верхняя одежда бурят называлась *дэгэл* или *дэли*. Покрой дэли был распашной, без плечевого шва, с запахом на правую сторону. Зимние дэли шили обычно из овчины или длинношерстной мерлушки, покрывая далембой, сукном, китайским шелком, бархатом. Летние дэли — *тэрлиг* были матерчатые. И зимние, и летние дэли делались длиннополыми, до щиколоток, и хорошо защищали ноги, особенно при езде на лошади, от сильных морозов, ветров. Такая одежда не стесняла движений при посадке в седло. Рукава *дэли*, также удлиненные, выполняли функцию рукавиц. Обшлага рукавов в виде конского копыта оторачивали чаще всего мехом бобра, выдры, мерлушкой, шелком или бархатом.

Женские дэли — отрезные по талии, состояли из лифа — *сээжэ*, длинного и широкого подола — хормой, собранного в густую сборку по талии, вшивных рукавов — *хамсы*. Рукава были составные: широкая часть у плеча называлась *тохойн узуур*, суженная к низу от локтя часть рукава — *тохой* или *тохоног*, последняя шилась из материи другого цвета. Заканчивались рукава обшлагами — *туруу* или *нюдарга*. Поверх верхней одежды как праздничной, так и обыденной замужние женщины надевали длинные и короткие безрукавки (назывались они по-разному: *уужа*, *дэгэлэй*, *хубайхи*, *сээжэбшэ* и т.д.).

Несмотря на общий стиль и покрой, верхняя одежда бурят, проживающих в разных регионах, имела свои особенности, которые проявлялись в некоторых конструктивных

ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

ПРА бабушкина МОДА

Всебурятская ассоциация развития культуры (ВАРК) существует более десяти лет. Все эти годы здесь скрупулезно собирают образцы одежды различных бурятских родов.

На сегодня в коллекции ВАРКа имеется почти весь спектр реконструированной мужской, детской и женской одежды. По этим образцам здесь умело шьют национальные наряды по заказам концертных организаций и коллективов художественной самодеятельности. Но не только для них.

Все чаще на улицах Улан-Удэ, городов и сел республики в праздничные дни можно увидеть молодых людей в национальной одежде. Становится нормой выдача невесты и организация престижной свадьбы по старинным обычаям, когда молодая пара наряжается в праздничную одежду, предназначенную специально для этого случая. Выходит, прабабушкина мода возвращается?

деталях, в декоре. Эти отличия в одежде, украшениях указывали на родоплеменную принадлежность, на сохранение этнического облика далеких предков бурят. Так, например, если для дэли восточных бурят характерен воротник-стойка, у западных бурят встречались мужские дэли с шалевым воротником: такие воротники носили еще в X в. н.э. кидани — вероятные предки монгольских народов.

Традиционные головные уборы бурят отличаются многообразием. Наиболее общими для всех этнических групп были зимние шапки — *хасаб-шатай малгай* с простроченной конической тульей и наушниками. Они обычно подбивались мехом рыси, выдры, лисы, бобра или мерлушкой. Летняя шапка имела также высокую тулью с горизонтальными и вертикальными строчками и околыш, который покрывали чаще всего бархатом. И летняя, и зимняя шапки украшались навершием из серебра — *дэнзэ, жинчи*, со вставкой из серебра, коралла, лазурита, малахита и, кроме того, к верху шапки прикрепляли шелковую кисть из крученых ниток красного цвета — *залаа*.

Традиционная обувь бурят также была разнообразной, но наиболее престижным считалось носить *эрмэг гутал* из юфти, на толстой войлочной подошве, обшитой материей, с загнутым кверху носом. Летняя обувь имела кожаные голенища, подошву из сыромятной кожи и носок, несколько загнутый кверху. Кроме того, была распространена, главным образом, у западных бурят, обувь с голенищем из сукна или овчины с кожаными союзками, на сыромятной подошве, с небольшим каблучком.

Белый волосок серебряный...

Инесса СОКТОЕВА,
кандидат искусствоведения

Бурятские мастера-дарханы унаследовали от своих предков сложнейшие ремесленные навыки и неповторимый художественный стиль. Среди многих кузнечных промыслов особое распространение у бурят получила чеканка по серебру как истинно национальное неповторимое искусство. Современные мастера продолжают и развивают народные традиции.

Кузнечное искусство испокон веков пользовалось огромным уважением у забайкальских народов. Недаром в бурятском фольклоре кузнецам приписывается божественное происхождение. А в специальных гимнах-призываниях могущество их приравнивается к явлениям вселенского масштаба:

Мастер подобно белому небу...
Ты велик, как горы, как океан...
Подобно горам высоким
Горнило с наковальней сделай!
Подобно храмам высоким
Горнило с наковальней сделай!
Кузнечным мехом из бычьей шкуры
Сталь и железо дыми!
Кузнечным мехом из шкуры лося
Черное железо дыми!
Белый волосок серебряный
До луны дотяни!
Красный волосок серебряный
До высоких гор дотяни!..

Одним из наиболее известных художников-чеканщиков называют сегодня Булата Жамбалова, завоевавшего широкое признание в республике и за ее пределами.

Булат Жамбалов родился в 1952 году в селе Тохой Селенгинского аймака Бурят-Монгольской АССР. Отец его, Гэндэн Жамбалов, прослуживший в армии бортмехаником с 1939 по 1946 год, после войны работал в колхозе механизатором, был «мастером на все руки». Мать преподавала в школе домоводство: кулинарию, кройку и шитье. Свою умелость, технические навыки, ловкость и сноровку родители передали семерым детям, и, может быть, в большей степени именно Булату, сызмала видевшему, как работал отец в колхозе и дома, по хозяйству, выполнял любые просьбы односельчан.

По окончании школы, решив стать художником, с помощью родственников поехал в Москву, поступил в Абрамцевское художественно-промышленное училище одновременно с Б. Чимитовым, ныне известным художником, работающим в технике

резьбы по кости. Но в 1975 году из-за обострения ревматизма Булат вынужден был взять академический отпуск и вернуться домой. Лечивший его 80-летний лекарь из соседнего села Загустай посоветовал ему не ездить «на запад», так как, по его мнению, изучать и развивать национальную культуру лучше, не отрываясь от родной почвы.

Ознакомившись с работами умельцев, Булат выбрал себе в наставники Батомунко Тубшинова. Вдвоем с Геннадием Налхановым они поехали на колхозную ферму неподалеку от села Бургуй, где тогда жил и работал мастер.

Имя отца мастера — Галдана Тубшинова, насчитывавшего в своем роду не менее семи поколений мастеров-дарханов, было особенно почитаемым у бурятских златокузнецов. На выставке в 1940 году во время первой декады Бурят-Монгольского искусства и литературы в Москве экспонировалось двенадцать его работ. Среди них выкованный из меди бюст В.И. Ленина, портсигар, на крышке которого вычеканена рельефная голова лошади в обрамлении подковы, железные печати для тиснения по коже, гребенка, инкрустированная зеленым и красным камнем, браслеты и перстни из серебра с чеканкой и гравировкой. Свой опыт, знания, инструменты, полученные в наследство и сделанные собственными руками, он передал сыну, который помогал ему и работал вместе с ним.

В последующий период Батомунко Галданович работал в колхозе, на досуге что-либо мастерил по заказам близких ему людей. Только в шестидесятые годы он смог отдаться любимому делу полностью. В 1967 году он вычеканил из серебра нагрудный медальон и две пластинки для накосных украшений, которые сразу же приобрел Художественный музей им. Ц.С. Сампилова. Примерно тогда же начинают поступать заказы из вновь открывшегося Иволгинского дацана. На далекую от столицы ферму приезжают маститые и начинающие художники, сотрудники музеев и научных институтов.

В тот год мастер нередко отлучался из дома, но ученики не теряли времени зря, они воспользовались оставленными для них инструментами в качестве образцов и сделали себе такие же наборы молотов и молотков, чеканы разной формы, паяльники, штампы и т.п. Скопировали орнаменты, которые когда-то выполнил художник из Санагинского дацана для своего брата — Галдана Тубшинова, одержавшего над ним верх в технике чеканки по серебру во время семейного состязания, по традиции устраивавшегося между претендентами на право наследования отцовского дела.

Под непосредственным руководством наставника молодые чеканщики научились изготовлять лаб — специальный состав для чеканки из листвен-

ничной смолы или каких-либо заменителей (черного гудрона с козьим жиром, воском и т.д.), освоили технику резьбы, штамповки, литья и паяния. Кроме того, сумели помочь учителю выполнить заказы для дацана — в отливке серебряных колокольчиков (хонхо), атрибутов культа — очиров и статуэток будд. Батомунко Тубшинов остался очень доволен выдающимися успехами своих подопечных.

Вернувшись в Улан-Удэ, Булат Жамбалов поработал некоторое время на Экспериментальном заводе сувенирной продукции, затем перешел в Художественно-производственные мастерские Бурятского отделения Худфонда и получил, таким образом, возможность выполнять собственные работы.

С самого начала своей деятельности Булат Жамбалов обнаруживает творческую индивидуальность, которая ярко проявляется в добротности исполнения, основательности в работе, неторопливости и терпении. Как раз эти качества, на наш взгляд, являются наиболее существенными в традициях бурятского художественного металла.

С большим чувством выполняет Булат Жамбалов традиционные изделия. К ним относятся, прежде всего, ножи и огнива — самые необходимые в быту кочевников-скотоводов предметы, которые к тому же нередко становились украшениями национального костюма. По всей видимости, они заняли место таких предметов, как колчан для стрел и налучник — кожаный чехол для лука, покрытых железными посеребренными пластинками, в недавнем прошлом составлявшие главную принадлежность мужчины-охотника и воина, а также легендарного богатыря — батора, защитника обездоленных, сражавшегося с чудовищами, — олицетворениями зла в мире.

В национальном стиле выполняет мастер курительные трубки. Для бурят — это тоже не просто предмет. Он еще и очень значителен в ритуальной практике. Можно вспомнить строки одного из народных сказаний-«улигеров»: «Герой выкуривает трубку и, пуская струйку дыма вверх, мысленно обращается к своим небесным покровителям, и лицо его озаряется светом, а вслед за тем опускает голову, и в очах его сквозит печаль...».

Далеко не случайно одной из наиболее значительных работ мастер дал наименование «Гэсэр». Это — комплект из четырех предметов: ножа в ножнах, огнива, трубки и кисета из замши с узорчатыми металлическими накладками, с подвеской и крючком для прочистки чубука. Предметы орнаментированы в одном стиле рельефной чеканкой и филигранью с вставками из кораллов, малахита и лазурита. Все формы уравновешены в пропорциях, близких «золотому сечению». Хорошо выявлены фактура и цвет камней, каждый из которых ассоциируется с первоэлементами природы, гармонирует со сверкающей поверхностью металла. Комплект в целом производит впечатление силы и достоинства, что вполне созвучно благородному облику эпического героя.

Образно-поэтическая целостность отличает и другие произведения мастера — «Зорикто», «Селенга», «Лазурный».

Те же качества можно обнаружить и в изготовленных Жамбаловым женских украшениях: браслетах, серьгах, кулонах. Причем они одновременно и традиционны, и современны по стилю и характеру. Художник мастерски обыгрывает фактуры полудрагоценных камней — густого насыщенного цвета коралла, контрастно выделяющегося на фоне чеканного и ажурного серебра, темно-зеленого малахита и голубого лазурита с множеством оттенков.

Среди украшений, выполненных за последний период, есть новые интересные приемы, свидетельствующие о том, что мастер активно включился в современное ювелирное творчество. Наверное, это закономерно, когда бурятские умельцы нового поколения, не утрачивая традиций, вместе с тем ориентируются и на сегодняшние потребности и вкусы, на последние веяния мировой моды. И в этой области Жамбалов создает образцы самого высокого класса. Сферой приложения сил художника становятся объемные предметы, разного рода курильницы, лампады и подсвечники, шкатулки для драгоценностей и туалетных принадлежностей типа флаконов для духов и пудрениц, а также профилированные сосуды для еды и питья разного размера, в том числе напоминающие ритуальные по виду и характеру.

Несмотря на трудности переломного этапа истории, многие мастера, в том числе и Булат Жамбалов, не прекращают творческих поисков. Опираясь на творческое наследие народа, они упорно и целеустремленно вносят вклад в самобытную бурятскую культуру и ее дальнейшее развитие.

По историческим местам

БАЙКАЛЬСКИЙ БЕРЕГ

В БАРГУЗИНСКИЙ КРАЙ

ТРИ ВЕКА УЛАН-УДЭ

НА РЕКЕ СЕЛЕНГЕ

ТРОИЦКОСАВСК – КЯХТА

ПО ГОРНОЙ БУРЯТИИ

БАЙКАЛЬСКИЙ БЕРЕГ

Фото С. Конечных

Посольский монастырь
От Мысовой до Бабушкина
Селенгинская дельта
Троицко-Селенгинский монастырь
По долине Итанцы
К Святому Носу

Посольский монастырь

Бронислав МИХАЙЛОВ

Фото Б. Михайлова

Обитель стоит на самом берегу Байкала, «славного моря», которое в прошлом приходилось пересекать всем ехавшим из России в Монголию и Китай. Высокая колокольня монастырского храма господствовала над безоглядной ширью. Для путешественника, преодолевавшего зимой на санях или летом на баркасе грозное пространство Байкала, монастырь являлся ориентиром, обозначавшим место продолжения почтового тракта уже по земной тверди. Тут же располагалась почтовая станция, где останавливались абсолютно все путешественники, проезжавшие здесь в XVIII – XIX вв. Таким образом, Посольский монастырь на Байкале – не только ценный памятник русского зодчества, но и уникальный памятник нашей истории, связанный с целым периодом дипломатических отношений России с Китаем и именами крупнейших деятелей отечественной дипломатии.

Фото С. Конечных, 2000

В возникновение Посольского монастыря связано с историей соседнего Троицко-Селенгинского монастыря, основанного в 1681 г. по указу царя Федора Алексеевича и связанного с миссией игумена Феодосия. На отведенном участке побережья Байкала монахи заложили хозяйство. Ведение его было поручено казначею Макарию. Хозяйство устраивали на месте, где в 1661 г. были убиты царский посол Ерофей Заболоцкий и его спутники. В связи с этим Макарий соорудил здесь деревянную часовню. По грамоте 1700 г. митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия разрешено к часовне «святой алтарь прирубить... и церковь освятить во имя Пресвятыя Богородицы честного Ея Знамения». Этим было положено начало самостоятельного Посольского Спасо-Преображенского монастыря и многолетним тяжбам по вопросам владения между двумя «святыми обителями».

Первоначально сооружения Посольского монастыря были деревянными. В те годы, когда существовала опасность нападения, территорию огородили стенами с угловыми оборонительными башнями. В монастыре имелись также пушки, самопалы, «боевые припасы» и холодное оружие.

В 1707 г. богатый сибирский купец Григорий Осколков подает царю прошение об отделении Посольского монастыря от Троицко-Селенгинского и предоставлении ему собственных земельных и рыбных угодий. Разрешение дал сам Петр I, и в 1709 г. из Иркутской приказной избы последовал соответствующий указ. Осколков заготовляет кирпич, известь и даже иконостас, приобретает золото для золочения крестов и иконостаса, книги, утварь, колокола. Реализовать намерение не удалось, очевидно, из-за того что все мастеровые-каменщики были отправлены на возведение Петербурга.

Григорий Осколков, возвращаясь с торговым караваном из Китая, умер в Посольском монастыре в 1714 г. «По его обещанию» в 1718 г. в монастыре была возведена вторая дере-

Спасо-Преображенский собор Посольского монастыря — первый каменный храм Забайкалья. Великолепный образец «сибирского» барокко в ожидании реставраторов. *Фото Б.Михайлова, 1990-е гг.*

вянная Спасо-Преображенская церковь.

В начале XVIII в. Посольский монастырь владел обширными хлебными и рыболовными участками. К нему были приписаны 220 душ крестьян. Он был удобным местом для отправки караванов и посольств в Китай. В феврале 1727 г. Сенат издал указ о независимости и особом положении Посольского монастыря. Чрезвычайный посол в Китае граф Савва Рагузинский, останавливавшийся в монастыре в 1727 г. по дороге в Китай, подтвердил привилегии и права монастыря, которому были отданы под духовное попечительство церкви Троицкосавска и Кяхты.

Дело Осколкова пытается продолжить выходец из Великого Устюга Дорофей Шергин, приступивший к управлению монастырем в 1749 г. Вероятно, в том же году он начал строительство каменного Спасо-Преображенского собора, но в 1763 г. храм не был еще закончен по причине постоянной нехватки средств.

Случившийся в 1769 г. пожар истребил обе деревянные церкви: Знаменскую и Преображенскую, а также деревянные кельи. Это заставило игумена Макария сначала приспособить под храм уцелевшие больничные кельи, а в 1773 г. приступить к строительству каменного собора. Возобновляется строительство двухпрестольного каменного Спасо-Преображенского собора, чтобы поместить в одном здании обе сгоревшие церкви. Уже через год состоялось освящение нижнего храма Знамения Богородицы, в 1778 г. — верхнего, во имя Преображения Господня.

Выразительность этого сооружения создается благодаря единству высоких объемов колокольни и церкви, объединенных приземистой, но широкой трапезной. В наружном каменном узорочье собора, выразительных обрамлениях окон и портала, рисунке карниза

проявились традиции каменного зодчества Русского Севера, творчески переработанные местными мастерами во второй половине XVIII в. Этот собор стал первым каменным храмом Забайкалья, так как Одигитриевский собор в Верхнеудинске (Улан-Удэ) хоть и был заложен раньше, но закончен позднее.

Строительство второй каменной церкви в Посольском монастыре во имя Николая Чудотворца было начато в 1802 г., а освящена она была в 1812 г. Архитектура ее значительно проще, к тому же последующие перестройки исказили ее и без того скромный облик.

Церковные власти отводили Посольскому монастырю важную роль в распространении христианства за Байкалом. С 1736 по 1741 г. настоятелем монастыря был архимандрит Иллларион (ум. 1741 г.), весьма сведущий миссионер. С одним из караванов он побывал в Пекине, а кроме того, провел 12 лет на Камчатке в качестве корабельного иеромонаха. После назначения главой 3-й духовной миссии в Китай он был возведен в сан архимандрита и в 1737 г. направляется в Пекин с оставлением при нем звания Посольского настоятеля.

12 лет служил при миссии в Пекине игумен Илия (ум. 1799 г.), управлявший Посольским монастырем с 1793 г. в течение шести лет.

В 1822 г. монастырь становится резиденцией викарного епископа, а с 1836 г. переводится во второй, более высокий класс. С 1862 г. здесь действовало «училище для инородческих детей».

С 1862 по 1868 г. Посольский монастырь являлся резиденцией начальника Забайкальской духовной миссии епископа Селенгинского Вениамина (1825-1892), который впоследствии был архиепископом Иркутским и Нерчинским. Во время пребывания Вениамина настоятелем Посольского монастыря было получено «пособие в содержании Забайкальской миссии в вечное владение монастырю 500 десятин сенокосной и частью пахотной земли и 7 рыболовных статей на Селенге из числа казенных оброчных». Это позволило монастырю провести в эти годы значительные ремонтные работы. Помимо капитального обновления Преображенского собора и Никольской церкви, была закончена каменная ограда протяженностью 200 саженей с пятью башенками и возведены солидные святые врата, обращенные к Байкалу. В 1868 году вне ограды монастыря над местом убийства посла Заболоцкого была возведена новая каменная часовня в русско-византийском стиле. Тогда же с западной стороны площади у морской пристани построили гостиницу для проезжающих, близ нее — зимовье и амбар для склада товаров, обнесенные забором. На южной стороне монастыря устроили богадельню для новокрещеных.

Видным миссионером был следующий настоятель Посольского монастыря архимандрит Мелетий (1835–1900), возведенный в 1878 г. в сан епископа Селенгинского и назначенный главой Забайкальской духовной миссии. За время управления миссией было обращено в

Никольская церковь. *Фото А. Тарунова, 2008 г*

Спасо-Преображенский собор. *Фото А. Тарунова, 2008 г*

Начало восстановления стен Посольского монастыря. *Фото 2002 г.*

Реставрация кирпичного декора

Спасо-Преображенский собор. *Фото Б. Михайлова, 2002 г.*

святую веру около 4000 язычников и построено 14 церквей за Байкалом. Впоследствии Мелетий занял епископскую кафедру в Якутске, а под конец жизненного пути стал епископом в Рязани.

Выходцами Посольской миссионерской школы были священники-буряты, известные распространители православия среди соплеменников — священник Николай Гармаев, Андриан Клюкин, Дмитрий Сизой, Алексей Норбоев, Роман Цыренпилов и другие.

Святыней Посольского монастыря считалась чудотворная икона Святителя Христова Николая Голоустенского. Селение Голоустенское находится на противоположном берегу моря, в 55 верстах от Посольского монастыря. В этом заключенном в неприступных скалах селении, в летнее время лишенном всякого сухопутного сообщения, находилась часовня с иконой Святителя Николая. После вступления в управление миссией епископа Вениамина икону эту, почти забытую всеми

Посольский монастырь. Стены. *Фото А. Тарунова, 2008 г*

по трудности сообщения, стали доставлять в Посольский монастырь и отсюда торжественно носить ее по Забайкальскому краю вплоть до Нерчинска. «С рыбных ловель монастырь получает более 6000 рублей ежегодного дохода, — писал известный путешественник В.В. Птицын в книге «Селенгинская Даурия». — Но несравненно более приносит монастырю чудотворная икона св. Николая Угодника, написанная в бурятском стиле, то есть лицо св. Николая сделано совсем как у бурята и почитаемая бурятами-буддистами в качестве бурхана».

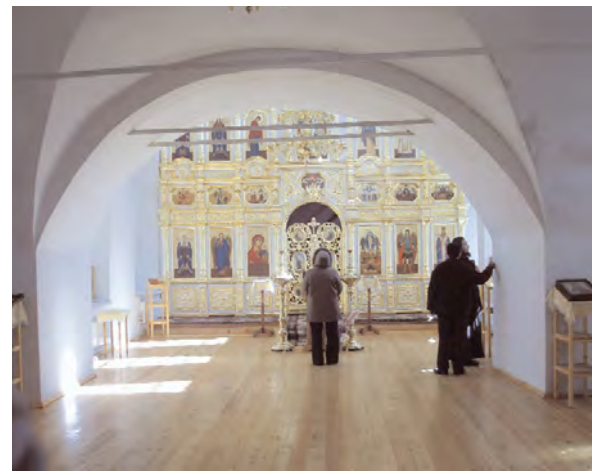
Спасо-Преображенский собор. *Фото А. Тарунова, 2008 г*

Другой чудотворной считался образ Знамения Богородицы. Также в серебряной раке здесь почивали мощи (кисть руки) святого Симеона Верхотурского.

В 1880 году резиденция начальника миссии была переведена из Посольского монастыря в областной город Читу. А здесь был открыт уже женский монастырь, который имел два подворья — на станции Мысовая и в Верхнеудинске. Также было построено два свечных завода, которые снабжали все Забайкалье свечами.

Спасо-Преображенский собор. Посольского монастыря. Завершение реставрации. *2018 г.*

Могилы убиенных послов.

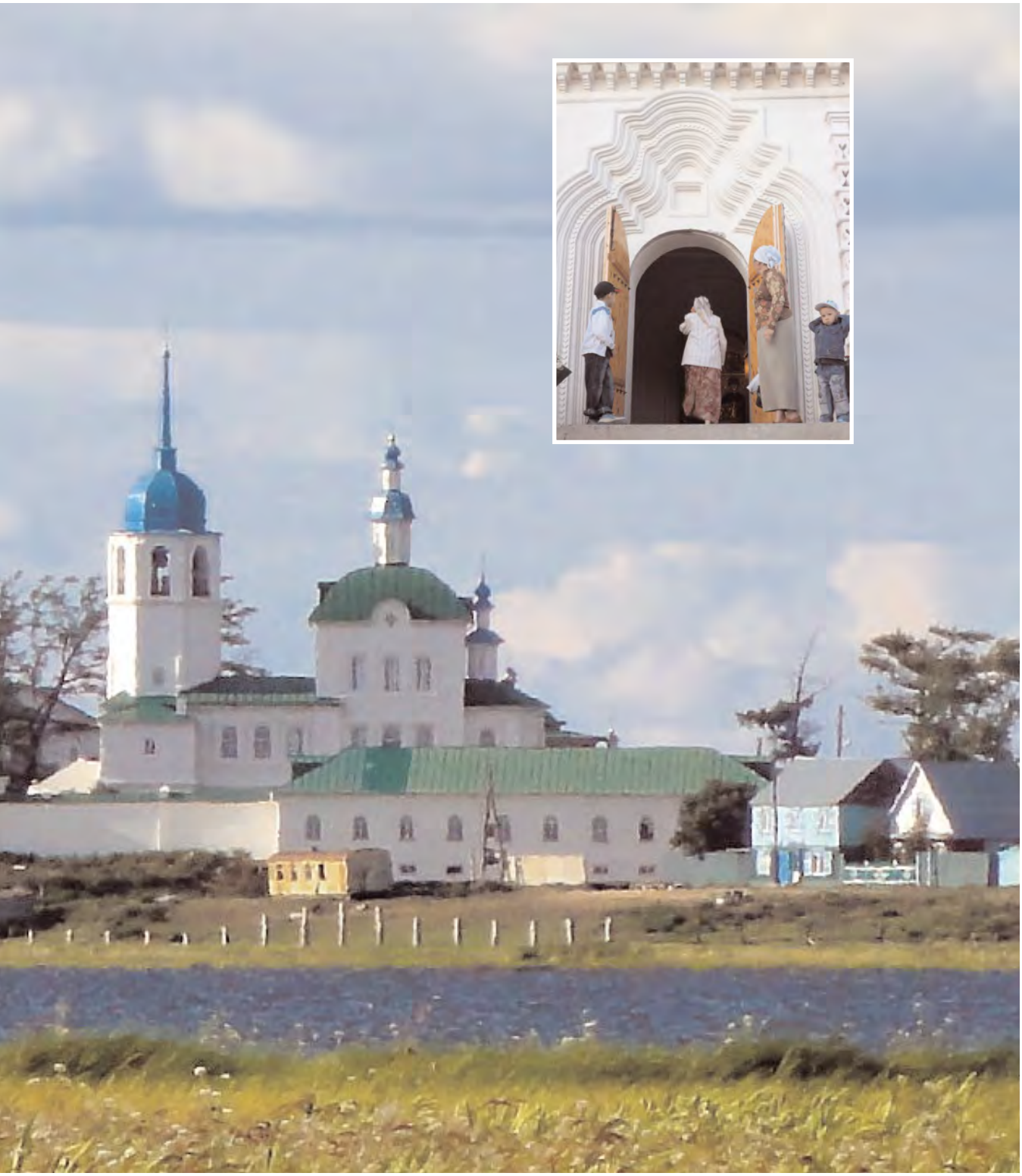


В нижнем теплом храме

Фото Бронислава Михайлова, 2018 г.

После закрытия в 1920-х гг. здания Спасо-Преображенского Посольского монастыря использовали под клуб, школу и, наконец, под больницу для психически больных детей. В этот период храмы были обезглавлены и пришли в полное запустение, ограда была частично разрушена.

Вновь православный приход зарегистрирован 30 августа 1995 г. 9 марта 2000 г. в обители вновь начата монастырская жизнь. Монастырь возрожден как мужской.



Возрождение Посольского монастыря

Анатолий ЗАЙЦЕВ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
кандидат экономических наук

Названия Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря, как и села Посольское, неслучайны. История их основания неразрывно связана с именем царского посла Ерофея Заболоцкого, который был направлен к монгольскому Цецен-хану с целью принятия его земель под российское подданство. Он считается первым официальным посланником Российского государства в Забайкалье. По некоторым сведениям, это единственная у нас в стране обитель, заложенная в память о российских дипломатах.

Возрождение монастыря на Байкале, начавшееся в 2000 г., проходило при активном сотрудничестве с МИД России, его учебными заведениями и подведомственными организациями. Предпринимаемые в последнее время, в том числе при личном участии министра иностранных дел России С.В. Лаврова, практические шаги по воссозданию Попечительского совета во главе со статс-секретарем - заместителем министра иностранных дел Российской Федерации Г.Б. Карасиным свидетельствуют о бережном отношении к памяти трагически погибшего русского посольства, готовности развивать сложившиеся многолетние связи. Роль министерства в процессе текущего патронажа над этим историческим памятником федерального значения трудно переоценить.

На состоявшейся в февраля 2017 г. встрече С.В. Лаврова с митрополитом Улан-Удэнским и Бурятским Савватием (С.Г. Антонов) в ходе обсуждения вопросов, связанных с деятельностью Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря в Бурятии, министр и митрополит высказались за дальнейшее развитие сотрудничества МИД России и подведомственных ему организаций с обителью. Было принято решение о выделении денежного пожертвования на нужды монастыря. На средства, перечисленные ГлавУпДК при МИД России, произведен капитальный ремонт монастырской котельной, столь необходимой в суровых климатических условиях Бурятии.

С Посольским Спасо-Преображенским монастырем, вплоть до кон. XIX в. служившего форпостом расширения пределов Российского государства и укрепления его политического влияния на Востоке, тесно связана история отечественной восточной дипломатии.

Как свидетельствуют архивные документы, собранные усилиями Историко-документального департамента МИД России, в конце 1649 г. из города Тобольска, согласно грамоте Посольского приказа, была снаряжена и направлена к Цецен-хану и его зятю Турукай-Табуну посольская миссия под руководством царского посла Ерофея Заболоцкого. Целью посольства, направлявшегося в Забайкалье, было приведение монгольского хана к присяге на верность русскому царю Алексею Михайловичу в ответ на его просьбу «принять под свою высокую руку»[1]. Достигшее Забайкалья только к осени 1650 года посольство 7 октября подверглось вероломному нападению со стороны наследников скоропостижно скончавшегося Цецен-хана, в результате которого посол Ерофей Заболоцкий, его сын Кирилл и шесть членов экспедиции были убиты.

Впоследствии на этом месте была поставлена часовня во имя святителя Николая, а в 1681 г. членами Даурской духовной миссии вблизи места «вероломного убиения» царского посла Ерофея Заболоцкого и дружины основан монастырь, получивший название Посольский.

С убийством посольской миссии Е. Заболоцкого началось активное освоение Россией обширных земель за Байкалом. Трагическая гибель миссии на берегах Байкала подтолкнула Москву к направлению в Забайкалье казачьих отрядов Петра Бекетова, которые заложили ряд крупных городов Сибири, в том числе будущие административные центры русского Забайкалья.

История Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря переплетается с развитием дипломатических отношений России с Китаем и Монголией. Российские дипломатические миссии уделяли монастырю с некрополем погибших посла и членов посольства особое внимание. Именно там принимали дипломатов других государств, его посещали многие известные государственные и общественные деятели России. В 1687 г. в монастыре находилась вторая посольская миссия в Китае во главе с Фёдором Алексеевичем Головиным. Прибывавшие к нему китайские послы принимались

им в Посольской обители. В 1693 г. в монастыре побывал направленный послом в Пекин составитель географической карты Сибири Эверт Избрант Идес. Летописцы зафиксировали посещение монастыря посольствами Льва Васильевича Измайлова и Саввы Рагузинского.

Монастырь служил опорным пунктом русских академических экспедиций. История монастыря славится именами выдающихся русских государственных деятелей, немецких ученых на русской службе и декабристов: сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского, академиков Д.Г. Мессершмидта, С.Г. Гмелина и П.С. Палласа, командора Витуса Беринга, семей Анненковых и Бестужевых.

В архивах имеется любопытное историческое свидетельство, датированное 1865 г.: «Распоряжение директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова начальнику третьего отдела Азиатского департамента Д.Д. Копейщикову о выдаче монастырю денежных средств в размере 2 рублей серебром, полученных от редакции «Московских ведомостей»[2].

Во времена воинствующего атеизма, после 1930 года, обитель была частично разрушена. 19 апреля 2000 г. Священный синод Русской православной церкви, принимая во внимание историко-культурное значение монастыря, решил возродить Посольский Спасо-Преображенский мужской монастырь на Байкале.

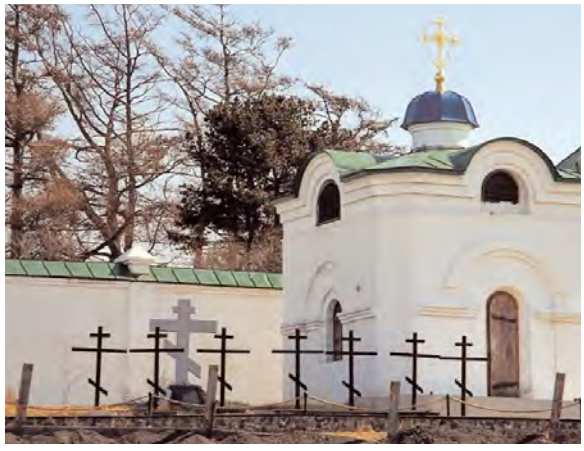
Летом 2001 г. был пострижен в монахи послушник Алексей Кривенко, получивший имя в честь царя-мученика Николая II и рукоположенный затем в сан иеромонаха. Отец Николай долгие годы являлся настоятелем монастыря и приложил неоценимые личные усилия по его возрождению. Сегодня он продолжает свою деятельность на посту правящего архиерея, епископа Северобайкальского и Сосново-Озерского.

В ходе археологических исследований, проведенных летом 2002 г., было определено (с третьей попытки) место захоронения убитого посла, расположение часовни, каменной ограды. Несмотря на то, что после гибели Посольской миссии прошло более 300 лет, все гробы оказались целыми. В одной могиле были похоронены отец и сын Заболоцкие. Хранившиеся в фондах исторического музея Бурятии чугунные доски с могил членов миссии, снятые при разрушении в 1930-х гг. надмогильной часовни, возвратили монастырю.

Так началось возрождение монастыря, являющегося памятником истории и культуры федерального значения.

Проведению реставрационных и строительных работ на объектах Посольского монастыря способствовало учреждение в декабре 2002 г. Благотворительного фонда «Возрождение Посольского Спасо-Преображенского монастыря на Байкале» (руководитель В.И. Сухарев) и Попечительского совета фонда, в состав которого, наряду с Правительством Республики Бурятия, вошло Министерство иностранных дел Российской Федерации. Первый заместитель министра В.В. Лощинин был избран председателем Попечительского совета, сопредседателем Президент — председатель Правительства Республики Бурятия Л.В. Потапов. В состав Совета входил ректор Дипломатической академии МИД России Ю.Е. Фокин.

За прошедшее время на воссоздание и реконструкцию комплекса были выделены средства федерального и республиканского бюджетов, благотворительного фонда, собственные средства монастыря. Поддержку оказали местные производствен-



Восстановленная часовня у могил убиенных послов. *Фото 2020 г.*

ные компании и организации. Бесценный вклад в восстановление обители внес Виктор Иванович Сухарев, на личные средства которого были проведены реставрация главного собора, строительство монастырской стены, келейного корпуса, трапезной, дома настоятеля и другие работы.

С решением основных проектно-конструкторских и реставрационно-строительных работ, а также в связи с отъездом из России главного спонсора монастыря Попечительский совет прекратил свою деятельность. Вопрос о его воссоздании был вновь поднят в конце 2016 г.. Сегодня свою готовность войти в состав нового Совета уже изъявили ряд московских и бурятских предпринимателей.

МИД России традиционно уделял проекту большое внимание. Оказано организационное и научно-информационное содействие в проведении мероприятий в связи с 350-летием основания села Посольское и Посольского Спасо-Преображенского монастыря. сторико-документальный департамент МИД России предоставил копии материалов о миссии Е. Заболоцкого из Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного архива древних актов. Профессор Дипломатической академии МИД России Н. Гераскина выступила с докладом в ходе научно-практической конференции. Макет монастыря в течение двух лет был представлен в зале Дипломатической академии МИД России, в настоящее время он находится в здании МГИМО.

К 360-летию основания села Посольское и Посольского Спасо-Преображенского монастыря на месте убийства посольской миссии была заново построена и освящена часовня. МИД России неоднократно выделял средства на строительные нужды.

Посольский монастырь служит местом прохождения исследовательской практики для студентов МГИМО. Совместно с вузом проводятся научно-практические конференции, также университет оказывал поддержку в приобретении церковной утвари и оргтехники для нужд монастыря.

Могилы членов посольской миссии до сих пор привлекают внимание многих паломников и туристов. Во время пребывания в Бурятии монастырь посещают многочисленные представители МИД и его загранучреждений. В их числе можно отметить заместителя министра (ныне постоянный представитель России при Отделении ООН в Женеве) А.Н. Бородавкина, посла России в Монголии И.К. Азизова, сотрудников наших посольств в Монголии и Китае.

Ключевым модератором взаимодействия между министерством и монастырем сегодня выступает Представительство МИД России в городе Улан-Удэ, которое вносит ощутимую лепту в сохранение существующих традиций. У коллектива есть хороший обычай: в День дипломатического работника отдавать дань уважения памяти первых российских посланников в Забайкалье и возлагать цветы к их могилам. К мероприятию привлекаются студенты юридического факультета (будущие юристы-международники) Бурятского государственного университета, которые через непосредственное соприкосновение с историей приобретают столь необходимые сегодня качества — патриотизм, осознание преемственности поколений, чувство долга и верности интересам Отечества.

Митрополит Улан-Удэнский и Бурятский Савватий в беседе с группой сотрудников МИД России 5 октября 2016 года в епархиальном управлении накануне посещения Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря поблагодарил МИД России за внимание к обители. Он также приветствовал ежегодные поездки в монастырь студенческих строительных отрядов МГИМО, отметив, что «для ребят очень большое значение имеет каждый приезд в Бурятию, так как они обретают не только опыт работы, но и духовно укрепляются».

У руководства монастыря и епархии есть далеко идущие планы - вернуть обители прежнее историческое и политическое значение, сделать монастырь местом проведения международных дипломатических, политических и деловых встреч. Это привлечет большее количество паломников и туристов, послужит укреплению статуса Русской православной церкви в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сегодня трудами епархии и благотворителей Посольский монастырь находится на пути к возрождению. Восстанавливая историю, наши храмы, мы возрождаем человеческие души, а значит, и святость России.

Примечания.

[1] Отписка тобольского воеводы В.Б.Шереметева в Посольский приказ об отправке к монгольскому Цеценхану Шолою боярского сына Е.Заболоцкого с грамотами и жалованьем. Июнь-август 1649 // РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1648 г., №2. Л. 180–186.

[2] Распоряжение директора Азиатского департамента П.Н.Стремоухова начальнику третьего отдела Азиатского департамента МИД Российской империи Д.Д.Копейщикову о выдаче Спасо-Преображенскому Посольскому монастырю 2 рублей серебром, полученных от редакции «Московских ведомостей». 20 января 1865 // АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив II-9. Оп. 46. Д. 19. Л. 3, черновик, русс. яз.

В червленом поле на серебряной воде черное судно с тремя золотыми цибиками. В вольной части щита — герб Забайкальской области

От МЫСОВОЙ до Бабушкина

Александра ШЕИНА

Фото Б. Михайлова

Город Бабушкин, в прошлом Мысовск, возник в середине XIX века на мысу, заметно вдающемся в Байкал. Мысовск, или, как его сначала называли — пристань Мысовая, сыграл важную роль в истории России, находясь на пересечении важнейших для Прибайкалья дорог, связывавших Сибирь с Дальним Востоком и Китаем. Через Мысовую пролегал «чайный путь» в пограничную Кяхту. Через пересыльную тюрьму в Мысовой этапировали каторжников в Акатуй, Нерчинск, Кадаю, Качу и другие столь же зловещие места. Еще более усилилось значение этого малоприметного населенного пункта после проведения Забайкальского участка Транссибирской железной дороги и строительства здесь станции. Местные железнодорожные рабочие приняли активное участие в событиях первой русской революции. По этой причине в начале 1906 года на станции Мысовая развернулись карательные акции, в ходе которых здесь были арестованы и расстреляны многие участники этих событий. Среди них — известный профессиональный революционер Иван Бабушкин, чье имя спустя 35 лет, в январе 1941 года, было присвоено городу Мысовску.

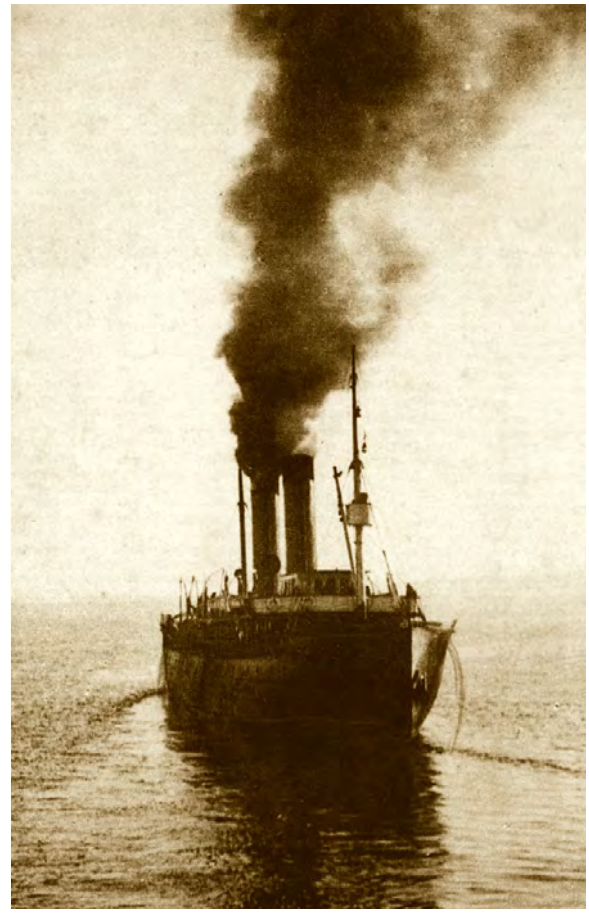
Два века назад дорог вокруг Байкала не было. С юга неприступно подступают к воде могучие и непроходимые склоны Хамар-Дабана. Чтобы попасть в Приморье или в Кяхту, следовало переехать «славное море» по воде, что было далеко небезопасно, или дожидаться становления санного пути по льду. Только в середине девятнадцатого столетия к нему все-таки проложили от Иркутска и Култука так называемый Кругоморский «экипажный» путь. Строили тракт поляки, сосланные в Сибирь после подавления Польского восстания. Так, Мысовая оказалась на пересечении двух жизнен-

Переход на санях по льду Байкала

но необходимых для Прибайкалья дорог. Путь от берега Байкала до Кяхты через Мысовую был в четыре раза короче, чем через Кабанск и Верхнеудинск (Улан-Удэ). Возникший на байкальском берегу Мысовск становится купеческим. Торговые грузы из Иркутска шли в Монголию и Китай через Мысовую и Кяхту, а из Китая и Монголии этим же путем в Россию. В Мысовске появились постоялые дворы, трактиры, лавки, склады и прочие атрибуты торгового города. Вдоль Кяхтинского тракта построили зимовья: Уляты, Зондяты, Улястры, Гуджирка и другие. В 1886 году была построена специальная пересыльная тюрьма, где партии ссыльных останавливались на «отдых».

Быстро в Мысовой появились люди, зарабатывающие на перевозках. Открылись купеческие лавки. Были построены бойни, где забивался скот, пригоняемый из Монголии. По данным Селенгинской степной думы, по Кяхтинскому тракту ежегодно прогоняли только крупного рогатого скота 27 000 голов.

Значение Мысовска, как перевалочной базы в торговле России с Монголией и Китаем, сильно возросло. Уже в начале 1890-х возник вопрос о преобразовании поселка в город. Сохранился «Проектный план выгонных земель выселку Мысовскому Забайкальской области Селенгинского округа, предполагаемому к преобразованию в город», составленный местным землемером Морозо-



Ледокол «Байкал»

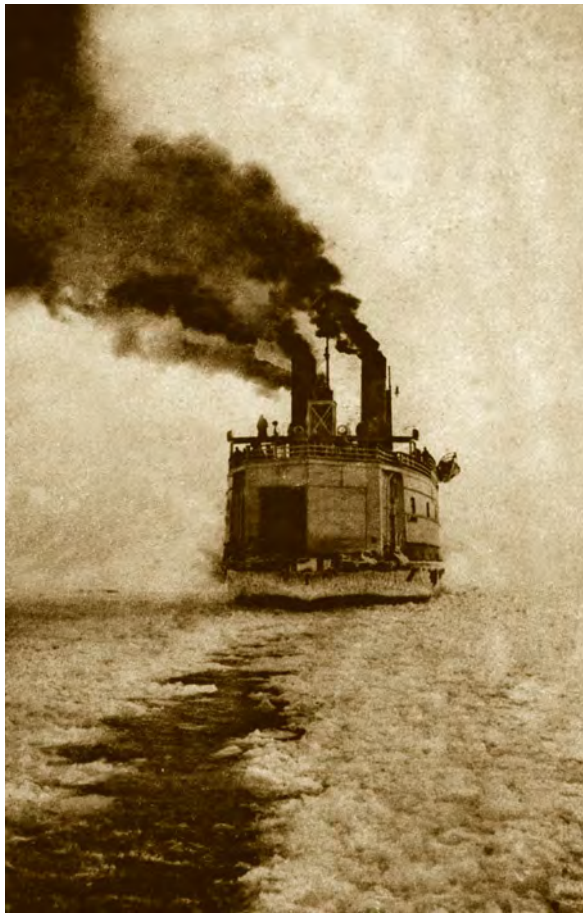
вым в 1899 году. Годом официального образования города Мысовска принято считать 1902 год.

Занятия здешних жителей были связаны с торговлей, рыбьим и нерпичьим промыслом, скотопромышленностью. Здесь работали гончарные и кирпичные дворы. Открылась сначала церковноприходская школа, а затем высшее начальное училище. С постройкой железной дороги была открыта железнодорожная четырехклассная школа.

В «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге», изданном в Санкт-Петербурге в 1905 году, говорится:

«Ст. Мысовая, IV класс. Буфет. Расположена у пристани Мысовой. При станции на средства фонда имени Александра III сооружена церковь. Врачебно-остановочный пункт для оказания пособия переселенцам. Таможенная застава.

Находящееся близ пристани селение Селенгинского уезда Мысовое, незначительное до начала постройки ж.д., в настоящее время расширилось, приняло вид бойкого торгового пункта, и число жи-



Ледокол «Ангара»

телей его возросло до 5000 обоего пола — почему предположено уже преобразование его в город.

В настоящее время в Мысовом — резиденция мирового судьи, полицейского пристава, почтово-телеграфная контора со сберегательной кассой.

Забайкальская железная дорога пролегла через Мысовую

К югу, в 15 верстах от Мысового, на северном склоне Хамар-Дабана, находится месторождение магнитного железняка...».

В «Путеводителе...» ничего не сказано, что недалеко от Мысовой были золотые прииски, в те времена довольно богатые. А на реке Мысовке работала мельница, обслуживавшая чуть не весь Селенгинский уезд.

Известно, что купечество в Мысовске процветало. Владения купца Л.И. Корфа занимали целый квартал по ул. Николаевской (ныне III Интернационала), включая здания нынешнего Госбанка и типографии. Дома были роскошно обставлены. Одно из шести венецианских зеркал, украшавших дом, где он жил, сейчас находится в местном музее. Купец О.Х. Рудзский держал гостиницы и бакалейную торговлю. М.Г. Гневышев владел гончарным и кожевенным заводами и торговал мануфактурными товарами. М.Я. Бродский и И.М. Егерь держали скотобойни. На месте городского стадиона был городской базар, который славился на все Прибайкалье.

Кяхтинский купец Немчинов имел в Мысовой несколько домов, его именем называлась улица (теперь Федотовская). В его владении была пристань и два маяка: один на берегу Байкала, другой — на самой высокой горе в окрестностях Мысовой. На эти маяки ориентировались суда, плывущие через Байкал к Мысовску.

Развитию города, конечно, способствовало строительство железной дороги. 17 мая 1891 года во Владивостоке состоялась закладка железной дороги. Одновременно началось ее строительство и от Челябинска. 16 декабря 1899 года строители Забайкальской дороги встретились на 346-й версте от Мысовой у ныне существующей станции Толбага. Началась эксплуатация Забайкальской железной дороги.

Однако от ст. Байкал до ст. Мысовая по берегу Байкала дороги еще не было, и вагоны с грузами перевозились на ледокольном пароме «Байкал», построенном по специальному заказу в Англии на заводе Армстронга. Северным морским путем через Карское море по Енисею и Ангаре паром привезли в разобранном виде в Лиственничную (на западном берегу Байкала) и здесь собрали. На нижней палубе «Байкала» имелось три рельсовых

Железнодорожная станция Мысовая. *Построена в 1903 г.*

Старая водонапорная башня на станции. *Построена в 1903 г.*

пути, на которых размещалось по 25–27 двухосных вагонов. На верхней палубе были каюты для 200 пассажиров. Плавание по Байкалу продолжалось три с половиной часа. Позднее к ледоколу «Байкал» присоединилась «Ангара», тоже построенная в Англии и привезенная тем же путем.

В год «Байкал» и «Ангара» перевозили до 10–12 млн. пудов грузов. В летнее время по Байкалу курсировали пароходы «Лена», «Бурят» и множество мелких купеческих суденышек. Когда Байкал сковывал лед, по льду прокладывали рельсы, и лошади тянули вагоны с грузом от ст. Байкал до Мысовой.

Кругобайкальский отрезок дороги строился еще пять лет после пуска основной магистрали и окончательно был сдан в эксплуатацию как двухколейный путь в 1918 году. В период строительства Кругобайкальской железной дороги в Мысовой было построено паровозное депо, будка осмотра вагонов, здание станции (1903). В 1930–1931 гг. депо было реконструировано.

Это строительство немало способствовало росту Мысовска. Население резко увеличилось, потому что на стройку прибыло огромное количество сезонных рабочих, представителей различных фирм и компаний, ведущих работы по прокладке пути. Открылось железнодорожное училище. На работу в железнодорожном телеграфе Мысовой были командированы телеграфисты с центральных железных дорог, настроенных весьма революционно. Поэтому в годы первой русской революции Мысовая оказывается в центре драматических событий, связанных с деятельностью карательных экспедиций.

В мае 1905 года в Мысовой в поддержку требования прекращения русско-японской войны был создан стачечный комитет, блокировавший перевозки по железной дороге. Комитет возглавлял телеграфист Тимофей Ермолаев, расстрелянный впоследствии карателями.

По решению Читинского комитета на запад от Читы был отправлен транспорт с оружием, которое вез Иван Бабушкин. В нескольких полицейских документах того времени упоминается, что после выгрузки части оружия в Верхнеудинске, «остальное оружие спешным порядком было отправлено на Мысовую»

По прибытии в Мысовую посланной царем на усмирение мятежной Сибири карательной экспедиции Меллер-Закомельского начались облавы и поиски оружия. По свидетельству очевидцев, железнодорожники, разгрузив вагон с оружием, загнали его в тупик и перекрасили. Часть оружия была роздана комитетчикам и рабочим, а часть спрятана в доме местного жителя Таратуты и на шестой версте Кяхтинского тракта прямо в снегу. Бабушкин, сопровождавший оружие, около недели прожил в Мысовой, и, зная о том, что навстречу двигаются каратели, видимо, предполагал переправить оружие в Иркутск и горнякам Черемхова санным путем через замерзший Байкал.

Все это стало известно Меллер-Закомельскому. Два вагона в составе карательного поезда и дом казарменного типа недалеко от вокзала были полны арестованными. Жителям был объявлен ультиматум: если оружие не будет сдано к определенному сроку, каждый десятый будет расстрелян. Каратели выявили среди арестованных председателя стачечного комитета Т.М. Ермолаева, его товарища, телеграфиста И.М. Клюшникова и старшего телеграфиста станции Чита А.В. Савина. Их, а также двух «агитаторов», пойманных на станции, и одного «переодетого офицером» вывели на пути станции и поспешно расстреляли. В служебном дневнике карательной экспедиции,

который вел адъютант Меллера поручик Евецкий, записано: «Никто из них не назвал себя и не просил пощады...»

Так 18 января погиб в Мысовой известный революционер Иван Бабушкин, тот, что был «переодетым офицером». Имена «агитаторов» позднее были также установлены: Болеслав Марьянович Бялый и Николай Воинов (возможно — Токарев).

После подавления восстания деятельность Мысовского комитета большевиков прервалась.

В 1912–1916 годах здесь на поселении жил другой известный в Забайкалье революционер, впоследствии первый председатель Верхнеудинского Совета В.М. Серов. В те времена в Мысовой побывал М.В. Фрунзе и, возможно, конспиративно встречался с Серовым. На доме, где квартировал В.М. Серов, в советские времена водружена мемориальная доска.

Какое-то время начальником дистанции пути Мысовая — Мишиха был еще один известный революционер — Леонид Красин, будущий посол Советского Союза в Англии и Франции.

В период гражданской войны удобное географическое положение Мысовска привлекло сюда множество контрреволюционных войск. Здесь побывали японцы, американцы, белочехи и различные белогвардейские формирования: каппелевцы, унгерновцы, семеновцы. По местному преданию, во время очередного захвата белыми Мысовска был схвачен красноармеец. Белогвардейцы закопали его живым в горячий шлак из паровозной топки. На этом месте, на северо-западной окраине города, еще в 1920-е годы поставили безымянный обелиск. Он считается памятником всем павшим в период гражданской войны.

Памятник на месте расстрела И.В. Бабушкина и его товарищей
1959 г.

В августе 1918 года Мысовая была захвачена белочехами. Недалеко от пристани стоял ледокол «Байкал», команда которого была на стороне революционеров. Чехи открыли артиллерийский огонь по ледоколу и подожгли его. Ледокол горел несколько дней и затонул недалеко от пристани. Есть сведения, что до Великой Отечественной войны велись работы по подъемке ледокола, но был ли он поднят или до сих пор покоится на дне Байкала — неизвестно.

После гражданской войны была образована Бурятская автономная область. В 1923 году года была провозглашена Бурят-Монгольская АССР, и в 1926 году Мысовая вошла в состав Бурятии. В том же году бывшая пересыльная тюрьма была перестроена в клуб. В этом здании до сих пор располагается железнодорожный клуб.

В 1933 году в Мысовске открылась амбулатория. Одним из первых пациентов ее стал летчик Михаил Водопьянов, который в феврале того года потерпел аварию над Байкалом и был спасен мысовчанами.

18 января 1941 года Мысовск был переименован в город Бабушкин.

Во время Великой Отечественной войны более трехсот жителей города не вернулись с фронта. Многие умерли от ран после войны. В память о погибших земляках около кинотеатра «Снежный» (построен в 1970-е гг. на месте Платоновской церкви) в 1965 году поставлен памятник.

Еще в 1922 году, когда в Мысовой окончательно установилась Советская власть, на месте расстрела шестерых революционеров рабочие депо установили мемориальную доску. С 1932 года на этом месте стоит обелиск. Сразу же после войны, в 1946 году, на городской площади по проекту архитектора Д. Нероды была установлена стела с барельефом И.В. Бабушкина. В 1958–1959 гг. стела была достроена методом народной стройки до памятника. В 1955 году на кладбище был поставлен обелиск памяти Бабушкина и его товарищей воинами местного гарнизона. В 1974 году к 100-летию со дня рождения И.В. Бабушкина на вокзальной площади установлен бюст революционера, изготовленный ленинградским объединением «Монументскульптура».

На окраине станции Мысовая сохранился старый маяк, построенный в 1900 году. Это любимое место отдыха и традиционной встречи рассвета выпускниками школы. Название «Маяк» сохранилось за одной из вершин в горном хребте Хамар-Дабана, где когда-то стоял второй маяк. Памятниками истории города, связанными с событиями начала века, строительством железной дороги являются старая водонапорная башня, напоминающая башню старинного замка, солдатские казармы, старое паровозное депо, здание станции.

Достопримечательностью города Бабушкина стал историко-революционный музей, который включен во все туристические маршруты. У входа растет огромный столетний тополь, равного которому в городе нет. В музее собрана богатая коллекция документов и предметов по истории города и его революционному прошлому, в экспозиции также отражена тема сохранения уникального озера Байкал.

ПАМЯТИ
«ПИКИРУЮЩЕГО БОМБАРДИРОВЩИКА»

Герой Советского Союза старший лейтенант Борис Быстрых (1916–1943), уроженец ст. Мысовой

Боевая история Бориса Быстрых поражает воображение, как, возможно, поразило оно создателей знаменитого советского фильма «Хроника пикирующего бомбардировщика», военным консультантом которого был летчик Герой Советского Союза генерал-майор Анатолий Анпилов. В 1942 г. он был заместителем командира 99-го бомбардировочного авиационного полка, в котором служил Борис Быстрых.

Сюжет фильма имеет поразительно много совпадений с боевой биографией летавшего на Пе-2 Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Бориса Быстрых. Его боевые вылеты, как и вылеты героя военной киноленты на разведку вражеских аэродромов, уход от авиации противника хитростью с пикированием и бреющим полетом над верхушками деревьев, дерзкие нападения на объекты врага, неравные бои с немецкими истребителями неизменно заканчивались успехом, хотя и возвращался Борис Быстрых с заданий со множеством пробоин в самолете, каждое из которых могло стать для него фатальным. И даже посадка бомбардировщика в кинокартине прошлых лет смертельно раненым летчиком тоже совпадает почти до мелочей — именно так Борис Быстрых погиб 3 июня 1943 г., когда, оказывая огневую помощь брянским партизанам, попавшим под удар крупных сил карателей, сам попал под шквальный огонь зенитных орудий врага.

Это был его 220-й и последний бой в небе. Однополчане, узнав о гибели товарища, долго мстили врагам, совершая боевые вылеты с надписями на фюзеляже «За Бориса Быстрых, гвардии старшего лейтенанта...»

Борис Быстрых родился 28 марта 1916 г. на станции Мысовой в семье железнодорожника, но с детства мечтал о небе. Будучи по характеру настойчивым, поступил в гражданскую воздушную школу в Балашове, которую окончил в 1936 г. Но в гражданской авиации поработал недолго — в ноябре 1940 г. он был призван в Красную армию, а 24 июня 1941 г. — на фронт Великой Отечественной. В сентябре того же года Борис Быстрых был представлен к первой награде за героизм — ордену Красного Знамени. Еще через год, 5 ноября 1942 г., — к званию Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

В письме на родину Борис Степанович писал: «Могу вас порадовать, что ваш сын Герой Советского Союза, так что сами можете судить, как ваш сын, бывший пастух на всю деревню, теперь большой человек. И как приятно носить два ордена Ленина и один Красного Знамени, но еще приятнее, когда бомбы

Церемония открытия бюста Герою Советского Союза Б.С. Быстрых в г. Бабаушкине. *9 мая 2019 г.*

разносят в куски всю эту сволочь, нарушившую нашу мирную жизнь...»

Прах Бориса Степановича Быстрых покоится на Брянщине, а его душа — на станции Мысовой, у Байкала, в чистой воде которой Борис так мечтал искупаться, когда отгремит последний выстрел войны.

Оба памятника работа известных российских скульпторов Алексея Чебаненко и Александра Головачёва. В Бурятию на церемонию открытия памятников для установки памятников из Москвы приехал лишь Алексей, молодой скульптор студии военных художников им. М.Б. Грекова Министерства обороны Российской Федерации.

Таких детально проработанных бюстов, с отраженной в бронзе силой характера, стойкости, мужества и в то же время — человеческой уязвимостью, не много. Они, как живые, что, наверное, очень важно ощущать, вглядываясь в застывшие в металле лица героев — Павла Баннова в Кяхте и Бориса Быстрых в Бабушкине.

Главный военный прокурор В.Г. Петров у памятника Б.С. Быстрых с военнослужащими и ветеранами Великой Отечественной войны. *2019 г.*

Открытию двух бюстов Героев Советского Союза в Бурятии, а также появлению книжной серии «Герои России» о земляках-фронтовиках предшествовала громадная организаторская деятельность. Вдохновителем и организатором этой работы, которая совершалась только по приказу души и сердца, стал Валерий Георгиевич Петров, тогда еще прокурор Республики Бурятия, сумевший найти единомышленников среди простых граждан, предпринимателей, журналистов, скульпторов, музейных работников, общественных ветеранских организаций. Десятки, сотни людей, разделявших с ним одну очень простую мысль:победители в самой кровопролитной в истории человечества войне не будут забыты, пока есть те, кто хранит о них память и верность Отчизне.

Фото А. Тарунова, 2019

Воспетая в песнях и легендах полноводная Селенга, берущая свое начало в монгольских степях, впадает в озеро Байкал в южной его части. Многочисленные рукава и протоки в устье Селенги создали уникальную природную лабораторию для воспроизводства животного мира Байкала, а равнинные участки побережья Байкала по обеим сторонам дельты были пригодны для расселения людей с незапамятных времен.

СЕЛЕНГИНСКАЯ ДЕЛЬТА

Бронислав МИХАЙЛОВ

ИЗ ПРОШЛОГО КАБАНСКА

К середине XVII в., к моменту появления первых русских землепроходцев, эти места были заселены бурятскими племенами. Просторы Кударинской степи и многочисленные урочища в дельте реки Селенги по описаниям одного из первых исследователей Забайкалья Георги, были «усеяны бурятскими, построенными из дерева, юртами». Юрты были в плане квадратными или шестиугольными и рублены из цельных бревен.

Заселение Забайкалья русскими началось во второй половине XVII века. Первые русские селения — казачьи заимки и однодворки пашенных крестьян появились вдоль старого Московского тракта. В связи с осложнениями в отношениях российского государства с монгольскими ханами в кон. XVII в. в устье Селенги были возведены три острога «на малую стать»: Кабанский, на месте казачьей заимки вблизи речки Кабанья; Ильинский, на месте Большой Заимки (ныне с. Ильинка) и Итанцинский, на месте впадения реки Итанца в Селенгу. Просуществовав несколько десятилетий, эти остроги утратили свое военное значение, но вокруг них сформировались крупные земледельческие селения.

Благодаря тому, что вдоль Селенги пролегал основной тран-

Фото Б. Михайлова

Крутой мыс на Селенге у Верхнеудинска
Открытка начала XX в.

Кабанск так и остался селом
Фото начала XX в.

Кабанская Христорождественская церковь. *Разрушена в 1950 г.*

Селенга на пути к Байкалу

Дельта Селенги у села Никольск

Железнодорожный мост в Кабанском районе

зитный путь в Забайкалье и на Дальний Восток, казачьи заимки и селения русских крестьян начинают быстро разрастаться. «…Вот на восточном берегу Байкала, на продолговатой равнине, обставленной с двух сторон горами, расположилось очень людно чисто русское население, со всеми теми оттенками, которые дала ему Сибирь. На тесном (по-сибирски) пространстве, не более ста верст в длину, разбросано несколько сел; от одного села до другого верст двадцать, тридцать, что при здешних расстояниях большая редкость. В центре их находится самое людное село Кабанск», — отмечал в своих путевых заметках известный русский исследователь П.А. Кропоткин.

Зажиточность и добротность кабанских сел отмечали многие путешественники. Но зажиточность эта достигалась упорным трудом на рыбном промысле и извозе. Крестьяне «приморских» деревень, оказавшись в начале Московского тракта в Забайкалье, первыми подряжались на доставку казенных грузов — хлеба, соли по Забайкалью, занимались перевозкой чая и других грузов.

Село Кабанск, долгое время находившееся «в тени» Ильинской слободы, благодаря своему местоположению со временем стало центром левобережной части. «Первые постройки Кабанска и его центр, где располагались церковь, мирская изба, государевы мангазейны и базар, находились в районе нынешних улиц Партизанская и Красноармейская. С появлением сухопутной дороги на Посольск начала застраиваться улица Трактовая (ныне Октябрьская)».

Двухэтажная каменная Христорождественская церковь была заложена в Кабанске в 1806 г. Достроили и освятили ее только в 1831 г.

В 1832 г. в Кабанск после отбывания каторги в Чите и Петровском Заводе на поселение прибыл декабрист М.Н. Глебов. Гражданский чиновник, он не был членом тайного общества, но участвовал в восстании на Сенатской площади. Прожив в Кабанске почти десять лет, ходатайствовал о переводе в Братск к своему другу Муханову. Погиб в Кабанске в 1851 году от побоев унтер-офицера Жукова и местных жителей Юрьевых. Могила не сохранилась.

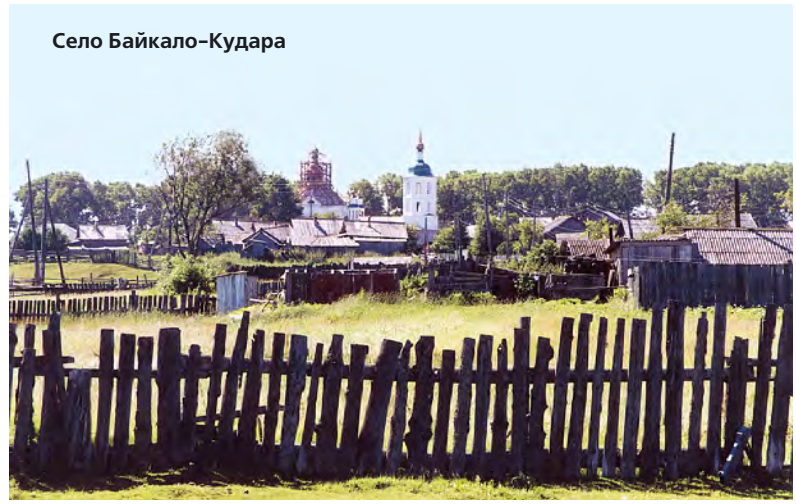
В 1880-х гг. наряду с «министерской школой» в Кабанске были открыты две церковно-приходские школы, имелась каменная двухэтажная синагога.

Другим крупным и богатым селением левобережной части селенгинской дельты было село

Богородице-Казанская церковь в селе Творогове. Левобережье Селенгинской дельты. *2002 г.*

Творогово, расположенное ближе к устью Селенги. По выражению одного путешественника, это село стоило «дурного сибирского города, например, Тюкалы или Нерчинска. В нем каменная церковь и много очень порядочных домов». Каменная двухэтажная Богородице-Казанская церковь была «заложена в 1809 г. и отстроена в 1811 г.усердием боголюбивых дателей». Архитектура церкви выдержана в строгих классических формах, с редким для Забайкалья цилиндрическим объемом колокольни, увенчанной высоким шпилем над куполом.

Храм в Тророгове посще реставрации. *Фото 2020 г.*



Село Байкало-Кудара

Владимир ПОЛОМОШИН

СТОРОНА КУДАРИНСКАЯ

Когда вы отъезжаете от железнодорожной станции Селенга к переправе через полноводную реку Селенгу, вашему взору предстает величественная возвышенность «Дабаани-аман» — ворота в Кударинскую степь, — обрамленная берегами Байкала и хребтом Улан-Бургасы. В далекие времена шумевшая непроходимой тайгой, сегодня Кударинская степь, изрезанная реками и мелколесьем, открыта со всех сторон.

По сохранившимся легендам и преданиям, заселение Кударинской степи и устья Селенги бурятскими родами происходило 350–300 лет тому назад, в основном из пределов бывшего Эхирит-Булагатского аймака, с долин рек Лена (Зулхи), Куды, Анги, Хашан-хара, с северных земель из-за Байкал-моря и острова Ольхон. Буряты родов Олзон, Байтал, Баяндай, Шоно, Абазай относят себя к племенам эхирит, алагуевцы и хурумшинцы — к племенам булагат, галзуты — к племенам хори, монголы вышли из Халги, рода сэгэн, хайтал и зуунгар считают себя выходцами с Алтая. Буряты рода хайтал, по преданиям, имели шаманское происхождение, унаследованное по женской линии от племени урянха, среди их потомков немало известных шаманов и шаманок.

Буряты не случайно облюбовали для поселения Кударинскую степь. Кочевой народ изыскивал место, где можно найти дрова без топора, мясо без ножа. Просторы пастбищных угодий, тайга с пушным и лесным зверем, Байкал и реки с неисчерпаемыми рыбными запасами способствовали довольно быстрому заселению края, определив на долгое время основные направления хозяйственной деятельности: скотоводство, а позднее — земледелие, извозный и рыбный промыслы.

Переселение бурят совпало по времени с началом русской колонизации. Царский посланник Спафарий в 1675 году сообщает о кочевавших бурятах, бурятских юртах и немногих землянках селенгинских казаков, заимках, небольшой деревушке брянских казаков, занимающихся усердно хлебопашеством и рыболовством.

А в Чертежной книге Сибири 1701 года упоминаются четыре деревни Кудары — Фофоново, Шергино, Быково и сама Кудара. Возникали многие поселения под надежным прикрытием Кабанского, Ильинского и Итанцинского острогов, Посольского и Троицко-Селенгинского монастырей от набегов «мунгальских воровских людей».

В середине XIX века на территории Кударинской степи насчитывалось 29 улусов и бурятское село Корсаково, около 20 сел и деревень с русским населением. Самым крупным являлась Кудара Благовещенская, заложенная в конце XVII века: присыльные и гулящие были одни мужчины. Они поженились на новокрещеных и купленных девках и бабах, построили 56 дворов, и сели на те земли во крестьянство. Неудивительно, что потомки тех кударинских мужиков имеют иссиня-черные шевелюры, скуластые лицом, чернявые и бравые видом и статью.

О кударинцах с незапамятных времен идет добрая молва как о гостеприимном и добродушном народе, умеющем дорожить честью. «Лучше сломать кость, чем потерять честь», — наставляют старики. Как в старину, так и сегодня гостям оставляют лучшую часть запасенного впрок мяса (арбина, ребра с жиром, бедренную кость), хранят заветы предков: счастлив тот дом, где бывают гости, радостен тот дом, у коновязи которого всегда стоят кони приезжих.

Жизнь проходила не только в повседневных трудах и заботах, но и в борьбе с опустошительными эпидемиями животных, с природными катастрофами. Наводнения от разливов Байкала и Селенги случались порой по 7–10 лет подряд, так что первые 2–3 года жители степи это воспринимали со страхом и ужасом, а потом — как привычное явление. Самым сильным было наводнение в 1932–1933 годах, когда в другие аймаки выехала и укочевала большая часть населения. А в новогоднюю ночь на 1862 год произошло страшное землетрясение, когда территория Цаганской степи в течение суток ушла под воду, образовав залив, называемый ныне «Сором», или «Провалом». От подземных толчков тогда повалился купол и колокольня кударинской Благовещенской церкви, а в Кабанске сами собой стали звонить церковные колокола. В устье Селенги трескалась на куски земля и уходила под воду, образовав новый залив. До сих пор рыбацкие сети поднимают со дна различный сор: остатки утвари, построек, костяки животных... Так закрепилось за этим байкальским заливом незвучное слово «Сор».

Но за исключением периодической борьбы с природными ка-

Деревня Шергино. Правобережье Селенгинской дельты

таклизмами жизнь в Кударе текла своим чередом. Кударинцам не было равных в искусстве изготовления рыбацкого снаряжения, лодок, сетей. А слава о здешних кузнецах и ювелирных дел мастерах бежала впереди них. Они лихо подковывали лошадей, мастерили луки, стрелы и даже огнестрельные ружья, обрамляли серебром золотые монеты и курительные трубки.

В XIX веке зашумели ярмарки. Кударинская проходила по понедельникам и громкая Спасо-Преображенская в Чертовкине, в устье Селенги. Сюда приезжал торговый и промышленный люд Иркутска и других сибирских городов. Отменного вкуса спасовский омуль и осетрина раскупались в считанные дни большими партиями, как и табуны лошадей.

В краю этом шаманизм признан официальной религией, в прошлом это было закреплено в нормах обычного права кударинских бурят. Сохранилось немало культовых мест покровителей земных территорий и населявших их людей. Обычно это горные склоны, невысокие холмы. В момент жертвоприношений на «обо» призывают по очереди покровителей рода — почитаемые души когда-то умерших людей, оставивших заметный след в истории рода преимущественно шаманов и шаманок. Особо почитаем всеми кударинскими бурятами эжин — дух, «хозяин» Посольска на Байкале, Фофоновской горы-акрополя — Иван Тимофеевич-боярский сын. Так вошел в народную память один из тех русских военачальников, который более трех веков назад по царскому приказу «приискивал» за Байкалом земли, устанавливая там, по всей видимости, справедливые порядки, защищая бурят и вообще простой народ от разбоя. В честь этого Ивана Тимофеевича на тайлгане (жертвоприношении) звучит призыв:

Хозяин местности Фофоново,
Хан, повелевающий начальник,
Сдруживший вам друг,
Надежный ваш товарищ...

Отдельные кударинские старики успевали за свой век принести жертвы всем 99 тэнгриям — небожителям, которые, по преданиям, произошли от Вечного Синего Неба. Теперь тайлганы представляют собой всеобщее торжество, сопровождаемое играми, гуляниями и состязаниями.

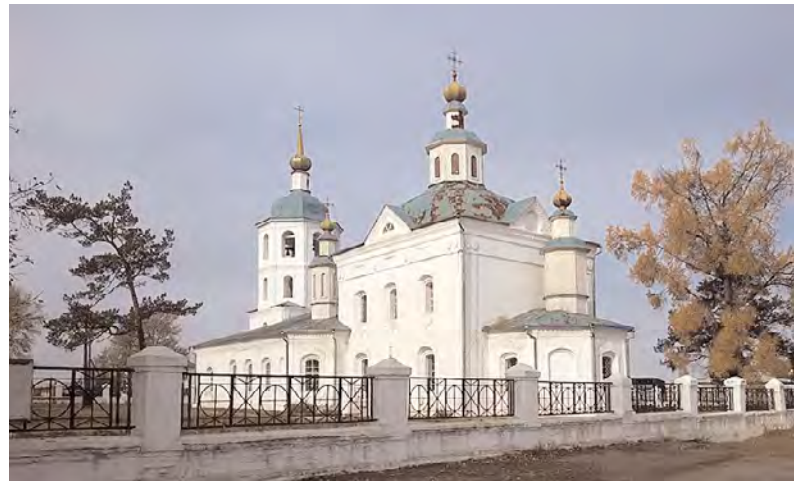
Язычество кударинских бурят устояло перед натиском православия. Ни к чему не привели здесь и попытки буддийских проповедников распространить тибетское учение. Кударинцы всегда им отвечали: «Без лам тунеядцев на нас хватает, своих бурханов хоть отбавляй». Шаманизм объединял и сплачивал местных бурят во все времена.

Вольнолюбивый дух жителей Байкало-Кудары проявился в 1920 году, когда село стало центром восстания, борьбы с интервентами, утверждения советской власти.

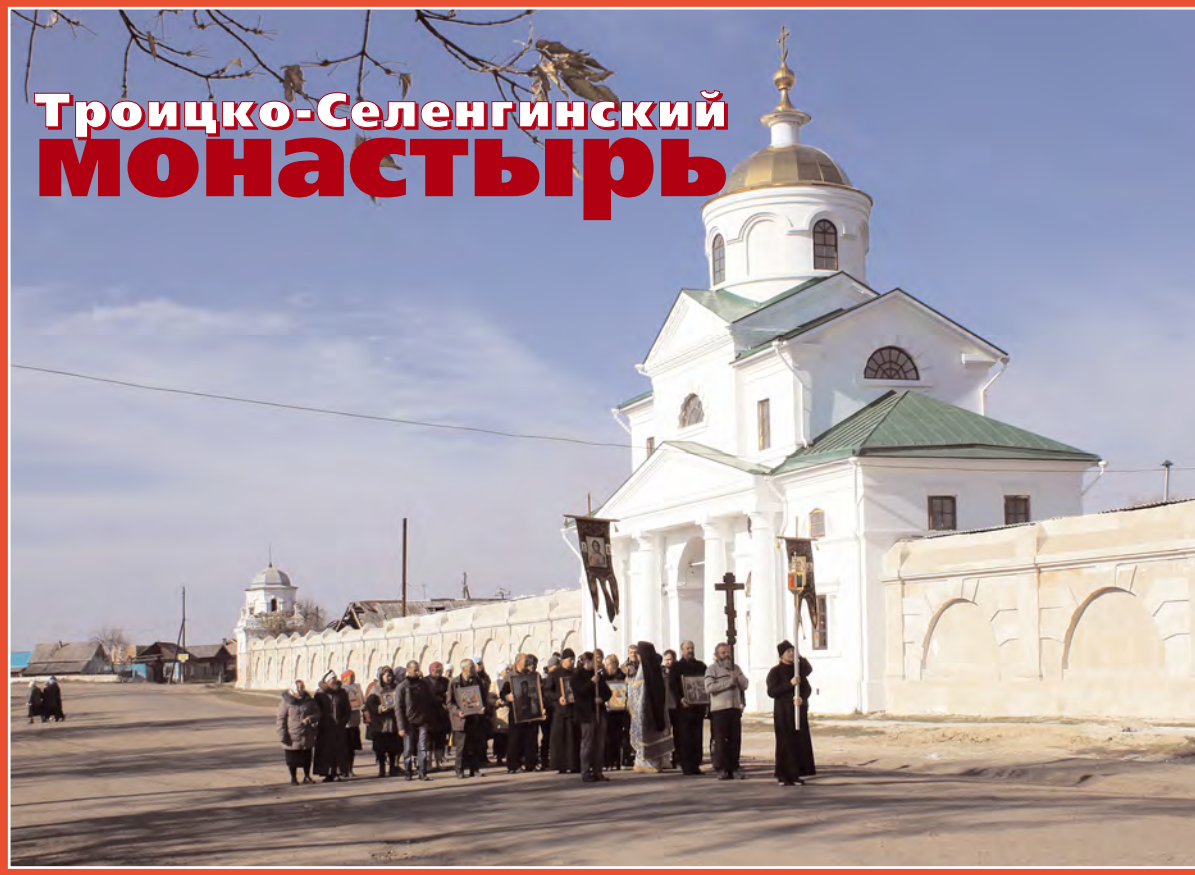
Течет полноводная Селенга, отрезав своими берегами Кударинскую степь от остального мира. Можно воспользоваться паромной переправой или по льду добраться зимником. Через полчаса взору откроются золоченые купола кударинской Благовещенской церкви, стоящей ныне в строительных лесах. На воротах церковной ограды надпись: «Сии ворота клал М. Филипп Ермаков в 1792 г.». Возрождающийся храм — подарок непризнанной столице Кударинской степи — селу Байкало-Кударе, которому уже больше трех веков.

Село Фофоново

Благовещенская церковь в Кударе до реставрации



Троицко-Селенгинский монастырь



Троицко-Селенгинский монастырь – памятник архитектуры федерального значения, состоит под охраной государства с 1960 г. Время и долгое использование зданий без проведения ремонтов и реставрации сильно изменили облик монастырских строений, некоторые из них находятся в аварийном состоянии. По заказу Министерства культуры Бурятии в конце 1970-х гг. институт «Спецпроектреставрация» (г. Москва) разработал проект ремонтно-реставрационных работ. В 1982 г. на долевых началах с Министерством здравоохранения были начаты работы по реставрации каменной монастырской ограды и угловых башен, которые впоследствии из-за отсутствия финансирования неоднократно приостанавливались. Теперь монастырский комплекс передают православной церкви.

В 1681 г. по указу царя Федора Алексеевича в «Сибирские Дауры на Селенгу» направилась миссия из 12 человек во главе с игуменом Феодосием. Им было поручено выбрать за Байкалом место и основать обитель и храм во имя Пресвятой Троицы «для призвания иноверных в православную веру».

Такое место было найдено в широкой долине реки Селенги, месте довольно ровном, окруженном лесистыми горными хребтами, на берегу мельничной речки Пьяной, на плодородных землях. В 1683 г. началось возведение деревянного храма. Лес рубили прямо на месте. Соборный храм Живоначальной Троицы был освящен 31 января 1684 г.. Весной закончили вторую церковь во

имя Николая Чудотворца. Строительство монастыря, начатое при игумене Феодосии, продолжил игумен Мисаил.

К 1690 г. устройство монастыря фактически было завершено. В ту пору в любой момент следовало ожидать нападения кочевых монголов, поэтому территорию монастыря обнесли деревянной стеной в 400 саженей с шестью башнями с шатровым верхом и бойницами на разных уровнях. Всем своим видом монастырь напоминал типичный сибирский «стоячий» острог. Но ни один из 14 главных острогов Сибири в XVII в. не имел такой значительной площади. Сохранились сведения о том, что в 1732 г. монастырь имел три пушки, 65 самопалов, два палаша, четыре бочки с порохом и более двух пудов свинца. За прочной оградой виднелись стены и крыши клетей трех деревянных храмов — Троицкой и Никольской церквей, расположенных почти в центре монастырской территории, и Всесвятской церкви у западной стены. Рядом с одноглавой Троицкой церковью располагалось самое высокое сооружение — брусчатая восьмистенная колокольня с 9 колоколами. В шатре колокольни размещались большие часы «железные, на русском бою, с конпасом указательным».

В XVIII в. монастырь процветал, хотя часть его земель и угодий отошла к вновь возникшему в 1700 году Посольскому монастырю. Он владел пашнями, сенокосными угодьями, мельницами, усадьбами в Иркутске, Селенгинске, Кяхте, Удинске и других местах, рыбными угодьями, имел скот, заимки, соляные озера.

Около Троицко-Селенгинского монастыря проходила важная дорога в Селенгинский «город» — на юг в сторону Монголии и Китая. Направляясь в Китай, все русские дипломатические и торговые деятели останавливались в этом монастыре. Первым среди них нужно назвать Федора Алексеевича Головина, полномочного посла России в Забайкалье, который в 1689 г. заключил Нерчинский договор с Китаем. Тогда Головин пожертвовал монастырю тяжелую серебряную чашу чеканной работы.

В 1692–1694 гг. здесь проезжал датчанин Избрандт Эберхард (Елизар Елизарович) Идес, которого Петр I выбрал в качестве главы русского посольства в Китай. После миссии Идеса русско-китайская караванная торговля приобрела более регулярный характер. В 1716 г. здесь побывал шведский офицер на русской службе Лоренц Ланг, также сыгравший важную роль в дипломатических и торговых отношениях с Китаем. 11 августа 1716 г. он записывает в своем дневнике: «По суше следовали до большого населенного пункта Большая Заимка, в котором находится красивый монастырь Св. Троицы». Через четыре года он был вновь отправлен в Китай, уже секретарем посольства Л.В. Измайлова. Побывал здесь и Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, серб на русской службе, чрезвычайный и полномочный посол России в Китае в 1725–1728 гг., заключивший Буринский и Кяхтинский договоры с Китаем о разграничении пограничных территорий. В мае 1727 г. проезжал Абрам Петрович Ганнибал, прадед А.С. Пушкина, направленный после смерти Петра I к китайской границе для строительства крепости в устье Чикоя.

Надвратная церковь Архангела Михаила и сгоревшая Всесвятская церковь. *Кон. XIX в.*

Четыре с лишним года прожил в Забайкалье, из них большую часть в Троицко-Селенгинском монастыре, святитель Иннокентий (Кульчицкий), ожидавший вызова в Китай. Неоднократно здесь бывали все иркутские епископы и архиепископы, а также все члены Российской духовной миссии в Китай, начиная с первой миссии Иллариона (Лежайского) и кончая семнадцатой — архимандрита Флавиана. Надо полагать, что монастырь посетил также известный историк Г.Ф. Миллер во время второй Камчатской экспедиции Академии наук в 1734–1744 гг. Делами монастыря интересовался сибирский губернатор Ф.И. Соймонов, один из немногих губернаторов, отличавшихся вниманием к нуждам края и гуманностью. Так, в 1760 г. вопреки желанию святых отцов он определил на полное монастырское обеспечение отставного капрала Ивана Бутина, участника Семилетней войны, имевшего военные заслуги.

Первый, построенный в 1683 г., деревянный Троицкий собор просуществовал до 1690-х гг. без перестройки. В 1763 г. вместо него возвели новую деревянную Троицкую церковь с трапезной и колокольней. Эту церковь в связи с сооружением в 1785 г. нового каменного Троицкого собора переименовали в Петропавловскую, при этом лишив ее колокольни. В храме сохранялся пятиярусный иконостас XVII в. с иконами, привезенными из России. Здание это сгорело в 1897 г. На его месте в 1900–1903 гг. построили крупную каменную Ни-

кольскую церковь, превосходящую по размерам стоящий рядом каменный Троицкий собор 1785 г. Несмотря на утраты сохранившийся основной объем с элементами «сибирского» барокко представляет несомненную ценность.

С 1830-х гг. Троицкий монастырь стал монастырем третьего класса, которому по штату полагалось, кроме настоятеля, 12 человек. В эти годы настоятелем был назначен архимандрит Израиль (в миру Иван Федоров), переведенный в Сибирь из Костромы за какую-то ересь. Здесь он познакомился с декабристом А.Н. Муравьевым и его друзьями из среды забайкальского купечества, специально посетил Читинский острог, где виделся с декабристами. Об этом иркутский генерал-губернатор Броневской информировал Николая I, что, вероятно, сыграло роковую роль в судьбе архимандрита. Связь декабристов с духовным лицом не могла его не насторожить. В 1834 г. церковные власти отрешили архимандрита Израиля от должности и сослали навечно в Соловецкий монастырь, где он провел в заточении 28 лет до своей кончины.

Начиная с 1831 г. вокруг монастыря стали возводить каменную ограду. Стену строили очень долго. К 1851 г. ее сложили с трех сторон. Главный въезд тогда был перенесен с западной стороны на южную. Над новой въездной аркой в 1835 г. была построена надвратная Михайловская церковь. Четвертая северная стена еще долго оставалась деревянной и была закончена в камне только к 1876 г. Общая ее длина составила 330 саж. (700 м), меньше деревянной ограды. Михайловская церковь и ограда представляют собой монументальные сооружения в духе зрелого классицизма. После возведения этой каменной ограды и святых ворот старое деревянное здание Всесвятской надвратной церкви, построенной над святыми воротами в западной стене в 1710–1711 гг, оказалось на территории монастыря. Это было ярусное сооружение первоначально с пятью главами, замененными впоследствии шлемовидной крышей. Бывший под храмом проезд приспособили для библиотеки и монастырского архива. До наших дней здание не сохранилось.

Настоятелем Троицко-Селенгинского монастыря как раз во время строительства каменной ограды с 1847 по 1863 г. был Даниил Сивиллов, в миру Дмитрий Иванович Сивиллов (1798–1871), крупнейший в России знаток китайского языка, истории и древней философии Китая. Переводы с китайского языка на другие языки, и наоборот, дали Сивиллову возможность еще в Пекине со-

Вид ограды и надвратной Михайло-Архангельской церкви до реставрации. *Фото Бронислава Михайлова, 2002 г.*

Ограда Троицко-Селенгинского монастыря после реставрации. *Фото 2020 г.*

ставить четыре словаря. Им было написано 19 научных трудов, но опубликовано всего два сочинения: «Всеобщая история Китая» (Казань, 1838) и перевод книги «Драгоценное зеркало для просвещения ума» (Казань, 1837). В 1840 г. им была написана «Китайская хрестоматия». В 1844 г. из-за болезни Сивиллов отказался преподавать в университете и, согласно его желанию, был переведен настоятелем Посольского монастыря, а затем Троицко-Селенгинского. Во время своего «правления» он искал и описывал древние иконы, составил краткий исторический очерк Троицкого монастыря, как знаток древних рукописей и палеографии работал в монастырской библиотеке с «древними свитками». Сивиллов сотрудничает с Русским географическим обществом, посылая ему различные сведения о Забайкалье, принимает участие в организации Иркутского музея. В 1863 г. его переводят в Борисоглебский монастырь около Ростова.

После отъезда Сивиллова Троицко-Селенгинский монастырь намеревались упразднить и устро-

Троицкий собор. *Фото 2002 г.*

Никольская церковь. *Фото 2002 г.*

Въездные ворота с остатками надвратной Михайло-Архангельской церкви. *Фото 2002 г.*

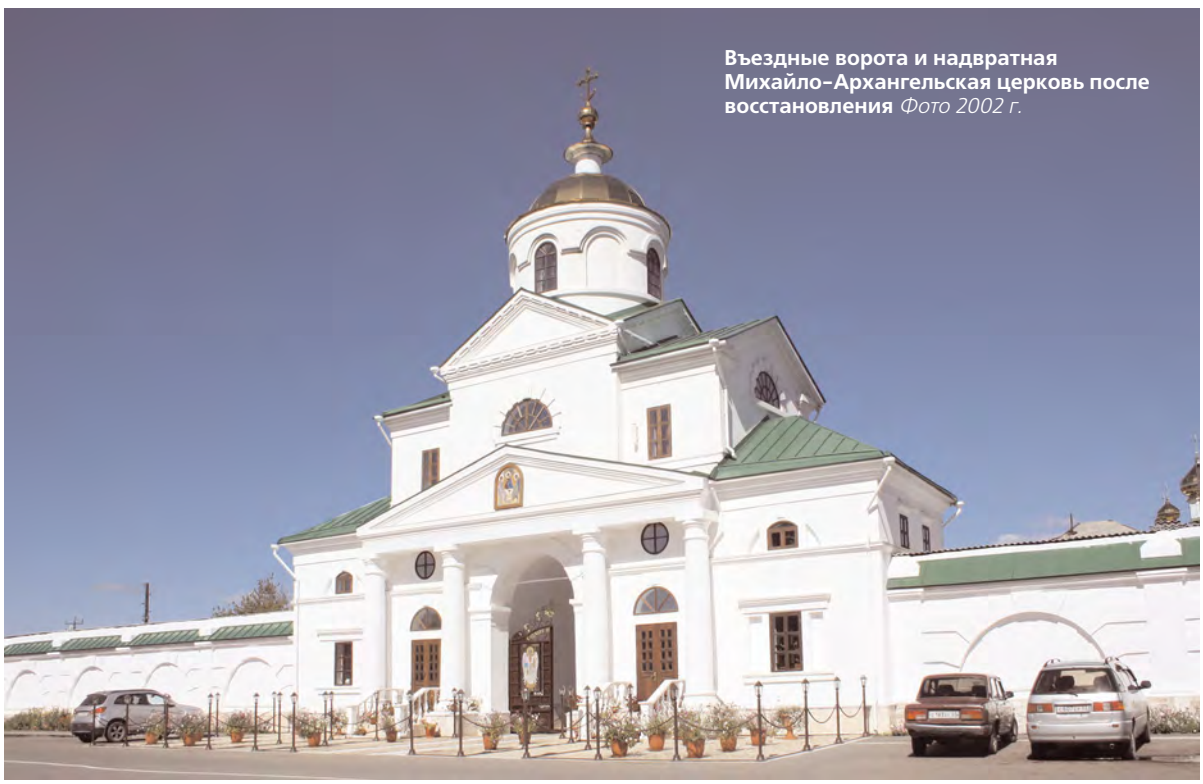
ить в нем «богадельню для 400 каторжных». Был утвержден проект, но реализовано это намерение не было.

К кон. XIX в. кроме двух каменных и двух деревянных церквей и дома настоятеля, внутри стен монастыря находились: большой каменный жилой корпус у западной стены, там же каменный в виде часовни колодец, вдоль северной ограды несколько каменных и деревянных построек. В северо-восточном углу территории размещались конный и скотный дворы, в юго-восточном углу — сад со старыми яблонями, черемухой, кедрами, а на юго-западной стороне земля была распахана под огороды. За пределами ограды располагалась деревянная одноклассная церковноприходская школа, мельницы, деревянный «странноприимный» дом (гостиница).

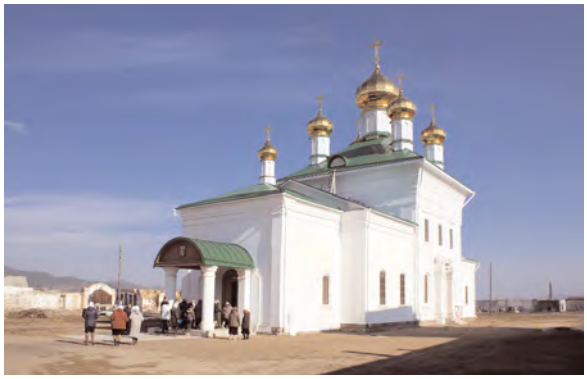
Монастырь славился чудотворными образами св. Николая Можайского, особенно чтимым местными хлебопашцами, и целителя Пантелеимона. Хранились в монастырской ризнице драгоценные подарки, направленные сюда царствующими особами, в том числе и напрестольный крест, подаренный обители в память своего посещения 21 июня 1891 г. Николаем II, тогда еще наследником престола.

С большого «заморского» тракта монастырь был виден за несколько верст, выделяясь на фоне дальних голубых хребтов белизной каменных храмов и монументальной оштукатуренной оградой. Строения хорошо просматривались с Транссибирской железной дороги, проведенной в самом кон. XIX в. на расстоянии нескольких километров от монастыря.

В 1917 г. все земли, сенокосы и рыболовные места были объявлены государственным достоянием и в годы коллективизации переданы бедноте. В 1921 г. Троицко-Селенгинский монастырь был упразднен,



Въездные ворота и надвратная Михайло-Архангельская церковь после восстановления *Фото 2002 г.*



Никольская церковь. *Фото 2020 г.*

Троицкий собор. *Фото 2020 г.*

здания заняты детскими, а впоследствии лечебными учреждениями.

Закрытый в 1920 г. монастырь в последующие годы был фактически разграблен, многие ценные реликвии и документы были уничтожены, погибли в огне живописные работы, многие иконы, роспись церквей, церковная утварь. В течение нескольких десятилетий помещения монастыря использовались для психиатрической лечебницы.

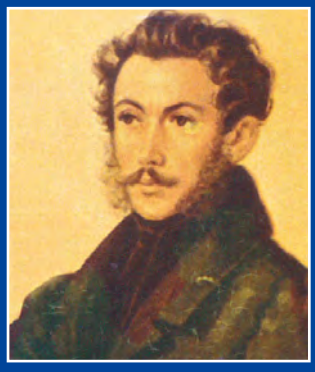
В 2007–2008 гг. лечебница на территории монастыря была закрыта, больные переведены в другое место, и монастырь был целиком передан во владение Русской православной церкви. В нач. 2008 г. Священный Синод принял решение о восстановлении Свято-Троицкого монастыря.

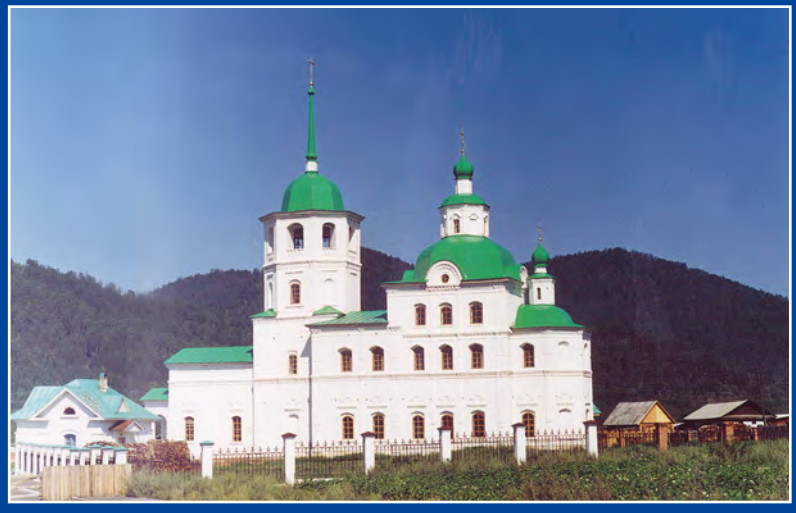
Сейчас ведутся работы по его реставрации, восстановлена надвратная церковь и Никольская церкви, отремонтирована ограда.

Вид на монастырь с реки Селенги.
Фото Бронислава Михайлова, 2020 г.

По долине ИТАНЦЫ

Фото А. Тарунова





Восточнее Кабанска по долине реки Итанцы простирается Прибайкальский район с центром в поселке Турунтаево (в бывшем селе Итанца).

Спасская церковь в Турунтаеве заложена в 1791 году и «строением кончана» в 1818-м. Необычные формы и детали являются мотивами петербургского барокко, по-своему понятыми и переработанными народными мастерами.

В Турунтаеве отбывал ссылку в 1839–1841 гг. декабрист Е.П. Оболенский. После закрытия храма в 1920-х гг. были утрачены крыльца, завершения и кресты. Храм восстановлен в 1990-е гг. при участии республиканского НПЦ охраны памятников.

Одно из самых старых сел Прибайкальского района — Батурино. Здесь находится каменная Сретенская церковь. Заложенная в 1813 г., она была освящена в 1836-м. В ограде храма похоронен декабрист И.Ф. Шимков, живший здесь на поселении с 1833 г. Прибыл он в Батурино уже тяжело больным. Долгое время не мог привыкнуть к одиночеству, материально жил бедно. Через некоторое время декабрист распахал землю, получал неплохие урожаи, собирался жениться на «крестьянской девице» Фекле Батуриной. Но подорванное здоровье привело его к смерти в 1836 г.

Сретенская церковь отреставрирована в конце 1990-х гг. При храме открылся женский православный монастырь.

Село Турунтаево (быв. Итанца). Спасская церковь после реставрации. *1791–1818*

Декабрист И.Ф. Шимков
Рисунок Н.А. Бестужева

Могила И.Ф. Шимкова у церкви

Церковь в селе Батурине. *XVIII в.*

Сентябрьский пляж в Гремячинске

Курорт Горячинск

На озере Котокель

Фото Б. Михайлова

К Святому Носу

На Байкале купальный сезон короток. Но щедр на солнце и штиль. Прозрачная вода и чистый воздух — неоспоримое преимущество Байкала перед всеми самыми известными курортными местами.

Возле восточного побережья Байкала, отделенное от него узким перешейком, находится озеро Котокель. На берегах этого озера расположены дачные поселки, туристические базы и дома отдыха, санаторий «Байкальский бор» — детская здравница, военная туристическая база «Байкал», на которой отдыхают со всей России, турбаза «Котокель», где могут предложить хорошую рыбалку.

Если в Байкале купаются люди закаленные, то в Котокеле — абсолютно все, как в Черном море. Речка Коточик связывает озеро с рекой Туркой, впадающей в Байкал. Весной, когда уровень воды в Турке выше, чем в озере, речка Коточик течет обратно в Котокельское озеро. По реке Турке (в переводе с эвенкийского означает «омулевая дорога») туристы совершают водные сплавы к горячему источнику Золотой Ключ.

На восточном побережье Байкала славится курорт Горячинск, самый старинный курорт на Байкале, который ведет свою историю с 1810 года. Здесь основной природный фактор — азотная сульфатная натриевая термальная вода с температурой 54 градуса.

На берегу Байкала множество туристических баз, домов отдыха, которыми пользуются учебные заведения и предприятия. Летом все они щедро одарены солнцем, лечебным хвойным и горным воздухом — всем, что нужно для восстановления сил и здоровья.

На берегу Баргузинского залива начинается дикий песчаный пляж. Туристские базы отдыха снова встречаются у поселка Максимиха и буквально в километре от баз находится Духовое озеро. Вокруг озера растет густой лес из кедра, пихты, сосны и лиственницы. Рыбаки считают, что в озере ловятся самые вкусные в Бурятии «духовистые» караси.

Около поселка Усть-Баргузин примечательны береговые валы с зарослями низкого кедрача.

Бухта Крестовая

За омулем

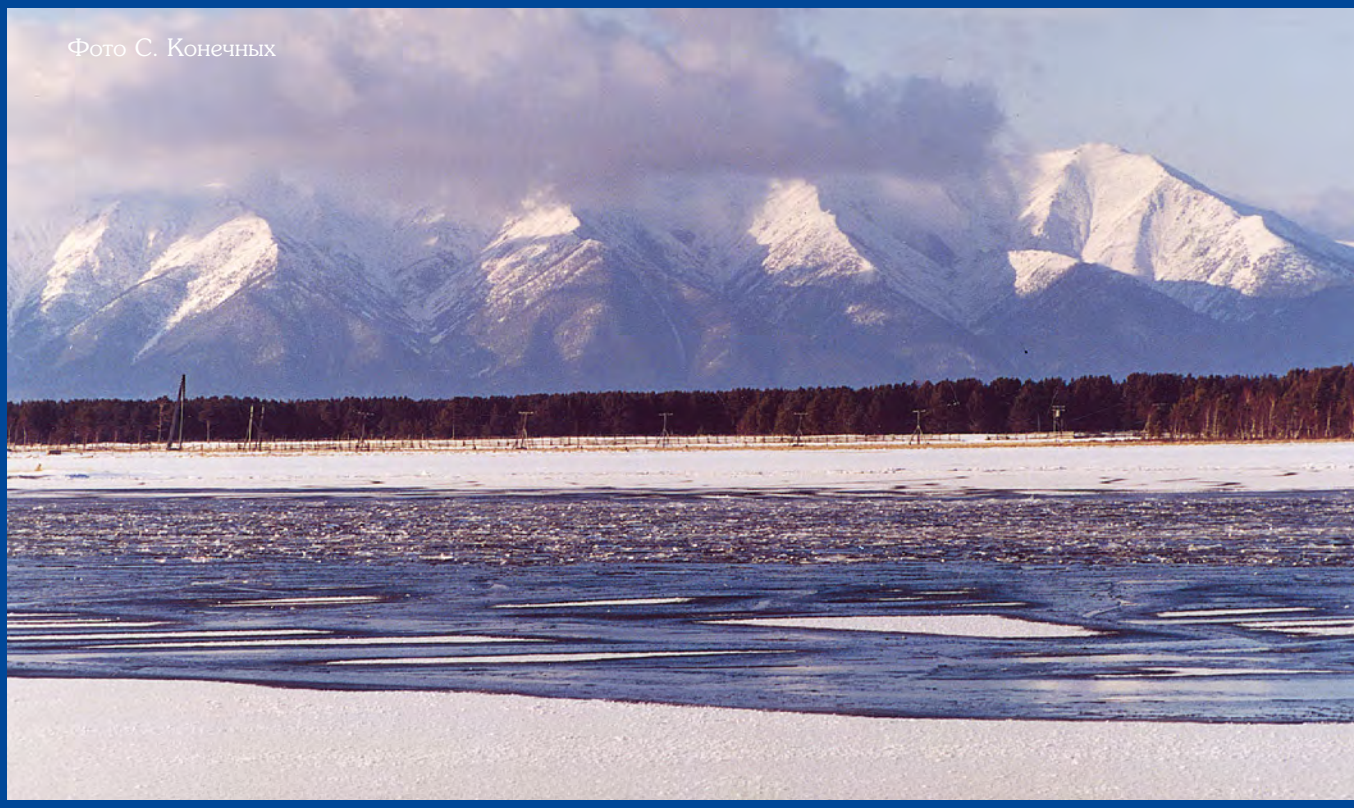
Село Катунь на берегу Чивыркуйского залива

Для отдыхающих на байкальских курортах устраиваются экскурсии по Байкалу и вдоль его побережья.

Популярное место для активного туризма — полуостров Святой Нос. Полуостров соединяется с материком песчаным перешейком, от которого с южной стороны расположен Баргузинский залив, а с восточной — акватория Чивыркуйского залива. Здесь создан Забайкальский национальный парк. Недалеко от въезда в парк находится теплое озеро Бармашевое, на котором любят останавливаться отдыхающие. В этом теплом озере оби-

Мелководное озеро Бармашевое
Пляж с видом на полуостров Святой Нос

Остров Бакланий
в Чивыркуйском заливе



Неприступный красавец — полуостров Святой Нос

Источник Змеевый в бухте Змеевая
Чивыркуйский залив

тает большое количество бормашей — рачков-бокоплавов. На перешейке по сторонам от проходящей по нему дороги тянутся болота и озера с множеством птиц, в центре озеро Арангатуй — место гнездования редких и исчезающих птиц: лебедей, цапель, журавлей, гагар.

Туристские тропы проложены от песчаных пляжей перешейка полуострова Святой Нос до сложных горных перевалов. Тропы выходят на берег Чивыркуйского залива, где находится знаменитый термальный источник.

Забайкальский национальный парк на севере граничит с охранной зоной Баргузинского заповедника. Центральная усадьба национального парка находится в рыбацком поселке Усть-Баргузин.

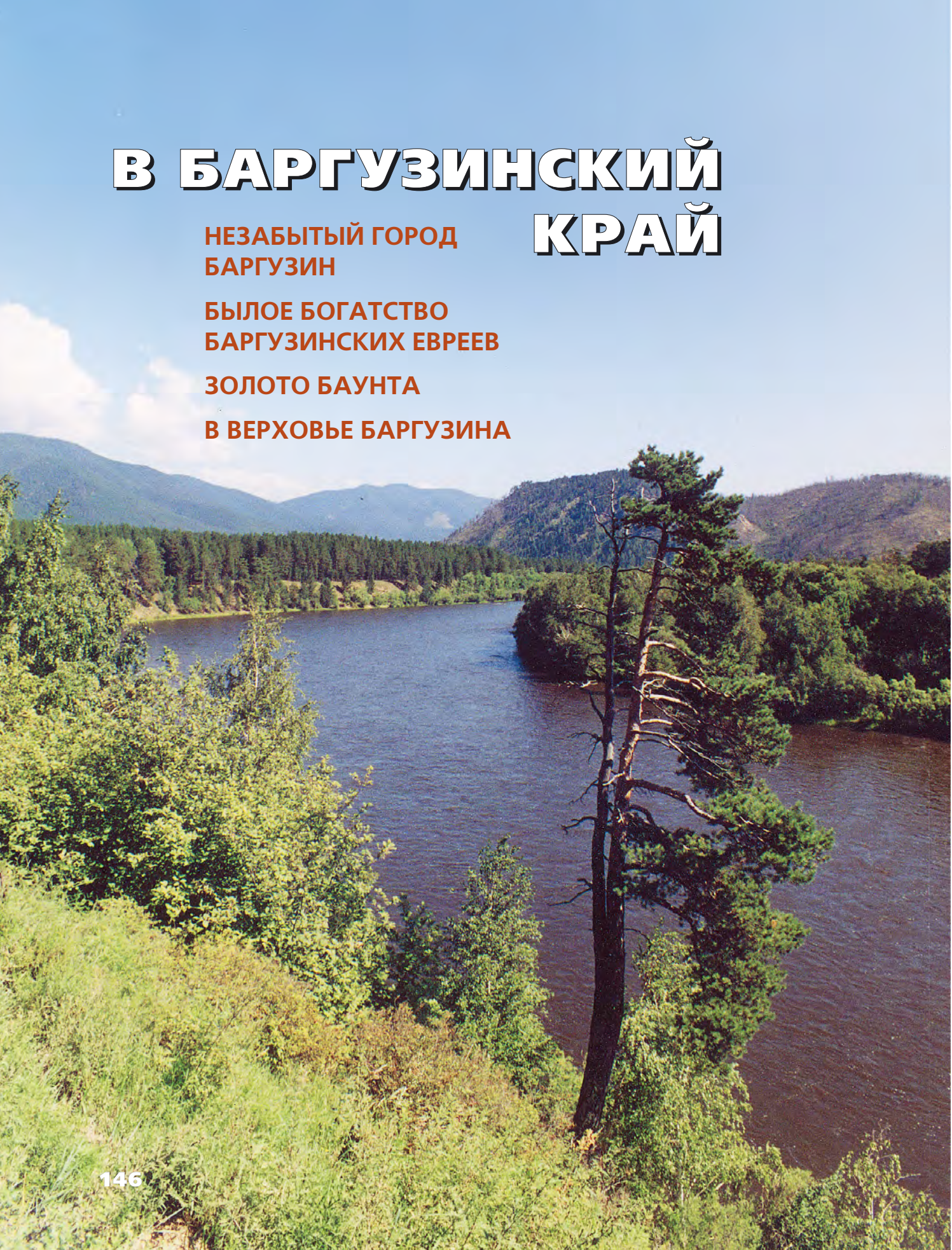
В БАРГУЗИНСКИЙ КРАЙ

НЕЗАБЫТЫЙ ГОРОД БАРГУЗИН

БЫЛОЕ БОГАТСТВО БАРГУЗИНСКИХ ЕВРЕЕВ

ЗОЛОТО БАУНТА

В ВЕРХОВЬЕ БАРГУЗИНА



Деревянное здание бывшего уездного банка. Построено в середине XIX в.

Незабытый город БАРГУЗИН

По материалам НПЦ
по охране и использованию
памятников истории и культуры
Республики Бурятия

«В серебряном поле сидящая белка, в знак того, что в округе оного города ловятся летучие белки».

Когда произносят слово «Баргузин» — сразу вспоминается «славное море, священный Байкал». И ветер, который призывают «пошевеливать» крутую байкальскую волну. На восточном берегу Байкала, отделенный от воды крутой горной грядой, вот уже 350 лет стоит на реке с тем же названием тихий поселок Баргузин, ныне административный центр Баргузинского района Бурятии.

Баргузин — старейшее поселение Забайкалья. Острог был основан казаками еще в середине XVII века. В 1783 году Баргузин был определен уездным городом Нерчинской области, которая тогда подчинялась Иркутскому наместничеству. Он стал центром обширного региона, включая территории у Верхней Ангары и Витима — легендарной Угрюм-реки, испытавшей на рубеже XIX–XX веков приступ настоящей золотой лихорадки.

К сожалению, судьба города Баргузина не сложилась счастливее оттого, что он располагался в плодородной долине, вблизи от богатых драгоценностями, минеральными источниками, ценной пушниной земель. Баргузин никогда не подходил и даже не приблизился к уровню таких городов края, как Верхнеудинск и Кяхта. Он застыл, словно оцепенев, на целый век, в координатах времени декабристов, отбывавших здесь ссылку.

Вид на город Баргузин. *Старинная гравюра*

Баргузинский Спасо-Преображенский храм. *1824 г.*

От рыбачьей деревни Усть-Баргузин до города Баргузина не так уж близко

Баргузинская долина — северный «остров» степных и лесостепных ландшафтов среди горной тайги Забайкалья. В 1648 году сын боярский Иван Галкин с небольшим отрядом служилых людей обошел Байкал с севера и заложил острог на правом берегу реки Банной. Баргузинский острог стал одним из главных опорных пунктов русских за Байкалом.

До прихода русских в Баргузинской тайге жили эвенки, или, как их тогда называли, тунгусы. Казаки взяли их под свою защиту, но обязали платить ясак, в основном в виде пушнины. Переселение бурят в Баргузинскую долину, по-видимому, началось с 40-х годов XVIII века, когда сюда прибыла группа верхоленских бурят под предводительством тайши Ондрея Шибшеева. Коренным обитателям не нравилось переселение бурят, занимавших их угодья. Эвенки заставили бурят построить так называемую Урта Хуре («Длинную изгородь») — деревянную постоянную изгородь, начиная с речки Харасун, через Шинэгальосин, до местности Хара Модон. Выделив землю бурятам, эвенки запретили им с южной стороны выпускать скот, с северной стороны переходить через реку Баргузин, на восток выпускать скот за Хара Модон, на западе не переходить реки Харасун. Рассказывают, что если за пределы отведенных земель переходил скот, то эвенки весь скот разбоем захватывали, а хозяев скота избивали...

Современная панорама Баргузина из-за реки. *Фото С. Конечных*

По официальным данным, в 1772 году на восточном побережье Байкала до Верхней Ангары жило 1200 эвенков, 72 бурята, 382 монгола и 322 русских крестьянина. В течение XVIII века и позже, кроме казаков, переселенных «на вечное житье», в Баргузинской долине появились «вольные» поселенцы, «гулящие» люди-беднота, искавшая средств для существования...

В 1772 году академик Российской академии наук Георги, побывав в Баргузине, отмечал, что все постройки в нем деревянные, есть канцелярия, магазин и несколько артиллерийских орудий. Рядом с острогом стояли две деревянные церкви — Спасская и Преображенская, а также 15 обывательских домов. Проживало тогда в остроге чуть больше 200 человек.

К 1790 году бывший в ту пору уездным город Баргузин получил свой герб: верхняя половина герба повторяла рисунок герба города Иркутска, а внизу была изображена «на серебряном поле сидящая белка» с кедровой шишкой, как символ богатства Баргузинской тайги. Был спроектирован четкий регулярный план, по которому предписывалось впредь возводить обывательские строения. Однако дальше спрямления улиц замысел не продвинулся по причине скромных возможностей жителей города. Его население занималось в основном рыбной ловлей, охотой, мелкой торговлей. Баргузинские ярмарки были кратковременными, а их оборот неустойчив и невелик.

С 1822 по 1927 год Баргузин — заштатный город Иркутской губернии.

«Удивительный город, маленький, разбросанный, приземистый, будто не дома, а серые игрушки», — таким представился Баргузин декабристам Вильгельму и Михаилу Кюхельбекерам, сосланным сюда на поселение.

Михаил Карлович Кюхельбекер, моряк, член Северного тайного общества в день восстания вместе с Н.А. Бестужевым и А.П. Арбузовым вывел гвардейский экипаж на Сенатскую площадь. Арестованный в числе первых, он по приговору Верховного уголовного суда был отнесен к V разряду государственных преступников и приговорен к 10 годам каторжных работ с последующей отправкой на поселение в Сибирь. Указами от 10 июня и 22 августа 1826 г. срок каторжных работ был сокращен до 8, а затем до 5 лет. В июне 1831 г. М.К. Кюхельбекер был освобожден и отправлен из Петровского Завода на поселение в Баргузин. В первые месяцы он с трудом привыкал к жизни в непривычной для него мещанской и крестьянской среде.

«Занимается по домашнему хозяйству и производит хлебопашество, ведет себя хорошо, по образу жизни, мыслей и на речах скромен, от каторжной работы освобожден в 1831 г. и поступил на поселение в заштатный город Баргузин», — так доносил Верхнеудинскому земскому суду читканский волостной староста в октябре 1853 года о декабристе Михаиле Кюхельбекере. Жизнь его в Баргузине не была простой и легкой, да иначе и не могло быть. Глухой таежный край, забытые Богом места, родные и близкие далеко, отсутствие материальной поддержки.

Михаил Карлович страдал от духовного одиночества. Вот почему его обрадовало знакомство с Дмитрием Давыдовым, поэтом, ученым, просветителем, который жил в Верхнеудинске и в то время занимал должность штатного смотрителя училищ Верхнеудинского округа и по служебной надобности часто наведывался в Баргузин. Эти поездки вдоль озера Байкал, ночевки на его берегах, очевидно, и навеяли ему замысел самого известного его стихотворения «Песнь беглеца на Байкале» («Славное море, священный Байкал»).

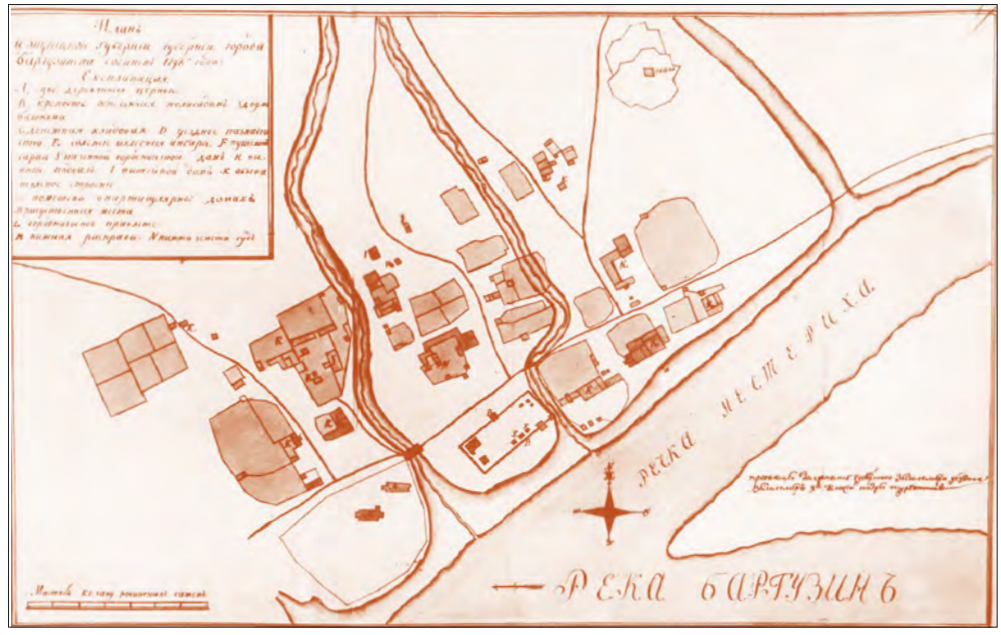
В 1844 г. Михаил Кюхельбекер женился на крестьянке Анне Токаревой, от которой имел 8 детей, трое из которых умерли в младенчестве. Кроме повседневных хозяйственных занятий Михаил Карлович безвозмездно лечил и обучал детей и взрослых, русских и бурят, изучал историю края, его минеральные и природные богатства, проводил агрономические опыты. В 1837 г. он делал глубоководные промеры озера Байкал в районе Баргузинского залива, писал обширный труд «Очерки Забайкальского края». Он принимал активное участие в организации и деятельности первых в баргузинском крае церковно-приходских начальных школ, организовал первый домашний театр. Дом Кюхельбекера был центром передовой мысли Забайкалья, куда приезжали С.Г. Волконский, Н.А. Бестужев, К.П. Торсон, И.И. Пущин, С.Г. Трубецкой, многие путешественники и исследователи Сибири.

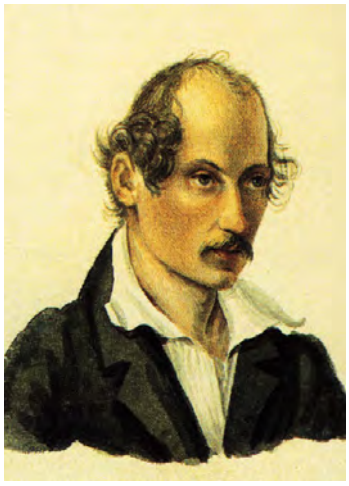
В январе 1836 года прибыл на житье в Баргузин брат Михаила Карловича декабрист Вильгельм Кюхельбекер, близкий друг А.С. Пушкина по лицею, поэт. Встреча с братом, о которой он так мечтал, поразила Вильгельма. Брат постарел, выглядел изможденным, чужим. А после потекла серая, будничная жизнь, полная мелочных житейских забот. Как и брат, Вильгельм в Баргузине женился на местной девушке Дросиде Артеновой, дочери баргузинского почтмейстера. Дронюшка, как называл ее муж, была красивой, но совершенно необразованной девушкой, о которой сохранились самые противоречивые воспоминания. Вильгельм Карлович в своем дневнике писал, что жена не всегда его понимала, но тем не менее он отдавал справедливость многим ее прекрасным качествам.

Вскоре после женитьбы Вильгельм Кюхельбекер начинает хлопотать о переводе обратно в Акшу, где, как ему казалось, больше возможностей для обустройства хозяйства. Вернуться разрешили, но этот переезд оказался ошибкой. Вскоре Кюхельбекер опять ходатайствует о переводе в Баргузин, но на этот раз получает отказ. Из Акши в 1844 году Вильгельму Карловичу с семьей разрешают перебраться в Курган, где он тяжело заболевает. Умер Вильгельм Карлович 11 августа 1846 г. в Тобольске, куда выехал для лечения.

Михаил Карлович пережил брата на 12 лет. Даже после царской амнистии декабристам в авгус-

Регулярный план города Баргузина. *1798 г.*





Михаил Кюхельбекер
Акварель Н.Бестужева

Рисунок дома Кюхельбекера — Новомейского, сделанный в 1920 г.

Вильгельм Кюхельбекер
Рисунок Н.Бестужева

те 1856 г., он не смог покинуть Баргузин: большая семья, отсутствие средств помешали ему.

Михаил Карлович был похоронен в 1859 году на баргузинском кладбище.

Баргузин, оставаясь центром обширного по площади уезда, рос медленно. Значительную часть его населения составляли политические заключенные, которые прибывали сюда после отбытия каторги в Нерчинске и Акатуе. Среди них представители всех революционных течений — петрашевцы, народовольцы, участники восстания на броненосце «Потемкин», кадеты, эсеры, меньшевики, большевики. Ссыльные, находясь под постоянным наблюдением полиции, многое делали для просвещения народа, занимались школьным образованием и частным обучением детей. В 1880-х годах сюда были сосланы народовольцы Николай Сергеевич Тютчев, Иван Логинович Линев, Семен Иванович Агатов, Александра Христофоровна Горяинова, Арон Львович Рашков, эсерка Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская и другие.

Со второй половины XIX века в Баргузине осела значительная группа ссыльно-поселенческих евреев, которые в то время составляли примерно 30 % населения Баргузина. К 1913 году в нем насчитывалось всего 2600 жителей.

Некоторое оживление внесла «золотая лихорадка», охватившая Баргузинскую тайгу. Но при этом роль Баргузина свелась к вспомогательной: он служил базой снабжения и местом формирования партий старателей, уходивших отсюда в тайгу на поиски призрачного счастья.

За годы советской власти Баргузин расширялся за счет прирезания к старым городским кварталам таких же прямоугольных участков. Здесь строились типичные для сельской местности дома с хозяйственными дворами и огородами. И, должно быть, закономерно современный Баргузин, где практически не встретить домов городского типа, «разжалован» из городов в поселки.

Как и в конце XVIII века, центром Баргузина в настоящее время является широкая площадь, сформировавшаяся в соответствии с первыми планами устройства города. Почти все каменные строения, образующие периметр площади, построены в 1950–1970-х годах: трехэтажное административное здание, типовой клуб, двухэтажная гостиница коридорного типа. Исключение составляет лишь один угловой старинный дом, построенный в последней четверти XIX века и принадлежавший до революции купцу Бреславскому. Более интересен он не фасадом, а дворовой частью, где сохранились широкая деревянная терраса и старинные водостоки. Теперь в этом здании размещается районный суд.

Поблизости от площади, у реки, возвышается колокольня каменной Спасо-Преображенской церкви — одно из старейших зданий Баргузина. Обширный, но утративший свое завершение в виде световой ротонды, храм был построен на средства богатого баргузинского купца Ивана Черных в 1834 году на месте старого деревянного. При возведении, по-видимому, использовали один из типовых проектов, разработанных в 1824 году петербургскими архитекторами Шарлеманом и Михайловым. Совпадает

Спасо-Преображенский храм в середине 1990-х гг. был возвращен верующим без световой ротонды

схема композиции плана и главного фасада, некоторые размеры. Но есть, конечно, и существенные различия: появились большая церковная глава и маленькие главки приделов, объем колокольни стал более мощным.

Преображенский храм был закрыт 20 февраля 1930 года. В 1940-х годах в здании размещался кинотеатр. В дальнейшем здесь были устроены деревообрабатывающие мастерские. В настоящее время Спасо-Преображенский храм реставрируется.

Несомненной достопримечательностью Баргузина справедливо считается представительное здание бывшего Уездного банка с красивым деревянным портиком на фасаде. Этот дом принадлежал золотопромышленнику Бутлицкому и был построен в середине XIX века. Первоначально он использовался под контору и хранилище для продуктов. В глубоком подвале, занимавшем площадь всего дома, хранились золото и копчености. Здание бережно сохраняется в окружении более простой, но также старинной застройки главной улицы Баргузина, которая идет вдоль реки.

Рядом расположен дом, где непосредственно жил купец Бутлицкий (*ул. Красноармейская, 59*). Это хороший образец провинциальной городской деревянной архитектуры конца XIX века, с интересным декоративным оформлением фасадов.

Подобным оформлением с элементами глухой и пропильной резьбы в сочетании с ажурными коронами дымников выделяется на параллельной улице бывший дом купца Сиротина (*ул. Ленина*). Кое-где сохранились добротные одноэтажные бревенчатые дома, возраст которых приближается к сотне лет. Иногда они украшены внушительными оконными наличниками, своей вычурной формой напоминающими каменные наличники эпохи «сибирского барокко». Нередко за глухими заборами обывательских дворов можно увидеть довольно высокие бревенчатые башни, служившие для подачи воды в бани.

Старое кладбище — одно из основных достопримечательностей Баргузина. Оно находится к востоку от центральной площади. Пестрый национальный состав жителей — православные христиане, крещеные «инородцы»-эвенки, крещеные «инородцы»-буряты, евреи, монголы — можно проследить по сохранившимся памятникам и надгробным камням. Часть захоронений утратила надгробные сооружения, и лишь небольшие холмики свидетельствуют о бренности жизни.

Многие известные люди, внесшие огромный вклад в экономическое и культурное развитие баргузинского края, похоронены на старом кладбище Баргузина. Это декабрист М.К. Кюхельбекер и его дети, участник восстания на броненосце «Потемкин» И. Орлов, сосланные народовольцы и революционеры П.Ф. Лобанов-Лобанчук, Богданов, Окушко, активный участник установления советской власти В.Л. Даненберг, купцы-золотопромышленники Новомейские, один из организаторов и бессменный директор Баргузинского заповедника З.Ф. Сватош и его жена и многие другие.

**Баргузинская долина.
Скальные образования близ села Суво**

Предполагаемое место захоронения декабриста М.К. Кюхельбекера на Старом кладбище

БЫЛОЕ БОГАТСТВО БАРГУЗИНСКИХ ЕВРЕЕВ

Лилия КАЛЬМИНА

По численности в городе Баргузине евреи стабильно занимали второе место после русских и составляли почти 33 процента населения. Еврейское купечество Баргузина сыграло важную роль в экономическом и культурном развитии города и уезда.

Евреи появились в Баргузине уже в 30-е годы XIX века после подавления польского восстания 1830–1831 гг. Когда, по мнению царских чиновников, еврейская ссылка в Сибирь приобрела угрожающие размеры, для евреев до 40 лет ссылка по приговору суда была заменена другим наказанием: сдачей в солдаты или заключением в арестантские роты. Пересекшие эту возрастную границу могли-таки рассчитывать на отправку в Якутскую или Забайкальскую область.

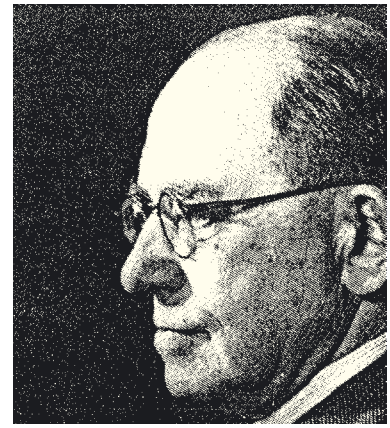
Но уже в конце 50 — начале 60-х гг. правительство отступило от этой политики. Постановлением Второго Сибирского Комитета 1856 г. в Верхнеудинском округе были разрешены частные золотые промыслы.

Дом богатого баргузинского купца

Фото С. Конечных

Вчерашние ссыльные быстро приспособились к суровым сибирским условиям, освоив традиционные для сибиряков занятия: охоту на пушного зверя, рыбную ловлю, разведение лошадей, земледелие. Но будущее еврейское купечество первоначальный капитал сколотило в основном за счет обслуживания золотопромышленности, снабжения приисков и за счет старательства. Более 17 процентов еврейского населения, занимавшегося сельским хозяйством или промышлявшего рыбным делом, приторговывали, что давало возможность иметь дополнительный заработок. Баргузинские евреи открывали торговлю в дальних селах, строили большие продовольственные склады на приисках. Семья известных баргузинских золотопромышленников Новомейских первоначальный капитал сделала на торговле рыбой, которую вывозила за Байкал в богатые хлебом иркутские села и выменивала на муку, в которой нуждался Баргузинский уезд. Знаменитый Абрам Ново-

Городское училище в Баргузине. *Фото начала XX в.*



Золотопромышленник Моисей Новомейский

мейский еще мальчишкой заработал первые деньги подвозом провианта и снаряжения на открывшиеся тогда рудники.

Здешний край дал евреям прекрасную возможность развернуться: отсутствие жесточайшей конкуренции, характерной для губерний черты оседлости, неразвитая инфраструктура и незаполненные ниши в экономической деятельности плюс веротерпимость и в целом доброжелательное отношение местного населения способствовали проявлению их экономической инициативы.

Особый вклад баргузинские евреи внесли в развитие золотодобычи. Первыми еврейскими золотоискателями были крестьяне, ссыльные или мещане, приписанные к обществу Баргузина, по паспорту или самовольно отлучившиеся в баргузинскую тайгу. Еврейские предприниматели появились в тайге гораздо позже — в начале 90-х годов, когда золотодобыча из рук крупных русских компаний перешла к местным еврейским дельцам. Тот же известный еврейский золотопромышленник Абрам Новомейский, пройдя путь от арендатора золотоносного участка до собственника Федоровского, Троицкого, Петропавловского, Варваринского, Воскресенского и других приисков, приобрел свои делянки у известных в Сибири золотоискателей Сибирякова, Базанова и Базилевского, покинувших край и выехавших в столицу.

Пик добычи золота баргузинскими евреями приходится на начало XX века, поскольку сенатское разъяснение 1893 года разрешило им заниматься золотыми промыслами только в местах приписки. Таким образом, баргузинские евреи стали монополистами золотодобычи по отношению к еврейскому населению Сибири. Среди них выделялись Абрам Новомейский и Яков Фризер. Миней Бутлицкий, Исай Дубников, Абрам Жидовецкий, Соломон Рабинович владели мелкими приисками.

Абрам Новомейский был сыном ссыльного, оказавшегося в Забайкалье за помощь польским повстанцам 1830–1831 гг. Первым заработком Новомейских на новом месте были деньги за погреб, выкопанный в доме декабриста Кюхельбекера. С 15 лет будущий золотопромышленник, приобретя лошадь, телегу и сани, помогал матери, проявившей недюжинную коммерческую силу. Подкрепив ее бизнес торговлей на рудниках, он вскоре и сам занялся горным делом. В короткое время он стал одним из самых крупных золотопромышленников Забайкалья, купцом I гильдии. На его приисках на Ципикане впервые в Восточной Сибири была применена драга для экскавации золотоносного грунта. Инициатором и техническим руководителем проекта доставки ее из Лондона в Баргузин был его сын Моисей, получивший специальность горного инженера в Германии.

Отношения с местными крестьянами у Новомейского были простые и дружеские. По приезде в Баргузин они останавливались в его доме. Он, в свою очередь, останавливался у них, когда выезжал из города. Поскольку в крае из-за нехватки свободных земель и сурового климата всегда были трудности с хлебом, Новомейский основал особый вспомоществовательный фонд, предоставив в распоряжение волости несколько тысяч пудов семенного зерна. В засушливые годы его распределяли среди неимущих крестьян с тем, чтобы на следующий год должники вернули семена в фонд.

При самом активном участии Абрама Новомейского (он был председателем учебного комитета) в Баргузине за счет пожертвований еврейского купечества в 1909 году было открыто Еврейско-русское училище. После его смерти почетным блюстителем училища был избран его сын

Моисей. Другой сын, Семен, был членом училищного комитета. Ежегодно Абрам Новомейский перечислял училищу 300 рублей. Несколько десятилетий он был старостой духовного, а потом и председателем хозяйственного правления Баргузинской еврейской общины.

Его сын Моисей вспоминал, что когда тело отца, умершего в одном из сел Баргузинского уезда, повезли домой, крестьяне села Нестериха, где Абрам Новомейский построил училище для местных ребятишек, спустили гроб с саней и на руках несли его семь километров до самого Баргузина.

Сын Новомейского Моисей построил в Баргузинском уезде первую в этой части Сибири фабрику по очистке соли, которая поставляла сернокислый натрий всем стекольным заводам Восточной Сибири. Взяв в Иркутске кредит под поручительство отца и заняв денег у товарищей по Иркутскому техническому училищу, которое закончил, он разработал и осуществил простую и дешевую технологию получения почти химически чистого сернокислого натрия..

Не менее интересна личность Якова Фризера. Сын поселенца Верхоленского уезда Илгинской волости Ицко Фризера, уроженец Баргузина, он не закончил даже начальной школы, но при этом обладал обширными познаниями в разных областях. Дома у него была большая библиотека. Особенно он любил Шопенгауэра, которого часто цитировал. Фризер открыл богатые золотые россыпи в районе Каралона. За 10 лет, с 1898 по 1909 год, на Каралонских приисках было добыто до 250 пудов золота. Он финансировал поиски золота в других местах Сибири. Только в ноябре 1912 г. он дал девять объявлений об открытии золотосодержащих россыпей. А в 1907–1908 гг. почти единственный послал поисковую партию на побережье Охотского моря в район Порта Аяна.

Участвуя во многих экспедициях, Фризер собрал обширный материал об экономической, бытовой и хозяйственной жизни на сибирских приисках, часть его издал в виде монографий «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды»,. «Статистико-экономические очерки Каралонских приисков», «Номенклатура счетоводства на золотых приисках» и «Такса урочной и поденной платы на золотых приисках». По приглашению иркутского генерал-губернатора он был участником совещаний о путях сообщения, о рыбопромышленности и об устройстве почтового пароходства в верховьях Лены. Он был членом распорядительного комитета Сибирского отдела Географического общества, членом Общества рыболовства, содействия торговле и промышленности, русско-английской Торговой палаты и совещательной конторы золото- и платинопромышленности.

Фризер был хорошо известен в уезде благотворительной деятельностью. В 1898 г. он пожертвовал на постройку училища в городе 1600 рублей, за что был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие». Так же, как и Новомейский, он ежегодно перечислял Еврейско-русскому училищу 300 рублей, не говоря о разовых взносах, за что собрание общины избрало обоих меценатов почетными членами при училище и постановило повесить там их портреты.

Еврейская часть старого Баргузинского кладбища

Золотоносная река Витим

ЗОЛОТО БАУНТА

Фото С. Конечных

Владимир
КОЗУЛИН

Развитие золотой промышленности в Баунтовском районе (до образования района именуемого Баргузинской тайгой или в официальных документах — Баргузинским горным округом) по времени совпадает с общим оживлением золотопромышленности в Сибири.

Фактическая добыча золота была начата в 1844 г. на приисках Иннокентьевском и Мариинском. В этот год было получено золота 7 золотников и 6 долей. Однако в последующие 2–3 года прииски открываются в Витимо-Витимканском регионе, а затем и по реке Ципикан.

За 1857–1862 гг. происходит бурный рост количества приисков и объемов добычи золота. В 1862 г. его уже было добыто более 2 тонн. Этому способствовало то обстоятельство, что на смену дворянству и купечеству, первыми получившими право на организацию золотодобычных работ, в тайгу приходит крупный капитал енисейских и других золотопромышленников.

К 1870-м гг. в связи с отработкой крупных и богатых по содержанию золота месторождений прииски постепенно переходят в руки мелких арендаторов, а объем добычи золота падает.

В конце XIX в. открыты были новые золотоносные площади по среднему Витиму (Кедровка, Каралон), Баргузинская тайга снова оживает. Сюда тянутся с Олёкминских и Нерчинских приисков любители случайного фарта, разорившиеся крестьяне, жители близлежащих городов. Но каждый раз «золотая лихорадка» спадала, как только отрабатывались обогащенные золотом площади.

Основными препятствиями, сдерживавшими развитие золотой промышленности в тайге, являлись оторванность от «жилых мест», отсутствие дорог, техническая рутинность. Бездорожье способствовало и тому, что завозимые в тайгу продовольствие и промышленные товары из Баргузина и других деревень Забайкальской области, стоили дорого и значительно сокращали сезонный заработок рабочего-старателя.

В связи с сезонностью золотодобычных работ рабочим не создавались нормальные бытовые условия, рабочий день длился 12–15 часов, по закону 1833 г. официально разрешалось телесное наказание. Арендаторы накладывали на рабочих различные штрафы. Все это вызывало волнения, массовый уход с приисков.

Основными орудиями труда, вплоть до 1930 -х гг., оставались кайло, лопата, молот, лоток и другие примитивные приборы добычи золота. Попытки внести технические усовершенствования в процесс добычи золота предпринимались в 1860–1870-х гг. Завозились паровые машины, практиковалась откатка породы вагонетками, внедрялся способ амальгамации при извлечении мелкого золота.

В 1914 г. на реке Ципикан была пущена драга новозеландского типа, завезенная в тайгу золотопромышленником Новомейским. Но в целом, как писал

Драга Новомейского

геолог Свитальский: «Мы видим, что золотопромышленность, названная ...«кустарной», влачит здесь жалкое существование».

Годы первой мировой и гражданской войны нанесли значительный урон золотопромышленности Баргузинской тайги. Произошел отток рабочей силы, главным образом русских. Основной контингент рабочих стали составлять китайцы и корейцы. Владельцы приисков превратились в простых скупщиков золота и пушнины. Добыча золота упала до 150–100 кг в 1918–1919 гг., что составляло всего около 12% к годовому уровню 1900–1904 гг.

К 1930 г. ликвидируется частное предпринимательство, все прииски переходят в ведение государственного предприятия — Баргузинского управления приисков треста «Забайкалзолото». В 1935 г. в районе создано самостоятельное, непосредственно подчиняющееся «Главзолоту» Всесоюзное государственное Баргузинское золотопромышленное предприятие «Баргузинзолото» с центром в поселке Ципикан. В состав предприятия входили уже сложившиеся группы приисков Уакитское, Ципиканское, Витимканское, Средне-Витимское, Федоровское управления и Ауико-Багдаринское смотрительство. Начинается планомерное освоение района, широкое геологическое изучение и поиск новых месторождений, восстанавливаются и реконструируются старые производственные участки, пришедшие в полный упадок в результате хищнической эксплуатации. Начинается постепенная механизация трудоемких процессов на горных работах, увеличивается количество паросиловых агрегатов, электрических установок, идет внедрение новых буровых станков, создаются механические мастерские, на смену конной тяге приходит автотракторный транспорт.

На все прииски распространены льготы Крайнего Севера — удлиненные отпуска, увеличена заработная плата, улучшена торговля промышленными и продовольственными товарами.

В результате геологоразведочных работ были найдены глубокозалегающие россыпи золота, что позволило вести и подземную добычу, сочетая ее с открытой, и тем самым ликвидировать сезонность горных работ и текучесть рабочей силы — бич бывшей тайги.

Фото С. Конечных

Золотодобывающая штольня в Иракинде

В районе возникли новые поселки, школы, клубы и библиотеки, больницы, детские сады и ясли, столовые, универмаги, дороги, аэропорты. Антенны радиостанций, телефон, электрические огни поселков стали неотъемлемой частью жизни «золотой тайги». Эти преобразования сказались на увеличении добычи золота. Так, с 1931 по 1934 год добыча увеличилась в 1,3 раза, а в предвоенном 1940 г. комбинат дал государству в три раза больше металла, чем 10 лет назад.

Великая Отечественная война тяжело сказалась и на экономике Баунта. В 1941 г. комбинат «Баргузинзолото» дал всего на 21,7 процента металла к годовой добыче 1940 г.

Особенно тяжелым периодом для комбината были 1950-е годы, когда уже были отработаны месторождения с крупными запасами для подземной добычи и дражные полигоны по рекам. Одной из причин снижения добычи золота была ликвидация в 1950 г. старательских работ.

В 1960 г. наступил коренной перелом золотодобычи. К этому времени были разведаны погребенные россыпи на участках Уакит, Маловский, Варваринский. Кроме этого, коллективом ципиканского приискового управления («Баргузинзолото» был реорганизован в управление) была проведена огромная работа по внедрению совершенных методов разработки месторождений. Это позволило в 1967 г. добыть золота в 2,7 раза больше, чем в 1959 г.

Значительный вклад в дело добычи валютного металла вносят старательские артели, вновь организованные в районе в середине 60-х годов. Получив ряд государственных льгот и не обремененные содержанием инфраструктуры, артели из года в год стали наращивать объемы горных работ, и вскоре удельный вес добытого старателями золота стал преобладающим в общем объеме добычи его по району. В настоящее время в районе работают такие крупные старательские артели, как «Искра», «Рассвет», «Восход» и ряд других.

Проводимые в стране реформы нанесли тяжелый урон золотодобыче. Теперь очень трудно своевременно подготовиться к промывочному сезону, завезти топливо, приобрести необходимую технику, рассчитаться с работающими. Добыча золота стала резко снижаться. Из-за отсутствия поисковых и разведочных работ постепенно тают балансовые запасы золота.

Как бы то ни было, за все время существования золотой промышленности района для производства добычных работ было сделано свыше 500 горных отводов, из которых более 300 были отработаны, говорит о многом... Свыше 100 тонн драгоценного металла дала Баргузинская тайга государству. Сегодня в Бурятии золото добывается в Окинском, Закаменском, Хоринском районах и других местах, но начало золотому промыслу положил в далеком 1844 году северный Баунт.

В верховье Баргузина

Курумканский район с центром в поселке Курумкан образован из северной части бывшего Баргузинского уезда в 1944 году. Здесь живет немногим более 20 тысяч человек.

Река Баргузин в своем верховье протекает между Икатским и Баргузинским хребтами. Здесь к ее водам присоединяются крупные притоки Гарга и Аргада. В этих местах значительно позднее начинается лето, но дольше затягивается осенняя пора. Вызывает восторг вид на гольцы, которые при заходе солнца меняют окраску от голубой до темно-синей. С наступлением темноты на фоне звездного неба выступают причудливые силуэты темных громад с четко очерченными контурами зубчатых вершин. У подножия этих гор множество горячих источников. Ключи в основном сульфатно-гидрокарбонатные, натриевые. Они улучшают состояние больных артритом, полиартритом, оказывая противовоспалительное и обезболивающее действие, нормализуя обменные процессы и функции кожи. Наиболее известны здесь Кучегэрские, Гаргинские и Аллинские источники.

Баргузинский дацан в Курумкане
Фото 1895 г. Не сохранился

Проходя через рыхлые отложения и обогащая их сероводородом, горячие Кучегэрские источники создают значительные запасы лечебной сероводородной грязи. Гаргинские источники встречаются в долине реки Гарга, левого притока Баргузина. Термальная вода извергается из трещин скал на правом склоне долины реки при выходе ее из Икатского хребта на высоте около ста метров. Стекая по ложбинке, она формирует отложения-травертины оригинальной формы. Вода ультратно-натриевая, с содержанием радона. Всюду горы, покрытые густым лесом, здоровый чистый воздух и стремительная Гарга со светлой прозрачной водой... Река Алла при выходе из Баргузинского хребта протекает в неприступных каньонах. Здесь зафиксировано 46 выходов горячей воды сульфатно-гидрокарбонатного состава.

С целью сохранения природного комплекса истоков реки Баргузин и Икатского хребта создан Джергинский государственный заповедник. На его территории отмечено 437 видов животных, восемь из них включены в Красную книгу.

Долина реки Аллы в Баргузинской тайге

Фото Сергея Конечных

Три века
УЛАН-УДЭ

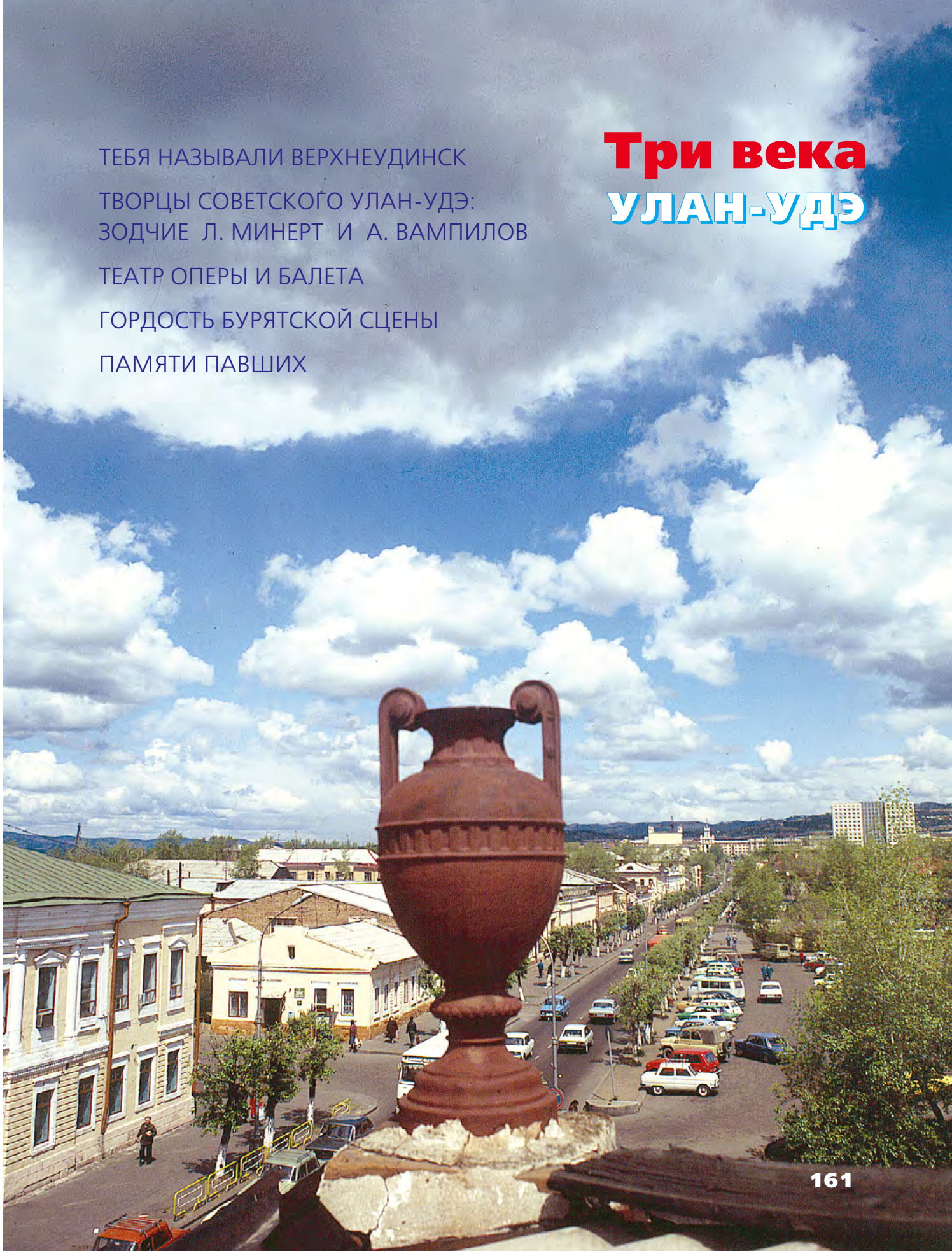
ТЕБЯ НАЗЫВАЛИ ВЕРХНЕУДИНСК

ТВОРЦЫ СОВЕТСКОГО УЛАН-УДЭ:
ЗОДЧИЕ Л. МИНЕРТ И А. ВАМПИЛОВ

ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА

ГОРДОСТЬ БУРЯТСКОЙ СЦЕНЫ

ПАМЯТИ ПАВШИХ



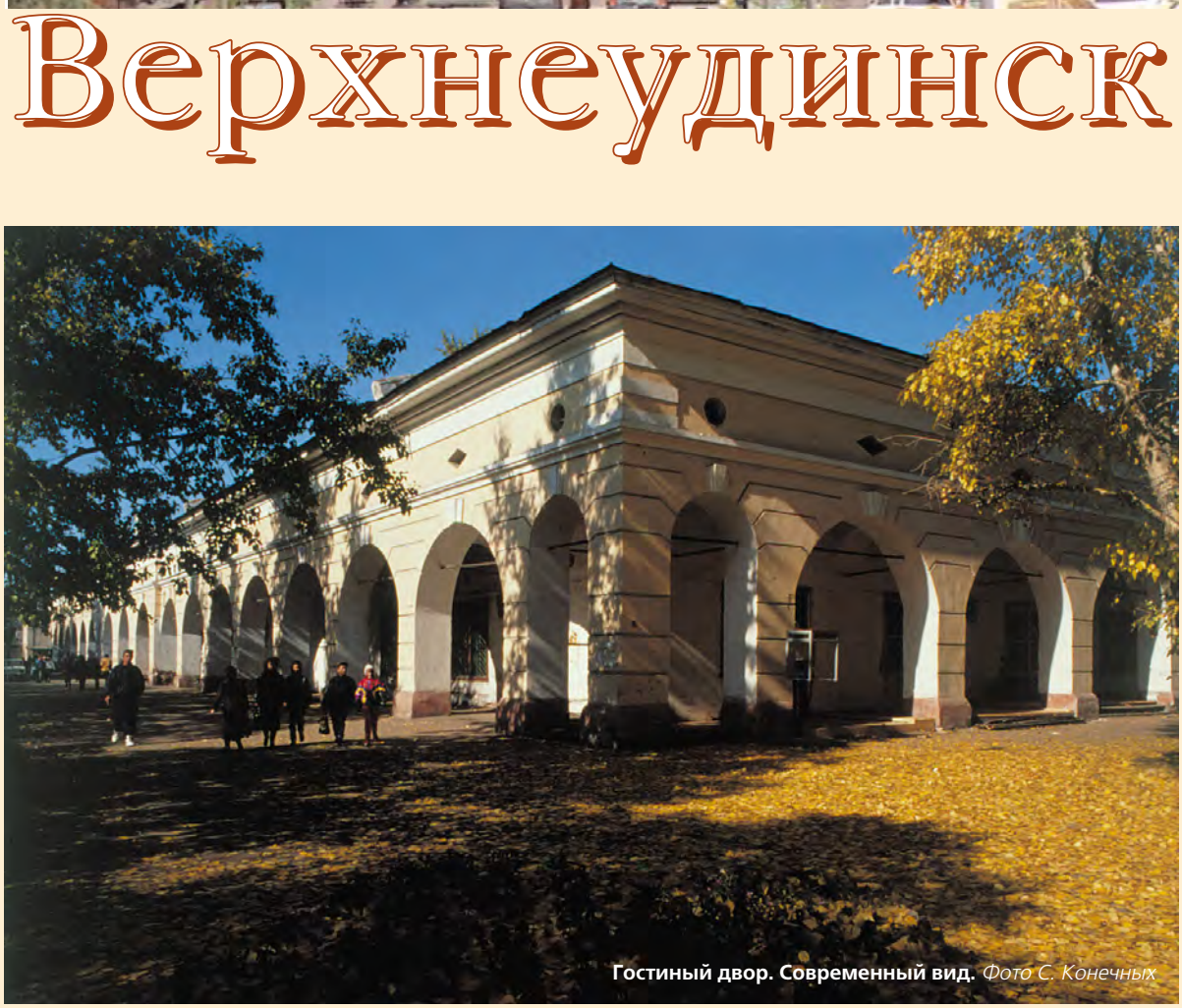
Тебя называли

Электротеатр. *Фото начала XX в.*

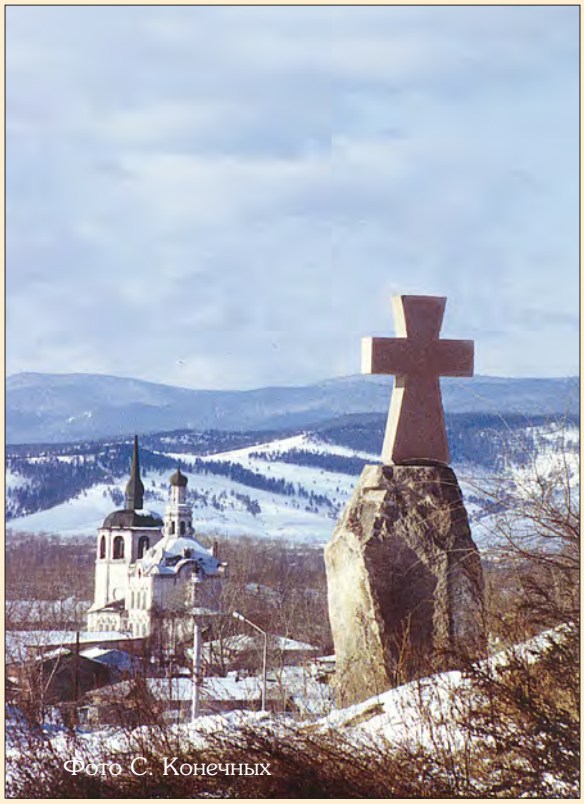
Столица Бурятии город Улан-Удэ до 1934 года носил название Верхнеудинск. В 1990 году он был включен в Список исторических населенных мест России. На государственной охране в городе Улан-Удэ находятся 52 памятника истории, 158 – архитектуры и градостроительства, 3 – монументального искусства, 2 – археологии. Из них 11 объектов состоят на государственной охране, как памятники федерального значения.

Базарная площадь. *Фото начала XX в.*

Верхнеудинск

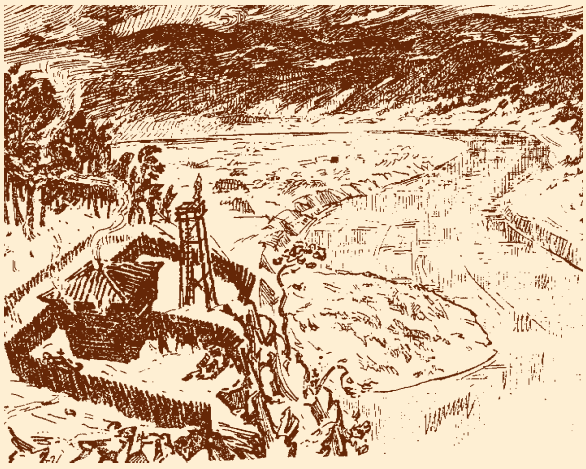


Гостиный двор. Современный вид. *Фото С. Конечных*

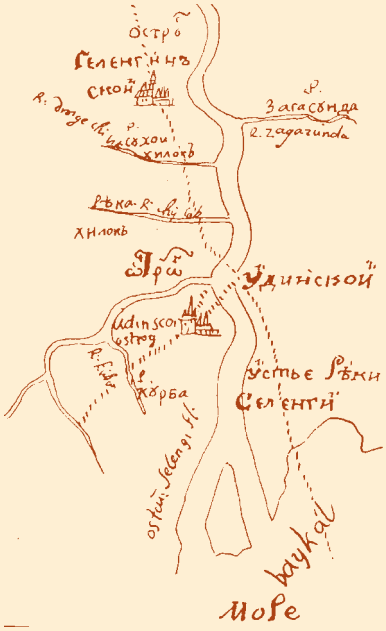


Здесь стоял Удинский острог

Археологические материалы подтверждают наличие в центре Улан-Удэ культурного слоя, относящегося к XVII–XVIII вв. Историческое место, которое занимал Удинский острог, находится над правым скалистым берегом р.Уды в начале проспекта Победы. Ограничено кварталом ул. Гоголя, ул. Ляпидевского, ул. Малостолярной и ул. Шевской. В его пределах зафиксированы фрагменты керамики, топор, железные предметы. Также обнаружены остатки частокола, которые могут относиться или ко времени основания зимовья (1666 г.), или к более поздним датам (1690-е) – в качестве конструктивного элемента оборонительной стены.



Удинский острог
Реконструкция Л.К. Минерта



Как и многие старые города Восточной Сибири, возникшие в пору присоединения этого края к Русскому государству (XVII в.), Улан-Удэ (в прошлом Верхнеудинск) начинался с небольшого казачьего зимовья, который был заложен в 1666 г. на берегу реки Уды у слияния ее с полноводной Селенгой.

Летом 1647 года казачий десятник из отряда атамана Колесникова Костька Иванов Москвитин «с товарыщи» по дороге к ставке табангутского князя Турухай-Табунана посетил устье Уды и описал «мунгальскую» переправу через Селенгу, окружающую местность и живущих поблизости бурят. Осенью этого же года казачий атаман Иван Похабов проник к устью Уды и встретил там много бурятских кочевий, а по возвращении в Енисейск подал на рассмотрение план построения на Селенге «в угожем месте» острога.

Зимой 1665/66 г. в долине реки Итанцы баргузинские тунгусы напали на селенгинских сородичей, которые вошли в русское подданство и согласились платить ясак. Скорее всего, именно под влиянием этого события весной 1666 г. в устье Уды было поставлено казачье зимовье. Выбор места диктовался не только удобной с точки зрения обороны позицией. Вероятно, здесь располагался «перевоз» — переправа через Селенгу. Отсюда было удобно контролировать всю территорию Западного Забайкалья. В 1678 г. вокруг Удин-

ского зимовья были возведены острожные стены. В 1689 г. по приказу царского посла Ф.А. Головина острог был возведен в ранг крепости.

Дальнейшему превращению Удинского острога и крепости в город способствовал приток переселенцев в долину Селенги. В XVIII в. в низменной части под крепостью выросла слобода — с магазинами, казармами, торговыми лавками, частными домами и церковью. В 1783 г. Верхнеудинск становится городом и уездным центром. В это время он еще делился на две части: собственно городскую и слободскую. Первую составляла деревянная острожная крепость с башнями, пороховой погреб, артиллерийский цейхгауз и гауптвахта, вторую — провиантские и экономические магазины, присутственные места, винные амбары, торговые лавки, около 110 частных домов и три церкви.

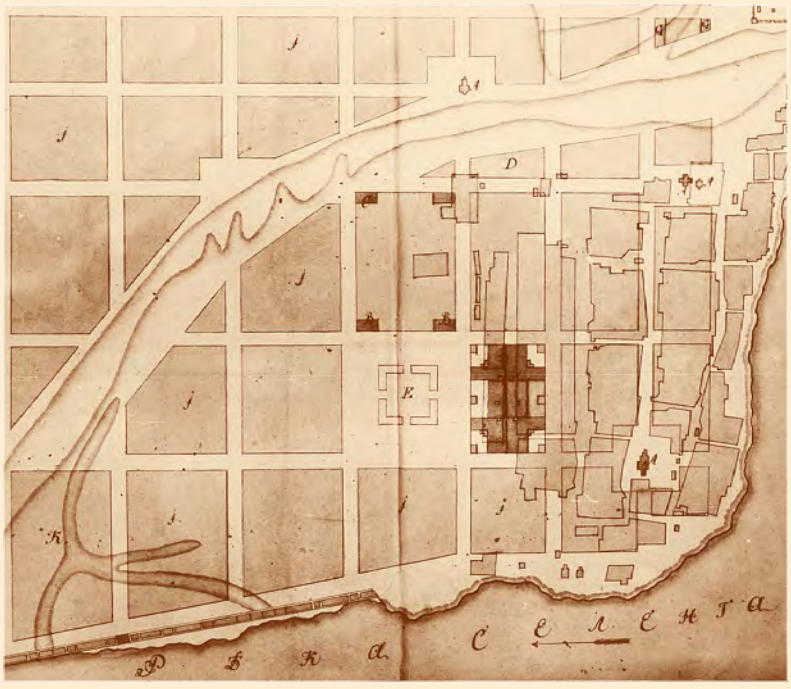
В последней трети XVIII в. проводятся первые мероприятия по упорядочению застройки города. Первые проекты Верхнеудинска в целом наметили ту самую регулярную планировку, которая в основном сохранилась до наших дней в исторической центральной части Улан-Удэ.

Главной его осью стала Большая Николаевская улица (ул. Ленина), которая начиналась от главного городского собора — Одигитриевского. Его положение приняли за исходную точку при определении сетки улиц на проектах планировки XVIII и XIX вв. Параллельно и перпендикулярно Большой прокладывались другие улицы, которые образовывали кварталы. Вдоль «красной линии» Большой улицы постепенно возводились престижные каменные дома купцов. Но в основном же дома городских обывателей были тогда деревянными, однако, тем не менее достаточно парадными, благодаря своим фасадам с разнообразными карнизами и налични-

Вид Удинского острога. *Гравюра И.Е.Бугреева. 1770*
С рисунка И.В.Люрсениуса. 1735 г.

В 1770-х годах в Иркутской губернской чертежной разрабатывается первый план Верхнеудинска. Он подлежал утверждению Екатериной II, после чего не мог быть изменен местными властями. План представлял собой совмещенное изображение существовавшего и проектировавшегося города. Сохранялись Одигитриевская и Спасская церкви. Они были приняты в качестве центральных зданий небольших площадей, а также архитектурных доминант, завершавших перспективу продольных улиц. Направление улиц прямоугольной сети параллельно берегам Селенги и Уды и в то же время почти точно соответствует сторонам света. На главной улице, невдалеке от собора, проектировалась большая центральная торговая площадь, отводившаяся для большого квадратного в плане Гостиного двора.

ПЛАН ГОРОДА ВЕРХНЕУДИНСКА. *Конец XVIII в.*



ками с пропильной резьбой, часто причудливого и перегруженного деталями рисунка, а также затейливым дымникам, венчавшим печные трубы.

Над городом возвышались каменные храмы. Кафедральный Одигитриевский собор и сегодня сохраняет свою роль главной доминанты нижней исторической части Улан-Удэ. Он замыкает своим силуэтом главную улицу города, впечатляя своеобразием и красотой постройки.

«Церковь должна парить... как белая птица, ее златые главы должны рождать восторг и трепет у проходящего. И взглянувшего на нее — слезы восхищения, и чтобы сами собой слетали с губ горячие слова: «Это действительно храм Божий!» — так писал М. Алексеев о русских церквах. Эти слова писателя с полным основанием можно отнести к Верхнеудинскому кафедральному собору. Стены здания имеют толщину около полутора метров, сложены из кирпича на известковом растворе. Помещения храма перекрыты кирпичными сводами, опирающимися на стены с применением железных связей.

Еще в 1818 г. появились на стенах и сводах собора трещины, которые увеличились во время землетрясений 1862 и 1885 гг. Собор пострадал и от городского пожара 1878 г., после которого был возведен новый верх колокольни. После закрытия храма в 1929 г., в нем разместился Антирелигиозный музей, впоследствии — фондохранилище Музея истории Бурятии. Это спасло здание от гораздо худшей доли, постигшей другой архитектурный шедевр Забайкалья — соседний Спасский собор, некогда стоявший на месте нынешнего рынка.

В мае 2000 г. Одигитриевский собор был полностью освобожден от музейного имущества и передан Благочинию Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии Русской право-

Одигитриевский собор (1741–1785)

Строительство каменного храма во имя иконы Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы) было начато на кладбищенском погосте в 1741 г. Престолов в храме было два. Верхний этаж — во имя иконы Божией Матери Одигитрии, был освящен в 1785 г. «Теплая церковь» во имя Богоявления Господня на нижнем этаже была освящена ранее, в 1770 г.

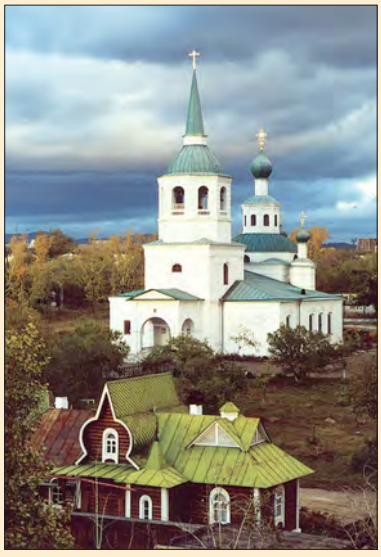
Центральное место занимает двухэтажный бесстолпный массивный объем четверика с пятигранной апсидой. Четверик перекрыт сомкнутым сводом, увенчан высоким куполом без кровли и световым двухярусным фонариком. «Круглые» фронтоны с четырехлепестковыми люкарнами по осям четверика, фигурные кокошники на углах образуют завершение стен, создавая эффект округленности углов и органично соединяясь с куполом.

С запада к трапезной примыкает колокольня типа «восьмерик на четверике». Над двумя квадратными ярусами поставлен двухярусный восьмерик. Каждая грань верхнего яруса прорезана арочными проемами, придающими ему выразительность. Колокольня завершена шлемовидным куполом со шпилем.

В архитектонике фасадов и декоративных деталях элементов отмечается сильное воздействие барочных форм. Декор наличников интересен сочетанием традиционных древнерусских форм предшествовавшего деревянного культового зодчества с элементами барокко. Богатая пластическая обработка фасадов с хорошо прорисованными кирпичными деталями наличников окон и других элементов относится к традициям узорчатой кирпичной архитектуры XVII в., что подтверждает влияние архитектурного творчества выходцев с Русского Севера. Интерьеры собора не имели росписей. Их главным элементом являлись золоченые резные иконостасы. В верхнем храме иконостас был четырехъярусным с восемью рядами икон.

По численности прихожан, декоративному оформлению интерьеров, богатству церковной утвари и библиотеки кафедральный собор занимал главенствующее положение среди православных церквей Верхнеудинского уезда и Забайкалья.

Спасская церковь (1786–1800)
Разрушена в 1930-х гг.



Троицкая церковь (1798–1809)
Современное фото

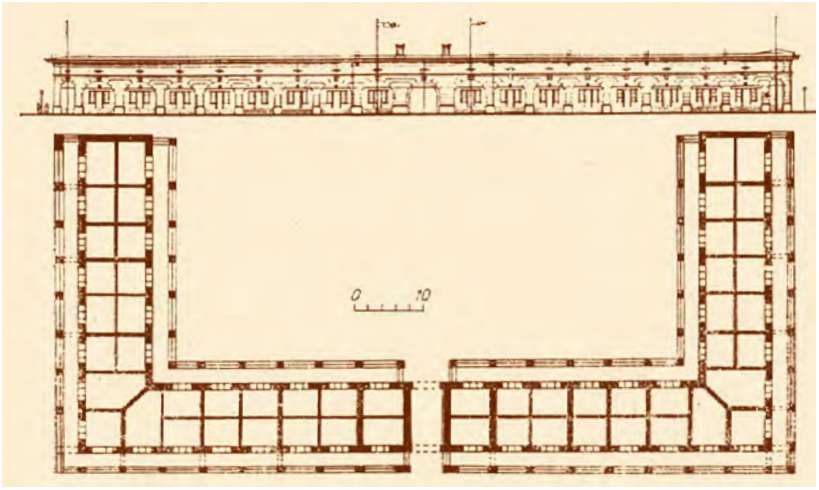
лавной церкви. В храме возобновились богослужения и начались реставрационные работы.

На возвышенной террасе в начале XIX в. была возведена также Троицкая церковь, вокруг которой существовало городское кладбище. Этот каменный храм также имеет много общего с более ранними постройками, однако имеет несколько усложненный силуэт. Вид на Троицкую церковь был фактически закрыт в 1950-е гг. после строительства по кромке террасы пятиэтажных жилых зданий. В начале 1990-х гг. после реставрации храма в нем начались службы.

Большое влияние на развитие Верхнеудинска оказывала кяхтинская торговля. В 1768 г. открылась первая Верхнеудинская ярмарка. Долгие годы она являлась регулятором цен для Забайкалья и Иркутского края. В Верхнеудинске ежегодно проводились две большие ярмарки. Первая из них — зимняя — приурочивалась ко времени, когда становился Байкал и прокладывался через него путь по льду. Приблизительно к 10–15 января лед крепко смерзался.

Одигитриевская церковь — бесспорный шедевр сибирского барокко

Фото А. Тарунова, 2019 г.



План Гостиного двора

Ярмарка в Верхнеудинске открывалась 18 января и продолжалась до 1 февраля. Летняя ярмарка проводилась в Верхнеудинске с 20 августа по 3 сентября. На ярмарки приезжали купцы из Иркутска, Томска, Ирбита и Тюмени. Для торга служила, главным образом, Базарная площадь. Здесь расхватывались все пустующие лавки. Оживал Большой Гостиный двор, в обычное время более чем наполовину пустой. В лавках все навезенные товары не умещались, и груды ящиков, кули с крупчаткой и чаем громоздились целыми штабелями прямо на улице, около лавок под открытым небом, их караулили ночные и дневные караульные.

Центром торговли и города стали Большой Гостиный двор (1804–1856) и Малые торговые ряды (1804–1856). В Большом Гостином дворе торговали русские купцы, в Малом Гостином ряду протекала еврейская торговля. Торговали мануфактурой, галантереей, трикотажем, скобяными изделиями, стеклом и прочим. Торговые ряды были построены богатым купцом, почетным гражданином Верхнеудинска Курбатовым.

С 1810 по 1895 год население города увеличилось с 3 до 5,5 тысячи человек, а количество

жилых зданий с 402 до 763 (из них 55 каменных).

Развитие ремесла и торговли в городе и крае способствовало появлению сословия купечества. Торговля в городе в XVIII–XIX веках была преимущественно мелочной. Особенно крупных фирм не существовало. В 1850-х гг. здесь появились фаянсовая фабрика, сахарный, свечной, маслобойный заводы.

Ко второй половине XIX в. Верхнеудинск имел 21 предприятие, владельцами которых были в основном купцы. Сохранились здания винокуренного завода купца А.К. Кобылкина (*ул. Новокузнецкая,1*), пивоваренного завода (*ул. Мостовая,2*), паровая мельница купца Родовского *(ул. Кирова,13*).

Владельцем стекольного завода был купец Курбатов, кожевенных заводов — купцы братья Мордовские, салотопенного и кожевенного — Налётов. Позднее владельцами заводов стали купцы Голдобин, Фролов, Шаров, Немчинов, Кравецкий, Трунёв, Кобылкин и другие.

Иван Флегонтович Голдобин был одним из самых богатых купцов Верхнеудинска и Забайкальского края, почетным потомственным гражданином Верхнеудинска. В конце XIX века он имел несколько заво-

3 июня 1803 г. на собрании купцов и богатых мещан Верхнеудинска было решено на акционерных началах построить новый каменный Гостиный двор. Автором проекта Гостиного двора был губернский архитектор Антон Иванович Лосев — выпускник Иркутской школы навигации и геодезии.

Для уездного города, каким был Верхнеудинск того времени, размах архитектурного замысла сооружения Гостиных рядов размером 106 х 106 метров при высоте фасада 9 метров, был поистине грандиозным. По проекту большой, квадратный в плане корпус с обширным внутренним двором, он должен был занять всю среднюю часть главной площади Верхнеудинска. Его 116 ячеек — торговых лавок, были обращены как на внешний периметр, так и во двор. Снаружи здание окружала аркада, со стороны двора — навес на столбах. Из-за очень больших размеров здания решено было осуществить проект в две очереди. Работы начались в 1804 г., но вскоре были прекращены из-за недостатка средств и возобновились только через двадцать лет. Однако и после возобновления строительство продвигалось очень медленно. С 1830 г. недостроенное здание начало эксплуатироваться. Таким образом, Гостиный двор был выстроен только наполовину. Лишь через 30 лет на месте, предназначенном по проекту для северного корпуса, построили так называемые Малые торговые ряды по проекту архитектора Пантюхина. Здание состояло из 30 секций небольших лавок, выходивших на обе стороны. Его протяженность соответствовала длине южного фасада Гостиного двора, и, таким образом, в какой-то мере была восполнена отсутствующая часть композиции, достигнуто определенное архитектурное единство.

В 1955 г. средняя часть Малых рядов была сломана для размещения здесь трехэтажного типового здания универмага. Оставшиеся части рядов — по проектному предложению архитектора Л.К. Минерта и проекту, разработанному архитектором А.Р. Вампиловым, — были надстроены и соединены корпусами с Гостиным двором. При этом архитектурные формы фасадов новых крыльев в значительной степени повторяли архитектуру старой части. Этим самым центральный комплекс площади получил архитектурное единство, хотя и несколько другое, чем по архитектурному замыслу первого генплана города.

дов, в том числе и в Иркутской губернии, владел монополией на винную торговлю. Ему принадлежал винокуренный завод под названием «Николаевский» в Верхнеудинском округе, многие его жители находили заработок на голдобинских предприятиях. Успехи в торговле и предпринимательстве позволяли Голдобину заниматься благотворительностью и меценатством, он много жертвовал на нужды города, построил и содержал приют (богадельню) для призренных безродных, неимущих, престарелых, слепых и увечных граждан обоего пола, приют для арестантских детей.

Городские власти строго следили за тем, чтобы улицы уездного забайкальского центра застраивались каменными домами по образцовым проектам. Новые проекты планировки расширили старую сетку улиц за счет освоения прилегающих свободных земель. К 1913 году численность населения города увеличилась до 17 тысяч человек, а количество жилых зданий составило 2742 (в том числе 141 — каменное). Застраиваются берега рек. В городе появляются электрическое освещение, телефон.

Историческая часть города — это центр старого Верхнеудинска. Здесь расположены дома, представляющие историческую, архитектурную ценность.

Первое учебное заведение в городе появилось в 1793 году. — Верхнеудинское малонародное училище, которое в 1806 году было преобразовано в уездное. В этом здании (*ул. Коммунистическая,16*) жил и работал известный педагог, поэт Д.П. Давыдов, автор песни «Славное море, священный Байкал».

Улица Большая (*ныне ул. Ленина*) — это преимущественно старые дома, представляющие историческую, архитектурную ценность, построенные в XIX веке верхнеудинскими купцами.

Городское училище (Уездное училище (ул. Коммунистическая, 16)

5 августа 1786 г. Екатерина II утвердила «Положение о народных училищах». 13 февраля 1793 г. в Верхнеудинске было открыто малое народное училище. В разные годы в нем проходили обучение от 12 до 37 чел.

17 апреля 1806 г. народное училище было преобразовано в уездное училище. Верхнеудинский купец 2-й гильдии А.Д. Шевелёв пожертвовал для учебного заведения свой деревянный дом. На содержание училища городское общество выделяло ежегодно 250–350 руб. Уездные училища, в том числе и Верхнеудинское, подчинялись директору Иркутской гимназии, которая находилась под управлением попечителя Казанского учебного округа. Смотритель уездного училища должен был наблюдать за всеми приходскими училищами своего уезда.

Торжественное открытие училища в Верхнеудинске состоялось 22 июня 1806 г. в присутствии учителя Иркутской гимназии Гапонова (директор гимназии Е.Ф. Кранц болел в это время). В 1806 г. в училище обучалось 10 учеников во втором классе и 20 в первом классе.

В 1847 г. после банкротства купца Г.А. Шевелёва уездному училищу был передан каменный двухэтажный дом Шевелёва на Лосевской улице (ныне ул. Коммунистическая, 16). В 1881 г. здании училища проходил первый Учительский съезд Забайкальской области. В съезде принимали участие учителя начальных и церковно-приходских школ западного Забайкалья. В 1896 г. училище было преобразовано в 3-классное городское училище с 6-летним курсом обучения и расширенной учебной программой. В 1902 г. училище расширилось до 4-классного с ремесленными классами. С августа 1914 г. училище называлось Высшим начальным училищем. К 1918 г. количество учащихся выросло до 139 чел.

Во время летних каникул 1920 г. правительство Дальневосточной Республики провело реформу образования: были ликвидированы гимназии, реальные и начальные училища, семинарии. После образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. в здании работала школа № 2 второй ступени.

До конца 2012 г. в бывшем здании училища действовал детский образовательный центр, пока правительство Бурятии не передало здание Министерству промышленности и продовольствия Республики Бурятия.

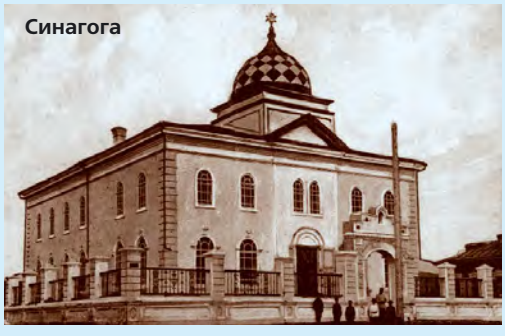
Дом городской усадьбы верхнеудинского купца А.М. Курбатова заметно выделялся на Большой Николаевской улице (*ул. Ленина, 27*) благодаря коринфскому колонному портику. Он был построен в первой трети XIX в. и долгое время оставался лучшим образцом стиля классицизма в городе. Однако впоследствии здание дополнялось различными пристройками торгового назначения. А.М. Курбатов был совладельцем стекольного и мыловаренного заводов, с 1816 по 1819 г. «безотлучно» избирался городским головой. В 1875 г. вдова купца продала этот дом богатейшим нерчинским торговцам и предпринимателям М.Д. и Н.Д. Бутиным, которые владели винокуренными и солеварным заводами, пароходствами на Амуре, Ангаре и Селенге.

Последним частным владельцем дома с 1905 г. являлся А.К. Кобылкин, владелец верхнеудинского водочного, пивоваренного, стеклоделательного заводов. В 1950-х гг. был разобран портик, надстроен 2-й этаж, вследствие чего дом утратил многие архитектурные достоинства. В этом доме в 1920–1923

гг. размещалось Министерство иностранных дел Дальневосточной республики, ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР.

Представительное здание (*ул. Ленина, 30*) построено в 1907 г. Принадлежало товариществу Н.Л. Капельмана. Нижний этаж первоначально сдавался под кондитерскую и кинематограф. С 1912 г. верхний этаж занимала контора «Лесопромышленного товарищества Н.Л. Капельмана и Г.И. Виневича». Товариществу принадлежали мельница и лесопилка. Архитектура здания необычна для Верхнеудинска и привлекает цветовым сочетанием и декоративными элементами (красно-кирпичные стены, скульптуры атлантов, детали из белого камня). Акцентировано по центру башенкой в виде граненого купола. В интерьере сохранились хорошей работы камин и ажурное, художественной ковки, ограждение лестницы.

Здание магазина-пассажа иркутского купца первой гильдии А.Ф. Второва, крупнейшего торговца текстильными товарами в Сибири. В нач. XX в. Товарищество Второва обладало основным капиталом в 10 млн. руб. Большинство магазинов Второва, построенных в 1900-х гг. в различных сибирских и дальневосточных городах были построены в стиле модерн по проектам московских артитекторов, так как владелец торговой комании в 1897 г. перебрался в Москву и перевел туда свою главную контору. В Сибири остались его сыновья: в Иркутске Алекстандр в Томске — Николай. Сохранившиеся здания второвских пассажей до сих пор играют заметную роль в панораме сибирских городов.



Численность евреев в Верхнеудинске на начало XX века составляла 1500 человек и исповедующих иудаизм 1202 чел. Религиозной общине наряду со зданием синагоги принадлежало помещение, занимаемое служащими при синагоге, а также на каменном фундаменте, богадельня «Толмуд-тора» для обучения бедных еврейских детей и Русско-еврейское училище. Синагога была построена в 1882 г. Здание было увенчано шлемовидным куполом. Общая высота примерно 9–10 метров. Синагога была закрыта в апреле 1929 г. Сегодня в здании (*ул. Смолина, 8*) находится учебный корпус Восточно-Сибирского государственного технологического университета.

ул. Соборная, 4

ПОЧТОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — жилой дом Фролова

Улица Линховоина (бывш. Соборная, Почтамтская, Первомайская), образовалась в кон. XVII в., когда Верхнеудинск был разделен еще на острог и посад. Она располагалась в посадской части, между Богородице-Владимирской и Спасской церквями. В 1741 г. на месте деревянной кладбищенской Богородице-Владимирской церкви началось строительство Одигитриевского собора, в связи с чем улица получила название Соборной. А в нач. XIX в. после размещения там почтовой экспедиции улица стала называться Почтамтской. Следующие переименования проходили уже в советское время.

Многие годы Соборная (Почтамтская) считалась центральной улицей города. В кон. XIX — нач. XX вв. здесь располагались административные (казенные) здания: почтовая контора, окружное казначейство, полицейское управление, аптека и богадельня. Как бы соединяя между собой Спасскую церковь и Одигитриевский собор, на этой улице находилась и жилая застройка: усадьбы купцов, мещан, крестьян, казаков, священнослужителей.

В 1800-х гг. в Российском государстве повсеместно велись работы по строительству и приспособлению жилых зданий для нужд почтовых контор и экспедиций. «Правила о построении почтовых домов содержались в высочайше утвержденном докладе главного директора почт графа Ростопчина от 24 апреля 1800 г., в них рекомендовалось почтовые дома, в которых размещались конторы и экспедиции, покупать у жителей, так как постройка их вновь «по высоким ценам на материалы и рабочих людей чрезмерно для казны дорога» (*В.К. Гурьянов, М.В. Гурьянов. Верхнеудинск XVII — начала XX века. Улицы, городские усадьбы и их обитатели. — Улан-Удэ, 2012, стр. 162).*

Согласно «Плана расположения усадеб пойменной части города Верхнеудинска (Улан-Удэ)», составленный В.К.Гурьяновым (*Там же*) приводим список владельцев рассматриваемого земельного участка и усадьбы:

1876 г. — Почтово-телеграфная контора

1883 г. — Мещанин Пётр Аввакумович Фролов

1911–1917 гг. — наследники почетного гражданина Петра Аввакумовича Фролова (зав. Машанов).

По материалам Государственного архива Республики Бурятия, земельный участок и имущество по 2-й от р. Уды улице «принадлежали почтовому апартаменту по купчей крепости, совершенной крепостных делу Иркутского губернского правления 1823 года 1-го апреля, записанной в книгу за № 33» (ГАРБ ф.10, оп., д. 522, л. 4).

В 1824 г. инженер А.Я. Кругликов выполнил «План к месту со всеми строениями купца Ивана Пахолкова, покупаемого для почтовой экспедиции». «Участок площадью около 500 кв. саж. граничил с восточной стороны с усадьбой Гусева, с южной — с дворовым местом казачки Разгильдеевой, с западной, своей ломаной конфигурацией межи, — с усадьбой регистраторши Волковой и протопопа Кириллова. В планировке замкнутой усадьбы прослеживается четкое деление территории на передний и задний дворы. Каменный двухэтажный семиосный дом (8,5 х 5 саж.) и флигель выходили на красную линию застройки Соборной улицы, формируя ее фронт. Двое ворот по обе стороны главного дома вели на просторный передний двор. Интересно расположение хозяйственных построек. Развитая двухъярусная связь с большим набором строений непрерывнымрядом протянулась вдоль задней линии на всю ширину переднего двора, образуя необычную для других усадеб объемно-пространственную композицию. На первом ярусе два хлева, конюшня, два амбара с погребами, два амбара без погребов, две завозни. На верхний ярус, в сенник и четыре амбара, вели наружные деревянные лестницы. На заднем дворе был вырыт колодец. Коридор в первом ярусе связывал передний двор с небольшими по площади задним двором и огородом с колодцем. Примечательностью планировки хозпостроек была их непосредственная связь дверными проемами с передним двором» (*Там же, стр. 163–165*).

Почтовая экспедиция неоднократно занималась ремонтными работами главного здания и хозяйственных построек. Так, 28 ноября 1828 г. была подготовлена «Смета, учиненная на исправление оказавшихся ветхостей в Верхнеудинском почтовом каменном доме, потребных материалов и рабочих по справочным ценам». В описании работ по главному дому значилось: «Корпус почтового дома длиною 8, шириною 5, а высоты 3 $^{1/2}$ саж. Крышу на главном корпусе за удобное признается сделать новую и гладкую без облома. Для чего потребно старую разобрать и под обломом срубы снять из коего лесу может употребиться на стропилы» (ГАРБ ф. 11, оп. 3. д. 411, л. 34). Планировалось отремонтировать деревянные амбары, флигель, баню, сени, заменить сруб колодца, привести в порядок комнаты почтальонов и погреба. Всего на сумму 3139 руб. 26 коп., из них на материалы 1382 руб. 26 коп.

По «Ведомости работам, оказавшимся при осмотре членами комитета 22 апреля 1876 г., не вошедшим в смету, составленную в 1874 г. на ремонтные исправления каменного двухэтажного здания Верхнеудинской почтовой конторы» предполагались каменные, плотничьи, столярные и малярные работы главного здания. При этом планировалось «разобрать каменную лестницу в 11 ступеней, ведущую из нижнего этажа в верхний шир. 1 ? арш. ...Сделать деревянную лестницу из нижнего этажа в верхний вместо старой каменной, с прикреплением поручней, ширина лестницы 1 ? арш. с откосом на 14 ступеней» (Там же).

Почтовая контора (ранее — почтовая экспедиция) занимала дворовое место и главный дом до 1880 г. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 109, л. 6).

Верхнеудинская почтово-телеграфная контора подчинялась Читинскому областному почтмейстеру, а с 1890 г. — Читинской почтовой конторе. Телеграфная станция подчинялась Управляющему Иркутским телеграфным округом. В ведении Верхнеудинской почтовой конторы находились почтовые станции Курбинская, Онохойская, Нижне-Убукунская, Миширинская, Боярская, Кабанская, Половинная, Снежинская (ГАРБ ф. 206, д. 113, л. 11).

Верхнеудинской почтово-телеграфной конторе был присвоен 3 разряд, штат ее состоял из 22 чел.: начальника станции, 1 телефониста I разряда, 3 — II разряда, 3 — III разряда, 8 — IV

разряда, 2 надсмотрщика, 4 сторожа. Контора занималась вопросами доставки и движении корреспонденции, руководила деятельностью почтово-телеграфных учреждений. Функции конторы заключались в составлении статистических отчетов о приходно-расходных сборах за корреспонденцию, отправлении бланков, бандеролей, международных почтовых переводов; осуществлении контроля за работой почтовых станционных смотрителей, за развитием подписки на периодическую литературу и работу с подписчиками, в составлении статистической отчетности телеграфа. Ежемесячно контора направляла отчеты о передвижении наличных денег, отвечала за доставку и выдачу корреспонденции, почтовые сборы передавались в Верхнеудинское казначейство. Все почтовые служащие носили почтовую форму и погоны согласно своему чину и разряду. С декабря 1886 г. почтовая контора и телеграфная станция объединились и стали подчиняться единому начальнику Забайкальского почтово-телеграфного округа в г.Чите. (ГАРБ ф. 206, оп. 1, д. 54, л. 3).

Во время пожара 1878 г. выгорело почти 75% зданий города, пострадало и здание почтовой конторы. В связи с этим земельный участок вместе с обгоревшим каменным домом был выкуплен с аукционных торгов за 2610 руб. верхнеудинским мещанином Петром Аввакумовичем Фроловым 1-го мая 1882 г. (ГАРБ ф.10, оп.1, д. 522, л. 4).

В объявлении от 7 августа 1882 г. новый владелец этой территории –П.А. Фролов обращается в городскую управу с просьбой «на месте мною приобретенном в г.Верхнеудинске, желаю произвести постройку зданий, а посему представляю при сем проект в двух экземплярах» (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 345, л. 9).

На чертеже, выполненном отставным коллежским регистратором Паув, территория усадьбы показана почти в тех же границах (за исключением огорода). Согласно проекту, предусматривалось к существующему двухэтажному зданию выполнить арочный каменный пристрой галереи, а также надворные строения: каменный амбар, флигель на каменном фундаменте, кухню и сеновал. В таком комплекте усадьба сохранялась наследниками П.А. Фролова до 1917 г.» (Там же, стр.162–167).

Фролов Петр Аввакумович — почетный гражданин Верхнеудинска, Он прославился меценатством и своим щедрым даром. Для нужд города он пожертвовал двухэтажное каменное здание стоимостью более 50 тыс. руб. для размещения в нем реального училища (ныне размещается детский сад на углу улиц Ленина и Куйбышева).

По предложению и за счет средств купца 1-й гильдии Петра Аввакумовича Фролова в селе Каленово была построена церковно-приходская школа. Имение Фролова находилось в семи километрах от села, и он часто туда наведывался по различным делам. Фролов П.А. был попечителем школы в течение пяти лет, платил жалование первой законоучительнице Евдокии Перфильевой, устраивал для детей новогодние елки, выделял муку-крупчатку со своей мельницы, дарил детям сладости.

П. А. Фролов сделал еще один благотворительный жест, завещав свой капитал в сумме 100 тыс. руб. согласно пожеланиям, выраженным епископом Забайкальским и Нерчинским, для возведения храма во имя Святого Иоанна Крестителя.

По Окладной книге оценочного сбора с недвижимого имущества на 1884 гг. верхнеудинский мещанин Пётр Фролов заплатил в казну города 10 руб. налога за принадлежащее ему имущество по 2-й от реки Уды улице (т.е. ул. Почтамтской) (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 422, л. 21об).

В 1886 г. Верхнеудинская городская дума рассматривала заявление Петра Аввакумовича Фролова «о продаже ему земли излишне оказавшейся при вводе его в 1882 г. во владение недвижимым имуществом, находящемся по 2-й от р. Уды улице смежно с домами наследников чиновника Железникова и мещанина Сибирякова в количестве по улице трех и во дворе девятнадцати саж., а всего 57 кв. саж.» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 522, л. 2, 2об). С решением: …«поручить городской управе выдать мещанину Петру Фролову на право владения объясненной землею установленное свидетельство и заключить крепостной акт». При этом в казну города мещанин П. Фролов заплатил 319 руб. 20 коп.

На 1908 г. постройки усадьбы оценивались в 12 000 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2949). На 1913 г. согласно Оценочной ведомости для взимания налога постройки усадьбы наследников почетного гражданина Петра Аввакумовича Фролова (зав. Машанов) оценивались в 10 368 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2779, л. 2об).

На улице Соборной (в настоящее время по четной стороне улицы Линховоина), согласно «Списку на раздачу окладных листов домовладельцам г. Верхнеудинска на взимание городского оценочного налога в 1917 году» (ГАРБ ф.10, оп. 2, д. 41, л. 7а) проживали:

251. Флейшер Одесса Лейбова
252. Розенштейн Израиль Иосифович
253. наседники. Фролова Петра Аввакумовича
254. наследники Розенштейн Иосифа Давидовича
255. Белоглазов Илья Яковлев
256, 264, 476. Загузин Иннокентий Александрович
257. Бутырин Николай Александрович
259. Капельман Лейба
260. Чирков Николай Павлович
261. Мелентьев Михаил Николаевич.

Таким образом, интересующая нас усадьба на 1917 г. принадлежала наследникам П.А. Фролова.

В настоящее время сохранился главный двухэтажный каменный дом, каменный одноэтажный флигель, часть каменных ворот и ограда.

Оценку и краткое описание здания дал в 1984 г. доцент кафедры истории архитектуры Иркутского политехнического института В.Т. Щербин при подготовке пояснительной записки к Проекту охранных зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры г. Улан-Удэ: «Двухэтажный каменный значительных размеров особняк возведен по проекту 1885 г. (ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 480). Разновысотные объемы этажей соответствуют функциональному назначению. Композиция и пластика главного фасада представляет эклектизированную реплику классицизма. В дворовой части в пределах прямоугольного плана выполнена веранда с ограждениями из литых элементов оригинального рисунка. Здесь пониженный первый этаж имеет трехъярусную аркаду. Парадный вход решен в боковом пристрое слева. Отмечен искажениями первоначального облика. В усадьбе сохранился флигель и часть каменных ворот». Здание-памятник предлагается к постановке на государственную охрану.

В настоящее время каменный дом с высоким цокольным этажом (ул. Соборная, 4) расположен на южной стороне улицы. Главный семиосный фасад и сохранившийся фрагмент декорированного каменного забора обращен на север и фиксирует историческую красную линию застройки улицы.

Дом в плане прямоугольный под вальмовой кровлей. С восточной стороны двухэтажный пристрой парадного входа под двускатной кровлей с фронтонами. Во всю длину южного фасада в уровне цокольного этажа пристрой кладовых с арочными дверными проемами. Над ним открытая веранда под односкатной кровлей. По северному фасаду три центральных и крайние боковые окна выделены ризалитами, которые опираются на межэтажный профилированный пояс. Центральный ризалит акцентирован четырьмя пилястрами.

По всему периметру основного объема проходит широкий профилированный карниз и гладкий фриз с рядом сухариков. Окна прямоугольные, по первому этажу — высокие. Окна обрамлены каменными наличниками. Высокая лобань завершается прямым профилированным сандриком. Низ акцентирован профилированным карнизом и боковыми свесами с треугольным элементом. Над сохранившейся калиткой небольшой фигурный парапет с нишей, обрамленной профилированным карнизом.

Стены выложены из кирпича, фундаменты бутовые.

Здание является ярким образцом исторической жилой застройки Верхнеудинска с хорошо сохранившимися объемно-планировочным решением и декоративными элементами фасадов. Здание состоит на государственной охране как памятник архитектуры регионального значения на основании постановления правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. В настоящее время используется городской администрацией под офисы (Комитет по благоустройству администрации Советского района).

Любовь Мордвина

ул. Соборная, 10

Дом Иннокентия Загузина

В 1878 г. земельный участок принадлежал наследникам купца Вульфа Гершевича. Постройки оценивались в 2200 руб. и составляли: одноэтажный дом с мезонином, флигель, кухня, три амбара, две завозни, сеновал, погреб (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 184, л. 66).

На 1880 г. усадьба принадлежала мещанину Тулье Лазаревичу Самсоновичу. На усадьбе располагались одноэтажный деревянный флигель на каменном фундаменте, торговая лавочка, сеновал, баня, каменный подвал с амбаром.

На 1892 г. хозяином усадьбы становится крестьянин Иволгинской волости Иннокентий Александрович Загузин. На его усадьбе располагались: дом, два флигеля, завозня, амбар. К постройке предполагался одноэтажный флигель, к сносу — кухня и завозня.

При этом в Государственном архиве Республики Бурятия имеется заявление крестьянина Селенгинского округа Иволгинской волости Иннокентия Александровича Загузина в Верхнеудинскую городскую управу от 12 июня 1901 г. о постройке деревянного двухэтажного на каменном фундаменте дома на углу ул. Лосевской и Почтамтской (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1558, л. 64, 64об, 65). В свою очередь Городская управа письмом за № 1554 от 13 июля 1901 г. просит крестьянина Иннокентия Загузина «пожаловать в присутствие 24 июля в 11 часов дня для получения представленного на утверждение плана на производство построек и представленных при нем марок» (ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1558, л. 77).

Верхнеудинский второй гильдии купец И.А. Загузин, из крестьян Селенгинского уезда, православного вероисповедания, ориентировочно 1858 года рождения. В архиве сохранился формулярный список от 20 января 1911 г. (ГАРБ ф. 0, оп. 1, д. 2202, л. 4об, 5) и заявление И.А.Загузина от 1 сентября 1905 г. в Городскую управу (ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2202, л. 3).

> «К Верхнеудинскому купеческому обществу причислен с первой половины 1902 г. С 1893 г. в течение 3-х лет будучи в крестьянском сословии состоял по выборам крестьянского общества кандидатом по сельском старосте в Гурульбинском селении Селенгинского уезда. С 1894 г. в течении двух четырехлетия состоял по выборам гласным Верхнеудинской городской думы. В 1901 г. состоял по выбору Городской думы, членом исполнительной комиссии по переустройству Верхнеудинского городского училища».

Занимался благотворительностью, в 1913 г. за пожертвование в Гурульбинскую церковь святых апостолов Петра и Павла иконостаса стоимостью 2500 руб. получил благодарность епархиального начальства («Забайкальские епархиальные ведомости», 1913, № 8–9, с.33).

В соответствии с «Оценочной ведомостью недвижимого имущества города Верхнеудинска, для взимания налога с городских недвижимых имуществ (в казну, земский сбор и в городской оценочный сбор) в 1908 г.» постройки усадьбы И.А. Загузина оценивались в 11 500 руб.

Согласно «Оценочной ведомости недвижимого имущества в 1915 г.» постройки усадьбы И.А. Загузина оценивались в 13 700 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2828, л. 38об).

К сожалению, в архиве не были найдены планы и чертежи здания по ул. Линховоина, 10. Удалось найти запись в «Списках лиц, коим выдано разрешение на постройки от Верхнеудинской городской управы в 1914 году»: Загузину Иннокентию Александровичу городской управой было выдано разрешение от 8 января 1914 г. на постройку двухэтажного каменного дома по Соборной улице в г. Верхнеудинске.

Двухэтажное каменное оштукатуренное здание расположено в исторической части г. Улан-Удэ на южной стороне ул. Соборной. Главный фасад, расположенный по красной линии застройки улицы, обращен на север.

«Основной объем в плане прямоугольный, крыт вальмовой кровлей. В южной части к восточному фасаду пристроен двухэтажный объем под односкатной кровлей. Со стороны южного фасада по линии западного фасада небольшой двухэтажный пристрой.

По всему периметру здания устроен профилированный карниз и междуэтажный профилированный пояс. Главный фасад акцентирован пилястрами с канелюрами и рустовкой по первому этажу, подоконным профилированным поясом второго этажа. Венчает композицию фасада кирпичный, оштукатуренный парапет, декорированный сквозными элементами.

Лучковые оконные проемы обрамлены наличниками. Окна первого этажа по периметру обрамлены профилированным поясом и завершаются высокой лобанью с прямым профилированный сандриком. Наличники второго этажа северного фасада трехсторонние профилированные, высокую лобань венчает профилированный карниз с дугообразной частью в центре. В оси оконного проема под полуциркульным сандриком круглый объемный элемент. На окнах первого этажа северного и южного фасадов основного объема двустворчатые ставни, обитые жестью.

Стены кирпичные. Габариты основного объема 21 х 14,6 м. Со стороны западного и южного фасадов современные пристрои.

Здание является ярким образцом исторической каменной жилой застройки Верхнеудинска с хорошо сохранившимися объемно-планировочным решением и ярким декоративным оформлением фасадов».

В настоящее время здание используется Центром восточной медицины.

Любовь Мордвина

Общественный колодец

ул. Ленина

Уездный город Верхнеудинск на начало 2-й пол. XIX в. насчитывал 617 зданий. Городская застройка была преимущественно в деревянном исполнении: из 617 зданий города только девять были каменными. Архитектурный облик улиц города определяли в основном деревянные заборы, прерываемые фасадами домов и въездными воротами с калитками. Уплотнение застройки в освоенных кварталах города происходило за счет массового возведения построек для скота, дров, сена на усадьбах горожан. Естественно, резко падала противопожарная опасность города.

Верхнеудинск во 2-й пол. XIX в. не был благоустроенным. Улицы и площади не были замощены, утопали в песке, грязи и мусоре. Не было водопровода, канализации и уличного освещения, парков и скверов, зеленых насаждений. Частенько в городе случались пожары, и убытки от них исчислялись сотнями тысяч рублей. Городские власти постоянно поднимали вопросы о состоянии пожарной части, необходимости увеличения штатной численности пожарных, улучшении их работы и т.д. В связи с частыми случаями возгораний организовывались мероприятия по их предупреждению: от высаживания деревьев до устройства городских колодцев. Основными же источниками пожарного водоснабжения Верхнеудинска на то время оставались реки Селенга и Уда, а также колодцы на частных усадьбах.

В мае 1876 г. в Верхнеудинск с проверкой приехал военный губернатор Забайкальской области И.К. Педашенко, чтобы разобраться с обстановкой и принять меры по укреплению пожарной безопасности. Губернатор провел целый ряд совещаний по этому вопросу и организовал мероприятия для улучшения обстановки. Были созданы комиссии для принятия мер против «поджигательств и скорейшего тушения пожаров в Верхнеудинске», разработан ряд документов в целях усиления мер пожарной охраны, как со стороны жителей города, так и со стороны властей:

«о немедленном усилении пожарной команды до 20 человек и 20 лошадей с соразмерным количеством бочек с водой и сверх сего телеграфировать о заведении одной пожарной хорошей машины новой конструкции на тот предмет, что в случае одновременного пожара в 2 местах имелась бы при пожарном депо в резерве машина»;
«список обывателям города: кому на пожары являться с топором, кому с веревкой, с ведром, с ломом, с лопатой, кому с багром, к машине, кому с бочкой, кому наблюдать о безостановочном направлении бочек с водой к машинам и подтвердить всем обывателям об исправном во всякое время содержании колодцев»;
«улучшить надзор над караульными гостиных дворов, запретить внутри лавок и кладовых курение табаку, приказать убрать в безопасное место зажигательные спички, если есть убирать всякий сор немедленно, содержать в постоянной исправности имеющиеся 2 колодца с потребным количеством бочек с водой»;
«всякий должен днем и ночью ходить посреди улицы, а пойдет подле забору неизвестная личность, то арестовать»;
«также не было бы излишним о немедленном очищении берегов Уды и Селенги, на которых назем и щепье составляют горючий материал» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 104, л. 40–41).

По этому же поводу 7 мая 1876 г. городские власти «имели рассуждение об учреждении, по случаю частых пожаров в городе, десяточного караула и принятия других мер к предупреждению поджогов», «разделив город на шесть участков, назначить для наблюдения за исправным отправлением в каждом участке караула следующих местных жителей: в первом участке Н.А. Байбородина, во 2-м участке: Ивана Федосеевича Леонтьева» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 104, л. 3).

Накануне, 1 мая 1876 г., городскими властями было подготовлено обращение к жителям Верхнеудинска:

«От Верхнеудинской городской управы жителям города Верхнеудинска

Объявление

Городская управа просит г.г. домохозяев и квартирантов принимать все предосторожности в отвращение пожарных случаев, а именно: как можно чаще чистить домовые трубы и осматривать места около труб и печей; не иметь во дворах открыто сложенного сена, соломы, рогож; не загромождать дворов лесом, дровами, пустыми бочками, ломаными экипажами и тому подобным; дворы очищать от навоза, щепок и т.п. Занимающихся плотничною и столярными работами, щепы и стружки убирать. Строго смотреть за работниками, чтобы не ходили по дворам и в сеновалы с трубками, и вообще обращаться с огнем осторожнее; иметь всегда в запасе готовую воду, а в местах, густо застроенных, на крышах кадки с водою и швабры; на ночь печей не топить» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 104, л. 12–12об).

По результатам проведенной проверки, военным губернатором Забайкальской области И.К. Педашенко был завизирован список «неблагонадежных граждан» с отметками: «арестовать», «выселить», «взять под надзор».

Оперативно одновременно с проводимой проверкой в рамках выполнения мероприятий по улучшению противопожарной обстановки на собрании гласных города Верхнеудинска был обсужден вопрос «О назначении места на городской площади для устройства на пожарные случаи колодца». Было определено: «изыскание места для колодца на площади против здания, занимаемого полицией» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 104, л. 1–2).

И уже 4 мая 1876 г. протоколом Верхнеудинской городской думы, зафиксировано принятое решение о выделении на городской (Базарной) площади места под постройку здания общественного колодца. А через год, «у юго-западного угла Гостиного двора появилось еще одно небольшое, но заметное сооружение — двухъярусный каменный павильон общественного колодца» (*Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ, 1983, стр. 65*).

Здание общественного колодца было сооружено в 1877 г. на средства верхнеудинского купца второй гильдии Александра Петровича Лосева во время служения его старшим членом городской управы и верхнеудинского купца первой гильдии Иоакинфа Петровича Фролова в бытность его городским головою. План и рисунок двухъярусной постройки был выполнен А.П. Лосевым. Постройка этого специфического здания, призванного защитить город от «губительного действия пожаров», была выполнена в соразмерных по вместимости механизму насоса и резервуара для воды объемах и обошлась их владельцам в сумму около 4000 руб.

До учреждения городской думы и управы, Верхнеудинском управляли в XVIII в. воевода, позже комендант, затем в XIX в. городничий и городская ратуша. 9 ноября (по ст.ст.) или 21 ноября (по н.ст.) 1875 г. было введено городское положение в городах России, в том числе и Верхнеудинске. Тогда число избирателей в городе, имеющих право голоса, было невысокое, так как выборы были ограничены высоким имущественным цензом, т.е. лица, не имевшие недвижимой собственности, не имели избирательного права; кроме того, существовали и возрастные ограничения. Потому от всего населения города проголосовало 2,9 %, а из общего числа избирателей с правом голоса голосовало лишь 15,3 %. Тогда в Верхнеудинскую думу было избрано 36 гласных (членов), а в управу (с головой) —3 члена.

Первым верхнеудинским головой стал Иоакинф Петрович Фролов, купец первой гильдии. Членом управы был избран Александр Петрович Лосев, купеческий сын, который заведовал «пожарными инструментами и командой и вообще был по распорядительной части».

В формулярном списке И.П. Фролова отмечено, что с 9 ноября 1875 по 19 мая 1877 г. после избрания городским обществом И.П. Фролов состоял первым верхнеудинским городским головой. Вступая в эту должность, он дал клятвенное обещание «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови» царю и Отечеству и ежегодно отчислял от «щедрот своих» по 15–20 тыс. руб. в пользу города.

В протоколе заседания Верхнеудинской городской думы от 20 февраля 1903 г. приводится пере-

чень основных пожертвований, сделанных И.П. Фроловым. Это вклад в сумме 23 тыс. руб., внесенный в 1901 г. на постройку зданий второклассной церковноприходской школы и образцовой школы грамоты. В 1896 г. им было перечислено 10 тыс. руб. на содержание ремесленного класса при Верхнеудинском городском училище (ул. Коммунистическая, 16 — сегодня здесь станция юных туристов), а также 10 тыс. руб. на содержание Дома трудолюбия (ул. Профсоюзная, 29 — Музей истории Бурятии). И конечно же, строительство совместно с купцом А.П. Лосевым, общественного колодца в 1877 г. и его дальнейшая реконструкция в 1884 г.

В сентябре-октябре 1876 г. по инициативе И.П. Фролова проводилась подписка по сбору денег «в пользу южных славян, ведущих борьбу в защиту своих общечеловеческих прав и против дикого произвола и варварства фанатиков-мусульман». Он обращается к жителям Верхнеудинска с призывом «не остаться равнодушными к общему порыву и посильными пожертвованиями поддержать потерпевших защитников священных прав Родины». При этом отмечалось, что в этот тяжелый момент все слои русского общества не остались равнодушными к «своим единокровным и единоверным братьям-славянам». Этот документ заканчивается распиской Верхнеудинской почтовой конторы в приеме пожертвованных денег для пересылки в Москву на имя Ивана Сергеевича Аксакова.

С 14 января 1875 по 27 июля 1882 г. И.П. Фролов состоял гласным Верхнеудинской городской думы. С 1874 г. числился верхнеудинским первой гильдии купцом. С какого времени он состоял в верхнеудинском купеческом обществе не известно, т.к. документы были «истреблены пожаром».

С 1870 по 1872 г. И.П. Фролов состоял старостой Одигитриевского собора. Был награжден серебряной медалью на ленте «для ношения на шее» за пожертвование дома для женской прогимназии. (Находилась на месте Музея им. Сампилова по ул. Куйбышева).

В 1898 г. Иоакинф Петрович Фролов с Высочайшего соизволения был удостоен звания почетного гражданина города Верхнеудинска. В знак особой признательности заслуг известного благотворителя городская дума приняла решение поставить его портрет в зале заседаний.

Лосев Александр Петрович — верхнеудинский купец второй гильдии был вторым по счету Верхнеудинским городским головой:
с 1877 по 1879 г. — исполняющий должность городского головы;
с 1879 по 1881 г. — городской голова.

Отец Александра Петровича, купец первой гильдии Пётр Дмитриевич Лосев, был крещеным бурятом. Совместно с Иоакинфом Фроловым он построил в 1877 г. общественный колодец на Базарной площади Верхнеудинска. В это время он служил старшим членом городской управы, заведовал пожарными инструментами и командой, поэтому понимал, как необходим деревянному Верхнеудинску такой колодец.
В бытность его городским головой на правом берегу р. Уды было начато строительство дамбы протяженностью 400 саж. (852 м) и шириной 3 саж. (6 м 40 см). Постройку дамбы закончили в 1880 г., она представляла собой вал из бревен в обрубе, наполненный навозом («Байкал», 1897 г., № 12 ,стр. 4; № 1, стр. 2).

Тогда же управа провела ремонт почтового тракта в черте города и ремонт каменного двухэтажного здания почтовой конторы по улице Почтамтской (ул. Линховоина, 4). При нем же было построено новое каменное здание для пожарных машин и приобретен новый пожарный инвентарь (ул. Ленина, 15), приведена в порядок Троицкая кладбищенская ограда. В 1879 г. Верхнеудинской городской думой было принято постановление «Об устройстве отхожих мест, помойных ям, о чистке их и дворов», так как на усадьбах жителей города числилось 1415 лошадей, 1015 голов крупного рогатого скота, 750 овец, 42 свиньи и 98 коз. Также дума с пожелания головы А.П. Лосева приняла решение об устройстве выставки этнографических предметов в городском училище города с целью ознакомления учеников с бытом сельского населения Забайкалья.

В 1880 г. вышло постановление городской думы о запрете строить трактирные заведения всех видов ближе 40 саж. (85 м) от христианских храмов, учебных заведений, а также на рынках и в торговых рядах.

Александр Петрович Лосев умер в 1881 г. состоя на службе городским головой.

Отстроенный в центре Верхнеудинска колодец долгое время исправно служил городу. Упоминание о его эксплуатации есть у М. Танского в его описании города за 1870–1880 гг.:

«Город страдал полным отсутствием зелени: ни бульваров, ни садов. Единственный небольшой садик с цветничком был только при нашем отцовском доме на Базарной улице. Городская управа пыталась развести садик на Базарной площади, между Гостиным двором и Большой

улицей, но ничего не выходило, хотя от времени до времени садик поливался из пожарных машин (их было две), но росту не давал: деревья засыхали и пропадали. Так чичеревел он долгие годы даже и тогда, когда оборудовали поблизости колодец с водонапорным баком, и вода в изобилии подавалась в садик по желобам. Чем объяснить подобное явление, затрудняюсь, — ведь в настоящее время зеленеет вся Базарная площадь (ныне — площадь Революции)» (Танский М. Верхнеудинск 1870–1880 гг. — Улан-Удэ, 1966).

Большой пожар, начавшийся 10 июня 1878 г. в «5 часов пополудни», уничтожил более трех четвертей застройки города. Огнем была охвачена почти вся центральная часть города. Сгорело 87 усадеб со всеми надворными постройками, все магазины на Базарной площади, здание городской полиции и пожарное депо. Очевидцы свидетельствовали, что огонь пощадил, к сожалению, наиболее старые кварталы, в то время как лучшие каменные здания, за исключением внешних стен, были уничтожены.

Если судить по дате постройке колодца — 1877 и дате пожара 1878 г., то можно предположить о его использовании по назначению на начальном этапе тушения пожара и вероятных дальнейших конструктивных утратах в связи с тем, что здание колодца находилось в самом очаге стихии (пожар начался в непосредственной близости, через дорогу, на усадьбе Лазаря Самсоновича (ул. Ленина, 23).

Начавшись 10 июня, пожар и его остаточные явления еще долго держали город в напряжении. Архивные документы свидетельствуют о принятии Верхнеудинской управой различных мер по окончательному тушению пожара в период с 13 по 19 июня 1878 г.: обращение к жителям города, имеющих лошадей, «выслать таковых с водою на площадь Гостиного двора», назначение конкретных лиц от населения для участия в устранении последствий от пожара и т.д. Лишенные крова по возможности расселялись в свободные помещения городского ведомства: Городской общественный дом, приют для арестантских детей и т.д. Погорельцам выдавалась государственная субсидия. Помощь поступала и от соседних городов, и от сибирских купцов. В подписном листе пожертвований значатся известные фамилии: И.П. Фролов — 1000 руб., А.П. Лосев — 300 руб., Д.А. Меньшиков — 200 руб., И.Ф. Голдобин — 300 руб., Я.М. Рубинштейн — 300 руб., И. Фурман — 100 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 198, л. 7; д. 199).

Гостинодворская площадь Верхнеудинска. *1908 г. Фото Н.Н. Бурлакова*

Уже 2 августа 1878 г. вышел циркуляр Министерства внутренних дел за подписью управляющего, статс-секретаря Л. Макова в адрес военного губернатора Забайкальской области. В нем был изложен перечень обязательных мер предосторожности, которые были впоследствии обсуждены на заседании городской думы Верхнеудинска:

«1879 года апреля 12 дня собрались в заседание Городской думы в числе гласных, где, прослушав предложение г. военного губернатора Забайкальской области и циркулярное предписание г. министра внутренних дел о принятии мер предосторожности от пожаров, имели суждение по этому предмету при участии г.г. окружного исправника, городового и окружного врача и составили настоящее обязательное постановление для жителей г. Верхнеудинска, заключающееся в нижеследующем:

Кровли должны быть некрутые; крыть дозволяется железом, тесом и драньем. Каждый домохозяин обязан иметь по величине и количеству зданий переносные лестницы. Дымовые трубы должны быть сложены из кирпича, сверх потолка на глине или на извести. Очистка дымовых труб должна производится чрез трубочиста, нанимаемого управой, и каждый домохозяин обязан непременно приглашать очищать печные трубы: в зимнее время один раз, а в летнее 2 раза в месяц или более и иметь наблюдение, чтоб непременно был 4-саженный разрыв от соседних построек. В центре города, на Гостинодворской площади, лицевых, вновь деревянных построек не допускать, а должны быть каменные, существующие же деревянные допускать ремонтиро-

вать и делать капитальные исправления. Так называемых черных бань не дозволять, ни в городе, ни в предместьях оного. Все колодцы, принадлежащие частным лицам, должны быть содержимы постоянно в исправности и во время пожара должны быть открытыми для всех. Для лиц, производящих продажу дров и леса, назначена площадь на берегу Селенги и Уды. Воспрещается привозимые в город для продажи и во время ярмарки спички складывать в лавках, амбарах и прочих помещениях. Керосин и прочее держать во время ярмарки укрытыми войлоками или в подвалах со сводами. Курение табаку в задних дворах, в сеновалах, амбарах и прочих нежилых зданиях, а во время ветра на улицах и площадях, запрещается. Десяточные караулы должны быть согласно прежних постановлений думы на известное время возобновляемы каждогодно» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 240, л. 13–17об., 19–22об).

После столь разрушительного пожара верхнеудинскими властями был ожесточен контроль за застройщиками. Жестко контролировалось соблюдение правил застройки: наличие противопожарных разрывов, устройство брандмауэров и т.д. Противопожарный надзор возложили на полицию. В спешном порядке к сентябрю 1879 г. отстраивается новое каменное пожарное депо (на месте сгоревшего), строится два пожарных колодца, приобретается две новые «огнегасильные» машины. С мая 1879 г. в городе стал выставляться ночной караул. На здании полицейского управления строится пожарная каланча и вводится вышковая служба.

Городские власти обращают свое внимание и на общественный колодец на Базарной площади, решают провести его модернизацию. В.К. Гурьянов, в своей книге «По Большой, Большой Николаевской», так описывает эти события:

«Историю, связанную с перестройкой колодца, узнаем из заявлений, написанных в 1884 г. горожанами городскому голове Н.А. Шляпкину. Они предъявляют к нему претензии за неправомочные самовольные действия в деле переустройства колодца, устроенного «добрыми гражданами А.П. Лосевым и И.П. Фроловым». Так как колодец к тому времени еще не был официально передан городу, то городского голову обвинили в посягательстве на чужую собственность и потребовали приостановить работы до созыва городской думы.

Из заявления гласного городской думы верхнеудинского купца Константина Мордовского от 12 июня 1884 г. мы узнаем, что каменное здание, «сделанное по плану и рисунку Лосева», соразмерно вместимости механизма насоса и резервуара для воды. Насос выполнен на бельгийских механических заводах, а железный резервуар — на заводе братьев Бутиных. «Действие насоса настолько легко, что два человека могут свободно действовать, а при экстренной усиленной качке 4 человека в смену накачивают воды до 1000 ведер в час». Заявление заканчивалось словами: «...по моему уразумению, нет даже необходимой надобности разрушать сделанное частным лицом для пользы города» (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 439, л. 1).

Вид на здание Гостиного двора, Общественного колодца и скверик перед ним. *Фото 1900-х гг.*

В заявлении членов городской управы Н. Нелюбова и А. Овсянкина говорится, что городской голова «поручил какому-то мужику» приделать конный привод к насосу. По их мнению, насос не должен был разбираться даже на несколько часов без крайней необходимости. Были уже вкопаны столбы, которые совершенно обезобразили красивое здание колодца.

И.П. Фролов писал в своем заявлении:

«...Я и Лосев никогда не думали пользоваться им одни, а всегда желали, чтобы он служил на благо всего города». Как собственник строения, он высказывает обиду, что не только не спросили у него согласия, но даже не получили разрешение городской думы и жителей города на реконструкцию («приделывать к насосу неизвестно для чего конный привод»), а между тем формально колодец не был передан городскому обществу. Опасаясь вместе с большинством граждан, что переделки эти, «производимые неизвестным городу мужиком», могут привести к порче колодца, и город при первом же пожаре может выгореть, он, как один из владельцев постройки, «покорнейше просит Городскую думу запретить городскому голове Шляпкину производить какие бы то ни было переделки» без согласия всего городского общества в лице Городской думы (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 439, л. 4).

Чем закончилась эта история с перестройкой, по документам не удалось проследить. Но если судить по тому, что здание колодца сохранилось до наших дней в неперестроенном виде, верх, по-видимому, взяли владельцы этого сооружения. Колодец исправно служил городу. По согласованию городского головы с бывшим начальником верхнеудинской местной команды Липским во время пожаров команда воинских нижних чинов выделяла 12 человек на 3 смены для качки воды ручным центробежным насосом из городского колодца (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 335; *Гурьянов В.К. По Большой — Большой-Николаевской. — Улан-Удэ, 1998. — сс. 65–67).*

Действительно, здание общественного колодца сохранилось до настоящего времени без внешних перестроек. Долгое время использовалось под магазин, находилось в муниципальной собственности. Никаких ремонтных работ на здании не проводилось. В целях обеспечения реальных мер по сохранению исторического объекта, постановлением правительства Республики Бурятия за № 242 от 09.07.1996 г. «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры» павильон общественного колодца был поставлен на государственную охрану, как объект, представляющий историко-культурную ценность республиканской (региональной) категории охраны.

В сентябре 2008 г. Республиканской службой государственной охраны объектов культурного наследия был составлен паспорт объекта «Павильон общественного колодца» (составители А.А. Урбанов, Л.В. Мордвина) с описанием основных его особенностей:

«Здание расположено в историческом центре Улан-Удэ (бывший Верхнеудинск), недалеко от юго-западного угла Гостиных рядов. Здание находится на углу улиц Ленина (бывшая Большая Николаевская) и Куйбышева (бывшая Троицкая).

Двухэтажное, небольших размеров, близкое к квадрату в плане здание под четырехскатной кровлей. Все здание по периметру рустовано широкими лентами. Парапетные тумбы квадратные в сечении с основанием и профилированным карнизом, венчались небольшими фигурными элементами. Карниз по периметру здания профилированный, большого выноса. Фриз по периметру здания отделен от плоскости стены широким профилированным поясом, поле фриза декорировано чередованием квадратной и двух прямоугольных ниш – раппорт по длине равен половине фасада.

Фасады здания фланкированы пилястрами. Поле пилястр расчленено поясками округлыми в сечении на четыре разные по высоте части, пилястры декорированы тремя узкими закругленными нишами, разорванными поясками. В уровне фриза небольшие прямоугольные ниши. Между оконными и дверными проемами первого этажа западного и южного фасада в уровне середины высоты наличников расположены небольшие круглые ниши, обрамленные гладким нешироким наличником.

Оконные проемы первого этажа высокие и прямоугольные. Наличники гладкие с прямым профилированным сандриком. Оконные проемы второго этажа расположены по центру каждого фасада — небольшие арочные полуциркульные. Стены кирпичные. Габариты здания 7,3 х 6,4 м» (Паспорт памятника 2008 г.).

В составленной к паспорту описи предметов охраны памятника «Павильон общественного колодца (кон. XIX в.) зафиксирована его градостроительная и архитектурная ценность:

1) Градостроительная ценность:
здание расположено в историческом центре Улан-Удэ (бывший Верхнеудинск) близ юго-западного угла Гостиных рядов и выполняет важную градостроительную роль в формировании ансамбля площади Революции (бывшая Ба-

зарная площадь). Здание расположено на углу улиц Ленина (бывшая Большая Николаевская) и Куйбышева (бывшая Троицкая). Совместно с другими зданиями формирует визуальное восприятие застройки исторического центра города.
2) Архитектурная ценность:
объемно-планировочное решение (двухэтажное, небольших размеров, квадратное в плане здание под четырехскатной кровлей);
строительные конструкции (кирпичные наружные стены);
декоративное оформление фасадов: профилированный карниз большого выноса по периметру здания, фриз, пилястры, оконные проемы и их профилированные обрамления и т.д.

В 2000 г. по заказу Министерства культуры Республики Бурятия был разработан рабочий проект «Реставрация фасадов памятника архитектуры 19 в. «Общественный колодец» (Улан-Удэ, ул. Ленина, 22)». Проект выполнен специалистами ГУП НИПИ «Бурятпроектреставрация» (С.Д. Цыренжапова).

28 декабря 2006 г. ФГУП «Ростехинвентаризация» изготовило технический паспорт на муниципальный магазин, размещенный в здании по ул. Ленина, 22. Согласно внешним обмерам, размеры здания составляют 7,30 х 6,40 м; высота — 5,6 м. Подвал: 7,30 х 6,40 м, высота 2,2 м.

В 2010 г. здание, расположенное по адресу Ленина, 22 из муниципальной собственности перешло в частную. Новый собственник — ООО «ИКЦ» (Иванов).

В 2011 г. специалистами ООО Научно-технического центра «Сейсмострой» (Панов А.Б.) по заказу ООО «ИКЦ» произведена «Экспертная оценка технического состояния фундамента здания по улице Ленина, 22 в г. Улан-Удэ (Павильон общественного колодца)». В результате обследования было установлено: «фундаменты существующего здания ленточного типа, бутовые, с глубиной заложения от поверхности земли 1,4 м. Ширина фундаментов около 0,7 м. Фундаменты находятся в удовлетворительном состоянии».

В соответствии с последующим договором купли-продажи здания-памятника и земельного участка от 22.11.2011 г. право собственности на бывшее здание общественного колодца перешло к новому частному лицу — А.А. Леоновой. По заказу нового собственника на основании выданного Министерством культуры Республики Бурятия задания на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия, в 2012 г. специалистами ООО «Лотос» (Цыжипов Ц.А.) был разработан «Проект реставрации и приспособления под торговое здание ювелирного магазина «Крис» павильона общественного колодца. Памятник культурного наследия 1877 г. регионального значения». Технические решения, принятые в рабочих чертежах и предусматривающие полное сохранение и реставрацию объемно-планировочного и архитектурного решения существующего здания павильона, были полностью реализованы в дальнейшем, при проведении реставрационных работ.

В настоящее время планировочная структура здания представляет собой: первый и второй этажи — торговые залы ювелирного магазина; подвальное помещение — комната отдыха персонала, вспомогательные подсобные помещения (туалет, электрощитовая, тепловой узел).

Цветовое решение здания идентично покраске здания Гостиных рядов, с выделением белым цветом архитектурного декора здания павильона: вертикальные угловые пилястры с каннелюрами, обрамления оконных и дверных проемов, карнизы здания и архитектурные элементы (парапетные «столбики») на кровле здания. При производстве реставрационных работ были восстановлены утраченные водосточные трубы с воронками и фигурные элементы парапетных тумб по периметру кровли с металлическим решетчатым ограждением. Также произведена установка фонарей уличного освещения (светильники торшерного типа), выполненных по дополнительно изготовленным чертежам к проекту реставрации здания.

Сегодня, здание общественного колодца полностью отреставрировано и является неотъемлемой частью ансамбля площади.

Елена Михалёва

Реальное училище

ул. Ленина, 11

Улица Трактовая (Большая, Большая Николаевская, ныне Ленина) стала главной планировочной осью при составлении планов города Верхнеудинска — Улан-Удэ. Прежде, до 1930-х гг., главной улицей города считалась улица Соборная, ныне Линховоина, идущая к древнему Одигитриевскому собору. Бывшая Большая Николаевская улица, выходя за пределы посада, стала новой центральной улицей города и, соединяясь с Московским трактом, стала его частью. Первоначально это был торговый путь на Москву, подходящий с Московского тракта к посаду Верхнеудинска, который постепенно сформировался как самостоятельная улица.

Городскими властями предъявлялись особенные, повышенные требования к застройке этой центральной улицы. Положено было строить дома по обеим сторонам улицы, одинаковой высоты и на каменных основаниях. «Каждому гражданину предоставлена свобода строить дом по своему состоянию, недостаточные избирают себе место там, где позволено строить на деревянном основании, оставляя большую улицу тем, кои в силах воздвигнуть домы на каменных фундаментах, таким образом и положение оных в плане ничто не может почитать отягощением» (*В.К. Гурьянов. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998*).

В кон. XIX — нач. XX в. на Большой Николаевской улице были представлены усадьбы всех сословий, проживающих в городе: купцов, мещан, крестьян, казаков, священнослужителей. Строения «говорили» о материальном достатке их владельцев. Особенно выделялись купеческие дома, в основном двухэтажные, с торговыми лавками на первом этаже, жилыми квартирами на втором, и примыкающими к ним, либо отдельно стоящими торговыми помещениями. «Окна и двери с раскрытыми ставнями в виде сплошных полос по обеим

сторонам улицы и красочные разнообразные рекламы над ними, дополняли живописную картину декоративности главных фасадов. Главному жилому дому, как центру композиции, подчинялись его составные части — надворные строения, создавая единый ансамбль». *(Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр. 21*)

На современной улице Ленина немало городских усадеб было утрачено в связи с их ветхостью, а также при освобождении земельных участков под новое строительство. До настоящего времени сохранились постройки купцов Титова, Немчинова, Курбатова, Трунёва, Голдобина, Цыгальницкого, мещан Капельмана, Пахолкова, Сергеевой, Пантелеевых, зажиточных крестьян Самсоновича, Борисова, Мостовского, Оверина, общественные здания различного назначения.

Здание по ул. Ленина, 11— одно из самых ранних каменных построек в городе. «Двухэтажный каменный дом на углу ул. Большой (Ленина) и Троицкой (Куйбышева) на месте, отведенном Верхнеудинской канцелярией 26 февраля 1786 г., был построен первым владельцем усадьбы купцом Андреяном Титовым в 1795 г. *(В.К. Гурьянов, М.В. Гурьянов. Верхнеудинск XVII — начала XX века: Улицы, городские усадьбы и их обитатели. — Улан-Удэ, 2012, стр. 86).*

Затем владельцем усадьбы становится Матвей Жаров. Согласно архивным данным, 23 декабря 1859 г. в Забайкальское областное управление было направлено письмо (вх. № 3123) верхнеудинского купца третьей гильдии Матвея Николаевича Жарова с просьбой засвидетельствовать завещание его покойной матери Марии Матвеевны Жаровой в отношении земельного участка и построек в Верхнеудинске на углу ул. Большой и Троицкой (ГАРБ ф. 11, оп. 3, д. 1143, л. 4).

В 1874 г. на основании «Раскладочной ведомости налога с недвижимых имуществ города Верхнеудинска Забайкальской области» на участке располагались каменный двухэтажный дом, при нем надворные деревянные строения: три амбара, кухня, завозня, сеновал и два погреба. Имущество оценивалось в 7000 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 12об). При доме имелись три торговые лавочки и кладовая. По «Окладной книги налога с недвижимых имуществ г. Верхнеудинска за 1877 г.»: каменный двухэтажный дом, при нем надворные строения: три амбара, кухня, завозня, сеновал, два погреба верхнеудинского купца Матвея Жарова. Следовало к поступлению 140 руб.» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 88, л. 9об). В 1884 г. налог на имущество усадьбы наследников Матвея Жарова составлял 9 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 422, л. 5об).

Впоследствии до 1906 г. усадьба принадлежала купцу Петру Аввакумовичу Фролову — почетному гражданину Верхнеудинска. Он прославился меценатством и своим щедрым даром. По предложению и за счет средств купца первой гильдии Петра Аввакумовича Фролова в селе Каленово была построена церковно-приходская школа. Имение Фролова находилось в семи километрах от этого села, и он часто туда наведывался по различным делам. Несмотря на городской образ жизни, Пётр Фролов во многом сохранил крестьянский уклад и не любил парадных апартаментов. В загородном поместье имелась своя мельница, канатная дорога. Это поместье селяне назвали «Фролова ограда». Там же ему пришлось похоронить своих близких — жену и сына, однако впоследствии их тела были перезахоронены.

П.А. Фролов был попечителем школы в течение пяти лет, платил жалование первой законоучительнице Евдокии Перфильевой, устраивал для детей новогодние елки, выделял муку-крупчатку со своей мельницы, дарил детям сладости. В 1898 г. основал и содержал на свои средства в местности Янгажино начальное одноклассное училище. Об открытии этой школы в книге «Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев» говорится: «В 1898 г. верхнеудинский благотворитель П.А. Фролов открыл в самом центре кочевий Янгажинских бурят русско-бурятскую школу, а в 1903 г. из этой школы было выпущено 13 человек со свидетельствами об окончании полного курса».

П.А. Фролов сделал благотворительный жест Верхнеудинску, завещав свой капитал в сумме 100 тыс. руб. для возведения храма во имя Святого Иоанна Крестителя согласно пожеланиям, высказанным епископом Забайкальским и Нерчинским.

Для нужд города был сделан и еще один щедрый дар — Фролов пожертвовал двухэтажное каменное здание на углу улиц Большой и Троицкой, стоимостью более 50 тыс. руб. для размещения в нем мужского реального училища, о создании которого мечтали члены городского общества.

Реальное училище — неполное среднее или *среднее учебное заведение, в учебном плане которого основное место отведено предметам естественно-математического цикла. Первые реальные училища появились в Германии в середине XVIII в. как полупрофессиональные учебные заведения. В России реальные училища с 6–7-летним сроком обучения созданы в 1872 г. вместо реальных гимназий. В старших классах реального училища преподавались прикладные предметы (механико-химико-технологические, коммерческие).*

Выпускники поступали в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, но в университет не принимались. В 1888 г. преобразованы в общеобразовательные учебные заведения, которые давали право поступать в университет на физико-математический и медицинский факультеты.

В Государственном архиве Республики Бурятия сохранились документы (переписка, постановления и др.) Верхнеудинской городской управы о необходимости открытия в городе среднего мужского учебного заведения:

> «Иркутская мужская гимназия и промышленное училище, а также Читинская мужская гимназия переполнены учащимися до того, что доступ в них закрыт для детей верхнеудинских граждан. Троицкосавское реальное училище находится в 220 верстах колесного пути, крайне неудобного для проезда как вследствие плохого пути, так и вследствие недостатка почтовых и вольных лошадей. Город Верхнеудинск, находясь от Иркутска в 450 верстах, Читы в 520 верстах и Кяхты в 220 верстах, составляет центр западной части Забайкалья. По численности населения Верхнеудинский уезд занимает первое место в Забайкальской области. По переписи 28 января 1897 г. Забайкальская область имела всего населения при 8 уездах 664,071 человек, в том числе на один Верхнеудинский уезд приходилось 165,654 человек, или 23,4%. Кроме того, к Верхнеудинску прилегает около половины Селенгинского уезда, около 5% населения. Затем, начавшаяся в Верхнеудинске постройка военных госпиталей на 10 тыс. больных, которые по окончании войны будут заняты войсками, по сообщению местного листка, 40 тыс. Через несколько лет население Верхнеудинска с 15 тыс. возрастет до нескольких десятков тысяч. При таких условиях необходимость о переводе в Верхнеудинск порт-артурских учебных заведений говорит сама за себя» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2005, л. 22, 22об).

Самым проблемным вопросом было найти помещение для реального училища. Город предпринимал попытки приобрести здание и делал запросы жителям с предложением продажи их домов (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2079).

Исполняющий делами Приамурского генерал-губернатора Хрещатицкий и военное ведомство также считали Верхнеудинск наиболее подходящим местом для создания реального училища, тем более что помещение было предоставлено купцом Фроловым: «Из многих претендентов на училище Верхнеудинск оказался самым серьезным и только потому, что предложил готовое помещение» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2005, л. 40).

«Городской голова Н.Г. Федченко обращается к директору Порт-Артурского реального училища Н.Г. Вознесенскому с предложением перевести учебное заведение из Читы, где оно временно находилось, в Верхнеудинск в составе приготовительного, 1-го и 2-го классов с отнесением расходов на содержание его до 1 июля 1906 г. на счет города, а в дальнейшем на средства казны.

Н.Г. Вознесенский охотно откликнулся и энергично взялся за это дело, ходатайствуя перед правительством о переводе, затратив «целый год изо дня в день с мая 1905 до мая 1906 г., не выезжая ни разу из Петербурга». Он продолжал свои хлопоты об открытии реального училища в Верхнеудинске уже в должности главного инспектора Восточной Сибири и координировал действия городской думы по ускорению открытия училища» (*В.К. Гурьянов. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр. 55–56).*

5 мая 1906 г. Н.Г. Федченко подал прошение в Царское Село на имя Николая II:

> «...Население города, достигшее 20 тыс. жителей, быстро увеличивается и самый город растет. Железнодорожный путь, соединивший центр России с его окраинами, дал могучий толчок развитию Верхнеудинска. Постройка верхнеудинских громадных каменных воинских казарм на большое число войск, увеличит население города в несколько раз. Мужских средних учебных заведений в Верхнеудинске нет ни одного, тогда как Чита имеет мужскую гимназию, Троицкосавск реальное училище. Население Верхнеудинска несет такие же тяготы пред Престолом и Отечеством и также понесло их в войну с Японией, как и другие места Приамурья. Один Верхнеудинский уезд, имея почти четверть населения всей области, составляет частицу Забайкалья. Торговые обороты Верхнеудинска при двух ярмарках возросли до нескольких миллионов рублей в год. Промышленность города также значительно поднялась. Судоходная река Селенга, по которой существует правильное пароходное сообщение, и сплавная река Уда, омывающая Верхнеудинск, дают возможность пользоваться лесными богатствами края. Ископаемые богатства примыкающих и тяготеющих к Верхнеудинску частей Селенгинского и Баргузинского уездов

неистощимы и ждут только энергичных предпринимателей. Того образования, которое при таких условиях дает всему громадному населению имеющееся в Верхнеудинске городское училище по положению 1872 года, далеко недостаточно. Переполнение и отказ в приеме жаждущих света и в это единственно низшее учебное заведение, несмотря на слезные мольбы и сетования родителей, приняло хронический характер. Крайне настоятельная необходимость в открытии в Верхнеудинске среднего мужского учебного заведения вопиеть к Престолу. Район обслуживания реального училища не ограничится одним Верхнеудинском или его уездом, но распространится и на соседние населенные центры — города Мысовск, Баргузин, Селенгинск, Петровский Завод и линию Забайкальской железной дороги. Дороговизна обучения детей жителей города в других городах тоже равносильна закрытию для них дверей в этих учебных заведениях. Для помещения среднего мужского учебного заведения имеется каменный двухэтажный дом, пожертвованный городу Верхнеудинским почетным гражданином Фроловым. Одна надежда на Вас, Великий Государь, что город Верхнеудинск не останется еще долгое время умственно убогим и получит все те блага, которыми уже давно пользуются другие города Забайкалья» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2005, л. 118, 118об, 119).

Пока решался вопрос об открытии училища, город планировал, как и чем оборудовать помещение и кабинеты дома Фролова. Сохранилось постановление Верхнеудинской городской исполнительной комиссии от 20 сентября 1905 г., в котором излагался план действий:

«1) Просить Красный Крест очистить под реальное училище верхний этаж дома Фролова и произвести в нем надлежащую дезинфекцию*;

* В течение 1904 г. на первом этаже здания размещался одесский лазарет Красного Креста Касперовской общины (В.К. Гурьянов. По Большой, Большой-Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр. 56).

2) для приспособления этого этажа под реальное училище произвести в нем следующую перестройку: увеличить переднюю на счет кухни, соединив их дверью и, если возможно, русскую печь заменить голландской;

в первой комнате от передней сделать легкую перегородку для учительской комнаты;

из следующих трех небольших комнат образовать коридор, для чего в двух капитальных стенах пробить арки;

в средней комнате, выходящей на Большую улицу, убрать дощатую перегородку и заложить три двери, ведущие в соседние большие комнаты;

открыть дверь в коридор из угловой комнаты;

в большой комнате, выходящей на Троицкую улицу, сделать посередине деревянную глухую перегородку;

верхнюю кладовую приспособить под ватерклозет.

Затем:

3) приступить к немедленной закупке для реального училища: 50 парт парных, 5 столов для классов, стола для учительской, 2 канцелярских столов, 3 маленьких столиков для сторожей и 2 больших столов для чайной, 5 классных дюжин вешалок на 100 человек, двух дюжин стульев, 6 скамей, 4 шкафов книжных и шкафа для одежды.

В помещении кухни устроить умывальный прибор.

Кроме того, приобрести 8 св. икон (по числу комнат) и стенные часы.

4) Подыскать квартиры для гг. директора, домоводителя и двух помощников классных наставников реального училища, которым полагается квартира в натуре.

Просить Городскую управу уступить училищу взаимообразно необходимое количество дров.

5) Об исполнении всего вышеизложенного просить Верхнеудинскую Городскую управу» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2005, л. 60, 60об).

По разным причинам перевод и открытие учебного заведения затягивались. «Купцы и торгующие люди в городе 21 июня 1906 г. добровольно решили «взносить ежегодно в городскую управу с сего числа на содержание реального училища по 20% с суммы основного промыслового налога». Наконец, гласным Городской думы и депутату Духовного ведомства были вручены приглашения с просьбой «не отказать пожаловать в помещение реального училища 8 сентября к 12 часам дня на молебствие...», а это означало, что в этот день в 1906 г. в день Рождества Пресвятой Богородицы жители города праздновали открытие реального училища» *(В.К. Гурьянов. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр.56).*

«Открытие училища для города было большим событием. Газеты этого времени писали: «...наде-

емся, что гг. учителя создадут школу, из которой каждый ребенок выйдет могучим и сильным для плавания по морю житейскому, и желаем, чтобы ученики получили действительно знания, чтобы работать на пользу человечества...»

При училище была учреждена стипендия им. П.А. Фролова, для чего заполнялись листы для записи частных пожертвований на эту стипендию.Вскоре Министерством народного просвещения было разрешено при реальном училище открыть третий и четвертый классы. Сохранился архивный документ — письмо главного инспектора училищ Восточной Сибири от 30.12.1906 г. в адрес директора Верхнеудинского реального училища об ассигновании из казны 5000 руб. на содержание третьего и четвертого классов училища (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2060, л. 1).

Из-за нехватки помещений для училища Городская управа арендовала верхний этаж дома Немчинова (ныне здание по ул. Ленина, 20).

Средства на содержание училища были отпущены крайне ограниченные. Их едва хватило на организацию учебного процесса. Содержалось училище на добровольные пожертвования граждан и плату за обучение — от 25 до 100 руб., высокую по тем временам, так что даже Городская управа на одном из своих заседаний вынуждена была признать, что в реальное училище смогут поступать «только более состоятельные мальчики, а для большинства обучаться в нем окажется не по средствам...». Кроме нехватки средств, училище сталкивалось со многими трудностями: классы были тесными, не хватало принадлежностей, помещения требовали постоянных ремонтов и обновлений.

О буднях училища можно судить по переписке директора с Городской управой и инспектором народных училищ. Так, 9 мая 1907 г. директор училища Григорий Андреевич Цветаев направил письмо в Верхнеудинскую Городскую думу за № 322:

«Для реального училища мной сделаны следующие заказы:
1) у Башманова в Петербурге книги для фундаментальной и ученической библиотеки на 200 руб.;
2) у Швабе в Москве приборов для физического кабинета и естествоведению и рисованию на 1700 руб.;
3) у Коля в Хемнице приборов для физического кабинета на 628 марок.
Прошу Думу назначить пособие на приобретение предметов из сумм сбора с приказничьих свидетельств» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2107, л. 8).

Планировались и проводились ремонты зданий. Письмом от 1 июня 1907 г. в Городскую думу директор училища предлагает:

«...ввиду того, что мысль о большой перестройке под классы здания Фролова оставлена, хозяйственный комитет реального училища находит, что лучше вместо Немчиновского здания приспособить для квартиры директора нижнее помещение здания, пожертвованного Фроловым. По мнению архитектора на это уйдет не более 1100 руб., или во всяком случае можно ограничиться этой суммой.
В общих чертах нужно сделать следующее:
1) заделать 4 двери, обратить их в окна;
2) вход со двора расширить;
3) пробить одно окно на Троицкую улицу;
4) из магазина, выходящего на Троицкую улицу открыть заделанную дверь в переднюю;
5) сломать печь в угловой комнате и очаг в крайней комнате;
6) сделать новые печи: в угловой комнате в стене, отделяющей ее от средней комнаты, тоже вместо очага и в кухне русскую печь с плитой;
7) полы переслать и сделать новый в третьей комнате и в магазин, выходящий на Троицкую улицу, а также и на кухне;
8) расширить дверь из средней комнаты в третью;
9) сделать 16 новых рам, переделать 6 железных форточек и вставить до 40 новых стекол;
10) все побелить и окрасить;
11) передние три комнаты оклеить обоями;
12) сделать перегородку в квартире помощника классных наставников.
При этих переделках получится большая квартира для директора и канцелярии (из магазина, выходящего на Троицкую улицу). Кроме того, нужно покрыть здание железом и побелить снаружи, но на это, очевидно, ассигновать особую сумму. Деревянная крыша очень плоха: в большой дождь вода в классах наливается всюду» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2107, л. 25, 25об).

А уже 19 ноября 1907 г. за № 708 директор училища отчитывается перед Городской управой о ремонте помещений реального училища, которые были проведены летом 1907 г.: «

Всего израсходовано 1498 руб.18 коп. В счет этой суммы хозяйственный комитет училища постановил употребить 149 руб., вырученных за отдачу помещения в училище в зимнее ярмарочное время и для казначейства летом 1907 г.

Таким образом, на управу падает расход в 1349 руб.18 коп.
В счет этой суммы мной получено из управы 1000 руб.
Важнейшие поправки в училище:
1) отремонтирована квартира, выходящая на Троицкую улицу;
2) произведен ремонт наверху в здании реального училища;
3) внизу устроена квартира для директора и канцелярия;
4) произведен ремонт в здании Немчинова;
5) исправлена баня;
6)построен гимнастический городок.
Городская дума ассигновала на поправки в училище 1100+200+300 руб. на гимнастику (не считая 700 руб. на физические приборы).
В виду необходимости дополнительных работ прошу сохранить за реальным училищем право получить от управы доплату как вышеуказанных 349 руб. 18 коп., так и остальной суммы, недостающей до 1600 руб. (250 руб. 82 коп.), кроме 700 на физический кабинет» (Там же, л.).

При этом в отчете указано, что из каменных произведены работы по разборке балкона, кладке печей, устройстве новых окон, расширении дверей и др. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2107, л. 50, 50об, 51, 52).

В связи с тем, что Пётр Аввакумович Фролов завещал городу 100 тыс. руб. на устройство церкви, директор реального училища 25 мая 1907 г. направил письмо в Городскую думу с предложением построить эту церковь при училище:

«Выгода для реального училища будет огромная:
1) будет при учебном заведении храм (а он нам нужен, и без особо счастливых обстоятельств мы очень долго не будем его иметь);
2) церковь при учебном заведении очень удобно строится, так что большая часть ее может служить вне часов службы и для учебных целей.
Благодаря пожертвованному Фроловым зданию, имя его долго не исчезнет из нашей памяти, но еще с большей благодарностью будущее поколение будет вспоминать этого щедрого жертвователя, если церковь по его завещанию будет построена при том же училище, о котором так много заботился покойный…
По всему постройка церкви по завещанию Фролова при реальном училище будет встречена общим сочувствием. Настоятелем будет наш законоучитель, церковь будет без приходная, но, несомненно, со множеством молящихся. Из учащихся будет свой хор» (Там же, л. 15, 15об, 16, 16об).

Сведений о постройке церкви при училище в архиве найдено не было, но о том, что «верхнеудинская домовая реального училища церковь» имелась, есть подтверждение в книге А.Д. Жалсараева «Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии. XVII–XX столетий» (с. 256). Автор в своей книге ссылается на «Забайкальские епархиальные ведомости» за 1907 год № 4 (с. 11).

Директор Г.А. Цветаев письмом от 15 июня 1907 г. № 428 обращается в Городскую управу с просьбой

«…уделить бесплатно в пользование педагогического состава Верхнеудинского реального училища участок земли в окрестностях города Верхнеудинска по примеру других городов для постройки на этом участке дач на средства реального училища и отдельных членов учительской корпорации по их желанию с правом перепродажи построек среди лиц, служащих в реальном училище. Одним из подходящих для этой цели участков, принадлежащих городу, я могу указать на так называемый островок, находящийся на Верхней Берёзовке у горы, позади участков, арендуемых Шангиным, Пауфом и Чирковым…» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2107, л. 19).

В резолюции Городская управа отказала в выделении участка в районе Верхней Берёзовки и предлагает взамен участок в районе реки Уды.

Культурная жизнь города опиралась на целую систему учреждений. Если ранее центром культуры города была церковь, то во второй половине XIX века ими становятся учебные заведения, библиотеки и другие учреждения культуры.

В 1908 г. в «городе имеется 16 школ: реальное училище, женская гимназия, городское четырехклассное училище, 6 городских приходских училищ, Фроловская второклассная учительская школа, железнодорожная школа и церковно-приходских 5 школ: 2 женских, смешанных — 2 и 1 смешанная образцовая. Личный состав реального училища следующий: директор Г.А. Цветаев, законоучитель священник А.Д. Николаевский и преподаватели А.П. Лисовский, А.В. Гильденштуббе, О.И. Ильяшенко, А.Н. Шуневич-Жицкий, Я.Я. Родгонов, И.Я. Кожевников, А.Я. Теплов, В.А. Ермолинский, А.А. Рождественский, Л.И. Фудалевский и И.И. Мельников» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2492, л. 59).

В 1912 г. в реальном училище обучалось детей в возрасте от 9 до 11 лет — 46 чел. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2776, л. 26).

15 апреля 1914 г. частное совещание гласных Городской думы по ходатайству директора Цветаева и родительского комитета реального училища рассматривало вопрос о продолжении содержания приготовительного класса на 1914–1915 учебный год, в связи с чем было решено продлить срок аренды помещений в доме Немчинова за 300 руб. и отремонтировать эти помещения на сумму 50 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 3055, л. 1).

Сохранились архивные документы 1918–1919 гг.: арендный договор с Анной Платоновной Паув, являвшейся доверенным лицом И.А. Немчинова, о сдаче верхнего этажа дома Немчинова на углу улиц Большой Николаевской и Троицкой для размещения реального училища за плату 5 тыс. руб. в год, а также переписка директора училища с Городской управой о ремонте этих помещений.

До настоящего времени двухэтажный каменный дом сохранился с существенными изменениями. В связи с его приспособлением под реальное училище утрачены галерея в двух уровнях с подъездом и примыкающими к нему каменными воротами со стороны ул. Ленина, вместо галереи появился пристрой.

Реальное училище работало в городе до 1920 г. Во время гражданской войны классные комнаты были приспособлены для хранения артиллерийского имущества. Сохранилось письмо начальнику городской милиции от 26 февраля 1920 г. с требованием командира броневого поезда «Атаман» о немедленном предоставлении жителями города 15 подвод для перевозки артиллерийского имущества из здания реального училища в распоряжение командира дивизиона (ГАРБ ф. 10, оп. 2, д. 352, л. 15).

С установлением советской власти началась перестройка народного образования Бурят-Монгольской республики. В Верхнеудинске был создан Прибайкальский областной отдел народного образования, который размещался в 1921 г. в здании бывшего реального училища.

В 1930–1937 гг. в здании располагалась общеобразовательная школа № 4 им. Блюхера. В это время на территории бывшей усадьбы П.А. Фролова находились следующие постройки: каменный дом, дом деревянный, мастерская, флигель (ГАРБ ф. Р-535, оп. 3, д. 230, л. 14).

С 1938 г. и до настоящего времени в здании размещается детский сад.

Любовь Мордвина

Здание по ул. Ленина, 11. Детский сад «Колобок»

Присутственные места

ул. Ленина, 13

Двухэтажный каменный дом на углу улиц Большой (ныне ул. Ленина) и Троицкой (ныне ул. Кубышева) был построен в нач. 1800 гг. и принадлежал верхнеудинскому мещанину Д.М. Пахолкову.

Здание считается первым значительным каменным жилым домом нач. XIX в. в Верхнеудинске. Начало строительства дома датируется 1801 г., а в 1804 г. строительство было уже завершено. Отстроили дом «в длину 10 саж., в ширину 6 саж. 2 арш., в высоту 4 саж. 2 арш.» в соответствии с неотложными требованиями того времени по формированию центра города Верхнеудинска. (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 2635, л. 3)

Архивные документы сохранили облик фасадов каменных домов Пахолкова, выполненных в 1809 г. учителем верхнеудинского училища Андреем Ворониным. Двухэтажный дом под четырехскатной тесовой кровлей имел балкон и два нужника. Центральная часть завершалась полуциркульным фронтоном. Фасад фланкирован рустованными лопатками, отмечен междуэтажным широким профилированным гуртом. Ступенчатая площадка по всей длине фасада вела к трем торговым лавкам. Одноэтажная каменная постройка под четырехскатной тесовой кровлей отмечена на чертеже как «фасад особого флигеля». Шестиоконный фасад отмечен выступом ризалита в средней части и дверным проемом, смешенным от центральной оси (приложения 1, 2).

В 1810 г. строения на усадьбе Дмитрия Пахолкова были проданы городской казне за 11941 руб. 25 коп. В главном двухэтажном здании разместились присутственные места: уездный и земской суды, «градская полиция», уездное казначейство, а в подвале под домом была устроена денежная кладовая. Каменный одноэтажный флигель определили под жилье для городничего, позднее в нем размещались гауптвахта, затем городская общественная библиотека (сейчас отделение сбербанка).

Обмерные чертежи, выполненные губернским архитектором Кругликовым, зафиксировали всю усадьбу вскоре после ее продажи казне. Территория двора размерами 25 х 28 саж. была обнесена тесовым забором с двумя воротами на уличных фасадах. Одна из крупных по размерам, усадьба имела форму, приближенную к квадрату, и была разделена на передний и задний дворы. На переднем дворе размещались главный дом (на углу пересечения улиц) и флигель, выходя главными фасадами на красные линии улиц Большой и Троицкой. В тот же период на участке находились и деревянные постройки: изба для служителей «градской полиции» и содержащихся под присмотром людей. Другой деревянный дом, построенный в 1911 г. городским обществом, занимали «огнегасильные машины и отличными к оным инструментами». Вдоль задней линии переднего двора размещались хозяйственные постройки: завозня, сарай, амбар с погребом, птичник.

Задний двор замыкался постройками птичьего двора, бани, скотного двора, конюшни. Здесь же стояли теплые хлева с сенным сараем над ними. Юго-западный угол двора занимал огород площадью 100 кв. саж. (приложение 3).

Согласно информации содержащейся в «Выписке из копии ведомости о состоянии казенных зданий по г. Верхнеудинску», представленной верхнеудинским городничим иркутскому гражданскому губернатору 23 октября 1812 г. за № 2097, все строения, купленные «у верхнеудинского мещанина, который нынче в купцах, Димитрия Пахолкова в 1810 году», были в прочном и исправном состоянии (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 2635, л. 3).

В мае 1818 г. действительный статский советник иркутский гражданский губернатор И.Н. Трескин дает предложение верхнеудинскому городничему Измайлову приступить к «исправлению корпуса присутственных мест», на что Казначейство выделило 174 руб. Предполагалось выполнить штукатурные работы по зданию, сделать перепланировку внутренних помещений с закладкой ненужных дверей, поправить печи, заменить оконные рамы, побелить помещения внутри и стены здания снаружи, а также приступить к «построению над оным каланчи». В журнале верхнеудинского общего присутствия от 23 апреля 1818 г. записано: «В рассуждении предполагаемой по прилагаемому плану каланчи, то общее присутствие считает весьма удобнее выстроить оную на корпусе присутственных мест, как на здании весьма возвышенном, на которой часовой беспрепятственно может иметь обозрение всей окрестности города, нежели на флигеле занимаемом городничим» (ГАРБ ф.11, оп. 3, д. 210, л. 3, 3об, 4, 8, 8об, 9).

«Фасад корпуса Верхнеудинских присутственных мест для устроения каланчи» был разработан и представлен «архитектором и кавалером» Кругликовым (ГАРБ ф. 11, оп. 3, д. 210, л. 7). Над главным двухэтажным домом была надстроена пожарная каланча с сигнальной мачтой. Силуэт площади с одинаковыми в основном по высоте и общему архитектурному облику домами во многом выиграл от наличия в центре высотной композиции. (Приложение 4)

В процессе проведенных в дальнейшем ремонтных работ изменились лицевые фасады здания присутственных мест. Частично рустованные стены, оконные проемы, оформленные ленточными наличниками и треугольными сандриками, внесли в облик здания мотивы провинциального классицизма.

Архитектор Л.К. Минерт при подготовке паспорта объекта в 1975 г. дал следующее описание здания:

«В композиции плана сооружения явственно просматривается наивное переосмысливание для каменного дома традиций деревянной жилой архитектуры. Это видно по одностороннему размещению лестницы и использованию лестничной клетки в качестве сеней. Она здесь не входит в основной объем здания, как и в деревянных жилых домах, где сени и лестница на второй этаж обычно размещались в пристрое. Весь объем здания представляет собой параллелипипед фактически совершенно не расчлененный. Все же поверхности фасадов на улицы получили очень плоские по рельефу членения. Нижний этаж рустован, а на втором этаже середину поверхности фасада занимает наивный по композиции и деталям портик. Короткие, с весьма своеобразно трактованными капителями колонны свидетельствуют, что имелся в виду коринфский ордер. Обрамление окон завершается упрощенным сандриком. Таким образом, в архитектуре фасадов дома мы имеем образец тех бесчисленных попыток претворения народными умельцами, в отсутствии архитектора-профессионала, архитектурных форм русского классицизма. Непритязательность этих композиций фасадов подкупает своей наивной непосредственностью, как пример непрофессионального народного творчества» *(Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников», паспорт объекта 1975 г., приложения 5, 6).*

«После пожара 1878 г. от каменных строений остались одни стены. Проект восстановления здания Присутственных мест иркутского губернского архитектора Е.Э. Штерн-Гвяздовского был утвержден в Петербурге в 1880 г. Предлагалась рядовая композиция в духе русского классицизма. Восстановление здания закончили в 1887 году без изменения фасада. В него возвратились прежние учреждения, над крышей возвышалась вновь пожарная каланча (несколько другого вида), а во дворе построили новое, теперь уже каменное здание пожарной машинной» *(Л.К. Минерт. Архитектура г. Улан-Удэ». — Новосибирск, 1983, стр.63, приложения 7, 8).*

Переписка верхнеудинского уездного полицейского управления Забайкальской области содержит дело о ремонте здания в 1904 г. Согласно документам,

«...полы не перекрашивались с начала 1880 года, точно также, с того же времени не было ни одной побелки стен. Вследствие чего здание имеет невозможный вид... Для организации работ по ремонту здания, занимаемого Полицейским управлением и Казначейством, были объявлены торги. 25 июня 1904 г., несколько местных жителей, занимающихся подрядами на строительные работы, пришли на торг, но рассмотрев предлагаемые им план и смету, отказались от участия в торге «по причине низких цен на рабочих и материалы. Точно также не состоялась и переторжка» (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 331 л. 3, 3об).

Ознакомившись с рапортом о срыве торгов по ремонту здания Казначейства и Полицейского управления, военным губернатором Забайкальской области отдается указание верхнеудинскому уездному начальнику создать особый Строительный комитет, «в состав которого будет входить для временного пребывания, приездом в город Верхнеудинск, производитель работ из чинов Строительного комитета. И все подробно показанные в выборке работы произвести своевременно хозяйственным способом» (ГАРБ ф. 337, оп .2, д. 331, л. 4, 4об).

Уездный начальник Хамский и верхнеудинский казначей Делекторский, ставшие членами созданного на объекте Строительного комитета, провели анализ имеющихся рабочих смет на ремонт здания. Они сопоставили назначенную рабочим плату с существующей на тот момент справочной ценой. Расхождение выявилось в 534 руб. свыше назначенной по смете суммы, что и было отражено в акте от 31 июля 1904 г. Тут же давалось объяснение «вздорожанию рабочих рук». В связи с тем, что «в настоящее время по случаю сплошной постройки бараков для Красного Креста, а также и у частных лиц, крайне трудно найти рабочих». «Что средств на наем квартир как для Полицейского управления, так и Казначейства не отпущено, а между тем таковая на данное время очень дороги (за квартиру под Казначейство запросили за 2 месяца 300 руб.), что объясняется временным нахождением, как штабов частей войск, так и в особенности больниц Красного Креста, двух Одесского и Пермского. И наконец, имея в виду, что вздорожание рабочих рук, а также квартир, есть временное, вызванное обстоятельствами военного времени, помечу, нельзя не придти к заключению, что условия в настоящем году для работ хозяйственным способом крайне неблагоприятны, которые обязательно должны измениться к лучшему только весной будущего года, когда все сплошные постройки будут окончены. В настоящем году возможно без ущерба по смете приступить только к заготовке назначенных материалов, почему постановили: о вышеизложенном представить на благоусмотрение г-на военному губернатору Забайкальской области» (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 331, л. 9, 10).

В связи со сложившимися обстоятельствами, военным губернатором было дано указание приступить к заготовке материалов для производства работ и был выплачен аванс на эти цели в размере

3 тыс. руб. Весь объем работ оценили на общую сумму в 4062 руб. 18 коп. Срочно, до конца 1904 г., закупили 35 тыс. штук кирпича.

В нач. 1905 г. верхнеудинский мещанин Иван Кузьмич Камынин изъявил желание взять на себя ремонт здания по сметной цене. Кроме ремонтных работ он рассматривал и возможность самому приобретать необходимые материалы. Возникли сложности с приобретением кровельного железа. В виду отсутствия в продаже необходимого для ремонта железа было решено «возбудить ходатайство перед военным губернатором о выдаче наряда на один вагон из Екатеринбурга под железо купцу Бревнову, изъявившему желание на получение подряда доставки. Требующееся железо по цене 2 руб. за пуд, т.е. ниже сметной цены вдвое» (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 331, л. 25, 25об).

Подписав в феврале-марте 1905 г. два договора со Строительной комиссией: первый на доставку камня и кирпича, второй на производство ремонта здания уездного Полицейского управления и Казначейства, Иван Кузьмич Камынин скоропостижно умер. Взятые мужем 400 руб. задаточных денег по двум договорам бралась погасить его вдова, верхнеудинская мещанка Екатерина Алексеевна Камынина путем исполнения договора на поставку материалов. И уже в мае месяце она выполнила взятые на себя обязательства и предоставила на осмотр комиссии 5 куб. саж. камня булыжного, 2,56 куб. саж. бутовой плиты, 0,9 кв. саж. «ступенной плиты» — «вполне пригодных для своего назначения» (ГАРБ ф. 337, оп. 2., д. 331, л. 34, 34, 61).

В связи с отсутствием подрядчика, ремонт здания приостановился. Снова были объявлены торги на отдачу подряда по ремонту здания. Протокол Строительной комиссии от 4 мая 1905 года зафиксировал, что: «лица явившиеся на торги заявили, что подряд этот по ценам, представленным в смете, они принять на себя отказываются, находя цены в смете очень низкими» (ГАРБ, ф. 337, оп. 2, д. 331, л. 43).

Высказывалось общее мнение, «что при теперешних ценах необходимо увеличить смету на 100% или совершенно отсрочить ремонт, когда цены на рабочую силу спадут. Ремонт же необходим: крыша протекает, потолки настолько промокли, что могут обвалиться. Кроме того, весь заготовленный материал как-то жесть, бревна и кирпич требуют скорого употребления в дело, а отсрочка ремонта может вызвать замену заготовленного материала новым, т.к. за год или два материалы могут стать совершенно негодными, находясь под открытым небом за неимением крытых помещений» (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 331, л. 63).

Пока искали подрядчика и разбирались в ценах наступили холода. Решили снова отложить ремонт на следующий 1906 г, а приобретенный материал — кирпич, плахи, бревна — поместить под навес, чтобы не подвергать их порче (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 331, л. 64, 65).

И только в июне 1906 года за работы по ремонту и расширению здания верхнеудинского уездного Полицейского управления и Казначейства взялся крестьянин Томской губернии Иван Елизарович Спирин. По условиям заключенного договора все работы должны быть начаты 10 июня и закончены к 25 августа «согласно плану, сметы, описанию работ». За все работы Спирину полагалось получить 6217 руб. плюс материалы на сумму 1383 руб. 95 коп. (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 331, л. 114, 114об).

Состав рабочих, набранных производителем работ, представлял различные волости государства российского:

штукатур Козулин — казак,
маляр Ефим Ситников — читинский мещанин,
каменщик Черенов,
плотник Журовцев,
печник Дмитрий Слободин — крестьянин Вятской губернии Шубенской волости,
стекольщик Егор Тараканов — крестьянин Косромской губернии Леоршевской волости,
кровельщик Федор Шевцов — крестьянин Костромской губернии Якутовской волости (ГАРБ, ф. 337, оп. 2, д. 331, л. 178).

Выполнение работ в установленные договором сроки было вновь сорвано. Областным читинским инженером Просятниковым 25 августа 1906 года, параллельно с производством работ, дополнительно был разработан «Проект изменения переустройства» и препровожден инженеру Шплету, производителю работ по ремонту здания верхнеудинских Полицейского управления и Казначейства для исполнения (приложения 9, 9*) .

Завершились ремонтные работы только в 1907 г. 2 апреля 1907 г. члены Строительного комитета и верхнеудинской Городской управы, областной архитектор Шплеть, в Присутствии Полицейского управления обсудили вопрос об окончании ремонта. После осмотра здания комиссия постановила произвести дополнительные ремонтные работы: сдать итальянцу Бларивану Луиди ковку ступеней парадной лестницы и площадок (трех), а также починку каменной лестницы черного хода с заливкой щелей цементом за цену 16 руб. (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д.331, л. 204, 205).

В послереволюционные годы помещения здания использовались под Центрокассы наркомфина. В переписке по надзору народного комиссариата внутренних дел БМ АССР (НКВД) за 1926 г. сохранились акты осмотра помещения Центральной приходно-расходной кассы (Центрокассы) и находящейся над ней пожарной команды:

«По осмотре оказалось, что дождевая вода, попадая на открытый сверху половой настил наблюдательной вышки и просачиваясь через пол, попадает непосредственно на потолок второго этажа Центрокассы и проникая через потолочную засыпку портит штукатурку потолка и может способствовать быстрому загниванию потолочных балок. Кроме того вода, попадая на деревянные стены каланчи и металлическую винтовую лестницу, ведущую на вышку, также способствует их порче, в виду чего признали необходимым для прекращения доступа воды внутрь здания, сделать над вышкой крышу, расположив ее на такой высоте, чтобы она не мешала наблюдению за окрестностями и устроив с нее удобный водоотвод.

Кроме того, нашли необходимым убрать с потолка второго этажа Центрокассы разбросанный по нему кирпич, как представляющий лишнюю тяжесть» (ГАРБ ф. Р-153, оп. 1, д. 97, л. 351)

Руководствуясь необходимостью устранения зафиксированных нарушений, исключающих нормальную эксплуатацию столь важного объекта, нарком внутренних дел БМ АССР Абашеев, 31 августа 1926 г., дал указание верхнеудинскому горкомхозу: «в целях изжития такого ненормального явления и сохранения строения, НКВД по коммунальному хозяйству предлагает в срочном порядке сделать над вышкой крышу, расположив ее на такой высоте, чтобы она не мешала наблюдению за окрестностями и устроить с нее удобный водоотвод. Об исполнении донести» (ГАРБ ф. Р-153, оп. 1, д. 97, л. 353)

Здание по ул. Ленина, 13

Точно подтвердить выполнение работ, связанных с устройством крыши над вышкой, документально нет возможности. В 1930 г. вся конструкция деревянной пожарной каланчи была демонтирована.

В 1932–1933 гг. в здании разместилась уездногородская милиция и школа подготовки рядового и младшего состава милиции НКВД Бурят-Монгольской АССР.

В 1950-е гг. в здании (на втором этаже) открылась экспозиция республиканского Художественного музея им. Сампилова, а в 1970 г. сюда переехал архивный отдел, в настоящее время — Банк России.

За период эксплуатации здание неоднократно ремонтировали. В 1974 г. пользователем была произведена замена оконных переплетов на новые, с зеркальными стеклами в размер окна. По заказу Центрального банка Российской Федерации, ставшего собственником административного здания общей площадью 487 кв. м, архитектурной мастерской «Проект Байкал» был разработан эскизный проект по ремонту фасада здания (приложение 10 на 4 листах). Зданию, выстроенному в самом нач. XIX в. с архитектурой, интересной народным претворением мотивов классицизма, возвращен первоначальный облик после производства ремонтно-реставрационных работ.

Сегодня здание (Ленина, 13) расположено в среде исторической застройки кон. XIX — нач. XX в центральной исторической части города и выполняет важную градостроительную роль в формировании ансамбля площади Революции (бывшая Базарная площадь). Совместно с другими зданиями «сплошным» фронтом оно формирует визуальное восприятие застройки исторического центра города.

Как памятник градостроительства и архитектуры регионального значения, состоит на государственной охране в соответствии с постановлением Совета Министров Бурятской АССР № 134 от 26.05.1983 г. На северном фасаде установлена информационная надпись «Памятник архитектуры. Здание присутственных мест, в котором в нач. XIX в. размещалось полицейское управление г. Верхнеудинска. Охраняется государством».

Елена Михалёва

Дом И.И. Меньшикова

ул. Ленина, 24

Здание, расположенное в городе Улан-Удэ по ул. Ленина, 24 состоит на государственной охране как памятник архитектуры с наименованием «Усадьба Меньшикова. Главный дом» (Постановление Правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры»).

Двухэтажное здание находится в среде исторической застройки кон. XIX — нач. XX в. на углу ул. Ленина (Большая Николаевская) и Кирова (Базарная). По архивным материалам на 1874 г., данный угловой земельный участок занимала усадьба верхнеудинского мещанина Николая Сотникова. На территории усадьбы располагалось несколько деревянных строений, в том числе одноэтажный дом, при нем четыре теплые лавки с жилыми комнатами, кухня с баней, пять амбаров, завозня и сеновал (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 4, л. 20об).

Новый владелец усадьбы урядник верхнеудинского станичного округа Иннокентий Ильич Меньшиков в июне 1886 г. обратился в верхнеудинскую городскую управу с прошением:

> «На принадлежащем мне месте земли в городе Верхнеудинске желаю произвести пристройку каменных одноэтажных торговых лавок и временно деревянных кладовых амбаров с возведением брандмауэров». Представленный проект на постройку торговых помещений, выполненный мещанином Скатовым, был рассмотрен и одобрен городскими властями».
>
> «1886 года 20 июля в присутствии Верхнеудинской городской управы определено: на основании ст. 114 городового положения разрешить урядничу Верхнеудинской станицы Иннокентию Ильичу Меньшикову произвести на принадлежащем ему месте земли в городе Верхнеудинске по Большой и Базарной улицам постройку каменных одноэтажных торговых лавок, показанных в проекте под литер. А и В деревянных амбаров на время и брандмауэра на месте купца Голдобина, но с тем, чтобы при постройке были в точности соблюдены 361, 352, 353, 354, 355, 356 ст. устава Строительного и обязательные постановления Городской думы изд. 12.09.1879 г., припечатанные в № 40 «Забайкальских областных ведомостей» за тот же год, под опасением за неисполнение сего ответственности по закону.
> Подлинное подписали:
> Член управы Овсянкин»
> (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 531, л. 35, 36–37).

Здание по ул. Ленина, 24. Кинотеатр в доме И.И. Меньшикова

Согласно представленным архивным документам, строительство главного каменного дома на усадьбе датируется 1886 годом.

В процессе производства строительных работ на усадьбе И.И. Меньшиков обращается в управу с очередным прошением в следующем 1887 г., решив еще от-

строить на своем дворе дополнительные каменные торговые лавки под сдачу их в аренду и кухню. Он получил согласование и возвел каменное прямоугольное здание, вытянутое главным фасадом вдоль улицы Большой (ГА РБ ф.10, оп. 1, д. 573, л. 3, 5).

Сохранившись до наших дней торговые лавки усадьбы Иннокентия Ильича Меньшикова находятся под охраной государства как памятник архитектуры регионального значения (ул. Ленина, 24-б).

Главный одноэтажный каменный дом усадьбы И.И. Меньшикова расположился на углу улиц Большой и Базарной (ул. Ленина, 24-а). Г- образный в плане основной объем со срезанным юго-западным углом, где устроен главный вход, обращен на пересечение улиц. Лицевые фасады здания в соответствии с проектным решением И.Д. Скатова были рустованы и расчленены рустованными лопатками, что создавало имитацию облицовки стен плитами. Декор фасадов дополнял ажурный металлический парапет кровли.

Помещения главного дома сдавались в аренду.

Краевед В.К. Гурьянов писал:

«В 1900-х годах здесь был открыт театр-иллюзион. Комиссия в составе полицейского надзирателя, члена управы И.Е. Гончарова и городского архитектора Родюкова осмотрела дом И.И. Меньшикова, «в котором демонстрировался иллюзион», и признала безопасным в пожарном отношении. В 1904 году в здании размещался Одесский лазарет Красного Креста Касперовской общины. В 1905 году здесь открылась прачечная «Гигиена», где можно было отдать в стирку и глажение белье по умеренным ценам. Заказы выполнялись скоро и аккуратно. Военным госпиталям и обществу Красного Креста делалась скидка».(*«Верхнеудинский листок», 1905 г., № 71 / Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр. 79).*

Стоимость всей усадьбы с постройками на 1908 год оценивалась городской оценочной комиссией в 70 000 руб.

После национализации здания в условиях острой нехватки помещений для размещения различных советских организаций в 1924 г. над одноэтажным каменным зданием был возведен второй этаж с использованием круглого леса в качестве несущих и ограждающих конструкций. При надстройке второго этажа, существующее перекрытие (покрытие), возведенное ориентировочно в 1886 г., было

оставлено в неизменном состоянии. Над ним было выполнено новое перекрытие с использованием деревянных балок. Такая конструкция придавала необходимую жесткость кирпичному одноэтажному зданию. Кроме этого, конструкция двойного перекрытия с устройством глиняного замка (толщиной 50 мм) по верху плах потолка служила надежной противопожарной преградой. Действенность данного решения подтвердил факт произошедшего в 1970 г. пожара на первом этаже здания. Обеспеченная огнестойкость перекрытия не позволила перекинуться пожару на деревянный второй этаж.

После пожара в 1979 г. проектной организацией «Бурятгражданпроект» был разработан проект капитального ремонта здания (в то время магазин «Детский мир»), проектные решения которого так и не были полностью реализованы. Также есть сведения, что в 1990 г. путем разборки перекрытия магазина были ограблены помещения торгового зала первого этажа.

В декабре 2004 — феврале 2005 г. специалистами по сейсмостойкому строительству Восточно-Сибирского государственного технологического университета кандидатами технических наук, доцентами Э.В. Дёминым и А.Б. Пановым было выполнено инженерно-сейсмическое обследование здания памятника по заказу его пользователей: генеральной дирекции АООТ «Меркурий» и дирекции магазина «Все для женщин».

В результате обследования было зафиксировано, что двухэтажное здание имеет каменный первый этаж и второй деревянный, в виде бревенчатого сруба, с бутовыми фундаментами (глубина заложения под наружными стенами 1,4 м), кирпичными стенами и сводчатым из кирпича подвалом. Размеры в чистоте заглубленного на три метра подвала, составляют 10,35 х 5,85 м, при высоте кирпичного свода в щелыге 2,7 м, на опорах 1,65 м.

> «Состояние почти 6-метрового кирпичного свода, являющегося особой строительной ценностью обследованного здания-памятника, вызывает серьезное беспокойство в отношении возможного дальнейшего восприятия им (без разгрузки и усиления) фактических эксплуатационных нагрузок от почти вплотную опертого на него пола первого этажа и всего находящегося на нем» *(«Инженерно-сейсмическое обследование» Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2004 г.).*

Деревянный бревенчатый сруб второго этажа только по контуру наружных стен полностью повторяет план коробки стен первого этажа. Внутри сруба добавлена еще одна продольная стена, опирающаяся на дополнительно введенные деревянные колонны первого этажа, поперечные стены уложены на соответствующие кирпичные стены первого этажа. Рубка стен выполнена в лапу из бревен, выровненных под примерно одинаковый диаметр. Сруб несет на себе отепленное чердачное перекрытие и металлическую крышу. Стены второго деревянного этажа обшиты досками, первый каменный этаж оштукатурен.

Историческая часть здания Г-образная в плане, имеет в осях длину южного фасада 42 м, западного — 21,8 м, восточного — 36,7 м, ширина основной части — 16,8 м, а восточного выступа — 7,7 м.

Обследованием 2004 года установлено, что перекрытие, выполненное при надстройке второго этажа с введением дополнительных опорных деревянных колонн, в инженерном отношении представляется недостаточно надежным (в том числе фиксировались признаки гниения древесины). «Двойное раздельное деревянное перекрытие над первым этажом является, по существу, новодельным (не представляет архитектурно-строительной ценности), — отмеча-

Здание по ул. Ленина, 11, надстроенное вторым этажом. *Фото 1970-х гг.*

лось в отчете. — Его сохранение без усиления... нецелесообразно с инженерной точки зрения. Отсюда очевидна рекомендация по его полной замене на монолитное железобетонное»... («Инженерно-сейсмическое обследование здания-памятника — главный дом усадьбы Меньшикова по ул. Ленина, 24». — Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2004 г.).

Руководствуясь охранным статусом здания, Республиканская служба государственной охраны объектов культурного наследия в 2008 г. составила паспорт памятника «Главный дом усадьбы Меньшикова» с описью предметов его охраны, также были установлены границы территории объекта культурного наследия.

Основные особенности планировочной структуры и конструкций, строительный материал и габариты здания из описания памятника в его паспорте:

«Двухэтажный (второй этаж надстроен позднее), Г-образный в плане основной объем со срезанным юго-западным углом, где устроен главный вход, обращенным на пересечение улиц. Кровля вальмовая с ендовой. Первый этаж каменный, второй более поздний, деревянный. На всю длину северного дворового фасада пристроены поздние объемы под односкатными кровлями, по линии западного фасада — двухэтажный, в дворовой части —одноэтажный.

Лицевые фасады первого этажа полностью рустованы и расчленены вертикально рустованными лопатками. В нижней части оконных проемов первого этажа широкий массивный профилированный пояс. По всему периметру основного объема здание опоясывает двухступенчатый дощатый подшивной карниз большого выноса.

Окна прямоугольные, по южному фасаду окна первого этажа опускаются до уровня цоколя и обрамлены гладкими трехсторонними наличниками. Окна второго этажа широкие, близкие к квадрату, обрамлены прямыми гладкими наличниками с трапециевидной лобанью и фигурными боковыми свесами. Стены первого этажа выполнены из кирпича, второго — бревенчатые. Габариты основного объема 43 х 16.8 м.

Предмет охраны памятника:

— объемно-планировочное решение;

— декоративное оформление фасадов первого этажа: лопатки, рустовка стен, оконные обрамления».

(Паспорт памятника 2008 г. Составитель А.А. Урбанов, Л.В. Мордвина).

Долговременная эксплуатация здания многочисленными пользователями и собственниками (учреждения торговли, различные конторы) послужила причиной неоднократного производства несогласованных ремонтно-реставрационных работ. Первоначальное двойное перекрытие частично было демонтировано в результате приспособления помещений для нового арендатора и проведения противоаварийных работ по ликвидации протечек. Из-за частых неисправностей сантехнических систем на втором этаже происходили утечки технических вод через деревянное перекрытие на первый этаж. Конструкции капитального потолка, являющиеся по сути противопожарными, в части помещений полностью были вырезаны и заменены на конструкции легкого подвесного потолка.

Зафиксированный факт разборки двойного перекрытия собственником помещений первого этажа здания послужил основанием для выполнения работ по оценке дальнейшей эксплуатационной пригодности перекрытия и определения необходимого реставрационного вмешательст-

Вид на ул. Большую (Ленина) . В центре – бывший дом И.И. Менгьшикова

ва и его направленности. Такие работы были организованы и выполнены на объекте специалистами АОА «Бурятгражданпроект» в 2014 г.

В результативной части отчета о техническом обследовании междуэтажного перекрытия здания (главного дома усадьбы Меньшикова), подготовленного главным инженером ОАО «Бурятгражданпроект» Б.Г. Донским, была зафиксирована рекомендация о необходимости сохранения первоначальной конструкции двойного перекрытия (или его замена на ж/б) для нормальной эксплуатации здания.

В 2015 г. ООО «Научно-технический центр «Сейсмострой» провел очередное обследование конструкций памятника по заказу его пользователей и собственников и подготовил техническую документацию:

1) «Инженерное обследование здания памятника (главный дом усадьбы Меньшикова) по ул. Ленина, 24 в г. Улан-Удэ», выполненное по заказу индивидуального предпринимателя Цыбикова А.И., ООО «Все для женщин»;

2) «Инженерное обследование междуэтажного перекрытия в здании-памятнике (главный дом усадьбы Меньшикова) по ул. Ленина, 24 в г. Улан-Удэ», выполненное по заказу ООО «Все для женщин» (в осях 1–3);

3) «Инженерное обследование междуэтажного перекрытия в осях 4–8 в здании-памятнике (главный дом усадьбы Меньшикова) по ул. Ленина, 24 в г. Улан-Удэ», выполненное по заказу ОАО «Сбербанк России».

В результативной части вышеназванных документов была дана квалификация фактического технического состояния исторического и его конструкций, как ограниченно работоспособное, а

Здание по ул. Ленина, 24. Бывший дом И.И. Меньшикова (1-й этаж)

отдельных конструкций — близкое к недопустимому, неработоспособное, аварийное.

Руководствуясь полученными констатациями и рекомендациями инженерного обследования, Министерство культуры Республики Бурятия (в то время орган, уполномоченный в области охраны памятников) настояло на незамедлительном проведении собственником необходимых противоаварийных мероприятий и выполнении работ по приведению обследованного здания-памятника в соответствие с действующими нормативными требованиями по надежности, долговечности и сейсмостойкости.

Требуемую проектную документацию для проведения первоочередных противоаварийных работ на здании-памятнике выполнили проектировщики ООО «Лотос», а производство самих работ на объекте осуществлено специалистами ООО СК «Фасад». Эскизный проект «Цветовое решение фасадов здания по ул. Ленина, 24» был дополнительно разработан архитектурной мастерской «Проект Байкал» (ген. директор Б.Б. Михайлов).

Сегодня бывший главный дом усадьбы урядника верхнеудинского станичного округа Иннокентия Ильича Меньшикова попрежнему справляется с торговой функцией и выполняет важную градостроительную роль в формировании ансамбля площади Революции (Базарная площадь) и улицы Ленина (Большая Николаевская), определяет исторические красные линии застройки своими продольными фасадами.

Здание является характерным образцом каменной архитектуры Верхнеудинска кон. XIX века с традиционным объемно-планировочным решением и интересным декоративным оформлением фасадов. Историческое здание «Главный дом усадьбы Меньшикова» совместно с другими средовыми постройками формирует визуальное восприятие исторического центра Улан-Удэ.

Елена Михалёва

Усадьба Борисовой

ул. Ленина, 25

В соответствии с Постановлением Правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры», двухэтажный каменный дом, выходящий фасадами на угол улиц Ленина и Кирова (Ленина, 25), примыкающие к нему торговые лавки (Ленина, 27) и двухэтажный флигель (Кирова, 33), поставлены на государственную охрану с наименованием «Усадьба Борисовой», как памятник истории и культуры регионального значения.

Согласно архивным документам, владельцем усадьбы на 1874 г. был крестьянин, выходец из села Куйтун Тарбагатайской волости Верхнеудинского округа, приверженец старой православной веры (старообрядец) Семён Федорович Борисов. Предприимчивость, трудолюбие, природная смекалка и старообрядческая взаимовыручка позволили выходцу из крестьянского сословия стать купцом второй гильдии, перебраться в Верхнеудинск и отстроить усадьбу в центре города.

По сведениям Верхнеудинской городской управы за 1874 год, на земельном участке усадьбы Борисова находились: деревянный одноэтажный дом на углу с двумя флигелями, один из которых двухэтажный (низ каменный, верх деревянный), другой одноэтажный деревянный, с двумя каменными лавками с жилыми комнатами. Из надворных построек на земельном участке со сторонами в 30 саж. были: каменная кладовая и каменный погреб; деревянные — баня, три двухэтажных амбара, сеновал, завозня. Стоимость всего недвижимого имущества усадьбы Борисова была оценена в 4000 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 4).

Именно на главной улице города Большой, где располагались перечисленные постройки С.Ф. Борисова, были представлены усадьбы всех сословий, проживающих в Верхнеудинске. Социального обособления не наблюдалось. Усадьбы купцов, мещан, священнослужителей, крестьян, казаков, поселенцев соседствовали между собой. Сами строения давали представление о материальном достатке хозяев.

Усадьба Борисова уже тогда отличалась основательностью построек, недаром часть из них сохранилась до нашего времени. А хорошие торговые обороты позволили хозяину усадьбы задуматься о строительстве нового каменного дома с лавками вместо деревянного одноэтажного углового дома. Дальнейшая судьба первого дома Борисова заслуживает внимания и является ярким примером благотворительности.

В Государственном архиве Республики Бурятия сохранилось документальное подтверждение решения купца С.Ф. Борисова распорядиться своим старым деревянным домом в пользу приюта арестантских детей, созданного в Верхнеудинске на основании циркуляра управляющего Забайкальской областью и по общественному приговору Верхнеудинского городского общества от 28 октября 1873 г. Туда должны были помещаться дети, поступающие с родителями в верхнеудинский тюремный замок, чтобы оградить их «от влияния тюрем в самом нежном возрасте…»

Вначале помещение для приюта арестантских детей в Верхнеудинске нанимали недалеко от тюрьмы, в одном из деревянных домов, который не отвечал элементарным санитарным нормам. В июле 1874 г. правление Верхнеудинского для арестантских детей приюта направило письмо в Городовую ратушу об оказании содействия в отводе пустопорожней земли, находящейся в черте города, под постройку здания приюта «с потребными надворными службами» и в приобретении здания «вполне приспособленного для детского приюта».

Учитывая трагичное положение арестантских детей, разделявших тяжкую долю своих родителей, Верхнеудинское городское общество 22 декабря 1874 г. в своем общественном приговоре отметило, что «вполне сочувствуя человеколюбивым целям единственному во всем Забайкалье приюту для детей арестантов… уступает в вечное и потомственное владение приюта… землю» (ГАРБ ф. 128, оп. 1, д.1356, л. 54, 54 об). А 6 октября 1874 г. крестьянин Тарбагатайской волости Верхнеудинского округа торгующий по второй гильдии купец С.Ф. Борисов, «сочувствуя целям приюта», подарил правлению «для сноса на другое место принадлежавший ему деревянный дом, находящийся в Верхнеудинске по Большой улице на углу переулка, рядом с домом наследников умершего почетного гражданина Курбатова. Дом длины и ширины по

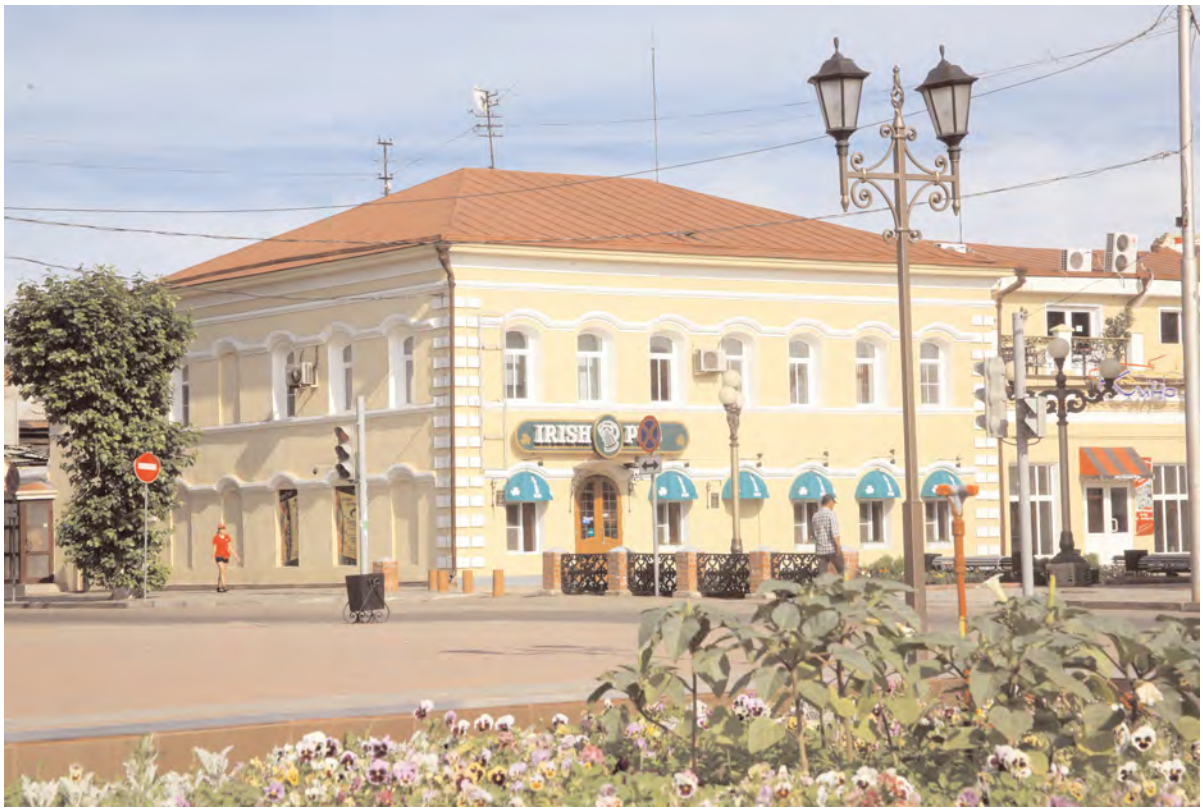
7 $^{1\backslash2}$ саж., окон по той и другой стороне по 7» (ГАРБ ф. 128, оп. 1, д. 1356, л. 44).

Бревенчатый, на высоком цоколе, внушительный по размерам и сложный по плану одноэтажный дом был передан в дар детскому приюту, разобран и перенесен на выделенный земельный участок, где долгое время служил пристанищем для несчастных детей. Сам С.Ф. Борисов благодаря своим столь щедрым пожертвованиям был включен в состав попечителей приюта, приглашался на все заседания его правления.

Дарованный арестантскому приюту дом с усадьбы Борисова сохранился по адресу ул. Ленина, 50. На главном фасаде, обращенном на бывшую Большую улицу, установлена мемориальная доска: «Дом купца С.Ф. Борисова, где с 28 октября 1870 года по решению Верхнеудинского городского общества размещался Забайкальский сиротский приют (состоит на государственной охране в соответствии с постановлением Правительства РБ № 242 от 09.07.1996 г.).

С 1876 г. все недвижимое имущество числилось на жене Семёна Фёдоровича Борисова, верхнеудинской второй гильдии купчихе Татьяне Борисовой. Согласно «Ведомости по сбору налогов», усадьба заметно отстроилась; вместо разобранного и вывезенного деревянного углового дома был поставлен каменный двухэтажный дом с торговыми магазинами (сейчас ул. Ленина, 25). Также здесь находился двухэтажный полукаменный флигель (ул. Кирова, 33), четыре теплые полукаменные лавки с кладовыми (ранее фойе кинотеатра «Эрдэм» и левая часть магазина «Товары для мужчин» по ул. Ленина, 27), а также надворные строения: каменные кладовая и погреб, деревянные баня, три двухэтажных амбара, сеновал и завозня. Стоимость недвижимого имущества увеличилась за два года втрое и составила 12 600 руб. (налог 252 руб.) (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 87, л. 12об.).

Именно с Большой улицы и главной площади города, Базарной, начала формироваться квартальная застройка Верхнеудинска. Кварталы застраивались по периметру с непрерывным фронтом декоративно оформленных фасадов. Главный дом на усадьбе Борисовой с его торговыми лавками, вытянувшимися по улице Большой, наглядный тому пример. М.В. Танский, вспоминая историческое прошлое Верхнеудинска, отмечал, что из имевшихся в



1882 г. в городе 668 домов каменных было всего 11. Один из них — угловой двухэтажный дом Борисовой на пересечении Базарной и Большой улиц.

Согласно «Ведомости о числе разного рода зданий Забайкальской области за 1876 год», в Верхнеудинске находилось 155 торговых лавок, из них 32 принадлежали акционерам, 60 — городскому обществу, остальные 63 — частным лицам. Частные лавки были в собственности у десяти хозяев: у купца Антонова 18 лавок, у купца Лосева 16 лавок, у крестьянина Семёна Борисова 6 торговых лавок, у мещанина Рубинштейна 6 лавок, у купца Новикова 5 лавок, купцам Жарову и Мордовскому принадлежало по 4 торговых лавки, у других горожан оказалось всего 4 лавки.

> «Торговля в городе в тот период была больше мелочная, — пишет М.В. Танский. — Особенно крупных фирм не существовало. Гвоздем городской торговли бывала, безусловно, ежегодная ярмарка с солидным для того времени оборотом (до миллиона, даже до полутора миллионов рублей). Ярмарка открывалась 18 января (по старому стилю) и продолжалась до февраля. На ярмарку приезжали купцы из Иркутска, из Томска, из Ирбита и Тюмени. Для торга служила, главным образом, Базарная площадь. Здесь расхватывались все пустующие лавки... Народу наезжало на ярмарку столько, что в каждом доме люди буквально сидели друг у друга на головах... Почти каждый двор превращался в постоялый...» (*М.В. Танский. Странички из прошлого Улан-Удэ. — Улан-Удэ, 1966, стр. 20).*

Пользовалась выгодным расположением усадьбы и купчиха Татьяна Борисова: сдавала востребованные помещения своих торговых лавок в дни ярмарок заезжим продавцам и по договорам аренды в течении всего года. Согласно «Книге учета торговых и промышленных заведений в г. Верхнеудинске за 1892 год», одна из лавок сдавалась ею китайскому подданному Ла-ян-ло под торговлю «китайскими и русскими товарами, чай, сахар». Два помещения были заняты под пивную и лавку, торговлю в которых обеспечивала «крестьянская жена Симбирской губернии Алатырского уезда Пореляковской волости» Наталья Липаева. По свидетельству мелочного торга и полученного патента, Липаева сама торговала пивом и медом. При этом пчел в крае не водилось, «мед завозили из Томска, обычно в высоких круглых бадьях, оттуда же доставлялась медовая коврижка, которая так и называлась «томской». В другом помещении арендуемой торговой лавки нарымская мещанка Малка Гершевич продавала галантерейные товары, фарфоровую посуду, чай, сахар. Дальше торговал мелочными товарами Павел Фурман (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 845, л. 5–8, 34, 35; *М.В. Танский. Странички прошлого Улан-Удэ. — Улан-Удэ, 1966, стр.22*)

Место для торговли было бойкое и в течении всего года — все-таки самый центр города. Сюда в воскресные дни съезжались крестьяне из окрестных деревень за покупками. Желающих торговать в помещениях усадьбы Борисовой всегда было много, но важно было не упустить наиболее выгодных арендаторов, не дать им уйти торговать в лавки конкурентов. Напротив (ул. Ленина, 23) в тот же период (1876–1877 гг.) быстро развивался и строился на своей усадьбе иркутский мещанин и временно селенгинский второй гильдии купец Лазарь Самсонович. Конкуренция заставляла увеличивать торговые обороты, бороться за привлекательность и востребованность торговых площадей. Поэтому часть вырученных средств от торговли и аренды обязательно вкладывалась в благоустройство и строительство новых построек на усадьбах.

В октябре 1877 г. хозяйка усадьбы «крестьянка Тарбагатайской волости и временно верхнеудинская второй гильдии купчиха» Татьяна Борисова обратилась с прошением в Верхнеудинскую городскую управу о разрешении постройки двухэтажного каменного флигеля по улице Базарной, взамен сгоревшего полукаменного. Рассмотрев представленный «План на ремонтное исправление сгоревшего жилого флигеля и на возведение над ним 2-го этажа», выполненный инженером-архитектором Е.Э. Гвяздовским, городские власти разрешили «произвести ремонт каменного флигеля с выкладкою каменного же второго этажа» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 153, л. 103, 103об, 10а, 104об).

Большой пожар, произошедший 10 июня 1878 г. в Верхнеудинске, внес свои коррективы в хозяйственную деятельность на усадьбе Борисовой. Занявшись напротив (*ул. Ленина, 23*), на сеновале соседней усадьбы Лазаря Самсоновича, огонь уничтожил более трех четвертей всех городских построек. Оказавшись в непосредственной близости от очага возгорания, обитатели усадьбы Борисовой вряд ли могли противостоять огненной стихии.

Сам пожар и его последствия описал старожил Верхнеудинска, врач городской больницы М.В. Танский в своей книге «Странички прошлого Улан-Удэ»:

> «Летом 1878 года Верхнеудинск почти наполовину выгорел. Пожар начался в жаркий день, с сеновала в усадьбе Самсоновича (угол Большой и Базарной улиц) при безветренной погоде,

но, когда пламя достигло наивысшего напряжения, поднялась внезапно буря, и огонь перекинулся на соседние постройки. Через полчаса пламя пошло грозным широким фронтом от Базарной улицы до Набережной. Люди оказались бессильными перед разъяренной огненной стихией и прекратили бесполезную борьбу. Всю ночь бушевал пожар, к утру ветер затих, пламя стало ослабевать.

На пожарище торчали дымовые трубы, а каменные дома с закопченными, местами рухнувшими стенами страшно зияли пустыми черными окнами. Дым и смрад висел над пепелищем. Пожар уничтожил все постройки от Базарной улицы до Уды и от Собора до Спасской церкви. Уничтожены были кварталы между Большой улицей и Лосевской. Не сгорел только дом купца Фролова (с колоннами) и прилегающие к нему каменные лавки.

Большим счастьем для жителей оказалось то, что пожар случился не зимою, а в теплое время, что позволило погорельцам легче найти убежище. Сразу же началась застройка города и восстановление каменных домов.

Года в три-четыре, город несколько уже залечил свои ожоги».

(Танский М.В. «Странички прошлого Улан-Удэ». — Улан-Удэ, 1966, стр. 12).

Ясно, что Борисовым после такого пожара потребовались большие восстановительные работы на усадьбе, которые и начались с главного дома с торговыми лавками. Нужно было в первую очередь восстановить торговлю, поправить бизнес. Для этого и требовалось, как можно быстрее отремонтировать помещения, приносящие ощутимый доход, а затем уже вспомогательные постройки.

Восстанавливать сгоревшее пришлось с учетом циркуляра Министерства внутренних дел за подписью управляющего, статс-секретаря Л. Малкова в адрес военного губернатора Забайкальской области, вышедшего уже 2 августа 1878 года. В нем был изложен перечень обязательных мер предосторожности. Вот некоторые из пунктов, касающихся застройки главной улицы:

«Лицевые домы по главным улицам крыть железом, а надворные строения по сим улицам и домы в прочих местностях города, смотря по состоянию домовладельцев, железом, тесом или соломою, обмоченною в густо растворимую глину»... «Возведение всякого рода деревянных построек на дворовых участках, имеющих по улице менее 10 саж., безусловно воспрещается»...

Выдача разрешений на перестройку и наблюдение за правильным использованием построек, согласно городовому положению 16 июня 1870 г., было предоставлено городским управам (исполнительный орган городской думы). При застройке участков необходимо было писать в городскую управу заявление с приложением плана застройки усадьбы в двух экземплярах, где испрашивалось разрешение на постройку вновь предполагаемых строений с учетом существующих. План рассматривался в городской управе и принималось решение. Строительство разрешалось при условии соблюдения плана застройки, строительного устава и установленных законом обязательных постановлений и правил.

Только через 6 лет после пожара, уже отремонтировав главный дом и покрыв железом его крышу, а также запустив арендаторов в торговые лавки, в 1884 г. Семён Федорович Борисов (муж Т. Борисовой) направил прошение в Городскую управу, касающееся ремонта флигеля и строительства новой бани: «Желаю ремонтировать флигель и надстроить на оном второй деревянный этаж, на месте земли, принадлежащем моей жены, находящийся в городе Верхнеудинске, а также построить новую баню, а потому представляю при сем план». План «На ремонтное исправление существующего жилого флигеля и на возведение над ним второго этажа», разработанный мещанином И. Скатовым, предполагал строительство второго этажа флигеля по Базарной улице уже в деревянном исполнении.

9 июня 1884 г. в Присутствии Верхнеудинской городской управы определено: «Разрешить крестьянину Семёну Фёдоровичу Борисову, произвести на месте принадлежащем жене его Татьяне Борисовой, постройку деревянной бани, означенной под литером «Б» и надстроить над существующим обгоревшим каменным флигелем деревянный этаж с тем, чтобы при постройках были в точности соблюдены 361 ст. Устава Строительного...» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 446, л.12, 12об, 13).

Строительство согласованного деревянного второго этажа флигеля осуществили. Крыша в соответствии с требованиями циркуляра МВД была крыта железом. В таком виде (первый этаж каменный, второй деревянный) здание флигеля по улице Базарной сохранилось до наших дней (ул. Кирова, 33).

Дальнейшие преобразования на усадьбе производились уже наследниками, сыновьями Семёна и Татьяны Борисовых — Анкудином Семёновичем и Петром Семёновичем Борисовыми. Об этом свидетельствует заявление в городскую управу от 24 октября 1896 г., подписанное от имени «крестьянина Верхнеудинского округа Куйтунской волости и се-

ления Анкудина Семёнова Борисова»: «Содержаемую нами, наследниками крестьянки Татьяны Борисовой, в г. Верхнеудинске каменную лавку, находящуюся в смежности с лавкою Бутиных, я желаю устроить на теплую, т.е. прорубить дверь в улицу и два окна, внутри лавки тоже сделать два окна и поставить кирпичную печь. Заявляя о сем городской управе покорнейше прошу разрешить мне просимое устройство в лавке».

Резолюция городского головы Овсянкина, наложенная на заявление, гласила: «Переустройство лавки разрешается» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1134, л. 20).

В.К. Гурьянов в своей книге «По Большой, Большой Николаевской» пишет, что Анкудин Семёнович Борисов вместе со своим братом Петром Семёновичем, став наследниками матери купчихи Татьяны Борисовой, владели большой усадьбой в Верхнеудинске вплоть до национализации имущества советскими органами власти (*Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр. 78).*

С.П. Петров, в своей книге «Старообрядцы города Верхнеудинска» дает краткие сведения об одном из сыновей Борисовых:

> «Анкудин Борисов состоял в переписке с архиепископом Московским Савватием, весной 1883 г. получил от него несколько старообрядческих книг. Оказывал помощь первому старообрядческому священноиерею в Забайкалье Павлу Шитину из с. Куйтун... В конце сентября 1895 г. Анкудин Борисов был рукоположен в священника для Забайкальских старообрядцев в с. Куйтун епископом Томским и Сибирским Мефодием Древлеправославной церкви Христовой. С 1895 по 1906 г. священноиерей Анкудин Борисов был настоятелем Куйтунской старообрядческой церкви и окормлял христиан Древлеправославной церкви Христовой в г. Верхнеудинске и с. Тарбагатай. В 1906 г. по болезни он вынужден был оставить церковную службу».

В начале века часть торговых помещений Борисовых, как и раньше, сдавались хозяевами в аренду. Здесь располагался фруктовый магазин З. Саадеева, всевозможные японские товары можно было приобрести в магазине «Япония». В 1909 г. здесь был открыт электротеатр-иллюзион, ставший предшественником кинотеатра «Эрдэм».

Новый звуковой кинотеатр «Эрдэм» открылся в октябре 1935 г. Этому событию посвящена небольшая статья в «Бурят-Монгольской правде», из которой следует, что там была «установлена звуковая аппаратура системы профессора Шорина». Электрооборудование театра было включено в городскую сеть. Для оборудования фойе получены из Москвы пальмы на 4 тыс. руб. Зрительный зал был рассчитан на 630 мест, кроме лож. При театре — курительная комната, буфет с горячими и холодными закусками, фруктовыми и минеральными водами, в фойе играл джаз-оркестр (*И. Озеров «Детский кинотеатр «Эрдэм» полвека назад и сегодня» // «Правда Бурятии» 25 октября 1990 г.).*

Кинотеатр работал до 1984 г., затем ввиду аварийного состояния часть помещений закрыли, и здание целое десятилетие простояло с заколоченными окнами.

В 1994 г. на основании экспертного заключения специалистов-архитекторов было принято решение о постановке бывшего дома Борисовой на государственную охрану как памятника градостроительства — объекта, имеющего значение в формировании центральной улицы города, отражающего особенности архитектуры, художественного оформления каменных зданий провинциальных городов середины XIX в.

«**Экспертное заключение**

Архитектурного совета при НПБ охраны памятников на здание по ул. Ленина 25 (к/т «Эрдэм»).

г. Улан-Удэ
14 марта 1994 г.

Здание расположено на углу ул. Ленина и Кирова, в центральной части исторического центра Улан-Удэ, является важным градоформирующим элементом ансамбля Гостинодворской площади и застройки ул. Ленина. По материалам Центрального государственного архива Республики Бурятия, здание построено во 2-й пол. XIX в. и принадлежало крестьянке Борисовой.

Объемно-пространственное решение здания, отличающееся лаконичностью форм и масштабностью окружающей застройки, характерно для каменных зданий Верхнеудинска и представляет значительную историко-архитектурную ценность. Большой интерес представляет декоративное оформление фасадов, выполненное в духе эклектики с использованием элементов различных архитектурных стилей. Выразительные пропорции уличных фасадов наряду с пластичным декоративным оформлением выделяют здание из ряда исторической застройки центральной улицы города.

Учитывая все вышесказанное — важную градоформирующую роль и значительную историко-архитектурную ценность здания, Архитектурный совет подтвердил, что данное здание является памятником архитектуры и подлежит охране государством как объект историко-культурного наследия.
Одновременно Архитектурный совет предлагает НПБ охраны памятников организовать работы по составлению первичной учетной документации (паспорт, учетная карточка) на данное здание для постановки на государственную охрану.

Дёмин Э.В., руководитель лаборатории сейсмостойкости ВСТИ,
кандидат технических наук
Санжицеренова Р.К., главный инженер проектов НРПКБ
«Бурятпроектреставрация» Министерства культуры Республики Бурятия
Михайлов Б.Б., архитектор ЦАГИ Управления архитектуры и градостроительства г. Улан-Удэ
Гурьянов В.К., архитектор-реставратор МП «Алтарь»
Мордвина Л.В., ведущий специалист

НПБ охраны памятников
Михалева Е.П., ведущий специалист НПБ охраны памятников».

(Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»)

Руководствуясь рекомендациями Архитектурного совета, архитекторы В.К. Гурьянов и Г. Аносов составили паспорт на главный дом усадьбы Т. Борисовой. Проведенное ими обследование объекта показало, что на 1994 год все строения усадьбы, включая калитную часть каменных въездных ворот, соединяющих главный дом и флигель усадьбы, сохранились. В главном доме на тот момент были разобраны печи, утрачены водосточные трубы и оконные ставни.

Учитывая историческую ценность здания по ул. Ленина, 25, несущего ответственную роль в формировании ансамбля главной площади Верхнеудинска, а также всей усадьбы как характерного представителя исторической застройки 2-й пол. XIX в., постановлением правительства Республики Бурятия № 242 от 09 июля 1996 г. «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры» двухэтажный каменный дом, выходящий фасадами на угол главной улицы города Большой и Базарной (ул. Ленина, 25), примыкающие к нему торговые лавки по ул. Большой и двухэтажный флигель по улице Базарной (ул. Кирова, 33) были поставлены на государственную охрану с наименованием «Усадьба Борисовой».

Сразу же было принято решение об изъятии здания из городской дирекции киносети и передаче его в ведение Киновидеообъединения Бурятской ССР с целью дальнейшего приспособления здания под детский культурный центр.

Техническое состояние здания на период начала 1990-х гг. зафиксировано специалистами охраны памятников, как крайне неудовлетворительное. Капитальный ремонт в течении 100 лет не проводился, здание дополнилось пристройками в дворовой части, фасады подверглись многочисленным переделкам. Начавшийся было текущий ремонт кинотеатра был остановлен Научно-производственным бюро охраны памятников Бурятской АССР. Причина — зданию требовался не косметический (покраска-побелка), а капитальный ремонт, без которого дальнейшая эксплуатация его могла бы привести к трагедии. Специалисты, дававшие оценку техническому состоянию здания, даже побоялись пройти по чердаку, который запросто мог под ними рухнуть.

В многочисленных актах осмотра памятника отмечалось:

«Требуется восстановление первоначального облика фасадов... Требуется замена подвесных балок и прогонов, кровле необходим ремонт... Карнизы не сохранились... Полы, потолки в аварийном состоянии... Двери, окна, подоконники в неудовлетворительном состоянии... Центральное отопление и электрическое освещение находятся в аварийном состоянии и требуют замены... Территория находится в антисанитарном состоянии, необходимо полное благоустройство с ликвидацией надворных туалетов и помоек»... Постановлением ГорСЭС № 64 от 30 мая 1990 г. эксплуатация здания была запрещена. Жилой дом с приемным пунктом химчистки (ул. Кирова, 33) также находился в аварийном состоянии *(Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»)*.

В целях сохранения памятника уполномоченным органом охраны памятников (Н.А. Петунова) намечался первоочередной план работ: «Выполнение ремонтно-реставрационных работ на основном здании с расчисткой его от поздних пристроев, с усилением несущих конструкций, проведением ме-

роприятий по сейсмоустойчивости». Предполагалось возможность строительства пристроя со стороны дворовой части здания.

Разработка проектной документации была поручена НРПКБ «Бурятпроектреставрация» (Ц.Д. Цыренжапова). Главным архитектором проекта назначается Л.Р. Банзаракцаева.

В результате предпроектного инженерного обследования конструкций памятника было установлено состояние несущих конструкций:

«Фундаменты бутовые. Видимых деформаций просадок, разрушений не обнаружено;
стены кирпичные в удовлетворительном состоянии, на уровне кровли, земли и тротуара пропитались влагой, отсырели, кирпич расслаивается, разрушается;
деревянные конструкции перекрытий над кинотеатром и магазином, кровля, находятся в аварийном состоянии и требуют незамедлительного ремонта, междуэтажное перекрытие и перекрытие над вторым этажом требуют замены;
полы первого этажа требуют полной замены».

На основании полученных результатов, проектировщики дали заключение о необходимости полной реконструкции здания с мероприятиями по усилению несущих конструкций и организации инженерного обеспечения. Также в результативной части заключения отмечалась необходимость реставрации магазина «Товары для мужчин», так как «он является единым зданием с кинотеатром «Эрдэм». Для обеспечения комплексности реконструкции квартала предлагалось в объем запланированных работ включить реставрацию и инженерное обеспечение жилого дома с приемным пунктом химчистки (*ул. Кирова, 33).*

Начальная смета ремонта здания составила 1,5 млрд. руб. в ценах 1994 г. Таких денег у города не было. И когда компания ЗАО «Импекс-Центр» (И.И. Зураев) предложила городским властям свое участие в реконструкции кинотеатра с условием дальнейшей его эксплуатации, предложение было принято как взаимовыгодное: город получал отремонтированный памятник архитектуры республиканского значения, горожане — новое место проведения досуга, а «Импэкс-Центр» возможность развивать новое направление деятельности –— кинопрокат.

Ремонтно-реставрационные работы, начатые на объекте в 1996 г., коснулись только главного дома, в котором планировалось открытие Детского культурного центра. Привлечь к производству реставрационных работ жильцов и арендаторов флигеля не удалось.

В соответствии с достигнутыми договоренностями все дальнейшие работы по сохранению памятника проводились его новым пользователем ЗАО «Импэкс-Центр». Но даже небольшой объем ремонтно-реставрационных работ стал основной проблемой. Оказалось, что у города нет свободных мощностей для подключения нового потребителя электрической энергии. Так что параллельно с ремонтом пришлось вести строительство электрической подстанции. Ее возведение обошлось в 120 тыс. долларов.

Одновременно с производством работ по реконструкции здания шла корректировка проектных решений. Проектной организацией «Проект Байкал» (Б.Б. Михайлов) был разработан и в 2000-е гг. реализован пользователем проект «Приспособление объекта культурного наследия по адресу г. Улан-Удэ ул. Ленина, 25 под торгово-офисные помещения».

17 февраля 2003 г. правительство Республики Бурятия выпустило распоряжение за №127-р «О передаче в аренду ЗАО «Импекс-Центр» помещений в здании кинотеатра «Эрдэм»:

«В связи с прекращением права хозяйственного ведения государственного унитарного предприятия «Буряткиновидеопрокат» и передачей здания кинотеатра «Эрдэм», расположенного по адресу: г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 25, на баланс Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Бурятия (далее НПЦ), а также учитывая, что в соответствии с распоряжением правительства Республики Бурятия от 23.01.98 № 46-р ЗАО «Импэкс-Центр» произведена реконструкция, ремонт и реставрация здания за счет собственных средств... заключить дополнительное соглашение к действующему договору аренды от 20.04.98 № 24 о передаче в аренду ЗАО «Импэкс-Центр» помещений в здании кинотеатра «Эрдэм» на срок до 1 июля 2028 г.

Научно-производственному центру по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Бурятия (Н.А. Петунова) обеспечить строгий контроль за сохранностью здания кинотеатра «Эрдэм» как памятника истории и культуры в соответствии с действующим законодательством».

После выполнения работ по реконструкции главного дома и благоустройстве в целом усадьбы

Борисовой полностью отремонтированный, переоборудованный кинотеатр вновь распахнул свои двери 29 апреля 2003 г. уже в новом формате. Его зрительный зал, рассчитанный на 185 чел. (из них 16 двухместных мест), использовался для проведения многочисленных кинофестивалей, презентации новинок, закрытых показов.

Кинотеатр был оснащен полным набором современного оборудования: новейшая кинопроекционная аппаратура (затраты составили 4 млн руб.), бесшумная система вентиляции и кондиционирования, звукопоглощающее покрытие и т.д.

В 2008 г. специалистами органа охраны памятников (А.А. Урбанов, Л.В. Мордвина) подготавливаются новые паспорта на два объекта усадьбы, содержащие современное описание памятников:

«Флигель усадьбы Борисовых
г. *Улан-Удэ, ул. Кирова, 33)*
Деревянный одноэтажный на высоком каменном цоколе дом, расположен в среде исторической застройки кон. XIX — нач. XX в., на северной стороне ул. Кирова (бывшая Базарная) между ул. Ленина (бывшая Большая Николаевская) и Смолина (бывшая Большая Набережная), и южным фасадом фиксирует историческую красную линию застройки.

Флигель прямоугольный в плане под вальмовой кровлей вытянут вглубь усадьбы. Со стороны восточного фасада современный кирпичный пристрой сеней под односкатной кровлей. Со стороны северного фасада сени деревянные.

По всему периметру дома устроен дощатый подшивной карниз с профилированным поясом небольшого выноса и фриз из гладкой накладной доски. Оконные проемы прямоугольные, по периметру над окнами цокольного этажа проходит профилированный поясок. На окнах цокольного этажа двустворчатые, дощатые ставни.

Флигель усадьбы Т. Борисовой *(ул. Кирова, 33)*

Здание является одним из примеров жилой исторической застройки с хорошо сохранившимися объемно-планировочными решениями и декоративными элементами фасадов» *(Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»)*.

«Усадьба Борисовой. Главный дом.
Главный дом усадьбы Борисовой с торговыми лавками расположены на углу ул. Ленина (бывшая Большая) и Кирова (бывшая Базарная) по историческим красным линиям застройки и играет важную градоформирующую роль в ансамбле площади Революции (бывшей Базарной).
Двухэтажный близкий к квадрату в плане основной объем главного дома покрыт вальмовой кровлей Торговые лавки одноэтажные, с поздним мансардным этажом, надстроенным над западной частью лавок. По линии южного фасада к главному дому усадьбы пристроен небольшой двухэтажный объем лестничной клетки. Со стороны западного дворового фасада к главному дому и торговым лавкам пристроен массивный двухэтажный объем с мансардным этажом. Фасады главного дома и торговых лавок оштукатурены по всему периметру от цоколя до фриза.
По периметру основного объема главного дома проходит профилированный карниз большого выноса и профилированный пояс, отделяющий фризовую часть от плоскости стены. Углы дома акцентированы угловым каменным бордюром на всю высоту дома. Оконные проемы лучковые, над окнами первого и второго этажей по всему периметру проходит профилированный пояс, над оконными проемами дугообразный. Над окнами второго этажа проходит профилированный межэтажный пояс.
По восточному фасаду торговых лавок проходит профилированный карниз небольшого выноса с рядом сухариков и фриз, отделенный от плоскости фасада широким, гладким со ступенькой поясом. Поле фриза декорировано двумя прямоугольными нишами. Венчает фасад парапет, центральная часть глухая с высокой центральной стенкой с дугообразным завершением, между четырехгранными столбиками металлическое кованое ограждение. Оконные проемы широкие, высокие прямоугольные.

С западной стороны каменная калитка въездных ворот по линии южного фасада. Калитка под общим с ограждением, двускатным завершением с трехскатным коньком. Плоскость калитки углублена по отношению к ограждению. Проем калитки арочный полуциркульный, в оси проема над коньком декоративный элемент, имитирующий замковый камень. Карниз профилированный. Над калиткой высокая стенка арочной полуциркульной формы. По обеим сторонам проема декоративные парные полуколонны: над упрощенной вытянутой капителью, отделенной поясом в квадратном сечении, прямоугольный объем, имитирующий архитрав, завершающийся карнизом. Ствол полуколонны гладкий, декорирован двумя валиками в верхней и нижней частях. База трапециевидная. Обе колонны на общем пьедестале (проект «Реконструкция кинотеатра «Эрдэм», шифр 24-91-04, л. 6).

Здание выполняет важную градостроительную роль в формировании улицы Ленина и ансамбля площади Революции с хорошо сохранившимися объемно-планировочными решениями и декоративными элементами фасадов» *(Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»)*.

В 2011 г. арендатор помещений ЗАО «Импекс-Центр», имея преимущественное право на его приобретение, приватизировал здание кинотеатра. Цена приватизированного имущества составила 23,3 млн руб.

С 1 апреля 2013 г. кинотеатр «Эрдэм» прекратил свою кинопрокатную деятельность. Старейший кинотеатр города столкнулся с общероссийской тенденцией, когда формат однозальных кинотеатров на фоне мультплексов при торгово-развлекательных центрах становится экономически невыгодным. Была проведена очередная реконструкция помещений и приспособление их под торговую деятельность.

В настоящее время главный дом усадьбы Борисовых с торговыми лавками (ул. Ленина, 25) отремонтирован, находится в частной собственности и используется под офисные помещения организациями общепита и торговли.

Двухэтажный флигель (*ул. Кирова, 33*) также находится в частной собственности и не используется. Требуются: разработка проектно-сметной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия и производство реставрационных работ.

Часть торговых лавок Борисовой, относящаяся в настоящее время к помещениям магазина «Товары для мужчин» (ул. Ленина, 27) используется под торговлю.

Елена Михалёва

Торговые лавки усадтбы Т. Борисовой. Далее — дом с портиком Курбатова –Кобылкина *(ул. Ленина, 27)*

Дом купцов Голдобиных на Большой Николаевской улице. *Фото начю XX в.*

ул. Ленина, 26

Дом Голдобиной

Здание, расположенное в Улан-Удэ по улице Ленина, 26 (бывшая Большая Николаевская), является образцом деревянной жилой архитектуры Верхнеудинска кон. XIX в. Состоит на государственной охране, как «Главный дом усадьбы Голдобина», в соответствии с постановлением Правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры».

Изначально, на период 1874 г., собственником земельного участка с деревянными постройками на главной улице Верхнеудинска был статский советник Хаминов. Кроме жилого дома с мезонином и флигеля, в котором размещалось питейное заведение, во дворе были и другие постройки: водочный завод и оптовый винный склад, обложенный камнем, кухня, баня, два амбара, две завозни и сеновал. Сильный пожар, произошедший 10 июня 1878 г. в Верхнеудинске и уничтоживший более $^{3}/_{4}$ всей городской застройки, в том числе, вероятно, задел и деревянные строения усадьбы Хаминова, находившиеся совсем недалеко от центра пожара (усадьба Лазаря Самсоновича, ул. Ленина, 23).

«Пожар начался в жаркий день, с сеновала в усадьбе Самсоновича (угол Большой и Базарной улиц) при безветренной погоде, но, когда пламя достигло наивысшего напряжения, поднялась внезапно буря, и огонь перекинулся на соседние постройки. Через полчаса пламя пошло грозным широким фронтом от Базарной улицы до Набережной. Люди оказались бессильными перед разъяренной огненной стихией и прекратили бесполезную борьбу. Всю ночь бушевал пожар, к утру ветер затих, пламя стало ослабевать.

На пожарище торчали дымовые трубы, а каменные дома с закопченными, местами рухнувшими стенами страшно зияли пустыми черными окнами. Дым и смрад висел над пепелищем.

Пожар уничтожил все постройки от Базарной улицы до Уды и от собора до Спасской церкви. Уничтожены были кварталы между Большой улицей и Лосевской. Не сгорел только дом купца Фролова (с колоннами) и прилегающие к нему каменные лавки.

Большим счастьем для жителей было то, что пожар случился не зимою, а в теплое время, что позволило погорельцам легче найти убежище. Сразу же началась застройка города и восстановление каменных домов» (*Танский М.В. Странички прошлого Улан-Удэ. — Улан-Удэ, 1966*).

Вероятно, статский советник Хаминов отказался от восстановления строений усадьбы и предпочел продать свой земельный участок по улице Большой.

В 1879 г. усадьба перешла к новому владельцу — иркутскому купцу первой гильдии Ивану Флегонтовичу Голдобину. Вскоре новый хозяин начал реконструкцию построек и обустройство дворовой территории усадьбы размером 29 х 35 саж. (около 1015 кв. саж.), выходившей своей меньшей стороной на красную линию главной улицы Верхнеудинска. Находящиеся здесь дом с мезонином и флигель определяли фронт застройки усадьбы. Надворные постройки располагались вдоль задней и боковых сторон усадьбы.

12 июня 1879 г. в верхнеудинскую Городскую управу поступило заявление от купца второй гильдии Петра Васильевича Гирченко — доверенного И.Ф. Голдобина, с просьбой согласовать постройку деревянных строений: водочного завода и кухни на территории приобретенного им участка по чертежам отставного коллежского регистратора Николая Паува (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 234, л. 50, 50об, 51).

3 августа 1880 г. другой доверенный иркутского первой гильдии купца И.Ф. Голдобина дворянин Константин Антонович Hynneay представил городским властям новый чертеж Николая Паува на строительство пристроя (для жилого помещения) к существующему дому с мезонином и двухэтажного деревянного амбара в глубине усадьбы (ГАРБ ф.10 оп. 1, д. 274, л. 27, 27об, 28).

Иван Флегонтович и Елизавета Ивановна Голдлобины. 1880-е гг.

Оба прошения на новое строительство были незамедлительно согласованы Городской управой.

Вероятно, главный дом усадьбы, первоначально приспособленный под жилые помещения хозяев, не отвечал их требованиям. И в апреле 1888 г. очередной доверенный купца И.Ф. Голдобина верхнеудинский второй гильдии купец Василий Павлович Симовских подал заявление о намерении строительства на усадьбе нового деревянного одноэтажного с антресолями жилого дома и каменных построек: флигеля и водочного завода с подвалом. Разрешение управа выдала с условием: «до начала постройки должны быть сломаны существующие дома, флигель, кухня, водочный завод и завозня, а предложенные к постройке флигель и водочный завод отделены от места Меньшикова каменным брандмауэром» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 604, л. 6, 6об).

Требования управы, указания пунктов Строительного устава, положения обязательных постановлений Городской думы, все это неукоснительно исполнялось заявителем при производстве работ. Поэтому очередные планы строительства на усадьбе не встречали нареканий от городских властей. Запрашиваемые согласования выдавались производителю работ без проволочек. По согласованному проекту быстро отстраивается главный одноэтажный с антресолями дом усадьбы (Ленина, 26), каменный флигель (ныне магазин, состоит на государственной охране как «торговые лавки»), новое здание водочного завода с подвалом (не сохранилось).

В мае 1890 г. В.П. Симовских продолжил строительные работы по благоустройству усадьбы И.Ф. Голдобина: были выполнены реконструкция существующей деревянной бани и пристройка к кухне. На чертеже, выполненном И. Измайловым, виден план окончательных перестроек строений усадьбы верхнеудинского первой гильдии купца Ивана Флегонтовича Голдобина, сформировавшийся к концу XIX в. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 734, л. 6, 6об, 7, 7об).

Хозяин усадьбы Иван Флегонтович Голдобин (1830?–1892) — верхнеудинский, киренский и иркутский купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин — в кон. XIX в. был одним из богатых купцов не

только Верхнеудинска, но и всего Забайкальского края. Родом он был из Приуралья, проживал первоначально в Иркутске, имел там дома по ул. Арсенальской, на Хлебном базаре. Развивал винокуренное производство, завел свой завод в с. Манзурка.

В 1870-х гг.Иван Флегонтович с женой Елизаветой Ивановной и сыном от первого брака Николаем переселился на жительство в Верхнеудинск. Елизавета Ивановна всегда была ему прекрасной помощницей. Она вникала в дела мужа, помогала во всех начинаниях, пользовалась заслуженным уважением — всегда хорошо и со вкусом одетая, умела просто и свободно, но с тактом и достоинством держаться в обществе.

Устроившись на новом месте жительства, купец сразу же обратил свое внимание на Николаевский винокуренный завод, основанный еще в 1827 г., обзавелся ликероводочным заводом в городе. Впоследствии стал владельцем стекольного завода и мельницы крупчатки в Тарбагатае, на Гусином озере — солеваренным. Голдобины уверенно развивали производство и пользовались монопольной винной торговлей в Верхнеудинском уезде. Попытались развернуть виноторговлю в Нерчинском округе, но не выдержали конкуренции.

Дома Голдобины не сидели. Ездили часто по заводам, изредка по делам в Иркутск, более далеких путешествий не предпринимали, только в 1889 г., единственный раз, проделали великий путь и побывали на Всемирной выставке в Париже.

Иван Флегонтович был незаурядной личностью, природа одарила его сильным характером и умом. Купец имел видную дородную фигуру, в молодые годы по актерски брился, затем стал носить пышную бороду. Одевался не по купечески, а по европейски. Всегда славился своей отзывчивостью и благотворительностью. Как добропорядочный христианин, он заботился о благоустройстве храмов, жертвовал деньги на их строительство. Сознавая безусловную пользу грамотности, он создавал школы во многих селениях и поддерживал существующие. Жертвовал деньги на больницы. Заботился о призрении сирот. На собственные средства Голдобины построили и содержали приют в Верхнеудинске для престарелых людей и беспризорных детей. В кон. 1870-х гг., когда случился неурожай в Нерчинском крае, Голдобин закупил и пожертвовал голодающим несколько тысяч пудов хлеба. Он оказался пионером развития местной промышленности, непосредственно с его помощью происходило оживление экономики края. Многие простые люди находили свой заработок на голдобинских предприятиях.

Вот краткие сведения из его послужного списка.

Служил гласным Городской думы (1873–1879), почетный старшина Александринского детского приюта Иркутска (1870–1887). С 1868 г. ежегодно передавал 300 руб. в Верхоленский миссионерский стан, с 1874 по 1877 г. — на потребности духовной миссии; с 1880 г. — на содержание Якутской женской гимназии. Ежегодно вносил средства в фонд Нерчинского публичного музея. В 1880 г. пожертвовал Императорскому Русскому географическому обществу 1 тыс. руб. Внес крупные суммы в пользу потерпевших от пожара в Верхнеудинске в 1878 г. и в Иркутске в 1879 г. В 1881 г. — почетный блюститель Иркутского духовного института. Был награжден золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте в 1882 г. и золотыми часами в 1887 году.

За крупные пожертвования на благотворительные дела 4 мая 1889 г. из Правительствующего Сената Ивану Флегонтовичу Голдобину и его жене Елизавете Ивановне была выдана грамота на потомственное почетное гражданство.

Дом Голдобиных славился своим радушием и хлебосольством. Большой честью для Ивана Флегонтовича Голдобина считался прием в своем доме, где он жил с семьей, наследника императорского престола России цесаревича Николая Александровича. Известие о планируемом прибытии цесаревича всколыхнуло всю Сибирь. Администрации городов заранее разрабатывали программы его пребывания. Заблаговременно начались работы по благоустройству городов, ремонту дорог. Верхнеудинцы для въезда высокого гостя в город соорудили новую дорогу. Бывший почтовый тракт на выезде в Читу огибал кладбище. Чтобы при въезде в город печальное место вечного упокоения верхнеудинцев не навело высочайшую особу на грустные размышления, была проложена широкая просека через лес, и новая дорога вышла к самому городу, к спуску с горы на Большую улицу в обход кладбища. По пути следования соорудили водосточные канавы, выровняли Большую улицу, потратив на эти приготовления 4915 руб. из запасного городского капитала.

Решение, в каком доме будет останавливаться цесаревич, принимала Верхнеудинская городская управа. Выбирали дом и внешне, и чистый внутренне, и чтобы место было удачное. Все сошлось на доме купца Голдобина. Хозяин — культурнейший человек своего времени, иркутский купец. Достойных конкурентов не оказалось. И Иван Флегонтович не подвел. Готовясь к приему у себя дома Его Императорского Высочества государя-наследника,

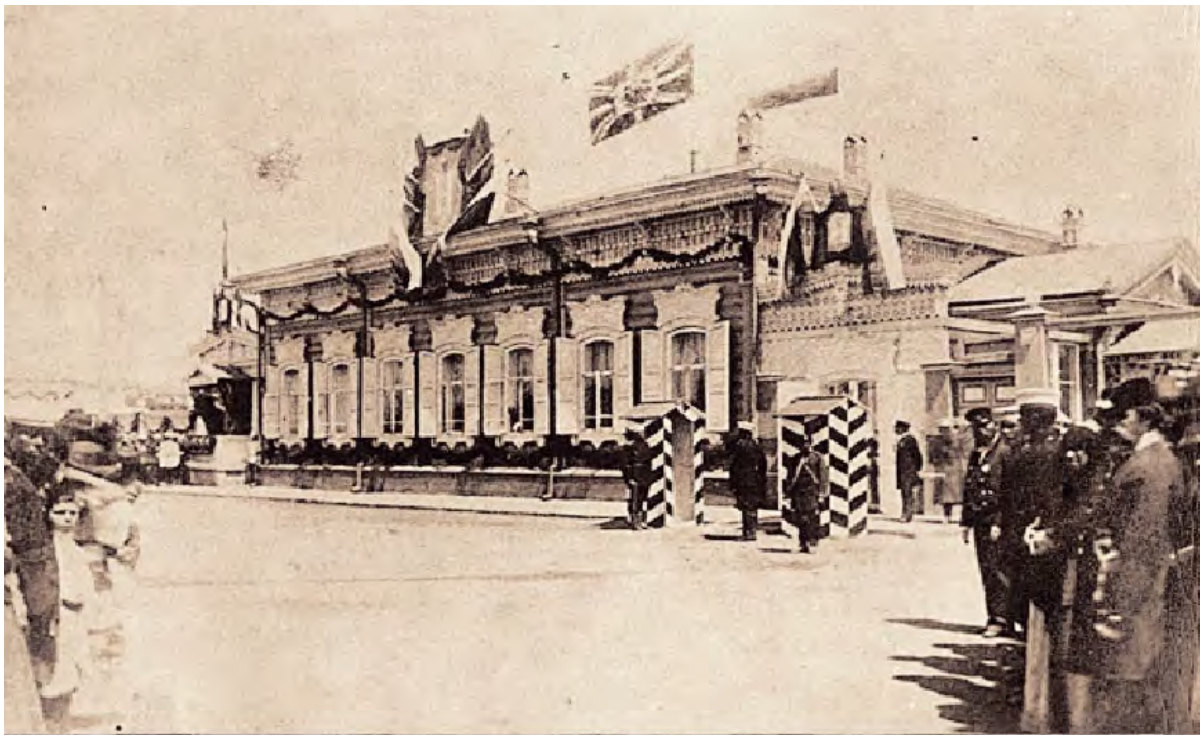
хозяин на свои средства построил электростанцию для освещения апартаментов.

И вот 20 июня 1891 г. по возвращении из своего путешествия по странам Азии, в город ожидаемо прибыл наследник-цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. По этому случаю в Верхнеудинск съехалось много народу, появилась возможность не только «лицезреть обожаемого монарха», но и показать свои верноподданнические чувства, рассказать о своих нуждах и заботах. Встреча носила помпезный торжественный характер.

Из книги Эспера Эсперовича Ухтомского:

«...Когда коляска Его Императорского Высочества прибыла затем к дому почетного гражданина И.Ф. Голдобина, приготовленного для помещения наследника-цесаревича, вдоль улицы выстроился почетный караул, от 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона (в составе роты со знаменем и хором батальонной музыки); левее почетного караула стали атаман 1-го Вотдела, командир батареи и две сотни казаков и казачат 1-го военного отдела, причем все казачата были одеты в татарки. Еще левее, по другую сторону улицы, расположились представители всех волостей Верхнеудинского округа: Куйтунской, Куналейской, Тарбагатайской, Окино-Ключевской, Бичурской, Никольской, Петровской, Малетинской, Малокуналейской, Тамирской, Нижненарымской, Урлукской, Еланской, Ключевской, Брянской, Красноярской, Коротковской, Байхоровской, Мухор-Шибирской и Укыр-Шенуйского отдельного общества.

Приняв почетный караул, Его Императорское Высочество изволил проследовать вдоль его фронта, а затем вдоль фронта казаков и казачат и представителей станиц: Цакирской, Харацайской, Желтуринской, Босинской, Цаган-Усунской, Киранской, Мурочинской, Кударинской, Шарагольской, Усть-Урлукской, Мензенской и двух сотен упраздненных бурятских полков. Почетный караул, казаки и казачата были пропущены церемониальным маршем и заслужили похвалу. После чего были приняты представители волостей; поднеся хлеб-соль, многие удостоились разговора с Его Императорским Высочеством и благодарности за выражение чувств. При входе в дом г-жа Голдобина



Верхнеудинск. Встреча цесаревича Николая Александровича у дома Голдобина , 1891 г. Фото Р.С. Пророкова

Проход войск мимо дома Голдобина в честь пребывания цесаревича 20–21 июня 1891 г.

имела счастье поднести хлеб-соль. В зале дома ожидали прибытия служащие в гражданских учреждениях и затем представители городов: Баргузина, Селенгинска, Троицкосавска и слободы Усть-Кяхты. Баргузинцы просили принять соболя, отличавшегося своим размером и мехом (такие соболи добываются редко, даже в славящемся ими Верхнеангарском районе).

После обеда наследник-цесаревич изволил неоднократно подходить к окну и выходить на балкон. Несмолкаемое «ура» гремело все время, особенно усиливаясь, подобно вспышкам пламени, при появлении наследника-цесаревича. Но лишь только народу было объявлено, что Его Императорское Высочество изволил удалиться отдыхать, водворилась полная тишина. Остается добавить, что город был иллюминирован, а дом Голдобина снаружи и внутри освещался электрическим светом, приспособление для чего нарочно были устроены исключительно на время проезда дорогого путешественника…

Осчастливив ранее инородцев и казаков, снявшись группою вместе с ними, Его Императорское Высочество пожелал порадовать тем же и крестьян, снявшись вместе с ними в саду дома Голдобина. После чего снята была особая группа: августейший атаман всех казачьих войск с атаманами, войсковым наказным Приамурских казачьих войск, наказным Забайкальского войска, 1-го Военного отдела и станичным. В заключение Его Императорское Высочество изволил милостиво разрешить сопровождавшему поезд фотографу Пророкову снять с себя очень удачный портрет. К завтраку были приглашены атаман отдела, командир батальона и батареи, начальник местной команды, окружной начальник, городской голова и хозяин дома.

После завтрака назначенные лица удостоились получить от Его Императорского Высочества: портреты с собственноручною подписью — атаман отдела и командиры батальона, батареи и начальник Верхнеудинской команды, капитан Бечаснов, а также и г-н Голдобин; ценные вещи — городской голова, г-жа Голдобина, начальница Верхнеудинской женской прогимназии г-жа Онохина; портсигары: капитаны Рейх, Баклевский, сотники Быстрицкий, Перфильев, поручик Рейнгарт, подпоручики Бороццый де-Эльс, Ячменев. Городские головы имевшие счастье еще накануне представиться Его Императорскому Высочеству, получили булавки с инициалами, капельмейстер Шемановский — перстень. Верхнеудинского станичного атамана урядника Мисюркеева наградили серебряными часами. Среди густых масс народа августейший путешественник проследовал к нарядной пристани на Селенге. Здесь ожидала нарочно приготовленная большая лодка…» (*Ухтомский. Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 3. — Санкт-Петербург ; Лейпциг, 1897; Жалсараев А.Д., Жалсараева Б.Д. Верхнеудинская старина: Очерки о жизни, быте и нравах горожан в XIX и XX вв. — Улан-Удэ, 2016, стр. 88, 89).*

После отъезда цесаревича Николая город еще долго был взбудоражен, и его жизнь в течении недели не могла войти в будничную колею. Ежегодно день въезда в город царской особы отмечался молебствием с крестным ходом к Царским воротам. В доме у Голдобиных была установлена застекленная витрина, увенчанная государственным двуглавым орлом. В ней находились штандарт наследника, что развевался над домом во время его пребывания, и предметы, с которыми наследник непосредственно соприкасался: обеденный и чайный приборы, судок, солонка, подсвечник со стеариновой свечой с предкраватного столика, коробок спичек, пепельница, кусочек недоеденного хлеба и прочее. Все это сохранялось с особой тщательностью и почтительностью вплоть до 1918 г.

По мере того, как расширялась созидательная деятельность предприимчивых хозяев, укреплялось их финансовое состояние, жизнь в доме оживлялась все больше и больше. Со временем дом Голдобиных стал центром верхнеудинской общественной жизни. Здесь часто устраивались карточные

вечера, а иногда танцевальные по случаю каких-либо торжеств. В этом доме, одном из первых в городе, появился прекрасный рояль. К завтраку ежедневно, без дополнительных приглашений от хозяев, собиралась небольшая компания завсегдатаев, в их числе доктор больницы И.И. Казанский и штатный смотритель уездного училища Н.С. Нелюбов. Если даже хозяев не было, то порядок не нарушался, гостей принимала и угощала ключница.

Наездом стали находить пристанище у Голдобиных и разные высокопоставленные особы — генерал-губернаторы, архиереи. Проживали особы несколько дней, угощались и ублажались, как только возможно.

Через год после визита цесаревича, 27 марта 1892 г., Иван Флегонтович Голдобин скончался в Иркутске и с почестями был похоронен на территории Иркутского женского монастыря.

Из речи священника Измаила Соколова:

> «...Происходя из скромной по положению и средствам семьи, в ранней молодости предоставленный самому себе, он упорным трудом, соединенным с твердым характером и нерядовой энергией, достиг средств, достиг почета и уважения. Обладая сильным природным умом, развитым не на школьной скамье, а в суровой школе жизни, он не очерствел, не потушил в себе искру Божию, а сохранил отзывчивое ко всему хорошему доброе сердце. В самых разнообразных формах проявлялась его благотворительная деятельность и широко она распространялась. Обширное Забайкалье, далекий Амур, холодная Лена видели щедрые жертвы его доброго сердца...» (ГПРБ, ф. 1778, оп. 1, д. 80, л. 1. Речь священника Измаила Соколова над гробом И.Ф. Голдобина 31 марта 1892 г.)

Городские власти Верхнеудинска выразили соболезнования вдове, потомственной почетной гражданке Елизавете Ивановне Голдобиной в связи с постигшей ее утратой. Из протокола заседания Верхнеудинской городской думы от 14 апреля 1892 года:

> «...Покойный, как постоянный житель Верхнеудинска всегда одним из первых отзывался на нужды города. Например, делал ежегодные денежные пожертвования на бедных к праздникам Св. Пасхи и Рождества Христова, жертвовал на храмы, поддерживал и даже почти можно сказать содержал певческий хор при соборном храме, в неурожайные годы всеми мерами способствовал к удешевлению цены хлебу на городском рынке, отпуская его нуждающемуся населению по очень низким ценам. Снисходя к просьбам городского управления, Иван Флегонтович принимал на квартиру в своем доме почти всех проезжающих через город высокопоставленных особ. В последнее время покойный даже изъявил желание устроить в Верхнеудинске за свой счет богадельню для призрения беднейших жителей города. Он принимал в своем доме Его Императорское Высочество государя наследника-цесаревича, на что не щадил своего усердия и средств, дабы дать возможность городу выразить дорогому гостю свое русское душевное радушие» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 842, л. 1, 1об).

После смерти мужа Елизавета Ивановна унаследовала недвижимость и продолжила вести его дела. Все также работала торговая лавка при доме: торговали крупчаткой, стеклом, стеклянными изделиями, солью. Водочный завод во дворе усадьбы производил вино, наливки и настойки и т.д. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 845, л. 3об, 4; 49об, 50об, 51, 91).

Кроме производства и торговли Елизавета Ивановна, как и покойный супруг, занималась благотворительностью. 24 апреля 1895 г. она написала заявление в Городскую управу о своем намерении исполнить волю мужа об устройстве в Верхнеудинске богадельни:

> «Свято же желание незабвенного супруга моего Ивана Флегонтовича я желаю содержание богадельни обеспечить навсегда капиталом в 15 000 руб., с тем, чтобы на счет этого капитала была открыта при Городской управе ссудная касса для выдачи капитала в ссуду под векселя или ручные залоги из процентов, из коих 5% шли бы на содержание богадельни, а остальные на содержание ссудной кассы... Пока я жива, то богадельню буду содержать на свой счет... Желательно, чтобы богадельня называлась так: «Богадельня имени потомственного почетного гражданина Ивана Флегонтовича Голдобина, а ссудная касса — как будет угодно Городской управе.
>
> К изложенному присовокупляю, что:
>
> 1) в богадельню должны призреваться граждане обоего пола только г. Верхнеудинска;
>
> 2) что дом со службами, устроенный мною в городе Верхнеудинске на городском месте земли по Набережной, первой от реки Уды улице, смежно с местами наследников Тишевского и

отставного солдата Мерзлякова и занимаемый в настоящее время богадельней, жертвую в полную собственность города Верхнеудинска под помещение исключительно богадельни, а если потребуется, то и детского приюта» (ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1026, л. 1, 2).

Незаурядная, судя по воспоминаниям современников, одна из красивейших женщин города Елизавета Ивановна вскоре вышла замуж за генерал-майора И.К. Кукеля, начальника штаба Приамурского военного округа. В архивных делах сохранился «Формулярный список жены генерал-лейтенанта Елизаветы Ивановны Кукель», составленный 10 октября 1902 г., отражающий наиболее значимые этапы ее жизни:

«Елизавета Ивановна Кукель, 57 лет, состояла в замужестве за почетным потомственным гражданином Иваном Флегонтовичем Голдобиным, умершим, а вторично вышла замуж за генерал-лейтенанта Ивана Ксаверьевича Кукель. Детей не имеет.

Имеет винокуренный завод под названием «Николаевский» в Верхнеудинском округе, два дома в г. Верхнеудинске.

Обучалась в Иркутском Сиропитательном доме Медведниковой и в нем окончила полный курс учения.

15.05.1874 г. за различные пожертвования, как материальные, так и денежные в пользу Киренской женской прогимназии, объявлена искренняя благодарность г-на председательствующего в Совете Главного управления Восточной Сибири.

В 1874 г. объявлена искренняя благодарность начальника Иркутской губернии за устройство богадельни для престарелых поселенцев в Манзурском селении.

По распоряжению г-на генерал-губернатора Восточной Сибири 17 июня 1876 г. утверждена попечительницей Киренской женской прогимназии.

11 сентября 1876 г. приняла на себя звание члена женского отделения Иркутского тюремного комитета.

9 октября 1880 г. утверждена почетной попечительницей Верхнеудинской женской прогимназии.

8 ноября 1882 г. управляющим Забайкальской областью утверждена попечительницей Верхнеудинского для арестантских детей приюта.

21 июня 1882 г. по постановлению директрисы Иркутского женского отделения Тюремного комитета и предложению вице-президента Иркутского Попечительного о тюрьмах комитета приняла на себя звание председательницы означенного отделения.

В 1883 г. за благотворительную деятельность для преуспевания Верхнеудинской и Киренской женских прогимназий Государыней великой княгиней Марией Павловной пожалована подарком браслета — брошью с бриллиантом.

В мае 1883 г. генерал-губернатором Восточной Сибири была утверждена членом Попечительного совета Якутской женской прогимназии.

29 октября 1883 г. была утверждена и до 1894 г. оставалась в звании председательницы Иркутского женского отделения тюремного комитета.

В 1883 г. приняла звание директрисы Читинского дамского попечительного о тюрьмах отделения.

С 20 декабря 1885 г. состояла в звании почетного члена Читинского церковного братства.

С мая 1887 г. состояла в таковом же звании Благовещенского православного братства. Утверждена членом Общества Красного Креста, членом благотворительного общества в Иркутске, членом Попечительного общества детского сада в Иркутске.

21 июня 1891 г. получила подарок браслет — брошь лично от Государя наследника во время пребывания его Императорского Высочества в городе Верхнеудинске.

С 23 июня 1892 по 12 апреля 1895 г. состояла попечительницей Верхнеудинской городской больницы.

Елизавета Ивановна Кукель (Голдлобина). *Сер. 1890-е гг.*

12 октября 1892 г. избрана почетным членом общества попечения о начальном образовании в Нерчинске.
В 1892 г. состояла попечительницей Кабанского училища.
11 января 1893 г. избрана почетным членом Якутского церковного братства во имя Христа Спасителя.
С 19 февраля 1893 г. имеет диплом на звание почетного члена Комитета по управлению Нерчинским музеем и библиотекой.
26 мая 1893 г. по Высочайшему соизволению Государыни императрицы определена почетным членом Иркутского попечительства детских приютов.
26 ноября 1893 г. утверждена почетным членом Читинского братства во имя Св. Мефодия, Кирилла и Иннокентия.
22 декабря 1893 г. избрана церковно-приходским попечительством Верхнеудинской Спасской церкви попечительницею церковно-приходской школы, имеющей открыться в предместье Верхнеудинска Поселье.
За сделанные пожертвования на училища с высочайшего разрешения поставлен в Кабанском училище ее портрет.
Имеет благодарственную грамоту от Свято-Троицкого Селенгинского монастыря за пожертвования.
27 июня 1894 г. утверждена членом Благотворительного общества попечения о семьях ссыльнокаторжных.
25 января 1895 г. избрана членом попечительного совета Благовещенской женской гимназии.
Получила благодарность от Приамурского генерал-губернатора за пожертвования на музей в Хабаровске.
9 ноября 1896 г. утверждена попечительницей Иркутского женского училища.
За пожертвования на церкви и школы при Забайкальской железной дороге 25 000 руб. удостоилась получить благодарности Государя императора в 1896,1898 и 1899 гг.
1896 г. получила благодарность от Совета благотворительного общества в Хабаровске за пожертвованные 10 000 руб. на приюты.
6 февраля 1898 г. получила вензельный знак учреждения Ведомства императрицы Марии для ношения на правой стороне груди.
В 1897–1899 гг. состояла товарищем председательницы приюта беспризорных детей в Харькове.
5 апреля 1900 г. состояла попечительницей «Доброхотной копейки» в Вильно.
Состояла членом Общества Благого креста в Вильно.
В 1901 г. состояла директрисой Дамского отделения Вильнского губернского тюремного комитета» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1664, л. 7–12).

Из вышеприведенного списка следует, что Е.И. Голдобина, выйдя вторично замуж, покинула Верхнеудинск, перебравшись в месту службы мужа, начала в Иркутск, потом в Хабаровск, затем в Харьклв и Вильно. В переписке Верхнеудинской городской управы за 1919 г. сохранилась телеграмма из Киева городскому голове Верхнеудинска Виктору Васильевичу Никольскому: «28 умерла Елизавета Ивановна Кукель (бывшая Голдобина)» (ГАРБ ф.10, оп. 2, д. 219, л. 46).

После перемен в личной жизни Елизаветы Ивановны Голдобиной (замужество, кончина в 1911 г. второго мужа, участника русско-японской войны генерала от инфонтерии И.К. Кукеля и последовавший затем переезд в Киев) владельцами усадьбы по улице Большой в Верхнеудинске считались сын Ивана Флегонтовича Голдобина Николай Иванович с супругой Евдокией Евграфовной.

Сведениями из формулярного списка потомственного почетного гражданина Николая Ивановича Голдобина можно дополнить историю купеческой династии:

«Потомственный почетный гражданин Верхнеудинска второй гильдии купец Николай Иванович Голдобин 42 лет, вероисповедание православное, женат, детей не имеет. Из Верхнеудинских купеческих сыновей.
В 1885 г. причислен вместе с отцом своим И.Ф. Голдобиным из Иркутского купеческого общества в Верхнеудинское купеческое общество. Числится самостоятельно второй гильдии купцом с 1893 г.
4 мая 1889 г. выдана из правительствующего Сената грамота его отцу Ивану Флегонтовичу Голдобину с женой Елизаветой Ивановной, сыном Николаем Ивановичем и женой последнего Евдокией Евграфовной на потомственное почетное гражданство.
С 20 ноября 1881 г. состоял почетным блюстителем Иркутского духовного института. Состоял почетным блюстителем Верхнеудинского уездного училища, определен в эту должность приказом г-на генерал-губернатора Восточной Сибири от 18 октября 1883 г. № 85.
18 мая 1884 г. награжден золотой медалью на Станиславской ленте для ношения на шее по Всемилостивейшему соизволению.

В 1887 г. за переустройку церкви в Иркутском духовном училище, которая стоила ему 7000 руб., получил золотую медаль на Станиславской ленте.
6 ноября 1890 г. №1541 был представлен к ордену Св. Станислава 3-й степени, но по сообщению г-на главного инспектора училищ Восточной Сибири 20 ноября всемилостивейше награжден 16 июня 1893 г. золотой медалью с надписью «За усердие» на Анинской ленте для ношения на шее.
Приказом г-на Приамурского генерал-губернатора от 24 ноября 1899 г. № 167 утвержден в звании почетного блюстителя Верхнеудинского городского второго приходского училища на трехлетний срок с января 1899 г. То же от 13 декабря 1899 г. № 180 утвержден членом Попечительного совета Верхнеудинской женской прогимназии на трехлетие с 1899 г. (л. 11).
С января 1902 г. на трехлетний срок по выборам в Верхнеудинскую городскую думу. С 19 февраля 1903 по январь 1904 г. состоял по выборам гласным Верхнеудинской городской думы (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 1029, л. 4, 11, 12).

Семья Николая Ивановича и Евдокии Евграфовны Голдобиных старалась поддерживать привычный для дома Голдобиных уклад жизни. Часто праздничные вечера, начинавшиеся в Общественном собрании города, заканчивались посиделками у Голдобиных. Именно Евдокия Евграфовна и ее подруги были инициаторами проведения различных городских празднеств, особенно новогодних.

По воспоминаниям местного краеведа и врача Михаила Танского:

> «Собирался кружок в 15–20 человек, шили костюмы, намечали дома для посещения, приглашался оркестр... в очередной намеченный дом вместе с оркестром посылался выборный предупредить хозяев... Как только вместе с белыми клубами морозного воздуха появлялась в дверях первая маска, оркестр срывался, как бешенный, и играл ритурнель. Быстро наполнялись... комнатки маскированными, начинались плясы и святочные игры, маски интриговали хозяев, радушно угощавших гостей легкими винами и сластями. 15–20 минут шума и оживления, и вся толпа масок исчезала так же быстро, как и появлялась. Вечер заканчивался танцами и ужином — или в Общественном собрании или у кого-нибудь в частном доме, чаще у Голдобиных». Тем более, что Евдокия Голдобина, Екатерина Танская (жена врача) и владелица частной аптеки госпожа Кокошко были близкими подругами и считались самыми красивыми и элегантными женщинами города.

Николай Иванович Голдобин страдал эпилептическими припадками, болезнь с годами только усугублялась, что несомненно сказывалось на всем. Еще при жизни отца он старался быть полезным в семейном бизнесе, бывал на заводах, давал различные указания. Но распоряжения молодого хозяина не выполнялись управляющими по приказу самого хозяина. Была у молодого Голдобина страсть к садоводству, в доме организовали что-то похожее на оранжерею. Николай Иванович много занимался в ней садоводством и очень этим гордился. Занимался он коллекционированием: собирал камни, монетки, черепки и т.п. Это был его личный музей, без всякой систематизации и научной цели.

Болезнь мужа со временем заставила Евдокию Евграфовну взять в свои руки все торговые дела семьи Голдобиных, а затем переоформить дом в свою собственность. Затем наступил 1917 год. Власть в городе вначале до августа 1918 г. была у Совета рабочих и солдатских депутатов, затем период правления белочехов и белогвардейцев, которые также особо не церемонились с купеческими семьями. Поэтому в июле 1919 г. появляется объявление: «Городская библиотека переходит в новое помещение в городском доме, бывшем Голдобиной, на Большой улице. Помещение большое, светлое и заново отремонтированное. В этом же здании была отведена одна комната для музея Общества изучения Прибайкалья» *(«Прибайкальская жизнь», 1919 г., 5 июля. с. 3).*

После образования в 1920 г. Дальневосточной республики в доме Голдобиной стал располагаться президиум народно-революционной власти ДВР. После переноса 4 ноября 1920 г. столицы ДВР из Верхнеудинска в Читу недолгое время дом Голдобина пустовал. Уже 30 января 1921 г. издан приказ № 1: «Населению и правительственным учреждениям области объявляется, что правительственный областной эмиссариат помещается в г. Верхнеудинске, Большая ул., дом Голдобиной... Эмиссар Прибайкальской области А. Буйко» *(«Прибайкалье» 1921 г., 30 января, с. 2).*

> «С 17 мая 1922 г. правительственным эмиссаром Прибайкалья назначен Постышев, который на днях вступает в исполнение своих обязанностей»...

В августе 1922 г. в доме разместился политнарсуд *(«Прибайкальская правда», 1922 г., 16 августа, л. 6)*, а в 1923 г. в доме расположился партклуб им. Энгельса.

В конце июля 1923 г. через Верхнеудинск проезжал на Дальний Восток председатель ЦИК СССР («Всесоюзный староста») Михаил Иванович Калинин, который сделал кратковременную остановку в городе. Евдокия Евграфовна Голдобина сумела пройти к Михаилу Калинину и подать прошение по поводу своего дома. 14 января 1924 г. ЦИК и СНК БМАССР вынесли постановление о муниципализации дома Голдобиной и переселении ее семьи на другую площадь. Однако в феврале 1924 г. из Москвы был получен положительный ответ на прошение Е. Голдобиной.»...» *(А.Д. Жалсараев, Б.Д. Жалсараева Верхнеудинская старина. Очерки о жизни, быте и нравах горожан в XIX и XXвв. — Улан-Удэ, 2016, л. С. 90–91).*

Руководствуясь резолюцией М.И. Калинина, на заседании президиума Верхнеудинского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов было принято протокольное решение оставить наследникам Кукель — семье Голдобиных (Николаю Ивановичу и его жене) в пожизненное бесплатное пользование две комнаты в деревянном доме для их проживания, пристройку к кухне этого дома, амбар с погребом, завозню для дров, сад, часть двора и каменный дом (флигель):

«Протокол № 13
Заседания президиума Верхнеудинского городского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов.

г. Верхнеудинск, от 29 февраля 1924 г.

Присутствуют:
Пред. горисполкома: Иванов
Члены: Зюльков, Маракулин, Мегуров.

Слушали:
П. 13 Прошение гр. Голдобиной о предоставлении ей бесплатно в пожизненное пользование занимаемого ею ныне помещения и помещения арендуемого 1-й Верхнеудинской Трудовой Артелью Самопомощи трудящихся, муниципализированных по постановлениям ЦИК и СНК Бурреспублики от 14.01 № 5.

Постановили:
Представить гр. Голдобиной Е.Е. и мужу ее Н.И. Голдобину бесплатно, в пожизненное их пользование, занимаемые ими в настоящее время две комнаты с мезонином в деревянном доме по улице Большой, пристройку к кухне этого дома, амбар с погребом, завозню для дров, сад, часть двора, примыкающая к занимаемой гр. Голдобиной части деревянного дома и находящийся рядом с деревянным домом каменный одноэтажный дом, арендуемый ныне 1-й Верхнеудинской трудовой артелью Самопомощи трудящихся.
б) все налоги, как государственного, так и местного значения, падающие на означенную часть имущества, уплачиваются гр. Голдобиной» (ГАРБ ф. Р-661, оп. 2, д. 7, л. 50).

«Так как часть двора попадала в муниципальную собственность, то зеленые насаждения, в частности кусты акации, Евдокия Голдобина отдала на пересадку своей подруге Екатерине Танской на ул. Лесную» (А.Д. Жалсараев, Б.Д. Жалсараева. Верхнеудинская *старина. Очерки о жизни, быте и нравах горожан в XIX и XXвв. — Улан-Удэ, 2016, л. 91).*

Последующие протокольные решения Верхнеудинского горсовета от 21 марта (№ 16) и 5 апреля (№ 18) 1924 г. указывают на отказ городских властей от реализации решений по выселению Голдобиных из их дома и ранее планируемом расширении площади «квартиропользования партклубом» (ГАРБ ф Р-661, оп. 2, д. 7 л. 58об., 63).

В 1926 г., в президиум горсовета поступила докладная записка от заведующего коммунальным отделом Лопатина, обосновывающая необходимость безвозмездного предоставления Голдобиным в пользование имущества исключительно в размере установленной нормы. Прилагаемая справка зафиксировала размеры занимаемой в то время супругами Голдобиными площади:

«**Справка**.
Гражданкой Голдобиной в доме горкомхоза за № 19 по Ленинской улице занимает мезонин в кв. саж. 15,10; внизу дома две комнаты кв. саж. 9,43; пристрой к дому 6,77 кв. саж. Всего 31,30 кв. саж.
Каменный дом с подвалом по Ленинской улице 48,93 кв. саж.; подвал 7,04 кв. саж. Этот дом занят... [«Трудовой артелью Самопомощи трудящихся»?], доходы с него получает гр. Голдобина.
Смотритель зданий: С. Первухин»
(ГАРБ ф. Р-661, оп. 2, д. 17, л. 22, 24).

На основании данных из полученных документов, протоколом № 14 от 06.05.1926 г. было отменено протокольное постановление президиума горис-

полкома от 29 февраля 1924 г. (протокол №13). Голдобину Е.Е. освободили «от квартирной платы за помещение, занимаемое ею для личного пользования в пределах жилищно-санитарной нормы». Излишки площади было решено изъять в недельный срок (ГАРБ ф. Р-661, оп. 2, д. 17, л. 2 об).

Дальнейшие многочисленные ходатайства Евдокии Евграфовны о пересмотре ее дела «об изъятии из ее пользования торгового строения» раз за разом отклонялись (ГАРБ, ф. Р-661, оп. 2, д. 10, л. 94об).

Но вероятно, тяжелое физическое состояние супруга и усугубляющиеся финансовые трудности в семье, а также несправедливое решение городских властей по отказу в пользовании арендной платой с помещения, ранее принадлежащего их семье и добровольно переданного Николаем Ивановичем Голдобиным в собственность городу по договору (еще в дореволюционный период), заставили Евдокию Евграфовну Голдобину в очередной раз обратиться с заявлением по инстанциям и все-таки добиться положительного решения для своего вопроса:

«Кому: горсовету
Для: исполнения

Выписка из протокола № 66 от 2 июня 1926 г.
Заседания Президиума ЦИК
Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики
4 июня 1926 г. № 2212 в

Слушали:
П. 6. Заявление гр. Голдобиной о предоставлении ей права взимания арендной платы с торгового помещения, принадлежащего ее мужу и переданного им в собственность города по договору более 10 лет назад (т. Смердов).
Постановили:
«Постановление президиума Верхнеудинского горсовета от 6 мая с/года (протокол № 14 п. 23) отменить, оставив в силе постановление горисполкома от 29 февраля 1924 г. о предоставлении гр. Голдобиной права пожизненно использовать часть ранее принадлежавших ей строений в виду полной, как ее, так и ее мужа, нетрудоспособности. Управляющий делами Колованов» (ГАРБ ф. Р-661, оп.2, д. 54, л. 40) .

Через полтора года, в марте 1928 г., Николай Иванович Голдобин скончался. Похороны состоялись 14 марта в 8 часов утра на Троицком кладбище (*«Бурят-Монгольская правда», 1928 г., № 59, март*). Его супруга Евдокия Евграфовна Голдобина пережила мужа и проживала в доме Голдобиных до конца своих дней (1941–1942?) и была похоронена на городском кладбище. Так закончилась история жизни известной верхнеудинской купеческой семьи Голдобиных в доме по Большой улице.

В военные и послевоенные годы в бывшем доме Голдобиных размещались коммунальные комнаты, редакция газеты «Правда Бурятии», проектно-строительное объединение «Забайкалсельэлектросетьстрой».

В целях сохранения историко-культурного наследия 9 июля 1996 г. постановлением правительства Республики Бурятия № 242 «О постановке на государственную охрану вновь выявленных памятников истории и культуры», главный дом усадьбы Голдобина (*ул. Ленина, 26*) был поставлен на государственную охрану.

В марте 2001 г. купеческое здание в центре города было выделено Управлению культуры администрации г. Улан-Удэ для размещения в нем Музея истории города Улан-Удэ, созданного 10 декабря 1999 г. (Постановление администрации г. Улан-Удэ № 471). В целях приспособления помещений здания памятника под экспозиционные залы музея дом до 2004 г. был закрыт на реставрацию и комплектование музейного фонда. Проектно-изыскательские работы по приспособлению объекта — «Реконструкция здания муниципального автономного учреждения «Музей истории города Улан-Удэ» — были выполнены ООО АМ «Проект Байкал».

В июле 2008 г. республиканской Службой государственной охраны объектов культурного наследия был подготовлен паспорт на здание-памятник «Главный дом усадьбы Голдобина И.Ф.» с фиксацией его градостроительной и архитектурной ценности:

«Здание расположено в среде исторической застройки кон. XIX — нач. XX в. между улицами Кирова (бывшая Базарная) и Каландаришвили (бывшая Проезжая) на восточной стороне ул. Ленина (бывшая Большая Николаевская) и фиксирует историческую красную линию застройки улицы главным западным фасадом. Здание совместно с другими строениями «сплошным» фронтом формирует визуальное восприятие застройки исторического центра города.

Прямоугольное в плане, с пристроями с южной, северной и восточной стороны, здание имеет сложную объемную структуру. В основе одноэтажный деревянный объем с невысоким надстроем светлицы (антресоли) в северо-восточном углу основного объема и над дворовым

пристроем с восточной стороны. Основной объем здания покрыт вальмовой кровлей. Пристрои с южной и восточной сторон покрыты двускатной кровлей с фронтонами. Главный вход устроен через пристрой с южной стороны и украшен двускатным козырьком с полуфронтоном, образованным фигурными элементами симметричных очертаний относительно центральной оси, которые в нижней части объединены фигурной доской с пропильным узором.

Здание опоясывает по периметру дощатый профилированный карниз большого выноса с высоким подзором, поддерживаемый резными кронштейнами. Фризовая часть акцентирована накладными высокими досками, уложенными вертикально с закругленным окончанием и пропильной резьбой. Оконные проемы лучковые, по западному и южному фасадам основного объема обрамлены наличниками. Высокую фигурную лобань, повторяющую очертания оконного проема, венчает профилированный фигурный карниз, разорванный эллипсовидным элементом с объемной резьбой. Поле лобани украшено: поясками округлыми в сечении образующие фигурные элементы, тремя объемными элементами криволинейных очертаний. Верхняя часть наличника, под лобанью, украшена тремя ромбами. Нижняя часть наличника по центру имеет треугольный свес с объемным элементом криволинейных очертаний. Свесы округлые с объемными элементами криволинейных очертаний. На окнах двустворчатые филенчатые ставни»

(*Паспорт ОКН. 2008 г. Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»*).

В интерьерах здания сохранилась историческая металлическая лестница, ведущая на антресольный этаж дома.

Сегодня старинное купеческое здание выполняет важную градостроительную роль в формировании улицы Ленина, является образцом деревянной жилой архитектуры Верхнеудинска кон. XIX в. с традиционным объемно-планировочным решением и интересным декоративным оформлением фасадов. В интерьерах бывшего дома Голдобиных, нынешнего музея истории города, воссоздана историческая обстановка кон. XIX — нач. XX в. Действующий в стенах дома Музей истории города Улан-Удэ своей экспозиционно-выставочной деятельностью и сохранившейся богатой историей самого здания осуществляет популяризацию историко-культурного наследия Улан-Удэ.

Елена Михалёва

Бывший дом купцов Голдобиных — ныне Музей города Улан-Удэ

Фото Сергея Конечных

ул. Ленина, 29

Дом Трунёва

Здание, расположенное в городе Улан-Удэ по ул. Ленина 29, состоит на государственной охране как историко-революционный памятник периода образования Бурят-Монгольской АССР, с наименованием «Здание, где в 1923 году размещался Прибайкальский губком РКП (б) во главе с П.П. Постышевым» (Постановление Совета Министров Бурятской АССР № 379 от 29 сентября 1971 г.). Помимо богатого революционного прошлого с историей этого здания связана одна из самых значимых фамилий жителей города Верхнеудинска — купцов Трунёвых, в особенности последнего его хозяина, известного общественного деятеля города, краеведа, благотворителя и шестого городского головы Верхнеудинска Петра Тивуртиевича Трунёва.

Краевед Эдуард Дёмин писал: «...верхнеудинский купец Пётр Тивуртиевич Трунёв прожил большую и плодотворную общественную, публицистическую и краеведческую жизнь, к сожалению, осложнившуюся и оборвавшуюся трагически в период его мудрой зрелости. Его значительный вклад в общественную жизнь родного города, городскую культуру, местное декабристоведение и краеведение забайкальского края вообще остался пока вполне не изученным и не оцененным.

Сегодня память о верхнеудинском купце П.Т. Трунёве, гражданине в самом высоком смысле этого слова древнего города Удинска — Верхнеудинска — Улан-Удэ, незримо хранят только принадлежавшие ему в разное время строения города...» (Э. Дёмин «Первый декабристовед Бурятии, купец-краевед П.Т. Трунев»).

Во 2-й пол. XIX— нач. XX в. П.Т. Трунёв был одним из самых уважаемых граждан и деятелей города, занимавшем видное и совершенно особое место в его общественной и культурной жизни.

Изучением происхождения, торговой, общественной и краеведческой деятельности этого удивительного человека, занимались Э.В. Дёмин, А.Д. Жалсараев. Из их работ известно, что впервые фамилия выехавшего из Усолья в Староселенгинск посадского Исая Трунёва упоминается в челобитной от 22 июля 1700 г. на имя царя Петра I. Он же Исай Трунёв, значится умершим в 1720 г. в Ильинском остроге. Действительно, из Староселенгинска позже были предки Петра Тивуртиевича Трунёва. Это Василий Трунёв, купец третьей гильдии, переехавший в 1800-х гг. из Староселенгинска в Верхнеудинск.

Верхнеудинские Трунёвы прослеживаются по архивной «Ведомости о объявленных на 1831 год от

верхнеудинских купцов капиталах». По ней купеческая семья Трунёвых состояла из 7 человек: Анна Ивановна Трунёва — 64 года; у ней сыновья: Иван — 37 лет, Василей — 33 года, Мефодий — 27 лет, Дмитрий — 25 лет, Иван (меньшой) — 19 лет; внук Тивуртий — 9 мес. Анна Ивановна и ее муж Василий Мефодьевич Трунёвы состояли в третьей купеческой гильдии с объявленным капиталом 8 тыс. руб.

Таким образом, в 1-й пол. XIX в. в Верхнеудинске проживала довольно большая семья Трунёвых, младшим представителем которой был Тивуртий Иванович (1830 г.р.) Позднее купец Тивуртий Иванович Трунёв за благотворительность и усердную заботливость в пользу церкви был избран церковным старостой верхнеудинской Спасской церкви (1889 г.).

Известно, что, переехав в 1800-х гг. в город Верхнеудинск, семья Трунёвых покупала и строила здесь жилье. В республиканском архиве хранятся «Фасады дому с планами города Верхнеудинска 3-й гильдии купца Василия Трунёва, сочинен для постройки вновь 1811 года» с описанием фасадов и планов (ГАРБ ф. 1778, оп. 1, д. 64).

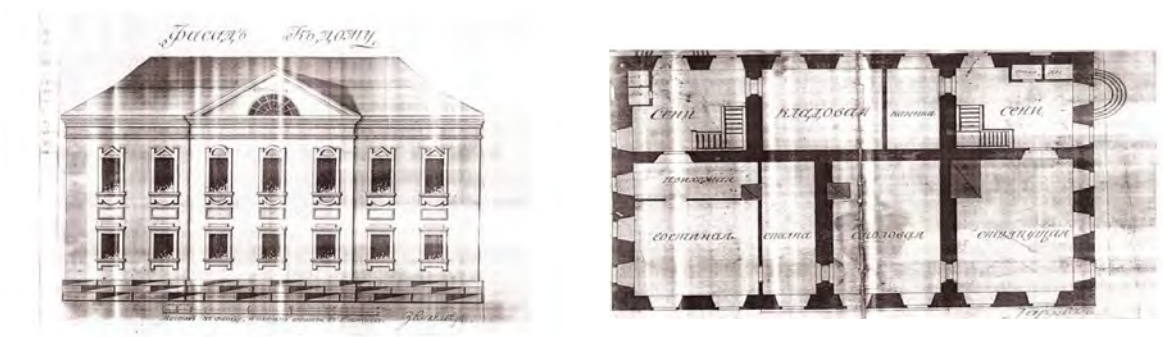
Именно Трунёвы, согласно крепостному акту, совершенному у Верхнеудинских городнических дел 14 декабря 1803 г. за № 695, владели на ул. Троицкой (Куйбышева) двухэтажным каменным домом в стиле классицизма. Дом этот, как видно из купчей, находился в приходе Спасской церкви, на 5-й улице от реки Уды, смежно с домами: по правую сторону купца Большакова, по левую мещанина Петухова. 6 октября 1860 г. дом был продан наследниками В. Трунёва Иркутскому приходу общественного призрения для размещения городской больницы (в 1950-х гг. над домом надстроили еще один этаж, сейчас здание занимает Советский отдел полиции) (ГАРБ ф.11, оп.3, д. 1140, л. 115).

Вероятно, тогда же городские власти продали одному из наследников купеческой семьи Трунёвых земельный участок под строительство на углу улиц Большой и Проезжей. На нем, верхнеудинский купец Тивуртий Иванович Трунёв и его жена Александра Анемподистовна, отстраивали свою усадьбу. А в 1862 г. в семье верхнеудинского купца первой гильдии Тивуртия Ивановича и Александры Анемподистовны (в девичестве Разгильдеевой) Трунёвых родился сын Пётр, будущий хозяин усадьбы по улице Большой. (По материнской линии его дедушка потомственный дворянин Анемпондист Иванович Разгильдеев, атаман Забайкальского казачьего полка в Верхнеудинске и выходец из бурят или эвенков).

Согласно данным верхнеудинской городской управы из «Списка владельцев домов и дополнительных построек в г. Верхнеудинске для обложения налогом за 1874 год», на участке селенгинской купчихи Александры Трунёвой, разместившемся на углу главной улицы Большой и улицы Проезжей, находились деревянные постройки: двухэтажный дом, одноэтажный флигель, два амбара, баня, кухня, три завозни, погреб и два сеновала. Стоимость всего недвижимого имущества оценивалась в 700 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 15об).

План 1877 года дает представление о планировке и застройке этого места. Усадьба, приближенная к квадрату, занимала обширный участок размером 25 х 28 саж., площадью около 700 кв. саж. Согласно прошению от 23 ноября 1877 г., владелица этого участка земли, жена верхнеудинского второй гильдии купца, Александра Трунёва, предполагала построить двухэтажный амбар «вместо такового же одноэтажного, пришедшего в ветхость» и снести такую же ветхую баню (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 153, л. 107, 107об, 110–111).

Находящиеся на усадьбе строения амбара и завозни и предполагаемый двухъярусный амбар в средней части территории организовывали передний двор. За передним двором располагался



Фасад и план дома Василия Трунёва. 1811 г.

задний двор с сеновалом. Двухэтажный деревянный дом на углу улиц и флигель выходили на красную линию главной улицы и определяли фронт застройки.

Этот дом на углу сохранялся до начала XX в. Именно его упоминает в своем очерке «Странички из прошлого Улан-Удэ» старожил города М.В. Танский, описывая Верхнеудинск:

> «Тротуаров в городе не существовало, постройки были исключительно деревянные, а каменные все наперечет. Так, в 1882 г. из 668 домов, имевшихся в городе, каменных было всего 11. По улицам вытягивались одноэтажные в три-пять окон домики, разделенные на почтительное расстояние один от другого заборами, все со ставнями, наглухо закрывавшимися на ночь болтами. Некоторые домишки совсем обветшали, сникли к самой земле и даже вросли в нее. У многих имелись завалинки, они не раскидывались даже и на лето. Двухэтажных деревянных домов существовало не больше пятишести. Привлекали внимание несколько домов особенно далекой старины с потемневшими бревнами, с островерхими высокими крышами, столь покатыми, что на них без веревок нельзя было бы держаться. Крыши эти, поросшие мхом, ласкали взгляд, а местами ютились на них и, видимо, с удобством кустики полыни, лебеды и других сорняков. Такой, наподобие старого гриба, дом красовался, между прочим, на углу Большой и Проезжей, на месте, где сейчас аптека № 2» (*М.В. Танский. Странички из прошлого Улан-Удэ: Верхнеудинск в 70–80 гг. XIX века). — Улан-Удэ, 1966, стр. 5*).

Двухэтажный, рубленный «в обло» шестистенный дом (со связью) завершался профилированным карнизом и высокой тесовой крышей. Небольшие окна подклети и сравнительно высокие — второго этажа с массивными колодами на открытом срубе дома определяли композиционные особенности фасадов.

На следующем чертеже усадьбы, выполненном мещанином Скатовым в 1881 г., видна определенная трансформация усадьбы в нераздельную, с периметральным расположением построек. К существующим строениям предполагалось, согласно плану, добавить деревянный флигель с северной стороны и достаточно длиной (около 18 саж.) каменное строение кладовых «с тепловым помещением» вдоль южной линии усадьбы. Просимые постройки были согласованы Верхнеудинской городской управой с условием: «...надворные каменные строения крыть железом или другим несгораемым материалом, а также крыльцо и площадки у входа должны быть каменные...» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 309, л. 27, 27об, 28, 33).

В 1882 г. купеческая жена Александра Трунёва написала в Верхнеудинскую городскую управу очередное прошение с просьбой построить на принадлежащем ей месте каменный двухэтажный дом с подвальным этажом (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 345, л. 5).

Судя по плану, указанная постройка должна была занять место на северной стороне между существующим домом на углу усадьбы и деревянным флигелем. Полученная от городских властей резолюция на поданное прошение, гласит:

> «Согласно настоящего чертежа, Верхнеудинская городская управа разрешает А.А. Трунёвой (купеческой жене) произвести постройку каменного двухэтажного дома означенного на плане с тем, чтобы дом этот по п. 41 обязательных постановлений Верхнеудинской городской думы изд. 12 сентября 1879 года и утвержденных г-ном Забайкальским губернатором 13 октября того же года был покрыт железом или другим несгораемым материалом. Июля 2 дня 1882 года. Член городской управы Гирченко» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 345, л. 6).

Согласно следующему «Проекту», выполненному в 1884 г., владелица усадьбы запросила у городских властей разрешение построить на месте деревянного флигеля на Большой улице каменные лавки и примыкающие к ним каменные ворота (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 446, л. 4, 4об, 5).

Строительство каменных лавок по Большой улице было согласовано, быстро организованные строительные работы успешно завершились, а уже в 1889 г. верхнеудинская купеческая жена Александра Анемподистовна Трунёва в своем заявлении от 17 июля будет просить разрешение «произвести постройку на существующих каменных лавках второго этажа каменного дома» по Большой улице. Фасад и план на постройку каменного двухэтажного дома, генеральный план усадьбы вычертил Н. Паув (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 665, л. 15, 15об).

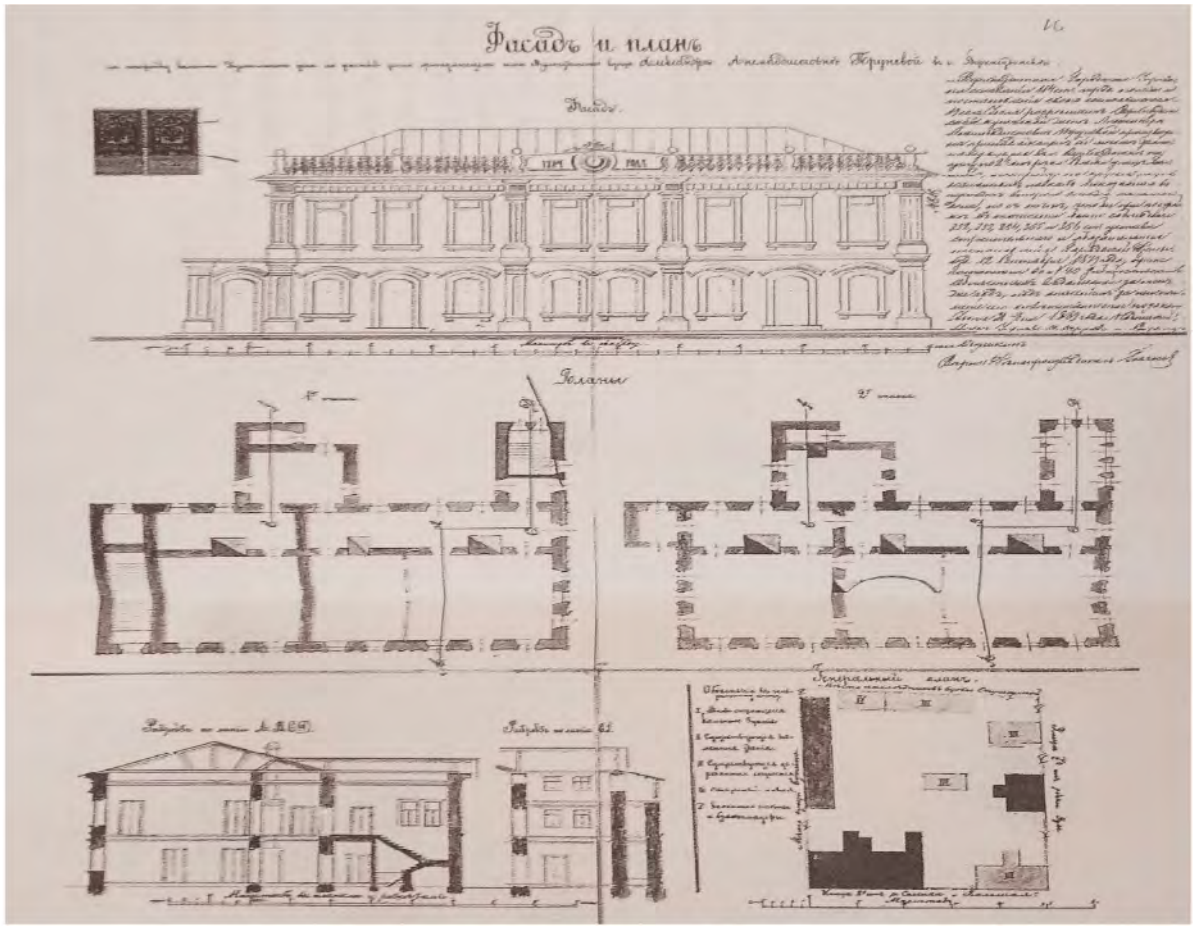
Как и все предыдущее строительство объектов усадьбы, устройство каменного дома, ставшего двухэтажным по улице Большой, успешно завершилось. Помещения второго этажа вновь отстроенного каменного здания стали сдаваться в наем квартирантам, первый этаж дома остался, как и прежде, торговым.

Очередное упоминание о постройках усадьбы Трунёвой встречается в архивных документах

1895 г. Оно связано с заявлением А.А. Трунёвой в Верхнеудинскую городскую думу от 17 июня об оспаривании увеличения на 1 тыс. руб. (с 3 до 4 тыс.) стоимости ее недвижимого имущества. Она напишет: «За последние годы до настоящего времени не производилось никаких добавочных построек (если не считать замены одного деревянного навеса каменным на столбах) и что доходы, приносимые ранее этим имуществом (до 1068 руб. валового дохода) с ноября 1894 г. уменьшились почти на половину из-за отсутствия квартирантов в верхнем этаже каменного дома и во флигеле рядом с домом Опушкина, я не вижу ровно никакого повода к возвышению оценочной стоимости принадлежащего мне имущества».

В апреле 1900 г. скончался верхнеудинский купец первой гильдии Тивуртий Иванович Трунёв. Делами усадьбы вплоть до ее национализации в 1926 г. занимался сын Тивуртия Ивановича и Александры Анеподистовны Пётр Трунёв.

Первое упоминание о купеческом сыне Петре Тивуртиевиче Трунёве встречается в документах Верхнеудинского уездного полицейского управления за 1880 год. Сохранилось дело о наклейке объявлений купеческим сыном Трунёвым. Заведено оно было на основании жалобы штатного смотрителя училищ Верхнеудинского, Баргузинского, Селенгинского округов. Обнаружив на телеграфном столбе по Большой улице Верхнеудинска объявление о том, что будто бы в здании уездного училища открыта ежедневная художественная выставка с тридцати копеечной платой за вход и расценив это, как распространение ложных слухов с целью нарушить ход учебных занятий, было проведено небольшое расследование. Сличив случайно оказавшийся под рукой счет за проданный в лавке Каты-



Фасад и план двухэтажного дома Трунёвых, 1882 г.

Дом Трунёвых. *1890–1900 гг.*

Дом Трунёвых . *После 1915 г.*

шевского товар с почерком на объявлении, оказалось, что автор обоих бумаг сын купца Трунёва Пётр. Молодой человек, сам только что окончивший это училище и подрабатывающий в торговой лавке, не стал отказываться от написанного, объяснив это пробой почерка. На допросе в полиции он утверждал: «Сознаваясь, что означенное объявление действительно написано мною, я отказываюсь только от наклейки его, хотя и не смогу объяснить, какая случайность привела это объявление со стола моей комнаты на телеграфный столб».

В обращении к заявителю написал:

«Милостивый государь, я вполне уверен, что Вы не пожелаете за поступок, хотя и вредный, но совершенно необдуманный и сделанный притом без всякого желания нанести оскорбление Вам лично или уездному училищу, подвергать меня ответственности, поэтому должен принести Вам извинение и покорнейше просить оставить это без последствий», было принято и дело закрыто (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 1055 без нумерации листов).

Дальнейшая биография купеческого сына прослеживается по записям формулярного списка.

Из формулярного списка Петра Тивуртиевича Трунёва, составленного 1 сентября 1901 г. за подписью члена городской управы Александра Васильевича Овсянкина, явствует, что 38-летний второй гильдии верхнеудинский купец П.Т. Трунёв, православный, получил недвижимое имущество от родителей по дарственной записи.

После окончания Верхнеудинского уездного училища с 1880-х гг. в течении 12 лет работал в Кяхтинском пароходном товариществе в качестве заведующего Верхнеудинской пристанью и доверенным Селенгинского пароходства. В 1887–1896-х гг. он член Верхнеудинского сиротского суда, в 1889–1895-х — член Верхнеудинской городской управы, с 1890 г. — член попечительского совета в женской прогимназии, с 1892 г. — гласный Верхнеудинской городской думы, с 1893 г. — самостоятельный второй гильдии купец, с 30 июля 1899 по 12 апреля 1902 г. — избирался шестым Верхнеудинским городским головой, был председателем Верхнеудинского сиротского суда и директором Верхнеудинского отделения Попечительного о тюрьмах комитета, с 24 ноября 1899 г. — почетный блюститель Верхнеудинского городского 3-го приходского училища на трехлетний срок, с 1 июля 1900 г. — мировой судья округа Читинского окружного суда на три года.

Пётр Тивуртиевич всегда принимал деятельное участие во всех благотворительных делах Верхнеудинска. Будучи городским головой, он пожертвовал для освещения города 60 фонарных столбов и фонарей. Так, в 1899 г. благодаря его заботе на улицах Верхнеудинска было установлено керосиновое освещение.

О том, что довольно долго представляя городскую власть, П.Т. Трунёв пользовался глубоким уважением граждан, свидетельствуют следующие прошлые печатные строки. Один из верхнеудинских корреспондентов издававшейся в Чите газеты «Забайкалье» в 1902 г. поместил в ней заметку, в которой, сетуя на «беспардонные действия наших, с позволения сказать, отцов города», особо отметил: «С отрадным лишь исключением времени службы П.Т. Трунёва, к великому сожалению отказавшегося от обязанностей городского головы по недостатку свободного времени» (*Э.В. Дёмин «Последний декабристовед Бурятии купец-краевед П.Т. Трунёв»).*

Пётр Тивуртиевич Трунёв в первом десятилетии XX в. достроил правое крыло своего двухэтажного каменного дома по ул. Большой до угла квартала, по-

вторяя декоративную пластику фасада левого крыла. «В 1915 г. надстраивается и пристраивается существовавший с 1880-х гг. дом Трунёва на углу ул. Проезжей (теперь ул. Н.А. Каландаришвили),» — писал Л.К. Минерт (*Минерт Л.К. «Архитектура Улан-Удэ». — Новосибирск, 1983, стр. 79*).

С завершением строительства дом приобрел современные очертания, дошедшие да нашего времени. В целом архитектура здания выполнена в эклектических формах, с элементами классицизма. В центре дома. со стороны ул. Большой, была устроена въездная арка для проезда в дворовую часть усадьбы (заложена кирпичом в начале 1990-х гг. для устройства дополнительного помещения аптечного управления, размещавшегося на первом этаже здания). Жилые помещения в доме располагались на втором этаже. Было 8 больших комнат и связь между комнатами можно было поддерживать посредством домашнего телефона (*Жалсараев А.Д. Верхнеудинская старина. — Улан-Удэ, 2016, стр. 67)*.

Каменный двухэтажный купеческий дом стал украшением центральной улицы города и соответствовал высокому статусу семьи.

Купец второй гильдии П.Т. Трунёв был женат на дворянке Зинаиде Александровне Сергеевой, 1880 года рождения, старшей сестре Екатерины Танской. У Петра Тивуртиевича Трунёва и Зинаиды Александровны было трое детей: Калиса (1901–1919), Авдифакс (1903 г.р.) и Тивуртий (1906 г.р.). Размеренную, неторопливую жизнь зажиточной и влиятельной семьи оживляли многочисленные праздничные дни.

Оживляли купеческую жизнь и регулярные выезды на отдых. Отдыхала семья Трунёвых на своей даче на Верхней Березовке, которая считалась самой лучшей. Здесь были парк, аллеи, пруд с лодками, мостики через ручей. В 1924 г. дачу у Трунёвых конфисковали, и в 1925 г. она была передана горрайкому. Очень быстро, как писала газета, пруд превратился в грязную лужу (*«Бурят-Монгольская правда», 1925 г.*).

До революции помещения дома Трунёва частично занимало Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка (преобразованного из открытого в1897 г. Русско-Китайского), созданного 12 апреля 1902 г., заведующим которого стал сам владелец дома Пётр Тивуртиевич Трунёв, сложивший с себя обязанности городского головы и занявшийся развитием финансов в Верхнеудинске.

Русско-Азиатский банк входил в состав французской группы Societe Generale, имевшей широкую географию межбанковских связей, выпускал во Франции знаменитые облигации русского займа. Это финансовое учреждение стало крупнейшим частным банком в дореволюционной России и обладало самой большой сетью отделений, в том числе и в Верхнеудинске. В 2011 г. на фасаде дома Трунёва, была установлена мемориальная доска с информацией о располагавшемся здесь ранее банке нач. XX в. При этом торжественное открытие мемориальной доски провел первый заместитель председателя правления Росбанка (дочерняя структура международной финансовой группы Societe Generale) Марк-Эммануэль Вивес).

По роду своей торговой деятельности (торговля железными, стальными и чугунными изделиями) Пётр Трунёв в разное время посещал места, связанные с пребыванием декабристов (Новоселенгинск, Петровский Завод, Чита и др.). Все это наложило отпечаток на его огромный интерес к теме декабристов, постоянные поиски различных свидетельств их пребывания в нашем крае и городе. «По рассказам родственников, в доме Трунёва был культ декабристов; собирались книги о них, рисунки и портреты». Светлый образ ссыльных декабристов был путеводной звездой его духовной жизни» (*автор Петряев Е.Д. (1913–1987). — «Впереди огни» 1968 г.*).

Человек пытливого ума и большой энергии, П.Т. Трунёв много сделал для сохранения памяти о декабристах. Будучи одним из первых местных исследователей — декабристоведов, он печатал статьи о ссыльных декабристах в солидных столичных изданиях, при этом всегда подписывался своим именем, нисколько не заботясь о возможных гонениях. Необходимо отметить, что для уроженца и постоянного жителя далекого забайкальского Верхнеудинска, города, не имевшего до нач. XX в. своих печатных изданий, публиковаться вообще, а в центральных российских изданиях тем более, было весьма престижным, но весьма неблагонадежным делом. Статьи Трунёва о пребывании декабристов в Сибири и другие материалы печатались в изданиях «Русская старина (1891), «Исторический вестник» (1897), в газетах «Прибайкальская жизнь» (Верхнеудинск, 1919 г.), «Байкал» (Кяхта, 1903 г.), «Забайкалье» (Чита, 1902 и 1903 гг.) и «Забайкальская новь» (Чита, 1914 г.), «Бурят-Монгольская правда» (Верхнеудинск, 1924 и 1930 гг.).

9 мая 1919 г. краеведы Верхнеудинска создали «Общество изучения Прибайкалья» — прародителя нынешнего Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Пётр Тивуртиевич Трунёв передал Обществу семейную реликвию — настенные часы собственноручной работы декабриста Николая Александровича Бестужева с дарственным пись-

мом, а также фотографический снимок с карандашного рисунка Н.А. Бестужева, изображающий декабристов в Чите на работах по засыпке оврага, два куска окаменелого дерева, свою брошюру «Декабристы в Нерчинских рудниках». Будучи одним из инициаторов создания Общества и образованнейшим человеком, он интересовался краеведением, вел раскопки на месте старой крепости на Вшивой горке, написал статьи о ссыльном декабристе Якове Максимовиче Андреевиче, умершем от цинги в больнице Верхнеудинска в апреле 1840 г. и др. (*«Декабрист Я.М. Андреевич» // Бурят-Монгольская правда 1924 г., 25 декабря).*

В начале мая 1919 г. супругов Трунёвых постигло тяжелое горе — безвременная смерть их 18-летней дочери. В верхнеудинской газете «Прибайкальская жизнь» Трунёвы ответили на сочувствие, выраженное им горожанами: «Пётр Тивуртиевич и Зинаида Александровна Труневы приносят сердечную благодарность всем выразившим им соболезнование в понесенной тяжелой утрате и почтившим память скончавшейся дочери их Калисы».

Часть помещений двухэтажного каменного дома Трунёва постоянно сдавалась. Из печатных сведений известно, что в первом десятилетии XX в. здесь располагался фотографический салон мещанки города Кишинёва Татьяны Алексеевны Урсун (*«Бурят-Монгольская правда» №104 от 09.05.1925 г.*). Здесь же работали служащие Красного Креста.

В 1918 г. Русско-Азиатский банк был национализирован Верхнеудинским Советом. 20 декабря 1920 г. в доме разместилась и открыла свою канцелярию японская военная миссия. А после изгнания семёновцев и интервентов из Прибайкалья и освобождения Верхнеудинска 2 марта 1920 г. в здании в течение одного месяца пребывала временная Верхнеудинская земская власть Прибайкалья. После съезда представителей трудового населения, названного Первым учредительным съездом Забайкалья (с 28 марта по 6 апреля 1920 г.) в доме Трунёва находилось правительство Дальневосточной Республики (в 1920–1922 гг. де-юре независимое государственное образование с капиталистическим укладом в экономике Забайкалья и Дальнем Востоке), одну из комнат дома занимал штаб помощи шведским рабочим, тут же разместился Дисциплинарный суд БМАССР.

В 1922–1923 гг. в здании размещались Прибайкальский губернский революционный комитет, затем преобразованный в Прибайкальский губернский исполком, во главе которых стоял П.П. Постышев, профессиональный революционер, активный участник борьбы за власть Советов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. С 26 августа по декабрь 1923 г. здесь находился Бурятский ревком под руководством М.Н. Ербанова.

29 декабря 1923 г. постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской АССР № 12 было создано Центральное управление архивным делом при СНК БМАССР, его первым заведующим стал Владимир Петрович Гирченко. Архив также разместили в одном из многочисленных помещений дома Трунёва на Большой улице.

В 1926 г. революционные власти Верхнеудинска провели масштабную акцию по конфискации имущества купцов города, в том числе конфисковали дом и часть имущества П.Т. Трунёва (официально национализировали имущество постановлением БурЦика БМАССР от 22 февраля 1930 г. за № 62, а лишили избирательных прав 3 ноября 1925 г.). Семью Трунёвых новая власть переселила на улицу Красногвардейскую в дом № 38 (хозяйка квартиры Залевская).

В 1930 г. Петра Тивуртиевича и Зинаиду Александровну Труневых арестовали. Трагические события последнего года жизни купца второй гильдии, краеведа, мецената, одного из первых декабристоведов Забайкалья П.Т. Трунёва, описал известный верхнеудинский врач и родственник семьи Трунёвых М.В. Танский в своих воспоминаниях:

> «...Но особенно приходится отметить арест по тем же побуждениям П.Т. Трунёва, директора Русско-Азиатского банка. Этот арест – начало, порождение нашей горькой судьбины. Все дальнейшие события шли и развертывались

1-й Съезд Советов Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск. 4 декабря 1923 г. В центре председатель ЦИК М.И. Ербанов

для нас, как в цепной реакции. Арестованного Трунёва сначала держали в ГПУ. К этому времени состоятельный человек, ничем будто бы порочным не запятнанный, изгнанный со всею семьею из собственных домов, был уже человеком разоренным. Жена с остатками имущества ютилась на квартире в небольшой комнатушке. Один сын, не оторвавшийся своевременно от родителей, исключенный из Иркутского университета, работал на прокладке поблизости от города грунтовой дороги, но вскоре был сослан на работы в Черемховских угольных шахтах. Другой благоразумно разорвавший показательно связь с родителями учился в техническом училище в Иркутске и курс окончил. Вот так круто и несправедливо расправились почему-то местные власти с этой несчастной семьею. И нас по родственным отношениям пристегнули к этому кошмару. Жена Трунёва и моя были родными сестрами.

Вскоре вслед за мужем взяли в ГПУ и жену его Зинаиду Александровну, добрую мать, вырастившую трех хороших ребят. Получила она приказ явиться в ГПУ и перед уходом зашла проститься с нами. После коротенького со слезами прощания пошла она от нас, убитая горем на крестные страдания. С крылечка глазами проводили мы скорбную фигуру, пока не скрылась за ближайшим углом. В ГПУ Трунёву долго не держали, отправили в тюрьму. Перед отправкой она имела неосторожность передать сидевшей с нею некой гражданке Р., получавшей свободу, записку для передачи жене моей. Возможно, что эта «некая» была просто провокатором, подсаженным в женскую камеру. Записку мы получили, содрогнулись, почувствовали «страх иудейский» и тотчас же уничтожили, хотя была она невинного содержания. Заботливая мать еще раз слезно просила не оставлять ее детей и сохранить, поберечь остатки имущества.

Эта записка, совсем ненужная, оказалась для нас роковой.

Комнату с имуществом Трунёвых ГПУ опечатало, получение женою записки стало известным ГПУ, и она послужила толчком взяться за мою жену.

Октября 14-го 1931 года Екатерину Александровну арестовали, увели из дома, заключили в тюрьму. Ни с чем не посчитались: ни с тем, что она болела гриппом с повышенными температурами, взяли с постели; не посчитались с ее почтенным возрастом и общественным положением – 30 лет работала учительницей, была

большая общественница — все пустили насмарку. За что, почему? Требовали указать, что знает она о трунёвском золоте — никогда ничего о нем не слышала и не знала, а возможно, арестовали и для того, чтобы ее арестом морально подавить на Трунёвых, развязать им языки...

В одно октябрьское с морозцем утро вывели во двор небольшую партию, предназначенную к отправке в тюрьму. Тут была и жена моя, еще недостаточно оправившаяся от гриппа, и Трунёв, тоже больной, как потом оказалось, заразившийся сыпным тифом в избушке. Родственники встретились. Трунёв еле стоял на ногах, пошатывался. Жена взяла его за руку, довела до телеги, на которую и уложили больного. Перемолвиться друг с другом почти не удалось. Телега, окруженная пешими арестантами и конвоем, тронулась в путь. Екатерину Александровну доставили в тюрьму с особым почетом, на американке. В небольшой камере, куда ее поместили, оказалось вместе с нею восемь женщин, в духоте, тесноте и обиде. Была здесь и Трунёва. Последовала печальная встреча сестер и все же радостная. И потянулась для них кошмарная жизнь тюремного заключения, с обычным тюремным режимом, описывать который и мне тяжело, да и нет смысла. Понятно это и так всякому, что пережили заключенные и душевно, и физически. Как и надо было ожидать, вскоре обе, одна за другой, заболели сыпным тифом и попали в тюремную больницу, которой заведовал доктор Анисимов.

А я в это время, можно сказать, жил между своим домом и ГПУ, где имел дело исключительно с одним сотрудником по фамилии Лыжва, из комендатуры. Он, между прочим, предложил написать мне Трунёвой письмо, убедить ее выдать золото, что я и сделал. В письме я упрашивал Зинаиду Александровну, если только

есть у них золото, отдать его полностью ради того, чтобы получить свободу, спасти свое здоровье, возможно даже, свою жизнь, ради своих ребят...

Когда жена заболела тифом, я усиленно стал добиваться свидания с ней. Разрешили. Получил пропуск и немедленно им воспользовался. В тюрьме провели меня в довольно обширную палату, тесно заставленную койками с больными женщинами. Тут-то я и свиделся со своими. Лежали рядом, разделенные узеньким проходом. Несмотря на высокие температуры, обе находились в сознании, так что представилась возможность обменяться несколькими словами, чему я и уделил до десятка минут, подбодрил не падать духом, крепиться, пожелал скорого выздоровления, пообещал добиваться перевода в заразную городскую больницу, обоих поцеловал в лоб, пожал руки, и мы расстались.

Не откладывая, на другой же день я отправился к Лыжве ходатайствовать о переводе больных в зарбольницу. Лыжва сказал, что об этом необходимо подумать, — очевидно, ему надо было поднять этот вопрос в высшую инстанцию. Предложил прийти за ответом дня через два. Потом еще раз последовало через два дня, и только в третье посещение я получил определенную резолюцию. Жену перевести в заразную больницу разрешили, Трунёву нет. Резолюция однобокая, тем не менее, конечно, эгоистически, не возрадоваться я не мог...

Участь несчастной З.А. Трунёвой была трагическая, скончалась в тюрьме. Золота у Труневых, очевидно, не было, истину эту они запечатлели своею смертью.

Сын З.А. Труневой Тивуртий, работавший на сооружении дороги, узнав о смерти матери, освобожденный дня на три от работ, приехал похоронить мать. Труп выдали. В простом гробе, на телеге, увез он в одиночку останки матери и похоронил на городском кладбище.

Вот тут и конец кошмарной истории, которая в современности может показаться неправдоподобной» (*М.В. Танский. Добавление к автобиографии* — ГАРБ ф. 1778, оп. 1, д. 32, л. 2,2об, 4, 4об, 5, 5об, 6).

Супруги Трунёвы, скончавшиеся в верхнеудинской тюрьме от сыпного тифа, были погребены на городском кладбище (территория Троицкого храма). Их дети, Авдифакс и Тивуртий срочно выехали в январе 1932 г. в центральную часть России (впоследствии в 1970-х гг. Авдифакс жил в Орловской области, а Тивуртий в Москве).

О революционных событиях, связанных с историей бывшего дома Трунёвых, сегодня напоминает мемориальная доска на фасаде здания: «В этом доме в 1923 г. проходило первое заседание Бурревкома».

С освобождением всего Дальнего Востока, Забайкалья и Прибайкалья от японских, американских интервентов и белогвардейцев отпала необходимость существования Дальневосточной республики. Политбюро ЦК РКП (б) постановлением от 12 октября 1922 г. признало целесообразным упразднить «буферную» Дальневосточную республику и дало директиву Дальбюро ЦК РКП (б) развернуть подготовку к объединению ДВР с РСФСР.

Народное собрание ДВР 2-го созыва постановлением 13 ноября 1922 г. объявило: «На всем русском Дальнем Востоке — власть Советов», и обратилось с просьбой во ВЦИК и съезд Советов РСФСР присоединить ДВР к РСФСР. 16 ноября 1922 г. ВЦИК постановил объявить ДВР нераздельной и составной частью РСФСР.

Дальбюро РКП (б) и Дальревком образовали губернские ревкомы и в том числе Ревком Прибайкальской губернии с центром в Верхнеудинске. Прибайкальский ревком провел работу по советизации губернии и по завершению передал власть 1-му Прибайкальскому губернскому съезду Советов.

Прибайкальская губерния с населением в 300 тыс. чел. объединяла четыре уезда с русским населением: Троицкосавский, Верхнеудинский, Баргузинский, Петровско-Забайкальский и три аймака с бурятским населением: Баргузинский, Хоринский и Чикойский (без Агинского аймака, включенного в Забайкальскую губернию).

31 июля 1923 г. в доме купца П.Т. Трунёва состоялось первое заседание образованного постановлением ВЦИК Бурревкома (революционного комитета БМАССР) под председательством М.Н. Ербанова, заместителя председателя А.И. Амагаева, членов В.И. Трубачеева и др.

Бурревком принял на себя всю полноту власти в объединенных автономных областях бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока для образования Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики впредь до созыва 1-го съезда Советов БМАССР, в силу чего Бурисполком Сибири и Бурревком Дальнего Востока подлежали роспуску, а прочие областные органы реорганизовывались в соответствующие наркоматы республики. На том же заседании ревкома было принято «Временное положение» о государственном устройстве БМАССР, назначены народные комиссары и члены коллегий народных комиссариатов. В конце августа 1923 г. состоялось объединенное заседание ревкома БМАССР, губисполко-

ма и Комиссии ВЦИК РСФСР по определению границ БМАССР.

В 1930–1935 гг. второй этаж дома Трунёва занимал Монгольский рабочий факультет, основной задачей которого была подготовка кадров для дружественной нам страны. Также в 1930 г. в помещениях здания была открыта фельдшерско-акушерская школа, позднее переименованная в медицинское училище, а в 1963 г. она была переведена в новый корпус по улице Терешковой.

В 1936 г. постановлением Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской АССР от 15.08.1936 г., в здании разместили Бурмедторг, осуществлявший лекарственное обеспечение Бурят-Монгольской АССР с 1924 г. В состав Бурмедторга входили магазин санитарии и гигиены № 1, лаборатория, склад, аптека № 2 и головная контора. Затем, на протяжении более 50 лет, на первом этаже здания находилось аптекоуправление Республики Бурятия, второй этаж занимала стоматологическая поликлиника (до настоящего времени), а также работали аптека, магазин «Оптика» и т.д.

Ныне из исторических построек усадьбы Трунёва сохранился главный дом, амбар, часть брандмауэрной стены. Наружный вид фасада здания сохранил свой первоначальный облик (за исключением заложенного кирпичом арочного проезда в дворовую часть дома со стороны ул. Ленина).

После постановки здания на государственную охрану в 1971 г. как историко-революционного памятника периода советизации Прибайкалья и образования Бурят-Монгольской АССР, органом охраны памятников в 1975 г. была изготовлена учетная документация на объект с описанием его «революционного прошлого», а в 2009 г. разработан новый паспорт памятника с описанием его градостроительной ценности, объемно-планировочных решений и декоративных элементов фасадов:

> «Здание расположено в среде исторической застройки кон. XIX —нач. XX вв. центральной исторической части города и выполняет важную градостроительную роль в формировании исторического центра.
> Здание расположено на углу ул. Ленина (бывшая Большая Николаевская) и Каландаришвили (бывшая Проезжая) и формирует исторические красные линии застройки продольными фасадами. Совместно с другими зданиями в границах рассматриваемого участка «сплошным» фронтом формирует визуальное восприятие застройки исторического центра города.
> Объемно-планировочное решение здания: здание состоит из двух частей, расположенных по ул. Ленина и Каландаришвили. Объем, расположенный по ул. Ленина — восточный, вытянут вдоль улицы. Главный восточный фасад по ул. Ленина, торцевой северный — по ул. Каландаришвили. Объем, расположенный по ул. Каландаришвили —северный, вытянут вдоль улицы.
> Часть здания, расположенная по ул. Ленина, — двухэтажное каменное оштукатуренное здание с вальмовой крышей. Со стороны южного фасада по первому этажу устроен вход на второй этаж. Дворовые фасады имеют разный декор, так как со стороны дворового фасада пристрои разного времени, на более ранних, декор повторяет декор главного фасада. Здание прямоугольное в плане с равновеликими пристроями со стороны дворового фасада. Южный, более ранней постройки объем разделен по длине на узкий со стороны дворового фасада коридор и просторные комнаты, выходящие на главный фасад. Центральный объем по первому этажу имел сквозной проезд в дворовую часть, в настоящее время заложен и превращен в помещение. Северный объем имеет также небольшой по длине коридор со стороны дворового фасада и просторные комнаты — угловую и со стороны главного фасада. Со стороны южного фасада пристроен главный вход на второй этаж, по линии главного фасада. Главный вход одноэтажный, со стороны двора двухэтажный под односкатной кровлей.
> Часть здания, расположенная по ул. Каландаришвили, — двухэтажное каменное оштукатуренное здание с вальмовой крышей. Состоит из четырех разновеликих объемов: левый объем шире остальных — семиосный, центральный — трехосный, западный четырехосный и объем лестницы, в котором располагается лестница главного входа.
> Архитектура главного фасада части здания, расположенного по ул. Ленина, выдержана в эклек-

Бывший дом Трунёвых. *Фото 2003 г.*
Вид с перекрестка ул. Ленина и Каландаришвили

тичных формах с трехчастным членением главного фасада — центральный и северный объемы, построенные позднее и полностью повторяющие архитектуру ранее построенного южного объема. Уличные фасады восточного крыла раскреповаными пилястрами и завершаются массивным профилированным карнизом небольшого выноса.

Главный восточный фасад венчает над свесом кровли ажурное кованное металлическое ограждение, закрепленное к фигурным кирпичным столбикам. Между столбиками по центру каждого объема аттики. Аттик центрального объема имеет четыре триглифа, профилированный карниз по верху и низу аттика. Над аттиком фронтон с широким карнизом, по центру тимпана круглая люкарна с широким профилированным обрамляющим наличником. Под аттиком в уровне второго этажа в ширину всего членения устроен балкон. Ограждение металлическое кованное ажурного рисунка, более сложного, чем ограждение кровли. Оконные и дверные проемы уличных фасадов имеют лучковое завершение и декорированы гладкими, трехсторонними наличниками. Над проемами первого этажа устроены профилированные дугообразные сандрики. Оконные проемы второго этажа имеют более развитое декоративное обрамление. Поле высокой лобани, повторяющей рисунок оконного проема, выделено прямоугольным выступающим элементом и завершается массивным прямым профилированным карнизом. Нижняя профилированная подоконная горизонталь поддерживается фигурными кронштейнами. По первому этажу на окнах и дверях двухстворчатые дощатые ставни, повторяющие рисунок проемов.

Часть здания, расположенная по ул. Каландаришвили, состоит из четырех разновеликих объемов. Левый семиосный объем фланкирован угловым бордюром и завершается широким многоуровневым профилированным карнизом небольшого выноса. Три остальных объема акцентированы гладкими лопатками и завершаются профилированным карнизом небольшого выноса с рядом сухариков. Оконные проемы северного крыла прямоугольные. По левому объему декорированы ступенчатым трапециевидным элементом, имитирующим замковый камень.

Здание выполняет важную градостроительную роль в формировании ул. Ленина с хорошо сохранившимися объемно-планировочными решениями и декоративными элементами фасадов» *(Паспорт памятника. Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»).*

Опираясь на материалы из научного паспорта здания, можно утверждать, что здание по ул.и Ленина, 29, поставленное на государственную охрану как историко-революционный памятник периода образования Бурят-Монгольской АССР, представляет ценность как памятник архитектуры и градостроительства.

В 1996 г. специалистами АО «Бурпроект» было проведено обследование конструкций здания. Результаты обследования изложены следующим образом:

«Конструкции здания:
здание жесткой конструктивной схемы с несущими стенами из кирпича на известковом растворе. Толщина наружных стен 900 мм, внутренних 510, 640 мм;
перекрытия — деревянные из наката по деревянным балкам с утепляющим слоем из шлака;
междуэтажное перекрытие высотой до 900 мм. Балки пола работают отдельно от балок перекрытия;
фундаменты — бутовая кладка на известковом растворе;
перегородки — дощатые, оштукатуренные с обеих сторон.

Состояние конструкций:
междуэтажное перекрытие... получило значительную деформацию; имеется наличие прогибов перекрытия;
простенок и подоконная кладка наружной стены на ул. Ленина получила значительные трещины до 10–15 мм шириной, в связи с этим необходимо усиление;
полы 1-го и в большей степени 2-го этажей деформированы, перегородки 2-го этажа оторваны от перекрытий до 30–50 мм.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что здание необходимо капитально отремонтировать, а именно:
заменить подгнившие балки перекрытия, настил в междуэтажном и чердачном перекрытиях;
устранить деформации полов 1-го и 2-го этажей;
выполнить усиление простенков, углов пересечений стен на сейсмичность 9 баллов и т.д.» (*Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»*).

Для организации работ по сохранению объекта культурного наследия распоряжением Государственного комитета по управлению государственным имуществом Республики Бурятия за № 22 от

16.04.1997 г. здание по ул. Ленина, 29 было закреплено за государственным учреждением «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников» на праве оперативного управления, а в 2001 г. передано на баланс НПЦ (распоряжение ГКИ РБ № 59 от 24.09.2001 г.).

На тот момент времени здание находилось в арендном пользовании шести организаций. В течении длительной эксплуатации (около 100 лет) различными организациями капитального ремонта не проводилось. Неквалифицированные и несогласованные действия пользователей привели к прогрессирующему ухудшению состояния памятника, о чем свидетельствуют многочисленные акты осмотров помещений различными комиссиями, зафиксировавшие множественные аварии в отопительной и канализационной системах и как следствие — неоднократные затопления торговых залов магазинов, расположенных на первом этаже здания (*Архив Комитета государственной охраны ОКН).*

Находящиеся под зданием подвалы (3 помещения) не использовались, а из-за отсутствия вентиляции и, как следствие этого, долгосрочного переувлажнения конструкций, находились в аварийном состоянии. Были ликвидированы все существовавшие ранее приямки здания.

Согласно результатам выполненных в 2010 и 2011 гг. ООО «Научно-технический центр «Сейсмострой» инженерных обследований здания, сделаны выводы об «ограниченно работоспособном, близком к недопустимому» техническом состоянии здания. Было установлено прогрессирующее ухудшение состояния памятника в связи с повышением в последние годы уровня грунтовых вод, затрудненности влагообмена с воздушной средой закрытого асфальтом прилегающего грунта, закрытия всех приямков и отверстий, обеспечивающих естественную вентиляцию. «Увлажняются, намокают и разрушаются наружные стены кирпичной кладки стен и сводов подвала, цокольной части наружных стен. Из-за неисправности и отсутствия устройств организованных сливов, увлажняются и повреждаются карнизные участки стен и парапеты. Из-за неравномерных осадок намокающих грунтов и отсутствия швов растрескиваются стены. Из-за намоканий при затоплении технической водой, отсутствия продухов для естественной вентиляции и захламленности, увлажняются, намокают, недопустимо деформируются и загнивают конструкции деревянных перекрытий» (*Инженерное обследование 2010 г.).*

Требовалось реализовать следующие первоочередные мероприятия:

по подвалу под аптекой:

просушить кирпичные стены и своды, обеспечить вентиляцию помещений и реализовать разработанные проектные решения по усилению конструкций подвала;

по крыше:

выполнить ремонт кровельного покрытия, организовать водосток, заменить поврежденные конструкции стропильной системы, усилить ее отдельные узлы, обеспечить опирание элементов стропильной системы только на стены;

по чердачному перекрытию:

провести замену старого утеплителя, усилить опорную часть балок и т.д.;

по междуэтажному перекрытию:

обеспечить вентиляцию подпольного пространства.

Кроме всего этого требовался безотлагательный ремонт лестницы, ремонт фасадов здания и т.д.

Действующее законодательство в области охраны памятников предписывает обязанность пользователя памятника истории и культуры «обеспечить соответствующий режим содержания» объекта. Учитывая аварийное состояние конструкций памятника, представляющих угрозу посетителям в условиях сложной сейсмической обстановки в республике, уполномоченный орган охраны памятников постарался объединить усилия пользователей для подготовки и начала ремонтно-реставрационных работ.

В 2003 г. для исключения наблюдаемых протечек органом охраны памятников срочно были организованы и проведены работы по ремонту и окраске кровли здания, восстановлению брандмауэра кровли, а также ремонт двухэтажного здания склада в дворовой части памятника.

Большую тревогу вызывал и вызывает по сей день большепролетный кирпичный свод (до 7,5 м) подвального помещения, расположенного под аптекой (еще один объем подвального помещения засыпан строительным мусором). В этом неэксплуатируемом, с заложенными первоначальными входами, окнами и продухами, фактически законсервированном подвале, периодически стоит грунтовая вода (затопление подвала было зафиксировано при обследовании здания еще в 1997 г.). Разрушаются штукатурка и кирпичная кладка сводов и стен. Деревянные стойки, устроенные для подпорки большепролетного свода, в большинстве своем сгнили. Учитывая аварийную ситуацию, не исключается возможность, что конструкции пола аптеки, опирающиеся на кирпичный свод подвала, могут обрушиться. Бесхозное состояние помещения ставит под угрозу сохранение большепролетного

кирпичного свода подвала, как части памятника, являющегося подтверждением строительного искусства дореволюционных мастеров. В 2011 г. была разработана рабочая документация по усилению кирпичных сводов (ООО АМ «Проект Байкал»), архитектурно-строительные решения которой так и не выполнены.

В 2014 г. проведены работы по ремонту фасадов здания. Во время производства ремонтных работ была демонтирована деревянная лестница главного входа в здание (стоматологическая поликлиника № 1). В результате демонтажа открылась существующая лестница из натурального природного камня. Сильно изношенную, с многочисленными сколами и деформациями каменную лестницу было решено законсервировать. Ее ступени и площадки облицованы гранитной плиткой 300 х 600 мм и толщиной 18 мм (проектная организация ООО «Алтарь»).

В 2015 г. в рамках ФЦП «Культура России» по заказу Министерства культуры Российской Федерации началась разработка научно-проектной документации для проведения реставрационных работ по зданию. Проектной организацией ООО «Карат» (г. Курган) были выполнены предварительные работы, комплексные научные исследования, комплексные натурные исследования и фотофиксация названного объекта культурного наследия (ГАП Н.Л. Удина). 8 сентября 2015 г. на рабочее заседание Реставрационного совета при Министерстве культуры Республики Бурятия был представлен на рассмотрение и согласование комплект выполненной проектной документации. Учитывая, что представленные разделы (предварительные работы и комплексные научные исследования) научно-проектной документации согласованию не подлежат, Министерство культуры Республики Бурятия ограничилось рекомендацией продолжить дальнейшее проектирование документации стадии «проект реставрации» и стадии «рабочая документация».

Дальнейшие действия, разработка проектной документации и проведение ремонтно-реставрационных работ по объекту культурного наследия «Здание, где в 1923 году размещался Прибайкальский губком РКП (б) во главе с Постышевым П.П. (1880–1900)», вошли в План основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 350- летия основания Улан-Удэ, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.06.2013 г. № 922-р. Благодаря успешной реализации мероприятий программы в 2016 г. по зданию были проведены крупномасштабные фасадные работы (в т.ч. произведена замена окон, реставрация ставень) и работы по замене кровельного покрытия исторического здания (СК «Фасад»).

Сегодня каменное купеческое здание (*ул. Ленина, 29*) с отреставрированными фасадами, расположенное в среде исторической застройки кон. XIX — нач. XX в. в центральной исторической части города выполняет важную градостроительную роль в формировании ул. Ленина. Это угловое здание является одним из узловых элементов пространственной микроструктуры, входящей в ткань исторического ядра города в целом. Совместно с другими зданиями «сплошным» фронтом формирует визуальное восприятие застройки исторического центра города.

Глядя на него, невольно вспоминаются слова писателя Константина Коровина: «Люди ушли, стены остались, чтобы мы задумались, вспомнили об ушедших. Иначе какие из нас потомки».

Елена Михалёва

Общественное собрание

ул. Ленина, 46

«Дом, в котором в 1920 году на съезде трудового населения Забайкалья была принята Декларация об образовании Дальневосточной республики и избрано правительство. Здесь в декабре 1923 г. на I съезде Советов Бурят-Монгольской АССР были избраны ЦИК (БурЦИК) и Совнарком — первое правительство Бурят-Монгольской АССР» — объект культурного наследия федерального значения, поставленный под охрану государства Постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г.

Улица Ленина (бывшая 2-я Продольная улица от реки Селенги — Трактовая; 2-я Продольная от реки Селенги — Большая Соборная, Большая, Большая Николаевская, Ленинская) начинается с берега реки Уды и идет на север, пересекая всю центральную историческую часть города, продолжается на нагорной части и заканчивается у Главпочтамта. Она связывает две большие площади города — площадь Революции (бывшая Базарная, Гостинодворская) и площадь Советов (бывшая Нагорная). Улица стала главной планировочной осью при составлении планов Верхнеудинска, а Одигитриевский собор, построенный в 1741–1785 гг., — выразительным архитектурным акцентом, завершающим эту улицу.

В 1816 г. проект застройки Верхнеудинска, разработанный иркутским губернским архитектором Я. Кругликовым, определил планировку, которая сохранилась в исторической части города до настоящего времени. Проект предусматривал периметральную застройку кварталов с непрерывным фронтом размещения зданий вдоль главной линии улиц. «Такая застройка с непрерывным фронтом декоративно оформленных фасадов к кон. XIX — нач. XX в. начинала уже формироваться на Большой улице и главной площади города Гостинодворской (ранее Базарная)» (Гурьянов В.К. По Большой — Большой Николаевской. —Улан-Удэ, 1998, стр. 22).

Город разделялся на три части: на собственно городскую часть, Заудинское предместье (Заудинская слобода) и предместье на левом берегу Селенги — Поселье, возникшее в самом начале XIX в.

В 1810 г. в городской части было 12 улиц: Большая Набережная (ныне ул. Смолина), Трактовая (Ленина), Северо-Южная (Коммунистическая), Спасская (Калинина), Набережная по Уде (Набережная), Соборная, Мещанская (Банзарова), Солдатская (Свердлова), Троицкая (Куйбышева), Гостиная (Кирова), Ямская (Каландаришвили), Луговая (Советская).

По плану 1839 года общая площадь территорий в пределах городской черты была определена почти в 12 тыс. десятин. Эта площадь города сохранилась до конца XIX в.

По проекту 1846 г. архитектора Сутормина предполагалось осваивать нагорную и северную части города, прилегающие к Иркутскому тракту и реке Селенге. С 1833 по 1867 г. число зданий города увеличилось с 451 до 617.

Подавляющая часть жилых зданий строилась в дереве, но постепенно стали практиковаться и смешанные конструкции с нижним каменным этажом. Утверждение планов и фасадов частных домов, выдача разрешений на перестройку и наблюдение за правильным использованием построек, согласно городовому положению от 16 июня 1870 г., было предоставлено городским управам. «При застройке приобретенных участков пользователь писал в городскую управу заявление с приложением плана застройки усадьбы в двух экземплярах, где спрашивал разрешения на постройку вновь предполагаемых строений с учетом существующих. План рассматривался в городской управе и принималось решение. Строительство разрешалось при условии соблюдении плана застройки, строительного устава и установленных законом обязательных постановлений и правил.

Согласно «Оценочным ведомостям с недвижимых имуществ г. Верхнеудинска» в 1874 г. на улице

Большой размещалось 29 усадеб (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 4), в 1908 г. занятых земельных участков 49 (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2949), а в 1915 г. — 50 (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2828).

К застройке центральной улицы городскими властями предъявлялись особенно жесткие требования. В 1908 г. было принято обязательное постановление для жителей города, составленное на основании 108 ст. Городового положения и изданное губернатором Забайкальской области в порядке 110 ст. того же закона «О воспрещении деревянных построек по Большой улице города Верхнеудинска». От Набережной Уды до Триумфальной арки положено было строить только каменные здания, воспрещалось возводить деревянные постройки фасадом на улицу.

В кон. XIX — нач. XX в. на главной улице были представлены усадьбы всех сословий, проживающих в городе: купцов, мещан, крестьян, казаков, священнослужителей. Строения «говорили» о материальном достатке их владельцев. «Особенно выделялись купеческие дома, в основном двухэтажные, с торговыми лавками на первом этаже, квартирами на втором, и примыкающими к ним, либо отдельно стоящими объемами торговых помещений. Их фасады растягивались вдоль улицы на приличные расстояния и выделялись среди усадеб других сословий... Окна и двери с раскрытыми ставнями в виде сплошных полос по обеим сторонам улицы и красочные разнообразные рекламы над ними, дополняли живописную картину декоративности главных фасадов. Главному жилому дому, как центру композиции, подчинялись его составные части — надворные строения, создавая единый ансамбль» (*Гуръянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр.21).*

К сожалению, немало жилых усадеб было утрачено в связи с их ветхостью, а также при освобождении земельных участков под новое строительство. До настоящего времени сохранились усадебные постройки купцов Титова, Немчинова, Курбатова, Трунёва, Голдобина, Цыгальницкого, мещан Капельпана, Пахолкова, Сергеевой, Пантелеевых, крестьян Самсоновича, Борисова, Мостовского, Оверина, общественные здания различного назначения, которые являются объектами культурного наследия.

В нач. XX в. на улице Большой Николаевской кроме жилых домов размещались Одигитриевский собор, Присутственные места с уездным и земским судами, городской полицией, уездным казначейством, пожарная команда, общественный колодец, общественная библиотека, магазины, электротеатр, Гостиные ряды, канцелярия городской думы и управы; общественное собрание, гостиница «Птиотель», почтово-телеграфная контора, приют для арестантских детей, Триумфальная арка.

В настоящее время ул. Ленина сохранила функцию главной планировочной оси центральной исторической части города, где размещены в основном здания торгового и общественного назначения. Часть улицы – пешеходная.

В кон. 1800-х гг. земельный участок принадлежал верхнеудинскому второй гильдии купцу Петру Васильевичу Гирченко, которым он владел «по трем свидетельствам, выданным из Верхнеудинской городской ратуши 3 марта 1866 г. за № 466, 11 июля 1869 г. за № 976 и 23 сентября 1869 г. за № 1436, и вводному листу, выданному 31 мая 1871 г.» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 12). Место по Большой улице было смежное с местом «мещанки Екатерины Гармоновой, мерою: по улице — 80 саж. и поперечнику — 12 саж.».

30 апреля 1882 г. П.В. Гирченко через своего доверенного иркутского мещанина Матвея Ивановича Ложникова продал участок за 820 руб. иркутскому первой гильдии купцу Ивану Флегонтовичу Голдобину (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 1). После смерти купца И.Ф. Голдобина земельный участок с находящимися на нем деревянным домом и надворными постройками по завещанию Голдобина перешли в собственность его жены Елизаветы Ивановны Голдобиной, впоследствии Кукель.

«Голдобина (Кукель) Елизавета Ивановна, потомственная почетная гражданка Верхнеудинска, попечительница приюта для арестантских детей, владелица усадеб мужа И.Ф. Голдобина (по первому браку). Впоследствии вышла замуж за генерал-лейтенанта. Занималась благотворительностью. 11 июня 1896 г. она завещала Верхнеудинску 25 тыс. руб. билетами Государственного банка на содержание процентами этого капитала устроенных ей богадельни и приюта. Как почетная попечительница верхнеудинской женской прогимназии, пожертвовала в пользу этого учебного заведения одну 1 тыс. руб. Государь император от 30 декабря 1904 г. соизволил Высочайшего Его Императорского Величества благоволения» (Известные люди —

Бурятия — Верхнеудинск · —Улан-Удэ /https: //vk.com/topic).

В 1 897 г. Е.И. Кукель пожертвовала Городскому общественному собранию свое имущество по Большой улице. Из письма старшин Общественного собрания в адрес Городской управы за 1907 г. следует:

> «В 1897 г. Общественному собранью, скитавшемуся по наемным квартирам и едва влачившему свое существование, был сделан значительный дар — было пожертвовано усадебное место со старым деревянным домом. Состояние кассы Собранья в то время было плачевное — не было ни имущества, ни денег. Благодаря заботам бывших в то время старшин А.А. Левитского, А.К. Кобылкина и П.Т. Трунёва, Собранье с приобретением собственного места начало процветать, нашлись сочувствующие, нашлись и деньги. Собранье в долг на неопределенный срок выстроили здание, купили бильярд и рояль. С тех пор все доходы Собранья поступали на уплату долга по первоначальному приспособлению дара для целей Собранья. Этот долг был погашен только в 1903 г.» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 4).

При этом в документах из фондов Государственного архива Республики Бурятия говорится, что был утерян документ, подтверждающий факт дарения участка со старым деревянным домом Е. Кукель. В связи с этим согласно «Оценочной ведомости недвижимых имуществ города Верхнеудинска для взимания налога с городских недвижимых имуществ в городской оценочный сбор в 1915 году» усадебное место по Большой Николаевской улице по-прежнему принадлежало жене генерал-лейтенанта Елизавете Ивановне Кукель, а заведовало местом Общественное собрание. Участок с постройками был оценен в 5040 руб. (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2828).

Дарованное место из-за отсутствия средств у Собрания долгое время было не огорожено и им пользовались городские обыватели для складирования камня, леса и дров. А когда появились средства, и участок был огорожен, оказалось, что в июле 1903 г. пустопорожнее место было Городской управой отдано в аренду на 15 лет за 56 руб. 50 коп. в год Х. Курунгулову. В связи с чем Совет старшин Собрания обращался в управу и суд для решения спорного владения (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 4).

В мае 1915 г. Городская управа вместе с планом участка, составленным городским техником А.С. Котовым, выдала справку поверенному Верхнеудинского общественного собрания присяжному поверенному Фёдору Ивановичу Чистякову в том, что часть «владеемого фактически Верхнеудинским общественным собранием, а именно: по задней меже на востоке городского пустопорожнего места 10 саж., по Закалтусной улице 8,10 саж., по улице без названия 6,8 саж., по межам: Пластинина 16,65 саж., Казачихина 16,23 саж., и затем от восточного межевого угла городского (пустопорожнего участка) параллельно с улицей без названия до угла пересечения 27,30 саж., и от угла пересечения до межи Гауз и Казачихина 10 саж. Всего 584,86 кв. саж. по постановлению Верхнеудинской городской думы 6 июля 1907 г. отдана Общественному собранию в бесплатное пользование до того времени, пока будет существовать Общественное собрание, с тем, что Общественное собрание по заявлению Городской управы должно бесплатно предоставлять во все время пользования городской землей зал Общественного собрания для благотворительных вечеров и ученических спектаклей до 10 раз в год. Таким образом, площадь участка земли, владеемого Общественным собранием на праве собственности, определяется в 771,20 кв. саж.» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 16–17об).

В июле 1915 г. военный губернатор Забайкальского края своим письмом в адрес Верхнеудинского городского головы сообщил, что «им разрешено привести в исполнение постановление Верхнеудинской городской думы от 15-го июля с.г. за № 135 о бесплатном отчуждении 584,86 кв. саж. городской земли в собственность Общественному собранию» (Там же, л. 29–29об).

Согласно найденному в Государственном архиве Республики Бурятия уставу Верхнеудинского общественного собрания от 1883 г., «Общественное собрание имеет целью доставлять членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользою. С этой целью Собранию предоставляется устраивать для своих членов и их гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления, выписывать книги, газеты и др. периодические издания, а также приглашать лиц специальных по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы к распространению между членами Собрания полезных сведений» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 393, л. 3).

Музыкальные и драматические представления устраивались «с разрешения местного полицейского начальства, причем на сцены допускаются постановки только пьес разрешенных цензором драматических сочинений при Главном управлении по делам печати и без всяких отступлений от дозволенных цензурою оригиналов» (ГАРБ ф.10,

оп. 1, д. 393, л. 3). В Собрании допускались все виды игр, за исключением азартных.

Собрание состояло из действительных и почетных членов, хозяйственными и прочими делами заведовали избираемые ежегодно Совет старшин и Ревизионная комиссия. Совет определял дни для балов и маскарадов, семейных и музыкальных вечеров и других увеселений, устанавливал плату за входные билеты для гостей, цены «кушаниям», напиткам, употребляемым в Собрании, картам, биллиардной игре и пр. Содержание при Собрании буфета подчинялось правилам относительно платежа, акциза и других сборов.

Ежемесячно и к концу каждого года Совет составлял общий годовой отчет, как по приходу сумм, так и по хозяйственному управлению за истекший год и приходно-расходную смету на будущий год.

Находящиеся в Собрании лица обязаны были «соблюдать должный порядок, вежливость и приличие». Ссоры и взаимные пререкания между посетителями, а также споры по уплате игорных долгов рассматривались Советом старшин или на общем собрании членов, которые были обыкновенными и чрезвычайными. К последним относились вопросы по найму помещения и утверждения контрактов.

Довольно долгое время своего помещения у Собрания не было, в связи с чем его приходилось арендовать в разных зданиях города. В феврале 1898 г. в Верхнеудинской городской управе рассматривалось заявление Совета старшин с просьбой бесплатного выделения земельного участка «в нагорной части по Большой улице за казармами местной команды, в первом же квартале мерою 2400 кв. саж.» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1190, л. 3) для строительства здания Собрания. Городская управа категорически высказалась по поводу отвода участка, ссылаясь на то, что «Общественное собрание в силу жизненных условий служит для потребностей людей богатых. По самому существу устава Общественного собрания — оно есть учреждение увеселительное, т.к. главная задача Собрания — танцы и картежные игры» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1190, л. 3). «Поэтому приносить такую громадную жертву со стороны города для маленького кружка богатых людей, когда много есть неудовлетворенных нужд города по недостатку средств, не будет отвечать законности и чувству справедливости» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1190, л. 4).

В 1897 г. Елизавета Кукель пожертвовала Общественному собранию земельный участок с небольшим деревянным домом по ул. Большой.

Из воспоминаний верхнеудинского врача Михаила Владимировича Танского:

«Было в Верхнеудинске и Общественное собрание, помещавшееся в небольшом, пожертвованном купцом Голдобиным, доме по Большой улице под горою. Во главе управления стояли старшины с председателем, которые выбирались членами Собрания, плативших членские взносы. Тесное помещение отнюдь не удовлетворяло нужд, и старшины собрания заарендовали для него верхний этаж немчиновского дома (угол Большой и Троицкой) (примерно ул. Ленина, 20). В новом помещении оказалось несколько больших залов, и явилась даже возможность оборудовать вполне приличную сцену для любительских спектаклей и выступлений редких заезжих артистов. Любительских спектаклей, непременно с благотворительной целью, ставилось в зиму до пяти-шести, среди любителей провертывались в достаточной степени опытные лицедеи...

В немчиновском доме собрание просуществовало недолго. Сделали деревянный пристрой к старому дому Собрания с довольно поместительным залом и сценой, и соединили оба здания – старое и новое – каменным коридором» (Записки верхнеудинского доктора. — Улан-Удэ, 2018, стр. 252, 253, 254).

В октябре 1906 г. при строительстве каменного коридора из-за несоблюдения строительных норм и плохого качества кирпича произошло трагическое событие — погибли двое рабочих и один получил значительные травмы (ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 3147, л. 1, 4).

На время ремонта Общественное собрание располагалось в доме купца Розенштейна на Нагорной площади (ныне ул.Сухэ-Батора, 16). «22 октября 1905 г. в доме Розенштейна состоялось официальное открытие помещения Общественного собрания Верхнеудинска. 12 ноября 1905 г. в Верхнеудинске, в Общественном собрании, состоялся политический митинг. Председателем был избран Л.Ф. Мирский, старый народоволец, в 1878 г. он был приговорен к смертной казни за покушение на шефа жандармов Дрентельна, затем сослан на каторгу в Каре и по отбытии ее в течение нескольких лет до 1905 г. жил в Верхнеудинске на поселении. Первым на собрании был сделан доклад инспектора народных училищ И.К. Окунцова на тему «Основы гражданской свободы». Докладчик предостерегал от излишней доверчивости к прижатому к стене правительству, указывал на необходимость зоркого наблюдения за дальнейшими его шагами и призывал в случае необходимости к борьбе, закончив свою речь горячим гимном Свободе, Праву и Гражданину. Доклад вызвал шумные аплодисменты и бурного выражения одобрения. После Окунцова выступали еще несколько ораторов, развивавших вы-

двинутые им положения. Закончили митинг пением Марсельезы, Дубинушки и других революционных песен, исполненных хором студентов Восточного института и рабочих» («Верхнеудинский листок», 1905 г., № 125).

После отъезда Восточного института в Общественном собрании на первом этаже была бильярдная; на втором — столовая, библиотека и карточные комнаты; на третьем — спектакли и «вообще публичные зрелища и увеселения...». Театр был рассчитан на 252 места. Именно здесь в марте 1909 года проходили гастроли знаменитой русской актрисы Веры Фёдоровны Комиссаржевской (1864–1910) («Очерки истории культуры Бурятии», т. 1, с. 427; Романов Н.С., кн. 2, стр. 119).

Здесь же в театре с 1909 г. проходили киносеансы, цена билетов была до 2 руб. 50 коп. в зависимости от места» (Жалсараев А. Из истории дома Розенштейна (ул. Сухэ-Батора, 16). / Личная страничка на «Facebook», ноябрь, 2016).

По воспоминаниям М. Танского, впоследствии после ремонта и устройства нового каменного коридора, в одну из ночей под Рождество здание Общественного собрания сгорело (Записки верхнеудинского доктора. — Улан-Удэ, 2018, стр. 254).

10 июля 1915 г. председатель Совета старшин Верхнеудинского Общественного собрания обратился в Строительное отделение Забайкальского областного правления:

> «При заявлении от 25 апреля сего года за № 139 я имел честь приложить план каменного здания Верхнеудинского общественного собрания. Так как до настоящего времени утвержденный Вами план не получен Общественным собранием, а между тем необходимо приступить к постройке, дабы не потерять строительный сезон, почтительнейше прошу Строительное отделение по утверждении плана прислать его Верхнеудинскому общественному собранию» (ГАЧО ф. 1, оп. 1, д. 685, л. 1).

О строительстве существующего ныне здания архивные изыскания были проведены в 2008 года ООО «Архитектурное наследие» в Государственном архиве Забайкальского края по заказу Федерального агентства по культуре и кинематографии при подготовке исторической справки к научно-проектной документации. (Государственный контракт 50-01-41/04-пх от 18.08.2008 г.).

По всей видимости, вопрос о строительстве здания Общественного собрания был инициирован еще раньше, так как еще в 27 марта 1915 г. Верхнеудинский инженер-механик Н.И. Нежданов заявлял Совету старшин Верхнеудинского общественного собрания о том, что «согласен принять на себя наблюдение за производством работ по постройке здания Общественного собрания в городе Верхнеудинске по Большой Николаевской улице.

Проект здания Общественного собрания в городе Верхнеудинске, расчеты и приложение к проекту на постройку здания обнаружены в фондах Государственного архива Читинской области. Составителем проекта, и собственно архитектором здания Общественного собрания значился гражданский инженер В.И. Коляновский. К делу был приложен великолепный альбом эскизного проекта фасада, выполненный в цвете, с тщательной разработкой декора будущего здания, общим планом и планами этажей. Восхищает красота и монументальность планируемой постройки, продуманной как великолепный образец архитектуры русского классицизма.

К сожалению, в действительности построенное здание значительно отличается от проектного решения. Здание было лишено левого крыла и зачем-то, по сути, вдавлено в гору. Хотя имеющиеся площади позволяли постройку данного здания в полном объеме, что без сомнения было лучшим решением. По-видимому, это решение было вызвано нехваткой средств на постройку здания в полном объеме в связи с непростой ситуацией в стране в целом, связанной с разорительной империалистической войной 1914–1918 гг.

Кроме того, постоянная смена «наблюдателей за производством работ» также не могла сказаться на строительстве здания благотворно. Так, уже 8 сентября 1915 г. «руководство работами по постройке Общественного собрания в Верхнеудинске... было Строительной комиссией поручено городскому технику А.С. Котову». По-видимому, к этому времени первый этаж здания был уже возведен инженером-механиком Н.И. Неждановым, так как в своей «приписке» в Строительное отделение Забайкальского областного правления городской техник Котов принимал на себя «наблюдение за достройку второго этажа каменного здания строящегося дома Верхнеудинского общественного собрания по Большой Николаевской улице». По сути, только приступив к постройке здания, городской техник Котов, «как не имеющий права на производство работ... а поэтому и не может быть допущен наблюдать за работами по постройке каменного здания Общественного собрания», был отстранен. А отделение Забайкальского областного правления «по сему... дабы не приостанавливать работы» просило немедленно представить кандидатуру техника, имеющего по закону

право на производство работ. 1 июня 1916 г. в своей «подписке» Верхнеудинскому общественному собранию наблюдение за достройкой здания принимал на себя гражданский инженер Р.Э. Фон-Прюссинг (подпись неразборчива).

23 августа 1916 г. постройка здания Общественного собрания в чернее была закончена. Впрочем, тот же документ от 26 августа 1916 г. ссылался на то, что «работы ведутся с некоторыми отступлениями от представленного в Отделение проекта, так в потолочном перекрытии столовой введена железобетонная балка, опирающаяся на такие же колонны», а главная лестница еще и вовсе не была «начата постройкой».

28 ноября 1916 г. в своей отписке в отделение Забайкальского областного правления гражданский инженер Р.Э. Фон-Прюссинг (подпись неразборчива) «имел честь сообщить, что от наблюдения за работами по постройке Верхнеудинского собрания я отказываюсь ввиду окончания его постройки».

Но уже 4 января 1917 г. председатель Совета старшин Верхнеудинского общественного собрания сообщал в Строительное отделение Забайкальского областного правления: «Имею честь сообщить, что работы по постройке каменного здания Верхнеудинского общественного собрания уже закончены. Остались лишь работы по центральному отоплению и внутренней отделки (покраска) здания. Так как в окончании устройство центрального отопления здание может быть в настоящее время осмотрено и принято строительной комиссией».

1 февраля 1917 г. Строительное отделение Забайкальского областного правления просило областного архитектора инженера Пегаза «осмотреть в порядке технического-полицейского надзора при участии представителей от полиции и Городской управы выстроенное там каменное здание Общественного собрания и о результатах осмотра составить надлежащий акт, который представить в сие отделение». На что 19 июля 1918 г. инженер Пегаз отвечал, что «со времени получения сего предписания мне не представилось случая для осмотра указанного здания. По имеющимся сведениям, постройка здания закончена, и оно уже открыто для общественного пользования».

Впрочем, инженер Пегаз вряд ли бы решился на инспекцию данного здания в связи с развернувшейся в стране гражданской войной и началом иностранной интервенции. Белогвардейское формирование атамана Семёнова дважды вторгалось в Забайкалье с территории Маньчжурии. 20 августа 1918 г. чехословацкие войска захватили Верхнеудинск. Лишь 2 марта 1920 г. город был освобожден от японских войск и белогвардейцев-семёновцев. (*Историческая записка. Том 2. Книга 2. — Иркутск, 2008*).

Из архивных источников мы узнаем, что «за время с 11 марта по 1 декабря 1915 г. в доме Общественного собрания квартировало 200 пленных, за постой которых причиталось 1103 руб. 59 коп.» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 286, л. 109).

В первые годы Советской власти в здании Общественного собрания происходили важные для республики мероприятия: 6 марта 1917 г. здесь проходило одно из первых заседаний Верхнеудинского Совета рабочих депутатов; 7–20 июля 1918 г. проходил съезд Советов Прибайкалья. А к началу 1920 г. Красная Армия, разгромив колчаковские войска, приблизилась к Байкалу, но в целом внешнеполитическое положение Советской России было крайне тяжелым и напряженным. Необходимо было использовать все возможности для борьбы за мир, за мирную передышку. Исходя из этого, во избежание войны с Японией, Советское правительство пошло на политический маневр — образование на Дальнем Востоке формально независимого буферного государства демократического типа, политика которого должна была направляться Советской Россией.

Руководствуясь указаниями ЦК РКП (б), Сибирское бюро ЦК РКП (б) решением от 3 марта 1920 г. создало Дальбюро РКП (б), задачей которого было объединение и сплочение всех коммунистов Забайкалья и Дальнего Востока под руководством единого центра для создания буферного государства на территории Забайкальской, Амурской, Приморской, Камчатской областей, Северного Сахалина. Состоявшийся в Верхнеудинске (Улан-Удэ) с 28 марта по 8 апреля 1920 г. съезд трудового населения Прибайкалья, который проходил в бывшем здании Общественного собрания, стал важным шагом на пути образования Дальневосточной Республики. Съезд объявил себя Учредительным собранием представителей трудящихся Забайкалья и 6 апреля 1920 г. принял Декларацию, провозгласившую образование ДВР в составе областей: Забайкальской, Амурской, Приморской, Камчатской, Сахалинской и полосы отчуждения КВЖД. Декларация определяла важнейшие задачи правительства ДВР: продолжить борьбу с остатками реакции, завершить объединение всех областей края, созвать народное Учредительное собрание, чтобы дать республике демократическую конституцию.

4–9 декабря 1923 г. в здании проходил I съезд Советов Бурятии, объединивший в соответствии с Постановлением ВЦИК от 30 мая 1923 г. в одну Бу-

рят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (БМАССР) с центром в Верхнеудинске две автономные Бурят-Монгольские области Западной и Восточной Бурятии.

Из газеты «Бурят-Монгольская правда» известно, что в начале 1921 г. в Верхнеудинске при Народном доме им. В.И. Ленина (бывшем здании Общественного собрания) было организовано товарищество драматических артистов, состоявшее из актеров-профессионалов (П. Н. Маргер-Мерецкая, Д.Д. Лельский, Лельская, Вербо и др.) и полупрофессионалов-любителей, в числе которых были учительница Е.А. Танская, инженер железной дороги Немцев-Уваров. Репертуар был довольно пестрый: от классики до развлекательных пьес.

В июне 1923 г. в Нардоме открылся Межсоюзный клуб. В театральной студии давались уроки пластики. В клубе работал живой журнал «Двигатель» (главный редактор Гаврилин). Санпросвет Наркомздрава в «Двигателе» открыл свою страничку. 27 ноября Межсоюзный клуб начал прием в музыкальную и драматические секции. Драматической секцией руководила Уварова-Немцова, музыкальной — Никитина.

В сентябре Народный дом им тов. Ленина переименован во Дворец Труда. В Нардоме работает коммунальная библиотека. В сентябре выдано 2112 книг. 433 читателя («Бурят-Монгольская правда», 1923 г., 4 сентября, №1).

В Государственном архиве Республики Бурятия сохранилась смета за 1924 г. на ремонт зрительного зала во Дворце Труда. Согласно этой информации предполагались следующие работы: в зрительном зале планировалось разобрать старый и сделать новый барьер, заделать кирпичом два гнезда в кирпичной стене, а также произвести разбор пола и настил нового, требовалась новая штукатурка и побелка известью на 2 раза на пилястры, колонны, оконные и дверные проемы, карнизы, цоколи, и кроме того, сделать две новые приставные лестницы; в бывшей читальне — обтереть пыли и побелить карнизы известью на два раза; в буфете — побелка карнизов, окраска срой дымчатой клеевой краской внутренних плоскостей пролетов дверей и арок, двух квадратных колонн, отвод бронзовых полосок; в фойе — перебрать штукатурку по внутренней поверхности арки, обтереть пыль и побелить известью на два раза карнизы, пилястры, арки, сделать по трафарету красные квадратики (ГАРБ ф. Р-274, оп. 1, д. 4, л. 1–4).

Здание бывшего Общественного собрания связано с организацией и становлением театрального искусства республики. В октябре 1928 г. Верхнеудинск посетил Московский передвижной организационный синтетический театр Международного Красного Стадиона и Осоавиахима СССР под руководством Е.П. Просветова. Оргтеатр направлялся с гастролями во Владивосток, где к труппе присоединились московские артисты оперетты. В декабре 1928 г. Оргтеатр вновь приехал в Верхнеудинск и дал 22 декабря спектакль А. Файко «Человек с портфелем». Здесь театру было предложено остаться в столице Бурят-Монгольской АССР. Творческий коллектив принял предложение, что и стало историей образования в будущем Русского драматического театра. Первым художественным руководителем и режиссером стал Е.П. Просветов (1894–1958). Театр ставил водевили, интермедии, скетчи, танцевально-спортивные этюды и сцены.

В 1928 г. в Верхнеудинске была организована бурятская театральная студия, в 1930 г. на ее основе — техникум искусств с четырьмя отделениями — музыкальным, театральным, литературным и художественным. Техникум стал настоящей кузницей национальных кадров (в настоящее время — колледж искусств им. Чайковского). Среди его выпускников были артисты, режиссеры, композиторы и драматурги: М. Шамбуева, Н. Балдано, Г. Цыдынжапов, Н. Гендунова, М. Степанова, Б. Ямпилов, Д. Аюшеев, Ж. Батуев и другие.

На основе решения обкома ВКП (б) и правительства республики 3 июня 1932 г. вышло постановление коллегии Наркомпроса об организации в Верхнеудинске Бурят-Монгольского государственного театра, имевшего в основном драматическо-музыкальное направление.

21 ноября 1932 г. здание Дворца Труда горело. В этот период в здании размещались Совет профес-

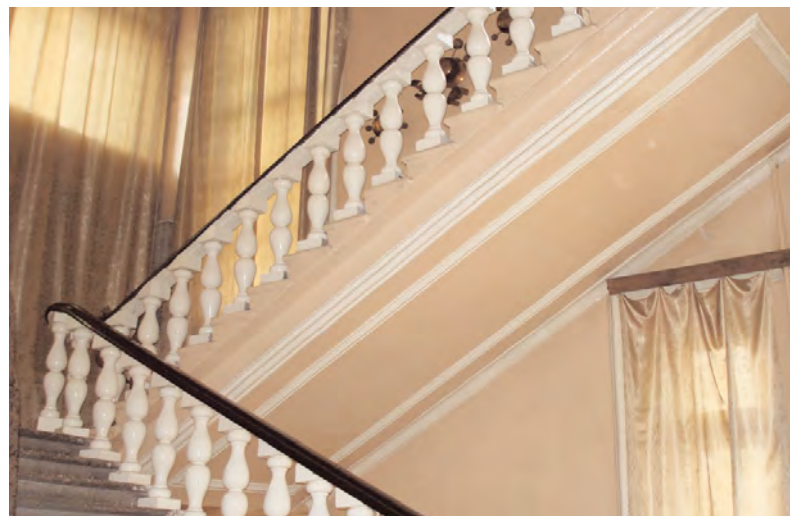
сиональных союзов Бурят-Монгольской АССР (Бурпрофсовет), все профсоюзы, Комитет Бурят-Монгольской страховой кассы, Межсоюзный клуб и городской театр. Учитывая, что здание имело огромное значение для Верхнеудинска, так как в нем размещался единственный большой зрительный зал с фойе, власти республики и города предприняли все усилия не только для его восстановления, но и расширения площадей.

Из «Пояснительной записки к подсчету стоимости восстановления, надстройки и пристройки бывшего здания Дворца Труда», составленной инженером Покровским 29 января 1933 г., следует, что «здание имело 2 этажа и нижний полуподвальный».

> «Все каменные стены наружные и внутренние кирпичные, толщиной в нижнем полуподвальном этаже в 3 кирпича, в 1 и 2 этажах в 2 $^{1}/_{2}$ кирпича, — отмечается в записке. — Все междуэтажные перекрытия были деревянные, в том числе и перекрытие нижнего этажа с котельным помещением. Как наружные, так и внутренние капитальные стены во многих местах имеют сквозные трещины, некоторые от карниза и до цоколя. Часть трещин, по-видимому, произошли от пожара, а некоторые старого происхождения (в лестничных клетках, в перемычках над дверными и оконными простенками)... Принимая во внимание общий характер трещин, толщину капитальных стен, качество кирпичной кладки, следует признать, что кроме обыкновенного восстановления здания в его прежнем виде, с исправлением дефектов поврежденных стен, перелицовкой или частичной перекладкой, является возможность надстройки над бывшим зданием Дворца Труда 3-го этажа. Далее, идя по пути реконструкции, перестройки и расширения существующих зданий, было бы целесообразно не ограничиваться площадью сгоревшего здания, а увеличить его площадь пристройкой с правой стороны по Ленинской улице, завернув здание по Советской, создав таким образом капитальное сооружение в центре города для обслуживания культурно-воспитательных нужд трудовых масс. При условии восстановления сгоревшего здания, расширения его с правой стороны по Ленинской и Советской улицам и надстройке 3-го этажа возможно было бы иметь следующее:
> 1) восстановленное сгоревшее здание с надстроенным 3 этажом полностью отвести под помещение БСПС с его отделами, превратив бывший зрительный театральный зал в зал заседаний, обслуживающий БСПС. За использованием бывшего зала заседаний (малого) и надстройкой 3-го этажа, площадь служебных помещений увеличится с 584 м^2 до 1313 м^2... для использования БСПС, расширения его отделов, персонала и частично под кладовые и архивы. Вся эта часть (левое крыло) будущего здания будет отделяться от среднего корпуса брандмауэром;
> 2) В пристроенной части здания по Ленинской до угла Советской (далее по Советской до угла Юного Коммунара) возможно будет разместить: зрительный зал в 2 света площадью 375 м^2 (бывший зал имел 154 м^2) на 700–800 человек с соответствующими сценой, уборными для артистов и прочие. При зале будет фойе 250 м^2, буфет 170 м^2, аванзал, вестибюль, гардеробные для хранения платьев, уборные и прочее. Общая площадь таких помещений определяется по периметру ориентировочно в 2200 м^2 или в 3 раза больше, чем имело сгоревшее здание...» (ГАРБ ф. Р-274, оп. 1, д. 126, л. 42–43).

Согласно пояснительной записке, общая ориентировочная стоимость всего сооружения исчислялась в 1 798 225 руб., из которых:

1) восстановление Дворца Труда — 313 084 руб.;
2) надстройка 3 этажа над зданием Дворца Труда — 153 615 руб.;



3) пристройка (в 2 эт.) театра — 1 186 416 руб.;
4) надстройка на 3 эт. над левой частью пристройки — 145 110 руб.» (Там же, л. 43)

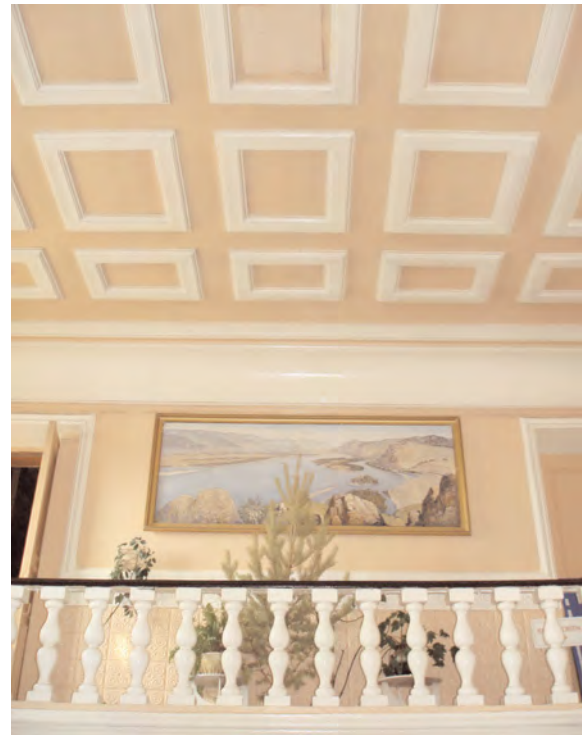
Из приказа начальника Бурстройконторы Ахметова Б.Г. (подрядчика) от 4 мая 1933 г. стало известно, что было заключено два договора: с Верхнеудинским отделением Роскино — на достройку кинотеатра и Бурятским советом профсоюзов — на восстановление сгоревшего здания Дворца Труда, согласно которым к работам необходимо было приступить не позднее 10 мая 1933 г. При этом указывалось, что в первую очередь нужно провести технический осмотр состояния стен здания Дворца Труда после пожара, проверить конструкции и стропильные фермы перекрытия зрительного зала, организовать охрану здания и суточный сторожевой пост, очистить здание от пожарного мусора, составить опись снятого оборудования, приступить к сборке санитарно-технического оборудования, забросить на стройку круглый лес, пиломатериалы и гвозди, организовать рабочую силу, питание, установить палатки для размещения рабочих (ГАРБ ф. Р-274, оп. 1, д. 126, л. 32–32об).

На восстановление здания Дворца Труда в Верхнеудинске, Президиум ВЦСПС и Главсоцстрой отпустили централизованных и местных средств в распоряжение Бурят-Монгольского совета профсоюзов 353 тыс. руб.

Из Договора Бурстройконторы с Бурятским советом профессиональных союзов от 23 апреля 1933 г. на проектирование восстановления сгоревшего каменного двухэтажного с подвальным помещением здания, принадлежащего Бурпрофсовету Дворца Труда в г. Верхнеудинске по Ленинской улице предполагалось «со следующей планировкой:

1) зал профсоюзов на 400 чел.;
2) малый зал профсоюзов на 110–120 чел.;
3) комнат для буротделов союзов и центральной страхкассы — 25, из расчета каждая минимум 2–3 чел.;
4) комнат для БСПС – 6 по 4 чел. каждая;

5) кабинет с приемной председателя БСПС;
6) профкабинета;
7) спецкомната;
8) столовая кухня на 60 чел.;
9) квартиры сторожа;
10) раздевалки и гардеробной;



11) установкой центрального парового отопления и канализации и местного водопровода;
12) электроосвещения»
(ГАРБ ф. Р-274, оп. 1, д. 126, л. 39–41).

«Капиталовложений в восстановление Дворца Труда Бурят-Монгольским совпрофом было вложено 667 780 руб., в число которых вошли отпущенные ВЦСПС 7 июля 1934 г. 150 000 руб. и БурСовнаркомом — 197 168 руб. Таким образом, профсоюзами уложено собственных средств в восстановление Дворца труда – 470 622 руб. кроме того, на протяжении строительного сезона за 9 месяцев, начиная с 1 апреля 1934 по 20 декабря 1934 г., физической силой по праздничным и выходным дням союзами было выработано 54 выходных дня, причем в каждый выходной день-ударник являлось в среднем 150 чел., что составляет 8100 трудодней» (ГАРБ ф. Р-86, оп. 1, д. 118, л. 103).

Решением Совнаркома Бурят-Монгольской АССР от 29 декабря 1934 г. Дворец Труда был передан Наркомпросу Бурят-Монгольской АССР под театр с возмещением понесенных Бурпрофсоветом затраченных средств, не считая основного каменного 3-этажного корпуса, оставшегося от пожара,

стоимость которого определяется свыше 1 млн руб.» (Там же).

Таким образом, с 1934 г. в восстановленном здании бывшего Общественного собрания размещался Театр русской драмы.

В 1966 г. при Русском драматическом театре, согласно постановлению Совета Министров Бурятской АССР от 26.05.1966 г. № 217, была организована кукольная группа, которая впоследствии приказом Министерства культуры РСФСР от 22 июля 1966 г. № 579 была выделена в самостоятельный Театр кукол. Часть помещений в здании бывшего Общественного собрания было передано Театру кукол.

6 февраля 1972 г. здание Русского драмтеатра вновь подверглось пожару, были уничтожены сцена, костюмы, декорации. В 1974 г. по решению правительства Республики Бурятия руководству театра было разрешено арендовать площади у Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства по ул. Терешковой, 1 (Русский драматический театр им. Бестужева / https: //ru.wikipedia).

В 1975 г. здание бывшего Общественного собрания было передано Республиканскому краеведческому музею с целью его реконструкции и поэтапного создания музеев природы, отделов истории дореволюционного прошлого и советского общества. Проектные работы по реконструкции бывшего здания Русского драмтеатра под историко-краеведческий музей выполнял Институт «Бурятгражданпроект», главный инженер проектов — Ю.Н. Банзаракцаев. Расчетная стоимость строительства — 1,47 млн руб. в ценах на 01.01.1969 г. (ГАРБ ф. Р-915, оп. 1, д. 283, л. 89).

Срок создания музеев был определен соответственно 1978, 1979, 1981 гг. (ГАРБ ф. Р-955, оп. 1, д. 1836, л. 41). В отчете за 1977 г. Министерства культуры Республики Бурятия «О проведении Всероссийского смотра работы отделов истории советского общества музеев Российской Федерации» говорится, что «в здании ведутся ремонтно-реставрационные работы по помещениям музея природы общей стоимостью в 300 тыс. руб.» (Там же).

15 февраля 1978 г. вышло постановление Министерства культуры РСФСР об открытии Музея

Здание бывшего Общественного собрания — Краеведеческий музей. *Фото нач. 1970-х гг.*

природы Бурятии. Музей открылся в 1983 г. на базе отдела природы Верхнеудинского краеведческого музея в здании бывшего Общественного собрания и располагался здесь до настоящего времени. Правую часть здания (пристрой 1933–1934 гг.) занимал Театр кукол «Ульгэр».

В здании бывшего Общественного собрания — Музей природы. *Фото 2002 г.*

«Двухэтажное каменное здание на высоком цоколе имеет сложную планировочную структуру. Главный фасад обращен на ул. Ленина. вход в здание устроен со стороны южного фасада через массивный одноэтажный пристрой с широким парапетом над козырьком. Справа от входной части на всю высоту здания устроен ризалит со скошенной гранью и глухим парапетом поверху. Металлическая кровля с пологими скатами закрыта с уличных фасадов высоким глухим парапетом. Из-за крутого рельефа, на котором расположен памятник, цокольный этаж выступает над уровнем земли только с южной и западной сторон.

Главный фасад памятника раскрепован широкими гладкими пилястрами, разделяющими трехчастные оконные проемы. В южной части главного фасада между гладкими пилястрами устроен вертикальный оконный проем на высоте двух этажей. Массивный карниз большого выноса и фризовый пояс выполнены со стороны главного фасада, на других фасадах карнизы небольшого выноса без фризов. Горизонтальный пояс, проходящий по всему периметру здания, отделяет цокольную часть, имеющую также трехчастные широкие оконные проемы, как и на остальных этажах, но меньшей высоты. Над оконными проемами сделаны прямоугольные ниши.

В интерьере сохранились парадная лестница с фигурными балясинами, профилированные элементы, опоясывающие залы, и филенчатые двери. Стены сложены из кирпича и оштукатурены» (*Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Памятники архитектуры и истории. — Улан-Удэ, 2010, стр. 74*).

Любовь Мордвина

Использованная литература и источники

ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 4
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2949
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2828
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 12
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 4
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2354, л. 16–17об, л. 29–29об
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 393, л. 3
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 393, л. 3
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1190, л. 3
ГАРБ ф. 337, оп. 2, д. 3147, л. 1, 4
ГАЧО ф. 1, оп.1. д. 685, л. 1
ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2868, л. 109
ГАРБ ф. Р-274, оп. 1, д. 4, л. 1–4
ГАРБ ф. Р-274, оп. 1, д. 126, л. 42–43
ГАРБ ф. Р-274, оп. 1, д. 126, л. 39–41
ГАРБ ф. Р-86, оп. 1, д. 118, л.103
ГАРБ ф. Р-915, оп. 1, д. 283, л. 89
ГАРБ ф. Р-955, оп. 1, д. 1836, л. 41
Историческая записка. Том 2. Книга 2. / ООО «Архитектурное наследие». — Иркутск, 2008
Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. — Улан-Удэ, 1998
Записки верхнеудинского доктора — Улан-Удэ, 2018
Электронный ресурс/ Известные люди —Бурятия — Верхнеудинск — удан-Удэ/ https://vk.com/topic
Жалсараев А. Из истории дома Розенштейна (ул. им. Сухэ-Батора, № 16). — Личная страничка на «Facebook», ноябрь, 2016
Электронный ресурс/ Русский драматический театр им. Бестужева — https://ru.wikipedia
Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия: Памятники архитектуры и истории. — Улан-Удэ, 2010.

ул. Ленина, 49

«Пти-отель»

Здание, находящееся в центре города Улан-Удэ, на пересечении улиц Ленина (ранее ул. Большая, Большая Николаевская) и Профсоюзная (ул. Закалтусная) под № 49, состоит на государственной охране в соответствии с постановлением Правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры» с наименованием «Гостиница «Пти-Отель».

Участок размещения здания-памятника расположен в исторической части города, в северо-восточном углу исторического квартала, в границах ул. Смолина (Большая Набережная), Профсоюзная (Закалтусная), Ленина (Большая), Советская (Думская). Застройка этого места сформировалась в кон. XIX — сер. XX вв. Находящиеся здесь усадьбы принадлежали преимущественно верхнеудинским и иркутским мещанам. Жилые дома на усадьбах чаще размещались по красным линиям поперечных улиц.

На основании архивных материалов установлено, что в 1874–1905 гг., угловое место квартала на пересечении ул. Большой (Ленина) и Закалтусной (Профсоюзная) было занято участком земли верхнеудинских мещан Романа и Глеба Пантелеевых. На их территории в 1876 г. располагался жилой деревянный дом и лавочка (ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 107, л. 110, 111).

Историк В.К. Гурьянов писал: «В 1877 году купец Гершевич построил питейное заведение на земле, принадлежащей Пантелеевым и уступленной ему по обоюдному согласию. Постройка произведена с отступлениями, с нарушением плана, отчего разрыв от находящегося на участке жилого дома составил менее четырех саженей. В связи с этим городская управа обратилась в окружное полицейское управление с просьбой о прекращении строительства» (В.К. Гурьянов. По Большой, Большой-Николаевской. — Улан-Удэ, 1998, стр. 105).

В 1885 г. Глеб Пантелеев обратился в Верхнеудинскую управу с заявлением о разрешении построить на своем земельном участке одноэтажный деревянный флигель (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 480, л. 3, 3об, 4).

В 1905 г. на усадьбе Пантелеевых предполагалось строительство пристроя к флигелю «под одну крышу» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2703, л. 13, 13об, 14).

С 1916 г. усадьба принадлежала новому владельцу мещанину Петру Михайловичу Салищеву. Успешность и высокий статус нового хозяина подтверждает адрес проживания — собственный дом по ул. Большой, наличие в доме телефона под № 38 и его планы строительства каменного здания гостиницы в городе по индивидуальному проекту.

В ноябре 1917 г. он обратился в Верхнеудинскую городскую управу за разрешением на право производства строительства каменного двухэтажного дома по проекту городского архитектора К.М. Голынского. Городская упра-

ва своим постановлением от 20 ноября 1917 года за № 501 ответила заявителю, «что постройка может быть разрешена лишь по представлению свидетельства ответственного техника о том, что он будет наблюдать за правильностью возведения ее» и что ходатайство об утверждении проекта (плана) предполагаемой постройки каменного дома «до представления подписки техника, принявшего на себя техническое руководство работами, удовлетворено быть не может» (ГАРБ ф. 10, оп. 2, д. 86, л. 20, 20об, 21).

Реконструкция здания бывшего «Пти-отеля». Архитектурный макет

23 ноября 1917 г. Салищев получает требуемый управой документ от проектировщика:

«**Подписка.**
Я, нижеподписавшийся, технолог К.М. Голынский, даю сию подписку П.М. Салищеву в том, что беру на себя ведение построек и ответственность за прочность и безопасность здания при сооружении им, Салищевым, каменного двухэтажного дома на углу улицы Большой и Закалтусной улицы в городе Верхнеудинске. Причем обязуюсь при постройке здания ни в чем не отступать от проекта, утвержденного Верхнеудинской городской управой.
г. Верхнеудинск
23 ноября 1917 г.
К. Голынский»

27 ноября 1917 г. постановлением городской управы за № 535 вынесено решение: «План утвердить и постройку разрешить» (ГАРБ ф. 10, оп. 2, д. 86, л. 20об, 22).

Столь пристальное внимание городских властей к застройщику было, вероятно, обусловлено тем, что на протяжении 1916 и 1917 гг., Пётр Михайлович Салищев находился в судебных тяжбах. В феврале 1916 г. ему был вынесен приговор мирового судьи 13-го участка с обвинением в нарушении строительного устава тем, что на левой стороне своей усадьбы в городе Верхнеудинске на меже построил сарайчик и отхожее место, чем и нарушил существующее в городе Верхнеудинске правило о четырех саженях — расстоянии между соседними усадьбами. Нарушение было зафиксировано актом от 20 июля 1915 г. техником городской управы. «Приговором мирового судьи Салищев за это нарушение подвергнут денежному взысканию в 10 руб. с обязанностью устранить все неправильно воздвигнутое» (ГАРБ ф. 10, оп. 2, д. 86, л. 26, 26об).

В аппеляционной жалобе на этот приговор Пётр Михайлович Салищев утверждал, что временные сооружения — сарайчик, отхожее место и помойная яма — были выстроены не им и давал обещание их снести. И только вмешательство прокурорского надзора стало основанием для принятия 18 октября 1917 г. резолюции Читинского окружного суда на приговор мирового судьи об освобождении П.М. Салищева от денежного взыскания и «заменяющего последнее ареста, обязав его снести возведенные им с нарушением устава строительного постройки» (ГАРБ ф.10, оп. 2, д. 86, л. 27.; ф. 10, оп. 2, д. 198, л. 2, 5).

Получив от автора проекта двухэтажного каменного дома предполагаемого к постройке на усадьбе П.М. Салищева в городе Верхнеудинске на углу Большой-Николаевской и Закалтусной улиц» Голынского подписку на ведение технического и авторского контроля на строительной площадке, согласовав проектное решение с городскими властями и выполнив вступившее в силу решение по приговору суда, П.М. Салищев приступил к строительству дома в полном соответствии с обязательным постановлением для жителей города Верхнеудинска, составленного Верхнеудинской городской думой 13 февраля 1908 г. и предписанием управы (ГАРБ ф. 10, оп. 2, д. 219, л. 195).

К сожалению, проект не был осуществлен по первоначальному замыслу. Не была построена главная часть здания, выходящая главным фасадом на Большую Николаевскую улицу. В соответствии с проектом, поверхность оригинально решенного

фасада с элементами «модерна» предусматривалась с большими окнами прямоугольной конфигурации по первому этажу и окнами с полуциркульным завершением по второму. На уровне второго этажа в межоконных простенках проектировались полуколонны, над ассиметрично расположенным входом предполагался балкон. Металлическое ограждение по фигурным парапетным столбам и шпиль по оси входа должны были подчеркивать завершение стен.

Построена же была только часть объема, ориентированная фасадом на улицу Закалтусная (*Ленина, 49*). Ввиду своих компактных размеров, открывшаяся здесь гостиница стала называться «Пти-отель» — «Маленький отель» (*В.К. Гурьянов. По Большой, Большой Николаевской». — Улан-Удэ, 1998, стр. 105, 106*).

В свое время здание выполняло важную градостроительную роль в формировании силуэта улицы Закалтусной, являлось ее украшением. Это было двухэтажное здание, Г-образное в плане, под вальмовой кровлей с усложненной объемно-пространственной композицией, главным фасадом ориентированное на север, с парадным входом под козырьком в левом пристрое. В композиции главного фасада гармонично сочетался основной и пониженные объемы пристроев слева и справа, придающие постройке симметрию. Главный фасад по первому этажу был выделен рустовкой и завершался профилированным карнизом. Поверхность неоштукатуренных стен сохраняла естественную фактуру кирпича — «кирпичного стиля». Оригинальность и пластическую выразительность западному боковому фасаду придавала открытая кладка из бутового камня относительно небольших размеров (ранее она выполняла роль брандмауэра). Восточный фасад, глухой стеной бревенчатого оштукатуренного пристроя был обращен на главную улицу. Оконные проемы всех фасадов завершались циркульными и лучковыми завершениями, также прямоугольной конфигурации. Общие габариты здания в плане составляли 17,65 х 11,62 м. Высота помещений первого этажа 2,9 м, второго — 3,7 м. Фундаменты бутовые (80 см). Цоколь из бутового камня под расшивку. Кладка стен здания толщиной 74–76 см из красного кирпича на известковом растворе толщиной 1 см. Отопление печное.

В 1919 г., согласно архивным документам Верхнеудинской городской управы, в списке содержателей гостиниц Верхнеудинска здание называется гостиница «Пти-Отель», а газете «Иркутск» за 1922 год как «семейные номера Салищева» (ГАРБ ф. 10, оп. 2, д. 310, л. 1, 2об).

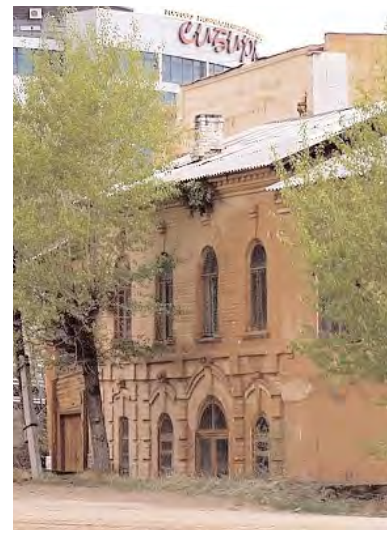
Следующим пользователем помещениями здания стала размещенная здесь радиостанция. А в 1924 г. тут была открыта первая на территории Бурятии государственная трудовая сберкасса № 301.

В «Заключении по обследованию технического состояния... здания-памятника по ул. Ленина, 49», выполненному в 1993 г. специалистами лаборатории сейсмостойкого строительства ВСТИ (Э.В. Дёмин, А.Б. Панов, В.К. Гурьянов) приводится перечень утрат здания от пожара, зактированных актом от 11 января 1934 года сотрудниками БТИ горисполкома:

> «От этого пожара сгорели: перегородки дощатые оштукатуренные, центральная часть междуэтажного и чердачного перекрытий, частично оконные переплеты и стропильные фермы. Часть конструкций здания, в том числе оконные переплеты, двери, железная кровля и др. сломаны».

Вскоре здание было отремонтировано. В акте от 16 апреля указано, что при этом выполнены следующие работы:

> «Поставлено насланных стропил (72 п.м), уложено бруса на оконные переплеты (5,5 п.м), сделана обшивка фронтонов (23,8 кв. м), сделана обрешетка под железную крышу (196,4 кв. м), сделано слуховое окно 120 х 90 см, поставлено фронт. платков (25 п.м), сделан настил чистых полов (155,84 кв. м), сделано оконных переплетов (8,11 кв. м), поставлены дверные косяки (8 п.м), уложено половых балок (84 п.м), сделана подбивка штукатурной дранкой (32,8 кв. м), сделана из старого кровельного железа кровля (53 кв. м), заложен фундамент под печь на глубину 180 х 115 х 115 см (2,4 куб. м). Здесь же указано, что выполнен ре-



Перед реставрацикй. *Фото 2018 г.*

монт «в соответствии с техническим проектом... удовлетворительно» (Заключение по обследованию технического состояния и рекомендации по повышению сейсмостойкости здания-памятника по ул. Ленина, 49. — ВСТИ, Улан-Удэ. 1993 г., л. 3, 4)

В этом же инженерном обследовании здания была зафиксирована его неоспоримая ценность:

«В наружных стенах здания для перекрытия оконных проемов применены кирпичные арочные перемычки различной кривизны. С точки зрения истории строительного искусства древнего поселения, каким является Удинск — Верхнеудинск — Улан-Удэ, это весьма редкий из сохранившихся пример подобного рода. В этом одном уже заключается исключительная ценность здания как памятника истории строительного искусства города» (Заключение по обследованию технического состояния... — ВСТИ, Улан-Удэ, 1993 г., л. 7).

Последующая эксплуатация здания привела к существенному изменению его облика. Все фасады были покрыты толстым слоем обмазки и побелки, что значительно снизило их выразительность. Были утрачены надворные постройки, въездные ворота и ограждение. Железная кровля была заменена на шиферную, разобраны кирпичные парапетные столбы с декоративными завершениями, сняты водосточные трубы, козырек парадного входа, резные кронштейны. Правда, в интерьере сохранилось ажурное ограждение кованной лестницы по металлическим косоурам, вся конструкция которой была выполнена на болтах. А после сноса в 1960-х гг. деревянной одноэтажной застройки, окружающей здание, градостроительная роль здания в формировании силуэта главной улицы города была почти утрачена.

«Пти-отель» после реставрации. *Фото 2020 г.*

Из-за отсутствия надлежащего эксплуатационного обслуживания состояние здания в начале 1990-х гг. фиксировалось, как крайне неудовлетворительное: в кирпичных стенах главного и дворового фасадов наличие многочисленных трещин и повреждение кирпича. Монолитность кладки стен в целом была сильно нарушена. Под перекрытием первого этажа, в целях ликвидации угрозы обрушения, были смонтированы стойки-подпорки. Все фасады подверглись значительным искажениям. Требовалась вертикальная планировка окружающей территории, так как из-за высокого подъема культурного слоя с северной стороны, достигшего практически уровня оконных проемов, здание воспринималось «осевшим» в землю.

Но несмотря на многочисленные утраты и тяжелое техническое состояние памятника, оно оставалось важным элементом исторической застройки квартала и одним из сохранившихся зданий гостиниц старого города. В связи с этим постановлением правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры» здание было включено в список объектов подлежащих государственной охране.

В 2005 г. ООО «Творческая мастерская «Улан-Удэархпроект» (Б.Б. Михайлов, А.Н. Прокудин) выполнила историко-архитектурное обследование застройки квартала в границах ул. Ленина, Советская, Смолина и Профсоюзная. Рекомендации, данные в историко-архитектурном обследовании, были следующими:

«С позиций формирования градостроительной среды объектов культурного наследия, восстановление градостроительной роли улицы Ленина в застройке исторической части города представляется целесообразным восстановление периметрального фронта застройки квартала, включая улицу Ленина в границах улиц Советская и Профсоюзная (сохранение градостроительного предмета охраны — исторической красной линии застройки квартала).

Предпочтительной формой сохранения памятников истории и культуры (в том числе и здания «Пти-Отель» (ул. Ленина,49) является включение их в новую объемно-планировочную структуру.

Основная ценность памятника гостиницы «Пти-Отель» заключается в его местоположении, как объекта, фиксирующего исторические границы квартала. Самостоятельная архитектурно-художественная ценность памятника, учитывая значительные утраты и поздние искажения, не очень значительна. Но обладает относительной типологической ценностью, как одна из первых гостиниц города, построенная по индивидуальному проекту».

В 2007 г. ООО «Архитектурная мастерская «Проект Байкал» (Б.Б. Михайлов) выполнила обмерные чертежи и эскизный проект реставрации здания Бурятского ОСБ № 8601 по ул. Ленина, 49. В разделе проекта «Общие данные», дается описание памятника на тот период:

«Двухэтажное каменное здание расположено в северо-восточном углу квартала. Основной объем, немного возвышающийся над боковыми каменными пристроями, главным четырехосным фасадом обращен на ул. Профсоюзная. Основной объем перекрыт поздней двускатной шиферной кровлей, боковые каменные пристрои — двускатной с вальмами на торцах шиферной кровлей... Северный и восточный фасады здания опоясывает профилированный карниз небольшого выноса, устроенный из кирпича и узкий фриз, украшенный сухариками по северному фасаду. Декоративное оформление главного фасада набрано из кирпича. Рустованные лопатки на уровне первого этажа делят фасад на четыре неравные части и прерываются междуэтажным поясом. Арочные лучковые проемы акцентированы лучковыми профилированными сандриками с вытянутыми профилированными элементами «замками» в осях проемов. Фасад второго этажа решен практически без декоративных украшений — арочные оконные проемы выделены подоконным поясом и трапециевидными элементами над проемами. Фасады пристроев имеют существенные утраты и искажения. Остальные фасады решены в лаконичных формах и также значительно искажены».

Разработанным проектом реконструкции здания было предусмотрено сохранение и реставрация решений северного фасада здания (является предметом охраны) и воссоздание восточного фасада по проекту 1917 года архитектора К.М. Голынского. Двухэтажное здание банка, «осевшее» из-за высокого подъема культурного слоя, поднято в проектном решении (автор проекта В.И. Сергеева) на планировочную отметку улицы Ленина и посажено на цокольный этаж. В связи с плохим техническим состоянием здания было предложено выполнить объем из новых материалов, с сохранением северной стены памятника, восстановленной из сохранившихся материалов северного фасада.

В апреле 2009 г. Республиканская служба государственной охраны объектов культурного наследия подготовила паспорт памятника с описью предметов его охраны (А.А. Урбанов, Л.В. Мордвина).

Разработанные решения проекта реставрации и реконструкции объекта культурного наследия реализованы собственником здания (Сбербанк России) в 2012 г. Существующий объем памятника был дополнен неосуществленным в нач. XX в. объемом со стороны ул. Ленина, предусмотренным изначальным проектом городского архитектора Верхнеудинска К.М. Голынского. В интерьерах сохранены ограждения внутренней кованной металлической лестницы с фигурными деталями (предмет охраны). Здание приобрело свой первоначальный (по проекту К.М. Голынского) вид. После завершения реконструкции в его стенах разместился новый современный офис Сбербанка.

Сегодня отреставрированное и реконструированное здание бывшей гостиницы «Пти-отель» стало настоящим украшением главной улицы бывшего Верхнеудинска. А 26 мая 2014 г., в День российского предпринимателя, рядом с офисом Сбербанка состоялось торжественное открытие памятника верхнеудинскому купцу Евсею Кузьмичу (автор скульптуры Юрий Эрдынеев). Скульптура стала логическим завершением проекта банка по восстановлению части исторического центра Улан-Удэ.

Елена Михалёва

ул. Ленина, 50

Приют для несчастнорожденных

В 1-й пол. XIX столетия в системе приказов общественного призрения возникли детские приюты, «Дома несчастнорожденных» и Воспитательные дома. В эти дома принимались сироты, малолетние бродяги и преступники, нравственно заброшенные дети.

Созданное 16 июня 1819 г. Общество попечительства о тюрьмах и Дамский комитет содействовали открытию в Сибирских городах, где располагались тюрьмы, приютов для арестантских детей. Арестантские приюты стали первыми учреждениями в Забайкалье, взявшими на себя ответственность за обучение и воспитание детей.

В 1868 г. военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского Казачьего войска высказывали обеспокоенность за судьбу детей арестантов и ссыльнокаторжных. Их количество достигало 600 чел. и с каждым годом увеличивалось. «Дети эти, — писал генерал-губернатор, — находятся без всякого надзора, не имея средств к пропитанию и зараженные дурными примерами отцов и матерей». Он обращался к обществу о выделении средств на школы и приюты: «Только само общество может оградить себя и детей ссыльных от будущих зол, давши средства на школы и приюты для них».

С расширением географии забайкальских тюрем поток ссылаемого в Забайкалье взрослого населения увеличивался, росло и число детей. Только в Карийской тюрьме находилось 209 чел. Из них до 5 лет — 83 ребенка, 5–10 лет — 53, 10–16 —– 73. Начальник Нерчинской каторги в докладе на имя главного управляющего Восточной Сибири отмечал бедственное положение малолетних детей из-за отсутствия средств на их содержание. «В преж-

ние годы сметой определялись расходы на 90 чел., а детей более двухсот. Здесь нет приютов, поэтому начальство вынуждено их определять в тюрьмы вместе с арестантами. Между тем, среди общего числа детей 10% не имеют родителей».

До открытия детских приютов дети арестантов находились при родителях, жили в камерах для женщин, питались скудной арестантской пищей. При ревизии было вскрыто бедственное положение арестантских детей. В годовом отчете управления Нерчинской каторгой о быте семейств ссыльнокаторжных отмечалось: «Добровольно прибывшие состоят, главным образом, из жен и малолетних детей, живут очень бедно, терпят большую нужду. Некоторые живут в землянках, каменушках, построенных самими ссыльнокаторжными из хвороста, камня и глины. Беднейшим семействам выдается мука в количестве от 20 до 25 фунтов в месяц на одного ребенка. Для улучшения быта семейств ссыльнокаторжных, неимущих средств к существованию, желательно устроить при каждой тюрьме особые приюты или отделения».

Первый приют для арестантских детей был открыт в Забайкалье на основании циркуляра управляющего Забайкальской областью и с согласия верхнеудинского городского общества в Верхнеудинске (вслед за ним — в Чите). Сюда помещались дети, поступающие с родителями в верхнеудинский тюремный замок, чтобы оградить их «от влияния тюрем в самом нежном возрасте...». В общественном приговоре октября 1873 г. верхнеудинское городское общество приняло решение о выделении на устройство приюта 500 руб. и вынесло решение именовать его в честь вице-президента Попечительного о тюрьмах общества по Восточно-Сибирской области Б.А. Милютина — Милютинским.

Вначале помещение для приюта арестантских детей в Верхнеудинске было наемным, располагалось недалеко от тюрьмы в одном из деревянных домов, который даже не отвечал элементарным санитарным нормам. В июле 1874 г. правление Верхнеудинского для арестантских детей приюта направило письмо в Городовую ратушу об оказании содействия в отводе пустопорожней земли, находящейся в черте города, под постройку здания приюта «с потребными надворными службами» и в приобретении здания, «вполне приспособленного для детского приюта». Правление просило конкретное «угловое место между домами гг. Гусева и Жданова, напротив так называемого дома Завадского» ГА РБ ф. 128, оп. 1, д. 1356, л. 14).

Ответа не последовало, «но частным образом стало известно», что Верхнеудинское городское общество отказало правлению в выделении просимого участка земли. Причиной отказа послужило желание городских властей отстроить в данном месте помещения для пожарной команды города (ГАРБ ф. 128, оп. 1, д. 1356, л. 15).

6 октября 1874 г. крестьянин Тарбагатайской волости Верхнеудинского округа, торгующий по второй гильдии, С.Ф. Борисов, «сочувствуя целям приюта», дарит Правлению «для сноса на другое место принадлежащий ему деревянный дом, находящийся в г. Верхнеудинске по Большой улице, на углу переулка, рядом с домом наследников умершего почетного гражданина Курбатова. Дом длины и ширины по 7 ? саженей, окон по той и другой стороне по 7» (ГАРБ ф. 128, оп. 1., д. 1356, л. 44).

Получив столь щедрый дар, попечительница приюта Мария Сысоева вновь выходит с прошением в Верхнеудинскую городовую ратушу об отводе усадебного места. В своем обращении попечительница Сысоева и директора приюта Можин и Меньшиков акцентировали общественное внимание на то, что, согласно «Положения о приюте арестантских детей», городской приют утверждается с целью проживания как детей арестантов, поступающих в Верхнеудинский тюремный замок при родителях, как подсудимых и срочно содержащихся, так и пересыльных, а при развитии средств приюта предположено принимать и круглых сирот бедного класса людей всех званий. Подчеркивая важность поставленных задач, Правление повторно запросило участок земли, на этот раз в нагорной части города, «еще совершенно не застроенной». Аргументируя необходимость устройства «особого места для нахождения растений и сада», запрашивается 600 кв. саж. (ГАРБ ф. 128, оп. 1, д. 1356, л. 44, 44об, 45).

Верхнеудинское городское общество, обсудив на собрании 22 декабря 1874 г. прошение правления Верхнеудинского для арестантских детей приюта, вынесло общественный приговор: «Городское общество вполне сочувствуя человеколюбивым целям, единственному во всем Забайкалье приюту для детей арестантов, который обзаведясь собственным помещением еще больше расширит круг своих действий при выполнении той важной задачи, мотивами которой было его учреждение на самых прогрессивных началах, и в особенности под управлением такой просвещенной попечительницы, как госпожа Сысоева, которая, как известно обществу, занимает у несчастных детей-питомцев приюта место родной матери по гуманнейшему обращению и родительской о них заботой и поэтому, руководствуясь этими мотивами, городское общество, желая со своей стороны по возможности способствовать к процветанию приюта с полною охотою уступает в вечное и потомственное владение

названного приюта просимую землю в количестве шести сот кв. сажень и предоставит взять оную в каком угодно квартале в нагорной части города. В следствии чего и постановило просить Городовую ратушу, чтобы она сообщила областному землемеру об отводе сказанной земли в той улице нагорной части, куда пожелает Правление приюта с выдачей ему на владение таковой установленного свидетельства. О чем настоящий приговор и утверждаем своими подписями...» (ГАРБ ф. 128, оп. 1, д. 1356, л. 54, 54об).

Но ранее, 30 октября 1874 г., на основании предварительного общего согласия всех членов ратуши, нерчинский окружной землемер Таранов в присутствии казначея приюта коллежского асессора Сысоева, директора-распорядителя купца Меньшикова, депутата со стороны Верхнеудинской городовой ратуши заседателя Колмакова и полицейского надзирателя Борисова отмежевал вместо 600 кв. саж. 840 кв. саж. Отмежевали участок в 600 кв. саж. на углу ул. Большой и 8-й Поперечной, улице нагорной части Верхнеудинска, идущей от речки Селенги. Прирезку добавочного надела в 240 кв. саж. произвели изъятием «лоскутка земли в квартале напротив дома Брыкова, который оставался за первым отмежеванием земли под приют» (РАРБ ф. 128, оп. 1, д. 1356, л. 46, 46об, 47, 48, 61).

Общественным приговором от 23 марта 1875 г. Верхнеудинское Городское общество уступило добавочный надел земли Правлению приюта. Общая площадь выделенного в вечное и потомственное владение приюта участка составила 840 кв. саж. согласно прилагаемого плана.

«**План**
пустопорожнего места земли находящегося на горной части города Верхнеудинска, на углу Большой улицы и 8 переулка от реки Селенги, отведенного под постройку дома Верхнеудинского для арестантских детей приюта.
Измерение произведено октября 30 дня 1874 г. вследствие отношения Верхнеудинской городовой ратуши от 28 сего октября за № 2354 последовавшего от такого же в оную Правления Верхнеудинского для арестантских детей приюта от 10 сего октября за № 49 нерчинским окружным землемером Тарановым.
В означенном месте площадь земли получилась 840 кв. саж. (РАРБ ф. 128, оп. 1, д. 1356, л. 62, 64).

Вскоре на отведенный участок с усадьбы купца С.Ф. Борисова (ул. Кирова, 33) был перенесен внушительный по размерам и сложный по плану бревенчатый дом (ранее занимал место на углу ул. Большой и Базарной — на месте бывшего кинотеатра «Эрдэм»). Дом был одноэтажный, поставлен на высоком цоколе. Основной объем, рубленный из бревен «с остатком», оштукатурили. Учитывая скромные фасады, по периметру здание украсили дощатым подшивным профилированным карнизом небольшого выноса и фризом из гладкой доски. Оконные прямоугольные проемы, обрамленные деревянными наличниками простой формы, декорировали профилированными сандриками.

В октябре 1878 г. министром внутренних дел А.Е. Тимашевым утверждается первый устав приюта для арестантских детей в Верхнеудинске, согласно которому «прибывающие с арестантами дети всякого возраста, за исключением грудных, препровождаются Полицейским управлением непосредственно в приют». Согласия родителей для этого не требовалось. При поступлении в приют дети получали одежду и материальное содержание, соответствующее своему возрасту, при выбытии обеспечивались «приличествующей времени года одеждою и обувью». Устав приюта закладывал в основу его деятельности гуманное отношение к арестантским детям. В нем записано: «Как доброй матери свойственно в отношении своих детей кротость, человеколюбие, одинаково справедливое отношение ко всем».

Таким образом, патронат детей и подростков из семей арестантов и ссыльнокаторжных в Забайкалье возводился в ранг государственной политики и считался важным средством профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Устав приюта в жизнь внедрялся болезненно. Это объяснялось тем, что подобное учреждение было открыто впервые и комплектовалось детьми, разными по возрасту, уровню умственного и физического развития, с различными способностями и наклонностями. Разный уровень психофизического развития детей требовал дифференцированного подхода к их обучению. Вследствие круглогодичного поступления детей в приют, происходила их частая сменяемость, поэтому определенных программ обучения не устанавливалось. В обязанности попечительницы приюта входило строгое наблюдение за тем, «чтобы дети, достигшие 6-летнего возраста, были обучаемы грамоте по методу Фребеля, чтобы наставляемы были в истинной вере, отучаемы от праздности, дурных привычек».

Устав приюта и обязанности надзирательницы предусматривали главные задачи, в круг которых входила забота о здоровье детей, о том, чтобы «с малых лет вселить в сердцах их понятие о нравственности, пользе трудолюбия и ста-

раться сделать из призреваемых полезных членов общества». Приют заботился обо всех детях: и о тех, кто только поступил, и о тех, кто выбывал с родителями в другие тюрьмы или на поселение. Их снабжали одеждой и обувью, старались, чтобы дети отправлялись в места назначения их родителей не с арестантскими партиями.

В обязанности воспитателей и надзирательницы приюта входило «подмечать с детства наклонности воспитанников к каким-либо ремеслам и занятиям и соответственно этому пристраивать для обучения к ремесленникам и в учебные заведения». Обучение ремеслам особенно важным было для тех детей, чьи интеллектуальные возможности не позволяли им обучаться грамоте в детском приюте или в городском трехклассном училище, куда отправлялись арестантские дети, согласно п. 31 устава. При решении вопросов о школьном обучении детей, а также по вопросам организации работ в мастерских необходимо было заключение врача, являющегося членом правления. В соответствии с его рекомендациями детей обучали столярному, слесарному, сапожному, портняжному, переплетному делу. Девочек учили шить, вязать, вышивать. В столярной мастерской приюта делали незатейливую мебель, столы, табуреты, лавки. В сапожной мастерской силами детей шились сапоги, ботинки, ичиги, чинилась обувь для приютских детей. Кроме этого, дети шили полушубки, плащи, пальто, шапки, шаровары, блузы и белье» (*Григорьева О.Б. Организационные основы развития национально–региональной системы специального образования Забайкалья. — Биробиджан, 2004*).

В 1905 г. приют существовал исключительно на средства с розыгрыша лотереи аллегри и спектаклей, ставившихся в общественном собрании. На это время всех детей здесь было 20, от двухлетнего до 17-летнего возраста. Дети обучались грамоте по программе церковно-приходских школ, ведению хозяйства. Мальчиков посылали в разные мастерские для изучения ремесел, а девочки учились шить и рукодельничать. На это время приютом заведовала дирекция, во главе которой стояла попечительница приюта Евдокия Евграфовна Голдобина», супруга купца Николая Ивановича Голдобина (Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской». — 1998, стр. 109–112). Она сменила на этом посту Елизавету Ивановну Голдобину (Кукель), потомственную почетную гражданку Верхнеудинска, вдову иркутского купца первой гильдии Ивана Флегонтовича Голдобина, которая уехала за новым

мужем генералом Кукелем в Иркутск, затем в Хабаровск и далее в Харьков и Вильно.

В 1913 г. полное содержание одного питомца в приюте, включая расходы на содержание здания и служащих, обходилось в 186 руб. 32 коп. (51 копейка в день). На 1915 г. в приюте находилось 27 детей —14 девочек и 13 мальчиков. Благодаря социально-экономическому и духовно-нравственному состоянию верхнеудинского общества, благотворительной деятельности купцов и попечителей, за время существования приюта более 80 детей нашли в нем пристанище и уход.

В 1919 г. пожертвования в пользу детей арестантов к празднику Рождества Христова были сделаны всеми торгово-промышленными и кооперативными товариществами города. Жертвовали в пользу приюта даже заключенные тюрьмы. Так, в одном документе за январь 1920 г. начальник верхнеудинской тюрьмы писал: «При сем препровождаю 500 руб., пожалованные на приют помилованными атаманом Семёновым заключенными Батышевым и Алемасовым» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2874, л. 18).

В годы советской власти российские дореволюционные сиротские учреждения, сохранившие жизни многих маленьких сограждан, закрывались или претерпевали ряд качественных изменений. Но они сохранили структуру и цели своих предшественников, послужили прообразом для советских детских домов и школ-интернатов.

С 1924 г. в здании сиротского приюта открывается и долгое время действовал Дом санитарного просвещения. В советское время использовался различными учреждениями Министерства здравоохранения: Центральной бухгалтерией Минздрава, Республиканским центром медицинской профилактики.

Ныне это здание сохранилось и является одним из образцов исторической застройки города Верхнеудинска с хорошо сохранившимся объемно-планировочным решением. Состоит на государственной охране в соответствии с постановлением правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. На главном фасаде, обращенном на ул. Ленина, установлена мемориальная доска с текстом: *«Дом купца С.Ф. Борисова, где с 28 октября 1870 г. по решению Верхнеудинского городского общества размещался Забайкальский сиротский приют. С 1924 г. здесь открыт и действует Дом санитарного просвещения»*.

Елена Михалёва

Лазарет Красного Креста

ул. Модогоева, 1

У истоков Российского Красного Креста в России стояли великая княгиня Елена Павловна, знаменитый русский хирург Н.И. Пирогов, сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, положившие начало общественной медицинской помощи раненым и больным воинам в период героической обороны Севастополя (1854–1855).

3 мая 1867 г. (по ст. стилю) Государь император Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах (в 1879 г. переименовано в Российское общество Красного Креста). В столичных и губернских городах были организованы местные управления. Почетными членами Общества стали император, все великие князья и княгини, многие высокопоставленные лица и представители высшего духовенства. Обязанностью организации было содействие военной администрации во время военных действий в уходе за ранеными и больными военнослужащими и накапливание денежных и материальных средств, для этой цели на случай войны.

Лазарет Красного Креста открылся в Верхнеудинске в связи с начавшейся войной с Японией в 1904 г. Врач М.В. Танский в своем автобиографическом очерке называет «лазарет местного Красного Креста» одним из четырех лазаретов, открывшихся в это время в городе (ГАРБ ф. 1778, оп. 1, д. 31, л. 41).

Лазарет подчинялся Верхнеудинскому местному комитету Красного Креста (переименованному в 1908 г. в местное управление) и Главному управлению Российского общества Красного Креста под покровительством Ее Величества Государыни императрицы Александры Фёдоровны (ГАРБ ф. 101, оп. 1, д. 3, л. 83).

Летом 1904 г. на очередном заседании Верхнеудинской городской думы был рассмотрен вопрос, поставленный Уполномоченным Российского Общества Красного Креста статским советником Александром Николаевичем Леонтьевым о бесплатном отводе городского участка земли размером 22 500 кв. саж. под постройку бараков на 300 кроватей для больных и раненых воинов у полотна

Улан-Удэ. Здание бывшего лазарета Красного Креста. Ныне республиканская детская больница. *Фото 2019 г.*

железной дороги вблизи станции Верхнеудинск (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1839, л. 1)

Городской голова А.В. Овсянкин и часть гласных Верхнеудинской городской думы — П.Т. Трунёв, Д.Д. Опушкин, И.П. Чирков и т.д. еще с 1894 г. состояли членами Читинского управления Российского общества Красного Креста (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1019, л. 10об).

Результатом положительного обсуждения доложенного вопроса стало постановление Городской думы об отводе под лазареты Красного Креста бесплатно, на все время существования лазаретов этого общества, свободного участка земли размером 22 500 кв. саж. (150 х150 м) по левую сторону линии железной дороги, «считая направление из Мысовска на Петровский Завод, вблизи станции Верхнеудинск с тем, чтобы по окончании срока аренды означенный участок был очищен от построек по первому требованию Городской управы». И уже в августе 1904 г. был подписан контракт на аренду этого земельного участка (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1839, л. 1, 4).

Сохранились фотографии отстроенных деревянных корпусов (см. фото с 16 по 21), используемых под палаты больных, процедурные кабинеты, хозяйственные службы, морг и т.д. Здание лазарета (деревянного), построенное крестообразно, имело размеры примерно 120 кв. саж. При нем было даже специальное здание для рентгеновского кабинета. Не всякий уездный город мог похвастаться наличием рентгена в 1905 г., где даже в Городской думе — резиденции местной власти, не было ни телефона, ни электричества.

Медицинскую помощь лазарет оказывал солдатам Восточно-Сибирского стрелкового полка, их женам, горожанам, крестьянам и «населению громадного округа, не имеющего своих лечебных заведений». Во главе лазарета стоял заведующий, он же главный врач. Первым заведующим лазарета Красного Креста в Верхнеудинске с 1905 г. был опытный военный хирург Август Генрихович Легер (ГАРБ ф. 101, оп. 1, д. 5, л. 19об, 38, 42, 73, 84).

Лечение в лазарете было платным, о чем свидетельствует рабочая переписка, но были и бесплатные места. Прекрасный коллектив врачей, истинных подвижников своего дела, не только приносили облегчение больным людям разного сословия, но и преподавали на курсах сестер милосердия, которые были организованы при лазарете.

27 декабря 1908 г. в 7 часов утра от растопленной в ванной комнате печи случился пожар. Первой огонь увидела дежурная сестра Соболева, но быстро локализовать пламя своими силами не смогли. Деревянное здание лазарета сгорело до основания со всем своим имуществом. Протокол, составленный полицейским надзирателем 2-го участка Ионовым на месте пожара в присутствии понятых и заведующего лазаретом Перфильева, зафиксировал убытки в 25–28 тыс. руб. Успели вытащить часть движимого имущества, «при осмотре которого и оценке оказалось на сумму двести пятьдесят рублей приблизительно, многое при этом оказалось попорченным...». По заявлению заведующего, здание было застраховано в обществе «Саламандра» на 12 тыс. руб., а движимое имущество на 4 тыс. руб. Часть канцелярских бумаг и денежные книги успели спасти, страховые и денежные документы полностью сгорели (ГАРБ ф. 101, оп. 1, д. 3, л. 35).

Спасенных больных наскоро разместили в здании городского Народного дома. Пошли разговоры о закрытии и упразднении в Верхнеудинске лазарета Красного Креста. Доказать необходимость сохранения медицинского учреждения в городе Верхнеудинске и постройки нового здания лазарета, взялся уполномоченный Главного управления Российского общества Красного Креста Илья Васильевич Орелович.

Общее собрание членов Верхнеудинского местного управления Российского общества Красного Креста под председательством И.В. Ореловича от 2 февраля 1908 г. постановило ходатайствовать перед Верхнеудинской думой о бесплатной уступке городом участка земли для строительства новых здания лазарета и здания для общины сестер милосердия Красного Креста имени Ее Величества Государыни императрицы Александры Фёдоровны. Просили рассмотреть один из двух свободных участков земли. Первый около здания тюрьмы (который предполагался под городскую больницу), второй участок «по Большой улице рядом с воинским начальником, занятый ныне казармами» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2441, л. 1).

Понимая громадную пользу от деятельности лазарета для населения города Верхнеудинска, а также желая заручиться одобрением и дальнейшей поддержкой, Городская управа 5 февраля 1909 г. шлет телеграмму в Петергоф, императрице Александре Фёдоровне, чье имя носил сгоревший лазарет, с просьбой «на оставление лазарета Вашего в городе Верхнеудинске». И уже 13 февраля 1909 г. из канцелярии Ее Величества пришел ответ Верхнеудинскому городскому голове: «...что Ее Императорскому Величеству было бы весьма желательно, чтобы лазарет имени Ее Величества и в будущем оставался в городе Верхнеудинске». Также городским властям было сообщено: «...так как Верхнеудинский лазарет не находился в непосред-

ственном ведении Государыни императрицы, а представлял собою лечебное заведение Российского общества Красного Креста, то рассмотрение и разрешение вопроса о восстановлении сгоревшего лазарета всецело зависит от Главного управления Общества Красного Креста» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2231, л. 5, 9, 18, 19).

Оперативность продвижения решения вопроса подтверждается в организованном уже 16 февраля 1909 г. заседании Городской думы. На этом заседании принимается важное решение:

«Предложить Верхнеудинскому местному управлению Красного Креста под постройку здания лазарета Красного Креста и под помещения для общины сестер милосердия в бессрочное и бесплатное пользование, до того времени пока будет существовать построенный на означенном месте лазарет Красного Креста и помещение для общины сестер милосердия, участок городской земли в квартале № 91 в количестве 2500 кв. саж... Причем остальной участок в этом квартале в размере 1000 кв. саж. остается в пользовании города и может быть лишь временно предоставлен управлению Красного Креста. Если этот участок потребуется управлению Красного Креста на продолжительный срок, то управление Красного Креста может выйти в Городскую думу с особым ходатайством» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2441, л. 4, 4об).

Ознакомившись с принятым городской властью решением, председатель Главного управления Общества Красного Креста статский секретарь князь М. Хилков направил И.В. Ореловичу предписание от 19 февраля 1909 г. за № 2785 о необходимости оформления передачи права собственности на земельный участок в 2500 кв. саж. посредством крепостного акта, так как «...соглашения, необлеченные в такую форму, никакого значения не имеют» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 2).

Закрепление земли в нотариальном порядке следовало произвести до начала строительства.

Получив очередной запрос на землю от Красного Креста с приложенным предписанием князя М. Хилкова, Верхнеудинская городская дума 10 марта 1909 г. принимает единогласное решение:

«Подарить Российскому Обществу Красного Креста вышеозначенный участок городской земли в нагорной части города в квартале под № 91 в 2500 кв. саж. из числа принадлежащих городу Верхнеудинску участков земли, назначенных по плану города под постройку частными зданиями по Фроловской, Кяхтинской и Голдобинской улицам, для постройки зданий для лазарета Красного Креста и общины сестер милосердия, а также и для других общеполезных учреждений Красного Креста с тем условием, что в случае, если по каким либо обстоятельствам лазарет и вообще учреждения Красного Креста на этом участке существовать не будут, то участок этот переходит тогда обратно в собственность города безвозмездно.

Совершить на это место дарственную надпись со включением в нее упомянутого условия, на что и уполномочить члена Верхнеудинской городской управы Иннокентия Алексеевича Красикова.

Стоимость даримого участка определить в 5000 руб., расходы по совершению дарственной — на счет Красного Креста.

Затем в виду того, что проектируемый к постройке в Верхнеудинске на вышеозначенном месте лазарет Красного Креста состоит под покровительством Ее Императорского Величества Государыни императрицы Александры Фёдоровны и что осуществление этого проекта произошло согласно воле Ее Величества, Городская дума постановила:

«В знак Всеподданнейшей признательности повергнуть к стопам Ее Императорского Величества свои верноподданнические чувства...» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 4, 4об).

Через две недели И.В. Орелович будет повторно ходатайствовать перед Городским головой И.В. Титовым об уступке Российскому обществу Красного Креста «остального участка земли в 1000 кв. саж. в квартале № 91 на условиях, указанных в постановлении думы от 10 сего марта» для устройства достаточного места для прогулок больных, а в будущем иметь возможность развернуть лазарет при необходимости. Просьба была также удовлетворена на заседании Городской думы 10 апреля 1909 года с условием:

«Уступить Красному Кресту на условиях протокола думы от 10 марта за № 87 остальной участок в квартале № 91 в 1000 кв. саж., при чем просить Красный Крест чтобы он, в случае устройства на отведенном участке колодца, предоставлял бы безвозмездно этот колодец для общего пользования населения города (как для личной, так и для пожарной надобности)» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 5, 7, 9).

О щедром решении Верхнеудинской городской думы Иван Васильевич Титов сообщил в своей телеграмме от 24 апреля 1909 г. в адрес Ее Импера-

торского Величества Государыни императрицы Александры Федоровны:

«Верхнеудинская городская дума в заседаниях 10 марта сего года, уступив бесплатно в собственность Российскому обществу Красного Креста участок земли для постройки лазарета имени Вашего Величества, постановила: повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества свои верноподданнические чувства, так как осуществление проекта новой постройки в Верхнеудинске этого лазарета произошло по воле Вашего Величества».

Получив ответ из Царского Села, городской голова И.В. Титов тотчас доложил Городской думе: «...На эту телеграмму я в 12 часов ночи с 24 на 25 с. апреля удостоился счастья получить от Ее Императорского Величества следующую Высочайшую телеграмму. «Верхнеудинск. Городскому Голове Титову. Из Царского Села. Сердечно тронутая выраженными мне чувствами, благодарю Верхнеудинскую думу за дар Красному Кресту. Александра». И внес предложение: «...для запечатления Высочайшей милости, оказанной городу Ее Величеством соизволением на постройку в нем лазарета Красного Креста полагаю поместить Высочайшую телеграмму в рамку и поставить в зал Городской думы, а также припечатать в «Забайкальских областных ведомостях»... (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 14).

23 апреля 1909 г. в Верхнеудинске в присутствии Иркутского генерал-губернатора генерала от инфантерии Селиванова, начальствующих лиц, членов Верхнеудинского отделения Общества Красного Креста, представителей Городской управы и массы публики состоялось торжество закладки нового каменного здания лазарета Общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни императрицы Александры Фёдоровны.

Из приуроченного к столь знаменательному событию доклада городского головы И.В. Титова на заседании думы (от 2 мая 1909 г.):

«...Новое здание лазарета, устраиваемое взамен деревянного, сгоревшего в декабре 1908 г., рассчитано на 100 кроватей и обойдется Обществу со службами в 100 000 руб. Оно будет устроено на отведенном городом участке земли. Говорить о той пользе для населения города Верхнеудинска, которую лазарет приносил до настоящего времени и будет, по всей вероятности, приносить и в будущем, совершенно излишне. Каждый из вас, господа гласные, знаете, что одна городская больница на 30–40 кроватей при 20 тысячном населении города не в состоянии удовлетворить запросу обращающихся к медицинской помощи и даже при таком числе кроватей от содержания ее получается ежегодный дефи-

Верхнеудинск. Старое здание лазарета, уничтоженное пожаром 27 декабря 1908 г.

цит до 10 тыс. руб., который бременем ложится на общие городские средства.

Открывать новую больницу или расширять существующую город не может по недостатку своих средств. На помощь городу в этом случае является Общество Красного Креста, у которого больничное дело поставлено в широких размерах и образцово. Таким образом, город обогатится прекрасно устроенным и хорошо оборудованным лазаретом Красного Креста» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 15).

В своей речи И.В. Титов высоко оценив заслуги уполномоченного Общества Красного Креста Ильи Васильевича Ореловича, оформившего к тому времени кредит на постройку нового каменного здания лазарета и организовавшего его закладку, предложил Городской думе выразить ему свою благодарность за столь очевидные заслуги. И тут же, 4 мая 1909 г., городской голова отправляет в Санкт-Петербург, в Главное управление Российского общества Красного Креста телеграмму непосредственному начальству И.В. Ореловича с информацией: «...что на торжество освящения закладки здания лазарета 23 апреля Верхнеудинске на пожертвованной городом земле, Городская дума, состав гласных, не были приглашены. Поэтому дума считает себя незаслуженно оскорбленной».

Начинается переписка и выяснение обстоятельств. Конфликтная ситуация плавно перетекает на строительную площадку, в нее вовлекаются новые люди. Благодаря освещению возникших споров на страницах газеты «Верхнеудинский день», сохранились многочисленные интересные данные о процессе самого строительства.

Постройка лазарета Красного Креста имени Ее Императорского Величества Государыни императрицы Александры Фёдоровны в Верхнеудинске производилась подрядным способом читинским купцом Д.Ф. Игнатьевым. Договор на строительство достался Игнатьеву в результате торга с такими крупными подрядчиками, как Животовский и Равве. Проектировщиком объекта выступил гражданский инженер Крюков.

Для наблюдения за постройкой была избрана особая комиссия в составе следующих лиц:

1) горного инженера Левицкого,

2) инженера путей сообщения Чаманского,

Молебен по случаю закладки нового здания лазарета 23 апреля 1909 г.

3) инженер- капитана Емельянова,
4) гражданского инженера Родюкова,
5) директора Русско-Китайского банка Трунёва,
6) купца Кобылкина,
7) городского головы Титова И.А.,
8) уездного начальника Афанасьева,
9) доктора Легера А.Г.,
10) доктора Легкова К.И.,
11) Галашева Г.Ф.
12) Ореловича И.В.

Комиссия избрала из своей среды инженера Левицкого председателем комиссии, а городского голову Титова ее казначеем.

Один из членов Строительной комиссии, местный житель, крестьянин Г.Ф. Галашев изъявил желание взять подряд в работах по строительству лазарета, но получил отказ с аргументированной формулировкой о недопустимости такого совмещения. Как член комиссии, он регулярно посещал строительную площадку, наблюдал за строительными работами. А 15 мая Г.Ф. Галашев совместно с городским головой И.В. Титовым составили акт об обнаруженных недоброкачественных материалах и работах:

«1) кладка фундамента производится очень плохо: камень кладут насухо и сверху заливают так, что раствор извести во внутрь кладки не попадает.
2) что камень употребляется в дело весьма плохого качества, и обросший мохом кладется в стены;
3) что кирпич, в количестве 60 000 штук очень плохого качества и для кладки совершенно не пригоден, а между тем употребляется не только для стен, но даже для перемычек;
4) что известь употребляется самого плохого качества, сырая с Куйтунского, а не Татауровского карьера».

Титов и Галашев предложили весь материал: кирпич, камень и известь убрать со строительной площадки в трехдневный срок.

Председатель комиссии Левицкий, получив этот акт, пригласил на место работ комиссию, которая нашла, что заявление Титова и Галашева противоречит истине.

Разобрали часть фундамента и убедились, что кладка производится не на раствор, а на мякоти (известковое тесто — способ более дорогой и лучший). Камень и известь оказались хорошего качества: из всего количества привезенного кирпича забраковали около шести тысяч штук, который и огородили на стройплощадке до окончательного решения.

На кладку стен, а тем более перемычек, плохой кирпич не был и не мог быть употреблен: в то время успели положить только первый ряд кирпичей.

Созвали очередной комиссионный осмотр. Галашев не приехал на постройку, хотя был своевременно оповещен о времени осмотра работ и материалов комиссией, «которая признала, что работы проводятся добросовестно». Но Галашев и Титов «продолжали распространять свое ложное мнение, расходящееся с мнением остальных девяти членов комиссии».

В конфликтную ситуацию подключается иркутский генерал-губернатор. К нему, для дачи объяснений, вызвали Ореловича и Игнатьева. Из их пояснений было установлено, что Галашев предлагал Игнатьеву известь по 20 копеек за пуд, тогда как рыночная стоимость составляла 13–14 копеек и очень хотел продавать на стройку камень и кирпич... В итоге стало ясно: «его деяния (Галашева) дали Игнатьеву и другим лицам полное основание сопоставить его несправедливое отношение к материалам с отказом приобретать у него известь и лес».

Обсуждение сложившейся ситуации выплеснулось на страницы газеты «Верхнеудинский день» (№ 19 от 04.07.1909 г.). Автор статьи «Об инциденте на постройке здания для лазарета Красного Креста в Верхнеудинске» под псевдонимом «Горемыка», открыто обвинил Ореловича в травле Галашева.

В последующих выпусках газеты (№ 24 от 10.07.1909 г. и № 25 от 11.07.1909 г.) председатель Верхнеудинского местного управления и уполномоченный Главного управления Общества Красного Креста И.В. Орелович разместил свое «Письмо в редакцию» с целью восстановления истины. Вот одна из частей этого письма:

«Милостивый государь
господин редактор!

Ограждая доброе имя остальных членов комиссии, я взял от Игнатьева подписку, по коей он обязан уплатить неустойку в 10 000 руб. в том случае, если окажется, что он платил кому-либо из членов комиссии и какие бы то ни было деньги за поставленные материалы, исполненные работы или за что-либо другое. В подписке оговорено, что у Галашева материал был куплен.
Начиная с 28 мая, я получил от г. Левицкого несколько телеграмм и писем, коими он уведомил меня, что он слагает с себя из-за неоснователь-

ных придирок Галашева, Титова и Родюкова обязанности председателя, что доверенный Игнатьева остановил, и чтобы я приехал.
Положение стало настолько серьезным, что я должен был принять решительные меры.
Я полагал, что если было суждено постройке остаться неоконченной, то чтобы это произошло только не из-за столкновения между Игнатьевым и Галашевым на почве нежелания первым приобретать материалы для постройки по цене дороже рыночной.
1 июня послал я г. Левицкому телеграмму (в копии Галашеву), чтобы он доложил комиссии, что член комиссии Галашев поставляет на постройку материалы, что, находя такое совместительство неудобным и компрометирующим, прошу Галашева немедленно выйти из состава комиссии. Галашев ответил мне в тот же день, что его выход из комиссии подлежит обсуждению лиц его избравших. Тогда я просил созвать на 12 июня общее собрание членов для разбора инцидентов в строительной комиссии.
На заседании комиссии 4 июня состоялось полное «примирение» и члены ее, в целях умиротворения, постановили просить Галашева остаться в комиссии, тем более что все детали дела Галашева с Игнатьевым не были им известны.
12 июня состоялось общее собрание, которое осмотрело постройку и признало, что работы произведены добросовестно. Вопрос об удалении Галашева из комиссии не возбуждался.
22 июня осмотрел подробно постройку главный начальник Края. Присутствующие при осмотре Галашев и Титов доложили генералу Селиванову, что на постройку употребили плохой кирпич, известь, камень, что кладка произведена насухо, словом, те же басни, которые они распространяли с 15.
Генерал от инфантерии Селиванов, осмотрев подробно все работы и материалы, выслушав объяснения господ инженеров, сказал председателю комиссии «постройка найдена в порядке», а Галашеву «вовсе не так плохо, как вы заявили». Тогда я доложил генералу Селиванову, что придирки замучили нас и что мы с Левицким решили уйти из состава комиссии. Начальник края посоветовал нам не обращать внимания, не обижаться, а продолжить делать дело.
Сейчас, после ухода генерала Селиванова, техник сказал мне, что рабочие страшно озлоблены против Галашева и что они могут легко пустить ему сверху на голову кирпичи.
Чтобы положить конец всей этой грязи, я заявил Галашеву, что устраняю его из комиссии, что на мои действия он может жаловаться и приказал технику пускать на постройку всех жителей Забайкалья кроме Галашева. В тот же день была собрана комиссия, которая вновь осмотрела все материалы и работы, признала их годными, затем одобрила принятую мною по отношению к Галашеву меру об устранении его из состава комиссии.
Г-н губернатору я просил дать мне возможность привлечь к уголовной ответственности лицо, учинившее ложный донос генерал- губернатору. Критики, не связанной с попыткой продать, пользуясь своим положением, материалы по цене дороже рыночной, я не боюсь: лучшим доказательством может служить хотя бы тот факт, что г-н Титов не подвергается с моей стороны ни «гонениям, ни травле», наоборот, я неоднократно просил его не уходить из комиссии, хотя в составлении акта, в докладе генерал-губернатору и в распространении ложных слухов о недоброкачественности употребленных материалов, он от Галашева нисколько не отстает.
Со стороны г-на Титова я вижу желание бескорыстно послужить делу постройки и заблуждение при определении качеств их, но последнее зависит от технических познаний. Всей постройкой заведует строительная комиссия; деньги, отпускаемые на постройку, хранятся у казначея Титова, коим и расходуются.
Моя роль в деле постройки состояла в следующем: заказать план и смету, исхлопотать ассигнование нужных денег. Поручил образовать комиссию, заключил по поручению комиссии условия с Игнатьевым (именно Игнатьевым, основные пункты условия мне были указаны комиссией), ездил дважды по вызову избранного комиссией председателя улаживать инциденты, созданные Галашевым и чуть не поведшие к распаду комиссии и продолжительной приостановке работ.
Кроме Галашева никто из членов комиссии не продавал Игнатьеву материалов на постройку. У г-на Трунёва Игнатьев взял взаймы несколько кубических сажень камня, понадобившегося экстренно для закладки здания, но Трунев денег не взял и просил возвратить ему камень же. Кобылкин закупал в марте для Игнатьева по его просьбе некоторое количество извести, чтобы 23 апреля можно было приступить к закладке.
Комиссия заведует постройкой вполне самостоятельно. Члены комиссии хорошо известны верхнеудинцам, так что пусть судит общество,

достаточно ли контроля в этом общественном деле даже в том случае, если Галашев употребит свою энергию, 20 копеечную известь и материал на какое-нибудь другое частное или общественное дело.
Лица, интересующиеся постройкой, имеют полное право осмотреть ее и ознакомиться с документами и отчетностью по ней.

Председатель Верхнеудинского местного управления и уполномоченный Главного управления Общества Красного Креста
И. Орелович» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 23б, 23б-об).

Со временем, после удаления из состава комиссии Галашева и поддержки подрядчика иркутским начальством, конфликт понемногу исчерпал себя. В архивных делах Городской управы сохранился набросок письма городского головы Титова в адрес редактора газеты «Верхнеудинский день» с перечислением технических нарушений при установке лесов на строящемся здании лазарета и необходимости отложить производство наружной штукатурки здания лазарета на следующий год, до времени его полной просушки... Но была ли опубликована очередная претензия к строителям, не известно (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 28об, 29).

Меньше года потребовалось подрядчику на производство работ по строительству столь солидного здания лазарета Красного Креста. Просторные палаты, высокие потолки, огромные окна, специальный операционный зал — по тем временам архитектура здания для провинциального города зашкаливала.

2 января 1910 г. городской голова И.В. Титов в своей речи на очередном заседании Городской думы заговорил об окончании работ: «Мы видим перед собой готовое сооруженное здание». Стоимость объекта оценивалась в 100 000 руб. Говоря о новом здании, как архитектурном украшении нагорной части Верхнеудинска, отмечалась его функциональная важность: «Это то учреждение и есть самое полезнейшее для страждущего и немощного населения города, это только учреждение и может оказать надежду и помощь страждущим нашим согражданам». В докладе дается оценка огромному вкладу И.В. Ореловича в дело реализации идеи постройки каменного здания лазарета. Думой принимается решение подготовить благодарственный адрес Илье Васильевичу и поставить в зале заседаний Городской думы его портрет, как городского деятеля.

24 января 1910 г. И.В. Ореловичу, проезжавшему почтовым поездом через ст. Верхнеудинск, была устроена торжественная встреча.

Фасад нового здания лазарета. В центральной части верхнего этажа — изображение иконы Божьей Матери

«Верхнеудинская городская управа в составе городского головы и членов управы, выполняя постановление городской думы, в 1 час дня на вокзале ст. Верхнеудинск Забайкальской железной дороги имела честь поднести адрес городскому деятелю уполномоченному Красного Креста Илье Васильевичу Ореловичу, который выслушав адрес, сочувственно принял его и выразил глубокую благодарность Верхнеудинской городской думе в лице гг. гласных. Затем Городская управа просила его и в будущем поддерживать воздвигнутое его трудами благотворительное заведение и аптеку Красного Креста, на что он изъявил полное согласие, высказав, что все, что будет от него зависеть он выполнит в пределах возможного» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2555, л. 5, 8).

Заслуживает внимания текст благодарственного адреса, врученный городским головой И.В. Титовым своему недавнему оппоненту И.В. Ореловичу:

«Глубокоуважаемый Илья Васильевич!

Благодаря заботам и усиленной энергичной деятельности Вашей у нас в городе Верхнеудинске, в минувшем 1909 г., сооружено на средства Российского общества Красного Креста великолепное каменное здание для лазарета Ея Императорского Величества Государыни императрицы Александры Фёдоровны, каковое здание, являясь украшением нагорной части города своей наружностью, в то же время является источником помощи и надежды больным и немощным нашим согражданам, так как здесь только они и могут получить помощь и исцеление.

Инициативой сооружения этого здания мы обязаны исключительно Вам, Илья Васильевич, так как Вы первый из деятелей города, еще во время минувшей русско-японской войны, вступили в дела Общества Красного Креста и исходатайствовали оставить лазарет Красного Креста в Верхнеудинске и после войны, и, наконец, в 1908 г., когда старое здание лазарета было уничтожено пожаром и предположено было поднять вопрос даже о закрытии в Верхнеудинске этого лазарета, Вы усиленно начали хо-

Местность вокруг лазарета. *Фото 1910-х гг.*

Лазарет Красного Креста. Вид со двора. *Фото 1900-х гг.*

Лазарет Красного Креста. Вид сбоку. *Фото 1910-х гг.*

датайствовать об оставлении его в г. Верхнеудинске, о необходимости постройки для этого нового каменного здания, и вот результат Ваших ходатайств каждый из нас имеет честь лицезреть теперь.

Помимо сего, при производстве самой постройки здания, Вы лично принимали участие и в деле надзора за таковой.

Кроме всего этого, г. Верхнеудинск обязан исключительно Вам и в деле проведения в жизнь заветной мечты города — открытия в нем городского Народного дома, так как, при посредстве лишь Вашем, городу удалось сравнительно за недорогую плату и притом в рассрочку, приобрести солидное каменное двухэтажное здание, в котором и открыт этот Народный дом.

За таковую полезную деятельность Вашу для города Верхнеудинска, за эти понесенные Вами для блага города труды, Верхнеудинская городская дума, в заседании 11 января 1910 г. постановила:

выразить Вам глубокую благодарность, и портрет Ваш, как городского деятеля, поставить в зал заседаний Городской думы.

Горя желанием возможно скорее выполнить это постановление свое, Верхнеудинская городская дума настоящим адресом имеет честь принести Вам, премногоуважаемый Илья Васильевич, глубокую благодарность и покорнейше просит разрешения Вашего на постановку Вашего портрета в зале заседаний думы.

Председатель Верхнеудинской городской думы, городской голова Титов,
Гласные думы»
(ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2555, л. 9).

К середине июня 1910 г. окончательную сдачу объекта держали работы по финишной отделке здания. На запрос городской управы к Управлению Красного Креста о времени перехода больных лазарета из помещений Народного дома в новое здание был получен ответ, «что переход состоится во всяком случае не позднее конца июля или начала августа месяца сего года». А по информации от главного подрядчика стройки Дмитрия Феоктистовича Игнатьева, «задержка разве может произойти только за колодцем, за неполучением своевременно электрического насоса» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 2329, л. 40, 42, 44).

По воспоминаниям современника, работавшего врачом-консультантом в лазарете, Михаила Танского, здесь появилась диагностическая лаборатория и сложное оборудование. Лазарет мог работать независимо от городской инфраструктуры. У него была своя котельная, электроузел, канализация и пищеблок, одним словом, полное самообслуживание.

При открытии здания лазарета его фасад украшала икона Божьей Матери (Казанской?) После революции изображение было утрачено. Была ли икона забелена, либо штукатурный слой был сбит вместе с изобра-

Лазарет Красного Креста. Фасад. *Фото 1910-х гг.*

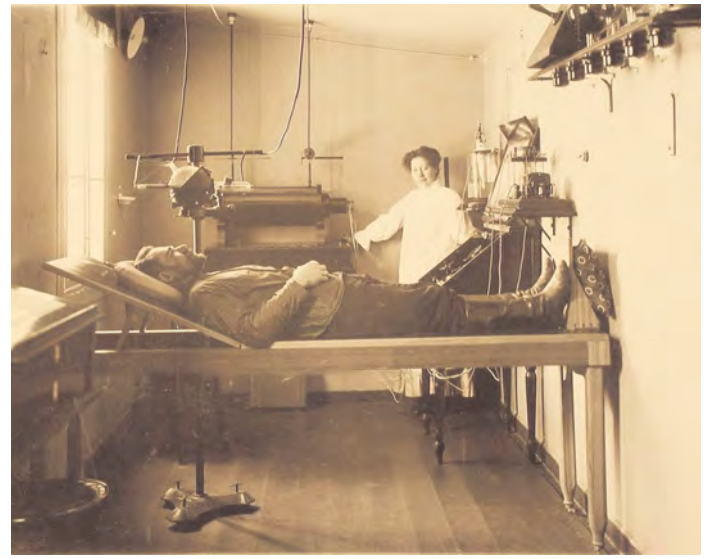
жением? На этот вопрос еще предстоит ответить специалистам.

На одной усадьбе с лазаретом находилась община сестер милосердия. Сестры были прикомандированы к лазарету и работали в нем. В 1911 г. в Верхнеудинске открываются курсы сестер милосердия, а уже в мае 1912 г. состоялся первый выпуск запасных сестер Красного Креста военного времени. Из отчета лазарета за 1911 год о расходовании денег на содержание видно, что в лазарете также работали служащие, прислуга, был свой гужевой транспорт (ГАРБ ф. 101, оп. 1, д. 6, л. 24; ф. 101, оп. 1, д. 7, л. 8–21, 48).

С началом в 1914 г. Первой мировой войны при лазарете Красного Креста образовываются комитеты по сбору пожертвований в пользу раненых и больных воинов. Врачи лазарета вместе с общиною сестер милосердия мобилизовываются на русско-германскую войну. С ними уходит на фронт переведенный в марте 1912 г. на должность главного врача Читинской общины врач-хирург А.К. Легер. Он оставил о себе в Верхнеудинске благодарную память, были даже предложения назвать его именем одну из улиц города (ГАРБ ф. 1778, оп. 1, д. 31, л. 51об).

Надо сказать, что А.К. Легер был не единственным врачом, откомандированным в Читинскую общину Красного Креста для усиления состава врачей в читинском лазарете. В 1916 г. из Верхнеудинского лазарета был переведен в Читу опытный хирург Александр Иванович Христов. С великим сожалением восприняло Верхнеудинское местное управление Российского общества Красного Креста сообщение о переводе А.И. Христова: «Уход его очень тяжело отзовется на деятельности лазарета Красного Креста. Исполняя обязанности главного врача лазарета в данное время, Христов за четырехмесячный срок заведывания лазаретом отлично поставил дело. Присутствие Христова в Верхнеудинском лазарете, как единственного хирурга в городе, крайне необходимо». И все же в 1917 г. А.И. Христов переехал в Читу.

Александр Иванович Христов (1871–1920) Выпускник медицинского факультета Московского университета (1897 г.). Проработал около 10 лет хирургом в Одесской городской больнице и столько же городовым врачом Троицкосавска и Верхнеудинска, консультантом лазарета Красного Креста. В 1914 г. за заслуги по Обществу Красного Креста был награжден орденом Святого Станислава. С 1917 года работал в больнице станции Чита-1 и старшим врачом лазарета Красного Креста, возглавлял Забайкальское Общество врачей. В апреле 1920 г. его командировали в Харбин сопровождать вагон с сыпнотифозными семёновцами. В этом военно-санитарном вагоне Александр Иванович заразился сыпным тифом и умер в железнодорожной больнице станции Маньжурия 29 апреля 1920 г.



Рентгеновский кабинет в старом здании лазарета Верхнеудинска. *Фото 1910-х гг.*

Раненые в лазарете Красного Креста. *Фото 1900-х гг.*

Члены Верхнеудинского комитета Красного Креста: сидят (слева направо) 2-й – главный врач лазарета А.Г. Легер, 4-й — председатель комитета И.В. Орелович, 6-й – ст. одинатор К.И Легков. *Фото 1916 г.*

Значимый след в истории лазарета оставил главный врач Константин Иванович Легков. За подвиг человеколюбия, проявленный во время пожара в Верхнеудинском лазарете Красного Креста в 1908 г., награжден был медалью «За спасение погибавших». При его содействии при лазарете был организован родильный приют. Помимо лечебной работы активно занимался преподавательской деятельностью, проявил большие организаторские способности, избирался городским головой.

Константин Иванович Легков (1877–1958), сын протоиерея Таврической губернии. Закончил медицинский факультет в Императорском Юрьевском университете, работал ассистентом в университетской клинике. Во время русско-японской войны ушел добровольцем на фронт в качестве военного врача. В 1907 г. стал помощником главного врача Верхнеудинского лазарета Красного Креста. В 1915 г. был избран Верхнеудинским городским головой, а в декабре 1916 г. призван в войска для участия в Первой мировой войне. Имел награды: орден Святого Станислава 3-й и 2-й степеней, орден Святой Анны 3-й и 2-й степеней, орден Святого Владимира 4-степени, знак Красного Креста, медаль Красного Креста в память русско-японской войны, светло-бронзовую медаль в память 300-летия Дома Романовых, знак 2-й степени Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям.

С апреля 1917 г. работал старшим ординатором Берёзовского военного госпиталя. После образования Дальневосточной республики был назначен начальником Прибайкальского районного управления здравоохранения. В ноябре 1921 г. занял должность начальника Забайкальского военно-санитарного округа, в июне 1923 г. ушел в отставку. К.И. Легков стал жертвой политических репрессий: в 1938 г. он был арестован Приморским областным УНКВД по обвинению в шпионаже, прошел лагеря (1938–1954 гг.). При жизни, в 1955 г. был реабилитирован.

Шли годы, но несмотря на перемены в политике, революции, войны, в стенах этого здания всегда приносили облегчение и помощь больным. В 1920 г. лазарет Красного Креста был переименован в военно-хирургический госпиталь, а в октябре 1924 г. здание было передано под областную больницу, будущую республиканскую больницу им. Семашко. Старший врач лазарета Гурьянов становится старшим врачом первой областной больницы. Сегодня это одно из отделений детской городской клинической больницы.

В интерьерах здания еще сохранились исторические фрагменты: кованные перила, напольная плитка... Здание охраняется государством, состоит на государственной охране как образец застройки города Верхнеудинска. Это одно из немногих зданий, сохранивших свой первоначальный профиль. Здесь, как и сто лет назад, люди в белых халатах борются за здоровье людей.

Елена Михалёва

Список использованных материалов

Государственный архив Республики Бурятия:
Фонд 101 «Лазарет Верхнеудинского местного управления Российского общества Красного Креста, г. Верхнеудинск Забайкальской обл., 1907–1924 гг.».
Фонд 10 «Верхнеудинская городская управа»:
а) опись 1, дело 1019, л. 10 об
б) опись 1, дело 1839, л. 1, 4
в) опись 1, дело 2231, л. 5, 9, 18, 19
г) опись 1, дело 2329, л. 1, 2, 3, 3 об, 4, 4об, 5, 7, 9, 14, 15, 15 об, 21, 21об, 22, 22 об, 23 об, 23а-об, 23 б, 23б-об, 28об, 29, 40, 42, 44
д) опись 1, дело 2441, л. 1, 2, 4, 4об, 6
е) опись 1, дело 2555, л. 1, 1 об., 4, 4об, 5, 8, 9.

2. Батоев Сергей Дашидондокович «Читинская и Верхнеудинская общины сестер милосердия в истории здравоохранения Забайкалья». — ГБУЗ «Научно-практический центр специализированной медицинской помощи детям им. В. Ф. Войно-Ясенецкого Департамента здравоохранения города Москвы».

3. Владимир Митыпов. Тайны лазарета императрицы // «Читинское обозрение» № 36 от 7 сентября 2016 г.

ул. Пристанская, 4

Тюремный замок

Сибирь, как край ссылки на поселение и на каторгу Российского государства, вошла в историю еще в XVII в. В лето 1648 г. отрядом казаков под руководством атамана Ивана Галкина был основан Баргузинский острог, первый в цепи укрепленных пунктов, созданных для взимания ясака- дани, которой в Московской Руси и царской России облагались инородцы, то есть народы восточных окраин государства. Уже в 1665 г. отряд под началом Гавриле Ловцова и Осипа Васильева, вышедший из Баргузина, основал Селенгинский острог. Остроги, кроме выполнения военно- оборонительной задачи, служили и местом заключения, попросту говоря, тюрьмами, и на языке крестьян «сидеть в остроге» означало «сидеть в тюрьме».

Тринадцать лет спустя томским сыном боярским Иваном Поршенниковым на высоком берегу Уды, недалеко от ее слияния с Селенгой, был возведен Удинский острог. Сюда посылались для хранения и дальнейшего распределения «пушечные» и «хлебные запасы» и шли первые партии с «ссыльными людьми». «Секретные» — государственные и политические — преступники, имен которых никто не должен был знать, содержались в монастырях, считавшихся самыми прочными тюрьмами. Одна из самых страшных монастырских тюрем была в Свято-Троицком мужском монастыре, основанном еще в 1681 г.

В начале XVIII в. Удинская крепость потеряла свое военное значение, поскольку сложились добрососедские отношения с Китаем и Монголией, использовалась в качестве тюрьмы и склада.

В 1803 г. по указу Иркутской судебной палаты выстроен Верхнеудинский деревянный острог взамен обветшавшего прежнего.

В 1813 г. начато строительство нового острога в два флигеля: один для приходящих колодников,

другой для караульной команды с палисадом в двух саженях от них. За постройкой тюремного острога наблюдал Верхнеудинский земский исправник господин Геденштром, которому уездное казначейство отпускало деньги на постройку.

В 1814 г. строительство деревянного острога завершилось, он был сдан в ведение Верхнеудинского городничего Измайлова. Главный корпус для преступников в длину 11 и в ширину 6 саж., покрытый двойным тесом на гвозди, с тремя слуховыми в крыше окнами, с земли был обшит вкруговую тесом на гвоздях и имел крыльцо. Двери в коридорах корпуса с железными соскобами, по сторонам двери — два окна. В левой стороне кухня с печью-пекарней. Имелись поселенские казармы: одни сени, 2 покоя для мужчин, 3 покоя для женщин.

В 1816 г. были устранены обнаруженные неисправности при строительстве. Тюремный острог включал в себя женское отделение на 25 чел., караульный дом и хлебопекарню, вещевой цейхгауз, мастерскую и тюремную контору, баню и кухню. Впоследствии, при строительстве новой каменной тюрьмы, эти постройки использовались для временного размещения каторжных.

Со временем деревянное здание тюрьмы просело, покосилось и совсем перестало соответствовать грозному статусу Верхнеудинского тюремного замка, присвоенного ему в 1840 г. Город, куда то и дело отправляли со всей России самых отъявленных мошенников, не в состоянии был встретить их должным образом. Очевидец того времени М.И. Орфанов (1847–1884), известный русский чиновник и писатель-беллетрист, которому несколько раз приходилось ревизовать тюрьму в пору его службы судебным следователем в Сибири, говоря о верхнеудинской тюрьме, указывал, что деревянное здание построено на 140 чел., но посещая его не раз, он всегда находил там более 500, а иногда бывало и до 800 чел.

В 1869 г. после пожара, уничтожившего здание деревянной тюрьмы, было принято решение выстроить в Верхнеудинске здание новой каменной тюрьмы, чтоб стояла века, как на самом деле и вышло.

Исторические документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, содержат информацию о выделении городом участка земли под строительство тюремного здания на правом берегу Селенги, в двух километрах от центра города. Работы по постройке проводились под наблюдением иркутского губернского архитектора фон Штерн Гвяздовского, автора проекта. По предписанию военного губернатора Забайкальской области был учрежден Общественный совет за наблюдением и контролем строительных работ.

Строительные работы производились подрядчиком, иркутской первой гильдии купчихой Ольгой Яковлевной Коппь. Через своих доверенных, иркутского мещанина Бориса Горфина, верхнеудинского второй гильдии купца Григория Лазаревича Чаповского, в сентябре 1876 г. она запрашивает разрешение «на разработку местности для добычи глины на городской местности в правом берегу по течению реки Селенги на второй версте от города» и об отводе городской земли под временные постройки для «складки там материалов и помещения служащих и рабочих» с уплатою в городской доход налога (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 105, л. 1, 6, 7, 8).

Протоколом заседания Верхнеудинской городской думы от 14 октября 1876 г. зафиксировано обсуждение и положительное решение этого вопроса:

«**Протокол Городской думы**
1876 г. октября 14 дня

Были приглашены в собрание г-ном городским головою, а за болезнью его под председательством кандидата по нему, г-да гласные в числе 22 чел. Слушали доклад Верхнеудинской городской управы об отводе места земли под имеющую строиться в г. Верхнеудинске центральную тюрьму и для склада материалов и помещения рабочих подрядчих купчихи Коппь, определили:
Избранное по распоряжению губернатора Забайкальской области и одобренное генерал-губернатором Восточной Сибири место городской земли в 425 саж. от старого тюремного замка вниз по течению реки Селенга в количестве длины 39 саж. и к реке 54 саж. 1 арш. уступить для объясненной надобности безвозмездно.
Для склада материалов и помещения рабочих отвести место около вышеуказанной местности, с северной и южной сторон по 40 саж., а с западной сколько таковой окажется, с тем, чтобы не были занимаемы бичевником, летняя и осенняя дороги, впредь до проведения новой, и чтобы поименованной надобности занятая местность была тщательно очищена от всех находящихся на ней материалов, построек и выровнена.
За пользование этой местностью обязать подрядчицу Коппь платить в пользу города по 150 руб. ежегодно за все время пока местность будет занята, так как сбор этот необходим для образования средств на расчистку и проведение новой дороги, в которой с устройством предполагаемого тюремного замка будет настоятельная потреб-

ность. Устройством самой дороги и наблюдение за оным поручить Городской управе.
Копии с сего постановления представить г-ну военному губернатору Забайкальской области в Хозяйственный департамент Министерства Внутренних Дел, а подлинное же передать в Городскую управу.

Подлинное подписали:
Кандидат городского головы — Лосев
Гласные: купецкий сын Дмитрий Меньшиков, диакон Николай Тютюков, купеческий сын Козьма Большаков, купец Василий Овсянкин, титулярный советник Александр Попов, мещанин Дмитрий Вторушин, личною просьбою гласного мещанина Конона Пшеничникова и за себя таковой же гласной мещанин Максим Кузнецов, отставной вахтер Евдоким Белоусов, мещанин Дмитрий Конев, купец Иван Овсянкин, личною просьбою гласного мещанина Ильи Котовина и за себя таковой же гласной мещанин Григорий Плюснин руку приложил, иерей Анатолий Лавровский, мещанин Михайло Шергин, купец Петр Сатков, мещанин Алексей Красиков, Владимир Кочетов, Василий Иванов, коллежский регистратор Паув, мещание В. Колмаков, купеческий сын К. Мордовской» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 105, л. 10, 10об).

«Вмиг появились по всему берегу сараи для обработки приречной глины, нарыты кучи песка, и только через семь лет после того, как был создан проект, состоялось первое возложение первого кирпича. Может, потому Тюремный замок и стал самой большой гордостью верхнеудинцев, что строили его всем миром. Логично рассудив, что в новой тюрьме больше всех нуждаются ее будущие обитатели, на стройку подтянули заключенных тюрьмы и каторжан из Европейской России, Западной и Восточной Сибири. Арестантов селили в наскоро построенные тут же на берегу бараки. Страшные колонны несчастных внесли смятение в спокойную жизнь горожан. Строить себе и будущим «коллегам» темницу арестованные явно не хотели, терять им было нечего, и время от времени устраивали они бунты, порой «бессмысленные и беспощадные». Знающие люди во всем винили «майданщиков» — торгашей, тайно снабжавших заключенных и провизией, и «ножичками». Привлекать к строительству местных жителей было гораздо безопасней, что и делалось. Не раз те же самые жители скидывались на «свою» тюрьму, когда строительство грозило затормозиться.

Конвой при каторжных во время производства работ назначался от 4-й роты Восточно-Сибирского батальона в количестве 59 человек, из них 28 находились при работах тюрьмы, остальные на кирпичном заводе» (*С.П. Суш. История пенитенциарной системы в Бурятии. — Улан-Удэ, 2006*).

С 1878 по 1881 г. на отведенной площадке были выстроены баня, кухня и хлебопекарня, прачечная. Подрядчик строительных работ на указанные постройки был выбран по результатам объявленных управой торгов — верхнеудинский второй гильдии купец Григорий Лазаревич Чаповский (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 105, л. 1, 2, 8, 11).

В 1879 г., узнав из «Иркутских губернских ведомостей» о несостоятельности Ольги Яковлевны Коппь, Верхнеудинская городская управа втянулась в судебные разборки с должницей, иркутской первой гильдии купчихой. Обстоятельства дела были изложены в определении Городового суда города Иркутска:

«Верхнеудинская городская управа отношением от 31 августа 1879 г. за № 1103 сообщили Городовому суду, что по постановлению Верхнеудинской городской думы на 2 января 1876 года и 15 сентября 1878 г. между прочим определено: взыскать за добываемый в городских дачах бутовый камень по 1 рублю с кубической сажени. Такового камня добыто для постройки в городе Верхнеудинске Тюремного замка подрядчицей Иркутской первой гильдии купчихой Ольгой Яковлевой Коппь по заявлению архитектора от 7 июня 1879 г. за № 29 и употреблено в дело до 500 куб. саж. до 1879 г. за каковой камень взыскано за 100 саж.100 руб. Да только деньги 400 руб. за 400 саж. подрядчицей Коппь не уплачены, а также не представлены ею деньги за 1878 и 1879 гг. за место отданное городом под склад материалов 300 руб. Всего 700 руб.» Этот суд Верхнеудинская городская управа проиграла из-за неправильного оформления и предъявления претензии (ГАРБ ф.10, оп. 1, д. 248, л. 1, 3, 8, 14).

В 1882 г., после признания Ольги Яковлевны Коппь «неисправной подрядчицей», материалы и инструменты на строительной площадке Тюремного замка были конфискованы и складированы «в особых складах» по описи от 12 апреля, составленной в присутствии иркутского губернского архитектора фон Штерн-Гвяздовского (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 2075, л. 1, 4).

Продолжил строительство верхнеудинской тюрьмы иркутский мещанин Борис Леонтьевич Горфин, ставший доверенным лицом от попечителей бывшей иркутской первой гильдии купчихи О.Я. Коппь (ГАРЮ ф. 337, оп. 1, д. 2075, л. 7, 8).

В 1881 г. при тюрьме открываются мастерские. Каждый новосел должен был выбрать занятие на свое усмотрение — шить, столярничать, печь хлеб и т.д. В дальнейшем, слух о золотых руках мастеров из замка шел по всему городу. Также можно было вступить в хозяйственный отряд: дрова для города заготавливать, сено косить, снег с крыш общественных зданий сбрасывать, выгребные ямы очищать, бродячих собак вылавливать... Позднее при тюрьме были открыты школа для малолетних арестантов и приют для детей арестантов. В 1886 г. детей пересыльных арестантов, проследовавших вместе с родителями, насчитывалось 408 чел.

В 1885 г. строительство Верхнеудинского тюремного замка завершилось.

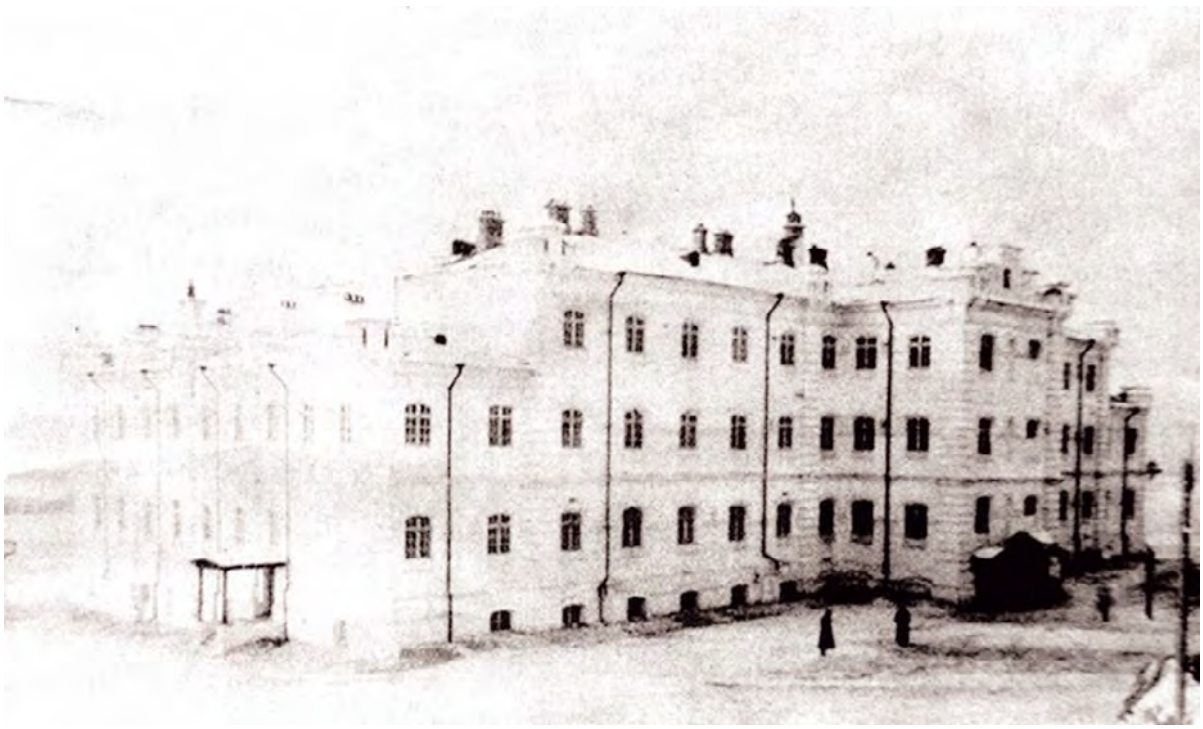
В состав тюремного комплекса входили: главный корпус, административный корпус, баня, кузница, амбар, колодцы (2 шт.), ограждение.

Главный тюремный корпус в плане представляет собой прямоугольник, к боковым сторонам которого примыкали два других удлиненных прямоугольника (флигеля). Под всем корпусом имеется подвальный этаж, покрытый цилиндрическим сводом. Полы, за исключением пересыльных камер и карцеров, каменные (из лещадной плиты). Первый и второй этажи с деревянными потолками и полами, за исключением коридоров во флигелях (потолки имеют форму свода). Третий этаж имеется только над большим средним прямоугольником корпуса. Для междуэтажного сообщения имеются каменные на косоурах лестницы: две парадных наружных, одна из которых ведет в помещение больницы третьего этажа и на чердак, две парадных внутренних, из которых можно попасть в помещение третьего этажа; одна черная — до первого этажа, одна в коридор левого флигеля, мужских одиночек.

Помещения в корпусе (были) распределены следующим образом:

а) подвальный этаж: пересыльных камер — 3, комната для раздачи пищи — 1, карцеров — 4, темных комнат — 4, кладовых — 3, комнат для параш — 1, комнат для выносных бачков — 6, комнат для посуды — 1, кухня — 1, пекарня — 1, цейхгауз — 1;

б) первый этаж: общих мужских камер — 3, женских — 2, привилегированных камер — 1,



мужских одиночек — 5, женских — 3, больница женская (на 3 кровати) — 1, ванная — 1, столовая мужская — 1;
в) второй этаж: общих мужских камер — 4, церковь — 1, мастерская — 1, одиночек — 14;
г) третий этаж: общих мужских камер — 2, церковь — 1, больница на 48 кроватей — 1, мастерская — 1, аптека — 1, ванная — 1, препарочная — 1;
Весь корпус покрыт железной крышей, окрашенной охрою на масле.
Административный корпус располагался в ста метрах от главного корпуса и на плане представлял собой прямоугольник. Здание двухэтажное каменное с деревянными потолками и полами, железной крышей (шатровой и двумя каменными лестницами на косоурах, проезд перекрыт пологим цилиндрическим сводом. В здании корпуса следующие помещения: квартира начальника тюрьмы, старшего надзирателя, канцелярия, кордегардия, посетительская комната, казарма для 15 надзирателей холостых, квартиры для двух надзирателей семейных, квартиры для двух надзирательниц, две кухни для надзирателей, пять отхожих мест.
Баня с прачечной. Представляла собой одноэтажное каменное здание, крытое железом. Включала в себя три помещения: первое — общеарестанская баня, состоящая из раздевалки, мыльной и паровой водогрейной, второе — две паровые для одиночек, третье — помещение. Полы и потолки везде были деревянные.
Кузница: здание одноэтажное, каменное, крытое железом.
Амбар: здание деревянное, одноэтажное, с двумя отделениями, крытое тесом с ледником в одном из отделений.
Колодцы (2 шт.) с лиственными срубами глубиной в 12 саж. с колесом, валом, канатом и бадьями.
Вся территория замка была огорожена метровой толщины белоснежным забором, единственный путь в замок лежал через арку здания административного корпуса. Дорога эта проходила прямо под кабинетом начальника тюрьмы, и каждый раз, заслышав стук подъезжающей телеги, он выглядывал из своих окошек и старался определить своего подопечного на глазок. Так что все отбывающие и прибывающие подводы он осматривал первым (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 2818, л. 44–47).

По акту от 5 ноября 1885 г. окружной исправник, директор тюремного отделения, протоиерей о. Анатолий Лавровский приняли от подрядчиков Пастарника и Финберга иконостас для новой церкви (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 2818, л. 58).

М.И. Орфанов (1847–1884), которому несколько раз приходилось ревизовать эту тюрьму в пору его службы судебным следователем в Сибири, так описывает ее в своей книге:

> «Новая тюрьма представляет собой огромное четырехэтажное кирпичное здание с двумя крыльями, с широким двором и с отдельным флигелем для политических и для конвоя. Камеры велики, хорошо освещены и вентилированы; из каждой из них открывается через три больших окна обширный вид на Селенгу и на окрестности. Коридоры имеют 22–25 футов ширины; лестницы каменные, с железными перилами, одиночки довольно обширны. Приспособления для отопления и вентиляции прекрасны. Вообще эта тюрьма показалась мне лучшею во всей России и одною из лучших в мире. Ее постройка обошлась в 200 000 руб., и рассчитана она на 440 арестантов. Я не мог не выразить своего удовольствия исправнику. «Да, — отвечал он, — тюрьма будет очень удобна, если ее не переполнять. Но если нам приходилось держать по 700 человек в старой тюрьме, то здесь, пожалуй, придется держать тысячи три. А тогда и здесь будет то же самое». Я не буду разбирать, насколько основательны эти опасения исправника; во всяком случае, пока новая верхнеудинская тюрьма, несомненно, одна из лучших в империи» (*С.П. Суш. История пенитенциарной системы в Бурятии. — Улан-Удэ, 2006).*

Каменная тюрьма была принята. При ее осмотре «некоторые помещения оказались крайне холодными». Для предупреждения развития сырости во вновь отстроенном здании тюремного замка, просушивания свежей краски, штукатурки и т.д., требовалась регулярная топка 102 печей, которую производить было нечем. Город не отпускал требуемое количество дров на отопление новой тюрьмы, а это 621 саж. в год, плюс 191 пуд. 20 ? фунт. свеч на ее освещение. Содержание тюремного замка ощутимо сказывалось на небогатом бюджете города (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 2818, л. 54, 60, 61, 72, 73, 97).

Уже в 1878 г. Верхнеудинская городская управа поднимала вопрос об освобождении Верхнеудинска от значительных расходов (ежегодно от 1400 до 2000 руб.) по отоплению и освещению Тюремного замка

(ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 263, л. 4, 5) или назначении городу от казны ежегодного пособия, а также о привлечении городов Троицкосавска, Селенгинска и Баргузина, как не имеющих своих тюрем, к участию в этих расходах (ГАРБ ф. 10, оп.1, д. 263, л. 28, 45).

В докладе Верхнеудинской городской думы, прозвучавшем 11 марта 1885 г., озвучено, что за 8 лет на отопление и освещение Тюремного замка городом израсходовано 12570 руб. 80 ? коп., «сумма крайне значительная для городка с населением в 4000 душ». Городская управа указывала на общегосударственную, а не городскую нужду в постройке и содержании тюремного замка и что никакой расход, связанный с тюрьмой, не должен падать на город (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 263, л. 53, 54; ф. 337, оп. 1, д. 2818, л. 54, 54об).

Поданная, в этой связи в Правительствующий Сенат жалоба верхнеудинского городского головы на управляющего Забайкальской областью 6 марта 1887 г. была признана «не заслуживающей уважения» и оставлена без последствий (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 263, л. 65).

Вернемся к приемке тюрьмы в сентябре 1885 г. Заявление верхнеудинского исправника и директора тюремного отделения Бутакова в адрес Комиссии по освидетельствованию и приему Верхнеудинской каменной тюрьмы содержит его отказ подписывать приемо-сдаточные описи, из-за поверхностного осмотра «в течении двух-трех часов такого громадного здания, на один обход которого нужно потратить день», «необъяснимого» решения Комиссии «отобрать от подрядчика обязательство об устранении всех недостатков, какие окажутся в тюрьме при передаче ее в отделение местной администрации в качестве казенного здания» (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 2818, л. 3, 4).

Рапорт смотрителя верхнеудинского тюремного замка от 27 февраля 1886 г. в адрес окружного исправника четко фиксирует многочисленные повреждения на зданиях тюрьмы. В основном это неисправные печные трубы — обваливаются кирпичи, появились дыры в боковых стенах, многочисленные трещины в кирпичной кладке и как следствие невозможность их нормальной эксплуатации. Печи дымят и заваливаются, двери рассохлись и не закрываются, в каменной ограде кирпич разваливается, краска отстает и т.д. Донесение смотрителя от 20 мая 1887 г. в адрес Верхнеудинского окружного полицейского управления, содержит информацию о нарушении целостности железной крыши главного корпуса. Перед военным губернатором Забайкальской области ходатайствуют об «ассигновании денег на ремонтное исправление тюрьмы» (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 2818, л. 99, 109, 110, 114, 117, 121, 130).

Срочно изыскиваются средства для исправления дефектов.

Первоначально в замке содержалось около 200 арестантов. В основном они привлекались за бродяжничество, кражи, убийства, конокрадство, растрату казенных денег. Подсудимые запирались по камерам. Бельем одеждой, обувью и постельными принадлежностями арестанты снабжались за счет казны. Из донесения Окружного полицейского управления а адрес военного губернатора Забайкальской области следует, что «...при Верхнеудинском тюремном замке палача не находится, а исполнение над арестантами приговоренными к наказанию плетьми и розгами выполняется полицейскими служителями, которые находятся при Полицейском управлении» (ГАРБ ф. 337, оп. 1, д. 1207, л. 2).

В связи с проведенной тюремной реформой в кон. XIX в., в 1894 г. Верхнеудинский тюремный замок переименован в тюрьму № 1. В 1895 г. здесь содержался 2071 заключенный, в 1897 г. — 2383, на 1 января 1901 г. в Верхнеудинской тюрьме — 1892, из них 351 женщина. Суть тюремной реформы заключалась в понимании простой истины: наказание, только как возмездие, не достигнет цели исправления преступника. Перевоспитанию должен способствовать труд. С 1886 г. был принят закон об обязательном труде заключенных.

Для надобностей тюрьмы в разное время были отведены земельные участки общей площадью 6106 кв. саж., в том числе для двух огородов — 5824 кв. саж., под склад дров — 270 кв. саж., под ледник — 12 кв. саж. Заведение тюремного огорода было большим подспорьем в хозяйстве, как для организации труда заключенных, так и для удешевления продуктов продовольствия (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1135, л. 2, 4, 5, 6, 9, 10, 15, 19, 23, 30, 34).

Архивные материалы подтверждают, что Верхнеудинским отделением Попечительного о тюрьмах комитета по контракту заключенному с Верхнеудинской городской управою от 20 октября 1898 г. был арендован участок земли (с переднего фасада тюрьмы 1819 кв. саж, с заднего — 1098 кв. саж., с южной стороны — 1389 кв. саж. и с северной стороны — 3463 кв. саж., а всего 7769 кв. саж.) сроком по 20 августа 1904 года, с платой ежегодно в доход города по 6 рублей с каждой десятины казенной меры (2400 кв. саж.). В дальнейшем контракт был продлен до 1907 г. на условиях:

«1) окружающий означенную здесь местность барьер должен во все время вышеозначенного

арендного срока содержаться отделением Комитета в вполне исправном виде;
2) во все время арендного срока, означенное здесь место земли отделением Комитета должно содержать в постоянной чистоте и исправности, не допуская до засорения, причем это место земли отдано в пользование исключительно лишь для огородов, ледника, складки дров и постов (караула);
3) по окончании арендного срока означенное здесь городское место земли отделение Попечительного о тюрьмах комитета должно сдать Городской управе в чистоте и исправности;
4) годовая арендная плата за вышеозначенное место земли должна вноситься в Городскую управу отделением Комитета в августе каждого года, за несвоевременный взнос платы отделение Комитета обязано платить Городской управе пени по одному проценту в месяц с неуплаченной суммы;
5) настоящий контракт с обоих сторон обязуемся хранить и выполнить свято и нерушимо, в том и подписуемся» (ГАРБ ф. 10, оп. 1, д. 1836, л. 2, 3, 5, 11, 13).

Попечительское о тюрьмах общество, основной задачей которого являлось содействие тюремной администрации в религиозно-нравственном воспитании и улучшении содержания арестантов, традиционно возглавляли представители крупного купечества, жертвовавшие тюрьмам немалые суммы. Нередки были пожертвования и от других лиц. В частности, художник Н.И. Верхотуров в память коронования Их Императорских Величеств пожертвовал для Верхнеудинской тюремной церкви икону стоимостью в 500 руб., а в память о посещении тюрьмы бывшим начальником Главного тюремного управления М.Н. Галкиным-Врасским построил на тюремном дворе ручную деревянную мельницу стоимостью в 600 руб. В 1900 г. Верхнеудинский тюремный комитет ассигновал 1000 руб. на расширение слесарного дела в Тюремном замке. Здесь работали слесарями 13 арестантов, кузнецами — 9, пильщиками — 24, столярами — 6, плотниками — 13.

В 1917 г. Общество попечителей, созданное в период правления Александра III, было распущено Временным правительством.

Картину тюремной жизни времен провозглашения Советской власти, а затем установления в

Правое крыло Тюремного замка. *Фото 1950-х гг.*

Забайкалье власти атамана Семёнова, восстановить сложно. По состоянию на 14 декабря 1918 г., начальником Верхнеудинской тюрьмы был коллежский асессор С.В. Козицкий. Основной проблемой была ужасающая теснота в тюрьмах. Верхнеудинская тюрьма была постоянно переполнена и давно нуждалась в ремонте. Помещения были сырыми и холодными. Во время проверки 29 мая 1919 г. главным инспектором по пересылке арестантов генерал-майором Соболевским выяснилось, что стены здания внутри полые, с многочисленными отдушинами и даже при самой интенсивной топке промерзают. Подвальный этаж пустовал из-за мороза и сырости. Корпус, вопреки пожарной инструкции, имел лишь один выход. Камеры произвели на проверяющих «чрезвычайно переполненное впечатление»: спертый воздух, нар нет, тюфяков и матов на всех не хватает. В некоторых камерах было «не совсем чисто», в одиночках сидели по двое. Следить за порядком в камерах некому, так как нет старост. «Беспризорным» показался и лазарет. Постоянного врача в тюрьме не было, а врач из военной части, как отмечено в рапорте, приходит не каждый день, да и принимает больных заключенных «без особого интереса». Хотя в штате тюрьмы два фельдшера, но их работы, по мнению проверяющих, не видно. В тюремном лазарете «неряшливо», постельное белье не стирано, «скорбные» листы на больных не ведутся, особая пища для больных не готовится, карантинной камеры нет. В тюремной бане мыться одновременно могли не более 30 чел. Состояние тюремной кухни было несколько лучше: качество щей проверяющие нашли удовлетворительным, а хлеба хорошим. В сутки на питание одного заключенного расходовалось 2 руб. 20 коп. при стоимости пуда мяса на местном рынке 80 руб. На огороде выращивали картофель, урожая которого хватало на год. Дрова заготавливались собственным «попечением». Сажень обходилась всего в 90 руб., тогда как в частной продаже 120 руб.

Тюремных надзирателей было всего 53 при потребности 84 чел. Их нехватку начальник тюрьмы объяснял низким жалованием. После проверки инспектора решили сообщить о состоянии тюрьмы управляющему Забайкальской областью С.А. Таскину, определить стоимость ее ремонта и предложить Забайкальскому областному тюремному инспектору лично удостовериться в ее плачевном состоянии. Надо заметить, что еще в начале 1919 г. Забайкальский областной комиссар получил распоряжение о ремонте тюрем, средства на который были выделены.

Гражданская война продолжалась. При белогвардейском атамане Семёнове вопросы продовольственного снабжения арестантов решать стало трудно. Не хватало ни продуктов, ни одежды, не говоря уже о перебоях с отоплением и освещением. Условия содержания заключенных резко ухудшились.

В ноябре 1918 г. в верхнеудинскую тюрьму было поставлено муки ржаной — 647 пудов 32 фунта 87 золотников, хлеба ржаного — 787 пудов 6 фунтов 48 золотников, осердия — 71 пуд, капусты квашеной — 37 пудов 16 фунтов, картофеля — 88 пудов 16 фунтов, чаю (из расчета на весь день) — 1 пуд 16 фунтов, соли — 31 пуд 18 фунтов 18 золотников, лаврового листа — 1 фунт. И это на 711 человек, которые числились в тюрьме на 1 ноября.

По давней российской традиции местная общественность была небезучастна к судьбам заключенных. В феврале 1919 г. газета «Прибайкальская жизнь» опубликовала письмо Верхнеудинского отделения Попечительного о тюрьмах комитета с «глубокой благодарностью» Прибайкальскому торгово-промышленному товариществу кооперативов и гражданам Матренинским за пожертвования белья и денег для детей арестантов местного приюта, хотя в рапорте управляющего Забайкальской областью С.А. Таскина от 2 августа 1919 г. сообщалось, что эта общественная организация прекратила свою работу еще в 1917 г.

В начале февраля 1919 г. в верхнеудинской тюрьме была освещена тюремная церковь во имя святых апостолов Петра и Павла.

29 февраля 1920 г. части Красной Армии и партизанские отряды начали общее наступление на Верхнеудинск и после упорных боев 2 марта заняли город. Японские войска эвакуировались на Восток, увозя с собой семёновских офицеров.

Советским правительством, исходя из сложившейся внешнеполитической обстановки, было принято решение временно воздержаться от советизации территории России к востоку от Байкала, образовав здесь «буферное» государство в виде Дальневосточной республики.

16 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК принял Постановление о вхождении ДВР в состав РСФСР, а 30 мая 1923 г. — о создании Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Республики со столицей в городе Верхнеудинске.

Нужной информации за этот период в архивных документах немного. Это время провозглашения принципа самоокупаемости мест лишения свободы, который фактически существовал до последнего времени, а затем период тотального террора и массовых репрессий.

На начало 1940 г. в улан-удэнской тюрьме отбывали наказание 1433 чел.

Из воспоминаний старшины внутренней службы Андрея Андреевича Новокрещенных, проработавшего в тюрьме с 1952 по 1987 г.:

«Работать было тяжело: отопление печное, воду носили в бочонках. Дрова приносили заключенные из общих камер под наблюдением надзирателей. Не было вентиляции, радио, в коридорах царил полумрак, в зимнее время на первом этаже горели коптилки. Коридоры обогревались железными печками-«буржуйками». В больших камерах содержалось по 60–70 чел., в некоторых камерах спали на нарах».

В 1950-е гг. в тюрьме началась реконструкция. Стали убирать нары в камерах, большие камеры перегораживали, делали из них две, устанавливали двухъярусные кровати. В камерах появилось радио, сделали вентиляцию. В коридорах провели воду. В режимной зоне стали строить новые корпуса — женский и для несовершеннолетних.

Судя по сохранившимся архивным документам, деревянных нар в тюрьме не стало, все спали на кроватях, но постельного белья не хватало. Пищу заключенные получали в металлических мисках, ели деревянными ложками. Мыла выдавали из расчета 200 граммов в месяц на человека, мытье в бане полагалось 48 раз в год. При тюрьме имелось восемь дворов для прогулок закрытого типа общей площадью 1081 кв. м.

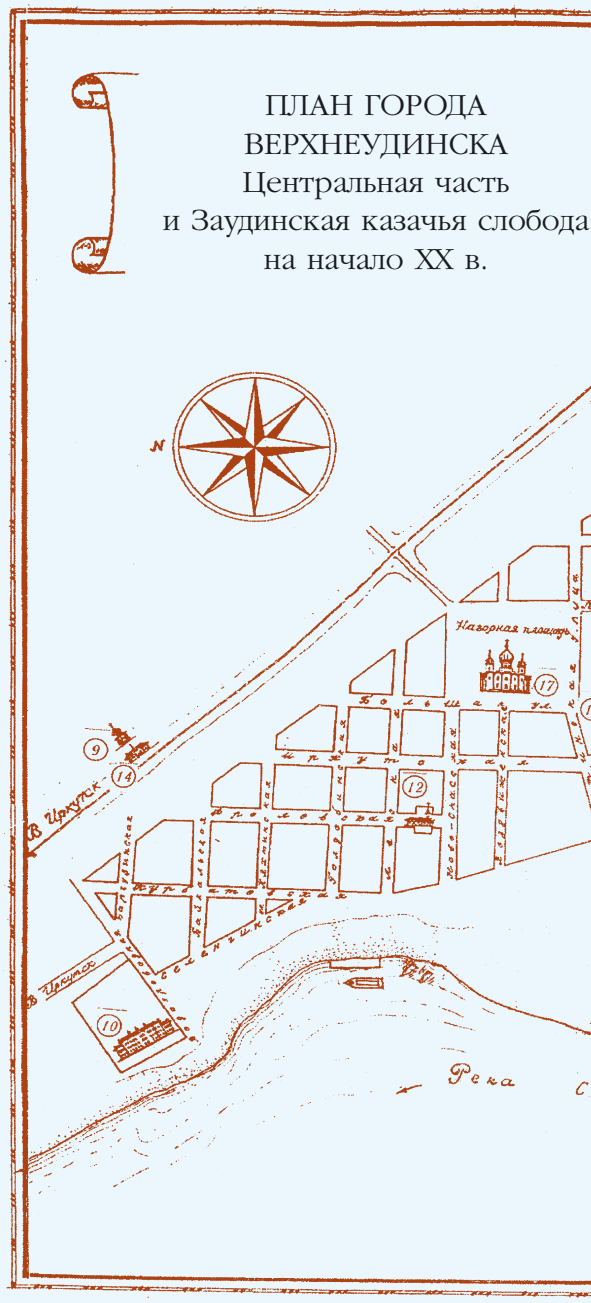
В 1970-е гг. проводилась очередная реконструкция: был полностью разобран деревянный забор территории с массивными роскошными воротами и построен новый трехметровый забор из силикатного кирпича, на месте старой деревянной бани возведен новый режимный корпус и др.

В настоящее время тюрьма № 1 является важнейшим учреждением в системе исполнения наказаний. Время показало, что здание Тюремного замка, задуманное и построенное верхнеудинцами «на века», до сих пор используется по назначению.

Уникальный образец исторической застройки Верхнеудинский тюремный замок с хорошо сохранившимися объемно-планировочными решениями и декоративными элементами фасадов принят на государственную охрану в соответствии с постановлением правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г.

Елена Михалёва

1. **Город-Кремль (1688); ранее — острог (1677), зимовье (1666)**
2. **Собор Иконы Богородицы Одигитрии (1741–1785)**
3. **Церковь Образа Спаса Нерукотворного (1786–1800)**
4. **Гостиный двор (1804–1830). Построен взамен деревянного Гостиного двора**
5. **Церковь Св. Троицы (1798–1809)**
6. **Церковь Вознесения — Ильи Пророка (1809)**
7. **Миссионерская каменная часовня во имя Святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца (1871)**
8. **Синагога (1880-е)**
9. **Николаевская железнодорожная церковь (1900-е)**
10. **Тюремный замок (1877–1885)**
11. **Церковь Михаила Архангела на подворье Посольского монастыря (1905).**
12. **Римско-католический костел (1907).**
13. **Магометанская мечеть (1907).**
14. **Здание железнодорожного вокзала (1890-е)**
15. **Почтово-телеграфная контора (кон. XIX в.).**
16. **Триумфальная арка для встречи цесаревича Николая Александровича (1891)**
17. **Храм Иоанна Крестителя, предполагаемый к постройке в нач. XX в.**
18. **Ветряные мельницы**
19. **Паровая мельница купца Родовского**
20. **Городское кладбище при церкви Св. Троицы**
21. **Католическое кладбище**
22. **Военное кладбище**
23. **Старообрядческое кладбище**
24. **Китайское кладбище**
25. **Магометанское кладбище**
26. **Еврейское кладбище**



Дом Е.А. Мордовской после реставрации

Герб Верхнеудинска
«В золотом поле меркуриев жезл и рог изобилия, знак того, что в сем городе происходит знатный торг»

Жилой дом нач. XX в. *Фото Е. Ташак*

Здание бывшей почтово-телеграфной конторы

Фото Е. Ташак, 2003 г.

Из 229 памятников истории и архитектуры, состоящих на государственной охране в столице Бурятии, 114 приходится на деревянное зодчество конца XIX – начала XX в. Прежде всего это купеческие и мещанские жилые дома в центральной части города. Они приковывают внимание нарядной пропильной резьбой, где присутствуют мотивы всех известных стилей.

Нынче приходится не столько дивиться красоте деревянных кварталов, сколько переживать за дальнейшую их судьбу. Бревенчатые дома на глазах ветшают, гибнут хрупкие декоративные детали.

Обнадеживает, что современные градостроители выбрали путь сохранения исторического центра Улан-Удэ, постепенного его расселения, приспособления старых жилищ к запросам нового века. Ведутся консервация, реставрация, ремонт и приспособление отдельных зданий без нарушения внешнего облика, масштаба и пропорций окружающей застройки.

Фото С. Конечных

Погибшим за власть Советов

«Памятник борцам, погибшим за власть Советов в Забайкалье, сооруженный в 1926 г.» (г. Улан-Удэ, пл. Революции), состоит на государственной охране как объект культурного наследия федерального значения в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 года «О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

Изначально, в 1920 г., в год освобождения Верхнеудинска от интервентов и белогвардейцев, на площади в Нагорной части города (ныне площадь Советов), впервые отмечая в торжественной обстановке праздник Октябрьской революции, был заложен именной камень в основание будущего памятника — обелиска «Павшим борцам за коммунизм».

В то время, в начале 1920-х гг., площадь представляла из себя большой песчаный пустырь, застроенный по периметру деревянными домиками. Использовалась эта площадка под вещевую торговлю, затем под стадион профсоюзов. В первые годы Советской власти здесь начинает формироваться главный общественный центр Верхнеудинска. Здесь планируется и в дальнейшем осуществляется строительство резиденции центральных правительственных и общественных учреждений республики — Дома Советов,

«До образования Бурят-Монгольской республики к строительству памятника «Павшим борцам за коммунизм» не приступали. Лишь 7 ноября 1923 г. в Верхнеудинске утром на Базарной площади (ныне пл. Революции) состоялся митинг и парад, где участвовало около 10

тыс. чел. После этого колонны в составе воинских частей, частей особого назначения, милиции, профсоюзов, комсомольцев и учащихся прошли по Базарной улице (ныне ул. Кирова) на Большую) лицу (ныне Ленина) и отправились к месту заложения памятника на Нагорной площади. Здесь на средства профсоюзов Бурятии заложили фундамент памятника. На закладке присутствовал председатель Бурпрофсовета Борис Лурье. Как 10 ноября 1923 г. писала газета «Бурят-Монгольская правда»: «Знамена опускаются, музыка играет похоронный марш...».

К 29 января 1924 г. на строительство памятника «Павшим борцам за коммунизм» было собрано 5347 руб. 79 коп., а потрачено 6402 руб. 70 коп. Перерасход составил 1054 руб. Верхнеудинский стеклозавод отлил для памятника 8 колпаков, профтехшкола изготовила герб, Селенгинское госпароходство предоставило 16 аршин цепей. Инженерная дистанция пожертвовала 87 ступеней. Бурмилиции предложено поставить у памятника пост (*«Бурят-Монгольская правда», 1924 г., 29 января*).

7 ноября 1924 г. отмечалась 7-я годовщина Октябрьской революции. Население собиралось на Нагорной площади у строящегося памятника «Павшим борцам за коммунизм». Газета «Бурят-Монгольская правда» в № 252 за 1924 год писала: «Размещаются на Октябрьской (сейчас пл. Революции) площади. Три члена Монгольского Народного правительства обходят строй кавалерийской бригады. Мощное ура несется вслед. Молодые красногвардейцы приводятся к Красной присяге. Начинается митинг. Выступает военный министр МНР Хатан Батор. После приветствий и речей начинается демонстрация. Сверкая на солнце шашками и остроконечными пиками, лихо промчалась кавалерия. С балкона здания ЦИК (раньше на доме по ул. Ленина, 27 был балкон) проходящие организации приветствуются членами правительства. Далеко растянулась процессия, начало ее уже у памятника Борцам за свободу, а конец еще только трогается с городской площади...» (*Жалсараев А.Д. Юбилеи главных памятников*).

Монумент в честь борцов, павших за власть Советов в 1918–1920 гг., заложенный в третью годовщину Октября, строился по проекту участника революции 1905–1907 гг. местного архитектора

Митинг по случаю открытия памятника-обелиска 7 ноября 1926 г.

Афанасия Сергеевича Котова. В своем нынешнем виде как обелиск из тесанного красного гранита, он был торжественно открыт на Нагорной площади Верхнеудинска 7 ноября 1926 г.

Архитектор Людвиг Карлович Минерт, рассматривая архитектурно-исторический аспект развития города в своей книге «Архитектура Улан-Удэ», так напишет о памятнике: «В памятнике Павшим борцам за коммунизм общеизвестная архитектурная форма обелиска трансформирована неожиданно по-новому. Соотношения частей, их пропорции и трактовка необычны и создают совершенно индивидуальную композиционную структуру. Можно предположить, что к этому своеобразию сознательно стремились, отражая местные традиции. Во всяком случае, взаимосвязи основных частей и немногочисленных деталей, при всей их простоте, производят впечатление глубоко осмысленной проработки и соответствия идейной направленности памятника. Монумент, утверждая великие идеи борьбы за светлое будущее и пролетарского интернационализма, является трогательным свидетельством народной признательности всем безвестным героям, в их числе представителям народов Дальнего Востока, сражавшимся и погибшим за идеалы коммунизма на просторах Сибири.

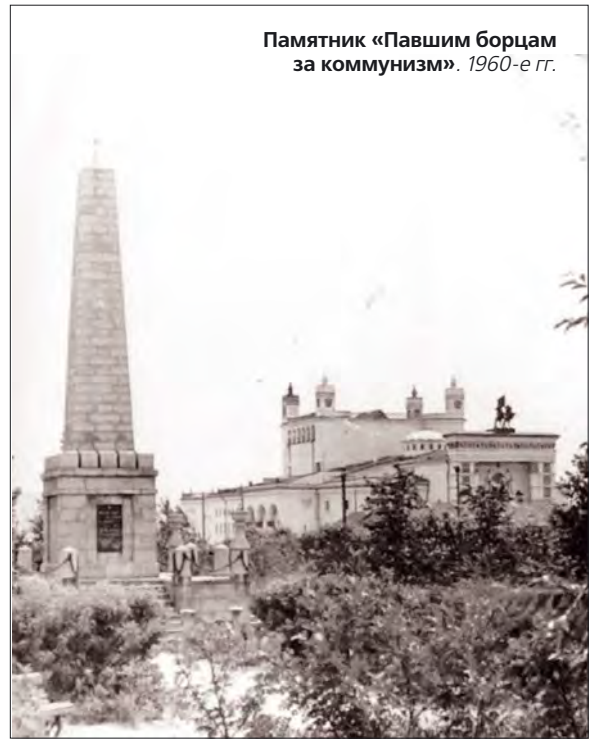
Архитектурный образ памятника строг и романтически возвышен. Он ярко отражает мысли и чаяния советских людей эпохи первого десятилетия Советской власти. Его появление на площади города было первым зримым символом будущих достижений в борьбе за перестройку общества на началах торжества социальной справедливости и свободы. Возведение монумента на площади, которая выделялась своим положением на рельефе и назначением в качестве нового советского общественного центра, превращало обелиск в материализованную вертикальную ось архитектурного

Сквер на площади Советов.
В центре сквера — обелиск. *1960-е гг.*

пространства не только площади, но и всего города» (*Л.К. Минерт. Архитектура Улан-Удэ. — Новосибирск, 1983, стр. 95*).

Более сорока лет памятник являлся украшением правительственной площади города. Вокруг него был разбит сквер, устроены асфальтированные пешеходные дорожки. Зеленый парк с монументом заслуженно был излюбленным местом отдыха горожан.

Памятник на правительственной площади постоянно поддерживался в исправном состоянии. Даже в тяжелые военные годы выделялось финан-



Памятник «Павшим борцам за коммунизм». *1960-е гг.*

сирование на проведение текущих ремонтных работ. Так, в 1944 г. в отчете и.о. главного архитектора города Бильдушкинова есть информация о ремонте памятника к 7 ноября 1944 г. и затраченных на эти работы средствах в размере 3,5 тыс. руб. (ГАРБ ф. Р-867, оп. 2, д. 7, л. 8, 9).

Однако сквер с памятником на центральной правительственной площади своим расположением создавал неудобства в дни массовых шествий 7 ноября и 1 мая. Ширина улицы не позволяла идти демонстрантам в две колонны и шествия мимо Дома Советов затягивались на несколько часов. Это стало одним из факторов для принятия решения о необходимости реконструкции площади Советов.

Городскими властями принимается решение об организации работ по реконструкции центральной городской площади к знаменательной дате — к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. 19 декабря 1968 г. постановлением Бюро обкома КПСС и Совета Министров Бурятской АССР за №20/1 утверждается рассмотренный и одобренный художественно-экспертным советом по монументальной скульптуре при Министерстве культуры РСФСР эскизный проект памятника Владимиру Ильичу Ленину и принципиальная схема новой планировки площади Советов.

На заседании архитектурно-технического совета Управления по делам строительства и архитектуры Совета Министров Бурятской АССР, состоявшемся 17 апреля 1969 г., была заслушана информация начальника архитектурно-планировочной мастерской № 1 проектного института «Бурятгражданпроект» А.Я. Галяутдинова о дополнительных работах в рамках запланированных мероприятий по реконструкции площади. Речь шла о предлагаемых двух вариантах переноса памятника Борцам Революции с площади Советов:

> «1-й вариант: памятник Борцам Революции устанавливается в сквере по улице Ленина, на месте памятника В.И. Ленину, который подлежит переносу на другое место.
> 2-й вариант: памятник устанавливается на площади Революции, на пересечении осей будущего бульвара по улице Кирова и здания универмага. Площадь вокруг памятника превращается в сквер с низкой парковой зеленью. Стоянка автомашин с площади переносится на улицу Коммунистическую, которая расширяется за счет реконструкции сквера.
> В этом варианте с площади Революции подлежат переносу памятники Ленину, Серову и городская Доска Почета» (ГАРБ ф. Р-867, оп. 1, д. 313, л. 25).

В результате обсуждения первоначально принимается решение о целесообразности принятия первого варианта, как наиболее экономичного. Но окончательным местом для переноса памятника все-таки была утверждена площадь Революции.

Последующим протокольным решением Технического совета при председателе горисполкома от 18 апреля 1969 г. директору института «Бурятгражданпроект» Н. Гаврилюку дается поручение разработать проект реконструкции площади Революции и выдать к 1 мая 1969 г. проект организации строительства по переносу памятника Борцам Революции с площади Советов на реконструируемую площадь (ГАРБ ф Р-867, оп. 1, д. 313, л. 22).

Подрядной организацией по переносу памятника становится мостостроительный поезд № 802 (Блинков Л.С.). Ему ставится задача переноса памятника борцам Революции в срок до 1 июня 1969 г. В работах по реконструкции площади Революции, ее озеленению и освещению были также задействованы Ремстройтрест, Горзеленстрой, «Бурятэнерго», Горкомхоз и т.д. (ГАРБ ф. Р-867, оп. 1, д. 303, л. 31).

Запланированные работы были успешно произведены. 22 сентября 1969 года в соответствии с распоряжением Исполнительного комитета Улан-Удэнского городского Совета депутатов трудящихся за № 149 для приемки работ по переносу памятника Борцам Революции с площади Советов на площадь Революции была создана комиссия, председателем которой стал главный архитектор города П.Г. Зильберман (ГАРБ ф. Р-661, оп. 4, д. 643 л. 112).

Сегодня обелиск Борцам Революции, именуемый уже как «Памятник борцам, погибшим за власть Советов в Забайкалье» располагается на площади Революции.

С XVIII в. на этой площади, называвшейся долгое время Базарной, проводились ярмарочные торги. Вокруг площади отстраивались купеческие дома с лавками и административные здания. На благоустройство городского садика на Базарной площади, охрану, поливку, посадку деревьев городская дума ежегодно ассигновала небольшую сумму. В годы революций начала XX в. на Базарной площади проводились митинги и манифестации. 13 июня 1924 г., постановлением Верхнеудинского городского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов Базарная площадь была переименована в Октябрьскую площадь (ныне площадь Революции).

Подробное описание архитектурных достоинств перенесенного на новое место памятника дается в книге Л.К. Минерта «Памятники архитектуры Бурятии»:

«Обелиск с массивным постаментом воздвигнут на возвышенной квадратной в плане платформе, огражденной столбиками и цепями, на которую с четырех сторон ведут ступени. В их пределах размеры сооружения в плане составляют 8,50 х 8,50 м. Угловые столбики — высокие вазоноподобные светильники. Массивный слабо расчлененный постамент завершается плинтом и широкими плоскими зубцами, из-за которых ввысь взметнулся стройный обелиск. Верх 12-метрового обелиска заканчивается ажурной эмблемой из пятиконечной звезды, серпа и молота. На трех сторонах постамента в неглубоких нишах размещены металлические доски с надписями. На передней (западной): «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Павшим Борцам за Коммунизм — профсоюзы Бурят-Монголии.1920 года 7 ноября». Слева: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем». Справа: четыре вертикальных столбца на монгольском, корейском, китайском, японском языках повторяют бессмертный призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Памятник является свидетельством народной признательности всем безвестным героям, сражавшимся и погибшим за идеалы коммунизма на просторах Сибири, проявлением чувств интернациональной солидарности.

В силуэте памятника павшим борцам за коммунизм трансформирована общеизвестная архитектурная форма обелиска. Вместе с тем, здесь весьма своеобразны соотношения пропорций деталей и их трактовка. Очевидно, при создании монумента были учтены местные традиции мемориальных сооружений. Строгий и романтически возвышенный архитектурный образ монумента является ярким свидетельством эпохи первого десятилетия Советской власти.

Памятник выполнен из блоков местного красного гранита в тесанной фактуре и металле, что усиливает его архитектурную выразительность» (*Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск, 1983, стр. 41).*

После переноса монумента на площадь в нижнюю часть города новые условия восприятия существенно изменили его архитектурное воздействие. Раньше, его размещение на одной оси с Домом Советов, рядом со зданием обкома КПСС более полно соответствовало его идейной значимости. Сегодня историко-революционный памятник, свидетельствующий о революционном движении трудящихся и населения Верхнеудинска в 1918–1920 гг., является украшением площади Революции (бывшая Базарная).

Высокий охранный статус (объект культурного наследия федерального значения) памятника обуславливает повышенные требования к сохранению его технического состояния. В апреле-мае 2000 г. на памятнике были произведены необходимые ремонтно-реставрационные работы (ОАО «Эко-Дом»): отремонтировали облицовку парапета, склеили гранитные подставки, были изготовлены и установлены стягивающие хомуты.

«Памятник борцам, погибшим за власть Советов в Забайкалье» — первый монументальный памятник советского времени в Улан-Удэ. Городские предания хранят сведения, что основанием ему служат камни, принесенные в руках красногвардейцев и партизан, отряды которых с боями освобождали Верхнеудинск от белогвардейцев и отрядов интервентов. Сегодня обелиск можно назвать одной из достопримечательностей Улан-Удэ — бывшего Верхнеудинска.

Елена Михалёва

Обелиск на пл. Революции. *2019 г.*

Комиссией по строительству Дома Советов в 1927 г. был объявлен конкурс на лучший проект. И 27 марта 1928 г. комиссией был признан проект ленинградского архитектора А.А. Оля с некоторыми доработками. постановлением Совнаркома Бурят-Монгольской АССР от 26 апреля 1928 г. решено было осуществить этот проект.

Здание строилось с 1929 по 1931 г. на возвышенном участке пустынной площади (возникла в нач. XX в. века). «План здания скомпонован как асимметричная структура из замкнутого прямоугольника с внутренним двором и отходящих от него крыльев», — писал архитектор Л.К. Минерт.

Дом Советов — одно из первых общественных каменных зданий Верхнеудинска советского периода. Выполняет важную градостроительную роль в формировании площади Советов .

Здание имеет два пристроя (1969 г. — пристрой к зданию Совета Министров Бурятской АССР, архитектор А.Вампилов и 1974 г. — пристрой здания городского комитета КПСС, архитекторы Кулеш С.М. и В.М.). По проекту архитектора П.Афанасьева фасад здания был дополнен барельефом с лозунгом, выполненным из накладных букв. Здание состоит на государственной охране как памятник архитектуры регионального значения.

Фото С. Конечных

Площадь Советов

В 1923 г. Верхнеудинск становится административным центром провозглашенной Бурят-Монгольской социалистической республики. В 1934 г. столица Бурятии была переименована в Улан-Удэ.

Административный центр сегодняшнего Улан-Удэ — это нагорная часть бывшего Верхнеудинска. Практически он был сформирован в 1950-х гг. и соответствовал новому предназначению города — столицы бурятской национальной автономии. Пустырь в нагорной части был превращен во второй общественный центр — площадь Советов.

К памятникам архитектуры советского периода относятся здания, расположенные по проспекту Победы, площади Советов (здание «Забайкаллеса», Дом правительства, здание Народного Хурала, Дом политического просвещения). Возведение этих зданий заметно повлияло на облик современного Улан-Удэ. Характерной особенностью архитектуры общественных зданий, построенных в течение 1950-х гг. по проектам архитекторов Минерта и Вампилова, являлось стремление к развитию в архитектуре бурятских национальных традиций. Направленность этих поисков национального своеобразия определялась общим развитием советской архитектуры тех лет. Памятник В.И Ленину на площади Советов в виде монументальной головы вождя является стержнем композиции архитектурного ансамбля площади (скульпторы — Г.В. и Ю.Г. Нерода).

Возведение здания Бурятского театра оперы и балета явилось первым заметным дополнением к довоенному ансамблю. Это одно из самых красивых зданий в городе, «визитная карточка» Республики Бурятия. Его сооружение было важной вехой культурного прогресса республики.

Сегодня территория города раскинулась на 30 километров с запада на восток по железной дороге и делится на три административных района. Советский район — исторически сложившийся центр Улан-Удэ. Здесь основное число памятников архитектуры, истории, революции и гражданской войны; здесь две площади — Революции и Советов, правительственные и административные здания.

ТВОРЦЫ *советского* Улан-Удэ

Архитекторы А.Р. Вампилов и Л.К. Минерт в годы творческой молодости

Л.К. Минерт. **Проект здания «Забайкаллеса».** *1954 г.*

Владимир БЕЛЬГАЕВ,
кандидат архитектуры

Людвиг Минерт

В 1950 г. после окончания Новосибирского инженерно-строительного института Людвиг Минерт был направлен в Улан-Удэ и поступил на работу в проектную контору «Бурятмонголпроект» (позднее проектный институт «Бурятгражданпроект»).

В течение пяти лет, с 1950 по 1955 год, архитектором Минертом был совершен поистине творческий подвиг. Он спроектировал и начал строительство целого ряда крупных зданий, сформировавших наряду с несколькими зданиями, построенными до него, архитектуру Улан-Удэ. В поисках национального своеобразия столицы Бурятии архитектор проделал научную работу по обследованию сохранившихся памятников архитектуры, ставшую основой кандидатской и докторской диссертаций. В то же время он выполнил проекты и осуществил интерьеры крупных заводских клубов — стекольного и авиационного заводов, мясокомбината.

Л.К. Минерт. **Здание АТС на ул. Ленина.** *1957 г.*

Л.К. Минерт. **Проект кинотеатра «Прогресс».** *1954 г.*

Необходимо отметить сотрудничество и взаимопомощь Л.К. Минерта с местным бурятским архитектором А.Р. Вампиловым.

Творчество Минерта отражало общую направленность советской архитектуры 40–50-х гг., связанной с так называемым «историзмом» — использованием элементов классической архитектуры и на этой основе национальных, традиционных элементов. Для этого направления характерны декоративизм и синтез с изобразительным искусством. Как отмечает сам Минерт, он стремился создать «арсенал декоративных средств, синтезирующих классические и национальные детали» архитектуры.

Непосредственное влияние на Минерта, также на его соратника и ученика А.Р. Вампилова, оказало строящееся и близкое к завершению здание Театра оперы и балета известного московского архитектора А.Н. Федорова. В архитектуре этого самого значительного в Улан-Удэ здания установка на «создание национального стиля» обусловила своеобразное и успешное соединение функциональной основы с «классическими и национальными архитектурными деталями».

Первыми проектами Минерта, осуществленными в относительно короткие сроки, стали Дом художника (1952–1953, совместно с А.Р. Вампиловым), здание городской автоматической станции (1952–1955), Дом политпросвещения (1952–1957).

В Доме художника, по признанию самого архитектора, проявилось влияние И.А. Фомина, В.А. Щуко, Н.А. Троцкого, стремившихся к лаконичному использованию классической архитектуры. В последующих проектах, также по признанию Минерта, начинается отход от этой правильной концепции, «архитектурный язык усложняется, свободнее применяются декоративные средства». Тем не менее все проекты Л.К. Минерта, отличаются своей функциональностью, градостроительным подходом к каждому объекту. Особенно это проявилось в крупнейшей его постройке — комплексе Дома радио и «Забайкаллеса» (1955–1959).

Башня Дома радио объединила в единый ансамбль все здания площади Советов и Театр оперы и балета. Завершая своим крупным вертикальным объемом с классическим силуэтом перспективу самой площади Советов, улиц Ленина и Ербанова, башня стала символом города.

Завершением продольной оси площади стало здание Дома политпросвещения, удивительно пропорциональное размерам площади и соседних двух зданий. Для этого здания также характерно оригинальное соединение элементов классического и бурятского храмового карниза.

Среди значительных проектов Минерта — здание Улан-Удэнского аэропорта (1954–1957, совместно с М.Н. Меньшиковым), а также большой комплекс Республикан-

ской больницы, в застройке которого были использованы типовые проекты.

Таким образом, семь крупнейших зданий центра Улан-Удэ, выросших за короткое время на фоне деревянной застройки, оказавших большое влияние на последующую застройку Улан-Удэ, высокий профессионализм без скидок на провинциальные условия — все это позволяет отнести Минерта вместе с архитектором А.Н. Федоровым к основоположникам современной архитектуры Бурятии.

Эпоха советского архитектурного направления, называемого современными теоретиками «историзмом», закончилась как раз во время деятельности Минерта в Улан-Удэ. Очевидно, почувствовав эту перемену, он переходит на преподавательскую работу. В 1955 году он был приглашен в свою «альма-матер» — Новосибирский инженерно-строительный институт, где проработал до 90-х годов как заведующий кафедрой рисунка, живописи и скульптуры.

С педагогической деятельностью Минерта связано то обстоятельство, что большинство архитекторов Бурятии 1950–1980-х годов были выпускниками «Сибстрина», как называли Новосибирский инженерно-строительный институт, а рисунок и живопись им преподавал именно Минерт.

Первоначально собранные материалы по памятникам архитектуры Бурятии легли в основу последующей научной работы Минерта. В 1961 году он защитил кандидатскую диссертацию, темой которой была «Планировка и застройка Улан-Удэ». В этом же году опубликована статья «Архитектурное творчество бурятского народа», в которой констатировалось наличие оригинальной и самостоятельной архитектуры бурят. В 1983 году выпущена книга «Архитектура г. Улан-Удэ», которая становится настольной книгой архитекторов Бурятии, интересующихся фактическими материалами по истории Улан-Удэ и дореволюционного Верхнеудинска. История Верхнеудинска, его памятников архитектуры, основанная на документальных материалах, собранная в архивах и на натурных обследованиях, очевидно, представляет основную, интересную для широкой публики главу книги.

Для профессиональных архитекторов интерес представляет также материал, связанный с советским периодом города, анализ проектов и осуществление генплана Улан-Удэ.

В оценке периода 40–50-х годов автор как бы оправдывает направление историзма — как общего направления советской архитектуры. В то же время как профессиональный архитектор, знающий основы архитектуры, не зависящих от смены направлений, он достаточно точно характеризует застройку Улан-Удэ 60–80-х годов.

Проект здания курорта «Аршан». *Архитектор Л.К. Минерт*

После защиты кандидатской диссертации Минерт продолжает исследование бурятской храмовой архитектуры в архивах, в натуре, сравнивая ее с архитектурой стран Юго-Восточной Азии. Итогом явилась книга «Памятники архитектуры Бурятии» (1983).

В главе «О некоторых особенностях архитектуры на территории Бурятии» автор прослеживает развитие архитектуры буддийских храмов от Индии до Бурятии и делает выводы об особенностях бурятского национального зодчества. Одна из особенностей — яркий символизм: архитектурный объем трактуется как «мандала», то есть модель мироздания.

Минерту принадлежит приоритет в исследовании русской архитектуры в Бурятии — деревянного и каменного жилища, храмов XVII—XIX вв. Это отражено в его книгах.

Личная жизнь Л.К. Минерта сложилась не просто. Во-первых, как немец по национальности, он испытал невзгоды сталинизма, Великой Отечественной войны. Уроженец Украины (родился в 1919 году) он был сослан в начале войны на север Сибири. Лишь благодаря доброте одного из своих начальников, он был отпущен в 1946 году на учебу, поступил в Новосибирский инженерно-строительный институт. Во-вторых, ему было 36 лет, когда «перестройка» в архитектуре 50-х годов заставила Минерта перейти от архитектурного творчества на преподавательскую работу. В эти годы творческая энергия его переключилась, кроме истории архитектуры, на живопись.

Уехав в Германию в начале 90-х годов, он пытался организовать выставку для своих 500 работ.

В истории современной архитектуры Бурятии Л.К. Минерт занимает место одного из ее основоположников, отразивших в своем творчестве своеобразие края. Книги его навсегда останутся фундаментальными трудами по истории архитектуры Бурятии.

Здание «Забайкаллеса» (ныне — Дом радио)
Архитекторы Л.К. Минерт и А.В. Вампилов

Андрей Вампилов

Бронислав МИХАЙЛОВ,
председатель правления Бурятской организации Союза архитекторов России

Архитектор Андрей Романович Вампилов — легенда Улан-Удэ. По его проектам, а также проектам, выполненным совместно с Людвигом Минертом, в 50–60-е годы построены главные здания столицы Бурятии. И по сей день архитектор продолжает творить, создавая проекты и участвуя в их осуществлении.

Одним из самых заметных объектов, построенных в послевоенные годы, стало здание Дома радио — Комитета радиоинформации Бурятской АССР, проект, который выполнен им в соавторстве с Минертом. Как отмечал позднее сам Андрей Романович, ему пришлось убирать «архитектур-

Комплекс жилых домов. *Архитектор А.В.Вампилов. 1957–1959 гг.*

Главный дуган Иволгинского дацана. *Архитектор А.Р. Вампилов. 1986 г.*

ные излишества» башни после печально известного постановления «О борьбе с излишествами в советской архитектуре». Несмотря на данную установку, авторам проекта удалось создать одно из наиболее выразительных зданий в центре города, гармонично вписать его в ансамбль главной площади. Наряду с Домом радио по проектам Вампилова на площади Советов были построены административное здание Геологоуправления, его камеральный корпус, административное здание Верховного Совета и Совета Министров республики, реконструированы фасады и выполнены надстройки двух этажей на здании Комитета госбезопасности.

По проектам А.Р. Вампилова в эти годы были построены также стадион им. 25-летия Бурятской АССР, здание мастерских Союза художников. Бережное отношение архитектора к исторической застройке наглядно проявилось в его работах по реконструкции и надстройке торговых рядов Курбатова и реконструкции фасадов гостиницы «Байкал». Надстройка второго этажа на Торговых рядах Курбатова была выполнена настолько филигранно и органично, что очень сложно вычленить первоначальные пропорции памятника.

Андрей Романович стоял у самых истоков становления ведущего проектного института Бурятии — института «Бурятгражданпроект». Более 25 лет — с января 1951 по октябрь 1986 года — он проработал в институте, долгие годы был его главным архитектором.

Жизнь Андрея Романовича — удивительный калейдоскоп событий и творческих свершений.

Отец архитектора, Роман Владимирович (Бандынович), по просьбе цаннид-хамбо-ламы Агвана Доржиева исполнял эскизные проекты Санкт-Петербургского буддийского храма. Он учился в императорском университете на восточном факультете, когда Агван Доржиев, узнав о том, что Роман Владимирович имеет еще и техническое образование, предложил ему в 1905 году начать работы над проектом дацана. Это предложение буквально спасло молодого студента: ему приходилось голодать, ловить и есть голубей, чтобы прокормиться в Петербурге. Работы над проектом храма шли под руководством петербургского архитектора Г.В. Барановского.

Позднее Роман Владимирович работал в экспедиции известного исследователя Средней Азии Козлова, где серьезно заболел. Вернулся в родную Аларь и организовал кумысолечебницу в знаменитой дацанской сосновой роще.

Сам же Андрей Романович родился в Санкт-Петербурге в 1915 году. Когда семья вернулась в Аларь, закончил там семилетку. Кстати, знаменитый советский драматург Александр Вампилов, приходившийся Андрею Романовичу двоюродным племянником, как говорят, тоже родился в Алари в доме ширетуя Аларского дацана, доме, который до сих пор сохранился. В 1927 году в Аларь приехал Агван Доржиев, когда отца Андрея Владимировича уже не было в живых. Вызвав маленького тогда Андрея с матерью, цаннид-хамбо-лама предложил отправить его учиться в Петербург. Но мать согласия не дала, словно предчувствовала, что на Агвана Доржиева и его соратников обрушатся жестокие репрессии.

Перед войной Андрей Романович закончил строительный техникум. Потом ушел на фронт, прошел войну от Великих Лук до Берлина. На Калининском фронте он командовал артиллерийским расчетом, чудом остался жив после попадания в расчет снаряда. Позже его перевели в штаб, где пригодилась его профессиональная подготовка.

«Есть в штабах такие скромные должности, о которых многие и не знают. Но от того, насколько умело и точно работают эти люди, зависит порой многое, — писал об Андрее Романовиче Вампилове в своих воспоминаниях «Наступает ударная» и «Три года в Пекине» начальник оперативного отдела Третьей ударной армии Г.Г. Семенов. — Одним из таких людей был у нас чертежник сержант А.Р. Вампилов... Из-под его рук выходили все рабочие карты для командующего, для начальника штаба и члена Военного совета армии, а также отчетные карты для штаба фронта. Работал Вампилов не спеша, аккуратно. В какой-то степени его спасало крепкое здоровье: иногда ему приходилось

работать сутками без отдыха. Бурят атлетического сложения, отменное здоровье и необыкновенно спокоен».

Познакомившись с этой страницей биографии Андрея Романовича, становится понятным, как и сегодня восьмидесятилетний ветеран работает по многу часов над чертежами и проектами, вычерчивая мелкие детали будущего здания.

По его проекту в 1970-х гг. построен главный дуган Иволгинского буддийского монастыря. Во время разработки этого проекта его вызывали в обком партии. Вызов не обещал ничего доброго — негоже коммунисту-архитектору проектировать буддийский храм. Но, к счастью, тогда дело обошлось миром. А уже позже, в 90-е годы, проектировать и строить новые храмы стало престижным делом.

В 1986 году Андрей Романович ушел на заслуженный отдых, но не оставил свое любимое дело — проектирование. По проекту Вампилова по единственной уцелевшей фотографии был восстановлен первый дацан в Бурятии Балдан Брэйбун в Мурочах, позже построены субурган в память Агвана Доржиева, Великая ступа Джарун-Хашор.

С 1992 года Вампилов работал в проектной мастерской «Улан-Удэархпроект» над проектом буддийского духовного Центра на Верхней Березовке. При строительстве деревянного дугана Андрей Романович многократно бывал на объекте, принимал необходимые решения для ускорения строительства комплекса, включающего, кроме буддийского храма, резиденцию Хамбо ламы, медицинский центр.

За многолетний творческий труд А.Р. Вампилов награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему присвоены почетные звания «Заслуженный инженер Бурятской АССР», «Заслуженный архитектор Республики Бурятия», «Почетный гражданин города Улан-Удэ».

Фото С. Конечных

Театр оперы и балета

История сооружения здания начинается с 1934 г., когда архитектором А.Н. Федоровым для столицы Бурят-Монгольской АССР был разработан проект Дворца социалистической культуры. Предполагалось сооружение «большого научно-культурного комбината» в составе концертного зала, театра, библиотеки, музея, научно-исследовательского института.

Начатые в 1938 г. строительные работы вскоре были приостановлены. Их предполагалось возобновить в 1940–1941 гг., но помешала Великая Отечественная война. К концу 1945 г. А.Н. Федоровым был переработан проект театра: увеличились вместимость (800 чел.) и строительный объем здания. Строительные работы снова начались в 1945 г. и продолжались 6 лет. В связи со смертью Федорова с 1951 г. авторский надзор ведется архитектором В.А. Калининым. Им были также разработаны части архитектурного декора.

Первый праздничный концерт и торжественный вечер состоялся в театре 1 мая 1952 г., а с 7 ноября театр начал давать спектакли. Официально здание было принято Государственной комиссией только 22 марта 1954 года.

Объемно-пространственная композиция театра во многом была обусловлена его местоположением на самом краю высокой надпойменной террасы и его градостроительной значимостью в формировании административного центра столицы Бурятии. Поэтому здание проектировалось исходя из условий его восприятия практически со всех сторон, но главные видовые акценты ориентировались на восприятие театра с цент-

ральной площади города, с главной улицы города — улицы Ленина и дальней перспективы.

Фасад театра, выходящий на улицу Ленина, состоит из разнообразных архитектурных объемов: криволинейного объема кольцевых кулуаров, выступа с лоджией, плоского трехэтажного корпуса артистических с частым ритмом окон, монументального ограждения хозяйственного двора, сценической коробки. Закрывая хозяйственный двор, на высокой террасе возвышается пятипролетная аркада, которую удерживают два массивных пилона, украшенных лепными картушами из эмблем искусства. Впереди аркады расположены террасы с балюстрадами, лестницы и переходы ограждают площадку-дворик. Сценическая коробка завершается декоративной стенкой с проемами и башенками по углам. Из декора фасадов выделяются ажурная орнаментальная композиция ворот из литых деталей на сварной основе, лепной орнамент на ограде внутреннего дворика и над служебным входом — завитки с фигурками соболя и белок.

Интерьер зрительного зала, его форма и пропорции, размещение мест, архитектурно-декоративные средства своеобразны и находятся в достаточно органичном единстве.

Авторами росписей плафонов зрительного зала являются художники Г.И. Рублев и Б.В. Иорданский. Живописная композиция плафона «Торжество социалистического строя» выполнена в технике темперы. Она представляет народный праздник в Улан-Удэ. Центр плафона занимает большая литая орнаментальная розетка с подвешенной к ней многоярусной люстрой. Над порталом сцены скульптурная композиция: герб в окружении знамен и музыкальных инструментов (архитектор В.А. Калинин).

В целом архитектура здания Театра оперы и балета является характерным образцом советской архитектуры первого послевоенного десятилетия.

Вестибюль театра. *1954 г.*

Гордость бурятской сцены

Галина ГУРУЖАПОВА

Первых зрителей Театр оперы и балета в новом здании принял в 1952 г., а свою историю театр ведет с 1939 г., с организации музыкально-драматического театра, от которого в 1949 г. отделился Театр оперы и балета.

Первая большая группа балетных артистов окончила Ленинградское хореографическое училище им. А.Вагановой, большинство солистов оперы — воспитанники консерваторий Москвы, Ленинграда, Свердловска, Казани.

Сокровища музыкального и эпического творчества бурятского народа стали основой формирования национального репертуара. Первые спектакли — музыкальная драма «Баир» и опера «Энхэ-Булат батор» (Стальной богатырь), явились средоточием всех сторон бурятского народного творчества, где сказка, песня, танец, материальная культура слились в едином ярком зрелище. Успешный показ этих постановок в Москве в дни первой декады бурятского искусства в 1940 г. придал крылья молодому талантливому коллективу. Театр был награжден орденом Ленина, большой группе артистов присуждены звания, в том

Мировую славу Театру оперы и балета принесли народные артисты СССР Лхасаран Линховоин (на снимке — в роли Кончака в опере А. Бородина «Князь Игорь») и Лариса Сахьянова (в балете «Красавица Ангара»). В память этих великих артистов названы улицы в Улан-Удэ

числе 5 человек получили звания заслуженных артистов РСФСР, а художественному руководителю Г. Цыдынжапову присвоено звание народного артиста СССР.

Создание национальной оперы «Энхэ-Булат батор» М. Фроловым в 1940 г. и национального балета «Красавица Ангара» Л. Книппером и Б. Ямпиловым в 1959 г., стали новыми достижениями профессиональной труппы — оперной и балетной. С историей этих спектаклей, украшающих и сегодня репертуар театра, навсегда связаны имена выдающихся бурятских артистов Б. Балдакова, Н. Петровой, А. Арсаланова, Л. Линховоина, К. Базарсадаева, Д. Дашиева, Л. Сахьяновой, Ц. Бадмаева, П. Абашеева, чье творчество получило всероссийское и мировое признание.

Великолепные природные данные, самобытность, артистизм, музыкальность, отточенный профессионализм позволили Ларисе Сахьяновой воплотить на сцене целую галерею прекрасных хореографических образов. В 1973 г. за блистательную партию Ангары в балете «Красавица Ангара» Л. Сахьяновой была присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Глинки.

Более четверти века звучал прославленный и неповторимый голос Лхасарана Линховоина. В нем счастливо соединились талант большого оперного певца и драматического артиста. Сценические образы Линховоина — всегда масштабные и многогранные. Своей игрой артист вносил новые штрихи в каждый спектакль. Образ Кончака, созданный Линховоиным в опере «Князь Игорь» — одна из вершин сценического искусства Бурятии.

В 1960–1970-е гг. репертуар театра обогатился сложнейшими и разнообразными постановками оперных и балетных спектаклей. На сцене театра были поставлены и ныне бережно сохраняются шедевры мировой оперной и балетной классики: «Аида»,

В роли Энхэ-Булат батора — народный артист СССР Дугаржап Дашиев

«Аттила», «Отелло», «Травиата», «Трубадур», «Риголетто» Д. Верди, «Чио-Чио-Сан» Д. Пуччини, «Кармен» Ж.Бизе, «Севильский цирюльник» Д. Россини, «Паяцы» Р. Леонкавалло, «Борис Годунов» М. Мусоргского, «Князь Игорь» А. Бородина, «Евгений Онегин», «Лебединое озеро», «Щелкунчик» П. Чайковского, «Жизель» А. Адана, «Дон Кихот» Л. Минкуса.

Стремление к поиску и экспериментам позволило зрителям познакомиться со спектаклями «Моцарт и Сальери» А. Римского-Корсакова, «Реквием» В. Моцарта, «Турандот» Д. Пуччини, «Порги и Бесс» Д. Гершвина, опереттами И. Штрауса, «Спартак» А. Хачатуряна, «Испанские миниатюры» Г. Херардо, «Авось!» А. Рыбникова.

В разные годы с коллективом театра работали крупнейшие мастера сценического искусства — И. Туманов, И. Моисеев, М. Заславский, Р. Тихомиров, А. Киреев, Е. Колобов, И. Айзикович, В. Рылов, И. Габитов, чьи постановки становились этапными

Сцена из оперы М. Фролова «Энхэ-Булат батор»

Балет Л. Книппера и Б. Ямпилова «Красавица Ангара» не сходит со сцены бурятского театра

в освоении классического репертуара и новой ступенью роста художественного уровня Бурятского театра оперы и балета.

В 1970–1980-е гг. театр неизменно привлекал к себе значительными по замыслу и убедительными по воплощению спектаклями, своими решениями классических шедевров и современных произведений. В 1979 г. ему было присвоено звание «академический».

Имена мастеров старшего поколения, чье творчество явилось залогом и основой дальнейшего высокого развития национального музыкального искусства: К. Гомбоева-Языкова, В. Лыгденова, В. Манкетов, Д. Кыштымова, И. Кузьмина, А. Бурлак, Ф. Иванов, А. Тогоноева, Ю. Семенова, З. Тыжеброва, А. Батубаева, С. Будажапов, Н. Логачев, А. Тимин, М. Шестакова и многие другие.

Сегодня театр представляют многие ведущие и молодые артисты, которые наследуют лучшие традиции больших мастеров бурятской оперной и балетной сцены. Искусство бурятских вокалистов и танцовщиков известно во Франции, Италии, Германии, Австрии, США, Канаде, Корее, Китае, Монголии.

В театре работают три народных артиста СССР, лауреаты международных конкурсов вокалистов им. М. Глинки Ким Базарсадаев, Дугаржап Дашиев, Галина Шойдагбаева, десять солистов, имеющих российские звания.

Великолепный голос Галины Шойдагбаевой покорил весь музыкальный мир. После стажировки в Миланском театре Ла Скала в 1983 г. певица становилась лауреатом международных конкурсов вокалистов «Вердиевские голоса» (Италия, золотая медаль), в Тулузе (Франция, серебряное Гран-при), «Мадам Баттерфляй» (Япония, II премия).

Опера «Турандот» Д. Пуччини. В роли Турандот — народная артистка СССР Галина Шойдагбаева

Аттила — народный артист СССР Ким Базарсадаев в опере Д, Верди «Аттила»

Сцена из балета «Красавица Ангара»: Ангара — народная артистка России Екатерина Самбуева, Енисей — народный артист России Юрий Муруев

РЕСТАВРАЦИЯ ДВОРЦА ИСКУССТВ

23 мая 2011 года после комплексной реконструкции и реставрации, продлившейся шесть лет, здание Государственного академического театра оперы и балета открылось в обновленном виде. Здание театра является памятником архитектуры федерального значения, но с момента пуска в эксплуатацию в 1952 году, ни разу не подвергалось серьезному переоснащению и реставрации.

Полная стоимость комплекса реконструкции и реставрации бурятского театра оперы и балета составля-

ет с учетом этого года 1 млрд. 613 млн. рублей, из них из федерального бюджета — 1 млрд. 400 млн., из республиканского бюджета — более 200 млн. рублей.

Теперь театр сможет выдержать любую нагрузку, поскольку он находится на двух тектонических зонах – восьми и девятибалльных. Кроме того, светорежиссеры и операторы театра получили оборудование, благодаря которому можно программировать световое шоу из любой точки мира, через Интернет.

В здании театра было полностью демонтировано все старое механическое оборудование, была установлена новейшая цифровая техника, благодаря которой можно программировать световое шоу и реализовывать звуковые картины любой сложности. На правильность акустики в зале влияют даже кресла, в нижней части которых сделана уникальная перфорация. Кресла и занавес хоть и выполнены из новых натуральных материалов, в точности повторяют дизайн, который был в театре еще полвека назад. Также было полностью демонтировано всё старое механическое оборудование и заменено на новое, с цифровым оборудованием.

Озвучивание зала выполнено с помощью лидера американского рынка акустических систем. С помощью линейных колонок массивного типа достигнута небывалая равномерность звучания – на уровне всех мировых стандартов. А в целом театр, заигравший новыми красками, отделанный дорогими отделочными материалами, производит великолепное впечатление!

В дальнейшем были открыты мастерские и театральная площадь с 12-метровым светомузыкальным фонтаном. С момента открытия обновленный театр посетили самые разные гости, от именитых музыкантов и коллективов до высших государственных деятелей

ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Памятник Владимиру Ильичу Ленину в Улан-Удэ — скульптурное изваяние головы основателя СССР — установлен в центре города на площади Советов. Это памятник искусства федерального значения, состоит на государственной охране согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР».

Новую площадь в нагорной части города (ныне площадь Советов) в конце XIX в. создавали по примеру Гостинодворской площади Верхнеудинска (ныне пл. Революции). В центре нагорной площади планировалось построить новый каменный собор во имя Святого Иоанна Крестителя на 700 молящихся. Пётр Аввакумович Фролов, почетный гражданин Верхнеудинска, оставил по завещанию 100 тыс. руб. на строительство собора. Верхнеудинская городская дума своим решением от 12 сентября 1908 г. отвела духовному ведомству участок размером 25 х 30 саж. для строительства пятиглавого однопрестольного храма. На Нагорной площади также планировалось строительство зданий казначейства и реального училища. Однако этим задумкам по разным причинам так и не суждено было воплотиться в жизнь. В итоге в 1909 г. сюда, в ту пору на большой песчаный пустырь, перенесли вещевой рынок и организовали здесь продуктовую торговлю.

По периметру Нагорная площадь стала постепенно обрастать одноэтажной деревянной жилой застройкой. Земельные участки приобретались зажиточными горожанами. Среди построек тех лет на северо-западной стороне, на углу ул. Большой (Ленина) и Ново-Спасской (Сухэ-Батора), выделялся каменный трехэтажный дом купца Розенштейна, отстроенный в нач. 1890-х гг. С восточной стороны площади, на улице Лосевской (Коммунистическая) был построен еще один каменный двухэтажный дом — Василия Ерофеевича Потёмкина.

Революция 1917 г. изменила размеренную жизнь провинциального Верхнеудинска. В первые годы советской власти на Нагорной площади формируется главный общественный центр Верхнеудинска. Здесь начинается возведение сооружений общественного значения.

В 1920-м, в год освобождения города от интервентов и белогвардейцев, впервые отмечая в торжественной обстановке праздник Октябрьской революции, новые власти закладывают на новой площади именной камень в основание будущего памятника-обелиска «Павшим борцам за коммунизм» (архитектор А.С. Котов).

8 февраля 1921 г. Верхнеудинский горнарревком переименовал Нагорную площадь в Университетскую и отдал весь земельный участок Прибайкальскому народному университету «для устройства сада и огорода при условии ведения на ней образцового хозяйства на основах науки» газета Прибайкалье» от 8 февраля 1921 г.). Позже здесь был устроен городской сад. 14 октября 1923 г. постановлением ревкома БМАССР городской сад был переименован в «Сад комсомольца». Постепенно территорию сада обустраивают, идет озеленение площа-

ди. 7 ноября 1926 г. здесь состоялось торжественное открытие монумента в честь борцов, павших за власть Советов в 1918–1920 гг.

Выше места установки памятника был устроен стадион Бурпрофсовета, на котором проводились городские соревнования: летом по футболу, теннису, легкой атлетике, а зимой по конькобежному спорту. В 1928 г. комиссия горсовета приняла решение о переносе спортивной площадки на место Сенного базара (стадион БГУ) в связи с планируемым строительством Дома Советов на месте стадиона Бурпрофсовета, напротив дома Потёмкина. По окончании строительства Дома Советов в 1931 г. Нагорная площадь стала называться площадью Советов.

По генеральным планам застройки города 1947–1950 гг. (институт «Ленгипрогор», архитектор С.Л. Пермут) и 1964 г. (архитектор Л.Н. Путерман) создается новый центр города с главной площадью Советов.

В советское время по периметру площади были построены:

1928–1931 гг. — Дом Советов, архитектор А.А. Оль;

1936–1939 гг. — здание гостиницы Советов (ныне «Байкал»), архитекторы Либкинд и Рожин (реконструкция 1956 г., архитектор А.Р. Вампилов);

1938–1939 гг. — здание Наркомата внутренних дел БМАССР (в 1950 году надстроено, архитектор А.Р. Вампилов);

1939–1941 гг. — здание обкома ВКП (б), инженер-архитектор В. Сидоров;

1939 гг. — здание главного почтамта и четырехэтажный жилой дом рядом;

1945–1952 гг. — Бурятский государственный театр оперы и балета, архитектор А.Н. Фёдоров;

1952–1957 гг. — Дом политического просвещения, архитектор Л.К. Минерт;

1955–1959 гг. — здание комбината «Забайкаллес» и Комитета радиовещания, архитекторы Л.К. Минерт, А.Р. Вампилов;

1956–1960 гг. — здание Геологоуправления, архитектор А.Р. Вампилов;

1963–1966 гг. — кинотеатр «Прогресс», архитекторы А.Р. Вампилов, М.Н. Меньшиков, А.Я. Галяутдинов;

1965–1968 гг. — здание Совета Министров Бурятской АССР, архитекторы А.Р. Вампилов, А.Я. Галяутдинов;

1970–1975 гг. — здание горкома и горисполкома, архитекторы В.И. Кулеш, С.И. Кулеш.

Формирование архитектурного ансамбля главной площади столицы завершилось работами по ее масштабной реконструкции, приуроченной к знаменательной для СССР дате — 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. В советские годы все крупные знаковые даты, связанные с коммунистической идеологией, праздновались с большим размахом. А памятники В.И. Ленину были главными символами этой идеологии, неотъемлемой частью советской традиции монументального искусства. Поэтому партийным и советским руководством Бурятии поначалу было решено поставить в Улан-Удэ сразу три небольших монумента вождя мирового пролетариата (в скверике у древнего Одигитриевского собора, на площади Революции, в сквере у главпочтамта), а также поставить масштабную скульптурную композицию на главной площади города.

Среди людей творческих профессий разгорелось настоящее соревнование по созданию лучшей художественной композиции. В их числе был и некий скульптор из Свердловска, с которым Министерство культуры РСФСР в конце 1960-х гг. заключило прямой договор на разработку варианта проекта памятника В.И. Ленину в Улан-Удэ. Проект был выполнен и представлен на согласование. В Доме правительства графическую часть проекта выставили для ознакомления общественностью столицы республики и дальнейшего обсуждения. Предложенная модель памятника вызвала глубокое разочарование. Привычный образ вождя (фигура с вытянутой рукой) был лишен всякой индивидуальности и не нашел одобрения среди архитекторов, художников, творческой интеллигенции города. Руководство республики согласилось с высказанным общим мнением, что Улан-Удэ достоин чего-то более интересного и современного.

В виду ограниченности сроков и отсутствия возможности дальнейшей проработки представленного проекта руководством республики было отдано поручение проектному институту «Бурятгражданпроект» и другим творческим организациям города дать обоснованные предложения по дальнейшей работе. Заслуженный архитектор России Виктор Иванович Кулеш, трудившийся в 1966–1971 гг. главным архитектором проектной мастерской в институте «Бурятгражданпроект», вспоминал:

> «Мы с архитектором Светланой Николаевной Кулеш в то время приступили к работе над проектом здания горкома и горисполкома, строительство которого завершало застройку площади Советов, и архитектурное решение этого здания находилось в прямой связи с тем, где и каким по масштабу будет памятник В. И. Ленину...
>
> Теперь об образе памятника. Наше становление как специалистов в творческой профессии проходило в шестидесятые годы, когда в стране возникло ощущение «оттепели». Сама жизнь требовала поиска нестандартных решений, нового взгляда на проблемы. Со школьной скамьи помнились строки Владимира Маяковского:
>
> Коротка и до последних мгновений
> нам известна жизнь Ульянова,
> но долгую жизнь товарища Ленина
> надо писать и описывать заново.
>
> И в 1960-е гг. надо было переосмыслить образ вождя заново. Незадолго перед этим прошел очень представительный конкурс на памятник В.И. Ленину в Московском Кремле. Среди конкурсных проектов были и такие, которые предлагали решение памятника в виде скульптурной головы вождя, где авторы стремились показать, говоря словами поэта, «...настоящий, мудрый, человечий ленинский огромный лоб», в который заложена «огромная мысль». В это же время скульптор Л.Е. Кербель завершал работу над скульптурным портретом Карла Маркса высотой 7,1 м, который должен был быть установлен в ГДР, в Карл-Маркс-Штадте. Были и другие примеры использования крупных портретных изображений в качестве памятников. Обсудив мое предложение по подобному решению с архитекторами проектной мастерской (тогда я был главным архитектором мастерской) и руководством проектного института, мы решили рекомендовать этот художественный прием для создания памятника в г. Улан-Удэ» (документ с сайта www.projectbaikal.com).

Очень большую роль при обсуждении памятника сыграл тогда Александр Владимирович Казанский, председатель правления Союза художников Бурятской АССР. Он внес предложение обратить внимание на итоги выставки «Образ Ленина в скульптуре, изобразительном искусстве», проходившей сначала в Москве, а потом в Канаде, в Монреале, в рамках всемирного «ЭКСПО-67». На ней была представлена работа отца и сына Георгия Васильевича и Юрия Георгиевича Нерода, опубликованная в журнале «Художник». Это был скульптурный портрет «головы Ленина».

Предложение А.В. Казанского рассмотреть интересную работу известных советских скульпторов, получившую признание на мировых выставках, было обсуждено на заседании Улан-Удэнского горкома КПСС. В отсутствии особых возражений было принято решение: представителю правительства Бурятии провести переговоры со скульпторами Нерода о возможности воплощения в металле их произведения и установки его на главной площади столицы Республики Бурятия. Такое согласие было получено. Более того, в предстоящей работе по созданию памятника согласился участвовать архитектор Алексей Николаевич Душкин, сотрудничающий со скульпторами Нерода много лет. Участие в проекте архитектора такого масштаба было невероятной удачей: Алексей Николаевич — трижды лауреат Сталинской премии, орденоносец, автор выдающихся произведений советской архитектуры.

Скульпторы, народные художники РСФСР отец и сын Георгий Васильевич Нерода и Юрий Георгиевич Нерода в мастерской

Архитектор Алексей Николаевич Душкин *1980-е гг.*

Душкин Алексей Николаевич (1904–1977) — архитектор, член-корреспондент Академии архитектуры СССР (1950). Окончил Харьковский строительный институт (1930). С 1947 преподавал в Московском архитектурном институте (с 1966 г. профессор). Принимал участие во многих архитектурных конкурсах, в том числе на проект Дворца Советов (1932–1933), Дома Радио (1933). Отдавал предпочтение простым, строгим формам, иногда с использованием мотивов древнеримской архитектуры, что особенно сказалось в облике построенных по его проектам станций метрополитена «Кропоткинская», «Площадь Революции», «Маяковская», «Автозаводская», «Новослободская». По проектам Душкина сооружены высотное здание у Красных ворот (1953 г. с Б.С. Мезенцевым), универмаг «Детский мир» на Лубянской площади (1953–1957 гг. с соавторами), надгробия Л.А. Фотиевой (скульптор Г.М. Огнев) и С.М. Эйзенштейна (скульптор Г.В. Нерода) на Новодевичьем кладбище. Лауреат Государственной премия СССР (1941, 1946, 1949 гг.

Архитектор Павел Григорьевич Зильберман. *1980-е гг*

Дальше началась непрерывная работа по воплощению принятого решения. Главный архитектор города, ставший соавтором проекта по сооружению памятника В.И. Ленину, Павел Григорьевич Зильберман, давно искал решение по оптимальной планировке площади Советов. Дело в том, что рельеф поверхности этой территории имел значительный уклон с северо-востока на юго-запад. Все это удачно скрывалось зелеными насаждениями сквера, в центре которого был размещен гранитный памятник-обелиск «Павшим борцам за коммунизм». Вдоль фасада Дома Советов простиралась широкая асфальтированная полоса, собственно и называвшаяся площадью. Затруднения возникли в связи с определением конкретного места установки нового памятника Ленину.

Задачу решили осуществить кардинальной реконструкцией всего пространства площади Советов. Ликвидация существующего сквера и последующая вертикальная планировка площадки с существенной выемкой грунта (около 12 тыс. кубомет-

Открытие памятника.4 ноября 1971 г.

ров), а также перенос памятника павшим борцам на площадь Революции давали возможность обеспечить дальнейшее взаимодействие застройки периметра площади и будущего оригинального монумента В.И. Ленину.

Глава знаменитой династии российских скульпторов Г.В. Нерода стоит слева от первого секретаря Бурятского обкома КПСС А.У. Модогоева.
4 ноября 1971 г.

Из воспоминаний архитектора Виктора Ивановича. Кулеша:

«В то время в адрес заказчика поступили архитектурно-планировочные чертежи проекта площади Советов, разработанные группой А.Н. Душкина. В их основу было положено сохранение на прежнем месте существующего памятника «Павшим борцам за коммунизм» и части сквера. То, что два совершенно разных памятника (В.И. Ленину и Павшим Борцам за коммунизм) оказались рядом, не будучи связанными между собой никаким композиционным замыслом, конечно, снижало эмоциональное воздействие каждого из них. Согласиться с этим решением было нельзя. Предложенный вариант не позволял создать полноценный городской форум, потребность в котором стала к тому времени необходимостью. Но под чертежами стояла подпись А.Н. Душкина!

Правительство Бурятии решило направить в Москву целую делегацию, чтобы возможный конфликт уладить в процессе переговоров. Делегацию возглавил первый заместитель председателя Совета Министров Бурятской АССР В.И. Черныш. В состав делегации вошли председатель горисполкома г. Улан-Удэ А.С. Сыренов, главный архитектор города П.Г. Зильберман, директор проектного института «Бурятгражданпроект» К.С. Ни и архитектор В.И. Кулеш — автор самой идеи и один из авторов проекта здания, определившего окончательное место установки памятника. При встрече с А.Н. Душкиным и скульпторами Г.В. и Ю.Г. Нородой, которые тоже приняли участие в совещании, была изложена наша позиция и приведены логические и графические ее обоснования. В целом совещание прошло в деловой обстановке. Скульпторы ориентировались на позицию Алексея Николаевича Душкина, который отложил принятие решения до следующего дня и предложил мне приехать к нему домой на Котельническую набережную со всеми материалами для получения окончательного вердикта. На следующее утро к Алексею Николаевичу меня провожала вся наша делегация. К вечеру я

прибыл с чертежом, на котором рукой Алексея Николаевича было написано: «Перенос существующего памятника и смещение памятника В.И. Ленину на 20 метров согласовано. А. Душкин». Путь к реализации нашего решения был открыт» (www.projectbaikal.com).

Последующим постановлением Бюро обкома КПСС и Совета Министров Бурятской АССР от 19 декабря 1968 г. были утверждены эскизный проект памятника В.И. Ленину, разработанный скульпторами Г.В. Нерода, Ю.Г. Нерода и архитектором А.Н. Душкиным, а также принципиальная схема планировки площади Советов в эскизной стадии (П.Г. Зильберман). Этим же постановлением устанавливались срок открытия памятника — 22 апреля 1970 г.; график проектирования и его сооружения, а также сроки работ по переносу памятника Борцам революции и реконструкции площадей Советов и Революции с их последующим озеленением и освещением. Ответственным за сооружение памятника В.И. Ленину были определены Улан-Удэнский горком КПСС и исполком Улан-Удэнского городского Совета депутатов трудящихся. Исполнителями работ по изготовлению и транспортировке скульптуры стали Г.В. Нерода, Ю.Г. Нерода, Художественный фонд РСФСР и Мытищинский экспериментальный завод художественного литья. Изготовление рабочего проекта постамента памятника, трибуны и ступеней, а также разработка конструкции крепления головы было поручено архитектору А.Н. Душкину. Институту «Бурятгражданпроект» было выдано задание на изготовление проекта реконструкции площади Советов с увязкой с фасадами здания Дома Советов. К производству строительных работ были привлечены специалисты Мытищинского завода (монтаж скульптуры, изготовление камней и облицовочные работы), Бурятское управление строительства (устройство постамента, трибуны, ступеней), Мостостроительный поезд № 802 (перенос памятника Борцам революции), ремстройтрест, горзеленстрой, «Бурятэнерго», горкомхоз (работы по реконструкции площадей, их освещение и озеленение) (ГАРБ ф. Р-867, оп. 1, д. 303, л. 31).

Изготовление рабочей модели скульптурной части размером 1,5 м и последующее увеличение модели до размеров сооружения производилось скульпторами Г.В и Ю.Г. Нерода сначала в мастерской Художественного фонда РСФСР, а затем на

Праздничная демонстрация в Улан-Удэ у памятника Ленину 7 ноября 1972 г.

Мытищинском экспериментальном заводе художественного литья. Там же выполнялась формовка и отливка гипсовой модели, затем ее отливка в металле. После авторской доработки модель воплотилась в отлитых фрагментах натуральной величины. Сделали контрольную сборку, затем снова разобрали на две половины — верхнюю и нижнюю части. Потом их отдельно транспортировали на платформе по железной дороге в Улан-Удэ для окончательной сборки на месте установки памятника.

К тому времени полным ходом шли работы по реконструкции площади. В результате произведенных работ архитектурное пространство площади Советов приобрело качества, соответствующие роли общественного центра столицы советской республики. Всю архитектурную часть разрабатывали и осуществляли в натуре архитекторы А.Н. Душкин и П.Г. Зильберман. Окончательно определились и с местом установки памятника В.И. Ленину. Оно координировалось со строящимся административным зданием, в основу планировочной и объемной композиции которого был положен принцип симметричности основных параметров по отношению к зданию Совмина архитектора А.А. Оля. В результате возникла композиционная поперечная ось площади, на которой, взаимодействуя с застройкой, было решено разместить памятник В.И. Ленину.

Доктор архитектуры Людвиг Карлович Минерт, в своей книге «Архитектура Улан-Удэ», дает подробное описание восприятия нового памятника В.И. Ленину:

> «Необычность монумента заключается в смелом применении авторами привычных художественных форм в совершенно новом архитектурно-пространственном контексте.
>
> Памятник состоит из сочетания головы необычно большого масштаба, отлитой из бронзы, и призматического блока постамента. Его объем не имеет членений и облицован плитами зеленовато-серого полированного гранита. Высота пьедестала 6,3 м. Он установлен на прямоугольной площадке (10,0 х 12,06 м), покрытой каменными плитами. От памятника к трибуне и площади массовых собраний и шествий ведут лестницы. Эти сооружения включаются в архитектуру монумента, становясь его неотъемлемыми частями. Скульптура головы имеет высоту 7,5 м, при наибольшей ширине 4,5 м. Она опирается на постамент только в передней части, как бы в одной точке, так как ограничена снизу косым срезом. Прием, применяемый при изображении скульптурных голов на мемориальных барельефах, медалях и монетах, здесь осуществлен в трехмерном пространстве и гигантском масштабе.
>
> Художественный образ поражает новизной. Не похож на общепринятое и характер сочетания головы с пьедесталом. Такой прием ранее встречался в изваяниях малых масштабов: портретной скульптуре и интерьерах, памятниках-бюстах. Привычное в камерной обстановке при стократном увеличении получило совершенно иное звучание. Нет здесь и намека на трактовку пьедестала в качестве архитектурно-абстрагированной замены фигуры человека, давно ставшей традиционной в памятниках бюстах. Эта концепция сохранена и в памятнике Карлу Марксу на Хайгейтском кладбище в Лондоне, который напоминает монумент в Улан-Удэ по взаимоотношению масс скульптуры и постамента.
>
> В памятнике В.И. Ленину пьедестал фактически существует лишь по конструктивной необходимости — его намеренно исключили из художественной композиции. Скульптурный объем зрительно отделен от призмы основания и приобрел самодовлеющий характер. Он как бы в невесомости зависает в пространстве площади. Гигантский масштаб скульптуры делает ее соизмеримой с окружающими ее зданиями. Поэтому монумент не только является стержнем композиции архитектурного ансамбля, но и весомым материальным объектом его, стягивающим воедино отдельные части. Шаровидный объем скульптуры, как бы парящий над поверхностью площади, становится центром, вокруг которого, вступая в динамические взаимосвязи, властно организовывается архитектурное пространство. Наглядность зависимостей архитектурных масс выявляет многоплановость художественного образа ансамбля монумента и общественного центра, приоритет в нем идейного начала» (*Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Новосибирск, 1983, стр. 188–191*).

В процессе производства работ по установке и монтажу памятника приходилось решать многочисленные вопросы конструктивного характера, вопросы сейсмики и т.д. Конструкторы института «Бурятгражданпроект», под руководством главного инженера проекта О.А. Колесова оперативно справлялись со всеми задачами.

Сборкой двух частей памятника занимались работники Мытищинского завода и местного авиаци-

онного завода. Они сваривали верхнюю и нижнюю части скульптуры на месте. Металл для сварки тщательно подбирали, швы затирали и шлифовали. Невероятно сложным оказалось обеспечить качественное защитное покрытие бронзе. Убрать яркий блеск металла, придать скульптуре дорогой и изысканный вид, предохранить ее от коррозии — эти вопросы предстояло решить с помощью нанесения специальной искусственной патины. В отсутствии местных специалистов, способных выполнить специфические работы по патинировке, этим процессом занялся специально приглашенный с Мытищинского завода мастер. Работа, требующая особого навыка и большой осторожности, выполнялась раствором из трех кислот — серной, азотной и соляной. В результате желаемый эффект был достигнут.

Выполнить весь намеченный объем работ к дате столетней годовщины вождя (22 апреля 1970 г.) не удалось. Сказалась задержка с отгрузкой «головы Ленина» Мытищинским экспериментальным заводом художественного литья, загруженного в то время заказами к столетнему юбилею Ленина. Подписание акта о приемке памятника государственной комиссией и его открытие произошли позже, в 1971 г.

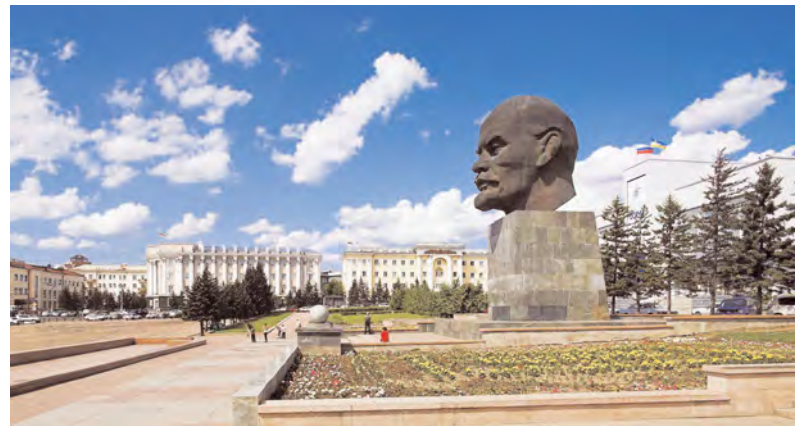
Официальное торжественное открытие памятника Владимиру Ильичу Ленину состоялось 5 ноября 1971 г. Это знаменательное событие в жизни города стало завершающим моментом в формировании архитектурного ансамбля правительственной площади. В день открытия с памятника опустилось покрывало, сшитое из четырех парашютов. Перед жителями столицы предстало скульптурное изображение головы В.И. Ленина отлитое из бронзы. «Голова Ленина» размером 7,7 м весом 42 т, установленная на постаменте высотой 6,3 м, облицованном полированной серой янцевской гранитной плиткой толщиною в 6 см, произвела яркий эффект.

Выполненный в необычайно новаторском стиле невероятных размеров памятник достаточно удачно вписался в окружающий архитектурный ландшафт площади Советов. На торжественном многолюдном открытии присутствовали авторы проекта памятника — отец и сын Нерода, архитекторы А.Н. Душкин, П.Г. Зильберман, все руководство республики.

За создание памятника В.И. Ленину скульпторы Г.В. Нерода и Ю.Г. Нерода Указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР были удостоены почетного звания «Заслуженный деятель искусств Бурятской АССР».

В ноябре 1974 г. на объект «Памятник В.И. Ленину — вождю Коммунистической партии и советского государства» был изготовлен паспорт (А.Д. Жалсараев).

Постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 г. «О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. №1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» памятник В.И. Ленину, установленный на площади Советов г. Улан-Удэ, был включен в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения, утвержденный постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327.



В июне 2000 г. по заказу республиканского органа охраны памятников был изготовлен новый паспорт на объект монументального искусства федерального значения «Памятник В.И. Ленину» (Составители краевед А.Д. Жалсараев и ведущий специалист НПЦ Л.В. Мордвина).

Памятник Владимиру Ильичу Ленину, российскому политическому и общественному деятелю, революционеру, создателю партии РСДРП (большевиков), основателю первого в истории социалистического государства, расположенный на центральной площади столицы Республики Бурятия считается одной из главных достопримечательностей города Улан-Удэ.

Елена Михалёва

ПАМЯТИ ПАВШИХ

Памятник воинам Бурятии, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Открыт в Улан-Удэ на Комсомольской площади 9 мая 1970 г. Скульптор А.И. Тимин, архитектор В.Г. Бельгаев. Высота скульптурной композиции 3 метра, пилона — 20 метров

Фото С. Конечных

Сначала Великой Отечественной войны на территории республики были развернуты 16 эвакогоспиталей (из них два были созданы в г. Улан-Удэ еще в августе 1939 года для лечения бойцов, раненных в боях под Халхин-Голом). Эвакуированные поступали из медсанбатов и прифронтовых госпиталей. В основном это были бойцы с тяжелыми ранениями, нуждающиеся в хирургической помощи и длительном лечении. Все здания, в которых размещались эвакогоспитали, состоят на государственной охране как памятники военной истории.

Всего за годы войны в госпиталях республики прошли лечение более 30 тысяч солдат и офицеров. Из них вернулись в строй и продолжили борьбу с немецко-фашистскими захватчиками 9500 человек. Была возвращена трудоспособность 16 тысячам раненых. Умерших от ран бойцов хоронили на кладбищах города. Здесь похоронены генерал И.В. Балдынов, лейтенант В.К. Оцимик, гвардии сержант О.А. Денисов и 219 воинов, умерших в эвакогоспиталях Улан-Удэ, Кяхты, Бабушкина и перезахороненных в братской могиле.

Автор проекта мемориала — архитектор Д.Ж. Идымов.

Мемориал на братской могиле воинов, умерших от ран в эвакогоспиталях во время Великой Отечественной войны

Памятник Герою Советского Союза С.Н. Орешкову

Сергей Николаевич Орешков родился в 1916 г. в Вологодской области. В 1935 г. по путевке комсомола приехал в Бурятию на строительство паровозоремонтного завода. В сентябре 1942 г. после окончания пехотного училища был направлен на фронт. В августе 1943 г. в боях под Харьковом, в районе станции Васищево, смертельно раненный командир роты Орешков закрыл своим телом амбразуру дзота, повторив подвиг Александра Матросова. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Именем Орешкова назван парк культуры и отдыха, где расположен памятник-бюст герою. Памятник сооружен в 1963 г.

Авторы — архитектор Смирнов, скульптор — Интизарьян.

Памятник «Ровесникам, ушедшим в бой»

Сооружен в 1998 г. по инициативе Совета ветеранов Афганистана. Автор проекта — Б.Б. Бадмацыренов. Посвящен воинам Бурятии, погибшим при исполнении интернационального долга в Республике Афганистан и во время боевых действий в Чечне. Комплекс представляет собой полураспустившийся бутон лотоса, символизирующий безвременно ушедшие молодые жизни погибших воинов, двух мемориальных досок со списками 59 погибших, галереи с портретами погибших, высеченных на мраморных плитах, и боевой машины пехоты, установленной на пьедестале (в августе 2001 г.). По данным на 2001 г., из Бурятии в афганской войне погибло 24 человека, 2 пропало без вести, в Чечне погибло 72 человека. Жители республики называют этот памятник «Черным тюльпаном».

Памятник истории — танк Т-34, переданный командованием Улан-Удэнского гарнизона, установлен в 1968 г. в ознаменование большого вклада трудящихся Советской Бурятии в дело Победы над немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами в Великой Отечественной войне.
На бетонном постаменте (высота 430 см, ширина 396 см, длина 707 см) установлена боевая машина. На мемориальной доске надпись: «В память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. трудящиеся Бурятии — воинам-фронтовикам». С 2000 г. мемориал находится на реконструкции. Подпорная стена облицована мрамором, подведен Вечный огонь, установлена барельефная композиция (скульптор А.М. Миронов), высечены списки Героев Советского Союза и Героев России.

Сооружен в ноябре 1993 г. Расположен у здания Министерства внутренних дел Республики Бурятия. Автор — скульптор-монументалист, лауреат премии МВД России А.М. Миронов. Памятник представляет собой монументальное сооружение с постаментом, на котором расположена художественная композиция, состоящая из орла (символ зоркости, смелости, стремительности), вокруг которого по вертикали находится лавровый венок (символ славы) и спадающая по постаменту драпированная накидка (символ скорби). На мраморных плитах высечены списки 30 сотрудников МВД из 12 районов и двух городов Республики Бурятия, погибших при исполнении служебных обязанностей. Справа расположен отлитый из меди знак «Щит и меч» и высечены слова: «В жизни всегда есть место подвигу». Слева на плите высечены слова: «Сотрудникам органов внутренних дел Республики Бурятия, погибшим при исполнении служебного долга».

Памятник сотрудникам Министерства внутренних дел, погибшим при исполнении служебных обязанностей

Мемориал воинам Бурятии, погибшим в годы Великой Отечественной войны

ЗДАНИЯ-ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ — ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ

«Победу мы выиграли ранеными,» — это слова маршала Константина Рокоссовского. Он в полной мере отдавал дань не только фронтовикам и труженикам тыла, всеми силами поддерживавшим армию, но и тем, кто возвращал в строй бойцов, уже прошедших испытание войной.

В связи с тяжелой обстановкой на фронтах значительную часть госпитальной коечной сети пришлось развертывать в тылу страны. В Бурятии под госпитали были переоборудованы более 50 зданий — в Улан-Удэ, Кяхте, Бабушкине, Заиграево, Кабанске, Каменске, Танхое.

В отличие от других регионов, к притоку раненых в Великую Отечественную войну Бурятия была подготовлена намного лучше. Еще во время Русско-японской войны в 1904 г. сама Государыня Мария Фёдоровна направила в Бурятию, в Танхой, мобильный барачный лазарет для лечебных учреждений во время войн и эпидемий. Позднее, с 30 июля по ноябрь 1939 г., в Улан-Удэ действовал военный эвакогоспиталь для раненых, прибывавших с района вооруженного конфликта на р. Халхин-Гол.

Во время Великой Отечественной войны бойцов с легкими ранениями лечили в прифронтовых госпиталях и медсанбатах. В Бурятию же везли солдат с тяжелыми ранениями и нуждающихся в длительном лечении. Соответственно, требовался высокий уровень медицинского обслуживания. В эвакогоспитали были направлены лучшие врачи из разных регионов страны. В это же время в Бурятии активизировалась подготовка медицинских кадров, создавались санитарные дружины, были сформированы два санитарных поезда, на курсах подготовлены и отправлены на фронт сотни медсестер.

В годы Великой Отечественной войны в Бурятии было развернуто 14 эвакуационных госпиталей: 4 эвакогоспиталя — за счет средств Наркомата обороны СССР, 10 — за счет средств Наркомздрава республики. С начала формирования общий коечный фонд составлял 3700 коек, к 1943 г. был увеличен до 4400 коек. По данным Государственного архива Республики Бурятия за период с 17 января по 1 сентября 1942 г. госпитали республики приняли 6974 раненых. За все время работы госпиталей лечение прошли 30 968 раненых, было проведено 16 298 операций (ГАРБ ф. П-1, оп. 1, д. 4737, л. 182–186).

В Улан-Удэ для госпиталей были отведены лучшие здания: школы, техникумы, студенческие общежития, гостиницы, поликлиники, казармы, клубы. В кратчайшие сроки помещения переоборудовались и оснащались всем необходимым.

С учетом огромной роли эвакогоспиталей в спасении жизни, восстановлении здоровья раненых солдат и офицеров, а также в целях увековечивания трудового подвига медиков республики в годы войны, 16 зданий, где размещались лечебные корпуса эвакогоспиталей, в 1983 г. были приняты под государственную охрану как памятники военной истории. В Улан-Удэ это школы № 1 (эвакогоспиталь 945), № 2 (эг. 942), № 3 (эг. 946), № 4 (эг. 939), № 20 (эг. 940), № 29 (эг. 945), № 42 (эг. 943), межшкольный учебно-производственный комбинат (эг. 1487), корпуса Бурятского государственного университета (ул. Сухэ-Батора, 6 — эг. 942 и Октябрьская, 20 — эг. 938), гостиницы «Байкал» (эг. 946), республиканская клиническая гинекологическая больница на пр. Победы (эг. 1486), детская школа искусств № 1 им. Л.Л. Линховоина (эг. 1486), межрайонная инспекция федеральной налоговой службы № 9 по Республике Бурятия (эг. 1435), в городе Бабушкине — здания школы № 56 и детского сада (эг. 1943).

Здание бывшей железнодорожной школы — эвакогоспиталь № 943. *Фото из музея школы № 42*

Эвакогоспиталь № 940, ул. Геологическая, 9
(нач. 1943 — декабрь 1945 гг.)

Эвакогоспиталь № 942 , ул. Сухэ-Батора, 5
(январь1942 — ноябрь 1945 гг.)

В Улан-Удэ перед войной было построено достаточно много новых школьных зданий, и вот почему. В 1933 г. Москва взяла шефство над столицей Бурятии: были выделены дополнительные средства, оборудование и строительные материалы, направлены специалисты для решения вопросов коммунального хозяйства. В эти годы состоялся пуск первой очереди городской электростанции, возводилась теплоэлектроцентраль, осуществлялись строительство коммунального водопровода, частичная система канализации, мощение улиц, развитие общественного транспорта и благоустройство города. Наряду со строительством заводов, фабрик, промышленных предприятий, осуществлялась программа жилищного строительства и объектов социально-культурного назначения.

В связи с ростом населения города особенно остро стояли вопросы школьного строительства. В докладе заведующего городским отделом народного образования Вахмянина на заседании президиума Улан-Удэнского Городского совета РК и КД о подготовке к 1935/36 учебному году говорилось о катастрофической нехватке школ: «Существующая сеть школ, как территориально, так и количественно, ни в какой степени не отвечает предъявляемым делом народного образования требованиям. Ряд участков и новостроек... совсем не имеют школ или имеют совершенно не приспособленные помещения. При односменной работе школ требуется 234 классных комнаты, в двухсменную — 117; в наличии же имеются 89 классных комнат, остальные же занимаются в столовых, клубах и красных уголках. Все это не может не отражаться на понижении качества учебы, а также способствует к срыву воспитательной внешкольной работы с детьми» (ГАРБ ф. Р-661, оп. 1, д. 98, л. 24).

Активное строительство школ в городе началось в сер. 1930-х гг. при поддержке Наркомпроса РСФСР, который внедрил по России типовые проекты школ, в том числе в Бурят-Монгольскую АССР были направлены проекты школ на 400 мест (проект № 67/2 автора Бичурина-Енышева) и 880 мест (проект № 72 автор Червонная) (ГАРБ ф. Р-248, оп. 12, д.63, л. 57). Типовые проекты были получены без рабочих чертежей и смет, их изготовление осуществлялось проектным бюро при НКомхозе БМАССР (ГАРБ ф. Р-248, оп. 12, д. 63, л. 58) с приспособлением зданий к местным климатическим условиям и выделенным для застройки площадкам.

Для приспособления зданий школ под эвакогоспитали и проведения в них необходимых работ, в январе 1941 г. Отделом капитального строительства НКП РСФСР была разработана Инструкция на производство общестроительных и санитарно-технических работ зданий школ на 880 ученических мест, построенных в период с 1936 по 1940 гг. по типовым проектам Наркомпроса РСФСР за №№ 67, 68, 69, 72, 74, 75, 78 и др. (ГАРБ ф. Р-665, оп. 1, д. 35, л. 40–47). Согласно данной Инструкции, согласованной с СУ и КЭУ Красной Армии и являющейся обязательной как для органов народного образования, так и для Наркоматов обороны, были разработаны общие требования и нормы по приспособлению зданий школ под госпитали военного времени и необходимые работы, выполняемые в очередном порядке. Требования касались устройства отопления, водопровода, канализации, горячего водоснабжения, электрооборудования, водонепроницаемых полов в помещениях санпропускников, душевых, кухни, гидроизоляции, масляной окраски стен и потолков в операционных, перевязочных и т.д. Многие работы должны были проводиться так, чтобы здание в мирное время могло функционировать как учреждение образования, а

на период военных действий без промедления могло быть использовано под военный госпиталь. Так, например, водонепроницаемые полы сверху покрывались дощатым полом, а при передаче здания под госпиталь, такой пол снимался.

Общее руководство эвакогоспиталями осуществлял отдел Забайкальского военного округа через Управление местного эвакуационного пункта, который размещался в г. Улан-Удэ. Для постоянного руководства эвакогоспиталями при Наркомздраве был организован Госпитальный отдел, который возглавил первый заместитель Наркома здравоохранения БМАССР военный врач 3-го ранга в запасе Владимир Христофорович Берзин. Хирургической деятельностью руководил старейший хирург Бурятии, кандидат медицинских наук Эрдэни Раднаевич Раднаев, за самоотверженный труд во время Великой Отечественной войны награжденный орденом Трудового Красного Знамени. В состав Госпитального отдела входили: главный хирург эвакогоспиталей Э.Р. Раднаев, ведущие хирурги эвакогоспиталей С.В. Кирин, Стрижалковский, Фёдоров, Н.П. Шляхтер и главный терапевт эвакогоспиталей М.М. Панченко. В каждый эвакогоспиталь были назначены ответственные врачи. Начальником эвакогоспиталя № 940 была назначена Л.С. Ковалева, № 939 — врач-терапевт В.С. Усачёв, № 942 — майор медицинской службы А.В. Каменовский, № 943 — нейрохирург В.К. Белоусов, № 944 — врач-терапевт П.И. Копчаев, № 945 — кандидат медицинских наук Н.В. Фетисов, № 946 — ведущий хирург Н.П. Шляхтер, № 947 — врач-терапевт С.Ф. Кирин, № 1485 — Д.А. Подгайных, № 1486 — В.Н. Ильков, № 1487 — Т.В. Мостовая, № 1943 — Б.Л. Сочава, № 1488 — Левенберг. Врачи и медсестры были настолько искусны, а послеоперационные лечение и уход так умело и четко организованы, что умирало всего 0,1-0,2 % бойцов.

Работая врачом-окулистом в эвакогоспиталях, располагавшихся в двух лечебных корпусах — школах № 1 и № 29, Екатерина Михайловна Никифорова провела более 700 успешных операций. При этом 215 были сделаны впервые в Сибири и на Дальнем Востоке с применением тканевой терапии, что позволило вернуть зрение безнадежно больным бойцам. В 1930 г. Е.М. Никифорова прошла специализацию врача-окулиста в Ленинграде и стажировку у академика Филатова в Ташкенте.

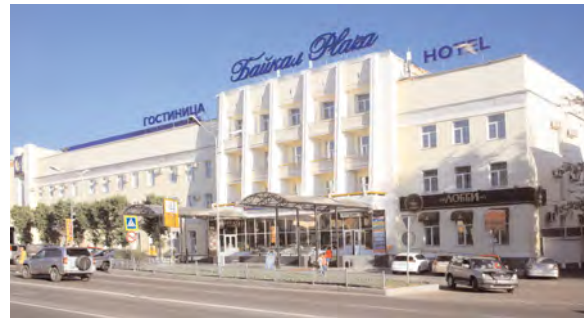
Раненые и больные поступали в госпитали после соответствующей сортировки, которая производилась в основном на разгрузочной площадке (рампе ВСП), а также специализированном ЭКГ № 945 (сортировочном). «Поступали раненые на долечивание: с поздними осложнениями военно-полевых повреждений, а именно с огнестрельными остеомиелитами, стойкими параличами и парезами периферических нервных стволов, с инородными телами в тканях (с наружными гнойными свищами), большое количество ампутированных, слепых и других» (ГАРБ ф. П-1, оп. 1, д. 4737, л. 182).

В середине 1944 г. уже практически во всех госпиталях города имелись рентгенегкабинеты и физиоаппаратура. Применялись грязе-, глино-, песко-, гидро-, аэро- и парафинотерапии.

«Лечебная работа в эвакогоспиталях поставлена удовлетворительно, все эвакогоспитали оборудованы лабораториями, рентгеновскими кабинетами, физиокабинетами и кабинетами для лечебной физкультуры. Все госпитали наряду с активным хирургическим лечением применяют лечебную физкультуру, физиотерапевтическое лечение, применяют местную Киранскую глину, парафинотерапию».

Сотрудники ЭГ №944, 4-е отделение. *23 апреля 1947 г.*

Сотрудники эвакогоспиталя № 944. Август 1948 г.



Эвакогоспиталь № 946, ул. Ербанова, 12 (январь 1942 — апрель 1943 гг.). Ныне — гостиница «Байкал»

Стремясь достичь лучших результатов, врачи и медсестры госпиталей изыскивали и внедряли новые методы лечения раненых, широко использовали местные лекарственные ресурсы, постоянно повышали свою квалификацию и учились: «Для повышения квалификации врачей Отделом ЭКГ НКЗ, совместно с МЭП-71 и ЭП-84, начиная с 1941 г., проводились систематические занятия по актуальным вопросам: военно-полевой хирургии, военно-полевой терапии, эпидемиологии, токсикологии и др. Кроме межгоспитальных конференций проводились и внутригоспитальные конференции — научные, не реже 2 раз в месяц. На данных конференциях разбирались темы по патологии и лечению осложнений военно-полевых повреждений, разбирались подробно случаи смерти. Кроме того, многие врачи за время войны освоили непосредственно в госпиталях практическую работу по хирургии военного времени, некоторые из них выполняли должности ведущих хирургов, например, врач эвакогоспиталя № 1487 Мостовая и врач эвакогоспиталя № 1943 Астахов.

20 врачей прошли курсы усовершенствования по хирургии и отрывом от работы сроком 1,5 месяца при Иркутском мединституте; 2 врача по ортопедии — сроком 2 месяца при мединститутах Свердловска и Новосибирска; 4 врача по диетпитанию — сроком 1,5 месяца при Иркутском мединституте; 3 врача по стоматологии — там же; и 1 по физиотерапии — сроком 2 месяца при Новосибирском институте физиотерапии.

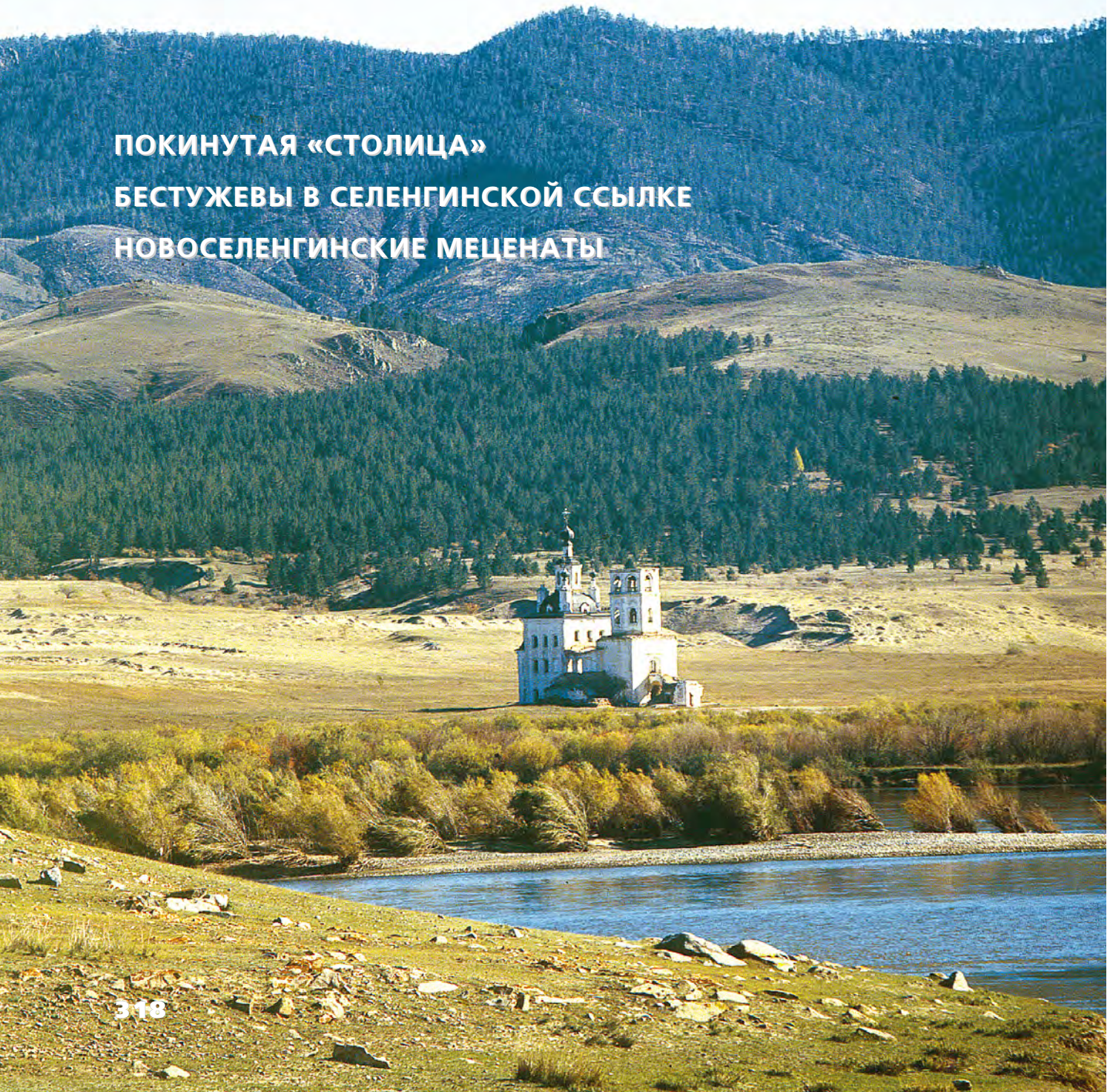
Занятия с медсестрами проводились главным образом по вопросам: по уходу за ранеными, по лечебной физкультуре, а также военно-полевой хирургии не реже одного раза в неделю» (ГАРБ ф. П-1, оп. 1, д. 4731, л. 186).

Еще в 1941 г. Улан-Удэнский горком ВКП (б) обратился за помощью к населению и предприятиям города с предложением взять шефство над госпиталями. К концу осени ко всем госпиталям были прикреплены 40 коллективов учреждений и предприятий города. Несмотря на тяжелые военные условия, горожане помогали обустраивать быт раненых бойцов: приносили одежду, посуду, белье, книги, шили наволочки, шторы, вязали носки и т.д. Шефская работа заключалась не только в материальной и физической помощи, много внимания уделялось культурному обслуживанию раненых. Работали агитбригады, устанавливались радиоточки, проводились концерты, лекции. Для выздоравливающих и инвалидов были организованы краткосрочные курсы по подготовке счетоводов, телеграфистов, шоферов, шло обучение сапожному, портняжному, столярному делу. Проводилась работа по трудообучению раненых, где обучали счетоводческому, сапожному и столярному делу. В разных госпиталях работали кружки по подготовке киномехаников, курсы шоферов, слесарей, столяров, пчеловодов, колхозных счетоводов и бухгалтеров.

Эвакогоспитали г.Улан-Удэ были расформированы на основании постановления суженного заседания СНК БМАССР от 22 сентября 1945 г. за № 023 «Об улучшении медицинского облуживания инвалидов Отечественной войны», а «освобождающиеся в связи с этим помещения передать для использования по прямому назначению» (ГАРБ ф. Р-665с, оп. 1, д. 57, л. 185–187).

Умерших от ран бойцов хоронили на кладбищах Улан-Удэ, Кяхты и Бабушкина. В 1975 г. в Улан-Удэ открыт мемориал на могилах Героев Советского Союза: генерал-майора И.В. Балдынова, лейтенанта К.В. Оцимика, гвардии сержанта О.А. Денисова, сержанта В.Х. Хантаева и воинов, умерших от ран в эвакогоспиталях города и перезахороненных в братской могиле. Автор проекта — архитектор Д.Ж. Идымов.

НА РЕКЕ СЕЛЕНГЕ



ПОКИНУТАЯ «СТОЛИЦА»
БЕСТУЖЕВЫ В СЕЛЕНГИНСКОЙ ССЫЛКЕ
НОВОСЕЛЕНГИНСКИЕ МЕЦЕНАТЫ

Вид на Старый Селенгинск. *Гравюра конца XVIII в.*

Селенгинск: покинутая «столица»

По материалам
Л.К. Минерта и НПЦ
по охране и использованию
памятников истории и
культуры Республики
Бурятия

Планы и документальные
фотографии из собрания
Виктора и Михаила
Харитоновых

Указ 1840 года о переносе Селенгинска с одного берега Селенги на другой явился причиной упадка и полного запустения первой столицы Забайкальского края. Первоначальное местоположение города до сих пор называют Старым Селенгинском, а за вновь построенным городом на левом берегу, несмотря на то, что официально ему было передано название Селенгинск, закрепилось название Новоселенгинск.

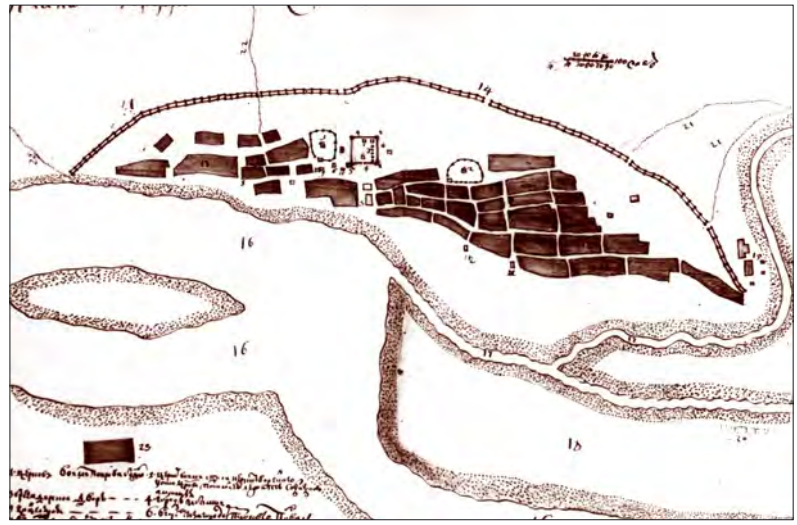
История некогда известного города Селенгинска началась с отправки в 1665 г. из Баргузинского острога казачьего пятидесятника Гаврилы Ловцова с отрядом в 84 человека «для прииску и призыву под царскую... высокую руку... мунгалских и отбеглых братцких людей». Они «пришед... на Селенгу реку среди их Мунгалские земли на усть Чика реки, близь Мунгалского царя Кукана и тайшей крепкой острог поставили».

Острог заложили 27 сентября 1665 г. квадратным в плане с четырьмя угловыми башнями. Пятиметровые стены из острожин дополнительно были окружены рвом, «чесноком» и надолбами. К 1673 г. острог укрепили, окружив прямоугольником палисадных стен длиной 28 саженей 1 аршин при ширине 19 саженей. В западной длинной стене между двумя башнями размещались большие ворота, а над ними «поставлена большая бревенчатая часовня. А с приходу в киоте образ грозных сил воеводы Михаила Архангела». На одной из башен западной сте-

ны устроили зимнюю с печью караульную избу. Западнее укреплений отдельно стояла деревянная трехпрестольная Спасская церковь. Ближе к реке располагался 21 двор казачьего строения.

Селенгинский острог длительное время был самым выдвинутым к югу военно-опорным пунктом при еще не установившейся границе. Из него посылались экспедиции, основывавшие новые поселения в обширном крае. Отношения селенгинских казаков с окрестным бурятским населением были мирными. Монгольский Цеценхан («царь Кукан») также был готов признать верховную власть русского царя и сразу же после возведения Селенгинского острога отправил с таким поручением посольство в Москву. Но впоследствии, в связи с признанием монгольскими племенами владычества маньчжурского императора, отношения стали ухудшаться. Начались враждебные действия против русской крепости на Селенге. Поэтому в 1685 г. в предельно короткий срок, всего за три месяца, острог был перестроен. Он получил деревянные стены, которые были сделаны «с великою крепостью с нагороднями, с верхним и подошвенным боем», по углам стояли башни. В одном из углов была заново срублена Спасская церковь высотой около 32 метров, над другой башней возвышалась колокольня.

Оборонительные качества крепости вскоре подверглись



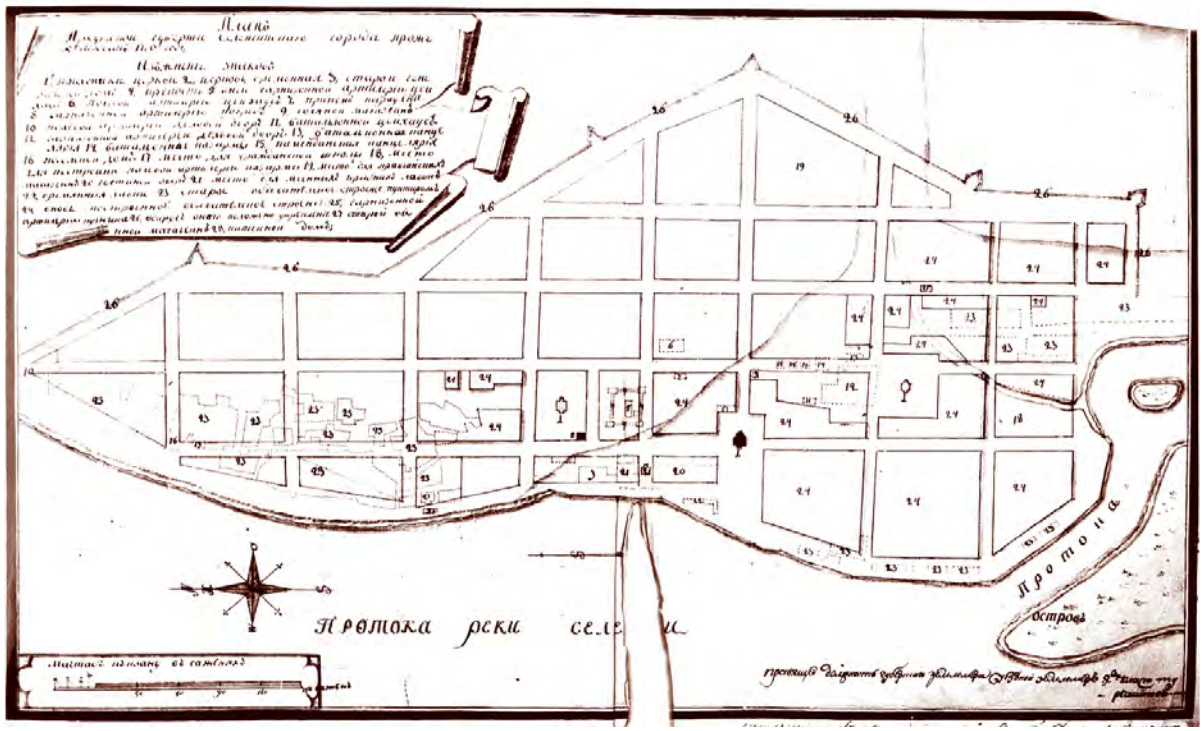
Старый Селенгинск. *План начала XVIII в.*

В 1770-х гг. для Селенгинска составлялись «Планы города», отражающие существовавшую градостроительную ситуацию. Но до проведения в жизнь намеченной регулярной перепланировки дело не дошло. Река начала подрывать берег и отмыла целые улицы. Потоки воды при ливнях заносили застройку песком. «Два страшных пожара в 1780 г. окончательно его доконали: первый истребил 278 частных домов, 6 купеческих лавок и 2 церкви, другой в том же году истребил остальное». После пожара, к 1785 г., для Селенгинска был разработан проект планировки с четкой прямоугольной сеткой улиц в пределах территории города, огражденной с запада рекой и с востока ломаной линией укреплений. Правда, взамен сгоревшего деревянного довольно быстро сооружается великолепный собор, а позже даже каменный Гостиный двор на 20 лавок. Ну, а в остальном восстановление города шло медленно, и он так и не достиг намеченных размеров.

Старый Селенгинск. *План середины XVIII в.*

Таким был Селенгинск в XIX в.

Старый Селенгинск. *Регулярный план застройки. 1780-е гг.*



серьезному испытанию. Под давлением китайского богдыхана монгольский правитель Тушету-хан направил в Забайкалье свои отряды, которые в первых числах января 1688 г. осадили Селенгинск. Мужественная оборона крепости под командованием ссыльного украинского гетмана Демьяна Многогрешного окончилась поражением и отступлением вторгшихся отрядов, что способствовало переходу ряда бурятских и монгольских племен в российское подданство и заключению Нерчинского договора 1689 г., закрепившего Забайкалье за Россией.

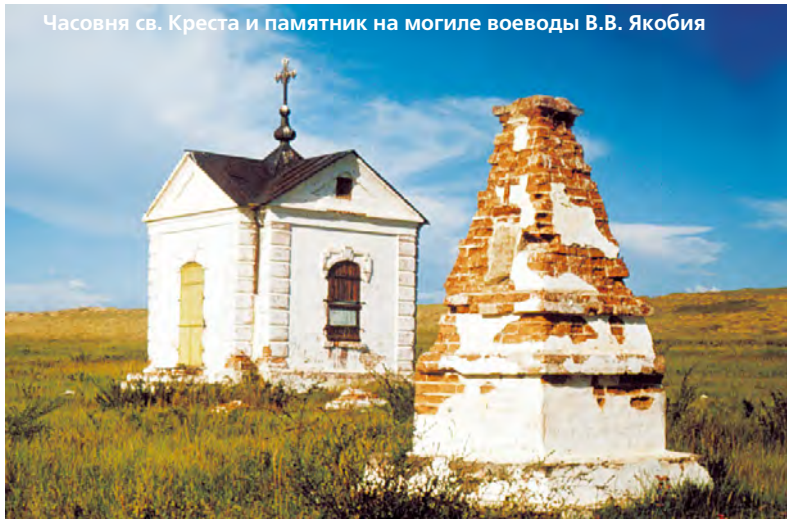
В дальнейшем Селенгинск продолжал оставаться главным военным и административным центром Западного Забайкалья. Из Селенгинска стали отправлять казенные торговые караваны, что привело к увеличению населения города, появлению здесь «торговых» людей, оживлению строительства.

В 1697 г. стены и башни крепости перестраивали, но состояние укреплений и застройки Селенгинска, по мнению прибывшего сюда царского посла Саввы Рагузинского, не соответствовали его назначению пограничной крепости. «Селенгинск ни город, ни село, ни деревня, — докладывал он в столицу, — понеже в оном токмо 250 дворов и строен на месте ни к чему не годном и ко всяким набегам опасным ни чем не огорожен, к тому ж оной за низкостию места повсегодно во-

Обреченный Спасский собор одиноко возвышается на правом берегу Селенги

Иконостас староселенгинской каменной часовни в составе древнего деревянного креста и двух более поздних почти в рост человека икон, работы, предположительно, декабриста Н.А. Бестужева. Вид перед его изъятием 25 февраля 1985 г. на сохранение в новоселенгинский Музей декабристов

Фотографии выполнены в 1985 г. Эдуардом Дёминым



Часовня св. Креста и памятник на могиле воеводы В.В. Якобия

Фрагменты стенописи Спасского собора

дою и реки Селенги разлитием затопляется».

В 1726 г. последовал царский указ о переносе крепости на новое место. Посол имел ввиду так называемый «городовой камень» — выход горных пород на противоположном берегу реки — и утверждал, что по выгодам положения «во всей Европе подобного сыскать трудно».

Указом 1726 г. возведение крепости возлагалось на полковника И.Д. Бухгольца. Из столицы «для построения на новом месте Селенгинска» был направлен бомбардир-поручик Абрам Петров Ганнибал (прадед А.С. Пушкина). Но Ганнибал воспринял поручение как следствие козней личных врагов и, прибыв на место в январе 1728 г., отказался «сочинять тому строению чертеж». Через два года А.П. Ганнибал был сослан в Томск. Присланный взамен инженер-прапорщик Семен Боборыкин «за разные предерзости» в 1731 г. был предан военному суду.

Между тем с Китаем налаживалась взаимовыгодная торговля, и хотя были разработаны различные проекты, строительство крепости на Селенге потеряло актуальность.

В XVIII в. Селенгинск остается резиденцией воеводы обширного края, при котором действовала Канцелярия пограничных дел. К 1745 г. Селенгинск был крупнейшим городом за Байкалом и его население составляло более 4 тысяч человек. До 1755 г. отсюда

в Китай продолжают снаряжаться казенные торговые караваны. Но отмена караванной торговли и развитие торговли на самой границе в Кяхте приводит к угасанию «первой столицы Забайкалья».

Ко второй половине XVIII в. город состоял из массы вытянутых вдоль реки усадебных участков. Вследствие этого главные его улицы тянулись вдоль берега, а от него шли коротенькие переулки. В Селенгинске стояла Покровская церковь, крепость с воеводской канцелярией, соборная церковь Спаса, а между ними и рекой — генеральский дом, канцелярия и гауптвахта. В южной части города были еще две церкви: Казанской Богоматери и Полковая Троицкая. Все здания города были деревянными. Селенгинск продолжал считаться крепостью, и в нем стоял гарнизон, сохранялись бастионы и другие оборонительные сооружения.

Селенгинск до 1783 г. оставался уездным центром. В этом году здесь был заложен каменный Спасский собор, оконченный строительством 13 июня 1789 г. Собор строился двухэтажным и двухпрестольным: в верхней, «холодной» церкви — Нерукотворенного образа Христа Спасителя, в нижней, «теплой», — во имя Святой великомученицы Екатерины. Удалось установить, что селенгинский собор возведен архитектором-самоучкой Воротниковым, тюменским мещанином, и строителем-подрядчиком

БЕСТУЖЕВЫ

В СЕЛЕНГИНСКОЙ ССЫЛКЕ

Бывший дом купца Д.Д. Старцева — ныне Музей декабристов. *Фото Б. Михайлова*

Подлинные памятники на могилах декабристов К.П. Торсона, Н.А. Бестужева и их родственников. *Фото С. Конечных*

Николай Бестужев. *Автопортрет*

В местном Музее декабристов можно увидеть распятие с фигурами предстоящих — предположительно, работа Николая Бестужева для часовни Св. Креста в Старом Селенгинске

Михаил Бестужев
Рисунок Н.Бестужева

Токарный станок, на котором работали братья Бестужевы в ссылке

Воссозданная комната в доме Старцевых

Братья Бестужевы, отправляясь в Селенгинск последними 27 июля 1839 г., проводив всех своих товарищей по Петровскому каземату и отправив почти весь свой багаж, включая книги, в место будущего поселения, ехали с уверенностью и твердым намерением «поскорее устроиться на спокойную жизнь». 1 сентября 1839 г., после почти месячного ожидания в Посольске разрешения на следование в Селенгинск, братья Бестужевы были уже в объятиях своего друга Константина Торсона, плакавшего от радости встречи. Бывший морской офицер, как и Бестужевы, Торсон в 1819–1821 гг. совершил под командой Беллинсгаузена кругосветное путешествие, во время которого была открыта Антарктида. Став членом Северного общества декабристов, он принял в него братьев Бестужевых. После восстания его осудили на 20 лет, и после Петровского Завода в 1838 году Торсон прибыл на поселение. Из-за него Бестужевы выбрали для поселения Селенгинск, хотя сначала должны были ехать в Западную Сибирь.Чтобы принять друзей, Торсон начал строительство своего дома, но не успел закончить к их приезду. Выручило гостеприимство купца и мецената Д.Д. Старцева, у которого нашли месячный приют Бестужевы. Это время было наполнено ежедневными вояжами к Торсонам для помощи в хозяйстве и строительных делах, по которым соскучились их умы и руки. Вскоре дом был достроен, Торсон освободил флигель, а Бестужевы получили независимое жилье рядом с другом в нескольких десятков метров от него через овраг.

Существование в Селенгинске разделили вместе с декабристами мать и сестра К.П. Торсона, а позже и три сестры Бестужевых — Елена, Ольга и Мария. Вместе с селенгинскими друзьями они образовали тесный кружок, принимавший самое активное участие во

купцом И.С. Басовым. В отличие от одноглавых ранних забайкальских соборов селенгинский храм был пятиглавым — с большой центральной главой на световом барабане и четырьмя малыми, поставленными на середине его граней. Своим силуэтом Спасский собор, возведенный на ровном низменном берегу Селенги, красиво выделялся на фоне окрестных возвышенностей. Собор дал трещины и едва не обрушился во время страшного байкальского землетрясения в декабре 1861 года. Однако стоит до сих пор, несмотря на полное запустение и исчезновение всей деревянной застройки Старого Селенгинска.

К югу от собора, рядом с каменной часовней Св. Креста, сохранился небольшой памятник-обелиск на могиле воеводы В.В. Якобия. Варфоломей Валентинович Якобий был одним из энергичнейших администраторов в Забайкалье XVIII в. Назначенный в 1740 г. комендантом в Селенгинск, он почти тридцать лет выполнял фактически воеводские обязанности и управлял канцелярией пограничных дел. Часовня Св. Креста возведена в начале XIX в. и получила свое название от восьмиконечного деревянного креста высотой около двух метров, вырезанного из цельного куска соснового дерева. Крест и написанные, как полагают, Н.А. Бестужевым фигуры предстоящих, долгое время находились в этой заброшенной часовне, пока не

всех сферах общественной и хозяйственной жизни города. Сразу по приезде в Селенгинск братья Бестужевы организовали школу, в которой учились дети жителей городка и окрестных бурят. Сестры Бестужевы и Торсона учили девочек грамоте, рукоделью, вышиванию, брали их с собой при посещении больных и учили уходу за ними. При доме Бестужевых была создана мастерская, где принятые на обучение ученики овладевали слесарным, токарным, столярным и другими видами ремесла, учились грамоте. Особого внимания заслуживает изобретательская деятельность К.П. Торсона, который решил усовершенствовать молотильную машину, изобретенную шотландцем Димбалеем, громоздкую и неудобную. Но собранная им машина, значительно улучшенная и облегченная, просуществовала недолго — во время болезни Торсона малограмотные крестьяне сломали ее, а на восстановление уже не было ни средств, ни сил.

Широкое распространение в Забайкалье получило изобретение братьев Бестужевых — приспособленная к горным дорогам тележка-кабриолет, названная «сидейкой». А для полива огородов они соорудили огромное колесо с черпаками, которое под воздействием силы течения Селенги подавало воду.

Занятия сельским хозяйством и разведение тонкорунных овец оказались убыточными. Основной доход приносили занятия ремеслом и особенно живописные работы Н.А. Бестужева. Портреты и зарисовки, оставленные им, ярко иллюстрируют образы соратников, бытовые подробности жизни на каторге и поселении. Один из декабристов, Н.И. Лорер, писал: «Николай Бестужев был гениальным человеком, и, Боже мой, чего он не знал, к чему не был способен!.. Между нами появились мастеровые всякого рода: слесаря, башмачники, которых изделия по правде соперничали с петербургскими. Главою и двигателем всего этого был, бесспорно, Николай Бестужев. У него были золотые руки, и все, к чему он их ни прикладывал, ему удавалось».

Редкий месяц проходил, чтобы дом селенгинских декабристов не видел в своих стенах приезжих из Петербурга, Москвы, Кяхты и Иркутска. «Мы жили на дороге между Иркутском и Кяхтою, — писал Михаил Бестужев. — Верхи общества обоих городов считали каким-то священным долгом знакомиться с нами, да и все значительные лица обеих столиц, приезжавшие в Забайкалье, — тоже, так что буквально нам редко случалось проспать целую ночь в постели, чтобы ночью не разбудил нас почтовый колокольчик для приема знакомых и незнакомых».

Живя в Селенгинске, Михаил Бестужев вместе с братом Николаем близко сошелся с главой буддистов, Хамбо ламой Гусиноозерского дацана Еши Жамсуевым, и настолько увлекся буддизмом, что написал трактат, основанный на трудах других ученых и на собственных наблюдениях в дацанах. Этот трактат он передал своему другу, кяхтинскому купцу А.М. Лушникову. Тот завещал вскрыть сундук в 1951 году и так надежно спрятал его в Кяхте, что он до сих пор не найден. Но отголоски этого труда дошли в виде писем Михаила Бестужева сестрам. В 1842 году он писал о встрече буддийского Нового года — празднике Сагаалган-Сара, о поездке в Гусиноозерский дацан, «где присутствует Хамбо лама, т.е. их митрополит, который мой большой приятель». Н. Бестужев сделал специально для него огромное кресло, в котором гость сиживал, приезжая к Бестужевым в Селенгинск.

Вид на Старый Селенгинск с левого берега Селенги. *Конец XIX в.*

У Николая Бестужева были дочь и сын, рожденные от бурятки. Воспитание их отец поручил своему другу Дмитрию Дмитриевичу Старцеву. Детей Старцев усыновил и вырастил вместе со своими детьми. Когда Старцев отправил своих детей в столицу, приемный сын Алексей остался в Селенгинске и, достигнув юношеского возраста, стал его помощником в коммерческих делах. Дочь декабриста Екатерина вышла замуж за Найдана Гомбоева, младшего брата Хамбо ламы и друга Алексея Старцева, позднее уехала с мужем к месту службы в Пекин.

В ноябре 1851 г. в Селенгинске скончался К.П. Торсон. У него остались сын Петр и дочь Елизавета от гражданского брака с Прасковьей Кондратьевой, носившие фамилию матери.

В 1855 г. дружная «селенгинская община» лишилась своего главного участника. Николай Александрович Бестужев умер, сильно простудившись при переезде из Иркутска через Байкал, когда он, по доброте своей, уступил повозку одному из чиновников, ехавшему с маленькими детьми в Селенгинск, а сам поместился на козлах.

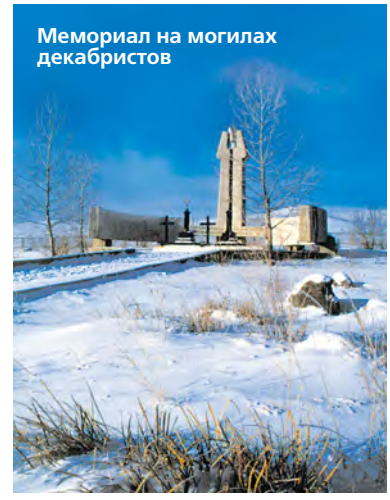
После смерти Николая I и последовавшей амнистии многие декабристы покинули Сибирь. Лишь единицы, и среди них М. Бестужев, остались на поселении. В 1857 году ему предоставилась возможность вспомнить свое морское прошлое. Михаил Бестужев возглавил флотилию из 40 барж и плотов для сплава по Амуру товаров для переселенцев. Путешествие оказалось сложным, мешали жара и мели. Значение первых амурских сплавов, один из которых провел Михаил Бестужев, огромно. Благодаря им, было выиграно сражение за Петропавловск-Камчатский, оставлена агрессия англичан на Сахалине, юге Приморья, откуда англичанам пришлось отступить. Обратно из Николаевска-на-Амуре Бестужев возвратился весной 1858 года и стал свидетелем заключения исторического Айгунского договора, по которому граница между Россией и Китаем пролегла по Амуру.

Михаил Бестужев пробыл на поселении в Селенгинске до смерти жены, и в июне 1867 г. выехал в Москву, где скончался 21 июня 1871 г.

Домов самих декабристов, находившихся чуть в стороне от Новоселенгинска, на берегу реки против Старого Селенгинска, не сохранилось. Поблизости от этого места над отмеченными крестами могилами К.П. Торсона и Н.А. Бестужева в «застойные брежневские времена» воздвигнут массивный бетонный мемориал, справедливо раскритикованный писателем Валентином Распутиным в своих произведениях.

были перевезены в музей Новоселенгинска. Недалеко от собора, на кладбище Старого Селенгинска, стояла также небольшая восьмиугольная часовня из толстых брусьев, срубленная в конце XVIII в. В настоящее время она перенесена в Бурятский этнографический музей на Верхней Березовке рядом с Улан-Удэ.

Судьба не была благосклонна к Селенгинску. Его значение быстро сошло на нет. Уже в 1822 г. он перестает быть уездным центром, становится «заштатным» городом. В 1829 г. в нем насчитывалось 1832 жителя и 261 деревянный жилой дом. Каждый год его разрушали гибельные наводнения, отсекавшие целые кварталы. Наиболее предприимчивые горожане уже в начале века стали переселяться на левый берег Селенги. Здесь, в районе пристани Новоселенгинска, сохранился гранитный обелиск, связанный с непродолжительной деятельностью английских миссионеров



Мемориал на могилах декабристов

Новоселенгинск. Дом купцов Старцевых. *Середина XIX в.*

Новоселенгинск
Вознесенский собор

в Забайкалье в 1820–1840 гг. На чугунной литой плите на латинском и русском языках написано: «Памяти Марты Кауи, верной супруги Роберта Юиля и верного соучастника Лондонского общества миссионеров, родившейся в Шотландии в городе Глазго, жившей в Сибири у города Селенгинска. В годе Господнем 1827. Память справедливая благословенна. Блаженны мертвые, умершие в Господе».

В 1840 году утверждается «План, проектированный для г. Селенгинска на новом месте в урочище Тоенском». Указ о переносе города запрещал не только строить новые дома на прежнем месте, но и чинить старые. Это тем более ускоряло процесс упадка поселения. К XIX в. в нем оставалось лишь около 200 жителей.

Застройка Селенгинска на новом возвышенном месте продвигалась плохо. Самым заметным здесь был и остается дом купца Д.Д. Старцева. Это деревянное двухэтажное здание с четырехколонными портиками, выходящими на фасады с фронтонами, производит в этих суровых местах необычное впечатление. Дом бревенчатый, с наружной обшивкой, искусно имитирующей каменный декор классицизма, он будто бы перенесен из барской подмосковной усадьбы. За колоннами прячутся приподнятые крыльца, а на уровне второго этажа — балконы, особо ценимая принадлежность дома в жаркие летние месяцы. Внутри свободная планировка, учитывающая особенности здешнего быта.

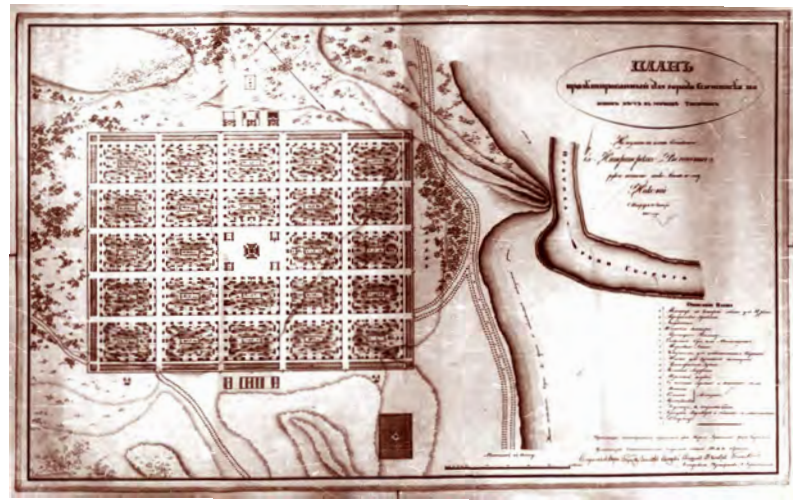
К сожалению, в Новоселенгинске сгорел недостроенный деревянный собор, в котором находился иконостас работы Н.А. Бестужева.

В 1888 г. взамен деревянного храма возведен Вознесенский собор — первое каменное здание на левом берегу Селенги. Архитектура собора не продолжала местных традиций, а явилась результатом повсеместного распространения русско-византийского стиля, в котором к тому времени уже были построены два каменных храма в Троицкосавске.

Новоселенгинск так и не достиг значения Старого Селенгинска. В 1891 г. здесь насчитывалось 224 здания, в том числе 194 жилых, и проживало 942 человека. К 1913 г. Новоселенгинск оставался, скорее, торговым селением, чем городом. В нем тогда проживало около 1500 жителей.

После революции Новоселенгинск стал центром района — Селенгинского аймака. В советское время здесь возведен ряд каменных культурно-бытовых зданий по типовым проектам, но облик Новоселенгинска и сегодня определяют частные деревянные дома. В 1975 г. в бывшем доме купцов Старцевых после реставрации открыт Мемориальный дом-музей декабристов.

Герб Селенгинска, данный городу в 1846 г.
«Щит разделен на две части, в верхней, меньшей, в серебряном поле Иркутский герб, а в нижней, пространной, в голубом поле на вершине зеленого холма возрождающийся феникс».



Проект Нового Селенгинска. *1830–1840 гг.*

Так выглядел Новоселенгинск в начале XX в. Примерно так и выглядит он спустя сто лет

Михаил и Виктор
ХАРИТОНОВЫ

Фотографии
из личных архивов
Э. Демина, М. и В. Харитоновых

Новоселенгинские МЕЦЕНАТЫ и просветители

Найдан Гомбоев и Алексей Старцев — зять и сын декабриста Николая Бестужева

П.И. Першин

В последнее десятилетие XIX века существовал кружок бурятской интеллигенции, сыгравший значительную роль в распространении знаний о Востоке, о бурятах и буддизме. Участники этого кружка в основном происходили из Селенгинска и с большим основанием могли считать себя последователями долго проживших в селенгинской ссылке декабристов братьев Бестужевых. Кружок этот составляли: купец Алексей Дмитриевич Старцев (Бадмажап Ирдыниев, 1841–1900), муж его сестры Екатерины — начальник русской почты в Пекине Николай (Найдан) Иванович Гомбоев (1833– 1905), его родной брат Хамбо лама Дампил Гомбоев (1831–1896), коммерсант и журналист Петр Иванович Першин (1835–1912), женатый на Анне Старцевой, и удунгинский казак Юмжап Лумбунович Лумбунов.

Хамбо лама Дампил Гомбоев, духовный глава бурят с 1876 по 1896 год

Все они, кроме Першина, родились в окрестностях Селенгинска и, за исключением Лумбунова, были родственниками.

Алексей Дмитриевич Старцев, став богатым предпринимателем, большую часть жизни провел в Китае и на Дальнем Востоке, но связи с Забайкальем не терял и при первой возможности оказывал помощь разнообразным культурным направлениям. Селенгинская городская библиотека, Троицкосавский детский приют, Иркутское общество вспомоществования учащимся, Вознесенский собор в Селенгинске, стипендии — это далеко не полный список тех, кому оказывал материальную помощь Старцев. Но не забывал он и своих соплеменников.

Фактически во всех его делах рядом с ним был и Найдан Гомбоев. Еще до отъезда за границу, в 1861 году он строил за свой счет православную часовню в Селендуме. Молодой Гомбоев принимал активное участие в качестве переводчика в экспедициях в Монголии и в Маньчжурии, предполагалось отправить его в Тибет от Географического общества. Многие годы, служа в Пекине, он постоянно оказывал помощь путешественникам — не важно был ли это Пржевальский или простой бурят-паломник. Одна страсть объединяла его со Старцевым — коллекционирование. Старцеву и Гомбоеву принадлежали великолепные коллекции предметов буддийского культа.

Нерчинский купец Петр Иванович Першин породнился с семьей Старцевых в 1860 году и с тех пор поддерживал самые тесные отношения с Алексеем Дмитриевичем и его семьей. Петр Иванович находился под большим влиянием декабристов и всегда принимал активное участие в общественной жизни Забайкалья. Он был первым городским головой Нерчинска, много и плодотворно писал в сибирских и дальневосточных газетах. Петр Иванович за свой счет выпускал брошюры по исследованию Сибири, был одним из создателей Общества попечительства о начальном образовании. Портрет Першина хранится в Иркутском художественном музее, и, взглянув на него, станет ясно, что и в его жилах текла бурятская кровь.

Дампил Гомбоев в 1838 году семи лет поступил в дацан хувараком (учеником), а в 1873 году стал ширетуем (настоятелем) Гусиноозерского дацана. В 1876 году он был избран Бандидо Хамбо ламой, духовным главой бурят. На этом поприще он сделал очень много и как религиозный деятель, и как просветитель своего народа. Культурный, образованный человек, он активно способствовал созданию буддийских и этнографических коллекций в музеях, финансировал издание литературы по истории и этнографии бурят.

Наконец, Юмжап Лумбунов, богатый удунгинский казак, фактический содержатель известного удунгинского торгового тракта, не ограничивал свои интересы коммерцией. В 1880 году открыл за свой счет школу «для своих окрестных сородичей». Получив, видимо, лишь начальное образование, он стремился к знаниям, особенно по истории своего народа. Он собирал археологический материал, рукописи, книги. Лумбуновым был составлен ряд сочинений, в том числе «Поколения селенгинских бурят», «Сведения о Баргузинских бурятах», «Краткая записка о происхождении русско-бурят, исповедующих буддийскую веру, обитающих в Забайкальской области», «Сведения о Селенгинском ведомстве». Лумбунов постоянно поддерживал и деньгами, и необходимыми сведениями издания, посвященные бурятам.

Особую роль в деятельности кружка сыграл Григорий Николаевич Потанин. Он управлял делами Восточно-Сибирского отдела Географического общества (ВСОРГО) и создал необходимые условия для изучения быта бурят, для издания работ, посвященных культуре и фольклору бурят. Сохранились письма к Потанину, относящиеся к концу 80-х годов XIX века, написанные членами просветительского кружка. Это был очень интересный период в деятельности ВСОРГО. Готовилась и с успехом прошла Буддийская выставка. Была издана целая серия книг о бурятах, проводились экспедиции по изучению их быта, вел активную научную деятельность М.Н. Хангалов и, наконец, вышел том избранных трудов бурятского просветителя Доржи Банзарова. И во всем этом принимали активное участие члены кружка.

14 октября 1888 года А.Д. Старцев пишет Потанину из Тянцзиня: «В газете «Восточное обозрение» за последнее время появились объявления о пожертвовании бурятами денег на составление фонда для изучения быта бурят. Цель моя о содержании отдела при «Восточном обозрении» для печатания статей о бурятах. Я сам, происходя из бурят, с удовольствием присоединяюсь к благой мысли бурята. При сем предлагаю открытое письмо на г. Пятидесятникова А.П. на 500 рублей кредитных, покорнейше

прошу Вас получить эти деньги и внести куда следует от имени «крещеного бурята» в фонды на изучение быта Забайкальских бурят, с обещанием, когда состоится экспедиция, еще внести 500 рублей».

П.И. Першин в письме из Тянцзиня от 10 ноября 1888 года сообщает Потанину: «Кстати сказать, что Алексей Дмитриевич может быть очень полезен для нашего Восточно-Сибирского отдела как по собиранию китайских древностей, так и по составлению коллекций естественно-исторических. Он для этого обладает и любознательностью и хорошими средствами. Не напишете ли от себя письмецо, изложив желаемое в краткой программе? Думаю, что войдя с Вами в переписку, он кое-что сделает. Часто приходится с ним беседовать о китайской археологии, истории и проч.».

Из письма Н.И. Гомбоева из Пекина от 23 декабря 1888 года: «Сообщите мне на случай для сведения, сколько будет стоить издание Хангаловских сказок, Ваше Арья-Бало и собрание статей г. Лесевича, каждая отдельно. Г. Лесевич пусть напишет мне, что нужно ему, я постараюсь достать, что возможно. Относительно предполагаемого Вами бурятского училища я писал Старцеву и спрашивал его, что он даст ли на это средства, так как у него было всегдашнее желание сделать что-нибудь хорошее для бурят <...>. Он пишет, что хотелось бы довести Ваши бурятские экспедиции до конца. Значит, он даст средства на издание собранных материалов экспедициями».

Из письма А.Д.Старцева из Тянцзиня от 14 января 1889 года: «Я с удовольствием принимаю Ваше предложение напечатать те книги и брошюру, о которых Вы пишете, и на этот предмет при сем прилагаю мое открытое письмо на 500 рублей <...>. Печатание брошюры покойного Банзарова, вероятно, примет на себя г. Гомбоев Н.И., он с ним был знаком».

Н.И. Гомбоев пишет Потанину из Пекина 23 февраля 1889 года: «Вы, кажется, писали П.И. Першину, что на издание о Банзарове дал денег Лумбунов, значит теперь у Вас есть порядочные деньги».

«Если бы осуществилась давно желаемое средне-учебное заведение при Хамбинской кумирне, было бы очень хорошо — средства на это можно найти, — пишет 5 апреля 1889 года из Тянцзиня А.Д. Старцев. — <...> После издания напечатанных Вами брошюр какие соберутся за них деньги представляю в полное Ваше усмотрение на все доброе дело, какое Вы найдете полезным <...> Не будете ли любезны справиться, есть ли на могиле покойного Банзарова памятник? Если нет, я пригласил бы нескольких моих сородичей сообща поставить памятник».

Из письма Ю.Л. Лумбунова, написанном в урочище Удунга 3 апреля 1889 года: «...И, как вижу, наши бурят-монголы Восточной Сибири, чрез ученое исследование, по инициативе Вашей, достигнут своих прав и не останутся в будущем угнетенными и негласными в бытовом и религиозном положениях своих и еще благодаря просвещенному воззрению ученых, приобретут потерянные свои исконные права, не клонящиеся ко вреду Государства и русской нации».

Эти строки из переписки с Потаниным, хранящейся в его фонде библиотеке Томского университета, позволяют нам увидеть живых, увлеченных людей.

Увы, многим мечтам не суждено было сбыться. Не успев завершить многое из запланированного, в 1896 году скончался Дампил Гомбоев. В 1900 году во время Боксерского восстания в Китае погибли великолепные коллекции и библиотека Н.И. Гомбоева и А.Д. Старцева. Алексей Дмитриевич, узнав об этом, скоропостижно скончался. Через несколько лет скончался Н.И. Гомбоев. Лишившись поддержки, окончательно перебрался на Дальний Восток П.И. Першин, где занимался журналистикой и мемуарами. В какой-то мере на спад пошла и деятельность Юмжапа Лумбунова, но он продолжал содержать школу, помогать музеям.

Многочисленные книги, изданные заботами и на средства членов кружка, великолепные коллекции предметов буддийского культа и бурятского быта оказались в иркутских музеях. Да и в хранящейся в Государственном Эрмитаже коллекции князя Э.Э. Ухтомского много предметов, полученных им от членов селенгинского кружка. Единственный в мире полный экземпляр «Ганджура» времени Лигдэн-Хана (1628–1629), был приобретен Петербургским университетом у Н.И. Гомбоева. Его же стараниями оказалась в Бурятии скульптура божества Зандан Жуу. И, разумеется, множество бурятских ребятишек смогли получить бесплатное образование в школе Лумбунова.

Большой вклад в изучении буддизма, культуры бурят и монголов внес сын П.И. Першина Дмитрий. Востоковедами стали Георгий и Василий Гомбоевы, жившие в Китае.

Много сделали члены кружка и для сближения России со странами Востока, Китаем, Тибетом, даже с Японией. Последнего из оставшихся в живых членов бурятского просветительского кружка старика Лумбунова арестовали в конце 20-х годов и с женой и увезли в неизвестном направлении...

Известный русский путешественник Г.Н. Потанин

ТРОИЦКОСАВСК — КЯХТА

«Песчаная Венеция»

«Лучшие годы моей жизни»
Из воспоминаний
Ю.Д. Талько-Грынцевича

Старейший в Забайкалье
Кяхтинский краеведческий
музей им. В.А. Обручева

Вихри революции
в Троицкосавске

Арестованное краеведение

Легендарную, затерянную в немыслимых студеных далях Сибири Кяхту, путешественники окрестили «Песчаной Венецией». Долгое время этот пограничный город являлся единственным звеном, связывающим Россию с Монголией и Китаем.

Прием чая в Гостином дворе в Кяхте

«Песчаная Венеция»

По материалам Л. Минерта и НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Республики Бурятия

Фото Б. Михайлова

Гостиные ряды в Троицкосавске

«Чайный путь» пролегал через Кяхту

Центральная часть бывшего Троицкосавска. *Современный вид*

На речке Кяхта 14 июня 1728 года в торжественной обстановке состоялся обмен подписанными экземплярами договора, определившего в дальнейшем целую эпоху в торговых сношениях России с Китаем. По названию речки он получил наименование Кяхтинского трактата. А на другой день — 15 июня 1728 года — Савва Владиславич-Рагузинский с такой же торжественностью в присутствии китайцев и всего русского посольства положил первый камень в основание торговой слободы Кяхты — форпоста заложеннной ранее на реке Кяхта Ново-Троицкой крепости.

Место основания слободы определилось третьей статьей заключенного трактата, касавшейся территории двух империй. В частности, было решено пространство земли между строением русского караула на реке Кяхте и насыпью на горе Орхойту разделить пополам и в середине поставить пограничный знак.

Троицкая крепость была еще далека до мало-мальского завершения. Но горячее желание Саввы Владиславича-Рагузинского поскорее вдохнуть жизнь в статьи трактата — наладить устойчивые торговые отношения — заставляло спешить с возведением не военных сооружений, а торговых.

Главным сооружением форпоста Троицкой крепости должен был стать Гостиный двор. Строительство форпоста Рагузинским было возложено на капитана Княгинкина. В качестве рабочей силы остались 350 солдат Якутского полка, а из Удинска присланы им в помощь 30 казаков. Предполагалось Кяхтинский форпост построить в одно лето, а в крайнем случае — зимою.

В 1728 г. Княгинкин окончил постройку форпоста. Он представлял собой в плане неправильный четерехугольник, окруженный палисадом с башнями по углам. Первоначально выстроили 32 избы для купцов, в середине — Гостиный двор с 24 лавками и амбарами для склада товаров. Позднее в углу крепости поднялась деревянная церковь, появились срубы, в которых разместились: таможня, конюшня, «двор священников». Вдоль стены палисада разместились дом офицеров и солдатские казармы. «Казарма для содержания колодников» помещалась внутри южной «палисадной башни». Для сбора

Граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (около 1670–1738) — чрезвычайный посол Российской империи в Китае, основатель Троицкосавска и торговой слободы Кяхта

Торговая слобода Кяхта. *Конец 1890-х годов*

пошлин был назначен надзиратель с помощниками. За постой в форпосте с русских купцов брали по 30 копеек в месяц с человека. Деньги записывались самим Княгинкиным в особую книгу.

1728 г. форпост принял первые четыре юрты китайцев, что положило начало официальному открытию русско-китайской меновой торговли. В 1729 г. полковник Бухгольц доложил в Петербург, в коллегию иностранных дел, что «торг с китайцами на Кяхте, в Троицкой слободе уже открыт».

Уже вскоре стал ощущаться недостаток в торговых и складских помещениях. Селенгинский житель Парфен Семенов, наблюдавший ход торга, в своем письме от 30 июня 1731 г. доносил Генеральному пограничному правлению, что «Кяхтинский гостиный двор для поклажи товаров построен зело мал: сего ради российское купечество принуждено товары свои содержать по десяти человек и более в одной лавке с великим утеснением, а некоторые содержат и в казармах при себе». Оживление в торговую деятельность Кяхты с конца 1730-х гг. внесли и операции с ревенем, получившие значительный размах. С 1741 г. новый торговый путь в Китай — кяхтинский — окончательно получил перевес над прежним нерчинским. Здесь теперь останавливались казенные торговые караваны. С 1740 г. в форпосте действовала таможня во главе с комиссаром из иркутских дворян, «да при нем из иркутского купечества бурмистр один, да ларежной один же».

В далеком Петербурге проявляли большую заинтересованность в «распространении купечества» на Кяхте. Указом Сената 1743 г. предлагалось поселять на Кяхте людей, отводить им «на строение дворов, заводов и огородов, так и на скотский выпуск... потребное число земли за городом близ Кяхтинского форпоста и селиться особливою слободой». В новой слободе разрешалось селиться людям, «не положенным в подушный оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты». Переселенцы освобождались от уплаты податей и рекрутского набора в течение нескольких лет. Определение места поселения и наблюдение за новым строительством слободы возлагалось на бригадира Якобия.

Вскоре разрешили селиться на Кяхте купцам и крестьянам губерний Московской, Казанской, Архангелогородской и сибирских городов. При Кяхтинском форпосте на первый случай было поселено до ста семей. И слобода стала быстро застраиваться.. Особо приветствовалось поселение мастеровых людей, с зачислением их в цеха.

Настоящая торговля в Кяхте началась после отмены в 1755 г. государственных торговых караванов. Теперь все зависело от инициативы и предприимчивости частных лиц. По-видимому, именно в ту пору и происходит замена первого тесного Гостиного двора на более обширный. Восточнее Гостиного двора была возведена деревянная церковь Воскресения, а рядом комендантский дом с подворьем. Любопытно, что некоторые здания в старой крепости сменили свое прежнее военное назначение на торговое. Например: «офицерские покои, в которых коммерческая экспедиция», «бывшие солдатские казармы, а ныне во оных купеческие товары», «конюшня, ныне тож купеческие товары». В «крепости» приоритет предоставлялся коммерции.

Панорама Троицкосавска. Слева — Покровская церковь (не сохранилась). *Конец 1890-х гг.*

Вдоль одной стены палисада разместились однотипные солдатские казармы и большой казенный дом для офицеров, а вдоль других стен место захватили подворья купцов. Вокруг всей территории слободы был возведен забор-заплот, примыкающий на востоке к углу форпоста, на западе — к государственной границе. Забор шел, плавно виляя, вдоль китайской границы. На северной оконечности в нем были сделаны ворота, которые ночью охранялись нарядом солдат.

В 70-е гг. XVIII в. огороженное палисадом пространство форпоста превышало в четыре раза площадь Троицкой крепости, расположенной в трех верстах по Селенгинской дороге. Количество «обывательских» строений в Кяхтинской слободе было в два раза больше, чем при крепости.

В 1774 году в Кяхте насчитывалось 488 человек купцов, «да цеховых разного рода мастерства 908 человек». В связи с этим в Кяхте был открыт магистрат. В начале 1790-х годов в Кяхтинском форпосте было 124 усадьбы, из которых только 31 усадьба принадлежала купцам. Владельцами других являлись: офицеры, чиновники, священнослужители — 10, цеховые — 29, посадские — 30, казаки и отставные солдаты — 24.

В 1799 году «разного звания люди», проживавшие в Кяхте, но не участвовавшие в оптовом торге, были выселены в Троицкую крепость, чтобы устранить затруднения, которые они причиняли торговле. Крепость была преобразована в город Троицкосавск, названный так в честь Святой Троицы и заслуг Саввы Владиславича-Рагузинского. Таким образом, большая часть населения Кяхты была перемещена в Троицкосавск, а первая стала действительно чисто купеческой слободой.

Существенным недостатком местоположения и крепости, и слободы являлась необеспеченность водой. Это отметил первым российский академик Г.Ф. Миллер, побывавший в этих местах с научными целями. «Обстоятельство, являющееся крупнейшим недостатком этих слобод состоит в том, — писал он, — что они расположены на таком малом ручье, который несет едва столько воды, чтобы обеспечить их весной, но не летом, а тем более зимой, когда все ручьи этой местности вымерзают до дна». «Это является здесь самой большой заботой летом, ибо зимой обходятся снегом, — отмечает Миллер. — Пытались исправить этот недостаток у русской слободы вскоре после ее постройки сооружением там плотины, а также и у Троицкой крепости. Но плотина вскоре получила повреждение, которое с тех пор не было исправлено». И в крепости, и в слободе копали колодцы, но в них вода часто была горькой или пахла известью.

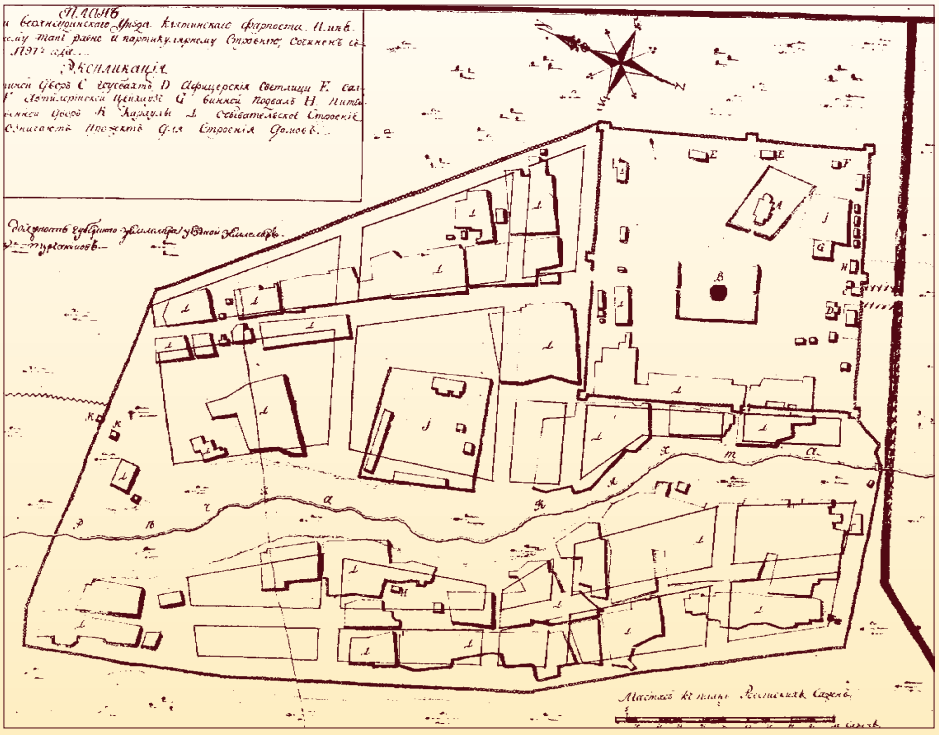
Вода в Кяхте была действительно проблемой и в XVIII, и в XIX веках. О ней позже писали российские академики Гмелин и Паллас, а впоследствии непременно каждый бывший в Кяхте или написавший о ней несколько строк. И не случайно за этим бурно развивавшимся и приобретавшим архитектурную выразительность городом впоследствии закрепилось прозвание «Песчаная Вениция».

Конечно же, у всех бывавших в Кяхте не мог не возникнуть вопрос: почему именно эта действительно безводная и песчаная долина была выбрана для русско-китайского торга, а не

место у пересечения границы реками Чикоем или Селенгой? Иногда считалось возможным возложить вину на основателя Кяхты графа Савву Владиславича-Рагузинского. Между тем вся деятельность этого выдающегося дипломата свидетельствует, что здесь не может быть речи о непродуманности и поспешности. Рагузинский не мог не знать о Чикое и Селенге, о многоводности и рыбных богатствах этих рек, о плодородии и красоте их поймы, об удобствах зимнего санного пути по рекам. Он знал цену таким вещам, так как был не изнеженным царедворцем, а человеком, прошедшим суровую школу жизни.

Существует предание, утверждающее, что место для русско-китайской торговли выбрано Рагузинским по соображениям безопасности. Он боялся коварства и злобы китайцев, которые могли при остром конфликте отравить воду в реке, и искал такую реку, текущую не из Китая, а в Китай, вернее, в Монголию. Такой рекой была только Кяхта.

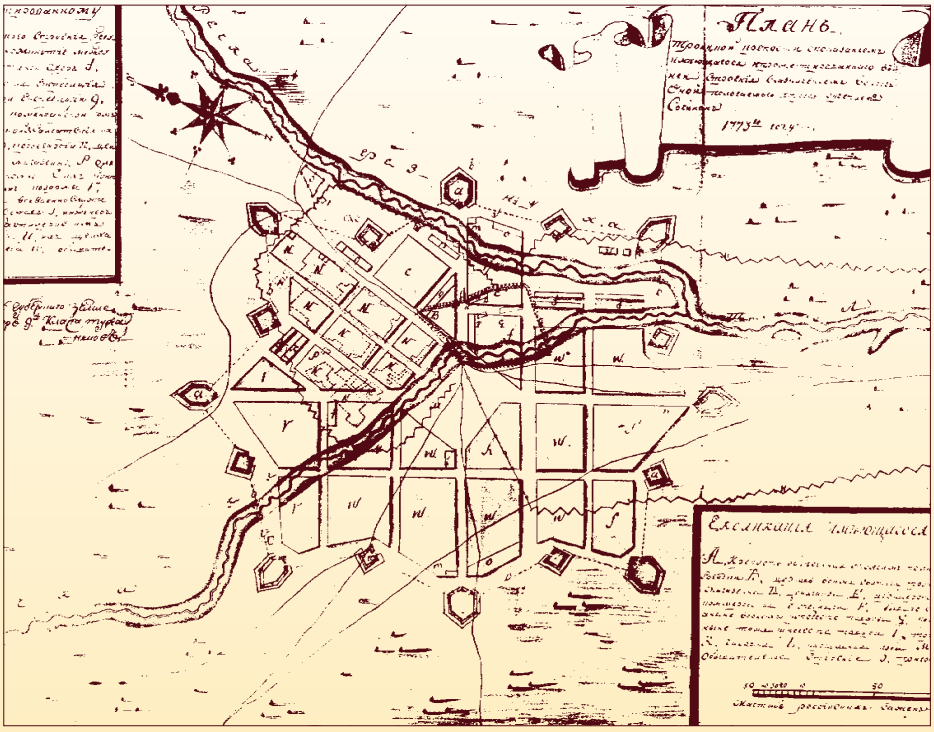
В развитии русско-китайской торговли, действительно, не раз наступали времена разрыва отношений и состояние напряженности. Помимо ряда кратковременных прекращений торговли, она прерывалась в 1762 г. на шесть, а в 1785 г. — на семь лет. Перерывы в торговле не приносили пользы никому: купцы обоих государств терпели крупные убытки от внезапного прекращения сбыта товаров, а казна теряла свои доходы в таможенных сборах. В 1756 г. в связи с борьбой циньской империи с восставшими ойратами и бегством их руководителя Амурсана в Россию, на границе возникло напряженное положение. Для охраны Кяхты из Селенгинска были высланы три пушки, не-



План Кяхтинского форпоста. *1797 г.*

«План Кяхтинского форпоста» и «План Иркутской губернии Троицкой крепосцы с показанием имеющагося и прожэктированного в ней строения, с означением вокруг оной полагаемого впредь укрепления 1797 года» были включены в альбом «Планов городов Российской империи, собранных по высочайшему повелению в 1798 году». Они представляют собой совмещенное изображение существовавшего и проектируемого расположения застройки.
План Кяхтинского форпоста мало отличается от описанного выше чертежа. При разбивке улиц здесь меньше стремились проводить их по существующему положению и более «правильно» для глаз начальства. В результате этот план не получил осуществления. План Троиц-

Герб Кяхтинского градоначальства, 1861 г.
«В лазоревом щите оторванная голова дракона, с червленными глазами и языком и сопровождаемая четырьмя золотыми гонтами».



План Свято-Троицкой крепости (Троицкосавска). *1797 г.*

кой крепости 1797 г. является вовсе превращением на бумаге реального поселения в идеальную композицию маленькой крепости. Она имеет вид почти правильной восьмиугольной звезды с редутами и редантами в углах и палисадом между ними. Эти фортификационные сооружения, требовавшие больших земляных и прочих работ, никогда и не пытались выполнить. Схема планировки, по которой значительную часть застройки следовало сломать, также не учитывала реальной жизни и осталась на бумаге. Проектировалось возведение в крепости: Гостиного двора, пакгаузов, здания коммерческой экспедиции и «дом командиру той экспедиции», комендантский дом, купеческие казармы, офицерские покои, солдатские казармы и т.п. сооружения торгового и воинского характера.

Герб Троицкосавска, 1846 г. «Щит разделен на две части, в верхней, меньшей, в серебряном поле — Иркутский герб, а в нижней пространной, — в голубом поле рог изобилия, из коего сыплются золотые монеты, по сторонам оного, в песчаном грунте, слева — казак, а справа — бурят, оба верхом на конях».

сколько солдат и казаков. Все жители слободы, способные носить оружие, были вооружены, в рядах защитников оказалось 138 человек. Китайцам это было известно, как и могущество Российской империи вообще. А верность монголов Халхи была сомнительной, что обнаружилось во время борьбы маньчжурских императоров с ойратами.

Китайские власти не решались доводить дело до открытых столкновений. И конечно, русско-китайская торговля была выгодна обеим сторонам. Поэтому крепостные сооружения приходили в ветхость, а торговля возобновлялась и расширялась. Не пушками удивляли, а часами с музыкальным заводом, которые висели в Кяхте при въезде в крепость.

В 1792 г. представители китайской и русской сторон в Кяхте подписали новое соглашение о торговле и порядках на границе, оказавшееся более прочным, чем все предыдущие. Утвержденные в 1800 году новый тариф и правила для кяхтинской торговли открыли новый этап ее развития. Наступало время бурного расцвета русско-китайской торговли.

Уже в начале XIX в. Троицкосавск со слободой Кяхта превращается в первый по величине город Забайкалья.

В 1829 г. в Троицкосавске находилось 542 дома и 4054 жителя, а в Кяхте 82 дома и 326 жителей. В связи с этим возвышением Троицкосавска возникла потребность в строительстве соборной церкви. Деревянная Троицкая церковь, заложенная еще Рагузинским, к этому времени совсем обветшала, да и была слишком мала. Взамен ее, вблизи старой крепости, на возвышенном месте закладывается каменный собор Св. Троицы. Часто датой его сооружения называется 1817 год. Но сын известного скульптора

Свято-Троицкий собор Троицкосавска — памятник архитектуры федерального значения. При общей традиционности архитектурных форм в духе русского классицизма имеет существенные черты оригинальности, связанные с усложнением объема средней части здания, а также с трактовкой декоративных элементов. Помимо дополнительных помещений у основания колокольни, средняя часть здания, обычно игравшая роль трапезной, превращена здесь в зимнюю двухпрестольную церковь и над ней, во втором этаже, устроена еще одна зимняя церковь. Главный храм был холодным. Он представляет собой четверик, в третьем ярусе переходящий в восьмерик. Последний был перекрыт деревянным полусферическим куполом (в 1962 г. он уничтожен пожаром).

Фасады двух нижних этажей обработаны пилястрами в углах и в простенках. Парные дорические колонны укрепляют углы восьмерика храма. Парные колонны коринфского ордера размещены в двух верхних ярусах колокольни. Внушительным является противопоставление громадного полусферического купола, накрывающего храм и шпилеобразного завершения колокольни. Купол завершался громадным шаром на тонкой подставке и крестом над ним. Эта форма дала повод для легенд о том, что шар является глобусом, долженствовавшем свидетельствовать о всемирном значении кяхтинской торговли. Такая символика, конечно, не могла иметь место в православном храме. Это всего лишь измененная, в соответствии с новыми для того времени архитектурными вкусами, традиционная форма завершения церковных глав.

Главным украшением интерьеров Троицкого собора являлись иконостасы, киоты и другие предметы церковного оборудования, на которые купечество имело обыкновение щедро жертвовать. Известно, что среди предметов культа собора имелись весьма ценные вещи. Например, икона Богоматери Споручницы с золотой ризой весом свыше 23 фунтов и бриллиантами.

Свято-Троицкий храм был закрыт в 1930-х гг. Внутреннее убранство утрачено. В здании размещался кинотеатр. После пожара 1962 г. находится в аварийном состоянии. Требуется большой объем средств на восстановление памятника.

А. Мартос, посетивший город в 1823 г., видел собор «еще не совсем оконченным». Новые каменные полы и новые иконостасы храма в теплой части выполняли еще в 1846 г.

«Укрепления столь давно не существуют, что нет никаких признаков прежних валов или рвов», — сообщает в своем описании А. Мартос. Вероятно, он просто не заметил остатков крепости. В. Паршин, бывший здесь в 1830-х гг., еще застал ее в последней стадии. «Троице-Савск называется крепостью, но напрасно стали бы вы искать в нем крепости: крепостью называют широкий таможенный двор, где свидетельствуют товары. Двор этот окружают старой, ветхой и низкой заплот инде печально склонившийся долу… На дворе пакгаузы, а в мрачном строении к улице таможенная канцелярия и сборный дом таможенной стражи. Тут таможенный караул и при нем утром и вечером старый инвалид бьет без милосердия зорю. Мне объяснили, что двор таможни носит имя крепости потому, что в нем прежде были две деревянные башни, которых и следы уже исчезли».

Троицкосавск. Троицкий собор. *Фотография Н.А. Чарушина.* *Конец 1880 — начало 1890-х гг.*

После строительства в северной части города новых каменных таможенных зданий свидетельство товаров перевели туда. Рядом со старой крепостью еще ранее обосновался городской рынок с деревянным Гостиным двором.

Почти в эти же годы возник вопрос о строительстве каменного Гостиного двора в Троицкосавске. Там с начала XIX в. существовал деревянный, «построенный в виде П», вмещавший «лавок больших 30 и малых». Впервые вопрос о строительстве каменного Гостиного двора возник в 1825 г. Его необходимость обосновывалась так: «Для безопасности занимающим оной торговлей, а не менее и для виду заграничным в благовидности и устройстве города». Но дело начало двигаться только после истребления деревянного Гостиного двора и всего, что еще могло остаться от бывших сооружений Ново-Троицкой крепости, пожаром 1845 года. Основной объем работ по возведению каменного Гостиного двора на месте крепости был осуществлен за три лета под руководством архитектора Пауера, подрядчиком Унжаковым, а 10 февраля 1853 г. здание принято комиссией. Здание представляет прямоугольный корпус с галереями вдоль длинных сторон. Поэтому его правильнее следует именовать «Гостиными рядами».

В 1820-х гг. в городе существовали еще две деревянные церкви: Никольская в северной части и Успенская на кладбище. Последняя в 1836 г. была заменена на новую, тоже деревянную. Она представляла исключительно красивое сооружение в формах московского ампира. Выразительность здания усиливало смелое применение цвета: белые архитектурные детали на темно-красном фоне стен.

В 1884–1888 гг. рядом с деревянной Успенской церковью на средства богатого купца Я.А. Не-

Троицкосавск. Гостиные ряды
Конец 1890 — начало 1900-х гг.

Троицкосавские Гостиные ряды состоят из одиннадцати арочных секций. На фасадах все они однообразны, хотя первоначально в средней был сквозной проезд. Остальные десять секций одинаковы: просторные помещения с выходом на обе галереи, двухъярусные. Одиннадцатипролетная аркада главного фасада ограничена с обеих сторон глухими торцовыми стенами. Впоследствии за Гостиными рядами вокруг большого двора были построены в разное время несколько торговых корпусов, предназначенные главным образом для торговли съестными припасами. Они имеют примерно одинаковую высоту и характер архитектуры. Корпуса разделены проездами. Весь комплекс составлял торговый центр Троицкосавска. В настоящее время ряды реставрируются.

Центральная часть Троицкосавска с видом на собор и Гостиные ряды
Конец 1890 — начало 1900-х гг.

Воскресенская церковь (1830–1838) является выдающимся памятником архитектуры русского классицизма XIX века, воздвигнутым на восточной окраине Российского государства. В 1848 г. утвержден разработанный иркутским архитектором Разгильдеевым проект роскошного иконостаса, впоследствии осуществленный. Бронзовый золоченый иконостас представлял двухярусную ордерную, богато орнаментированную композицию. Стволы 20 больших колонн первого яруса и 6 малых второго — были выполнены из шлифованного хрусталя. Между колоннами в арочных нишах располагались иконы. Царские врата иконостаса представляли ажурную орнаментальную решетку из серебра. Вес серебра составлял свыше семи пудов. «Богатыми» были серебряные престол и жертвенник, другие элементы оборудования и предметы культа. Храм неоднократно подвергался опустошению в годы гражданской войны. Закрыт в 1930-х гг. Интерьеры утрачены. В настоящее время не используется. Ограда не сохранилась.

мчинова была возведена новая каменная Успенская церковь в русско-византийском стиле. Ранее 1867 г. в том же русско-византийском стиле с шатрами и подобием кокошников у основания в северной части города была возведена каменная Покровская церковь..

Успенская каменная и Успенская деревянная (*не сохранилась*) **церкви**

Вслед за собором в Троицкосавске новую каменную церковь, взамен старой деревянной, начали строить и в купеческой слободе Кяхта. Храм разместили на территории бывшего форпоста рядом с покосившейся деревянной церковью.

Проект церкви для Кяхтинской слободы был разработан в Иркутске архитектором Григорием Герасимовым и согласован во всех инстанциях еще в 1825 г. Огромных размеров храм должен был стать символом процветания

кяхтинской торговли. Чтобы собрать необходимые средства, потребовалось немало времени.

Новая великолепная церковь во имя Воскресения Господня с приделами во имя Казанской Божией Матери и Святителя и Чудотворца Николая была заложена 1 июня 1830 г. На ее сооружение, украшение и содержание делались большие пожертвования. Строительство в основном было закончено в 1838 г. Первоначальная стоимость сооружения определялась в 600 тысяч рублей, но затраты значительно превысили эту сумму. Купечество добилось своей тщеславной цели. Путешественники того времени называли храм не имеющим себе равных во всей Сибири.

Одновременно с возведением в Кяхте грандиозной Воскресенской церкви вновь встал вопрос о строительстве каменного Гостиного двора. В 1828 г. по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири, Комитет министров рассмотрел вопрос о строительстве таможенных зданий в Троицкосавске и Гостиного двора в Кяхте. Было решено к постройке таможенных зданий приступить немедленно, за счет казны, а постройку Гостиного двора отложить. Таможенные здания были вскоре возведены на северной окраине города. Комплекс состоял из здания таможни, огромных (по тем временам) каменных пакгаузов и деревянных красивых домов для таможенных чиновников. В 1834 г. в Петербурге повторно рассмотрели планы и сметы Гостиного двора и приняли положительное решение. Место для стро-

ительства Гостиного двора было выбрано восточнее территории бывшего форпоста. Руководил

Гостиный двор в слободе Кяхта представляет в плане два огромных корпуса, выстроенных в форме замкнутых прямоугольников, один внутри другого вокруг внутреннего двора. Наружное здание состоит из однотипных секций за исключением угловых частей и проездов ворот. В здании насчитывалось 72 помещения.
Внутренний корпус, выстроенный несколько позже, имеет весьма утилитарную архитектурную трактовку. Он представляет легкое, приземистое строение — фактически четыре отдельных здания, так как корпус разрезан проездами. Глухие стены корпусов с каждого фасада прорезаны лишь громадными арками ворот, живописно обрамленными массивными, упрощенной архитектуры портиками. Над западными воротами возвышается башенка со шпилем общей высотой 35 метров, благодаря чему здание получило архитектурную значимость, скрадывавшую его производственно-утилитарное назначение. Таким образом, на далекой восточной окраине Российского государства в первой половине XIX века было воздвигнуто громадное производственное здание оригинальной архитектуры. После размещения в нем с 1953 г. Кяхтинской прядильно-трикотажной фабрики архитектура здания, особенно со двора, сильно изменилась.

Здания таможни («Белые казармы»). *Начало 1900-х гг.*

строительством инженер-полковник А.А. Медведев. Работы были закончены в 1842 г. В 1865 г. Кяхта передала Гостиный двор в ведение кяхтинского купечества, сохраняя права собственности. В 1900 г. половина здания и двора отошли таможне, переведенной сюда из Троицкосавска.

Кяхтинский Гостиный двор предназначался для крупномасштабных оптовых торгово-производственных и складских операций, и поэтому его архитектурная структура, конечно, отличается от того, что обычно понимается под подобным названием. Торговые сделки и связанные с этим операции осуществлялись ограниченным числом лиц. Главная функция кяхтинского Гостиного двора — служить местом временного хранения товаров, и в первую очередь чая, до и после совершения торговых сделок, подготовка товаров к новой дальней транспортировке. Но несмотря на грандиозность постройки, она в период высшего расцвета кяхтинской торговли все же являлась недостаточной.

В Кяхтинской слободе осталось считанное число старых домов XIX века. Выделяется в центре обширный деревянный дом градоначальника и поодаль каменные палаты купца А.М. Лушникова. Если первый дом связан с историей становления и развития российских торговых отношений с зарубежьем, историей административного управления важной государственной отраслью, то второй — с многообраз-

Описывая становление Троицкосавска и Кяхты, нельзя не сказать о третьем участнике кяхтинской торговли — китайской торговой слободе Маймачене (Маймачен, а правильнее Наймайтчин, состоит из трех китайских слов: най — продавать, май — покупать, тчин — место, следовательно, место купли-продажи, торговое место). Так обычно назывались торговые городки в населенных пунктах Монголии, например, в Урге. Китайская слобода была основана вскоре после сооружения Кяхтинского форпоста китайцами, переселенцами из Урги. К 1770 г. в поселке было уже до 200 дворов и около 400 человек жителей. В дальнейшем в период расцвета торговли его население увеличилось до 4 тысяч человек.

Маймачен представлял в плане слегка скошенный четырехугольник. С севера на юг его прорезали три продольных улицы. Каждая из них начиналась и заканчивалась воротами. Поперечная улица соответственно выходила на западную и восточную сторону. Вокруг города шла невысокая стена из частокола, а также небольшой вал, возведенный в 1756 г. для защиты от восставших монголов, которые тогда обещали, как писал Паллас, «огнем и мечом» уничтожить «сие пограничное местечко». Над воротами возвышались маленькие башенки для караула, охранявшего город только ночью. Из трех ворот по северной стороне Маймачена, так называемые низкие (западные) — через арку в стене, сооруженной на границе с русской стороны, — соединялись с южным въездом в форпост.

Маймачен был построен по типу других подобных торговых китайских городков в Монголии. Дома были не более четырех аршин высотою, покрытые плоско, вымазанные серой глиной. На узкие улицы, как правило, выходили лишь ворота усадеб. Последние украшались резьбой и красились в яркие цвета. Вход в жилище осуществлялся со двора. Все помещения жилого дома выходили на веранду. Дворы были небольшими и часто выстланы деревом. Лавки устраивались отдельно от жилых покоев. Больших построек в городе не было. Выделялись лишь кумирни. Одна из них была посвящена богу неба, другая — богу войны. Кумирни были украшены большими статуями, резьбой и ярко раскрашены. Население города состояло, главным образом, из купцов и наемных рабочих — выходцев из провинции Шаньси. Ремесленников было немного. Гражданское управление Маймачена находилось в руках китайского чиновника, так называемого дзаргучея.

Китайский Маймачен исчез навсегда. Он полностью выгорел во время гражданской войны и с тех пор больше не восстанавливался
Фотографии конца XIX — начала XX в.

Слобода Кяхта
Дом градоначальника

ной меценатской и просветительской деятельностью владельца, у которого останавливались здесь декабристы Бестужевы и фактически все знаменитые российские исследователи Центральной Азии — Пржевальский, Потанины, Козлов и др. Дом Лушниковых, к сожалению, давно пустует и требует срочных ремонтных работ, средств на которые все время не достает.

Впрочем, тревогу вызывает сохранность старинных жилых домов и бывшего Троицкосавска. А они заслуживают, особенно деревянные, заботливого отношения, так как образуют уникальную живую среду исторического города на самой что ни на есть российской окраине. По своей историко-архитектурной значимости для азиатской половины страны, Троицкосавск — Кяхта сопоставим, пожалуй, с Суздалем или Торжком для половины европейской. Но в отличие от них Троицкосавску — Кяхте — нашей «Песчаной Венеции» — было отпущено гораздо меньше времени. По сути, все, чем может сегодня похвалиться этот город,

Слобода Кяхта. Дом купца-мецената А.М. Лушникова

было создано менее чем за полвека — благодаря бурному, но непродолжительному торговому счастью и феноменальному всплеску местного образования и культуры.

В первой половине XIX века предпринимались довольно решительные меры для облагораживания внешнего облика городов. После долгой доработки в Иркутске в 1855 г. на утверждение был представлен новый план Троицкосавска и спустя четыре года высочайше утвержден. Однако к этому моменту Троицкосавск достиг, как и кяхтинская торговля, вершины своего развития, и план в основном послужил для упорядочения «частной строительной инициативы». Строить жилые дома предлагалось по «образцовым фасадам». Даже небольшие изменения в старых зданиях не могли производиться без разрешения полицейских властей.

Строгая регламентация, несмотря на ее тяжесть для населения, сыграла определенную положительную роль. Под ее влиянием элементы стиля классицизма укоренились в народной архитектуре сибирских городов, в том числе и в Троицкосавске — Кяхте.

В первой половине XIX в. жилые дома Троицкосавска — Кяхты строились исключительно из дерева. Это, по-видимому, объясняется как материальными условиями, так и убеждением, что каменные дома сохраняют сырость и потому вредны для здоровья. Архитектура сохранившихся де-

Фото Б. Михайлова

ревянных жилых домов этого времени отличается скромностью. Ее достоинства определяются хорошо найденными пропорциями фасадов и их частей, тщательностью проработки главного карниза, наличников, окон и входов.

Характерным элементом архитектуры жилых домов именно Троицкосавска — Кяхты уже с самого начала XIX века являлись открытые, с крышей на колонках, террасы — балконы. «Многие дома здесь снабжены в уровне крыши балконами, на которых наслаждаются вечерней прохладой», — писал А. Эрман, посетивший Троицкосавск в 1829 году. При описании слободы Кяхты он также подчеркивает, что «дома богатых купцов имеют лестницы и высокие террасы и частично также покраску и архитектурные украшения».

Путешественники первой половины XIX века отмечали красоту застройки Троицкосавска и слободы Кяхты. «Строения здесь лучше губернского города Красноярска», — констатировал в 1823 г. А. Мартос. О «довольно приятной архитектуре» деревянных домов на Большой улице Троицкосавска и очень красивых домах Кяхты писал бывавший здесь в 1830-х годах В. Паршин. Но каменные жилые дома появились здесь сравнительно поздно. Построенные в 1840-х, 1850-х гг. каменные дома, в целом сохранили линию развития предыдущей деревянной архитектуры. В плане воспроизводились традицион-

ные схемы. Фасады скромны, но выполнены с соблюдением всех требований архитектуры классицизма. Профили и детали, обычно, тонко, со вкусом прорисованы. При этом сохранились местные особенности архитектуры: терраса-балкон в уровне второго этажа, крыльца по образцу деревянных, выполненные в камне.

Со второй половины XIX в. дома, построенные в традициях классицизма, уже казались излишне скромными. Состоятельные горожане пытаются перещеголять друг друга богатством отделки своих домов. Продолжает увеличиваться дистанция между жильем различных категорий населения.

В 1901 г. — году полного упадка кяхтинской торговли — в Троицкосавске было: 26 каменных и 1065 деревянных жилых домов, в Кяхте соответственно 9 и 44 домов. За период с 1902 по 1911 г. в Троицкосавске построено 51, в Кяхте — 3 дома. Число жителей составляло в 1901 году в Троицкосавске — 4561 чел., в Кяхте — 174 чел., к 1991 году соответственно: 5289 и 142 человека. Эти цифры являются свидетельством к вопросу: чем была кяхтинская торговля для Троицкосавска — Кяхты.

На ее последнем этапе купцы еще удосужились построить городу два крупных здания для учебных заведений. Утверждают, что это была заслуга не их, а деятельного градоначальника А.Н. Деспот-Зеновича.

В 1876 г. было открыто Реальное училище, а в 1895 г. было решено выстроить здание для четырехклассного городского училища, где в настоящее время размещается замечательный Кяхтинский музей им. В.А. Обручева.

Тем не менее с XX веком пришел полный упадок кяхтинской торговли. Ушла прежняя экономическая основа существования и развития города.

Проект здания Реального училища был заказан областному архитектору Е. Штерн-Гряздовскому. Возникшие затруднения с размещением здания окончательно были разрешены в 1877 г., когда для этого было определено место на Большой улице — «отчего город приобрел лучший вид». В связи с этим проект был переработан в сторону сокращения. Но и выстроенное здание на общем фоне города выделялось своей солидной массой.

Проект Городского училища был составлен преподавателем Реального училища Н. Кожевниковым и утвержден в 1896 г. С трудом собирались деньги, но в сентябре 1899 г. здание было закончено. Композиция плана симметрична относительно центральной оси, на которой размещается вестибюль, лестница и рекреационный зал на втором этаже. Архитектура фасада выполнена по традиционным схемам. Центральная часть выделена четырьмя пилястрами с капителями коринфского ордера. Архитектурные детали фасада грубовато-наивны по трактовке. Здание представляет интерес как образец запоздалого провинциального классицизма.

ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ
Ю.Д. ТАЛЬКО-ГРЫНЦЕВИЧА

«ЛУЧШИЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Комментарий
Любови МОРДВИНОЙ

Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич прожил в Троицкосавске-Кяхте 16 лет — с 1892 по 1908 год. Этот период он подробно описал в изданной в Варшаве на польском языке книге «О прожитых днях (1850–1908)». Интересующая нас глава представлена в переводе А. Петручика.

Троицкосавск лежит в низине — «долине» на границе с Монголией. Вокруг безлесные горы, почва песчаная. С интересом осматриваем город, в котором должны прожить несколько лет. Глухо здесь и безлюдно, это характерная черта российских сибирских городов, но относительно чисто и опрятно. На большой широкой улице, протянувшейся через весь город аж до Кяхты, стоит несколько больших каменных домов, в том числе и здание реальной гимназии. Зелени мало, только городской сад, посаженный несколько лет назад, немного деревьев и кустов перед некоторыми домами. Все растет только благодаря искусственному орошению. Кроме рынка, называемого базаром, в котором находились несколько магазинов и каменных домов, остальные строения города в основном деревянные и с тремя окнами.

Остановились в лучшем постоялом дворе в городе. Приятно удивились, что его владельцем был, как его сибиряки называли, пан Гленбоцкий. Он был ссыльным с 1863 года. Оказал мне сердечное гостеприимство, дал нам хорошую комнату, и мы прожили у него пару недель, пока не нашли себе квартиру, что было нелегко...

Найти квартиру в Троицкосавске было чрезвычайно трудно. Это можно было сделать случайно, после выезда какого-нибудь служащего, или после обанкротившегося купца. Никто не строил домов на найм, а только для себя. Нанимали обычно не то, что хотели, а что получалось. Сначала мы сняли три маленькие комнаты с кухней за 15 рублей в месяц. Через квартал переехали в квартиру в 1-этажном доме, низком и темном за 20 рублей в месяц.

Хозяевами были обанкротившиеся купцы, которые впоследствии пьянства дошли до нужды. Жили они со стороны двора и иногда таскали от нас дрова и не раз добирались до кладовки. Только через 4 года предоставился случай, что соседка наша, вдова купца, некогда зажиточного, переселилась вниз, а верхний этаж, состоящий из 6 неплохо меблированных комнат, с большими красивыми горшками цветов сдала нам. Дом был деревянный, зимой очень теплый, с прекрасными печами. Имел он только один недостаток — кухня и кладовки находились далеко во дворе. Эта квартира стоила 25, а позже 30 рублей в месяц. Жили мы в этом доме 12 лет, сохраняя добрые отношения с домохозяйкой до самого отъезда из Троицкосавска...

Часть купечества жила в Троицкосавске, но основная часть в Кяхте. В начале XVIII в. на границе с Китаем была основана крепость, названная Троицкосавском от церкви Святой Троицы, соединенной с именем ее основателя, российского посла Саввы Владиславовича, который прибыл сюда для подписания торгового контракта с Китаем. Только потом был построен поселок Кяхта, и заселили его отставными солдатами, дав им земли и поощряя

их к постройке домов и торговле с китайцами. Но это была временная торговля, часто прерываемая нападениями и грабежами. Благодаря, однако, энергии тогдашнего пограничного комиссара, нашегоземляка Александра Деспота-Зеновича в 1860 г. был организован первый караван, который под охраной казаков вышел из Кяхты в Китай и после распродажи товаров вернулся с чаем.

С этого времени началась регулярная обменная торговля и через несколько лет оборот достиг 50 миллионов рублей, а экспортный — 4 миллионов. Эта торговля продолжалась около 40 лет, пока значительную часть чая не стали вывозить морем в Одессу и только четвертую часть — сухопутной дорогой через Кяхту. Построенная в 1902 г. Транссибирская магистраль, направила эту торговлю на другие пути и постепенно старый южный тракт, через Кяхту, начал зарастать травой, служа только местным потребностям. Последний упадок торговли через Кяхту наступил в 1905 г. после русско-японской войны, которая спровоцировала ликвидацию большинства фирм и перенесение их в Москву.

Врач и археолог по призванию

Перед нами воспоминания о Кяхте человека, жизнь и деятельность которого не осталась бесследной для Кяхты. Кяхта — удивительный маленький город, стоящий на самой окраине России — в начале XX века был оазисом научной и культурной мысли. Здесь останавливались путешественники, формируя экспедиции, отправляясь в монгольские степи, сюда они возвращались и считали своим долгом выступить перед своими соотечественниками с первыми впечатлениями о своих поездках и открытиях.

Поэтому не случайно в далекой Кяхте, точнее, расположенном в трех верстах от нее и в считавшемся уездным городе Троицкосавске, было создано в июле 1894 года отделение Русского Географического общества и возник музей, где были собраны и хранятся до сих пор уникальные коллекции.

Правителем дел Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского Географического общества долгое время был Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич. Поляк по происхождению и врач по образованию, Юлиан Доминикович приехал с желанием поправить материальное положение и занял в Кяхте должность уездного врача. Помимо врачебной практики он серьезно увлекся краеведческими изысканиями и в течение 16-летнего пребывания в Забайкалье пристально занимался антропологией, археологией, этнографией, астрономией, географией, ботаникой.

Занимаясь наукой на общественных началах по зову души своей, такие люди, как Талько-Грынцевич, на личные средства снаряжали экспедиции, издавали статьи, проводили наблюдения и опыты, изучая историю, зоологию, медицину, гидрологию, сейсмику, этнографию... Находки обрабатывались, тщательно изучались, реставрировались и оставались в экспозициях созданного музея. Отделение поддерживало связь со многими научными организациями, благодаря чему Кяхту узнали во многих уголках мира. И не только узнали, но присылали свои научные разработки, делились коллекциями, публиковали статьи кяхтинских ученых в своих изданиях.

На заседаниях читались доклады и лекции, обсуждались итоги экспедиций и командировок, научные статьи и публикации, подготовленные кяхтинскими исследователями и учеными из разных стран, давались метеосводки и

В Троицкосавске проживало около 8,5 тысячи жителей, а Кяхта при наибольшем развитии торговли насчитывала около тысячи. Посередине проходила широкая мощеная улица, засаженная деревьями, для поливания которых брали воду из источников. По обе стороны стояло несколько десятков каменных и деревянных домов с хозяйственными постройками купцов. В конце поселка находился большой склад чая (чайный двор), в котором расфасовывали листовой чай (байховый) и укладывали в цибики (кирпичный), потребление которого очень распространилось среди крестьян Сибири и Восточной России. Здесь находилась таможня, в которой размещались товары, провозимые как в Китай, так и в Россию.

Кяхта была в своем роде как бы одним купеческим поселком. У нее была своя власть, которая избирала членов, проводила заседания и распоряжалась общественными фондами. Состояла она из нескольких фирм и купеческих семей. В каждой фирме было несколько рабочих и много слуг, количество которых иногда превосходило количество членов семьи. В каждом доме был эконом, хозяйка и их помощницы, несколько дворецких, повара,

Дом в Троицкосавске, где жил Ю.Д. Талько-Грынцевич — врач и ученый, бессменный правитель дел Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского Географического общества

◀ *На фотографиях начала 1890-х гг.:*
Свято-Никольский собор
Улица Большая в Троицкосавске

наблюдения за движением населения, высотой стояния почвенной воды в Троицкосавске, сообщались интересные факты из истории России, Монголии и многое другое. Существенно пополнились новыми книгами библиотека и уникальными коллекциями музей, при сиротском воспитательном ремесленном училище работала метеорологическая станция.

О деятельности Отделения в первый период его существования правитель дел дал отчет в 1897 году в «Кратком обзоре»: «Этот период был как бы опытом в жизни общества: в нем мы испробовали наши силы, научились, как работать и как бороться с житейскими невзгодами. Как ни скромны были наши начинания и их результаты, но мне кажется, что не будет самообольщением, если скажем, что сообразно с условиями наше существование не прошло бесследно».

Ю.Д.Талько-Грынцевич избирался на пост правителя дел отделения Общества три раза. Но научные работы по антропологии и археологии оставались главным делом его жизни. Как медик, он прекрасно разбирался в антропологических находках. Им было раскопано до 500 могил, открыты уникальные памятники в Ильмовой пади и Суджах. Для того времени он достаточно грамотно проводил свои исследования, фиксировал весь материал, составлял полные отчеты о проведенных исследованиях, материал группировал по комплексам, подготовил карту археологических памятников юга Бурятии. До сих пор его полевые отчеты представляют большую ценность для археологов.

Изучая антропологию восточных народов — бурят, тунгусов, китайцев, монголов, он публиковал свои заметки и труды, которые также имеют научное значение и сегодня. Он стремился дать своему материалу всестороннее освещение и историческую интерпретацию, видел в нем ключ к разрешению вопроса об этническом составе древнего населения Забайкалья и его исторических судьбах.

Уезжая из Кяхты в 1908 году, на последнем собрании Талько-Грынцевич обратился со словами благодарности и признательности к своим коллегам: «Целый ряд проведенных здесь лет относится к лучшим годам моей жизни и останутся в ней неизгладимыми. Здесь, на далекой границе Монголии, был возведен не военный форпост, окруженный каменными стенами и пушками, а скромный форпост знания, который я приравнял... к очагу, зажженному первыми христианами, искавшими правды, любви и добра... И лишь подобными начинаниями, а не физической силой, могут отстаивать и в будущем свою культуру цивилизованные народы».

По возвращении в Польшу Юлиан Доминикович не прерывал связи с Кяхтой, высылал свои работы в дар музею, писал письма, записывал воспоминания.

кучеры, конюхи, сторожа и т.д. Жизнь, одним словом, была на манер азиатской. Рабочие на чайных складах делились на категории, специальность одних — было рассыпание чая, другие зашивали «цибики» в шкуры и полотно. Простой рабочий зарабатывал иногда больше, чем заурядный царский чиновник. Расфасовкой чая занимались около 500 рабочих, которые жили с семьями в Троицкосавске и ежедневно приходили на работу в Кяхту.

Самой большой купеческой фирмой в Кяхте была фирма Немчинова. Ее основателем был Немчинов, родом из Нарыма на Оби. Молодым юношей он приехал в Кяхту и служил у богатого купца, чистил обувь и набивал трубки, но, пройдя разные ступени служащим, экономом, торговым агентом, вскоре собственной рукой начал производить торговые операции и стал купцом. Вдобавок, благодаря счастливому стечению обстоятельств, прииски в Бодайбо на Лене стали засыпать его золотом, делая самым богатым человеком не только в Кяхте, но и во всей Сибири. Ежегодно он тратил более полмиллиона рублей, главным образом, на содержание слуг и коней. Объедались у него, выпивали множество вин и шампанского, значительная часть которых «тонула» среди экономов и слуг. Немчинов содержал около 75 слуг и более 100 лошадей для своих потребностей. Впрочем, самый скромный кяхтинский купец содержал 10 слуг и 15 лошадей.

«Набоб» кяхтинский — Яков Иванович Немчинов был человеком старым, согнутым тяжелой формой радикулита, с неподвижной, опущенной вниз головой, скрюченными руками. Обычно его возили в коляске, как о нем зло выражались — был он «святыми мощами». Шесть слуг, называемых няньками, обслуживало его и возило под надзором домашнего врача — сибиряка, некоего Поротова, который ухаживал за больным и получал за это 18 тысяч рублей ежегодно. Поротов имел возможность собрать на этой наполовину лакейской работе, не всегда согласующейся с призванием врача службе, значительное состояние.

Семья кяхтинского исправника
Фотография конца 1880 – начала 1890-х гг.

Немчинов имел несколько дочерей, которых выдал замуж за своих так называемых «конторщиков», давая им хорошее приданое. Однако все зятья вскоре обанкротились, несмотря на помощь Немчинова.

У меня было письмо к старому Немчинову от Зеновича, о чем я и сообщил его сыновьям. В назначенный день, когда их отец чувствовал себя лучше, я поехал в Кяхту. Сын проводил меня на аудиенцию к «папаше», сидящему в коляске в саду. Около Немчинова стояло двое слуг. У больного голова была опущена вниз, глаза затуманены, глядел исподлобья, лицо бледное, как будто бумажное, пальцы скрюченные. Производил впечатление трупа.

Сын подошел к нему и громко сказал, что у меня просьба от Александра Ивановича — кланяться ему и узнать о его здоровье. На это старик сказал что-то непонятное, как бы поблагодарил, и я должен был ему что-нибудь ответить и, поклонившись издалека, хотел было уйти, но меня оставили отобедать. На обеде я познакомился с его женой, о которой знал, что она говорит по-польски, но позже, когда я приезжал к ней как врач, никогда не обращалась ко мне на этом языке.

Немчинов сообщил мне, что хочет помочь бедным людям города, разрешая мне, если я на это соглашусь, записывать на его счет бесплатные лекарства, а также давать небольшие денежные помощи, для меня же предназначается 3 тысячи рублей ежегодно, как гонорар. Хоть я никогда не отказывал в бесплатной помощи нуждающимся больным, меня обрадовала новость, что буду располагать определенной суммой для благотворительных целей.

Через несколько дней эконом Немчинова вручил мне 700 рублей. Я старался, сколько это было возможно, оправдывать возложенное на меня доверие, к тому же эта сумма была довольно значительная при относительной дешевизне лекарств, бесплатно же я выписы-

Женская гимназия, открытая при активном участии А.М. Лушникова.
Конец 1880 — начало 1890-х гг.

А.М. Лушников, кяхтинский купец первой гильдии, известный общественный деятель Забайкалья

вал лекарства только по-настоящему больным людям. Хватило мне этой суммы на пару лет. Я составил точный реестр использованных денег и каждые полгода отправлял счет великодушному пожертвователю вместе со словами благодарности. Когда же я рассказал некоторым сибирякам о моих счетах с Немчиновым, они удивлялись моей наивности, что не брал гонорар с денег, данных на лекарства. Когда я истратил все деньги, то спросил, что мне делать дальше, попросил заплатить за счет. Получил через аптекаря устный ответ, что Немчинов просит и впредь записывать лекарства на его счет...

Наиболее культурный дом в Кяхте был дом Лушниковых. Старый Лушников был родом из Селенгинска, писать и читать научился у декабристов, братьев Бестужевых, чем был очень доволен и свято чтил их память. Благодаря декабристам он чувствовал некоторую симпатию к сосланным полякам, среди которых у него было очень много знакомых.

Под влиянием своих первых учителей приобрел вкус к чтению и к знаниям, а заработав себе состояние, привез много книг и газет, и был щедрым меценатом просвещения. Способствовал открытию в Троицкосавске реальной школы, женской гимназии, народных школ, сиротского дома, читальни и библиотеки, насчитывающей в то время 20 000 томов. Поддерживал издательство недавно открытого отдела Географического общества, давал средства на пополнение его музея и т.д.

В своих взглядах был отзывчивым и снисходительным, с чувством юмора, осмеивал темноту и отсталость купцов, их плутовство. В доме Лушниковых находили гостеприимство политические сосланные, разные путешественники и ученые, приезжие...

Несколько десятков метров на юг от Кяхты проходила китайская граница, собственно Монголии. На каменистой и пустынной степи, за высокой глиняной стеной вознеслись постройки Маймачена (китайского поселка), одноэтажные, сделанные из глины, с маленькими двориками и воротами, со стеклами из тонкой бумаги с разными китайскими рисунками. На взгляд, Маймачен с высокими крышами с резными грифами и разноцветными рисованными драконами составлял совершенный контраст с Троицкосавском и Кяхтой. Согласно обычаю, в Маймачене могло быть только мужское население, численность которого доходила до 2,5 тысячи. Женщины, как известно, никогда не переступали за Великую китайскую стену, а присутствие мужчин считалось только временным, потому что каждый был обязан вернуться на родину. Это отрицательно сказывалось на заселении на чужих территориях китайцев, которые, задыхаясь на собственных, не могли заселить новых земель.

Их первое культурное влияние в этих местах датируется временем очень отдаленным, когда южную границу Сибири занимали племена турецкой крови. Следы этого можно найти

в изделиях, монетах, в сельскохозяйственных орудиях и других предметах, встречаемых среди людей или в могилах. В позднейших могилах находятся «чохи» (китайские монеты) достаточно давнего возраста. Это культурное влияние должно было прекратиться в XIII в. после нашествия диких монгольских орд.

Во время моего пребывания в Забайкалье я мог наблюдать, как с каждым годом увеличивается поток эмиграции китайцев в Восточную Сибирь. Когда мы приехали в Троицкосавск, они приходили только ненадолго в город с товарами, не поселяясь там на постоянно. Не было их в это время и в пограничных деревнях Сибири.

Но спустя несколько лет в Троицкосавске было уже несколько китайских магазинчиков, в которых для отвода глаз находились некоторые товары, а главными предметами тайной торговли был опиум для курения: ханьчин, китайская самодельная водка, перегнанная с травами, содержащая много ядовитых масел, действующих фатально на нервную систему. Население было особенно жадно к этому напитку, который составлял серьезную конкуренцию русской водке. Стоил он очень дешево и от нескольких рюмок можно было напиться до потери чувств. Я наблюдал много случаев отравления, производящих впечатление смерти, когда обпившиеся люди лежали несколько дней без признаков жизни. Такие лавочники скупали золото и краденые вещи так же, как у нас евреи. Я несколько раз выдвигал в сибирской прессе вопрос о вредоносности китайских магазинчиков, писал также об этом во врачебных докладах, к сожалению, без результата.

Магазинчиков становилось все больше, в каждом проживал китаец, преимущественно с русской наложницей и с потомством. Хотя Богдыхан своим приказом поощрял подданных к переселению вместе с семьей за Великую стену, трудно было сломать традиционные предубеждения и было мало охотников. Первыми пионерами новых стремлений были две женщины, которые приехали со своими мужьями — служащими китайского телеграфа. Это были хрупкие, слабые, по виду, как дети с искусственно деформированными ногами — мои пациентки. Одна вскоре умерла от туберкулеза.

В будущем, несомненно, сама жизнь сметет все предрассудки, и китайская колонизация зальет Монголию, Забайкалье и даже Сибирь, земли как бы созданные для этой экспансии. Китайцы стремятся к этому тремя путями: через Маньчжурию, которую они уже заселили, через заселение Монголии, что происходит постепенно, но неустанно, и, наконец, через третий древний колонизационный путь. Значительный прирост китайского населения в Сибири может стать грозным предостережением для Европы, перед приближающимся «желтым вопросом».

Маймачен был заселен китайцами, преимущественно представителями разных торговых фирм из южных провинций. Большинство приехавших оставалось здесь на всю жизнь, каждые три года отправляясь в годовой отпуск. Каждый обладал двумя семьями: одна — в Китае, другая — на чужбине. В зависимости от того, какой народности были наложницы, на этом языке китаец и объяснялся со своей другой семьей. Жены и дети китайцев

Улица в Маймачене. *Фотография Г.Н. Петрова Конец 1890 — начало 1900-х гг.*

проживали в прилегающем к Маймачену Кяхтинском поселке. В Урге, столице Монголии, где китайцев было больше, их семьи жили в отдельной части города...

В первых годах нашего пребывания в Троицкосавске одним из самых дорогих среди привозных продуктов был сахар, который стоил от 25 до 30 копеек за фунт, тогда как в России от 13 до 15 копеек. Такая высокая цена была из-за транспортных расходов. Российские купцы совместно с китайцами добились от Министерства финансов привилегий, чтобы с сахара, который вывозили в Китай, была снята значительная часть пошлины. Таким образом, за сахар, который легально вывозили из России, в Кяхтинской таможне получали обратно заплаченную пошлину, а, проехав несколько верст, этот сахар опять возвращали в город через пограничные горы и продавали его по ценам, более низким, чем в России.

Жизнь в Троицкосавске была очень дешева, хотя жители и жаловались, что цены на все поднимаются. О жилье, которого катастрофически не хватало, я уже вспоминал. Так как лес в окрестностях Троицкосавска был вырублен, дрова покупали за границей, в Монголии. За лес плата не взималась, даже за самый хороший, сосновый или березовый, так как его считали общим богатством, а платили только за вырубку и за привоз, иногда с расстояния верст 60 и больше. В первых годах квадратная сажень стоила 2 рубля, затем цена поднялась до 4–6 рублей.

На истребление леса не только в Забайкалье, но и в Северной Монголии влияла не только вырубка и безответственное хозяйствование, но и постоянные лесные пожары, виновниками которых были приезжающие люди, охотники. Весной и летом во время засухи и больших ветров начинались ежегодные пожары, лес горел до тех пор, пока не сгорала значительная площадь или не начинался дождь. Воздух летом был пропитан дымом, а в некоторые очень сухие и жаркие лета даже днем были сумерки и солнечные лучи светили через дымку.

Дрова заготавливались заранее, чтобы они успели высохнуть за лето. Таким же образом заготавливали и другие хозяйственные продукты, например, масло в июне или июле, платя сначала по 8, а потом по 14 рублей за пуд. Наибольшей популярностью пользовалось масло из Боргойских степей, которое покупалось у бурят, много хуже и дешевле было монгольское масло. Зимой его продавали в бычьих пузырях, а летом в деревянной посуде.

Внешне масло напоминало жидкий мед. Вкус и запах был неприятный, дымный. Масло и жир заготавливали после наступления морозов осенью. Покупали целого быка или барана по цене от 3 до 5 копеек за фунт, кроме этого, замороженную дичь: куропатки по 10 копеек, рябчики за 2 копейки за пару, тетерева или глухаря по 75 копеек за штуку. Покупали также замороженную рыбу, замороженное молоко стоило 5 копеек за тарелку, 60 яиц — рубль, фунт солонины — 20 копеек. Дороже были привозные товары: сахар, изюм, миндаль, керосин. Овощей мы вообще никаких не ели, зато в изобилии было ягод, но плохих разновидностей, которых в Европе едят мало: брусника, калина, черника, кислица (разновидность дикой смородины), костяника, морошка, ежевика, облепиха (напоминает запахом ананас), очень ароматная и, наконец, рябина и черемуха, которую употребляли повсеместно, а смолотая, вместе о косточками, была лакомством в виде пирога для бедных и богатых. Я часто видел случаи отравления содержащейся в косточках синильной кислотой. Некоторые товары, такие, как изюм, рис, мороженые яблоки и виноград доставляли китайцы. Из-за дешевизны жизни даже люди, которые имели большую семью, могли ее легко прокормить. Дороже была одежда: обувь, рукавицы, полотно...

Многолетнее пребывание в Сибири пошло на пользу как с научной точки зрения, так как я узнал большие области страны и людей, так и с практической, жизненной. Работу свою я делил на служебные обязанности, которые были тягостными, врачебную практику и собирание антропологического материала и его обработку. Занимался я также новооткрывшимся отделом Географического общества. В течение 16 лет я проводил каждый месяц собрания исполнительного комитета, научные заседания членов, принимал участие в организации научно-естественных экскурсий. В моем ведении также находилось издательство трудов отдела и рассылание их по разным научным институтам в стране и за границей. Если к этому добавить, что я заведовал музеем и библиотекой, которыми занимался хранитель-библиотекарь, что я вел обширную переписку с учеными и властями, писал протоколы заседаний и годовые отчеты о деятельности отдела, а для получения средств для него устраивал ежегодно несколько концертов и лекций, то понятно, что все время у меня было занято, тем более что я всегда старался выполнять обязанности добросовестно.

Мои служебные занятия основывались преимущественно на судебно-медицинских заключениях и участием в разных семинарских комиссиях, а в основном должен был делать вскрытие умерших в городе и округе, что принуждало к поездкам 8–10 раз в год, и раз в год участвовал в призывной комиссии. Из-за огромного пространства каждая поездка продолжалась около двух недель, так как Троицкосавский округ, позднее переименованный в уезд, располагался узкой полосой на пограничье с Монголией, имея 35–45 верст в ширину и 800 верст в длину. Численность населения не достигала и 80 тысяч. Иногда я должен был ездить в отдаленные деревни за 400 верст, в то время как место моего постоянного пребывания находилось в середине округа.

Н.А. Чарушин и И.И. Попов, ссыльные народовольцы, инициаторы создания кяхтинского музея

Положение Кяхты на границе не двух, а нескольких культур — европейской, русской, китайской, монгольской — делало этот поселок богачей единственным не только в России, вероятно, и во всем мире культурным уголком, брошенным почти на границу пустыни Гоби.

И.И. Попов

Старейший в Забайкалье

По материалам Кяхтинского краеведческого музея

Фото С. Конечных

Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева

Старинные шкафы–витрины со временем сами стали музейными экспонатами

В 1880 г. был осужден и выслан в Сибирь народоволец И.И. Попов. Оказавшись в Кяхте, он быстро перезнакомился и сошелся со многими жителями Троицкосавска и Кяхты. Через год на поселение в Троицкосавск прибыла семья народовольца Чарушина. Найдя друг в друге единомышленников, объединив вокруг себя местную интеллигенцию и заручившись поддержкой купечества, они занялись созданием общедоступной общественной библиотеки. Когда эта задача была выполнена, энтузиасты принялись за создание музея.

Начало его организации относится к октябрю 1890 г., когда состоялось первое собрание «господ-учредителей», избравшее Временный комитет «для заведования текущими делами, приведением в порядок поступающих коллекций и поиском средств к содержанию музея». К этому времени уже были собраны образцы флоры и фауны, полезных ископаемых, материалы по истории и географии. Фонды будущего музея составляли 310 экспонатов. В состав инициативной группы, кроме Попова и Чарушиных, входили представители местной интеллигенции Н.Г. Сарычев, Н.П. Левин, супруги В.С. и М.И. Моллесон, П.С. Михно и др.

Стараниями одного из членов Комитета, кяхтинского купца И.Д. Синицына, была нанята квартира за 250 рублей в год с отоплением, две комнаты из которой отводились под музей, одна — под жилье временного хранителя П.С. Михно. Была заказана мебель — витрины, шкафы и прочая «обстановка». В декабре 1890 г. Временный комитет обратился в Троицкосавскую городскую думу с докладной запиской, в которой содержалось предложение передать учреждающийся музей в собственность города. Приблизительная сумма на его содержание была определена в 1600 руб. Дума «выразила свое сочувствие учреждению в Троицкосавске музея» и даже дала согласие выделять по 200 руб. ежегодно, но не утвердила Устав и «нашла преждевременным» принятие музея в свое ведение.

Какое-то время музей продолжал существовать и даже пополнять свои коллекции. К 5 марта

Орнитологическая коллекция

1891 г. по систематическому каталогу числилось 1725 предметов. У него были шкафы, витрины, столы, были закуплены свечи, спирт, глицерин, нафталин. Но Устав по-прежнему не был утвержден, а значит, музей не являлся официальным учреждением.

Просьбы, направленные в адрес военного губернатора Забайкальской области, оставались без ответа. Сославшись на отсутствие времени, ответил отказом на просьбу о помощи известный археолог и антрополог Н.М. Ядринцев. Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества (г. Иркутск) предложил свое содействие в открытии отделения в Троицкосавске и музея, но «содержание музея должно было производиться из местных средств» и в случае недостатка денег «коллекции и имущество музея» переводились в Иркутск, что, конечно же, не могло устраивать кяхтинцев.

Через некоторое время И.И. Попов уехал в Европу, Чарушины перебрались в Вятку, остальные учредители охладели к идее создания музея.

И лишь приехавшему в 1892 г. на должность окружного врача поляку Юлиану Доминиковичу Талько-Грынцевичу при поддержке известных русских путешественников и исследователей Г.Н. Потанина и Д.А. Клеменца удалось довести начатое дело до конца. 30 января 1894 г. была получена телеграмма от окружного военно-медицинского инспектора Приамурского военного округа В.Н. Радакова, предлагавшего, «если желание устроить музей и отдел общества в Троицкосавске не заглохло», телеграфировать «звания и фамилии учредителей». 12 апреля состоялось обсуждение телеграммы, где было признано «желательным открытие музея и отделения Географического общества».

13 июля 1894 г. состоялось торжественное заседание, где с большой речью выступил Ю.Д. Талько-Грынцевич: «Наконец мы дожили до сегодняшнего торжества — открытия Троицкосавского музея и общества. То, к чему стремились здесь с такими трудами несколько лет, то, что было мечтою многих из вас, с сегодняшним днем приобретает прочную основу своего существования». 1 января 1895 г. музей был открыт для посетителей.

Первоначально коллекции находились в квартире хранителя, затем в доме Зырянова по ул.Большой (*ныне ул. Ленина, 21*) в Троицкосавске. После того как купец А.Д. Старцев передал в дар музею свой каменный дом в слободе Кяхте, музей переселился в слободу.

Первый хранитель музея В.С. Моллесон, будучи любителем-орнитологом, охотником и препаратором-художником, пополнял **орнитологическую коллекцию** музея чучелами местных и перелетных птиц. Ботанические коллекции пополнялись сборами супругов В.С. и М.И. Моллесон, П.С. Михно и др. По заключениям ученых-орнитологов, собрание чучел, тушек птиц Кяхтинского музея для своего региона уникально и разнообразно. Оно включает представителей 42 семейств и 202 видов птиц.

Палеонтологическая коллекция пополнялась за счет пожертвований и покупок. Здесь имеются останки представителей четвертичной фауны: мамонта, шерстистого носорога, гигантского оленя, ископаемых зубра, яка, быка, диких лошадей, куланов и другие редкости. Палеонтологическое собрание включает в себя и материалы более ранних геологических эпох: кяхтинской винторогой антилопы, страуса, трогонтериевого слона и др. Изучение палеонтологических материалов позволяет составлять палеозоологические карты и вести другие исследования.

Коллекция млекопитающих включает чучела, тушки, шкурки, скелеты, рога 79 видов животных из 24 семейств и 9 отрядов, характеризующих животный мир различных природных зон — степей, лесостепей, тайги, областей высотной поясности Забайкалья, Прибайкалья и Монголии.

Коллекция биологических аномалий

Намсарай. Вайшравана.
XIX в. Монголия. Бронза, литье

Бэгцэ. Жамсаран. *XIX в. Монголия*
Бронза, литье

Ботанические коллекции содержат большое количество образцов флоры, представленных как отдельными образцами, так и коллекциями-гербариями.

В музее был создан также **отдел археологии**. Этим он обязан А.П. Мостицу и П.С. Михно, доставившим коллекцию каменного века, а также трудам Ю.Д. Талько-Грынцевича и Я.С. Смолева, производившим раскопки местных курганов. Археологическое собрание музея в целом отражает все периоды древней истории региона от палеолита до средневековья. Оно включает около 15 000 единиц хранения из древних могильников, поселений, на-

Цзонхава. *XVIII в. Монголия*
Бронза, литье

Сугати. *XIX в. Монголия*
Бронза, литье

скальных изображений. Представительны коллекции по бронзовому и раннему железному веку, средневековью. Но самый большой интерес для специалистов и любителей древности могут вызвать археологические коллекции эпохи хунну (гунны, сюнну). Их поистине можно считать уникальными не только в России, но и в мире. Украшения, оружие, остатки керамических сосудов и другие находки позволяют ближе познакомиться с культурой и бытом хунну. Из самых последних пополнений этого рода — коллекция археологических находок могильника Дырестуйский култук, включающая серию бронзовых поясных пластин (художественная бронза), некоторые из них со следами позолоты.

Следующей по достоинству была **коллекция этнографическая**. Она содержала предметы материальной и духовной культуры народов Забайкалья и Монголии — бурят, монголов, семейских, эвенков — одежду, обувь, посуду, мебель, предметы религии и культа, прикладного искусства, орудия труда, охотничье снаряжение и т.д. Среди них имеются и высокохудожественные изделия, представляющие большую художественную ценность. Этнографические материалы относятся к периоду XVII–XX вв.

Интересна **коллекция предметов декоративно-прикладного искусства России, Китая, Японии**. Входящие в ее состав изделия отличаются высоким уровнем исполнительского мастерства и датируются временем до конца XVII в. Они выполнены из самых разнообразных материалов, среди которых дерево, лак, металлы, керамика, камень, стекло, ткани. Использовалась техника резьбы, литья, перегородчатой эмали, вышивки. Некоторые предметы, датируемые кон. XVII — нач. XVIII вв., поистине являются произведениями искусства. Примечательна чашечка-плевательница

Археологическая коллекция. Бронзовая позолоченная пряжка хунну
Находка Ю.Д. Талько-Грынцевича на Дырестуйском могильнике в 1900 г.

Коллекция декоративно-прикладного искусства

с фигурным выступающим бортом, выполненная в технике перегородчатой эмали (к сожалению, утрачена крышечка от нее). Орнаментом служит узор в виде змеевидных драконов, попарно обращенных к стилизованному иероглифу «шоу», означающему долголетие. Или ваза из дерева (возможно, из целого куска корня). Китайских мастеров, как правило, отличает очень бережное отношение к природному материалу — так и здесь: ваза, по сути, созданная природой, руками человека лишь была завершена. Совершенные пропорции и форма традиционны для периода Цяньлун (1736– 1796). Вокруг горла вазы обвился дракон, играющий жемчужиной, из его носа «извергается» дыхание в виде гриба лин-чжи — орнамента, также характерного для XVIII в. Весьма прихотлива и «повозка» для благовоний из лака, украшенная вазой с букетом из различных материалов и служившая ароматницей. Ее могли использовать как в храме на алтаре — курильницы на колесах были подвижны, — так и в светских помещениях в особых случаях, например, во время свадьбы. Резьба на «повозке» выполнена в традиционной манере. Сочетание в одном предмете столь разнообразных материалов — лака, металла, камня, ткани и даже ваты говорят о высоком мастерстве ее автора. В целом коллекция характеризует специфику быта кяхтинского купечества.

По отчетам, сохранившимся в музее, видно, что для пополнения фондов музей проводил ежегодно экспедиции по сбору коллекций не только в Забайкалье, но и в Северной Монголии. Были собраны материалы по геологии, ботанике, зоологии, палеонтологии, археологии, антропологии и этнографии. А тесные связи с музеями Европы привели к обмену коллекциями — так в Кяхте теперь можно встретить археологические находки из Франции и др.

Геологическое собрание отражает состав горных пород региона и включает именные коллекции геологов, сотрудничавших с музеем. Наиболее интересно собрание моллюсков водной и наземной среды, включая представителей всех четырех океанов: Тихого, Атлантического, Индийского и Северного Ледовитого. Всего здесь представлено 92 вида 71 рода 43 семейств, относящихся к 4 подклассам и 3 классам. Некоторые из них в настоящее время стали редкими

Фигуры китайцев из папье-маше. *XIX в.*

Каждому — свое. *Дерево, резьба А. Павлов*

Рысь. *Дерево, резьба Б. Матуев*

Верхом на козе *Дерево, резьба*

или находятся под угрозой исчезновения.

Раздел нумизматики образовался из коллекций, собранных без системы, относящихся преимущественно к позднейшему времени.

На рубеже веков по материалам экскурсий и экспедиций публиковались научные отчеты и статьи сначала в «Протоколах», а затем в «Трудах» Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества.

Собранные музеем материалы представляют огромный интерес для науки. Они обрабатывались и определялись известнейшими специалистами.

Геологические коллекции определялись И.П. Толмачевым и А.Г. Герасимовым, ботанические — И.В. Палибиным, проф. Э. Янчевским, проф. Б.А. Федченко, проф. Бротерусом, П.А. Карстеном, доктором А. Цальбруккером и В.А. Траншелем, энтомологические — Г.Е. Грум-Гржи-

Данко. *Дерево, резьба А. Павлов*

Потомок Чингисхана. *Дерево, резьба. А. Павлов*

Коллекция декоративно-прикладного искусства XX в.

Будамшу. *Дерево, резьба С. Санжиев*

майло, Г.Г. Якобсоном, А.О. Скориковым, М.Д. Рузским, млекопитающих — К.А. Сатуниным, профессором Н.Ф. Кащенко, академиком Б.А. Насоновым, орнитологические — В.Л. Бианки и профессором М.А. Мензбиром, ихтиологические — Л.О. Бергом, П.Ю. Шмидтом и профессором А.М. Никольским, пресмыкающихся — В.С. Елпатьевским, палеонтологические — академиком М.В. Павловой.

Среди экземпляров естественнонаучных коллекций специалистами были выявлены новые виды животных и растений: полевка Моллесона, муравей Моллесона, полевка Кащенко, пигнопорус Палибина, пырей Михно, полевка Михно, Кяхтинский винторог Моллесона и др.

Положение музея значительно ухудшилось в годы первой мировой войны, а затем и гражданской. Деятельность музея прекратилась. В зимы 1919–1922 гг. музей не отапливался, что, естественно, отразилось на состоянии коллекций. Решено было обратиться с ходатайствами перед центрами Дальневосточной республики и РСФСР о материальной поддержке музея, чтобы сохранить коллекции, здание и имущество музея. Постановлением правительства Дальневосточной республики от 31 января 1922 г. Троицкосавский музей был принят в ведение органов народного просвещения.

С 1 октября 1923 г., со времени образования Бурят-Монгольской АССР, Троицкосавский краевой музей переходит в ведение Наркомпроса Бурят-Монгольской автономии, и с этого времени начинается второй период его жизни. Ему было передано одно из самых лучших в Троицкосавске каменных зданий, принадлежавшее в прошлом городскому четырехклассному училищу.

С 1927 г. развертывается научно-исследовательская работа, возобновляются экспедиции и

Экипаж–«сидейка» работы декабриста М.А. Бестужева

экскурсии. Коллекции музея начали пополняться сборами геологического, ботанического и зоологического характера, сборами исторических материалов. В музей поступают уникальные экспонаты, относящиеся к пребыванию в Бурятии декабристов: картины Н.А. Бестужева, бюро-конторка и экипаж-«сидейка» работы М.А. Бестужева, портреты местных революционеров 1905–1917 гг., воспоминания участников гражданской войны, оружие, которым пользовались местные партизаны в борьбе за советскую власть. В музее хранится уникальная коллекция горных пород Селенгинской Даурии — подарок академика В.А. Обручева, имя которого носит музей.

Благодаря бескорыстной помощи краеведов в дар музею к 150-летию восстания декабристов были переданы книги из личной библиотеки М.А. Бестужева, вышивка 40-х гг. XIX в., принадлежавшая М.Н. Волконской, получены два серебряных бокала, принадлежавшие внучке Н.А. Бестужева.

В связи с формированием **экспозиции по географическим открытиям в Центральной Азии** были закуплены личные вещи путешественников, документы, картины, фотографии, книги, мебель и т.д.

В фондах музея хранится хорошая коллекция редких книг, среди которых есть уникальные: издания Академии наук на русском, французском, немецком и латинском языках, начиная с 1726 г., сочинения М.В. Ломоносова, изданные в XVIII в., «Путешествие по северной части Сибири Сарычева» за 1806 г., «Чертежная книга Сибири», составленная боярским сыном Семеном Ремезовым в 1731 г., произведения Иакинфа Бичурина — «История первых четырех ханов из дома Чингиз-хана» (перевод с китайского), «Китайская грамматика», «Описание китайской империи» (1834–1842), «Записки о Монголии», а также «История государства Российского» Н.М. Карамзина (1819), «Уложение царя Алексея Михайловича» (изд.1786 г.), «Карта, представляющая преследование купца Шелехова» (копия из Геттингенской библиотеки), «Описание растений» П.-С. Палласа (1736), «Система природы» К. Линнея (1800).

Кяхта. Бюст на могиле известной путешественницы А.В. Потаниной

В архиве музея бережно хранятся материалы по истории краеведения, развитию науки, газетного и издательского дела в дореволюционной Бурятии. Поистине уникальным можно считать архив фотографий Н.А. Чарушина (конец XIX в.) с видами Монголии, типами ее населения и др. Коллекция фотографий купеческой Кяхты сохраняет образ и дух старого города, многие уголки которого к настоящему времени уже утрачены. Архив И.В. Багашева, издателя и редактора местной газеты «Байкал» (1897–1905), содержит самую разнообразную информацию о крае досоветского периода.

Краеведческий музей им. академика В.А. Обручева и сейчас является средоточием культуры, образования и науки в Кяхте.

Пограничная Кяхта в начале XX века оказалась в центре активных революционных событий и драматических эпизодов гражданской войны. Здесь состоялся первый съезд Монгольской народной рабочей партии, пришедшей вскоре к власти в самой Монголии. Обо всем этом напоминают памятники и мемориальные доски в разных уголках бывшего Троицкосавска и слободы Кяхта.

ТРОИЦКОСАВСК
В ВИХРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Светлана МАЛАХИРОВА

С ноября 1917 по январь 1918 года под влиянием октябрьских событий в Петербурге и Москве и в связи с массовым возвращением домой солдат и казаков-фронтовиков в Троицкосавске было тревожно. Фронтовики, вернувшиеся в станицы и волости уезда, уже сагитированные на фронте и во время движения в эшелонах, готовились к захвату власти в городе.

В начале февраля 1918 года власть в Троицкосавске, как и во всем Забайкалье, перешла к Советам. Но после мятежа чехословацкого корпуса на Сибирской железной дороге летом 1918 года большевики в Сибири потерпели поражение. Власть перешла к Временному Сибирскому правительству, провозглашенному в захваченном белочехами Томске.

Памятник 1600 заключенным, казненным в Красных казармах в декабре 1919 г. — январе 1920 г.
Установлен в 1954 г.

Фото С. Конечных

В Забайкалье установил свою диктатуру бывший царский полковник Григорий Семенов, избранный атаманом Забайкальского казачьего войска. Троицкосавск, где был расположен семеновский гарнизон, становится центром, откуда направляются карательные бригады в окрестные села и станицы. Семеновцы

схватили и расстреляли членов Первого Троицкосавского Совета большевиков К.А. Маскова, А.В. Назимова, В.Д. Жданова, В.В. Арсеньева, Ц.Ц. Ранжурова и других. Их память позже была увековечена памятником в городском сквере.

Жестокость казаков атамана Семенова вызывала недовольство даже у адмирала А.В. Колчака, принявшего в ноябре 1918 года титул «верховного правителя российского государства». Однако полностью подчинить себе атамана Семенова он не мог.

Под ударами Красной Армии летом 1919 года колчаковский фронт на Урале развалился. Отступление заставило «верховного правителя» спешно решать вопрос эвакуации политических заключенных из прифронтовых тюрем. Местом эвакуации был избран тыловой Троицкосавск. На-

Сухэ-Батор — основатель Монгольской народной революционной партии

Атаман Забайкальского казачьего войска полковник Г.Н. Семенов

Генерал-лейтенант барон Р.Ф.Унгерн, фактический правитель Монголии в конце 1920-го – первой половине 1921 г.

чальнику местного гарнизона последовал указ переоборудовать под тюрьму для 2500 заключенных три двухэтажных здания в «Красных казармах». Так назывался целый военный городок между Троицкосавском и слободой Кяхта, построенный перед первой мировой войной из кирпича красного цвета.

Комполка К.К. Рокоссовский через три года после разгрома Унгерна. Слушатель Кавалерийских курсов. 1924 г.

В конце сентября – начале октября 1919 года в «Красные казармы» перевели не менее 1200 заключенных из тюрем Челябинска, Перми, Златоуста, расноуфимска, Орска, Троицка, Тобольска. Среди них, кроме пленных красноармейцев, были руководители уездных комитетов партии большевиков, председатели и члены уездных губернских и краевых Советов. Вместе с ними были посажены более трехсот местных жителей, заподозренных в приверженности советской власти. Заключенных содержали в неотапливаемых помещениях, морили голодом.

В ноябре 1919 года Колчак вместе с остатками разгромлен-

Дом в Троицкосавске — Кяхте, где в 1920 г. жил Сухэ-Батор

В этом доме по улице Успенской (ныне ул. Крупской, 37), 1 – 3 марта 1920 г. состоялся Первый съезд Монгольской народной революционной партии, которая впоследствии правила Монголией почти семьдесят лет. Этот дом, ставший в 1971 г. мемориальным музеем, считался символом монгольско-советской дружбы

ных войск отступил от Омска к Иркутску. В конце декабря началось наступление партизан на Верхнеудинск и Новоселенгинск. Семеновцы решили немедленно расправиться с арестованными, предварительно уничтожив все тюремные документы. Расправа над заключенными в «Красных казармах» началась 26 декабря. Четырнадцать дней продолжалось их массовое уничтожение, получившее название «троицкосавской трагедии». Были расстреляны, зарублены шашками, заколоты штыками и отравлены около 1600 человек. Только семьдесят пять заключенных, воспользовавшись неразберихой, вырвались из этого зловещего ада и избежали смерти.

На окраине Кяхты, на самой границе с Монголией, высится обелиск в память о 1600 погибших.

Спустя несколько дней после троицкосавской трагедии около Иркутска белочехами был арестован адмирал Колчак, передан большевикам и 7 февраля казнен с другими членами его правительства.

В январе 1920 года большая часть Прибайкалья была освобождена от белогвардейцев и японских интервентов. В соседней Монголии с января 1920 года также велись военные действия. Китайские войска свергли с ханского трона правителя Монголии Богдо-гэгэна, ликвидировали автономию и установили там полное господство. Примыкавший к Кяхте Маймачен занял сильный отряд китайской армии. Стремясь не допустить к своим границам большевиков, китайцы захватили и до начала марта удерживали Троицкосавск. При этом юг Забайкалья еще оставался в руках семеновцев и интервентов.

6 апреля 1920 года в Верхнеудинске была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР). Ее западная граница с Советской Россией была установлена по Селенге. Таким образом, Троицкосавск оказался не просто на неспокойной монголо-китайской границе, но еще и вблизи границы ДВР и Советской России. Это обстоятельство сыграло решающую роль в последующих событиях, развернувшихся в Монголии и на границе ДВР.

После разгрома армии Колчака та же участь ждала семеновцев. В конце июня из Читы, где находилась ставка атамана Семенова, ушли японские войска. Поэтому атаман и другой активный участник белого движения генерал Роман Унгерн сочли за лучшее «переместить базу борьбы с Коминтерном с российской территории в Монголию», что в общем совпадало с планами японских оккупационных войск. 2 октября 1920 года барон Унгерн с четырьмя полками забайкальских казаков перешел российско-монгольскую границу.

Выдвинув лозунги защиты буддизма и восстановления независимости Монголии, Унгерн получил поддержку свергнутого Богдо-гэгэна и значительной части монгольского населения. В феврале 1921 года после ожесточенных боев казаков с китайскими войсками была занята Урга (ныне Улан-Батор), а Богдо-гэгэн вновь возведен на ханский трон. Как главнокомандующий вооруженными силами Богдо-гэгэна, немецкий аристократ по происхождению и бывший российский офицер, барон Унгерн переоделся в дорогой монгольский халат, но нашил на него генеральские погоны. Фактически

Унгерн установил в Монголии военную диктатуру, однако не смог полностью очистить территорию страны от китайских войск. Террор и репрессии вскоре лишили Унгерна широкой поддержки простых монголов.

22 ноября 1920 года будущий вождь монгольской революции Сухэ-Батор и его соратники пробираются из Урги в Троицкосавск. Здесь и в Верхнеудинске обсуждаются планы совместных военных действий. Сухэ-Батору было предложено создать политическую партию и с помощью советских войск очистить Монголию от российских белогвардейцев. С 1 по 3 марта 1921 года в двухэтажном купеческом доме Троицкосавска, где тогда размещалось консульство РСФСР, состоялось совещание монгольских революционеров, объявленное Первым съездом Монгольской народной революционной партии (МНРП). Спустя несколько дней было образовано Временное правительство Монголии во главе с Сухэ-Батором.

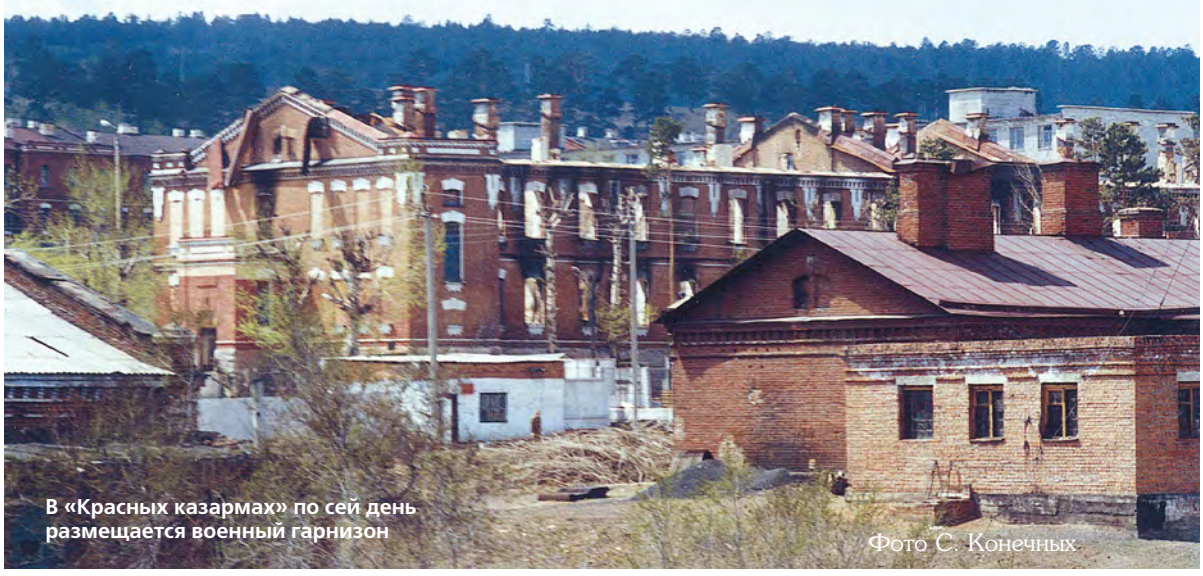
18 марта только что созданная Монгольская народная армия штурмом овладела соседним с Кяхтой Маймаченом, который при этом полностью выгорел и более не восстанавливался. Сухэ-Батор и его «правительство» остановилось в Алтан-Булаке, ближайшем к российской границе монгольском городке, так как сил для дальнейшего наступления уже не было.

В конце мая на Троицкосавск выступили войска барона Унгерна. Белогвардейцы рассчитывали обойти город с севера, окружить и уничтожить монгольские отряды Сухэ-Батора, затем прорваться к Байкалу и отрезать Дальневосточную республику от Советской России.

12–13 июня 1921 года в Монголии неожиданно появился 35-й кавалерийский полк Красной Армии под командованием К.К. Рокоссовского, проделавший марш-бросок из Иркутска, и соединился с «армией» Сухэ-Батора. Белогвардейцы оказались в ловушке и были разгромлены. Барон Унгерн бежал. В начале июля усиленные части Красной Армии захватили столицу Монголии Ургу и привели к власти правительство Сухэ-Батора. Унгерн предпринял отчаянную попытку прорваться к Верхнеудинску со стороны Селенги, но уже 3 августа, теснимый и окружаемый Красной Армией, повернул назад. 5 августа около Гусиного озера он вступил в бой и потерпел поражение. 14 августа Унгерн с остатками своих войск ушел в Монголию. 22 августа барон был выдан Рокоссовскому своими монгольскими подчиненными. Под конвоем белогвардейского генерала доставили в Троицкосавск, затем в Новониколаевск (Новосибирск), где 15 сентября 1921 года расстреляли по приговору военно-полевого суда.

В конце лета 1921 года военные действия в Прибайкалье прекратились. Соратники Унгерна в Монголии продолжали вооруженное сопротивление до конца 1922 года. В связи с окончанием войны в ноябре 1922 года ДВР была упразднена и ее территория вошла в состав РСФСР.

В 1934 году Троицкосавск был административно объединен с пограничной слободой и официально переименован в город Кяхту. Кроме памятников и мемориальных досок, которыми в разное время отмечены здесь революционные, а также последующие события гражданской войны и монгольской революции, позже прибавился мемориал в честь героев сражения с японцами на Халхин-Голе в 1939 году. После победы над фашистской Германией и разгрома милитаристской Японии в 1945-м в Кяхте появились памятники воинам-землякам.



В «Красных казармах» по сей день размещается военный гарнизон

Фото С. Конечных

АРЕСТОВАННОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Михаил Константинов,
доктор исторических наук

Имя Петра Саввича Михно уважаемо в среде сибирских музейщиков, археологов и краеведов. Он верой и правдой служил «любимой, родной нам научно-исследовательской работе». Эти страстные слова родились под его пером в гиблой тюремной камере. Ими он завершил письмо, направленное в НКВД с просьбой разрешить ему участвовать в 1-м Восточно-Сибирском съезде ученых в г. Иркутске. Ответа, разумеется, не последовало.

Петр Михно, «активный участник контрреволюционной пропаганды белогвардейской организации и агент японской разведки», был арестован 18 декабря 1937 г. До 70-летия директора Кяхтинского музея, «затаенного шпиона», оставалось всего три дня. Юбиляр встретил день рождения во внутренней тюрьме УНКВД г. Иркутска.

В «Анкете арестованного» с его слов записывалось: родился 21 декабря 1867 года в семье казака г. Ромны Полтавской губернии, по национальности украинец, закончил Глуховский учительский институт, живет и работает в г. Кяхте. Имеет семью: жена — Клавдия Дмитриевна, 56 лет, домохозяйка, сын — Николай Петрович (25 лет), студент Горного института, жена сына — Валентина Сергеевна, врач противочумного института в г. Иркутске. Похоже, что именно в Иркутске (может быть, на квартире сына) и арестовали музейного работника, снятого с воинского учета по старости, беспартийного, в белых армиях не служившего.

В одном из протоколов допросов изложена его биография. В 1888 г. он прибыл в Троицкосавск, где был назначен учителем четвертых классов городского училища. Михно сразу подключился к сбору коллекций для музея, чтению лекций в воскресной школе и народном университете.

Очень скоро Михно вошел в круг политических ссыльных. Он познакомился с народовольцем-ссыльным «по делу 163-х» Н.А.Чарушиным и

знаменитой Е.К.Брешко-Брешковской, которую в дальнейшем нарекли «бабушкой русской революции» за ее многолетнюю, перенесенную через всю каторгу верность идеям борьбы за свободу. Из этого круга обращения молодой учитель вынес свой жизненный ориентир: «Благо народа — в его просвещении».

Через четыре года молодого учителя назначили инспектором городского Троицкосавского училища. Успешно развивались и музейные дела. Михно совершал не только экскурсии по окрестным местам, но и дальние поездки — вплоть до Ямаровки в таежных верховьях Чикоя, где открыл стоянку каменного века. Но особенно удачным оказалось посещение села Дурены в 30 км к востоку от Кяхты. На песчаных выдувах вокруг этого села он собрал огромное число различных древних вещей, среди которых наиболее приметными были обломки гуннских сосудов, что и позволило в дальнейшем открыть здесь обширное гуннское селище. Но реальная жизнь не отпускала полностью к «уснувшим древностям». Будоражащий 1905 год всколыхнул учительство. Для некоторых из них это закончилось тюремным заключением с обвинением в политических преступлениях.

В порядке предупреждения Михно перевели из Кяхты в Читу, хотя и без понижения в должности. Молодой инициативный педагог-инспектор пришелся в Чите «ко двору». Михно избирают директором музея. На его плечи легла и забота об общественной библиотеке. Три года читинской жизни пришлись на тяжелые годы революции, и кто знает, что стало бы с городскими культурными учреждениями без инициативного, смелого Петра Саввича?

Из Читы Михно отправили в дальний Акшинский район, но затем все-таки вернули в Кяхту. Февральскую революцию инспектор народных училищ встретил радостно, поскольку «наступил конец безобразий, творимых правительством». Затем пришел Октябрь: «Я знал, что власть захватили большевики, и этот переворот я приветствовал».

Поманив свободой и надеждой, новая власть ввергла страну в пучину страшных бед.

В протоколах допросов особо отражено «самоуправство» Михно, попытавшегося защитить Кяхту от потрясений гражданской войны. К городу двигались красные партизаны, а белый гарнизон, состоящий из частей Крымова, отказался защищать город. Будучи гласным городской думы, Михно поставил подпись под протоколом, по которому в город для его защиты были введены китайские войска. Советской властью Михно был осужден на три года условно с громкой формулировкой «за ввод китайских войск на территорию СССР».

С 1922 г. Михно стал директором музея. На его плечи легла забота об уникальной исторической экспозиции и богатейших фондах. В помощь ему была многолетняя кяхтинская традиция уважения к музейному делу. А главной проблемой стали опустевшие (в связи с исчезновением купцов-спонсоров) финансовые закрома. Несмотря на постигшую музей бедность, энергичный директор ведет интенсивный сбор коллекций по археологии, геологии, ботанике.

Особое внимание П.С. Михно уделял археологии и археологам. В 1924 г. в Кяхту прибыл молодой талантливый ученый Георгий Дебец. Его привлекли материалы со стоянок каменного века. Нашлись для него дела в Кяхте и в три последующих года.

В 1928 г. из Улан-Удэ в Монголию через Кяхту проследовали две экспедиции. Одну из них возглавлял Николай Рерих, вторую — Бернгард Петри. Их радушно встречал, помогая во всем, Петр Михно.

В 1927 г. Михно собрал большую коллекцию каменных орудий у с. Зарубина на Селенге, а около Хоронхоя из стенок оврага извлек кости носорога, быка, лошади, джигетая. Из этих же оврагов происходили обломки яиц страуса, а также каменные скребла, отбойники, нуклеусы. Об этих находках Михно, будучи в Ленинграде, сообщил Г.П. Сосновскому. Встретившись в Кяхте, они развернули поиски новых памятников. Особо интересным для исследователей стало 200-километровое путешествие по Чикою, совершенное в августе 1928 г.

Следователей НКВД интересовали не поиски древних вещей, а другие сюжеты. Им нужно было установить «шпионские связи» Михно. Старый человек мужественно отрицал все обвинения, напирая на то, что он все силы отдавал науке.

Следователи пытались скрыть политические и социальные реальности, но то в одной, то в другой строке протоколов они невольно проясняются. Оказывается, были все-таки в Забайкалье серьезные крестьянские волнения и даже восстания (например, в с. Елань в марте 1930 г.), вызванные трагедией коллективизации.

Географическое общество оказалось в то время не нужным властям. Они захотели отправить его «на свалку», точно так же, как чуть раньше рассчитались со многими историческими музеями и историческими факультетами, равно как и с конкретными историками-учеными, педагогами, музейщиками. Особо стойких защитников исторической науки и музейного дела возводили в ранг антисоветчиков и шпионов. С этими тяжелыми обвинениями и был поставлен к расстрельной стене 23 ноября 1938 г. непокорный Петр Саввич Михно.

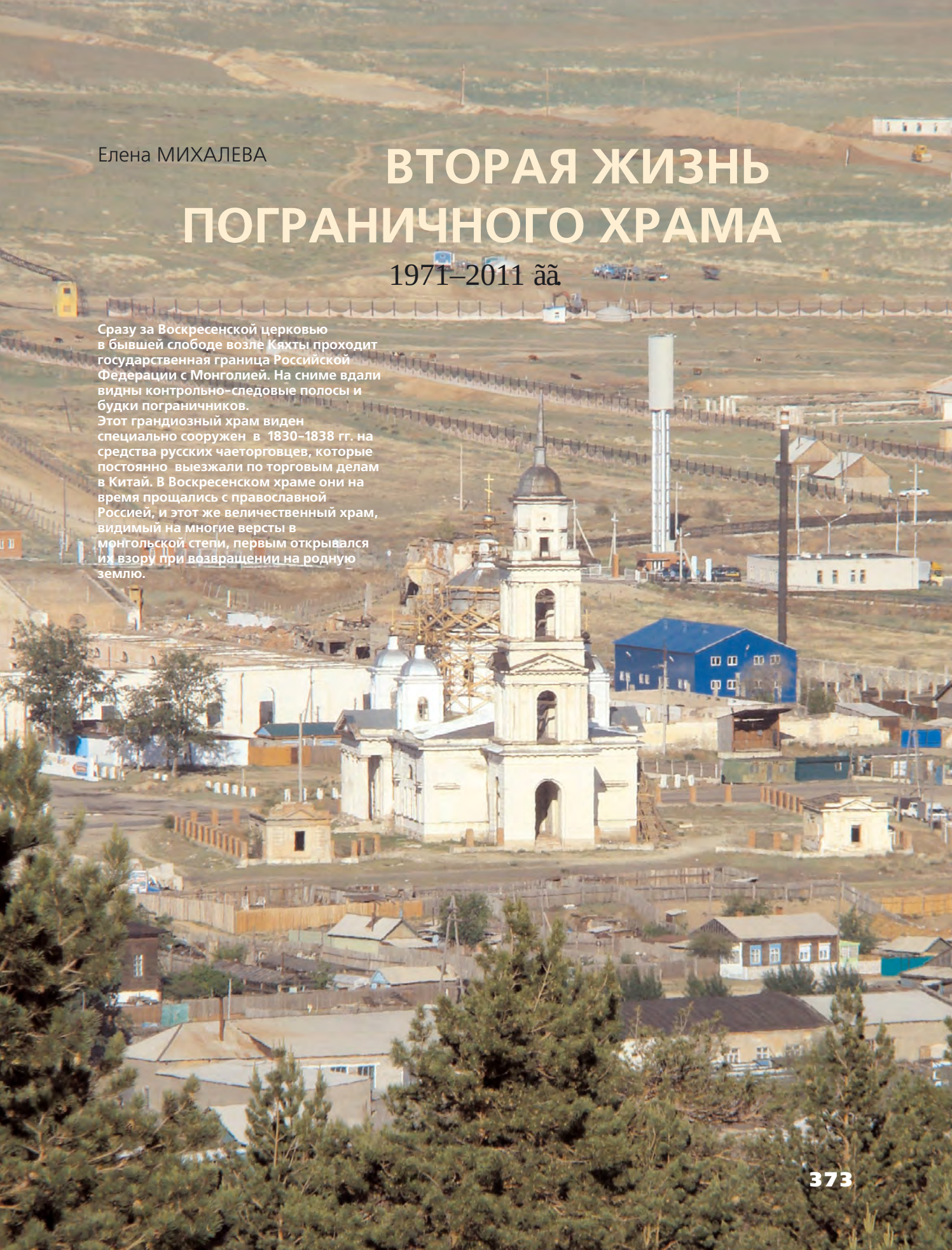
В 1957 г. трибунал Забайкальского военного округа принял решение о реабилитации П.С.Михно «за отсутствием состава преступления».

Погубленную жизнь вернуть человеку невозможно, но честь и имя — вполне. Влюбленный в «родную научно-исследовательскую работу», Петр Михно стал для потомков символом арестованного, вроде бы уничтоженного, но воскресшего музейного краеведения, вобравшего в себя высокие принципы свободного знания и народного просвещения.

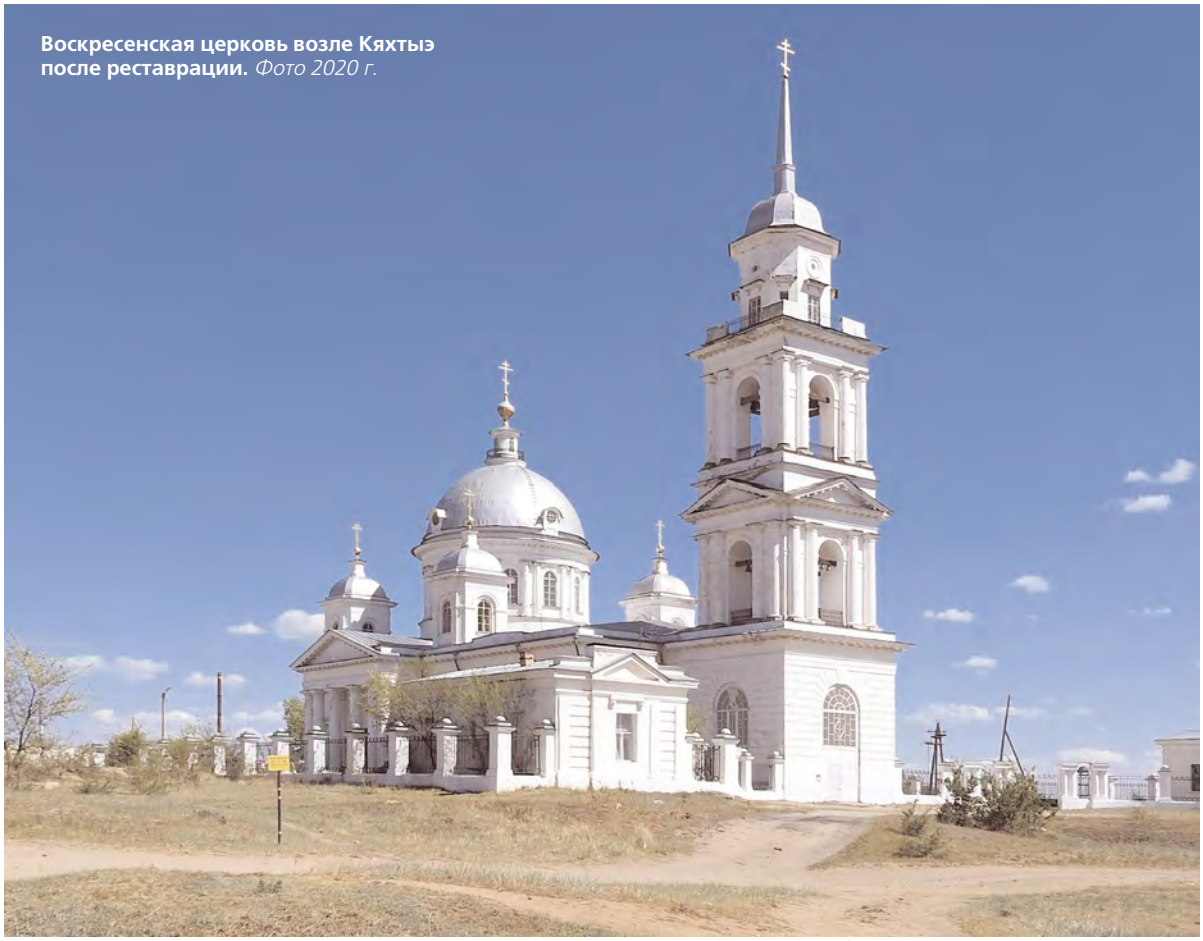
Елена МИХАЛЕВА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ПОГРАНИЧНОГО ХРАМА

1971–2011 ãã



Сразу за Воскресенской церковью в бывшей слободе возле Кяхты проходит государственная граница Российской Федерации с Монголией. На сниме вдали видны контрольно-следовые полосы и будки пограничников.
Этот грандиозный храм виден специально сооружен в 1830–1838 гг. на средства русских чаеторговцев, которые постоянно выезжали по торговым делам в Китай. В Воскресенском храме они на время прощались с православной Россией, и этот же величественный храм, видимый на многие версты в монгольской степи, первым открывался их взору при возвращении на родную землю.



Воскресенская церковь возле Кяхтыэ после реставрации. *Фото 2020 г.*

Закрытие Воскресенской церкви в 1930 г.и последовавшие годы бесхозного существования привели к значительным утратам деталей конструкций и лепного декора. Брошенное на произвол судьбы, здание церкви постепенно растаскивалось на строительные материалы: с 1941 по 1950 г. демонтируют кровельное покрытие, затем были утрачены шпиль колокольни, завершения глав, внутренняя отделка, ограда и т.д. Отсутствие кровли и свободный доступ в здание стали основными факторами быстрого ухудшения его состояния. Но несмотря на огромные, частью невосполнимые утраты, полуразрушенное здание Воскресенской церкви с остатками своего белокаменного декора поражало благородством и величием.

Новый этап истории Воскресенской церкви начался с постановки ее на государственную охрану в 1960 г. Руководство республики принимает решение об организации и проведении ремонтно-реставрационных работ на здании Воскресенской церкви в Кяхте с целью дальнейшего использования здания под музей «Российских географических открытий в Центральной Азии».

При Министерстве культуры Бурятской АССР в 1966 г. создается Производственная группа по охране памятников (И.П. Ильин). В 1969 г. был организован Научно-реставрационный производственный участок (Б.Ч. Гомбоев), перед которым ставится основная задача — проведение работ по сохранению объектов культурного наследия республики. Утвержденным Министерством культуры БАССР «Планом работ и мероприятий на 1971 г. по ремон-

Фото А. Тарунова, 2008

ту, консервации, реставрации, благоустройству территории и охране памятников истории и культуры по Бурятской АССР» была сформулирована основная цель — комплексное проведение работ по ряду объектов республики: Воскресенская церковь, Посольский монастырь, Одигитриевский собор, Этнографический музей.

Заказчиком проекта работ по Воскресенской церкви выступило Бурятское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (К.М. Маланов). По его заданию, инженером-проектировщиком созданного научно-реставрационного производственного участка (НРПУ) И. Долинским был выполнен осмотр технического состояния здания Воскресенской церкви и разработан техно-рабочий проект «Воскресенская церковь в г. Кяхта». Составленный разработчиком проекта акт от 20 апреля 1973 г. зафиксировал процесс организации работ на церкви (устройство неинвентарных лесов по всему фасаду и внутри здания, доставку пиломатериала) и общую картину состояния объекта на момент начала работ:

«Состояние здания памятника на сегодняшний день - очень тяжелое. Оставленное на длительный срок без всякой охраны и присмотра, здание подверглось полному разграблению: разобраны крыши и кровли, утащены гранитные плиты полов и крылец, выломаны окна и двери, даже часть оконных коробок. Сейчас здание пустует. Если не принять необходимых мер — через несколько лет памятник вообще будет невозможно восстановить»...

Были сделаны краткие выводы:

1) Памятник архитектуры, бывшая церковь Воскресенская в г. Кяхта является одним из красивейших и интересных не только в нашей республике, но и по Союзу.
2) Здание памятника находится в запущенном состоянии, а отдельные его части, в состоянии близком к аварийному.
3) Здание памятника вполне может быть полностью реставрировано, т.к. отсутствуют особые утраты и искажения.
4) Для выведения памятника из того состояния, в каком оно находится сейчас, необходимы затраты на ремонтно-реставрационные работы в сумме 120-150 тысяч рублей (наружная часть), а общая порядка 300-350 тыс. Выделенные в настоящее время средства в сумме 30 тыс .руб., расходуются на работы по восстановлению всей кровли и купола, что даст возможность предотвратить дальнейшее воздействие внешних агрессивных сред на памятник.

По окончании кровельных работ следует переходить к колоннадам портиков, отделочным работам по фасадам, крыльцам.
Заполнение дверных проемов, внутренняя отделка ведется вне всякой очереди. Работы по колокольне (восстановление на ней купола, шпиля и др.) можно отнести на последний этап. Так представляется план работ по памятнику». (*Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»*).

Составленный акт, в числе ряда документов обосновывающих объемы требуемого финансирования объекта, был направлен в Центральный Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Ориентировочные сроки выполнения работ, уже начатых к тому времени научно-реставрационным участком Министерства культуры БАССР, были крайне радужными — 1977 год (планировалось: кровля, купола —1974 год, восстановление фасадов, колокольни, лепнины — 1975 год, внутренние реставрационные работы и окончание работ с 1976 по 1977 год).

Неоднократные проверки производства работ на Воскресенской церкви того времени констатировали схематичность, невысокий и необоснованный уровень принятых решений в имеющейся на объекте техдокументации и как следствие многочисленный брак в работе. Отсутствие квалифицированных специалистов реставраторов, низкий уровень профессионализма у большинства рабочих приводили к бесконечным переделкам выполняемых работ.

В результате, контрольные обмеры за ноябрь 1977 г. выявили «вопиющие» дефекты: «не восстановлены завершения храма, устроены лишь часть кровель. На покрытие употреблена тонкая луженая жесть, закрепленная гвоздями. Покрытие имеет большие щели, пропуски. Из-за возникшей электрохимической коррозии часть кровли уже пришла в негодность» (*Из докладной записки С.П. Орловского, члена архитектурной секции ЦС ВООПИК — архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»).*

Кроме полученных некачественных кровельных работ, изготовленные в мастерской НРПУ гипсовые карнизные модульоны, не соответствовали сохранившимся образцам и предусмотренному способу их крепления. Работы по реставрации церкви были не обеспечены необходимым количеством рабочих, иногда их состав ограничивался численностью в два человека. Финансирование работ было приостановлено.

План первой очереди реставрационных работ Воскресенской церкви, рассчитанный на пятилет-

ний срок, был сорван. За допущенный брак и серьезные недостатки в организации работ в апреле 1978 г. руководство научно-реставрационного производственного участка (начальник и главный инженер) было освобождено от занимаемых должностей.

Ведомственная комиссия, созданная из представителей Министерства культуры, Производственной группы охраны памятников, НРПУ, Республиканского отделения общества охраны памятников, проанализировав итоги выполненной работы, пришла к выводу, что ведение качественных реставрационных работ на столь сложном объекте при крайне слабой строительной базе, отсутствии опыта реставрации подобных культовых объектов у инженерно-технического состава и рабочих, стало для Научно-реставрационного производственного участка крайне трудным делом.

Срок ввода в эксплуатацию здания Воскресенской церкви, как будущего музея «Российские географические открытия в Центральной Азии», сдвинули на 1981 г. Требовалось срочно обеспечить объект необходимой проектно-сметной документацией, потребным количеством квалифицированных рабочих и начать первоочередные работы теперь уже по устранению допущенного брака (по скатной крыше и центральному куполу реставрируемой церкви).

Рассмотрев сложившуюся ситуацию, Совет Министров Бурятской АССР с 1 января 1979 года разрешил реорганизовать НРПУ в Специализированные научно-реставрационные производственные мастерские (СНРПМ), соответственно увеличив прорабский состав и инженерно-технический аппарат, организацию планово-финансового и производственно-технического отдела. Одновременно с решением мер по укомплектованию аппарата СНРПМ профессиональными специалистами, решались вопросы оснащения требующимися механизмами и средствами транспорта. В Кяхте был организован постоянный прорабский участок вместо одной единицы мастера.

У Министерства культуры РСФСР и Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников испрашиваются средства на продолжение реставрационных работ по церкви Воскресения: на 1979 г. — 150 тыс. руб.; 1980 г. — 108 тыс. руб.; 1981 год завершения работ — 75,1 тыс. рублей. Согласно сметной документации 1979 года, полная стоимость реставрации здания составила 436,6 тыс. руб., включая стоимость первой очереди (наружные работы) — 136 тыс. руб.

Вопрос «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете законов СССР и РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры» выносится на обсуждение правительства республики:

«Выписка
из постановления Бюро Обкома КПСС и Совета Министров Бурятской АССР от 8 августа 1980 года №28/1:

4. Поручить заместителю председателя Совета Министров т. Чернышу В.И. и Министерству культуры совместно с Комитетом по материально-техническому снабжению и сбыту, управлению «Бурятснабсбыт» и профтехобразованию до конца 1980 года принять меры по укреплению строительной базы Бурятской научно-реставрационной мастерской, а также разработать мероприятия по снабжению ее необходимыми материалами, оборудованием, обеспечению кадрами строителей-реставраторов.

Обязать Улан-Удэнский горком и Кяхтинский райком КПСС и горрайсполкомы в 1980–1985 гг. предусмотреть выделение 6 квартир в г. Улан-Удэ и 3 квартиры в г. Кяхте для специалистов реставрационных мастерских.

5. Поручить Государственному плановому комитету предусматривать в установленном порядке лимиты на проектирование и реставрацию памятников, ежегодно включая объемы работ научно-реставрационной мастерской Министерства культуры в народохозяйственный план, а мероприятия по благоустройству территории памятников в планы предприятий Министерства жилищно-коммунального хозяйства.

Секретарь обкома КПСС В. Бирюко
Председатель Совета Министров Бур. АССР
В. Саганов»

В целях усиления оперативно-технического надзора за качеством реставрационных работ по Воскресенской церкви, Министерство культуры Бур. АССР возложило функцию «Заказчика» на Производственную группу охраны памятников Министерства культуры (И.П. Ильин). Требовалось срочно обеспечить объект проектной документацией, определиться с набором работ, подготовить реставрационное задание.

На тот момент работы велись по чертежам, разработанным в рабочем порядке на отдельные виды работ. Так, на состоявшемся 15 мая 1980 г. техническом совещании Министерства культуры Василий Васильевич Мисюль, архитектор ПСБ СНРПМ, автор эскизного проекта реставрации «Церковь Вос-

кресения» (1982 г.) предложил на рассмотрение три варианта восстановления главки.

1. Восстановление главки в прежних материалах и прежней методике работ: выколотка главки посекционно вручную из листовой красной меди с последующей пайкой секций чистопробным серебром и покрытием поверхности главки и креста сусальным золотом (ввиду невозможности обеспечения работ дефицитными на тот момент цветными и драгоценными металлами, отсутствия соответствующих специалистов, проектное предложение признали неосуществимым).

2. Отливка главки из алюминиевых сплавов отдельными секциями с последующей подгонкой и сборкой секций на месте, окраска поверхности — бронзирование «под позолоту» (проектное решение отклонили по причине его трудно выполнимости из-за отсутствия фондов на цветной металл, сложности выполнения точного и вместе с тем тонкостенного литья, а также чрезмерного веса всей конструкции.

3. Главка выполняется из сварных секций (листовой металл толщиной 2–3 мм), а средняя секция (подножка) и шейка главки свариваются из восьми секционных сегментов. Центральная, шлемовидная часть главки покрывается по деревянным сборным кружалам фигурной ромбической шашкой с пайкой нижней кромки. Каркас креста сваривается из уголка и обделывается листовой сталью. Окраска — бронзирование металлических поверхностей на нитролаке». (*Архив АУ РБ «НПЦ охраны памятников»*).

Члены технического совещания (представители ОКС МК Бур. АССР, СНРПМ, Производственная группа по охране памятников, ПСБ СНРПМ), признав наиболее приемлемым к исполнению третий вариант, рекомендовали генеральному заказчику «Производственной группе по охране памятников» выдать заказ на дальнейшее проектирование.

Принять правильное решение и исключить дальнейшие ошибки, как в проектировании, так и в производстве работ на памятнике стало основной задачей органа охраны памятников. В целях реализации этой задачи, а также для получения грамотного экспертного заключения по состоянию уже дважды «отреставрированной» кровли (первый раз по варианту проекта ПСБ — автор Долинский, второй вариант по проекту ПСБ СНРПМ – автор В.В. Мисюль), обратились к архитектору Людвигу Карловичу Минерту. Результатом его осмотра Воскресенской церкви стало заключение от 15 июля 1981 г.:

«Заключение
по состоянию реставрации памятника архитектуры 1-й пол. XIX в.
Воскресенской церкви в г. Кяхта

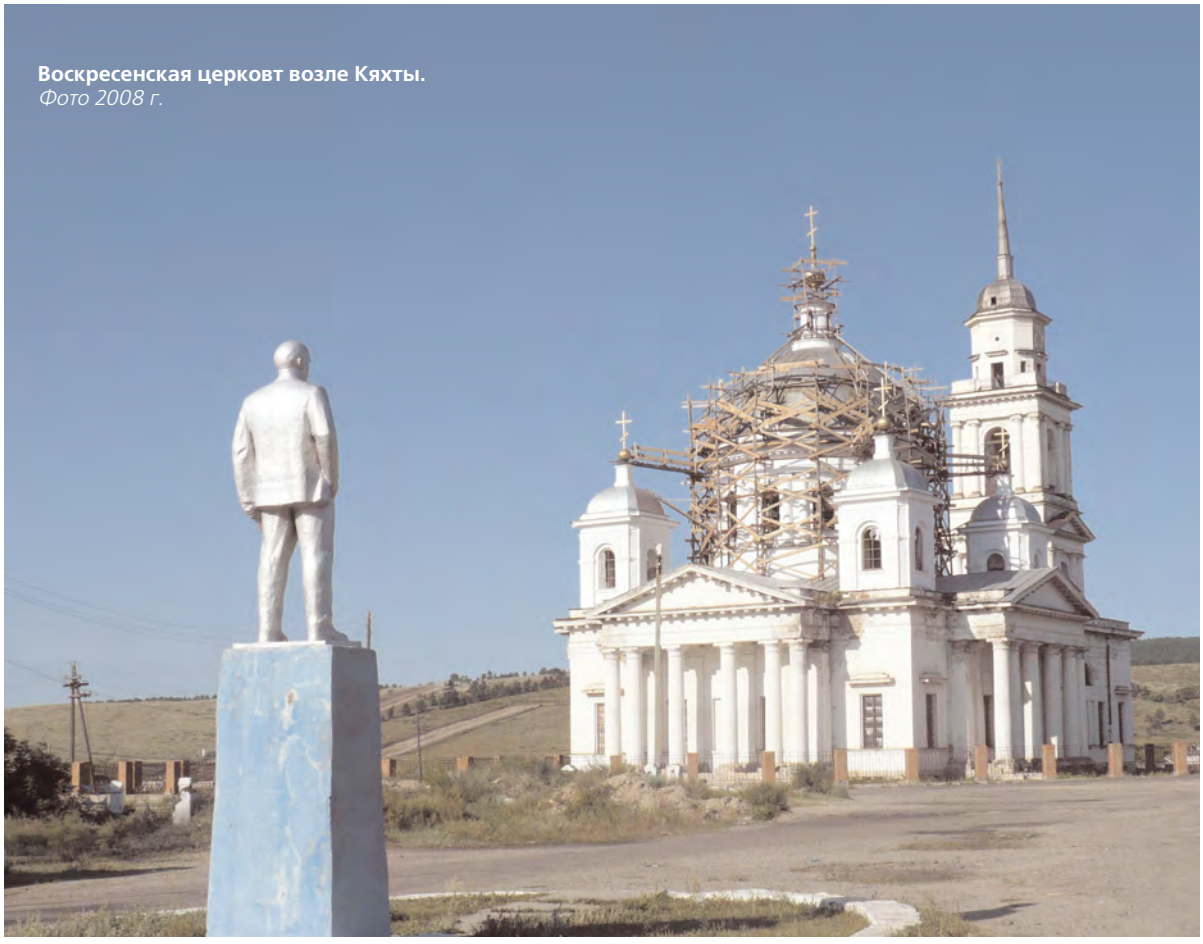
Осмотр работ в натуре состоялся 8 июля 1981 г. с 9 до 14 часов. В осмотре здания и обсуждении качества работ констрктивных частностей и деталей участвовали помимо автора данного заключения ст. инженер Производственной группы по охране памятников истории и культуры Минкультуры Бур. АССР Н.Г. Старков, производитель работ В.И. Дегтярёв и несколько рабочих.
Задачей обследования было выяснение состояния работ по обеспечению водоотвода с крыши здания. Действительно, разводы-подтеки на фасадных плоскостях стен и в интерьере сооружения свидетельствуют о явном неблагополучии по этому вопросу. Подъем на крышу здания подтвердил самые худшие предположения. Выполненные по устройству крыши работы создали ситуацию, которая может привести к полной гибели памятника. Остается только уповать на устойчивость и добротность нижележащих старых каменных конструкций.
1. Первоосновой нынешнего состояния является пренебрежение элементарных требований к реставрации памятников архитектуры. Последние предполагают бережное восстановление всего прежнего облика, частностей и деталей памятника за исключением чуждых первоначальному замыслу более поздних надстроек, пристроек или других изменений. Недопустимы какие-либо изменения памятника под каким бы то ни было флагом. «Реставратор», не желающий с настоящей ответственностью восстанавливать первоначальный замысел архитектора — автора памятника, а стремящийся проводить собственные решения — является источником величайшей опасности, так как разрушает, уничтожает то, что еще недавно можно было спасти. А создаваемая таким реставратором новая реальность — плод его творчества — никому не нужна. Ведь эта архитектура уже не имеет с прежним памятником ничего общего, это уже нечто другое. Чтобы испортить хорошую архитектуру, как и любое хорошее дело, многого не надо.
2. Следует особо подчеркнуть, что в данном конкретном случае дело реставрации памятника являлось относительно простым случаем, так как за исключением завершающих здание остальные элементы в той или иной мере сохранились. Здание Воскресенской церкви не подвергалось никаким перестройкам или другим работам, ко-

торые, исказив первоначальный замысел, могли бы осложнить задачу. Требовалось лишь внимательное изучение сохранившегося состояния, фиксация всех архитектурных и конструктивных решений, что полностью избавило бы проектирование от необходимости изыскания каких-либо собственных решений.

3. Однако такого предварительного исследования состояния архитектурных и конструктивных деталей здания не было сделано. Без фиксации прежнего состояния (пусть даже по фрагментам и остаткам-следам) была произведена коренная расчистка «поля деятельности», т.е. уничтожены важнейшие опорные приметы для точной реставрации, действительного восстановления. А после такой «подготовки» к началу работ, естественно, должны были возникнуть и действительно возникли и возникают вопрос за вопросом. Они, конечно, «решаются» в соответствии с уровнем архитектурных и конструктивных познаний исполнителей. Результаты такого подхода и профессионального уровня «решения вопросов» уже видны на фасадах и в интерьере. Такого же порядка и происхождение «проблемы» водоотвода с крыши здания Воскресенской церкви.

4. До начала работ конструкция крыши не была изучена по ее остаткам в натуре. А ведь такое внимательное обследование и полное тщательное повторение испытанных более чем за столетний период конструкций крыши и в первую очередь схемы водоотвода полностью избавило бы объект от нынешних забот, которым не видно конца.

5. Вместо повторения прежней схемы крыши и водоотвода, которая при тщательном выполнении кровельных работ себя оправдала, обеспечив сохранение здания со времени его возведения, была осуществлена совершенно новая конструкция крыши. Последняя удивляет крайне



Воскресенская церковт возле Кяхты.
Фото 2008 г.

наивно запроектированной схемой водоотвода. Практически происходит все что угодно кроме организованного водоотвода. Воде предоставлены десятки мест, в которых ее проникновение внутрь здания не встречает препятствий. Дело не столько в безобразном качестве выполненных кровельных работ — оно ниже всякой критики — как именно в подоснове: проекте крыши.

6. В прежнем первоначальном состоянии здания вода выводилась над необходимыми по архитектурным соображениям парапетами и таким образом нигде, даже при ливневых осадках, не попадала в ловушку, а быстро сбрасывалась. Ниже парапетов вода перехватывалась желобами и направлялась в продуманно расположенные немногочисленные водосточные трубы. Тщательное выполнение свесов крыши над парапетами и карнизами, вместе с правильной организацией отвода атмосферных осадков, обеспечили как архитектурные, так и функционально-технические условия работы крыши.

7. При реставрации почему-то было принято решение устроить крышу по-другому. Крыша теперь подведена к парапетам сзади и ниже. Практически за всеми парапетами, то есть по всему периметру здания, теперь устроены ловушки для воды. Конечно, теоретически «предусмотрен» (запроектирован) водоотвод — через отверстия, пробитые в парапетах. На практике — это нелепость, доказавшая уже свою вредность для сохранения здания. Теперь делу пытаются помочь увеличением пробитых отверстий, которых не было первоначально (это хорошо видно на старых фотографиях).

Но вся нынешняя ситуация устройства кровли за парапетами и в самих отверстиях не выдерживает никакой критики. Увеличение отверстий не снимет постоянного прохода воды по более удобным для нее путям внутрь самого здания. Для этого вовсе не требуется какого-либо засорения отверстий.

8. Таким образом, частичные паллиативные меры, предлагаемые для улучшения положения, могут дать лишь временный, фактически обманчивый результат: отодвигая решение проблемы в будущее, сохраняя постоянную угрозу существенного ущерба конструкциям здания, его отделке.

9. Крыша, защищающая здание от разрушительного воздействия воды, у каждого настоящего строителя и архитектора, да и каждого рачительного хозяина, всегда была заботой первейшей. Внимание к этой части здания особенно возрастала при каком-либо осложнении водоотвода, вызванного конфигурацией здания, появлением парапетов, башенок и других надстроек. Существуют веками проверенные простейшие решения, надежно обеспечивающие защиту нижележащих конструкций от проникновения воды с поверхности кровли. Однако, практически, эти (повторяем: простейшие) приемы — что может показаться совершенно невероятным — не осуществлены.

В лучшем случае, это нечто вроде полдела, а полдела в вопросе водоотвода вовсе ничего не дает.

10. Единственным рациональным решением, очевидно, является возвращение к исходной, проверенной временем и соответствующей законам реставрации конструкции. Это предполагает существенные дополнительные работы и затраты: переделку основания кровли и, естественно, самой кровли. Но более разумного выхода из создавшегося положения не дано.

11. Должен в заключение констатировать, что делу сохранения памятников подобной «реставрацией» уже нанесен существенный ущерб. Проектирование реставрации и производство работ в подобном стиле является не только бессмысленным, но и преступным, так как приводит к окончательной гибели памятника.

Кандидат архитектуры, доцент Л.К. Минерт.

15 июля 1981 г. ».

(Архив АУ РБ «НПУ охраны памятников»)

Добавить что-либо к заключению грамотного и авторитетного архитектора, посвятившего многие годы своей жизни изучению памятников, было нельзя. Стало понятно, что допущенные нарушения надо срочно исправлять, другого решения быть не могло.

Очередной выезд на объект 30.07.1981 г. не придал оптимизма «заказчику» работ (И.П. Ильин), что отразилось в его докладной записке о результатах командировки на имя заместителя министра культуры А.М. Герштейна: «...положение дел с организацией реставрационных работ по церкви Воскресения и в целом по Кяхтинскому прорабскому участку остается крайне неудовлетворительным. На объекте находится 13 человек рабочих, в том числе: плотников — 4 чел. (из жителей Кяхты), штукатуров, командированных СНРПМ из г. Улан-Удэ — 6 че, монтажников — 3 чел. (бригада Банза-

ракцаева)... Систематически не доставляются требуемые стройматериалы и инструменты: известь, цемент, пиломатериал, гвозди, кровельное железо, красители и т.д.».

Устранить многочисленные факты бесхозяйственности на объекте, обеспечить исправление всех нарушений по крыше здания церкви, указанных в заключении Л.К. Минерта, — такая задача была поставлена перед руководством СНРПМ (Б.А. Архинчеев). Необходимость постоянного присутствия на объекте квалифицированного специалиста для принятия оперативных решений, послужили основанием назначения производителем работ на Воскресенскую церковь автора проектных решений архитектора ПСБ СНРПМ Василия Васильевича Мисюля, под руководством которого проводились дальнейшие работы на церкви.

В нач. 1980-х гг. начали решаться вопросы организации отопления и электроснабжения Воскресенской церкви. Производство работ по интерьерам здания, штукатурные работы, устройство полов и т.п. требовали создания благоприятного температурного режима. В виду отсутствия свободных мощностей в Кяхте администрацией города вносится предложение о строительстве для церкви автономной котельной силами Министерства культуры Республики Бурятия.

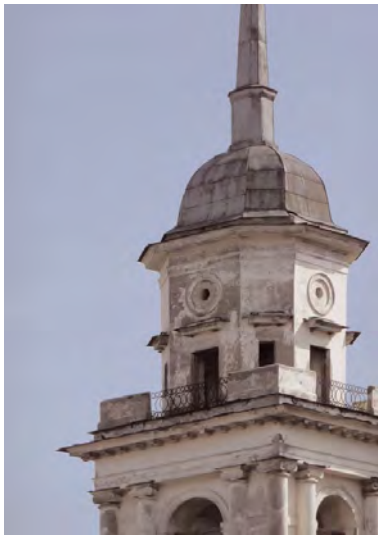
То тут, то там выявлялись ошибки в работе. Лепные розетки подпружных арок, выполненные в 1980 г., не соответствовали старым образцам и по стилевому решению не согласовывались с общим объемом лепного декора. Требовалось демонтировать четырех лепестковые розетки и заменить их на шестилепестковые, соответствующие оригиналу и прошедшие утверждение на созданном при республиканском Министерстве культуры реставрационно-художественном совете. Оконные рамы на центральном куполе были установлены некачественно, без плотного примыкания, о чем свидетельствовали многочисленные следы потеков по стенам. Для реализации задачи обеспечения качества производимых работ в соответствии с реставрационными требованиями, принимается решение установить архитектурный и авторский контроль на объекте с закреплением конкретных специалистов ПСБ СНРПМ (Н.В. Чимитдоржиев).

В 1985 г. приказом по Министерству культуры Бурятской АССР за № 183 от 26 апреля здание Воскресенской церкви и расположенное в охранной зоне здание просвирни передаются на баланс Производственного бюро охраны памятников истории и культуры с указанием: «использовать помещения памятника под музей «Российские географические открытия в Центральной Азии» на арендных условиях Объединенным историко-архитектурным и художественным музеем с 1 января 1986 года». Это решение не ускорило производство работ, но дало объекту еще одного заказчика. Сотрудниками музея разрабатывались свои технические условия для дальнейшей эксплуатации здания (охрана, свет, тепло и т.д.), отвечающие требованиям сохранности будущих экспозиций и организовывались работы по устройству отопления здания. Составляется документация на завершающий этап реставрации, окончание которого планируется на 1988 г. Сумма требуемых затрат составляла 179,8 тыс. руб.

К 1988 г. были произведены работы по оснащению церкви сетями водопровода, приобретается и монтируется трансформаторная подстанция, был выполнен монтаж внутренних и внешних электросетей, в расчищенном подвале установили котельную установку.

В 1989 г. НРПКБ «Бурятпроектреставрация» (Ц.Д. Цыренжапова) выполняет требуемые научно-проектные работы по памятнику и республиканскому Министерству культуры передается «Проект реставрации Воскресенской церкви» (гл. архитектор проекта Б. Лыксоков). Анализ и проверка полученного проекта реставрации выявили необходимость продолжения проектных работ: требовались проекты интерьеров храма, вертикальной планировки и благоустройства территории памятника, включающего в себя ограду, просвирни, беседку и т.д. Проект требовал доработки в части решения шпиля, главки центрального купола, чертежей покрытия купола и угловых башенок, кровли трапезной и портиков, оконных заполнений и рисунка дверных полотен и т.д. Дальнейшее проектирование планировалось вести параллельно продолжающемуся на здании церкви производству работ: полным ходом шло изготовление и установка оконных и дверных коробок по старинным образцам, стеклились оконные переплеты, из ясеневых досок собирались большемерные распашные двери, велись штукатурные работы, приступили к очередному ремонту кровли и т.д. В виду сложности последних работ директором НПЦ охраны памятников (Н.А. Петунова) для выполнения кровельных работ по Воскресенской церкви привлекаются профильные специалисты кооператива «Судостроитель».

Затянувшиеся на двадцать лет реставрационные работы окончательно потеряли свой темп к нач. 1990-х гг. Сложное социально-экономическое положение всей страны в «годы перестройки», от-



разилось на объекте реставрации недостаточным и неравномерным финансированием. По ряду причин того периода, главными из которых стали ошибочность проектных решений, отсутствие в республике организаций способных качественно осуществить полный цикл реставрационных работ, острая нехватка финансирования, работы на церкви были окончательно остановлены.

Для республики это был первый опыт производства крупномасштабной реставрации православного храма. Главная задача не была достигнута, но то, что Воскресенскую церковь уберегли от грозившего ей окончательного разрушения, это бесспорный факт.

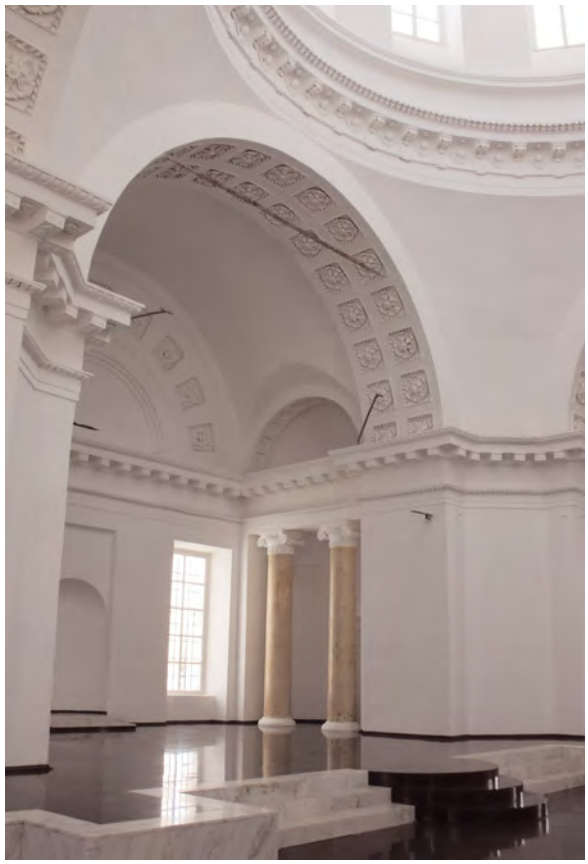
Дальнейшие события развивались по старому сценарию: здание снова осталось невостребованным. Закрытые двери не спасали от желающих проникнуть в нее многочисленных клиентов расположенного рядом контрольно-пропускного пункта российско-монгольской границы. Оказавшиеся здесь случайные люди разбивали стекла, массивные деревянные двери выламывали и бросали в костры. Вся прилегающая к храму территория была забита большегрузными автомобилями, ждущими своей очереди пересечения границы. Что бы хоть как- то приостановить начавшийся процесс вандализма, в 1992 г. «НПЦ охраны памятников» (Н.А. Петунова) приняла решение заложить кирпичом и забить досками открытые оконные и дверные проемы в церковь, что и было организовано, а затем неоднократно повторялось благодаря помощи специалистов отдела культуры Кяхтинской районной администрации (Л.С. Жамболтарова). На рассмотрение реставрационного совета при Министерстве культуры в 1995 г. выносился вопрос о необходимости консервации здания церкви и проведению работ по восстановлению ее ограды.

Учитывая дальнейшую бесперспективность использования здания под музей, распоряжением Государственного Комитета имущества Российской Федерации и Министерства культуры Российской Федерации за №40/454-р от 5 апреля 1996 г. Воскресенская церковь была передана по договору в бессрочное и безвозмездное пользование Русской православной церкви. Силами прихожан действующей Кяхтинской церкви в честь Успения Божией Матери и ее настоятеля отца Олега (О.В. Матвеева) здание Воскресенской церкви было очищено от накопившегося мусора, в ее южном Казанском приделе была оборудована временная церковь, где начали совершаться редкие богослужения. Однако малочисленная община, принявшая в пользование здание-памятник, не могла противостоять происходившему процессу разрушения церкви.

Органом охраны памятников (Н.А. Петунова) предпринимались многочисленные попытки решить финансовую сторону проблемы. Пытались привлечь администрацию города Кяхты, Государственный таможенный комитет России и многие другие организации в надежде оказания поддержки, пусть не финансами, но материалами и техникой. Но только открытие государственного финансирования работ по сохранению объектов культурного наследия в рамках федеральной целевой программы «Культура России» позволило приступить ко второй очереди полномасштабных реставрационных работ на Воскресенской церкви.

Несмотря на то, что 31 августа 2000 года был зарегистрирован Свято-Воскресенский приход, подготовку заявок на включение в План мероприятий программы «Культура России» организовал «Научно-производственный центр охраны памятников» под руководством Натальи Аполлоновны Петуновой.

На выделенные в 2001 г. средства (300 тыс. руб.) были организованы работы по восстановлению ограды церкви, от которой на момент начала работ сохранились лишь фундамент, несколько плит облицовки цоколя и один столб, закопанный в землю. Для организации и производства работ по устройству ограды Воскресенской церкви был привлечен Реваз Ревазиевич Лутидзе, бывший военный, профессиональный инженер- строитель. Он был первым специалистом-реставратором в Республике Бурятия, аттестованным в 2002 г. Министерством культуры Российской Федерации и получившим лицензию на осуществление деятельности, связанной с обследованием состояния, консервацией, реставрацией и ремонтом памятников истории и культуры федерального (общероссийского) значения.



Устройство фундаментов, массивных кирпичных столбов на высоком цоколе, изготовление и монтаж металлического заполнения ограды растянулось на пять лет (2000−-2005 гг.). Только завершение этих работ позволило отсечь от храма транспортный поток и тем самым прекратить механическое разрушение памятника.

Организация всего комплекса дальнейших работ (проектных и реставрационных) по Воскресенской церкви продолжилась под руководством Ирины Александровны Петровой, возглавившей в 2005 г. орган охраны памятников Республики Бурятия. Благодаря налаженной ею планомерной работе по ежегодной подготовке, обоснованию и защите на федеральном уровне заявок на реставрационные работы по объектам культурного наследия республики, на Воскресенскую церковь стали выделяться средства из федерального бюджета (Федеральная целевая программа «Культура России»).

Полученные в 2007 г. 5,5 млн руб. были направлены на разработку необходимой научно-проектной документации в составе: комплексные научные исследования (ООО «Архитектурное наследие» г. Иркутска, рук. Д.А. Тимофеев) и проект реставрации церкви (ООО «Алтарь», рук. Е.В. Нечаева), а также на проведение первоочередных работ по устройству металлической кровли над основным храмом (ИП Лутидзе Р.Р.). В том же году был изготовлен и установлен на центральном куполе церкви металлический позолоченный сусальным золотом крест (позолотчик Олег Шулепов). Производителем всех дальнейших реставрационных работ на церкви стал Реваз Лутидзе, собравший под свое крыло рабочих-профессионалов каменщиков, штукатуров, лепщиков, плотников со всей республики. На этот подготовительный этап ушло еще два года, 2008−2009 гг. (финансирование работ из федерального центра в эти годы было приостановлено).

2010 и 2011 годы, стали переломными в ходе проведения второго этапа реставрационных работ на Воскресенской церкви. К юбилейной дате, 350-летней годовщине добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства, Министерством культуры Российской Федерации были выделены запрашиваемые 95 млн руб. на проведение комплекса реставрационных работ на памятнике архитектуры федерального значения «Воскресенская церковь в г. Кяхта».

Сегодня можно сделать вывод, что выполнение за неполные два года намеченного объема работ, стало возможным благодаря своевременно проведенной органом охраны памятников масштабной подготовительной работы, в том числе взаимной

увязке исследовательских и реставрационных работ, их планомерности и комплексности.

Вопросы рассмотрения, корректировки и согласования проектных решений, безотлагательно, в срочном порядке выносились госорганом на обсуждение Реставрационного совета, созданного при Научно-производственном центре охраны памятников. Обеспечив процесс реставрации объекта постоянным техническим (ОАО «Мосстройреставрация» г. Москва) и авторским (ООО «Архитектурное наследие» г. Иркутск) надзором, вопросы качества выполняемых работ, соответствия их согласованным проектным решениям, стали основными для многочисленных проверок объекта, проводимых специалистами органа охраны памятников. На организованные еженедельные планерные совещания выносились все срочные вопросы, в том числе по дополнительному обеспечению объекта технической документацией, закупке строительных материалов и инструментов и т.д. Вопросы кадрового обеспечения объекта решались производителем работ Р.Р. Лутидзе. Три бригады профессиональных специалистов-реставраторов: кровельщики (бригадир Бадлуев Владимир), штукатуры (бригадир Введенский Александр), лепщики (бригадир Дампилон Бато), на протяжении двух лет жили и работали в Кяхте.

Представленный перечень видов работ, выполненных реставраторами за два последних года работы на Воскресенской церкви, дает представление об интенсивности и характере их труда.

В 2010 г. было освоено 30 млн руб. на наружные работы по церкви:

а) *Колокольня:*

— кровля (замена отдельных элементов стропильных конструкций, смена обрешётки, покрытие оцинкованной сталью, монтаж креста);

— укрепление и реставрация кирпичной кладки;

— реставрация и воссоздание штукатурки фасадов;

— изготовление моделей, гипсовых форм, отливка и установка орнаментированных модульонов и кронштейнов;

— известковая окраска.

б) *Оконные заполнения и решётки (колокольня, главки):*

— изготовление и установка оконных и дверных коробок;

— изготовление, остекление, масляная окраска и установка оконных переплётов;

— изготовление, окраска и сборка металлических решеток.

в) *Фасады:*

?— расчистка, реставрация и воссоздание штукатурных фасадов по кирпичным поверхностям;

— реставрация и воссоздание штукатурки по камню (откосы, колонны круглые, своды, купола);

?— покрытие (закомары, парапеты, раскреповки, столбики, подоконники и др. выступающие части здания);

— изготовление моделей, гипсовая отливка и установка орнаментированных модульонов, кронштейнов и капителей;

?— известковая окраска архитектурно-лепного декора и поверхностей стен.

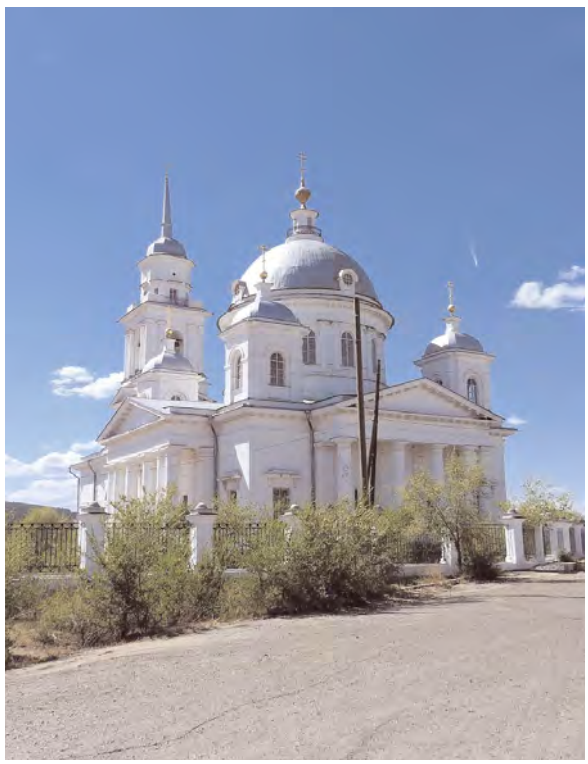
г) *Главки:*

— демонтаж, сборка, окончательная отделка и монтаж крестов с устройством креплений;

— разборка сложного покрытия из кровельной стали, смена обрешётки, покрытие сложных крыш, выступающих частей стен (фризы, пояски, сандрики, подоконники, кокошники, порталы, контрфорсы);

— реставрация и воссоздание штукатурных фасадов по кирпичным поверхностям (столбы, пилястры, колонны, оконные и дверные четверти, карнизы, криволинейные поверхности);

— известковая покраска.



За 2011 г. на объекте «Воскресенская церковь» было освоено 65 млн руб.:

— воссоздание и реставрация штукатурки стен и потолков внутренних помещений;

— реставрация и воссоздание гранитных полов, ступеней;

— реставрация и воссоздание оконных переплетов и дверных полотен;

— реставрация и воссоздание северного, южного и восточного портиков (реставрация камней из песчаника, реставрация простой кладки прямоугольных тумб крыльца):

— реставрация и воссоздание входов (ступеней и покрытий из гранита) на колокольню и трапезную;

— реставрация и воссоздание лепного декора внутренних помещений;

— воссоздание штукатурки ограды.

Освоение выделенных Министерством культуры Российской Федерации 100,5 млн руб. в течении пяти лет, позволило завершить работы по реставрации Воскресенской церкви в 2011 г.

Главный результат был достигнут, что дало возможность впервые за несколько прошедших десятилетий оценить изысканную красоту церкви. Отреставрированная, белоснежная Воскресенская церковь, вновь украшенная золочеными крестами, вернулась к своей высокой духовной цели.

И уже 8 сентября 2011 г. управляющий Улан-Удэнской и Бурятской епархией епископ Савватий совершил чин великого освящения Казанского придела и Божественную литургию в новоосвященном приделе.

Сегодня Воскресенская церковь живет своей новой жизнью, радуя наш край духом русского храмового зодчества. Но еще ждут своего часа ее иконостасы, колокола, часы, часовня и многое другое. Для их возвращения объект оставлен в программных планах финансирования дальнейших работ. Комитет государственной охраны объектов культурного наследия администрации главы Республики Бурятия и правительства Республики Бурятия ежегодно формирует заявки в Министерство культуры Российской Федерации на финансирование работ по сохранению памятника архитектуры федерального значения Воскресенской церкви города Кяхта.

В ПАМЯТЬ ПОДВИГА на Курской дуге

9 мая 2019 г. в Кяхте состоялось торжественное открытие бюста Героя Советского Союза Павла Баннова, уроженца Кяхтинского района. Памятник создан в Студии военных художников им. М.Б. Грекова Министерства обороны Российской Федерации скульпторами Алексеем Чебаненко и Александром Головачёвым.

Герой Советского Союза Павел Баннов вошел в историю Великой Отечественной войны, как самый результативный истребитель немецких «тигров». Из хроники военных событий известно, что из числа советских асов-бронебойщиков, поражавших танки противника из противотанковых ружей Симонова и Дегтярёва, сержант Павел Баннов занимает пятое место. Будучи наводчиком расчета противотанкового ружья, в первых числа июля 1943 г. в ходе боев на Курской дуге уроженец Кяхтинского района подбил восемь немецких танков, из которых 6 тяжелых «тигра» с мощнейшей на тот период броней.

По общему числу подбитых танков в списке военных рекордсменов впереди Павла Баннова стоят сержант Иван Деревянко (10 легких и средних танков), рядовой Илья Каплунов (9), рядовой Семен Антипкин (8 танков и 1 самолет) и младший сержант Петр Болото (8). Однако Павел Баннов в одном бою 10 июля 1943 г. на Орловщине уничтожил сразу 6 «тигров» и две «пантеры», и это выделило его в этом ряду как самого результативного среди советских бронебойщиков истребителя тяжелых танков противника.

В наградном листе на Павла Баннова так был описан его бой, за который он был представлен к высокому званию Героя Советского Союза:

«10 июля, отбивая атаку немецких танков, подбил из ружья ПТР четыре танка. В то же число при повторной атаке противника подбил еще два танка. Тов. Баннов, будучи тяжело ранен в плечо, все же продолжал стрельбу из ПТР по немецким танкам, и прекратил вести огонь лишь тогда, когда его ружье было повреждено осколками вражеского снаряда. За отвагу, мужество и геройство в боях за Родину достоин правительственной награды и присвоения звания «Героя Советского Союза. 12 июля 1943 г.».

На вооружении Красной Армии состояли в 1943 г. противотанковые ружья, стрелявшие 63-грамо-

выми пулями со скоростью 1012 м/сек. Они относительно легко могли пробивать броню легких и даже средних танков противника, но оказались бессильны перед броней новейших «тигров», впервые массово использованных фашистами в сражении на Курской дуге.

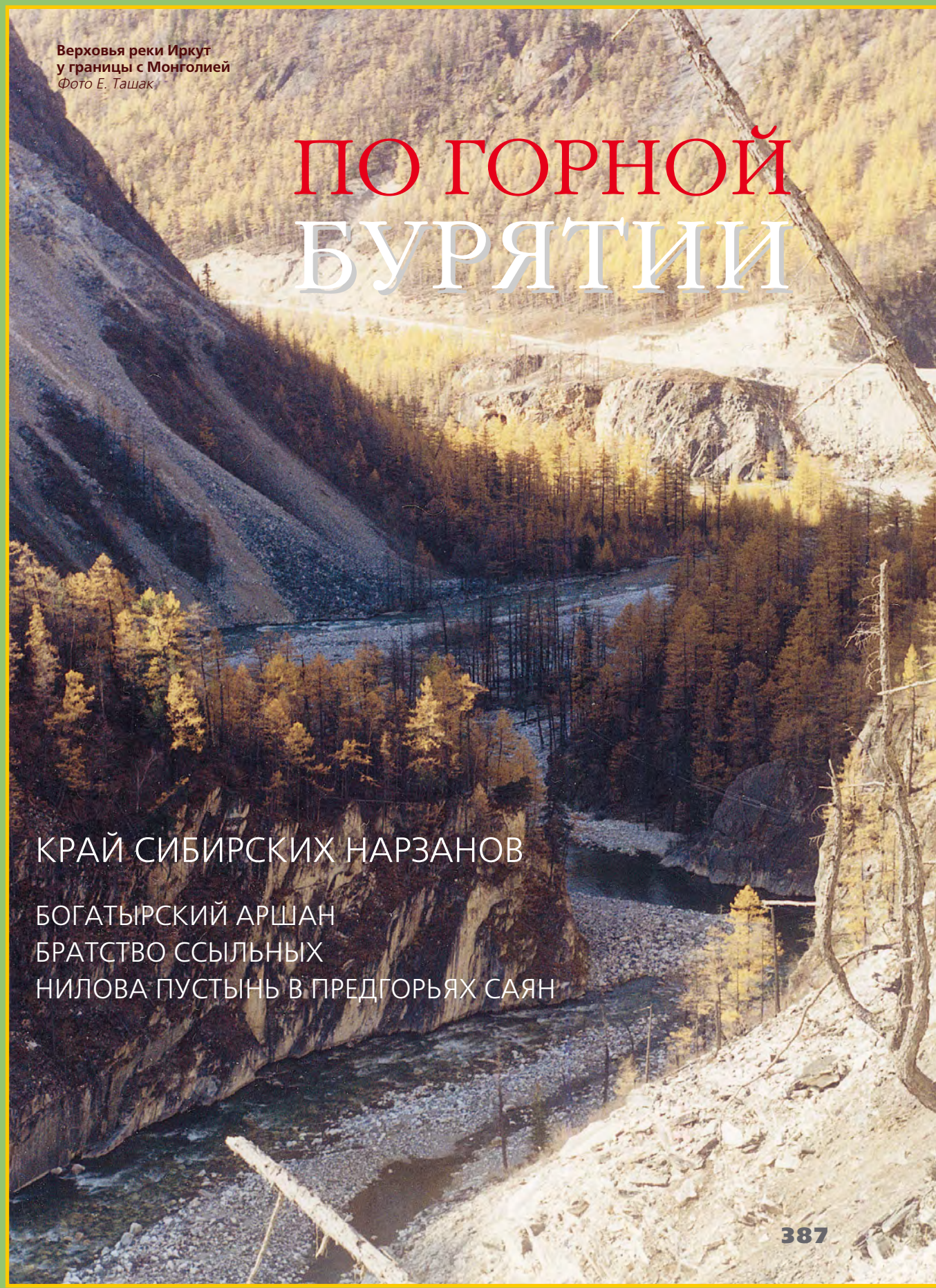
Секрет же заключался в уязвимых местах немецких «тигров», вычисленных Павлом Банновым «охотничьем чутьем». Как писали по этому поводу историки, «после нескольких пробных попаданий выяснилось, что такими местами являются щель между башней и корпусом, смотровые щели, гусеничные траки и броневой лист возле бензобака сбоку».

Бой 10 июля 1943 г. на Курской дуге стал для Павла Баннова последним на той войне. Получив тяжелое ранение, он сначала попал в госпиталь, а затем демобилизовался и вернулся на малую родину, в село Новодесятниково Кяхтинского района Бурят-Монголии.

Главный военный прокурор генерал-полковник В.Г. Петров на открытии памятника Баннову в Кяхте.
9 мая 2919 г.

НОВАЯ ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

26 сентября 2020 г. в Кяхте открылась новая Триумфальная арка, посвященная исследователям и первооткрывателям районов Центральной Азии. Памятник построен по инициативе президента Русского географического общества, министра обороны Российской Федерации Сергея Шойгу и заместителя Генерального прокурора России – Главного военного прокурора Валерия Петрова.
Авторы проекта – художник студии им. М.Б. Грекова Алексей Чебаненко и архитектор Андрей Белый. Арка украшена восемью архитектурными барельефами исследователей, выполненных на фоне характерных для них предметов и пейзажей. Это Николай Михайлович Пржевальский, Григорий Николаевич Потанин с супругой Александрой Викторовной, Владимир Афанасьевич Обручев, Михаил Васильевич Певцов, Всеволод Иванович Роборовский, Бронислав Людвигович Громбчевский, Григорий Ефимович Грум-Гржимайло, Пётр Кузьмич Козлов.

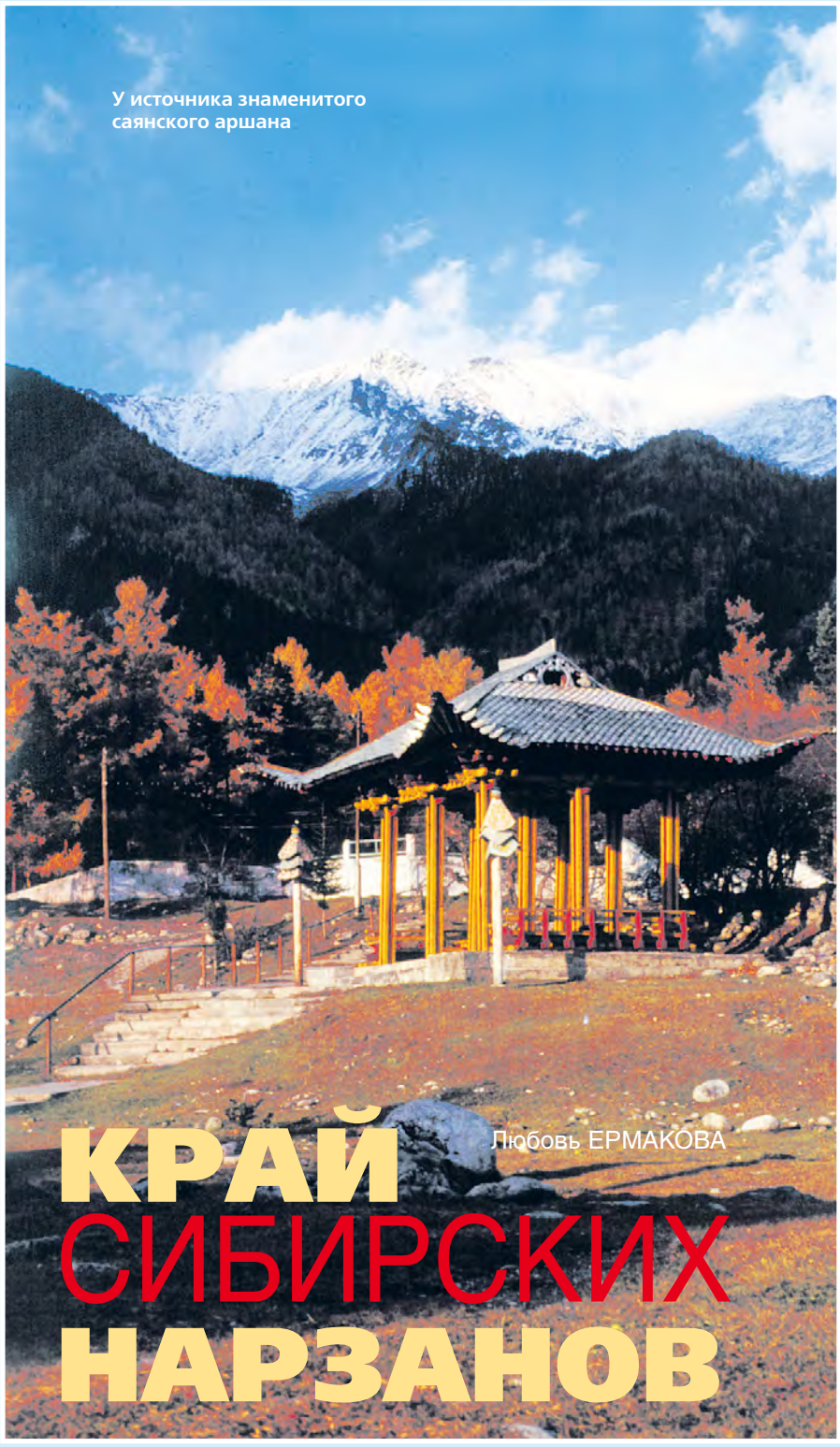


Верховья реки Иркут у границы с Монголией
Фото Е. Ташак

ПО ГОРНОЙ БУРЯТИИ

КРАЙ СИБИРСКИХ НАРЗАНОВ

БОГАТЫРСКИЙ АРШАН
БРАТСТВО ССЫЛЬНЫХ
НИЛОВА ПУСТЫНЬ В ПРЕДГОРЬЯХ САЯН



У источника знаменитого саянского аршана

КРАЙ СИБИРСКИХ НАРЗАНОВ

Любовь ЕРМАКОВА

До Тунки от Улан-Удэ по шоссе — 480 километров, от Иркутска намного ближе — 220 километров. «Всего» 120 километров до долины от железнодорожной станции Слюдянка, откуда в Тунку чаще всего и едут отечественные и иностранные туристы. Тункинский национальный парк может предложить для них самые различные виды активного отдыха — автомобильный, конный, пеший, водный, горный.

БОГАТЫРСКИЙ АРШАН

Большинство приезжающих в Тункинскую долину устремляются в курортный поселок Аршан пить минеральную воду. Бурятское слово «аршан» буквально означает «целебная вода». Все целебные источники в Бурятии считаются священными местами. Возле них деревья и кусты увязаны цветными лоскутами материи в знак особого поклонения духам — хозяевам местности.

Открытие здешних минеральных источников русскими исследователями относится к середине XIX века, хотя местное население пользовалось ими с давних пор. Первое официальное сообщение о целебном источнике сделал 19 августа 1894 года миссионер Чистохин на заседании ученого совета Томского университета: «В районе Койморской инородческой управы в Тункинском инородческом ведомстве Иркутской губернии мной найден минеральный кисло-содово-железистый источник. Вода эта принесет несомненную пользу для страждущего человечества».

И аршан, действительно, совершал чудеса, исцеляя боль-

Тункинская долина в среднем течении реки Иркут простирается с запада на восток между озером Хубсугул в Монголии и Байкалом. Ее окаймляют величественные хребты Хамар-Дабана и Восточных Саян. Кому привелось оказаться в Тунке хоть раз, стремится сюда вновь и вновь. Иные возвышенно величают эти места «Сибирской Швейцарией», «Жемчужиной Сибири», а кто-то ласково и просто называет их «райским уголком». Здесь сказочные ландшафты: скалистые, вечно покрытые снегом пикообразные вершины от 2500 до 3000 метров и более, альпийские луга, ледники, песчаные дюны и тундра, степи и предгорья, горно-таежные массивы, таинственные ущелья, причудливые каньоны, прозрачные реки, стремительные водопады.

Издавна славится эта земля как край сибирских нарзанов. На сравнительно небольшой территории сосредоточены источники минеральной воды — аналоги знаменитых минеральных вод Кавказа. Здесь, в Тунке, есть свои достаточно известные в Сибири курорты Аршан и Нилова пустынь и пока еще экзотично-дикие целебные уголки: Шумак, Хонгор-Уула, Жемчуг, Папий, Субарга, Саган-Угун, Шармак и многие другие.

В 1991 году в границах всего Тункинского района Бурятии создан Национальный парк. Он граничит на юго-западе с Монголией, примыкая к величайшей вершине Восточных Саян — горе Мунку-Сардык (3491 метр над уровнем моря).

Тункинская долина. Река Иркут

Фото С. Конечных

Гора Мунку-Сардык

…Бушуют реки там, грохочут водопады,
Питают родники их вечные снега…
И выше облаков вздымаются громады,
Едва до пояса одела их тайга…
Пилообразные, зазубренные пики
Так смело брошены зубцами в небеса,
Так неприступны кажутся и дики —
Своеобразная и гордая краса…
То можно видеть их с подошвы до вершины
Во всем величии, в коронах дорогих,
То скрыты в облаках они до половины,
То будто в воздухе висят вершины их
И тонут в синеве небесной так высоко,
То вдруг закроются туманной пеленой,
Как будто отступив далёко, так далёко...
И в воздухе висят зазубренной стеной.
То грозные вершины их оденут тучи:
Стоит, нахмурившись, гранитный великан…
Нависнут облака вдруг линией могучей,
И закурятся вдруг все горы, как вулкан…
Как утром хороши проснувшиеся Гольцы!
Восток их озарит, когда в долине мрак,
Как будто страшный змей свои свивает кольца,
Клубится там туман, бегущий в страхе враг…
Но можно ль передать оттенки, краски, тени,
Когда позолотит их заревом закат,
Как будто в мир иной открылись вам ступени…
Но бедный наш язык словами не богат.
Как светлый перламутр с оттенком алой розы,
Сверкают там снега почти что круглый год…
Как в сказке, наяву вас вдаль уносят грезы,
Где нежных облаков кружится хоровод…
А ночью при луне хребет, как привиденье
Титана в саване, готового привстать,
Что бродит по ночам, лишенный погребенья,
Чтоб бедных грешников долины напугать…
Но горы каждый день встают разнообразней
И каждый час почти они меняют вид:
Чем больше я смотрю, тем кажутся прекрасней
Зубцы трехгранные природных пирамид.

А.В. Львов. *Аршан, май 1902 г.*

ных, чему в немалой степени способствовал и целебный горный лесной воздух. Профессор А.В.Львов, один из первых ученых, производивший детальное обследование здешних источников в 1908 году, на себе испытал их целебную силу. В 1899 году он прибыл в Тунку как политический ссыльный, казалось, безнадежно больной туберкулезом. Но произошло чудо: красота долины, чистейший воздух и минеральная вода оздоровили его, вернули к жизни, к научной и творческой деятельности.

Курорт Аршан как стационарное лечебное учреждение действует с 1920 года. Он расположен у подножия Саянских гольцов, на высоте 900 метров над уровнем моря, в окружении густого соснового леса. Рядом мчит свои воды горная незамерзающая река Кынгарга. В ее

Профессор А.В. Львов

Вид Восточных Саянских гор

верхнем течении множество великолепных по красоте водопадов. Самый большой и наиболее доступный из них — первый водопад двенадцатиметровой высоты — находится в полутора километрах от курорта. Вода при падении образует водяную пыль, ионизирующую воздух в ущелье, и потому он здесь влажен и прохладен даже в разгар жаркого лета. Чуть выше по реке можно полюбоваться «мраморным дном»: здесь русло прозрачной, как стекло, Кынгарги «выложено» гладко отполированным водой розовато-желтым мрамором.

По дороге к Аршану потрясающее зрелище — потухшие вулканы. Лавовый холм вулкана «Тальская вершина» расположен между селом Саганур и трассой Тунка — Аршан. Он достигает высоты 68,5 метра, его протяженность с севера на юг 1,225 метра, а с запада на восток до 745 метров. В центре вулкана — кратер диаметром 70–80 метров, глубина которого больше шести метров.

В семи километрах от Аршана находится еще один потухший вулкан Хара-Болдок (его также называют Уляборским, Хайремским и вулканом Черского). Хара-Болдок имеет подковообразную форму высотой более ста метров, диаметром 650–700 метров. Диаметр кратера этого вулкана достигает 80–100 метров. Не менее впечатляют и другие вулканы, жизнь которых замерла 1,5–2 миллиона лет назад.

В трех километрах от курорта на правом берегу Кынгарги стоит памятник на братской могиле семи бойцов из отряда красного командира Нестора Каландаришвили, которых схватили и расстреляли белогвардейцы летом 1918 года.

Источник Папий находится в двенадцати километрах западнее Аршана. У подножия южного склона Тункинских гольцов выходят на поверхность слабоминерализованные карстовые воды, очень популярные у местного населения. В десяти километрах можно обнаружить «Стол Чингисхана» — огромный камень, за которым могли бы уместиться сто человек. По преданию, грозный завоеватель приносил здесь жертвы богам. Возле камня находят кости жертвенных животных, встречаются и надписи на тибетском языке.

Неподалеку от этого места, в Хандагатае, в 1916 году был выстроен буддийский монастырь при активном участии выдающегося тибетского и бурятского просветителя Агвана Доржиева. Это

Перед горным маршрутом

Санаторий «Саяны». *Фото С. Цыденовой*

Аршанский (Хоймарский) дацан. *Фото С. Конечных*

Река Кынгарга в Аршане. *Фото С. Конечных*

он определил место дацана, «где в давние времена Чингисхан совершал обряды, посвященные духам гор, и которое позднее было благословлено появлением святых». «Это наилучшее место, — писал Агван Доржиев в «Автобиографии». — Местные горные духи предпочитают эту «белую сторону» и ясно проявили некоторые хорошие признаки их присутствия». Ламы Хандагатайского дацана проводили особые церемонии у престола Чингисхана, на «обо» (священном месте) Баян-Манзал, на аршанах Субарга и Папий. Эти традиции унаследовал современный дацан Бодхидхарма (буддийское объединение Хоймара). Он сооружен неподалеку от Аршана.

Койморы (Хоймары) — так называют северную часть долины, куда относят ближайшие к Аршану села Тагархай, Толтой, Саганур, Табалангут, Галбай, Улбугай.

Село Тагархай — родина Героя Советского Союза Ж.Е. Тулаева, снайпера, уничтожившего в годы войны 313 фашистских захватчиков. Он был похоронен в 1961 году в трех километрах от села. Родом из Тагархая другой

герой Отечественной войны — дважды кавалер ордена Александра Невского С.Ж. Андыков, а из Улбугая — полный кавалер ордена Славы С.Х. Булутов.

В Сагануре, что в двенадцати километрах от Аршана, родился и жил известный сибирский сказочник Е.И. Сороковиков-Магай (1868–1948). Он похоронен в восьми километрах от села на Никольском кладбище, где покоятся первые русские землепроходцы, казаки, политссыльные и многие известные жители Тункинской долины.

В центре села Толтой установлен бюст Ж.Е. Тулаева. Мемориальной доской отмечен дом, в котором он жил с 1955 по 1961 год. Теперь тут расположен детский сад. В Толтое установлен памятник павшим в годы Великой Отечественной войны воинам-землякам.

Наверное, закономерно, что из местности Койморы вышли знаменитые бурятские спортсмены и тренеры: борцы Ивахиновы, Сыдеев, лучник Цыренжапов и другие. Ведь их малая родина считается прародиной величайшего героя бурятского эпоса богатыря Гэсэра.

Покровская церковь в Тунке после восстановления в 2000 г.

В Тунке бытует легенда о том, что упоминаемые в эпосе 33 батора Гэсэра, очистив землю от злых сил, не вернулись на небо, а остались на земле верными стражами мира и добра для людей. Окаменев, они превратились в саянские вершины. Народный поэт Лопсон Тапхаев вторит легенде:

О славных баторах поныне
Предания живы у нас,
В моей колыбельной долине,
Прекрасной, как дедовский сказ...

БРАТСТВО ССЫЛЬНЫХ

По дороге к Аршану нельзя миновать прежней «столицы» долины — поселка Тунка. Есть несколько версий происхождения этого названия. Слово «тунэхэ» в переводе с бурятского означает «блуждать, бродить». Есть также слово «тунга» — нетронутый, нехоженый, свежий. По-тунгусски слово «тункэн» означает «барабан». По одной из легенд, здесь некогда жил могучий шаман, чей барабан на камланиях звучал призывно и грозно, пробуждая эхо в горах. После смерти шаман стал духом этих мест и вод, и как только наступает ночь, над горами разносится тревожный звук его барабана...

По берегам речки Тунки, притока Иркута, когда-то обитало исчезнувшее племя кераитов — тункаитов. Они упомянуты в арабской хронике Харуна Рашида-ад-Дина: «... и повелел Чингисхан собрать племена тункаитов и кераитов». По всей видимости, древнемонгольские тункаиты и дали название Тункинской долине, в которой теперь живут их потомки: хонгодоры, шошологи, тэртэ, хурхуды, сойоты.

В середине XVII века в Тункинской долине появляются русские казаки. В 1676 году ими был поставлен Тункинский острог. Строил его боярский сын Иван Перфильев «в самом крепком и

Покровская церковь в Тунке
Конец XIX в.

угожем месте, со всякими рыбными и звериными промыслами, со скотным выпуском и пашнею». По словам старинного документа, «всем ангарским острогам ясачным Тункинский острог был застенье и оборона».

После возведения острога в долине Иркута распространяется православие. Рубится деревянный храм. Казаки и священники-миссионеры убеждают туземное языческое население принять «истинную веру». Известный ученый, а впоследствии революционер-анархист П.А. Кропоткин, побывавший в 1867 году в Тунке, поднимался на колокольню старой казачьей церкви, чтобы осмотреть долину. «Для археологов гораздо интереснее будет казачья церковь, — писал он впоследствии, — и вообще церковь довольно богатая, имеет богатую ризницу, и жалко будет, если с разрушением ее пропадет для потомства этот интересный исторический памятник».

Деревянный храм, однако же, сгорел. Но осталась каменная Покровская церковь, которую начали возводить в 1812 году, а освятили в 1820-м. Она и теперь возвышается в центре села Тунки и видна отовсюду. Путешественники поэтично сравнивали этот храм с «огромным белым кораблем, плывущим в зеленом оазисе».

После революции Покровскую церковь в Тунке закрыли, здание обратили в сельский дом культуры. В 1995 году с приездом в село священника отца Александра из Иркутска началась реставрация

Дом декабриста В.С. Толстого в Тунке
Рисунок Н. Каразина для журнала «Нива». 1883 г.

Политкаторжанка М.А. Коленкина (слева) в гостях у местной жительницы А.И. Андреевской в период ссылки. *Конец XIX в.*

Народоволец В.А. Денисов (слева) с дочерью и друзьями Маринаки, Белоголовым и Шведовым. Н.А. Белоголовый (сидит с чашкой чая) — известный ученик декабристов, видный общественный деятель Сибири

храма. Ныне он почти полностью восстановлен, в нем ведется служба.

Напротив нового трехэтажного здания средней школы на углу улицы, недавно переименованной в улицу А.В. Львова, стоит аптека. Старое здание хранит память о политических ссыльных, которых в Тунке перебывало более двух тысяч. В селе жили декабристы, народовольцы, участники польского национально-освободительного движения, эсеры и большевики.

Пребывание декабристов Владимира Сергеевича Толстого и одного из организаторов Общества соединенных славян Юлиана Казимировича Люблинского не прошло незамеченным для жителей Тунки. Декабристы обучали местных детей грамоте и оказывали населению медицинские и юридические услуги. В.С. Толстому после двухлетней сибирской ссылки разрешили отправиться на Кавказскую войну. Уезжая, он отдал свой дом под народное училище. Позднее в нем находилась мирская изба, откуда управляли всей волостью. Ю.К. Люблинский провел в Тунке 16 лет, обзавелся тут большой семьей, женившись на дочери казачьего урядника, и покинул этот край только после амнистии.

Еще более тесно связаны с Тункой судьбы народовольцев. По нраву пришлась тункинцам М.А. Коленкина, член «Земли и Воли», активная участница «хождения в народ», близкая подруга знаменитой террористки Веры Засулич. Другой народоволец В.А. Денисов собрал в Тунке богатую библиотеку и запомнился сельской молодежи своими стихами и песнями под гитару. В ту пору он оказал огромное влияние на будущего видного коммунистического деятеля С.А. Шойжелова-Нацова, выходца из Тунки. Длительное время жила в Тунке дочь политссыльного, Екатерина Васильевна. Денисова. Она работала в аптеке, и многие жители ее хорошо помнят.

Особой любовью пользовался И.В. Баринов, осужденный по громкому процессу «50-ти». В 1913 году Баринова похоронили рядом с убитой грабителями женой на уже упоминавшемся выше Никольском кладбище. На памятнике высечена эпитафия:

Спи, товарищ, молодые годы
Ты борьбе за правду посвятил.
Свою долю на алтарь свободы
Без раздумья честно положил.

Дружной колонией жили в Тунке польские революционеры. Среди них был художник С. Вронский, отразивший в своих художественных полотнах красоту Тункинской долины; Б. Шварц, полиглот, владевший чуть ли не всеми европейскими языками и женившийся тут, кстати говоря, на местной казачке. Стоит отметить и Юзефа Пилсудского, будущего основателя и главу довоенной независимой Польши.

Необычайно сложилась судьба политссыльного Михаила Войнича. Он прибыл в Тунку, мечтая о побеге. Работал фармацевтом в аптеке, где постоянно виделся с русскими революционерами. Получив от них надежные адреса, Войнич скрылся из Тунки и с помощью своих новых друзей оказался в Лондоне на квартире русского эмигранта Степняка-Кравчинского. Здесь он встретился с Этель Лилиан Буль, которая вскоре стала его женой. Э.-Л. Войнич создала позже известнейший роман «Овод», имевший необыкновенную популярность в революционной России и в СССР. Когда Войнич, жившую в преклонные годы в Нью-Йорке, посетила делегация советских писателей, она передала им дорогую и памятную для нее реликвию — перочинный ножичек. С ним Михаил Войнич совершил побег из Тунки.

После открытия целебных вод Тункинской долины в обществе возник небывалый ажиотаж. Родилась даже поговорка: «Быть в Иркутской губернии и не побывать в Тунке — все равно что

Старый Кыренский дацан. *Фото начала XX в.*

Ламаистская религия в Тунке стала активно внедряться только в конце XIX века

Существующий дацан в Кырене построен заново в 1990-х гг.

Политссыльные Тунки на охоте. *Конец XIX в.*

быть в Риме и не видеть римского папы». Практический интерес вызывал этот край у ученых. Здесь побывали Г.Н. Потанин, П.П. Семенов-Тян-Шанский, В.А. Обручев, А.П. Окладников, С.П. Перетолчин и другие менее известные исследователи. Благодаря их экспедициям были составлены первые представления о несметных сокровищах недр этого отдаленного края.

Многие памятные места Тунки связаны с борьбой за установление советской власти и событиями гражданской войны. На Никольском кладбище похоронен участник русско-японской и первой мировой войн, полный Георгиевский кавалер Иннокентий Истомин, создавший в 1918 г. комитет бедноты селения Ахалик и убитый казаками. Рядом похоронен И. Захаров, командир отряда красногвардейцев из Слюдянки, выступившего на помощь комбеду. Он также был расстрелян казаками. Памятники и обелиски, которые можно увидеть по сторонам основной трассы, напоминают о боях отряда красногвардейцев Н.А. Каландаришвили. Ему установлен памятник в селе Кырен, нынешнем административном центре Тункинского района.

НИЛОВА ПУСТЫНЬ В ПРЕДГОРЬЯХ САЯН

В отрогах хребта Восточных Саян, в долине реки Ихэ-Угунь, притока Иркута, находится удивительное местечко Нилова пустынь. От райцентра Кырен до пустыни километров тридцать пять, а от ближайшего к ней села Туран — около десяти.

Дорога ведет, петляя, в ущелье, где по берегам горной реки Ихэ-Угунь, в густом лесу расположились деревянные строения пансионатов и каменный ванный корпус курорта Нилова пустынь. Курорт специализируется на восстановлении опорно-двигательной системы, излечении кожных, нервных, женских заболеваний.

Через Нилову пустынь пролегает путь туристов к Шумаку. Там, в горной местности, выходят на поверхность свыше ста двадцати целебных минеральных источников. Трехдневное восхождение к Шумаку начинается у соседнего села Хойто-Гол. Здесь обычно берут коней и проводника.

До 1917 года сибирская Нилова пустынь была приписана к Иркутскому архиерейскому дому.

Лечебные свойства здешних радоновых вод были известны бурятам и русским давно, раньше чем источники Аршана. Впервые обратил на них внимание пограничный пристав Черепанов еще в 1830 г.. В 1840 г. по указанию иркутского генерал-губернатора В.Я. Руперта были построены специальное здание и ванны для лечения водами супруги генерал-губернатора, которая через несколько сезонов благополучно излечилась от паралича руки.

Покидая свой пост в 1845 году, Руперт передал домик и ванное здание в дар архиепископу Иркутскому и Нерчинскому Нилу. В этой малолюдной, пустынной, но удивительно живописной местности, «дышащей хладом и влагою», владыка Нил решил основать архиерейскую дачу с целью обращения окрестных бурят в православную веру. При этом преследовались также и лечебные цели. В одном из существующих домов была освящена церковь во имя Нила Столобенского, а в 1850 году рядом возведена красивая, отделанная под кирпич, одноглавая церковь, увы, не дошедшая до наших дней.

Основатель пустыни архиепископ Нил был образованным человеком и сам переводил для бурят священные и богослужебные книги, интересовался мирскими науками. Пешком он не раз отправлялся на Шумак, собрал богатейшую коллекцию минералов, хранящуюся ныне в этнографическом отделе Санкт-Петербургского университета. Архиепископ Нил очень любил свою пустынь, часто посещал ее и был почитаем местными жителями. Как дань памяти основателю пустыни его имя сохранено за ныне действующим курортом.

На минеральных водах Ниловой пустыни побывали декабристы и их жены, отбывавшие ссылку в различных уголках Сибири: Волконский, Трубецкой, Бестужевы, Поджио, Вольф, Пущин... Декабрист Владимир Федосеевич Раевский, побывавший в Ниловой пустыни не однажды, посвятил источнику стихотворение «Дума»:

Прости, ключ жизни, ключ святой,
Твои я пил целебны воды,
И снова жизнью и весной
Дышал, как юный сын природы.

Нилова пустынь в Восточных Саянах. *Рисунок Л. Немировского Конец XIX в.*

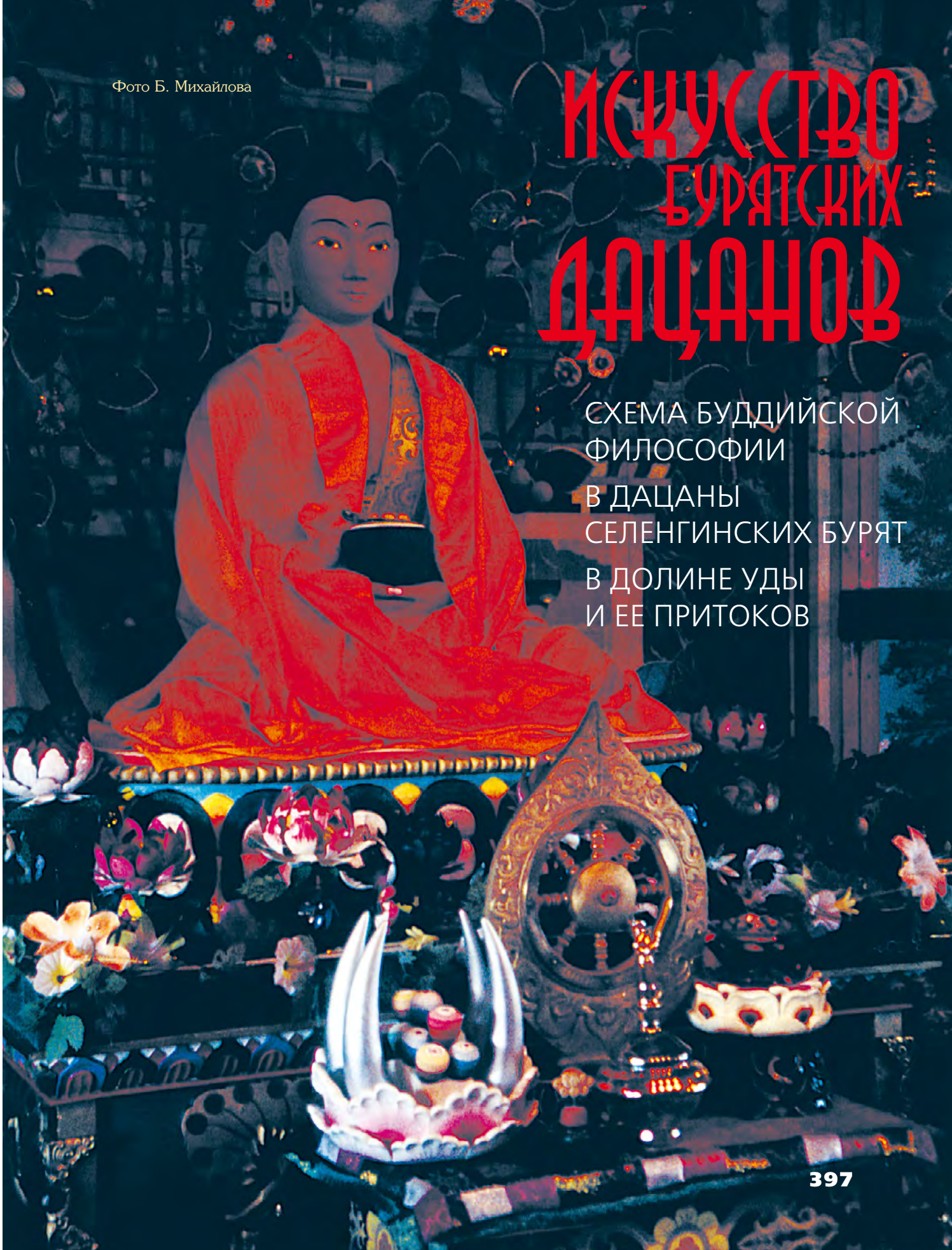


Фото Б. Михайлова

Искусство бурятских дацанов

Схема буддийской философии

В дацаны селенгинских бурят

В долине Уды и ее притоков

Схема буддийской ФИЛОСОФИИ

Непременными атрибутами интерьера любого бурятского дацана являются изображения трех следующих символов — Колеса Дхармы (дхармачакра), Тунше (Четыре Согласных) и Колеса сансары (бхавачакра). Все эти три символа несут в себе представления буддистов о мироустройстве. Каждый символ отражает картину завершенного мироустройства, что позволяет нам сказать о них как об определенных моделях мироздания.

Скульптурная композиция, состоящая из изображения Колеса Дхармы с двумя ланями по сторонам, украшала крыши дацанов. Скульптурное или иконописное изображение «Четырех Согласных» располагалось перед входом в дацан.

Иконописное полотно с изображением Колеса сансары висело на стене при входе в дацан.

«КОЛЕСО БЫТИЯ» САНСАРЫН-ХУРДЭ

Буддийская картина «Сансарын-Хурдэ» (*сансара* — мир, *хурдэ* — колесо)… состоит из трех кругов, заключенных один в другой.

В центральном, самом маленьком кругу, нарисована группа из свиньи, курицы и змеи. Это эмблемы; первая, т.е. свинья — невежества, курица — похоти и змея — гнева, трех свойств, присущих духовной природе человека, трех основ всех людских пороков и грехов.

Второй круг, занимающий собой большую часть картины, разделен радиусами на пять отделений и в каждом отделении изображено одно из шести царств сансары, т.е. буддийского материального мира; в четвертом отделении изображены два царства сансары.

В нижнем отделении этого круга изображено царство ада, где представлен сидящим на престоле владыка ада, буддийский Страшный Судия, Эрлик-хан, его суд над грешниками и различные виды мучений, причиняемых грешникам огнем, холодом и слугами Эрлика-хана, буддийскими чертями.

По материалам В.В. ПТИЦЫНА

А.М. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887.

В следующем отделении, направо от ада, изображено царство биритов, несчастных существ с человечьей головой, узенькой и длинной шеей и несоразмерно большой и раздутой, но худощавой утробой. Муки их состоят в том, что они постоянно ощущают страшный голод и бросаются на пищу, но проглотить ее не могут, потому что горло их тонко, как соломинка, и, кроме того, из горла их выходит пламя, пожирающее пищу.

В следующем отделении этого круга, направо кверху от царства биритов, изображено царство людей, видны их жилища, занятия, храмы, а среди них Всесовершенный Будда в сидячей позе, и на него устремлены взоры верующих.

В следующем отделении этого круга, рядом с царством людей, налево от него, изображены два царства небесных гениев, тенгриев, расположенных вверху, и их противников, асуров, внизу, вечно воюющих с тенгриями.

В последнем, пятом отделении этого круга, пониже царства тенгриев и асуров, изображено шестое царство сансары, т.е. материального мира, царство животных, повыше — домашних, пониже — диких и морских животных.

Собственно, как схема философии первобытного буддизма имеет значение лишь третий и последний круг «Сансарын-Хурдэ», узкой полосой обнимающий собою окружность картины.

В основе буддизма лежит идея страдания существ. Избавление от всякого страдания — цель буддийского учения. Страдание существ слагается из неизбежных с существованием: болезней, старости и смерти. Чтобы найти средство избавить существа от страдания, нужно отыскать основную причину страдания.

Неотвратимые ничем, неизбежные ни для кого из существ, старость и смерть — вот по буддизму основание и венец страдания существ. Такова **первая нидана** (основа существования), эмблематически изображенная внизу третьего круга «Сансарын-Хурдэ», на правой от самой нижней двенадцатой ниданы в виде лежащей на одре, умирающей женщины и стоящего у ее ног согбенного старца с костылем в руке и ношей за плечами. Эту первую нидану на прилагаемом снимке легко отыскать, так как она расположена почти на правой ноге слуги Эрлика-хана, Мангуса, изображенного на снимке держащим картину «Сансарын-Хурдэ» зубами, руками и ногами.

Отыскивая причину старости и смерти, Будда в глубоком созерцании задался вопросом: «Что такое то, что, существуя, дает причину старости и смерти, какая причина старости и смерти?» И такая мысль озарила Будду: старость и смерть существуют вследствие рождения; рождение есть основная причина старости и смерти. Эта **вторая нидана**, эмблематически изображенная на третьем круге «Сансарын-Хурдэ» на палец повыше первой ниданы по той же правой стороне, в виде стоящей женщины, полураздетой, обнаженной и рождающей ребенка, который виден между ее ногами.

Задумавшись над вопросом, что же такое то, что дает место рождению, какая причина рождения? — Будда пришел к горестному заключению, что присущее существам инстинктивное влечение ко всему суетному и мирскому есть основная причина рождения. Эта **третья нидана**; она часто изображается в виде наседки, сидящей на яйцах; а в прилагаемом здесь снимке (на палец выше второй ниданы) эмблемою влечения существ к мирскому и суетному, кроме наседки, избрана беременная женщина в сидячей позе, как можно видеть из рисунка.

Какая же причина пагубного влечения существ к мирскому и суетному? Будда решил, что влечение образуется вследствие принятия и усвоения себе чего-нибудь (желаний, идей); принятие и усвоение — вот причины влечения. Эта **четвертая нидана**, изображенная на картине (на палец выше третьей ниданы) в виде человека, рвущего с дерева плоды, и в другой эмблеме (пониже первой) в виде матери, привлекающей к себе ребенка.

Что же такое то, что существованием своим вызывает принятие и усвоения и какая причина принятия? Задумался Будда и ему пришла на ум такая мысль: страстное желание, страстное желание не расставаться с испытанным удовольствием — вот причина принятия и усвоения. Это **пятая нидана**. Эмблемы страстного желания (на палец выше четвертой ниданы) — два человека, сидящих на земле и с наслаждением пьющих вино из сосудов, и повыше их мать, целующая и обнимающая своего ребенка.

Какая же причина страстного желания, что вызывает страстное желание? На этот вопрос Будда ответил, что желание существует вследствие чувствования, вследствие ощущения удовольствия или страдания; итак, чувствование есть причина желания. Эта **шестая нидана.** Эмблемою чувствования, как ощущения удовольствия или страдания, избран на картине (налево от пятой ниданы) человек, пронзенный стрелою в глаз; таким образом, этой эмблемой здесь изображена способность чувствования с указанием на высшее из чувств.

Задумавшись о том, какая же причина чувствования и что существованием своим вызывает к бытию чувствование? Будда пришел к решению, что чувствование происходит от соприкосновения, от соприкосновения существ с внешними предметами, от соприкосновения, оставляющего след в душе и служащего залогом для возникновения желания повторить ощущение; итак, соприкосновение есть причина чувствования. Это **седьмая нидана**. Эмблемой соприкосновения на картине, как можно видеть, избраны мужчина и женщина, спящие друг с другом и покрытые одеялом, т.е. избран факт, когда «соприкосновение должно возбудить высшую степень напряженности чувствования».

Откуда же соприкосновение, что порождает соприкосновение, какая причина соприкосновения? На этот вопрос Будда ответил: соприкосновение порождает шесть чувств, собирающих по мелочам материалы для наших познаний, шесть наших чувств — вот причина соприкосновения. Эта **восьмая нидана**. Эмблемой шести чувств изображен на картине пустой дом, любимая буддийская эмблема человека. Подобно тому как пустой дом без хозяина занимается ворами, действующими в нем каждый самостоятельно, по своему особому направлению, так и наши чувства — это те же воры, развлекающие наш дух и не дающие ему сосредоточиться: зрение постоянно наслаждается наружной красотой предметов, слух — звуками, обоняние — запахом, вкус и осязание — ощущениями предметов, а шестое чувство — смысл, обращается к каждому из первых пяти чувств в отдельности. Если бы не было шести чувств, не могло бы возникнуть и соприкосновения чувствующего существа с внешними предметами.

Что же такое то, что существованием своим порождает и дает место шести чувствам, какая причина шести чувств? Будда пришел к решению, что шесть чувств существуют вследствие имени и формы, что имя и форма — вот причина шести чувств. Если бы все предметы, все существующее было бесформенно, над чем стали бы упражняться наши шесть чувств? Если бы предметы не носили имен, что напоминало бы нашему уму об их существовании? Это **девятая нидана**. Эмблемой формы послужила на картине лодка, эмблемой имени — сидящие в ней четверо людей.

Что же такое то, что вызывает и порождает имя и форму, какая причина имени и формы? Будда пришел к выводу, что сознание есть причина имени и формы, сознание вызывает и порождает имя и форму, сознание, которое направляется ко всем предметам, распознает их, различает друг от друга и дает им имена. Это **десятая нидана**. Эмблемой сознания представлена на картине обезьяна, всегда служащая буддистам символом сознания вследствие ее характерной привычки перебегать от одного предмета к другому.

Откуда же происходит сознание и какая причина сознания? Задался этим вопросом Будда, и ему пришла в голову такая мысль: сознание существует вследствие духовной деятельности человека, изучающего предметы внешнего мира и дающего наименования предметам своего внутреннего мира; итак, духовная деятельность есть причина сознания. Это **одиннадцатая нидана**. Эмблемой деятельности изображен на картине горшечник с двумя горшками, знаменующими дела добрые и худые.

Наконец, что же такое то, что своим существованием вызывает и дает место деятельности, какая причина деятельности? В глубоком созерцании Будда задался этим вопросом и пришел к заключению, что невежество порождает и дает место деятельности, то неведение, та слепота духовная, вследствие которой человек не в состоянии понять сущности вещей, познать вещей в самих себе и дать истинное направление своей жизни и деятельности, то невежество, вследствие которого человек дает цену и привязывается к предметам материального мира, сансары, тогда как, в сущности, они — ничто, человек их не знает и не понимает.

Это последняя **двенадцатая нидана**, заканчивающая собой весь третий круг «Сансарын-Хурдэ», объясняющая причинную связь происхождения и связанных с ним существования и страдания существ. Как эмблема невежества, представлена на картине слепая старуха, сидящая с растопыренными руками и совершенно беспомощная.

Так толкуют «Сансарын-Хурдэ» ламы в Монголии в буддийских монастырях.

В дацаны селенгинских бурят

Иволгинский дацан: возрождение буддизма в Бурятии

Ваятель священных образов

Мандала Гунриг

К ламам Гусиного озера

Алтан-Сэргэ — «золотая коновязь»

Буддийская мистерия цам

Иволгинский дацан — памятник истории местного значения, поставлен под охрану государства постановлением правительства Республики Бурятия в 1996 г. Расположен дацан в 30 километрах от столицы республики. Территория дацана 3 гектара.

ИВОЛГИНСКИЙ ДАЦАН: возрождение буддизма в Бурятии

Фото Бронислава Михайлова

По материалам НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Республики Бурятия

С 1937 года в Забайкалье не было официально действующих буддийских религиозных центров. В результате усилий старых лам, вернувшихся к 1945 году из лагерей и ссылок, «Хамбинское сумэ» в селении Верхняя Иволга разрешено было открыть в декабре 1945 года с передачей под него молитвенного дома (мани), находящегося на территории сельхозартели им. Сталина, со всем имеющимся при нем культовым имуществом. С тех пор многие годы Иволгинский дацан являлся единственным буддийским религиозным центром на территории Бурятии.

Намеченное старыми ламами сумэ находилось на покосных угодьях местного колхоза. Поэтому в 1947 году его перевезли на новое освященное место. Общее собрание колхоза выделило 3 га выгона (вне сенокоса) на соответствующем требованиям верующих месте, где поставили здание храма, жилые дома и хозяйственные постройки (кухню, амбары). Первым Дид Хамбо ламой был избран Хайдап Галсанов.

С 1946 года Иволгинский дацан начинает исполнять религиозные обряды по просьбе верующих, а также занимается миротворческой деятельностью: за мир и дружбу между народами, против войн и насилия, за прекращение гонки вооружения. Буддисты ежегодно собирают и перечисляют средства в помощь детям-сиротам, в Фонд мира, Комитет Красного Креста, охраны природы, принимают участие в международных и всесоюзных конференциях сторонников мира.

Решением совещания ламских деятелей СССР с мая 1946 г. в Иволгинском дацане была установлена резиденция Центрального духовного управления буддистов СССР (с 1995 года переименована в Традиционную Сангху) и Бандидо Хамбо ламы — главы буддийской церкви.

История Иволгинского дацана связана со многими религиозными деятелями (Л.Н. Дармаев, Р.Р. Жамьянов, Е.Д. Шарапов, Ж.Д. Гомбоев, Ж.Ж. Эрдынеев), которые внесли огромный вклад в строительство и развитие монастыря, во взаимоотношения с буд-

дийскими национальными центрами азиатских стран по линии Всемирного братства буддизма.

Бурятская буддийская община становится руководящим центром для ламаистов Тувы, Калмыкии, принимает международные организации, с 1970 г. входит в состав Азиатской Буддийской конференции за мир.

Ансамбль монастыря включает: Цогчен-дуган, Сахюусан-сумэ, Майдарин-сумэ, Деважин-сумэ, Чойра-дуган, дом Хамбо ламы, музей, гостиницу, жилые дома священнослужителей, субурганы и многочисленные хурдэ (молитвенные барабаны).

Хурдэ представляет собой круглый или восьмигранный цилиндр, диаметр которого может колебаться от первых десятков сантиметров до 1,5–2 метров. Посредине этого цилиндра и через оба его конца проходит вертикальная железная ось. В середине его закладывают длинный свиток, сплошь исписанный мантрами. Назначение хурдэ состоит в том, что каждый верующий, проходя мимо них, мог прокрутить цилиндр, в который вложена молитва. Сколько раз прокрутишь барабан — столько раз «прочитаешь» молитву.

В 1974 году главный храм — Цогчен-дуган полностью сгорел, на его месте был построен дуган Деважин. Существующий Цогчен-дуган построен в 1977–1978 гг. Самым «старым» зданием комплекса является Сахюусан-дуган, построенный в 1950-х годах. В этом здании многие годы находилась библиотека, сейчас оно используется для проведения диспутов и занятий открывшегося два года назад

Субурган в Иволгинском дацане

Фото С. Конечных

Архитектурно-скульптурный комплекс мандала «Шри Чакрасамвара»

Первое здание иволгинского Цогчен-дугана

Служба (хурал) в Иволгинском дацане. Приезд буддийской делегации из Шри-Ланки. *1973 г.*

буддийского университета. Все строения электрифицированы, дацан имеет телефонную связь с райцентром и со столицей республики. Территория огорожена и озеленена.

Главный храм дацана — Цогчен-дуган, по своей объемно-пространственной композиции выстроен по принципу «мандалы», древней религиозно-символической идеи, берущей свое происхождение из Индии. Алтарь находится с северной стороны здания. Характерные черты главного храма: план, близкий к квадрату, ярусное развитие объема в виде ступенчатой пирамиды с галереями и колоннадами на втором и третьем этажах, крыша с поднятыми углами. Здание деревянное, трехэтажное, первый этаж оштукатурен под кирпич, второй и третий этажи обшиты досками. К почти квадратному в плане нижнему этажу с юга примыкает солидный портик. На его площадку ведет разделенная на три марша лестница. Портик разделяют 12 деревянных колонн. Вход в здание «охраняют» каменные львы. В алтаре Цогчен-дугана расположены пантеон тысячи Будд, огромная скульптура Будды Шакьямуни, находится и «покровительница» дацана — скульптура богини Лхамо. Каждый монастырь избирает себе в постоянные покровители одного из докшитов — гениев-хранителей священного буддийского учения.

Традиционно Лхамо изображается едущей на муле. Сама богиня трехглазая, устрашающей внешности, синего цвета.

За главным храмом Иволгинского дацана расположен

Скульптурная композиция Рая Деважин — «чистой страны радости»

Цогчен-дуган — главный храм. ***1977–1978 гг.***

Фото Б. Михайлова

Комплекс из девяти субурганов, сооруженных в память о знаменательных событиях в жизни Будды Шакьямуни

Деважин-сумэ — западный рай Будды Амитабхи. Здание двухэтажное, пирамидальной формы, в плане составляет восьмиугольник. Внешние стены белые, оштукатурены, крыша с загнутыми углами. На первом этаже хранятся буддийские трактаты. До 1996 года в этом здании сохранялся Ганджур в полном объеме, написанный на старомонгольском языке (после перевезен в Агинский дацан). На первом этаже располагается композиция — Рай Деважин — «чистая страна радости». На втором этаже расположена мандала тантрийского божества Шри Чакрасамвары, выполненная в 1960-х годах авторами Буддажапом и Данзаном Дондоковыми. Макет (170 х 220 х 220) представляет богато декорированный дворец с четырьмя воротами, башенками, столбами. Вокруг дворца — деревья, над ним облака. В центре дворца помещен рельеф из глины с изображением Шри Чакрасамвары. Вокруг него размещены остальные обитатели мандалы. Это 32 антропоморфные фигурки, 12 фигурок животных, кроме того, 32 изображения, созданные в технике миниатюры из дерева. Внешний (кладбищенский) круг мандалы изображен на бумаге вокруг дворца. Композиция соответствует описаниям в ритуальных текстах, представляет большую религиозную ценность и встречается крайне редко, интересна как иконографический источник.

По правую сторону от соборного храма выстроен музей Иволгинского дацана. Здесь собраны и стали достоянием республики уникальные экспонаты — подарки из Японии, Индии, Китая, Шри-Ланка, Сингапура, Вьетнама, Лаоса, Бирмы, Таиланда и других стран буддийского мира, преподнесенные в дар Иволгинскому дацану в разное время. Здесь же открыта выставка «Буддийское искусство Бурятии». В организацию и открытие музея большой вклад внесли бывший Бандидо Хамбо лама Жамбал Доржи Гомбоев и бывший настоятель дацана Даши-Нима Содномдоржиев.

Один из самых старых дуганов. Ныне один из учебных классов буддийского университета

На территории дацана расположены пять ступ — субурганов. Каждая из них имеет свое архитектурное решение. Одна из них посвящена основоположнику Петербургского дацана Агвану Доржиеву, другая — деяниям Будды Шакьямуни, три — различным аспектам Будды. Пятая ступа посвящена ламам, служившим в дацане.

Особой любовью и заботой пользуется маленькая оранжерея, в которой зимой и летом стоит вечнозеленое дерево «Бодхи», сидя под которым принц Сиддхартха Гаутама получил просветление.

Духовная деятельность дацана выражается в храмовой обрядности, медицинской практике, традиционной системе буддийского образования. Первоначально все богослужения совершались в главном и единственном храме — Цогчен-дугане. Затем, по ходу строительства, выделился круг служб, которые проводятся в малых сумэ. Иволгинский дацан придерживается давно сложившегося порядка проведения богослужений: больших хуралов и ежедневных богослужений.

Большие хуралы в основном связаны с культом Будды Шакьямуни, Майтреи (Майдари) — грядущего пятого Будды из 1000 Будд кальпы, Цзонхавы — основателя школы «гелугпа». Помимо этого проводятся еще шесть хуралов: новогодний Цагаалган, «Дончид», «Дуйнхор», «Майдари», «Зула», «Лхантаб-дуйсэн».

К числу самых известных и соблюдаемых относится новогодний хурал. Его первая часть представляет собой обряды торжественного восхваления всем хранителям религии, семейным и личным покровителям людей, чтения всю ночь молитв богине Лхамо. Богослужение начинается 30-го числа последней зимней луны. В канун 30-го дня лунного календаря проводится обряд «Дугжуба» и сжигание «Сора» — всех людских прегрешений за прошлый год. В последний день старого года проводится хурал в честь Балдан Лхамо — молебствие о благополучной, счастливой жизни. В течение 15 дней первого месяца нового года читают в основном хвалебные гимны Будде Шакьямуни.

Часть храмовых праздников посвящены знаменитым датам биографии Будды.

15-го числа первой летней луны проводится хурал «Дончид» в память трех событий: рождение Будды Шакьямуни в саду Лумбини, становления Буддой и ухода в нирвану.

22–24-го числа последней осенней луны проводится хурал «Лхантаб-дуйсэн», посвященный нисхождению Шакьямуни с неба Тушита в утробу его будущей матери — царицы Майи. На этих хуралах читают Ганджур — изречения Будды Шакьямуни.

В середине лета в дацане проводится большой хурал «Майдари» — поклонение будущему, пятому Будде. В главном здании сумэ происходит обряд созерцания и поклонения бодхисаттве Арьябале («Авалокитешваре»), Будде Шакьямуни, а затем статую Будды бережно и торжественно выносят из храма на руках, ставя на колесницу, в которую «запрягают» деревянного зеленого коня и совершают шествие вокруг дацана.

Хурал «Дуйнхор» проводится в последний месяц весны и посвящен памяти легендарного события, когда Будда Шакьямуни впервые начал излагать ученикам учение, первый поворот «колеса».

В первый месяц зимы проводится хурал «Зула» в па-

мять кончины Цзонхавы, зажигаются тысячи лампад и читаются мантры и Ганджур.

Кроме обрядовых ритуалов, деятельность Иволгинского дацана выражается в лечении прихожан с помощью средств тибетской медицины, в которой заложен многовековой опыт применения лекарственных средств природного происхождения. В тибетской медицине используются специфический метод диагностики (пульсовая диагностика). Арсенал методов лечения различен: многокомплектные порошки, в состав которых входят разнообразные составляющие растительного и животного происхождения (до 3000 видов), минералы, металлы. Большая часть сырья для эмчи-лам (лекарей) поступает из Индии, Китая, Тибета. Многие лекарства, как и в старые времена, изготавливаются из местного сырья.

Недалеко от Иволгинского дацана есть замечательные источники с минеральной водой, которые также с успехом применяются для оздоровления, например, Халютинский аршан.

Практически при каждом дацане до революции существовали школы с такими факультетами, как философский (цаннит-чойра), медицинский (мамба), тантрийский (чжуд и дуйнхор). На философском факультете присваивалась степень гэбжи (кандидат наук) и габжи (доктор наук). В дацанах занимались переводами с тибетского языка на монгольский памятников канонической, исторической, научной литературы буддизма, выпускались рецептурные справочники тибетской медицины, тибетско-монгольские словари. В 1991 году при Иволгинском дацане был открыт буддийский университет «Даши Чойнхорлин» философского направления. В первом наборе обучались молодые люди из Калмыкии, Тувы, Бурятии, в следующих наборах учились русские, приехавшие из многих уголков России. Преподавание ведут учителя из Тибета, Монголии, Индии.

В Иволгинском дацане собраны и сохранились замечательные образцы старобурятского искусства — живопись (танка), скульптура, предметы ритуального назначения.

Ни одного подобного факта не знает не только история буддизма, но и в история человечества вообще. Тело умершего более 90 лет назад буддийского ламы не подвергается тлению, являясь объектом поклонения буддистов Бурятии. Оно находится в Иволгинском храме — главном буддийском монастыре России. Большинство лам думает, что учитель погрузился в глубокую медитацию и пребывает в ней до сих пор. Известно, что йоги, практикующие медитацию, стремятся достигнуть особого состояния просветления — самадхи. Это последняя, наивысшая ступень медитации: человек теряет представление о собственной индивидуальности, сливается с космосом, и его душа становится способна покидать бренное тело.

НЕТЛЕННЫЙ ЛАМА

Даши Доржо Итигэлов родился в 1852 году в местности Улзы Добо (сейчас это территория Оронгойской сельской администрации Иволгинского района Республики Бурятия). В 15 лет тайком добрался до Анинского дацана (буддийский монастырь) (Хоринский район Бурятии) и там учился 23 года: изучал санскрит, тибетский язык, логику, буддийские тексты. Постигая учение Будды, Итигэлов успешно защитил звание гэбши, затем габжи (ученые степени лам-философов) и прославился ученостью. В последующие годы он совершенствовал полученные знания в Цугольском и Тамчинском дацанах, получая фундаментальные знания по тибетской медицине. В 1898 году вернулся на родину, в Янгажинский дацан, где был зачислен в штатные ламы и начал преподавать буддийскую философию, одновременно исполняя обязанности гэсхы-ламы Согшон-дугана.

Весной 1911 года в резиденции хамбо-ламы (Тамчинский дацан) из числа десяти претендентов Даши Доржо был избран XII Пандита Хамбо Ламой буддийского духовенства Восточной Сибири.

В 1913 году пандито-хамбо-лама участвовал по специальному приглашению в праздновании 300-летия Дома Романовых и в освящении буддийского храма в столице Российской империи Санкт-Петербурге. Инициатор постройки петербургского храма — известный буддийский деятель Агван Доржиев был ближайшим сподвижником и соратником Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова. В столичном дацане был совершен торжественный молебен о здравии и благополучии Дома Романовых. После Д.-Д. Итигэлов и Агван Доржиев сфотографировались на память.

Известно также, что хамбо-лама Итигэлов принимал участие в работе II общебурятского съезда, проходившего в Гусиноозерском дацане в июле 1917 года. По предложению Итигэлова съезд рассматривал новое "Положение о ламаистском духовенстве Восточной Сибири".

До революции Даши-Доржо Итигэлов был главой буддистов в России. Затем он сложил с себя полномочия, по официальной версии, из-за болезни. Но скорее всего причина была в другом: он предвидел трагическую судьбу российского буддизма в XX веке при Сталине и его дальнейшее возрождение, поэтому последние десять лет

жизни готовился к этому будущему. О чем и сообщил в своем завещании ученикам.

15 июня 1927 года XII пандито-хамбо-лама Итигэлов сел в позу лотоса и собрал учеников. Он дал им последние наставление навестить и посмотреть свое тело через 30 лет. Затем попросил их читать ради него "Нуга Намши" — специальную молитву, благопожелание для умершего. Ученики не осмелились произносить ее в присутствии живого Учителя. Тогда хамбо-лама начал сам читать эту молитву; постепенно и ученики подхватили ее. Так, находясь в состоянии медитации, XII пандито-хамбо-лама ушел в нирвану. Он был похоронен в кедровом кубе в том же положении (в позе лотоса), в котором находился в момент ухода.

Вскоре после ухода из жизни Д.-Д. Итигэлова началось массовое разграбление и разрушение дацанов и мест поклонения, прокатилась волна арестов буддистов. Об этом хамбо-лама перед уходом из жизни предупредил самого Агвана Доржиева, который был репрессирован в 1936 г. В те годы священнослужители и верующие прятали священные реликвии, но большая часть их была безжалостно уничтожена большевиками.

Верующие буддисты в эти годы продолжали почитать Итигэлова за перерожденца первого бурятского хамбо-ламы Заяева. Согласно его завещанию, они удостоверились в сохранности погребенного тела. В 1955 году группа лам во главе с хамбо-ламой Лубсан-Нимой Дармаевым вскрыла на заброшенном кладбище деревянный саркофаг, привела его в порядок и вернула в бумхан. Все это делалось втайне от властей, поскольку в те годы не могло быть и речи о возвращении тела в дацан.

Извлечение саркофага из земли.
***Фото 2002* г.**

К концу прошлого века все ученики пандито-хамбо-ламы Итигэлова уже умерли. Но сам он стал приходить во сне нынешнему главе Буддийской Сангхи России Дамбе Аюшеву. 7 сентября 2002 года 88-летний житель села Гильбира Амгалан Дабаевич Дабаев, указал действующему хамбо-ламе местонахождение-могилы Итигэлова в местности Хухэ-Зурхэн. Сам он видел Итигэлова при жизни, а его тесть участвовал в 1955 году во вскрытии саркофага. Бимба-лама и группа верующих обратились к пандито-хамбо-ламе Дамбе Аюшееву с просьбой организовать раскопки. И 10 сентября с группой лам и родственниками Хамбо лама Аюшеев выехал к месту захоронения.

10 сентября 2002 года XXIV пандита Хамбо Лама Дамба Аюшеев с группой лам в присутствии представителей властей и экспертов-криминалистов подняли саркофаг с Итигэловым. 11 сентября в Иволгинском дацане состоялось вскрытие саркофага с прахом Даши-Доржо Итигэлова. Лама Итигэлов все еще сидел в той же самой "позе лотос", которую он принял 75 лет назад, прежде чем войти в свою последнюю медитацию.

Тело в сидячем положении без каких-либо приспособлений или поддержек поместили в стеклянный саркофаг, в котором оно пребывало несколько лет до завершения строительства специального дворца-храма для нетленного ламы.

Бурятские буддисты и сейчас уверены, что хамбо-лама Итигэлов до сих пор жив. Одни считают, что Итигэлов достиг просветления, благословил свое те-

ло и оставил его, а душа ламы сейчас обитает в других мирах, рядом с Буддой. Но большинство лам полагает, что учитель погрузился в глубокую медитацию и пребывает в ней до сих пор. То есть верит, что Даши-Доржи Итигэлов жив. Само тело снаружи кажется умершим: физиологические процессы в нём резко замедляются, почти прекращаются (биологам это состояние известно как анабиоз), но находящийся в медитации йог способен их регулировать. Его сознание живо и функционирует, вот только проявляется совершенно неожиданно для нас, не подчиняясь законам логики. Бурятские ламы предполагают, что Итигэлов как раз погружен в состояние самадхи, а сознание его проявляется в виде... посланий, которые он ежедневно передает хранителям своего тела. А после молебна Итигэлов возвращается в Благословенный Дворец.

Буддистские монахи Бурятии позволили изучить светским ученым феномен нетленного тела пандито-хамб-ламы XII. Экспертиза Академии наук несколько раз свидетельствовала, что структура белка тела Итигэлова соответствует структуре белка живого человека. Оно потеет, набирает в весе, у него мягкая, упругая кожа, сохранена подвижность пальцев рук и локтевых суставов, присутствуют глазные яблоки, внутренние органы целы и т.д. Оно выглядит, как тело человека, умершего не более двенадцати часов назад. Так же были взяты образцы волос, частицы кожи, срезы двух ногтей. Инфракрасная спектрофотометрия показала, что белковые фракции имеют прижизненные характеристики — для сравнения брались аналогичные образцы у живых людей. Трупного запаха ни при вскрытии саркофага, ни сейчас нет. Анализ кожи Итигэлова, проведенный в 2004 году показал, что концентрация брома в теле ламы превышает норму в 40 раз.

На 1-й международной конференции "Глобальный Феномен XII Хамбо Ламы Итигэлова и проблема бессмертия" в 2006 году профессор Государственного университета "Дубна", академик РАЕН, доктор технических наук Борис Большаков сообщил о результатах последних научных исследований, проведенных с использованием методов инфракрасной спектроскопии и ядерного магнитного резонанса. Ученые вновь засвидетельствовали, что структура белка тела Итигэлова соответствовала структуре белка живого человека. Таким образом, было еще раз официально подтверждено, что спустя 80 лет после смерти Итигэлова, все жизненные функции клеток его тела оставались активными, а ядра клеток живыми и неповрежденными. Профессор Б. Большаков признался, что он не знает "ни одного подобного, официально зарегистрированного судебно-медицинской экспертизой в государственном документе факта о жизни человека после его физической смерти. Не

только в истории буддизма, но и в истории человечества вообще". Однако, к сожалению, более свежих исследований на данную тему нет, так как с января 2005 года все биомедицинские исследования тела Итигэлова были закрыты указом главы Буддийской традиционной сангхи России.

В январе 2003 года принято решение о возведении в Иволгинском дацане (монастыре) дворца-храма для хранения священной реликвии — нетленного тела Даши-Доржи Итигэлова. Храм строился по проекту несохранившегося Дэважин-дугана Янгажинского дацана, спроектированного и построенного самим Итигэловым еще в 1906 году. 31 октября 2008 года состоялся обряд освящения Благословенного дворца Хамбо-ламы Итигэлова. Нетленное тело Учителя было торжественно препровождено в храм, где теперь его могут посетители буддийской святыни.

Участники VII международной конференции «Феномен XII пандидо-хамбо-ламы Даши-Доржи Этигэлова" в Иволгинском дацане. *23 июня 2018 г.*

В мандале № 3

Будда Ратнасамбхава *(санскр.)* **синего цвета, восседающий на юге. Правая рука на колене в жесте «дарования» (varadamudra). Левая рука у лона, держит тройное «чинтамани» — драгоценный камень.**
Работа знаменитого скульптора Янгажинского дацана Санжи-Цыбика Цыбикова

ВАЯТЕЛЬ СВЯЩЕННЫХ ОБРАЗОВ

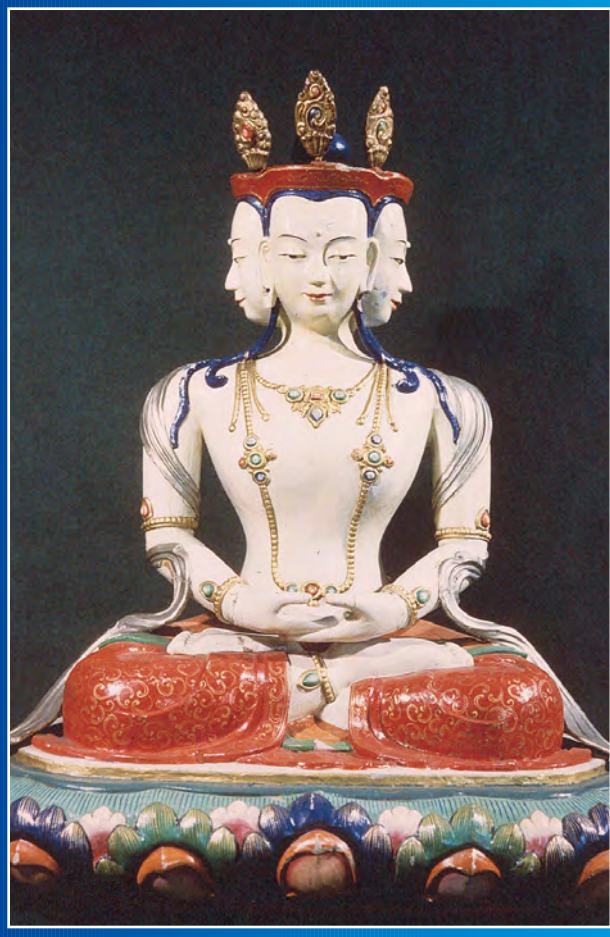
Лама-скульптор С.-Ц. Цыбиков (1877–1934)
Портрет написан по сохранившейся фотографии В. Поспеловым в 1991 г.

Светлана БАРДАЛЕЕВА

Среди бурятских народных умельцев в недавном прошлом славились мастера-универсалы, жившие в селениях на реке Оронгой, притоке Селенги. Они занимались резьбой, росписью по дереву, иконописью и скульптурой, строительством, ювелирным мастерством и кузнечным делом. Оронгойские мастера знали секреты изготовления красок, способы и особенности приготовления растворителей, ими были изобретены разные виды клеев. Их работы отличаются особой пластикой и выразительностью, например, в скульптуре — блестящей орнаментальной росписью, высоким мастерством в архитектуре, в изготовлении бытовой утвари и мебели и красотой — в иконописных работах. Выдающимся бурятским художником и скульптором был глава школы оронгойских мастеров Санжи-Цыбик Цыбиков (1877–1934).

В отличие от остального населения Бурятии в Оронгое почти все занимались различными ремеслами, секреты которого передавались из поколения в поколение. Жители сел Харгана и Верхний Оронгой, Нижний Оронгой и Гильбера около восьми месяцев в году занимались работой по найму — строили дацаны, православные церкви, жилые и общественные здания в городах и деревнях, мосты, изготавливали мебель, кузнечные изделия, предметы культа и культовую утварь из дерева и металла, писали иконы, занимались

Ламы Янгажинского дацана. *1920-е гг.* **Второй справа С.-Ц. Цыбиков**



Гунриг

Будда Вайрочана *(санскр.)* **— центральное божество мандалы. Скульптура из настоящего комплекса утрачена. Представлена одиночная фигура Будды Вайрочаны**
Дерево, резьба, роспись
Четырехликое божество белого цвета, увенчанное общим венцом, в руках колесо учения — дхармачакра (*утрачена*)

Комплекс мандала Гунриг был привезен в Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова из Янгажинского дацана в 1930-е гг.

Изготовление скульптуры Будды Майтрейи. *Фото 1909 г.*

росписью мебели и декоративных деталей церквей и дацанов. Верхнеоронгойские мастера выстроили больше половины всех дацанов Бурятии, причем они же выполняли все работы по внешнему и внутреннему декору и изготавливали часть предметов культа. Их же приглашали строить дома семейским (старообрядцам) и даже расписывать православные храмы.

Ближе всего к Оронгою находился Янгажинский дацан, построенный в 1830 году. Здесь и трудился выдающийся лама-скульптор, резчик, иконописец и архитектор Санжи-Цыбик Цыбиков — признанный глава школы оронгойских мастеров.

Почетное место в экспозиции Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова занимает мандала Гунриг (Сарвавид Вайрочана) — уникальная серия из 34 сохранившихся скульптур божеств, образующих в совокупности буддистский культовый пантеон. Мандала Гунриг первоначально состояла из 37 фигур и была привезена из Янгажинского дацана в 30-е годы в Антирелигиозный музей, действовавший в те годы в Улан-Удэ.

Реставрацией этих скульптур несколько лет назад занималась специалист из Эрмитажа М.Н. Лебель. Реставратор отметила, что такие, вполне сохранившиеся скульптурные композиции, как бурятская мандала Гунриг, в музейных собраниях нашей страны и за рубежом неизвестны. Несколько разрозненных бронзовых статуэток с утраченными атрибутами хранятся в некоторых музеях. Следовательно, ценность скульптур работы Санжи-Цыбик Цыбикова трудно переоценить.

В музейной коллекции выявлено более 40 работ одаренного оронгойского художника. Одной из первых работ С.-Ц. Цыбикова считается изображение Цзонхавы — реформатора буддизма и основателя секты «Гелукпа».

Им изготовлена и скульптура Аюши (Амитаюса) — одного из воплощений Будды вечности Амитабхи, а также скульптура четырехрукого Авалокитешвары. Авторство последней скульптуры было установлено старым иконописцем, хорошо знавшим манеру С.-Ц. Цыбикова, Данзаном Дондоковым.

С.-Ц. Цыбиков выполнил также портретную скульптуру настоятеля Янгажинского дацана Шираба Банзаракшеева и уже после революции — скульптуру В.И. Ленина.

К сожалению, о жизненном пути выдающегося бурятского скульптора было известно очень мало. Кое-что мог рассказать о нем художник Батор Гармаевич Зодбоев, его родственник. Но он умер в 1976 году, а собранные им исторические материалы и документы оказались у разных людей и, вероятно, впоследствии затерялись.

Но в селениях Оронгой и Верхняя Иволга можно было отыскать родственников Санжи-Цыбик Цыбикова, людей, помнивших его. Так, в Оронгое его родная племянница (дочь его сестры Лубсаны) Норбо Гармаевна Зодбоева (1919 г.р.) и ее супруг Дагба Бадмаевич Энкеев (1910 г.р.) рассказали немало интересного о художнике, помогли прояснить биографические подробности и уточнить дату его смерти. С их помощью

МАНДАЛА ГУНРИГ

Схема мандалы Гунриг Янгажинского дацана

Существует несколько этапов познания Учения Будды. Для обычных верующих — это популярное изложение вероучения Будды, представленное культурно-иконографической моделью мира — «Сансарын-Хурдэ» («Колесо бытия»), которое является как бы первой ступенью познания.

Следующим этапом является почитание «Собрания божеств» — «Сокшин» *(бур.)*, где стремящийся к познанию человек отдает всего себя изучению Учения под руководством Учителя.

Мандала является как бы высшей ступенью познания, приобщения к буддийскому Учению, руководством для ориентации в духовном мире. На санскрите «мандала» означает «круг», «орбита», «страна», «пространство», «жертва», «возлияние», также и «центр». Традиционно ее обозначают кругом — символом космоса в его бесконечности и квадра-

В мандале № 5

Будда Амогхасиддха *(санскр.)* **зеленого цвета, восседающий на севере.**
Правая рука опущена на колено в жесте «подаяния убежища». Левая рука у лона с вишваваджрой

В мандале № 7

Мамаки *(санскр.)* **— женское божество синего цвета, праджня, восседающая на юго-западе. Правая рука перед грудью с важдрой, левая рука опущена вдоль тела в так называемом жесте «спящая рука»**

удалось пополнить список работ мастера. Была найдена и единственная фотография художника. Существенно дополнили их рассказы старожилы села Верхняя Иволга Базар Цырендоржиев (1897 г.р.) и Нима Аюшин (1906 г.р.).

Санжи-Цыбик Цыбиков родился в 1877 году в улусе Очир-Булаг Иволгинского района. Ныне такого населенного пункта не существует, так как жители улуса в 1940 году в связи с созданием колхоза переселились в село Верхняя Иволга. Санжи-Цыбик был старшим среди четырех детей обычного улусника. Шестилетним ребенком он был отдан в хувараки (ученики ламы) Янгажинского дацана. Здесь сразу проявился его художественный дар — Санжи-Цыбик постоянно что-то вырезал, лепил, рисовал различные игрушки, фигурки животных. Эта привычка у него сохранилась на всю жизнь.

Цыбиков прошел все курсы цаннит-дацана — философского факультета при Янгажинском дацане и получил звание «габжа», самое высокое, которое возможно было получить в бурятских дацанах. Закончив обучение и получив степень, мастер почти не жил в дацане, постоянно работая по заказам.

Большая часть работ С.-Ц. Цыбикова выполнена в Очир-Булаге. Не имея специального художественного образования, он, в силу своего природного дара, постиг все тайны профессионального мастерства. На единственной сохранившейся фотографии мы видим скульптора, сидящего среди лам. Внимание сразу же привлекают его руки — удивитель-

но красивые, с тонкими, чуткими пальцами. Санжи-Цыбик был высокого роста, худощавый, аскетического вида.

После закрытия Янгажинского дацана С.-Ц. Цыбиков стал работать в коммуне «Улан-Туя» в Очир-Булаге столяром, плотником, кузнецом. Эта коммуна просуществовала с 1929 по 1936 год, а затем она слилась с созданным колхозом им. Сталина — ныне село Верхняя Иволга. В тот период Советской властью были предприняты репрессивные меры против служителей культа. С.-Ц. Цыбиков также был посажен в тюрьму, но уже через месяц выпущен. Следователи убедились, что перед ними больше художник, нежели лама. Ему выдали документ, удостоверяющий его лояльность к Советской власти.

С.-Ц. Цыбиков
Скульптурный портрет ширетуя (настоятеля) Янгажинского дацана Шираба Банзаракшеева

том — символом земли или мира, созданного человеком. В древнейшем китайском тексте И-Цзин круг соответствует «ян» — мужскому началу, небесному принципу, разуму, инициативе, а квадрат — «инь» — женскому началу, принципу земли, чувств, восприимчивости.

Впервые мандалы стали изображаться в Древней Индии для тантрийских ритуалов. Они рисовались на песке, позднее на полу, стенах, потолках храма, а по окончании обряда уничтожались, если цель была достигнута. Впоследствии стали создаваться постоянные изображения мандал в графике, живописи и скульптуре.

В Тибете мандала достигла своего наиболее полного развития и как форма искусства, и как ритуал медитации. Существует несколько значений этого слова, но универсальным является основное значение — круг, пространство.

В Монголии, соответственно и в Бурятии, также как и в Тибете, мандала рассматривается как место обитания божества, например, «Буддын хото-мандал».

По своей конфигурации мандала принадлежит к сложным геометрическим структурам. Центр, место пребывания божественного, расположен внутри квадрата — дворца внутреннего бытия. В свою очередь он вписан в одну или несколько окружностей, каждая из которых символизирует определенную стадию проникновения или уровень сознания. В традиции Востока мандала, в основном средство концентрации разума, средство преодоления своих привычных границ. Поэтому мандала должна создаваться с величайшим вниманием и предельной концентрацией. Она символизирует различные уровни сознания внутри человека, а также энергию, которая объединяет и исцеляет. Создание мандалы — это универсальное действо и ритуал самоинтеграции. Ритуал создания песчаных рисунков, или изображения мандал цветными порошками является, по сути, полной медитацией, настраивающей разум так, чтобы он ни на что не отвлекался.

Символы, используемые в структуре мандалы, могут быть антропоморфными и неантропоморфными, заменяться различными атрибутами или мантрами. В буддийской религиозной практике существовали мандалы, посвященные какому-нибудь конкретному божеству и служившие для передачи тайных «закрытых знаний» из «уст в уста». Они назывались по его имени и рассматривались как место его обитания.

В коллекции Музея истории Бурятии хранятся живописные собрания мандал различных божеств. В экспозиции музея живейший интерес вызывает объемная композиция

В мандале № 9

Тара *(санскр.)***, Долма** *(тибет.)* **— женское божество зеленого цвета, праджня, восседающее на северо-востоке. Правая рука на груди в «жесте для вложения цветка» со стеблем цветка лотоса, левая рука опущена вдоль тела, в так называемом жесте «спящая рука»**

В мандале № 12

Ваджрарага *(санскр.)* **— ваджработхисаттва красного цвета, в мандале восседает на престоле третьей спицы востока. В руках держит цветочный лук с натянутой стрелой**

Жил Санжи-Цыбик Цыбиков одиноко, умер почти в совершенной нищете в Очир-Булаге в 1934 году.

Скульптурам прекрасных богинь и созерцательных будд, выполненных в разное время С.-Ц. Цыбиковым, присуще не только высокое профессиональное мастерство, но и поразительная одухотворенность. Такие волнующие образы мог создать только нравственно чистый человек. Все, кто знал мастера, отмечали, что он отвечал всем этическим нормам, предъявляемым к поведению буддийского художника. В ведущих трактатах по иконометрии отмечается, что «художник — служитель искусства, должен быть образцовым человеком, обладать ясным умом и ясной душой, быть скромным, терпеливым, стойким в трудностях и лишениях, великодушным, свободным от ядовитых сомнений, хулы, злобы, соперничества и погони за личной славой и корыстью. Художник неустанно должен совершенствоваться в своем мастерстве, знать все правила техники, требования канона, пропорции и композиции, соблюдать обязательное единство формы и содержания священных образов». Не отвечающие требованиям канона работы уничтожались, так как они, по всеобщему убеждению, могли принести вред не только художнику и заказчику, но и всему приходу.

Изображение божеств считалось магическим действом. К этой работе нельзя было приступать без духовного посвящения. Иконописью и скульптурой могли заниматься только люди ламского сословия, посвященные в особый ритуал.

Амитаюс

Санжи-Цыбик Цыбиков действительно был скромным и очень непритязательным в быту человеком. Свое дело он считал святым, никогда не требовал личного вознаграждения, не гонялся за славой. А популярность его до революции была велика. Он получал множество заказов от мирян, своего дацана, для которого он изготовил почти все скульптурные изображения.

Главный бурятский буддийский храм — Гусиноозерский дацан — заказал ему макет Деважин шингода («Западный рай» Будды Амитабхи). Эта скульптурная группа не сохранилась. Еще более была известна другая из несохранившихся монументальных скульптур Цыбикова — Будда Грядущего Майтрейя, стоявшая некогда в Янгажинском дацане. Статуя стояла в специально построенном для нее здании — сумэ. Для выполнения такого рода монументальных работ в дацане собиралось множество мастеров из скульптурных изображений божеств мандалы Гунриг (*тиб.*) или Будды Сарвавид Вайрочаны (*санскр.*), в переводе означающий Всеведущий Вайрочана. Эта мандала является ценнейшим памятником бурятского буддийского искусства.

Скульптурная композиция была выполнена известным бурятским скульптором, ламой — философом по образованию Санжи-Цыбик Цыбиковым (1877–1934). Мандала находилась в специальном храме — сумэ Гунриг Янгажинского дацана, основанного в 1830 году в местности Нарасын Тологой в Оронгое. Дацан был закрыт в 1929 году, но его здание было уничтожено только в 1953 году. Сохранившиеся ритуальные предметы были привезены в музей, что составляет сейчас его основную буддийскую коллекцию.

Янгажинский дацан являлся уникальным храмом. Весь его скульптурный комплекс и ритуальные предметы, внешнее и внутреннее оформление были выполнены местными оронгойскими мастерами во главе со скульптором С.-Ц. Цыбиковым. В музей мандала попала в неполном комплекте, из 37 фигурок сохранилось 34 поврежденных, с утратами атрибутов.

Танка «Гунригэй жинхор» (Мандала Сарвавид Вайрочаны). *XIX в.*

В мандале № 16

Ваджракету *(санскр.)* **— ваджраводхисаттва, в мандале восседает на престоле третьей спицы юга. В правой руке держит «жалцан» (хоругвь), исполняющий желания, левой рукой касается сиденья**

В мандале № 28

Гита *(санскр.)* **— ваджратара белого цвета, восседает на престоле северо-запада внутреннего угла. Двумя руками держит пилван — музыкальный инструмент**

В мандале № 29

Натья (*санскр.*) **— ваджратара, разноцветная. В руках перед грудью держит ваджры**

ров и мирян, которые оказывали посильную помощь скульптору. Статую Будды Цыбиков вырезал из кедра — хуша-модон. Деревья привезли на двадцати подводах из кедрового урочища недалеко от Иволги. После завершения скульптурных работ статуя Будды была покрыта позолотой, раскрашена.

В 1929 году в Бурятии вблизи Янгажинского дацана снимался фильм Пудовкина «Потомок Чингисхана». Тогда статуя еще стояла на своем месте. В фильме отснят эпизод рядом с этой монументальной скульптурой.

В Янгажинском дацане находились еще несколько работ Цыбикова — Очир-Жалма (Маричи), четырехрукий Арьябало, а также изображения рая — Гандан Шингод и Деважин Шингод.

Санжи-Цыбик Цыбиков помощников выбирал сам, проверял, как они выполнят его задание. Отбирал самых способных и мастеровитых. Главными помощниками выдающегося мастера были нижнеоронгойский мастер Санжи Мункуев (1880–1943) со своим братом Даша Мункуевым. Потомки этого мастера, Бавасан Санжиев и его дети, поныне живут в Оронгое и славятся как потомственные мастера. Удалось установить имя еще одного скульптора, ламы из Баянгола, служившего в Янгажинском дацане — Дабу Жамсаранова по прозвищу Хара Дава. Также помощником Цыбикова был резчик из Нижнего Оронгоя Жымба Жабаин. Эти мастера и еще резчик и скульптор Линхова Гармаев представляли школу оронгойских мастеров, во главе которой стоял Санжи-Цыбик Цыбиков.

С.-Ц. Цыбиков
Скульптура махараджи

В последние годы жизни, работая плотником, столяром, кузнецом в коммуне «Улан-Туя», Цыбиков изготавливал обычную бытовую утварь. В Верхней Иволге сохранилось несколько изделий этого периода. А в недавнем прошлом сделанные мастером табуреты, стулья, посуда, фигурки животных можно было встретить в каждом доме этого селения.

Последней работой Санжи-Цыбика Цыбикова был скульп-

В 1970-е годы в музее началось интенсивное изучение коллекций, экспонирование на выставках, реставрация. Приглашались ученые-буддологи, ламы, специалисты-реставраторы из центральных музеев. Было атрибутировано большое количество предметов. Комплекс мандалы был отреставрирован, атрибутирован, создан фотоальбом реконструкции этого памятника реставратором из Эрмитажа М.Н. Лебель, тибетологом Д. Дашиевым был сделан перевод обрядовой тантры Сарвавид татхагаты из тибетских текстов.

Мандала Гунриг, таким образом, является одной из древнейших мандал индийского происхождения и относится к классу йога-тантр. Во многих дацанах Бурятии имелись сумэ Гунриг, что говорит о значимости этого ритуала и популярности его среди верующих. Обрядовое назначение культа этих божеств — спасение души умершего от плохих перерождений, изменение неблагоприятной кармы и возрождение в райских обителях Будд Амитабхи, Манлы и Майтрейи. Необходимо было прижизненное усиленное поклонение этим божествам, чтобы иметь возможность перерождения души в райских «чистых землях» в западной, восточной и южной сторонах космического пространства.

Схема взаиморасположения фигур мандалы выглядит следующим образом. В центре всей композиции находится главное божество — четырехликий Вайрочана белого цвета, держащий в руках дхармачакру — колесо учения. С четырех сторон от него расположены следующие божества: на востоке — белый, на западе — красный, на юге — синий, на севере — зеленый. Между ними в определенной последовательности по часовой стрелке восседают 4 спутницы — праджни. Основная группа из 9 божеств окружена свитой из 16 ваджраводхисаттв, образующие круг, вписанный в квадрат. Свободные углы квадрата занимают 8 женских божеств — ваджратар. С четырех сторон в Т-образных воротах восседают стражи — 4 махараджи. Фигуры центральной группы значительно крупнее (мужские божества — 85 см, спутницы — 75 см), чем фигурки свиты (45 см).

Вся скульптурная композиция представляет традиционное изображение божеств на лотосах. Мужские божества имеют тройную ушнишу (прическу) с золотистым навершием, женские — косу. Все они в классических украшениях бодхисаттвы: в короне, ожерельях, браслетах, серьгах, поясе, ленте. Фигурки отличаются не только по размерам, но и по цвету (среди них есть 4 разноцветные), позе, жестам и атрибутам в руках. На тыльной стороне лотоса тибетская надпись имени божества.

В мандале № 34

Анкуша *(санскр.)* **— страж белого цвета, восседает на престоле внутренних восточных ворот. В руках перед собой держит ваджрный крюк**

В мандале № 35

Паша *(санскр.)* **— страж желтого цвета, в мандале восседает на престоле внутренних южных ворот. Двумя руками держит ваджрный аркан**

С.-Ц. Цыбиков.
Скульптура В.И. Ленина. *1930-е гг.*

турный портрет В.И. Ленина. Этот заказ поступил, вероятно, от советских властей. Мастеру, создававшему всю жизнь скульптуры буддийских богов и богинь, нужно было создать достоверный облик пролетарского вождя. Надо было отойти от канонов изображения священных образов. Рассказывают, что старый мастер подолгу изучал плакат с изображением Ленина. Первую свою скульптуру он уничтожил, посчитав ее неудачной. И решился показать только вторую. Эта скульптура была представлена на выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина в 1970 году.

В наше время работы оронгойских мастеров являются ценнейшими памятниками духовной культуры бурятского народа. Они вызывают неизменный интерес на многих отечественных и зарубежных выставках.

Традиции оронгойских мастеров не забыты. Они продолжают жить в творчестве молодых мастеров Бурятии. Потомственный художественный дар проявился у внучатых племянников Санжи-Цыбика Цыбикова — детей его родной племянницы Норбо Гармаевны Зодбоевой, братьев Батора Гармаевича Зодбоева (1940–1976) и Булата Дагбаевича Энкеева (1942 г.р.). Оба они резчики по дереву, художники-профессионалы. Батор Гармаевич был членом Союза художников СССР, его работы хранятся в фондах Художественного музея им. Ц.С. Сампилова. Булат Дагбаевич также член Союза художников СССР, заслуженный художник Бурятии.

Скульптуры изображают идеальных, бесстрастных, отрешенных от мирской суеты существ, вызывая трепет и желание подолгу созерцать эти таинственные образы.

Обычно выполняющий ритуал помещает себя в центр мандалы в ожидании призываемого божества и в конечном счете сливается с ним. Обряд сопровождается ритуальным пением мантр с использованием музыкальных инструментов — труб, колокольчиков, гонгов и других. Обоняние стимулируется воскурением благовоний. Через активизацию органов чувств достигается гармонизация внутренних психофизических центров.

Называя скульптурный комплекс Мандалы Гунриг уникальным памятником, мы действительно можем утверждать, что такого полного собрания нет ни в одном музее страны. Кроме того, знания, традиции исполнения скульптурных мандал утрачены.

Мандала Гунриг работы С.-Ц. Цыбикова является национальным художественным достоянием и духовным наследием бурятского народа.

Танка «Манлын жинхор» (Мандала Бхайшаджьягуру). *Нач. XIX в.*

К ЛАМАМ ГУСИНОГО ОЗЕРА

И. ВАСИЛЬЕВА

Фото Б. Михайлова

В 1738 году в Тамчинскую степь прикочевал монгольский лама Ахалдай. Спустя три года он поставил кумирню, представлявшую собой большую юрту. Легенды говорят, что первоначально дацан был построен там, где теперь приблизительно середина Гусиного озера.

«Лет 80 или 90 на том месте, где теперь лежит озеро, была только долина, посредине которой стояла кумирня, — писал декабрист Н.А. Бестужев в 1853 году. — Подле этого храма Будды был колодезь, а по сторонам незначи-

Гусиноозерский дацан до революции считался главным буддийским монастырем Бурятии. Однако после закрытия в 1930-х годах и гонений на оставшихся лам дацан, достаточно удаленный от больших населенных пунктов, пребывал в полном запустении. Старинный монастырь в Тамчинской степи на Гусином озере возродился в 1991 году. Здесь вновь появились ламы. Учение Будды, преодолев тяжкие испытания, вновь укрепляется в Бурятии, там, где всегда был его оплот, — у овеянного преданиями Гусиного озера.

тельные озерки... Неприметным образом озерки стали увеличиваться в объеме, но это не удивляло никого, потому что часто в дождливое время случалось то же самое, а сверх того они всегда были окружены болотами... Наконец, начала выступать вода из колодца, потом подступать под самую кумирню, сделавшуюся островом, так что кумирню должно было перенести версты за 4 далее от этого места. Но вода пришла и туда... И тогда уже поставили у подошвы горы, на речке Ац, где она находится и по сие время».

Покровительницей дацана стала богиня Лхамо.

Монастырь разрастался. В 1750 году здесь построили деревянный дацан.

В борьбе за первенство с другим дацаном — Цонгольским, находившемся восточнее пограничной Кяхты — Тамчинский дацан одерживает победу. И с 1783 года становится резиденцией главы буддийского духовенства, имевшего огромное влияние на левобережные дацаны. С 1809 года монастырь на Гусином озере, несмотря на соперничество с другими дацанами, стал резиденцией Хамбо ламы — главы всех бурятских буддистов.

В 1858 году дацану было разрешено строительство нового главного храма. Строительство вели по проекту монастырского художника местные буряты под руководством русского мастера Воронина, мещанина из города Селенгинска. Проект был утвержден Иркутской губернской строительной комиссией в 1859 году. Здание должно было иметь три яруса, первый — каменный, два верхних — деревянные. В основном строительство храма Цогчен (Сокшин) было завершено к 1870 году. Путешественник В. Птицын, описывая Цогчен-дуган, дает выразительный образ храма: «Среди каменистой пустыни...возвышается огромное белое трехэтажное каменное здание китайской архитектуры, украшенное наверху символической фигурой двух вызолоченных, блестящих на солнце, оленей с колесом между ними. На однообразном фоне пустыни с рассеянными по ней изредка маленькими бурятскими юрточками это белое здание особенно выделяется, кажется таким величественным и производит впечатление собора». Вслед за ним постепенно были заменены остальные 18 малых храмов дацана на Гусином озере.

К началу XX века, в пору своего расцвета, Тамчинский дацан был большим поселком с правильной сеткой улиц. В центре его размещался храм Цогчен (Сокшин) — «дом всеобщего собрания». Его окружали 7 малых храмов (сумэ, дуганов), среди которых выделялся двухъярусный храм Майдари. Культ бодхисаттвы Майдари, Будды Грядущего, был широко распространен в Забайкалье. И каждый дацан старался приобрести статую Майдари и 1000 будд. Сумэ в конце XIX века был второй по величине постройкой дацана. Внутри него была установлена скульптура Будды. «В сумэ стоит медное бронзированное изваяние, самое большое, какое мне только довелось видеть в дацанах Забайкалья и Монголии, которые я посещал, — саженей в пять вышиной в сидячей позе», — свидетельствовал В. Птицын.

Тамчинский (Гусиноозерский) дацан был одним из первых монастырей, основанных на бурятской земле

Храм Чойра
Фото 1909 г.

На протяжении многих лет дацан был центром искусств, ремесел, книгопечатания и медицины. Один из самых знаменитых Хамбо лам Тамчинского дацана Дампил Гомбоев в одном из своих отчетов писал, что в дацане издавалось 97 наименований книг на монгольском и тибетском языках. Сам Гомбоев, занимавший высокий пост с 1878 по 1896 год, отличался не только высокими нравственными и интеллектуальными качествами, но был и «ревнителем просвещения», одаренным и высокообразованным человеком. Особое уважение в научной среде он снискал тем, что подарил Восточно-Сибирскому отделению Российского Географического общества коллекцию буддийского искусства.

Алтарь в храме Цогченэ. *Фото Зонненбурга. 1912 г.*

В дацане существовала единственная разрешенная царским правительством школа для хувараков (учеников). Преподавание разделялось на пять разделов, разбитых на 14 классов. На первом курсе на протяжении двух лет изучали старомонгольскую и тибетскую грамоту, заучивали наизусть молитвы и ламаистские богослужебные уставы, рисование и некоторые другие ремесла. В третьем и четвертом классе изучалась логика, с пятого по девятый — медицина, десятый и одиннадцатый — астрология и астрономия, далее следовали тибетское богословие и буддийская философия. Тамчинский (Гусиноозерский) дацан был одним из центров изучения религии и буддийской философии (цаннит). Диспуты между ламами проводились либо на открытых площадках перед храмами, либо в специальных дуганах (Чойра и др.).

Изучение традиций тибетской медицины осуществлялось только в дацанах. В Тамчинском дацане имелся специальный

Орнаментация Гусиноозерского дацана богата и разнообразна. Краски в дацанской архитектуре еще ярче и разнообразней, чем в живописи

Мистерия цам в Гусиноозерском дацане. *Фото Зоннебурга. 1912 г.*

Молитвы записаны на длинных свитках, внутри накрученных на барабан. Не обязательно их читать. Достаточно повращать барабан, много барабанов, один за одним, и все молитвы будут прочитаны и услышаны

Мамба-дуган, посвященный Будде врачевания Оточи. Эмчи-ламы (медики) получали образование, не только изучая тибетскую медицину, они осваивали также европейское врачевание, составляли подробные описания лекарственных растений, применяли терапевтические и хирургические приемы. Знания передавались от учителя к ученикам. Эмчи-ламы вели истории болезней своих пациентов. Нередко эти записки состояли из нескольких десятков томов. А за помощь в переводе знаменитого медицинского трактата «Чжуд-ши», оказанную ламами Тамчинского дацана А.Позднееву, многие из них были награждены золотыми и серебряными медалями.

В дацане была своя живописная школа. По воспоминаниям того же В. Птицына, живописцы «в своих мастерских, сидя, скорчившись, на коленях рисуют сначала карандашом по бумаге, полотне или на шелковой ткани контуры бурханов и других священных буддийских изображений, в том числе субурганов или ступ... потом разрисовывают их кистями и красками; красной, желтой, белой и зеленой, и китайской тушью, разведенными не на палитре, а в маленьких китайских чашечках». Занимались здесь и изготовлением глиняных бурханов: «Под руководством своего ламы... хувараки налепливали мягкую глиняную смесь на картонные модели, потом раскрашивали или золотили еще свежую глину, давали засохнуть и снимали готовые обе половины бурхана с моделей, и, наконец, склеивали их».

Была в дацане и столярная мастерская. Все работы выполнялись вручную. Изготавливались деревянные детали и украшения дацанских построек, мебель, божницы, фигуры тигров, львов, мифического животного «луу», слонов.

Цогчен и другие храмы, кроме лампад, освещались европейскими керосиновыми лампами. Для отопления устраивались железные или кирпичные печки.

Участники научно-практической конференции по случаю 260-летия Гусиноозерского (Тамчинского) дацана. Июль 2001 г. Стоят в центре: Бандидо Хамбо лама Дамба Аюшеев — глава Традиционной Сангхи России, Лопсан Кхедруп-римпоче — лама из Тибетского Гоман-дацана, Н.А. Петунова — директор НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Республики Бурятия, ректор Буддийского университета и ширетуй (настоятель) Иволгинского дацана Гунчен лама Жамсуев

Принимал он в своих стенах и знаменитых ученых и путешественников, крупных учителей и ученых буддийского мира.

Гусиноозерский дацан был одним из немногих монастырей Забайкалья, где практиковалось проведение буддийских мистериальных танцев цам. Один из последних цамов в конце 1920-х годов был снят на кинопленку режиссером В. Пудовкиным для художественного фильма «Потомок Чингисхана».

С конца 1930-х годов открывается мрачная глава истории Гусиноозерского дацана. В 1938 году в Цогчен-дугане разместили казарму для заключенных Южлага, строивших железную дорогу в Монголию. В храме Чойра расположился лазарет. В дуганах наспех сколотили нары, следы которых и поныне можно увидеть внутри зданий на колоннах. Пережившие этот кошмар люди утверждали, что случались дни, когда в дацане умирало до сотни заключенных. Об этом напоминают в ограде монастыря ряды безымянных могильных холмиков и... небольшой памятник на могиле одного из лагерных начальников, убитого заключенными за зверское к ним отношение.

В декабре 1940 года власти приняли было решение о размещении в Гусноозерском дацане филиала Антирелигиозного музея. Но это решение так и осталось на бумаге. На деле после ликвидации лагеря монастырские здания приспособили под сельскохозяйственную школу, инкубатор и жилье. Часть построек была снесена или разобрана, разрушены субурганы, барабаны-хурдэ, исчез оленный камень — Алтан-сэргэ.

Разграбленный монастырь, достаточно удаленный от городов, пребывал много лет в полном запустении. И хотя в 1950-е годы удалось провести некоторые реставрационные работы, разрушения архитектурного ансамбля остановить не удалось. В начале 1970-х годов дуган Деважин в целях сохранения был перевезен в только что организованный близ Улан-Удэ Этнографический музей народов Забайкалья, а храм Аюша — в Этнографический музей Новосибирска. К концу 80-х годов в Тамчинском дацане сохранились в полуразрушенном состоянии лишь два дугана — Цогчен и Чойра. Старинный буддийский монастырь как бы заново родился в 1991 году. Здесь вновь появились ламы. Из далекого Новосибирска возвратили разобранный храм Аюша и восстановили на территории дацана. Нашелся священный оленный камень. После проведения реставрационных работ открылся для верующих дуган Чойра, реставраторы занялись восстановлением главного дугана Цогчен. Буддийская вера, несмотря ни на что, вновь укрепляется там, где всегда был ее оплот, — у овеянного преданиями Гусиного озера.

«ЗОЛОТАЯ КОНОВЯЗЬ»

Алтан-Сэргэ

По материалам
И. ВАСИЛЬЕВОЙ
и Н. ИМЕНОХОЕВА

Европейский путешественник А.И. Термен, объехавший Забайкалье в начале XX века, рассказывал в своей книге «Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области» о встретившейся ему в Гусиноозерском дацане загадочной каменной стеле с выбитыми на ее гранях изображениями оленей.

«Перед Гусиноозерским дацаном, — говорит он, — стоит камень: лама мне говорил, что этот камень найден в горах и приписывают изображенные на нем рисунки таинственному происхождению.

— А для чего камень этот здесь поставлен? — осведомился я.

— Когда бурханы приезжают на цам, то они к этому камню привязывают коней.

Здесь надо пояснить, что «цам» — это грандиозное религиозное представление, проводившееся в прошлом в некоторых буддийских монастыряхпочти каждый год. С 30-х годов подобные мистерии были запрещены, а костюмы и маски фантастичес-

Гусиноозерский (Тамчинский) дацан. С главного храма Цогчен-дугана видны дуганы Чойра и Аюша

Фото Б. Михайлова

ких существ отправлены в музейные хранилища или просто сожжены. Мистерия цам не проводится в Бурятии и по сию пору, ибо священные традиции великолепного костюмированого праздника, привлекавшего в дацаны тысячи людей из ближних и самых отдаленых улусов, были запрещены. Простой народ, само собой, понимал, что под свирепыми и добрыми масками скрываются переодетые ламы.

По поверью, недоступные человеческому глазу бурханы на невидимых конях собирались на церемонию цама. С раннего утра ламы выводили коня желтой или золотистой масти, украшали его, привязывали к священному камню — Алтан-Сэргэ — и не кормили, чтобы конь ржал и своим ржанием «оповещал» бурханов и весь народ, что пора собираться на цам. И люди спешили в дацан, веря, что бурханы съезжаются на праздник и «привязывают» своих лошадей к «золотой коновязи».

Происхождение этого камня могло быть и не местным. Существует легенда, что ламы специально выезжали в Монголию, чтобы привезти и установить на территории Тамчинского дацана «золотую коновязь» — «Алтан-Сэргэ», выбирая для этого подходящий камень из древних захоронений.

Камень также использовался для совершения особых ритуалов с целью предупреждения падежа или эпидемии скота. К камню обычно привязывали животное желтой масти,

читали молитвы, предотвращающие несчастье, затем освященное животное отпускали в стадо, где оно паслось до естественной смерти.

В 30-е годы, когда всякая религия подвергалась гонениям, стали закрываться и буддийские монастыри. Не избежал этой участи и Гусиноозерский дацан. От его многочисленных храмов и построек уцелели всего два деревянных здания — дуганы Сокшин и Чойра. Еще одно — сумэ Аюша, было вывезено в 1973 году в Новосибирский этнографический музей по личной просьбе академика А.П. Окладникова. Теперь здание восстановлено. Дуган Деважин был перевезен на территорию Этнографического музея близ Улан-Удэ.

А вот куда подевалась «золотая коновязь», никто не помнил за давностью лет.

Более десяти лет назад местные школьники в фундаменте одного из строений обнаружили обломок с каким-то изображением. На станцию Гусиное озеро срочно выехали специалисты. Из фундамента удалось извлечь все фрагменты стелы. Шесть крупных обломков священного камня были вывезены в Улан-Удэ для исследования и реставрации.

Каменная стела выполнена из туфа серо-коричневого цвета. Все четыре его грани были заполнены многофигурными композициями. В основном это стилизованные фигурки оленей с мордами наподобие птичьего клюва и ветвистыми рогами. На се-

Фото Б. Михайлова

верной грани изображена ажурная пятиугольная фигура, внутреннее пространство которой заполнено поперечными линиями в виде углов, повторяющих острый выступ наверху. Здесь же изображен предмет в виде длинной, слегка искривленной рукоятки, из которой перпендикулярно выступает что-то вроде длинного клинка, кельта или боевого топора. На западной грани выбит круг с подвеской в нижней части, утолщенной посередине и раздвоенной на конце и изображение топора.

Датировка подобных изображений крайне затруднена. Однако большинство специалистов сошлось на том, что загадочные изображения были нанесены на камень в XI–VIII вв. до н. э., то есть за несколько веков до рождения Будды.

В трудах и отчетах европейских путешественников прошлого века, побывавших в Центральной Азии, нередко встречаются упоминания о каменных сооружениях — плиточных могилах и так называемых оленных камнях, подобных найденному в Гусиноозерском дацане. В качестве угловых камней этих захоронений редко, но встречались плоские высокие стелы со стилизованным изображением оленей с «летящими» рогами. Эти оленные камни иногда устанавливались в качестве сторожевых камней в могильниках.

Современными археологами установлено, что использование оленных камней при строительстве плиточных могил уже было вторичным. Вероятнее всего, камень первоначально был установлен в честь какого-нибудь выдающегося воина-вождя, предводителя племени или рода, на погребальном комплексе или святилище.

Самым известным в науке из Забайкальских оленных камней является Иволгинский камень, перевезенный еще в начале XX века в Иркутский музей.

В протоколах заседаний отдела этнографии Восточно-Сибирского отдела Российского Географического общества имеется следующее описание оленного камня Гусиноозерского дацана: «Г-н Потанин сообщил о каменном памятнике, найденном им в Гусиноозерском дацане. Этот камень с фигурным изображением. Подобные камни (каменные бабы) носят монгольское название «кешо-чило» и татарское «сын-тас»; последнее значит олень-камень. Действительно, на некоторых из этих камней находят изображение изюбрей».

Следовательно, оленный камень из Гусиноозерского дацана, созданный неизвестным мастером в весьма отдаленную эпоху, был использован буддийскими монахами в своих ритуальных целях при строительстве буддийского монастыря...

После завершения реставрационных работ «золотая коновязь» вновь была установлена на территории Гусиноозерского дацана. Древнему оленному камню — археологическому памятнику, пережившему свое время — была уготована особая судьба — стать священным символом для людей другого мира и другого времени.

БУДДИЙСКАЯ ЦАМ МИСТЕРИЯ

Валентина НАЙДАКОВА

Буряты богомольцы, на праздникѣ „Цам“

Начало костюмированного представления. Владыка кладбищ (хохимой) отгоняет Ворона от ритуального столика под балдахином. *Начало XX в.*

Маска и костюм Очирвани. Роли подобных грозных божеств могли исполнять только ламы высокого ранга

Театрализованные костюмированные представления, происходившие под открытым небом в степях и гористых местностях Забайкалья на протяжении XIX — начала XX столетия, производили неизгладимое впечатление. Проводившаяся раз в году почти в каждом буддийском монастыре — дацане — грандиозная мистерия цам (от тибетского «чам» — танец) имела сокровенный, тщательно скрываемый от непосвященных религиозный смысл и в то же время была адресована тысячам зрителей, отовсюду стекавшихся на представление. На публику должны были воздействовать расшитые золотом наряды, укрупненные маски «милостивых» и «гневных» божеств ламаистского пантеона, рассчитанные на восприятие издали, но также и музыка необычайного регистра и могучего, утяжеленного ритма; то она напоминала рев слона, рык льва, раздавалась как бы из глубинных недр земли, либо ассоциировалась с шумом ветров, прорывавшихся сквозь гулкие удары огромных барабанов или звонкую медь литавр, а когда они умолкали, слышны были частая дробь барабанчиков величиною с ладонь,

мелодичное звучание серебряных колокольчиков.
Последний цам на бурятской земле прошел в Гусиноозерском дацане в 1931 году. Последовавшие потом гонения на религию привели к закрытию и буддийских монастырей. Вместе с репрессированными ламами невозвратимо канула в небытие и таинство запрещенной властями буддийской мистерии.
Костюмы и маски ламаистских божеств из закрытых и поруганных святилищ были надежно похоронены в музейных фондах. Современный зритель их смог увидеть лишь только спустя полвека, когда предметы гонимых религиозных культов разрешили выносить в экспозиционный зал.

В главном храме старой Бурятии — Гусиноозерском дацане — весьма строго соблюдалась традиция проведения хурала цама докшитов. Это пышное богослужение совершалось один раз в год в начале июля и собирало очень много верующих и любопытных. К мистерии готовились за несколько месяцев. При буддийском монастыре жили художники, владевшие иконописным мастерством (изображений богов на ткани — «танка»), они же изготовляли маски богов, людей, животных, птиц для цама. Там же трудились мастера по пошиву разнообразных и сложных костюмов для мистерии. В представлении цама докшитов в Гусиноозерском дацане выходило 78 персонажей.
Фотограф запечатлел один из последних в истории Бурятии цамов докшитов.

Ламаизм, северный тибетский буддизм, пришел в Бурятию в конце XVII века. Вместе с ним в забайкальских степях получили распространение тибетская и старомонгольская письменность, традиция восточной философии, профессиональное искусство. Появляется ламаистское духовенство с его сложной иерархией, возводятся храмовые, монастырские комплексы — дацаны, дуганы, хиты; устраиваются пышные религиозные процессии и богослужения, привлекающие массу верующих.

Одним из наиболее театрализованных и красочных обрядов богослужения был цам-хурал. Эта буддийская мистерия представляла собой священные танцы и пантомиму в масках, исполнявшуюся буддийскими священнослужителями — ламами. Традиция цама первоначально возникла в Тибете. По преданию, первые священные танцы в масках богов были исполнены Падмасамбхавой при сооружении монастыря Самьяй в VIII веке. Якобы тогда этот торжественный обряд богослужения помог великому Учителю, главе секты красношапочников, победить сопротивление местной религии бон-по. Предполагается происхождение этих танцев из Индии, где в древности особые актеры в масках и одеждах богов танцевали и вели диалоги на языке богов, демонов и людей.

В Монголии секта Гелуг-па постепенно вводила в своих монастырях разные виды священных танцев и пантомимы в масках и без масок и даже с диалогами (цам Миларайбы). В востоковед-

Среди персонажей цама докшитов большое впечатление производит маска Жчамсарана. Она красного цвета, представляет собой искусную инкрустацию из коралловых бус различного размера и красного бисера. Маска трехглазая, имеет четыре клыка, торчащие из раскрытого рта. Выражение яростное. Исполнитель держал в одной руке меч, в другой — окровавленное сердце врага. Пляска этого божества — медленная торжественная поступь грозной силы.

Последним в Цаме докшитов выходил Чойчжил (Эрлик-хан), главная фигура этого обряда, в маске головы буйвола. После его пляски начинался хурал Линка — чтение молитв против врага веры. Затем начинался заключительный темпераментный танец всех персонажей цама.

Маска Жчамсарана

Маска главного божества Чойчжила

ческой литературе встречаются подробные описания исполнения в Тибете и Монголии Жагхар цама или Эрлик цама, по имени главного божества этой мистерии — Эрлик Номун-хана (по-тибетски Чойчжил), короля закона, владыки ада. Именно этот вид цама был введен в Бурятии во второй половине XIX века. В Бурятии Жагхар цам чаще назывался цамом докшитов, ибо главные действующие лица в нем были докшиты (на санскрите — дхармапала) — гении-хранители буддийской веры в их гневном воплощении.

Известно, что в дацанах хранились специальные руководства на тибетском языке по обряду священных танцев и были ламы-тантрины высокого посвящения, руководившие всей церемонией богослужения и постановкой собственно танцев и пантомимы. Они строго, неукоснительно придерживались существующего канона. При крупных монастырях имелись художники, владевшие иконописным мастерством (изображали богов на ткани — танка), они же могли изготовлять маски богов, людей, животных, птиц для цама, там же трудились мастера по пошиву разнообразных и сложных костюмов для персонажей мистерии и мастеровые по изготовлению реквизита, бутафории.

В главном храме Бурятии — Гусиноозерском дацане — представление мистерии докшитов мало чем уступало подобным мистериям в Монголии. Если там в монастыре Эрдэни-цзу в представлении мистерии Жагхар цам принимало участие 87 масок, то в Гусиноозерском дацане (резиденции Хамбо ламы) выходило 78 персонажей. Небольшая разница происходила за счет

почжутов, второстепенных божеств, входивших в свиту гениев-хранителей — докшитов.

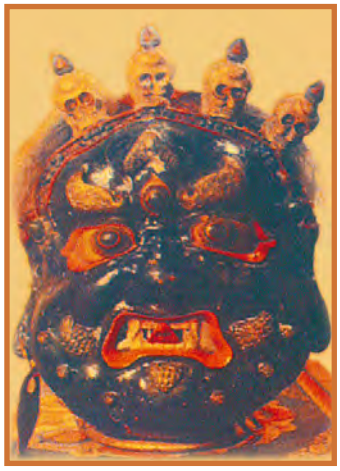
Пышное богослужение, цам-хурал докшитов, совершалось один раз в год в начале июля и собирало очень много верующих и любопытствующих. Подготовка к нему начиналась задолго, за полтора-два месяца. Приводились в порядок экзотические музыкальные инструменты, подновлялись костюмы и маски, определялись исполнители. Начинались репетиции священных танцев. Пожилые, много раз танцевавшие в данном обряде священники, передавали свой опыт более молодым, физически сильным и выносливым ламам, имеющим знания в тантрийской мистике. Новичков вначале обучали по одному, показывали отдельно каждое движение и соответствующее этому па словесную формулу (заклинание), затем объединяли в группы и, наконец, наступал момент, когда все участники выходили в монастырскую ограду и там репетировали все представление в целом под звуки ламского оркестра. Танцующие репетировали некоторое время без масок, которые надевались позднее, когда исполнители уже свободно двигались, изучив и запомнив рисунок своих танцев.

Накануне публичного представления цама проходило закрытое богослужение внутри храма, которым руководил главный церемониймейстер обряда — чамбон. Он в костюме, но без маски, в золоченой круглой шапке с высоким конусообразным верхом в полночь открывал двери храма и начинал стремительный вихревой танец. Все участники также танцевали под ритм заклинаний, которые чамбон напевал высоким тенором, держа в руке серебряную чашу-дэбэр. Гэлюн лама, прислуживающий ему, наливал в чашу символическую кровь из габалы — чаши из человеческого черепа. Звучала неистовая музыка оркестра. Чамбон отходил и наливал кровь из чаши в бараний желудок, завязывал и вкладывал в приготовленную из теста фи-

Гонгор (докшит)

Очирвани (докшит)

Лхамо (докшит)



Гомбо (докшит)

Намсарай, хранитель северной стороны

Маска тигра

гурку человека — Линка, врага веры, воплощение грехов.

На рассвете проводился хурал, где освящали Сор, трехгранную пирамиду, оканчивающуюся на вершине подобием человеческого черепа. Грани пирамиды окрашены в ярко-красный цвет, символизируя языки пламени. Сор является одним из главных атрибутов цама докшитов и представляет собой символ «врагов веры». На этом заканчивалась закрытая часть богослужения.

Публичное представление цама докшитов устраивалось в монастырской ограде. В центре площади перед главным храмом ставили столик и над ним сооружали шелковый навес-балдахин. Вокруг этого балдахина очерчивали мелом или известью несколько концентрических кругов — место, где танцуют маски, неподалеку от внешнего круга устраивали сиденья и навесы для почетных гостей, лам, богатых богомольцев, а простые верующие, миряне, устраивались как могли, сидя, стоя, ряд за рядом, занимая все свободное место в ограде. Монастырская ограда в дни цам-хурала с этими кругами, заключенными в четырехугольник, представляла собой мандалу — буддийское руководство для ориентации в духовном мире, традиционно обозначаемое кругом (символом космоса) и квадратом (символом мира, созданного человеком).

Цам начинался с выноса Сора и Линка, которых ставили на столик под балдахином. Раздавались звуки ламского оркестра, расположенного вблизи внешнего круга. Оркестр состоял из своеобразных инструментов, таких как огромные двух-, трехметровые металлические трубы — «ухэр-буреэ», поддерживаемые людьми спереди и сзади, ганлин, изготовленный из берцовой кости человека, цан — медные тарелки, хэнгэриг — вид колокольчика, бишхуур — деревянный духовой инструмент, близкий к гобою, и других. Под ревущую музыку на круг выходили исполнители. Вначале появлялись

две маски «хохимои», владык кладбищ, представляющих собой человеческие скелеты. Костюм, чаще всего, представлял собой облегающее тело черную одежду, которая была расписана белой краской. На их головах были одеты маски в виде черепа. Владыки кладбищ отгоняли от «Сора», установленного под балдахином, Ворона, который входил во внутренний круг вместе с «хохимоями».

Затем появляется Хашин-хан с восемью мальчиками, не то сыновьями, не то учениками. Их маски изображают добрые улыбающиеся человеческие лица. Они не танцуют, но приветствуют подношением «хадака» каждое божество, выходящее из дверей храма на круг. Блюстителями порядка во время действия выступают четыре маски жителей Индостана — две коричневые и две темно-зеленые со строгим выражением лица. Это ацзары — они танцуют вне круга и все время находятся там, следя за тем, чтобы зрители не заходили на круги, не мешали бы танцующим. В руках ацзары держали кнуты.

«Маски» выходили на круг либо по одному, либо попарно, или группами. Протанцевав и выполнив пантомиму, они удалялись в храм или оставались на площадке сбоку, не мешая другим участникам.

Танец состоял в том, что «маски» то медленно, то быстро в такт музыке принимали различные пластические позы, скакали с одной ноги на другую, кружили по сцене, двигались взад и вперед. При этом они держали в руках какие-либо предметы символического содержания, и манипуляция этими предметами во время танца имела особый смысл. Танцевальные движения некоторых «масок» были более живые, легкие и быстрые и не так однообразны.

Однако в цаме были персонажи, которые кружились в вихре настоящей бешеной пляски. В путевых заметках Дмитрия Даурского «По Забайкалью», увидевших свет в 1910 году, описывают-

Дракон

Сабдак, хранитель данной местности

Хохимой, хранитель кладбищ

«Белый Старец» в шапке

Лама Б.Д. Дандарон в маске «Белого Старца»

Спутник Чжамсарана

ся действия масок быка и оленя, танцевальные партии которых сочетали выразительную пантомиму с пляской. «Под скорый темп музыки бык и олень исполняют быстрый танец, затем приостанавливаются, враждебно смотрят друг на друга и проделывают ряд неприязненных угрожающих движений. С наклоненными головами, яростно потрясая рогами, они готовы броситься один на другого, но... подошедшая маска «хохимоя» не допускает. Они, сдерживая ярость, топчутся на месте и, услыхав учащенный темп музыки, начинают стремительный танец на внутреннем круге».

Персонажи цама распадаются на несколько групп. К одной из них можно отнести маски различных животных: ворона, буйволов, львов, тигров (барсов), оленей, медведей. В Монголии к этой группе относятся также дракон, мифическая птица Гаруда, в Тибете — слон, обезьяна, в Туве — верблюд, северный олень, водящийся в Саянах. Следующая группа — это маски докшитов, грозных божеств, гениев-хранителей буддийской веры. Они имеют человеческий облик, но лица искажены выражением ярости, гнева. У некоторых есть третий глаз во лбу, большие клыки. Маски божеств высокого ранга украшены сверху тиарой из пяти человеческих черепов. Есть божества с тремя черепами, с одним черепом. Маски раскрашены в разные цвета: синие, темно-желтые, красные, зеленые и все довольно большие по размеру, чтобы исполнители могли свободно надевать их на голову.

Главных божеств, хранителей веры — докшитов, в этом цаме десять. Но они выходят в сопровождении свиты почжутов, богов низшего ранга. Кроме того, докшиты Чойчжил и Чжамсаран имеют еще своих «шакти» — существ, символизирующих женское начало Вселенной.

К третьей группе масок относятся персонажи, представляющие разных людей. Это двадцать два шанака, монахи-созерцатели, имеющие в цаме важную функцию и отдельную танце-

вальную партию. Они не носят масок. Здесь же Хашин-хан с мальчиками в «добрых» масках и новый персонаж «Сагаан Убугуун» — «Белый Старец». И сюда нужно отнести маски сабдаков, духов-покровителей данной местности. Каждый дацан имел своего сабдака. В Гусиноозерском дацане в цаме докшитов участвовала маска покровителя Хухэ Ямаата.

Костюмы цама — яркие, красочные, сшитые из дорогих материй, шелка, парчи. На халат с длинными клинообразными рукавами надевался фартук, украшенный вышивкой (голова бурхана-бога), особый воротник-пелерина с фестонами, свисающими спереди, сзади и по плечам. И на все это накидывались тяжелые четки, изящно вырезанные из кости, опоясывающие все тело и скрепленные впереди металлическим диском — толи. По низу к четкам подвешивались миниатюрные серебряные колокольчики, их — 12, каждое движение танцовщика они сопровождали мелодичным звучанием. На ногах исполнителей монгольская обувь (гутал), расшитая бисером, бусами.

Б.Д. Дандарон в головном уборе персонажа цама Дуйнхор

Среди персонажей цама оставляла большое впечатление маска докшита Чжамсарана. Она красного цвета, представляет собой искусную инкрустацию из коралловых бус различного размера и красного бисера. Маска трехглазая, имеет четыре клыка, торчащие из раскрытого рта. Выражение яростное. Исполнитель держал в одной руке меч, в другой — окровавленное сердце врага веры. Пляска этого божества — медленная торжественная поступь грозной силы. Вместе с Чжамсараном танцевали восемь маленьких его спутников — «дитокчжад» в красных масках и одеждах. Их обычно исполняли дети-послушники (хувараки).

После пляски Чжамсарана, как разрядка, следовала комедийная интермедия Сагаан Убугууна, любимого зрителями персонажа цама. Он владыка земли, хранитель пастбищ и стад, дарит людям долголетие. Маска изображала добродушное лицо старца с длинной седой бородой. Одет он в белый монгольский халат, подпоясан кушаком, ходит, опираясь на деревянный посох.

Белый Старец вносит в цам оживление, смешит зрителей, исполняя пантомиму просыпающегося от сна старца, расправляет бороду, усы, потягивается, пугается громкой музыки. Долго и безуспешно пытается встать на ноги. Наконец, это ему удается. Радуясь, Сагаан Убугуун начинает тихонько приплясывать, постепенно расходится, пляшет до изнеможения, падает. Иногда Белый Старец, сокрушаясь, что совсем одинок, похищал у Хашин-хана одного или двух его мальчиков, страшно радовался, что обрел наследников, забавлял их и, разыгравшись, по слепоте своей вроде бы не мог найти спрятавшихся от него детей. Искал среди зрителей, которые, подыгрывая ему, укрывали за свои спины детишек, и старик, так и не найдя их, начинал какую-либо другую сценку. Запас интермедий у него был большой.

Последним в цаме докшитов выходил Чойчжил (Эрлик-хан) — главная фигура этого обряда в маске буйвола. Он танцевал очень близко к «Сору». После его пляски начинался хурал Линка — чтение молитв против «врага веры». Во время этого молебствия Чойчжил, Чжамсаран и несколько других грозных богов танцуют вокруг Линка, произнося заклинания (тарни), а затем рассекают его на части.

Именно в этот момент вновь появлялся Белый Старец и опять разыгрывал комические сценки: нюхал табак, попрошайничал, собирал деньги, «хадаки», и, если подношения нравились ему, — благодарил. Он оставался на круге до конца. Обаятельной фигуре Белого Старца — божества, по всей вероятности, шаманского пантеона народов Азии, принятого ламаизмом в сонм своих святых в качестве покровителя пастбищ, животных, семейного благополучия и долголетия — в цаме отводилась важная, но вспомогательная роль. Сценки с его участием происходили синхронно с танцами шанаков (лам-созерцателей) и должны были отвлечь внимание публики от основного, тайного смысла мистерии — магических ритуальных действий, связанных с «Сором» и хуралом Линка.

В заключительной общей пляске докшиты танцевали во внутреннем круге, шанаки — во внешнем. На половине этой пляски ламы, читающие молитвы, поднимались и выносили «Сор» за монастырскую ограду к костру, где и сжигали его. А маски в это время танцевали все вместе быстрый темпераментный танец, и от зрелища этой коллективной пляски трудно было оторваться. Этот завораживающий общий танец масок служил сильнейшим отвлечением внимания толпы от церемонии сожжения «Сора».

Многие исследователи Центральной Азии — путешественники, ученые, наблюдавшие в свое время представление цамов при монастырях Тибета, Монголии, Бурятии, проявили большой интерес к этому самобытному явлению. В своих описаниях цама наряду со знаками восхищения, удивления, а иногда и недоумения по поводу увиденного, они оставили свои размышления, предположения, догадки о происхождении этой мистерии и сущности ее содержания. Они не скрывали того, что им не удалось проникнуть в содержание цама, что в беседах с ламами все чаще ощущали тщательно охраняемую от посторонних тайну мистерии. Им передавали информацию, которая лежала на поверхности: имена богов в масках, названия атрибутов, одежды, реквизита. Они узнавали, что танцы и пантомима ставились по сценарному канону, записанному в специальных руководствах, и что занимались священным обрядом ламы, посвященные в тантрийскую мистику.

Персонаж в маске Ацзара

Проникнуть в тайный смысл этой мистики европейцы не могли. Тибетские книги о цаме написаны символическими словесными формулами, расшифровать которые может лишь посвященный. Персонажи цама, танцуя под музыку, в такт ей произносили про себя, а некоторые, как, например, чомбон в ночном обряде, громко пели тексты заклинаний (тарни, мантры), и именно эти таинственные формулы были связаны с танцевальными движениями и составляли вместе нечто энергетически целостное, завершенное и направленное, что-то вроде динамичной медитации. Значение этих формул, которые по трудности содержания остаются не переведенными с санскрита, ясно только ламам самого высокого посвящения.

В последние десятилетия европейским ученым удалось лишь приоткрыть некоторые секреты древнего ритуала. Но тайный смысл его до сих пор остается достоянием Тибета.

Сибирь. Бурятскіе праздники.

СОХРАНЕНИЕ ТАМЧИНСКОГО ДАЦАНА

Деревянные памятники наиболее подвержены разрушительным процессам, что обусловлено свойствами этого материала. В целях сохранения деревянных построек Тамчинского дацана в 1973 г. небольшой храм —Деважин-дуган был вывезен в только что открывшийся в лан-Удэ Этнографический музей как образец культового буддийского зодчества. В том же 1973 году и храм Аюши перевезли в Новосибирск для размещения в историко-архитектурном музее Сибирского отделения АН СССР. В результате комплекс Тамчинского дацана из четырех сохранившихся построек лишился сразу двух.

Оставшиеся на месте два храма архитектурного комплекса все же давали определенное представление об ансамбле дацана, о взаимосвязи зданий. Характерные силуэты зданий Цогчен-дугана и храма Чойра выделялись среди окружающей застройки, хотя окрестности продолжали застраиваться. И только с верхних ярусов храмов можно было получить полное представление о взаимосвязях ансамбля с ландшафтной средой. Местоположение ансамбля даже в таком сокращенном виде показывало единство с архитектурой его храмов.

В 1981 г. институтом Бурятгражданпроект был разработан проект генплана и детальной планировки пос. Гусиное Озеро. Частью проекта должна была стать перспективная схема планировки Тамчинского дацана с выделенной охранной зоной памятника.

Сохранившиеся реликвии Тамчинского дацана — Цогчен-дуган и дуган Чойра за 20 бесхозного существования нуждались в очередном проведении ремонтных и консервационных работ для поддержания их сохранности, которые были организованы в 1983-1987 гг. Реставрационное задание (от 27.03.1980 г.), выданное производственной группой охраны памятников начальнику Специальной научно-реставрационной производственной мастерской (СНРПМ) Министерства культуры Бурятской АССР. Дает представление о перечне необходимых на тот период работ на дугане Цогчен. Актуальной была проблема укрепления памятника. Конструктивная прочность была утрачена из-за возрастных

Цогчен-дуган Тамчинского дацана. *Фото 2020 г.*

изменений: фиксировалась осадка фундаментов, расслоение кладки и т.д. Необходимо было провести усиление бутовых фундаментов в местах появления сквозных трещин кирпичных стен, осуществить заделку сквозных трещин в кирпичной кладке, восстановить разрушенный участок юго-восточного угла основного здания дугана, восстановить нарушенные парапеты по периметру стен первого яруса здания. А также произвести ремонт водостоков, окраску кровли, отделочные работы, ремонт оконных переплетов, остекление и т.д.

Состояние дугана Чойра в тот период зафиксировано в акте обследования от 04.08.1983 г., составленном специалистами производственной группы охраны памятников и СНРПМ. Оценивая общее состояние памятника как удовлетворительное, они дали перечень утрат и дефектов: «В здании похищены почти все оконные переплеты и декоративные оконные решетки. На втором этаже разобрана половина дощатых полов, сломана лестница. Ведущая на второй этаж, утрачены точеные балясины на обходах и террасах; повреждены дверные полотна, утрачена часть декоративных элементов по портикам (резьба). Обнаружены: просадка колонн, деревянные полы первого этажа деформированы, под зданием нет фундаментов, бутовая кладка стен выложена прямо на грунт, конструкции пола не вентилируются, под дощатыми полами первого этажа нет подпольного пространства, трещины по стенам». (Архив АУ ГПЦ охраны памятников).

Направленность основных ремонтных работ на дугане Чойра сводилась к следующему: покрытие по существующей тесовой кровле новой металлической, с устройством водоспусков и установкой водосточных труб, заполнение оконных проемов, ремонт полов, отопительных печей с восстановлением дымовых труб, дверных полотен, штукатурные работы, восстановление токарных балясин балюстрады террас и обходов, электроосвещение дугана, устройство отмостков, отделочные работы и т.д.

Требуемые работы проводились под руководством архитектора ПСБ Министерства культуры Бурятской АССР АВ.В. Мисююля. Необходимая проектная документация на тот период отсутсьвовала, но им было проведено детальное и трудоемкое изучение памятника, с тем чтобы уяснить первоначальные черты конструктивных решений и провести работы по приближению архитектуры памятника к его историческому виду. Еще одна из основных проблем состояла в том, что из-за ограниченности средств реставраторы не успевали чинить повреждения: отреставрированное на одном участке начинало разрушаться раньше. Чем заканчивались работы на других. И все же архитектурную реставрацию удалось провести в значительном объеме.

В ходе работ остро встал вопрос о необходимости разработки проектных решений по обеспечению температурно-влажностного режима в помещениях. Требовался теплотехнический расчет, конструктивное решение по вентиляции. Было неизвестно состояние печей и дымоходов, что вызвало необходимость исследования состояния вертикальных каналов. Эксплуатация кровель показала необходимость принятия конструктивного решения по существующей системе водостоков, не обеспечивающей водоотведение. Необходимо было разработать конструктивное решение полов первого этажа, позволяющее предохранять их от гниения, решить вопросы по вентиляции пространства под полами. Требовалась разработка чертежей по устранению причин просадки колонн, архитектурно-художественная деталировка фасадов, принятие цветового решения фасадов дуганов, комплексный проект генплана всей территории памятника и т.д.

Дуган Чойра Тамчинского дацана. *Фото 2020 г.*

В связи со сложностью объекта с большим процентом утрат, необходимостью безотлагательного проведения ремонтно-реставрационных работ научно-производственным бюро охраны памятников Министерства культуры Бурятской АССР было принято решение об организации проектных работ по объекту. В 1987 г. Главное управление охраны памятников министерства культуры РСФСР (В.В. Кучеров) выдало Министерству культуры Бурятской АССР разрешение на изучение и разработку проектно-сметной документации по памятнику истории и культуры «Гусиноозёрский дацан на ст. Гусиное Озеро». В том же 1987 г. научно-реставрационным проектно-конструкторским бюро (НРПКБ) «Бурятпроектреставрация» по заказу научно-производственного бюро охраны памятников истории и культуры (А.Б. Раднаев) были начаты работы по разработке проекта реставрации Тамчинского дацана, в т.ч. и по археологическому обследованию территории памятника. Руководителем творческого коллектива, а также научным руководителем проектных работ была назначена главный архитектор Цыремжит Дашиевна Цыренжапова, директор НРПКБ «Бурятпроектреставрация». При формировании проекта использовался метод археологического исследования памятника в натуре. На протяжении ряда лет систематически проводились зондажи, шурфование и раскрытие с тщательными обмерами и фотографированием памятника, как в существующем виде, так и на отдельных стадиях исследования. Были подняты и привлечены многочисленные архивные документы. В результате поиска и изучения объектов тамчинского дацана методом археологических раскопок было выявлено и исследовано 27 построек. Имеющих непосредственное отношение к планировке и застройке дацана. В процессе работ в фундаменте одного из зданий был найден расчлененный на 12 фрагментов «оленный» камень Алтан Сэргэ — «Золотая коновязь».

В целях реконструкции комплекса в пределах существующей территории дацана проектировщиками было сделано проектное решение по восстановлению сумэ Деважин из нового материала. Ре-

шение задачи сохранения подлинного памятника в исторической среде, в которой он был создан и с которой органически связан, не представлялось возможным, т.к. инженерное обследование сумэ, перенесенного в Этнографический музей Забайкалья. Показало невозможность разборки и переноса его в родную среду без ухудшения состояния конструкций.

Авторским коллективом НРПКБ «Бурятпроектреставрация» были приняты решения по генеральному плану территории дацана с учетом современного градостроительного состояния поселка Гусиное Озеро. В связи с тем что первоначальные остатки фундаментов дуганов Деважин и Аюша находились под двухквартирным жилым домом в северо-западной части территории дацана, для их последующего восстановления были выбраны новые площадки на территории комплекса, с северо-восточной стороны дугана Чойра, с отступом от ростверка Чойры на 20 м, от ограждения — 8 м, с расстоянием между дуганами 12 м, с расположением обоих сумэ в одном створе с фасадной стороны. Эти решения еще ждут своего воплощения.

Возрождение Буддийской сангхи на территории дацана началось только в 1990 г. В связи с планируемым проведением на территории дацана торжеств, посвященных 250-летию официального признания буддизма в России, было принято решение об организации комплексных ремонтно-реставрационных работ на дуганах Цогчен и Чойра. Разработанная проектная документация позволяла приступить к практической реставрацуии на научной основе.

Принимая во внимание крайне неудовлетворительное состояние кровли главного храма, по заказу и за счет средств Научно-производственного центра по охране памятников (Н.А. Петунова) были начаты первоочередные работы по восстановлению портала второго этажа дугана Цогчен. Основной объем работ коснулся реставрации кровли: разборка и замена кровли из листовой стали, разборка и устройство обрешетки стропил, балок, устройство перекрытия портала. Была проведена реставрация деревянных колонн портала, реставрация и изготовление резьбы, перил, карнизов, расчистка и окраска деревянного декора. Работы. Начатые силами подрядной организации СНРПМ, продолжались на протяжении последующих десяти лет специалистами под руководством Реваза Ревазовича Лутидзе, первого аттестованного реставратора на территории Республики Бурятия, получившего лицензию на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия. Это было трудное время: реставрационная база республики была разорена и утрачена, прекратилась подготовка кадров реставраторов. Специалисты для выполнения работ на объекте подбирались долго и трудно. В результате самоотверженного труда был полностью восстановлен портал первого этажа дугана Цогчен, его колонны, резьба, проведены штукатурные и покрасочные работы.

Дуган Чойра также привели в порядок, были восстановлены его колонны, орнаментальная резьба, выполнена полихромная окраска декоративного резного убранства.

Взрыв артиллерийских складов в поселке Гусиное Озеро 20 июля 2001 г. нанес утрат и разрушения всему поселку, в т.ч. и отреставрированным постройкам Тамчинского дацана. Взрывной волной были выбиты все двойные оконные рамы на зданиях дуганов Чойра и Цогчен. Все вокруг было усыпано битым стеклом, нанесены повреждения деревянным филенчатым дверям. Массивные двери, закрытые на навесные железные замки, укрепленные дополнительными металлическими затяжка-

Обсуждение проекта реставрации объектов Тамчинского дацана в Министерстве культуры Республики Бурятия: (слева направо) **Р.Р. Лутидзе, И.А. Петрова. Е.В. Михалёва, Л.В. Мордвина.** *2013 г.*

Реваз Лутидзе с дацанскими резчиками. *2012 г.*

ми, рухнули под силой удара. Была сильно повреждена и не подлежала восстановлению система крепления декоративного культового завершения ганджура на здании дугана Цогчен. Появились глубокие трещины на стенах дугана Чойра, раскрылась сквозная трещина на его северной стене. Была нарушена целостность металлических кровель зданий. В дугане Цогчен, в местах примыкания железных листов к стенам парапета и стенам здания, образовались фрагментарные дыры. Произошло частичное обрушение подвесного потолка, и дожди в последующем беспрепятственно заливали стены и внутренние помещения дугана. Закопченный деревянный декор, грязные стены, штукатурный слой которых был усеян многочисленными сколами и выбоинами, усиливали и без того грустное впечатление от пострадавшего памятника.

Вновь потребовалась квалифицированная помощь. Незамедлительно были организованы работы по ликвидации на памятниках разрушительных последствий взрыва. Восстановление оконных блоков и их остекление, восстановление дверных блоков и их заполнение, кровельные работы были первоочередными мероприятиями, выполненными в дуганах Тамчинского дацана.

В целях дальнейшего сохранения памятника федерального значения и достижения перспективы последующего его использования в активной культурной деятельности, директором научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Бурятия Н.А. Петуновой была инициирована подача заявок в Министерство культуры Российской Федерации на финансирование реставрационных работ Тамчинского дацана из федерального бюджета. В дальнейшем регулярное финансирование было налажено в рамках выполнения мероприятий федеральной целевой программы «Куьтура России» в соответствии с имеющейся согласованной проектной документацией.

С 2006 по 2013 г. Министерством культуры Российской Федерации, в соответствии с договорами подряда с различными реставрационными организациями — ИП «Лутидзе Р.Р.», ООО «Новая реставрационная группа» (г. Москва), ООО «Ремстрой» (г. Москва), осуществлялись работы по реставрации дуганов Цогчен и Чойра, восстановлению ограды и ворот Тамчинского дацана. Технический надзор за ведением работ на объекте в разные годы производился ООО «Мосстройреставрация» (г. Москва), ФГБУ «Северо-Западная дирекция по строительству, реконструкции и реставрации (г. Санкт-Петербург). Авторский надзор за сохранением исторической ценности объекта в процессе производства работ выполняло ООО «Архитектурное наследие» (г. Иркутск). На протяжении всего периода проведения работ по сохранению памятника органу охраны объектов культурного наследия и специалистам-реставраторам, производившим работы, оказывалась консультативная и организационная помощь со стороны главы Буддийской традиционной сангхи России пандито-хамбо-ламы Дамбы Аюшеева и настоятеля местной религиозной организации буддистов Солбон-ламы.

За этот период был выполнен значительный объем работ: металлические кровли дугана Цогчен и дугана Чойра из черного железа были полностью заменены и покрыты оцинкованным кровельным железом, штукатурка фасадов отреставрирована и воссоздана в полном объеме, деревянные поверхности окон, дверей, профилированной облицовки, плоскорельефной резьбы восстановлены и окрашены. Мстерами были изготовлены архитектурно-художественные композиции «Хурло-газели», чеканно-выколотные декоративные завершения углов кровли — дулэ. В той же чеканно-выколотной технике по меди исполнены скульптурные композиции «ганджур» и «жалсаны». В интерьерах были восстановлены габариты посещений, а элементы декоративного убранства, полнорстью утраченные за прошедшие годы, были выполнены к мероприятиям по празднованию 270-летия Тамчинского дацана.

Елена Михалёва

Жизнеописание Агвана Доржиева

Ацагатский аршан —
Школа тибетской медицины

Атлас тибетской медицины

Великая ступа на Кижинге

Анинские субурганы

Секреты дацанской живописи

Зандан Жуу — «сандаловый Будда»

Ацагатский дацан пришлось строить заново в 1990-х...

В долине Уды и ее притоков

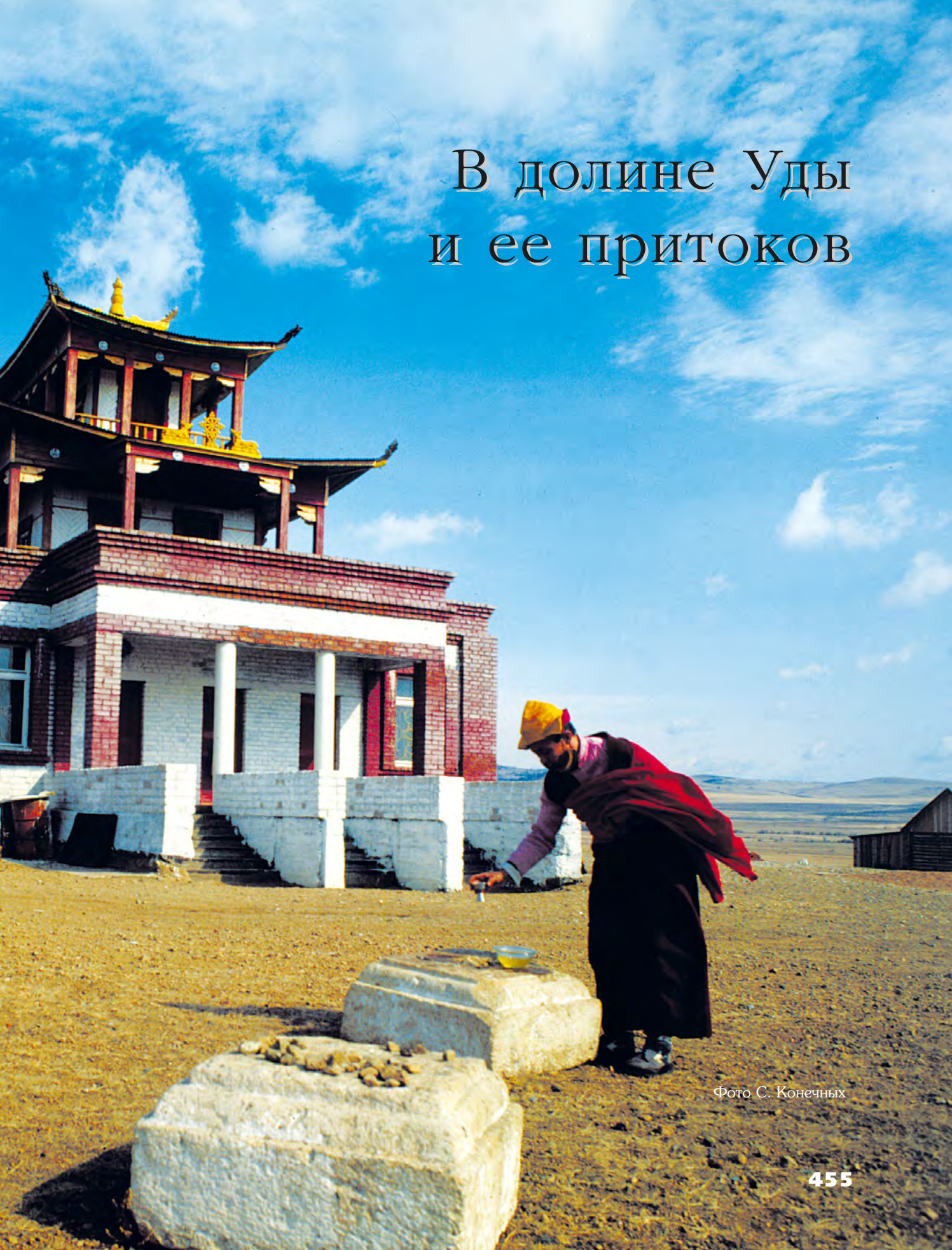


Фото С. Конечных

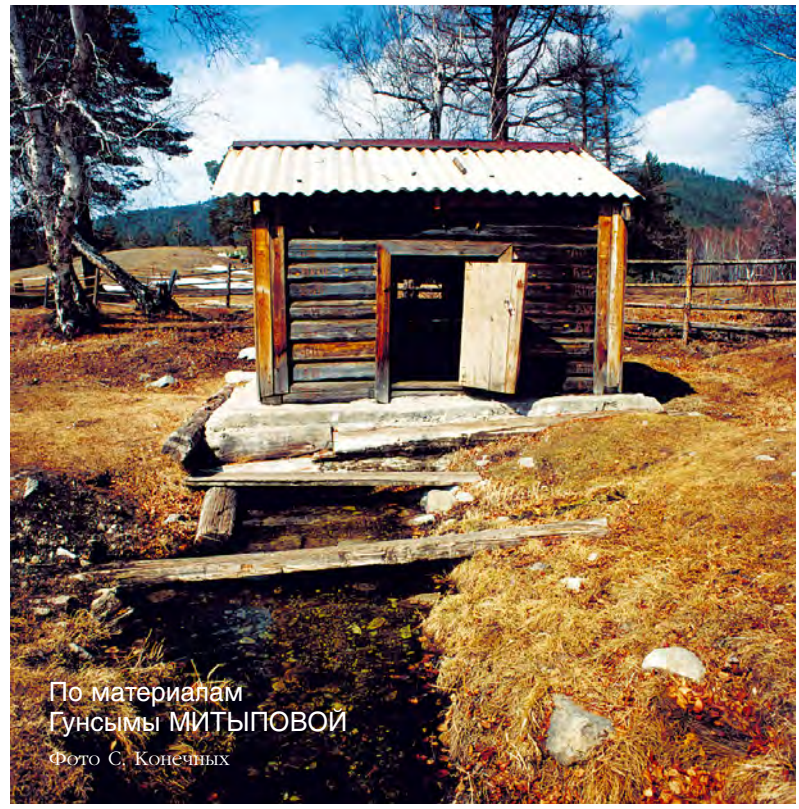
Жизнеописание Агвана Доржиева,

Цаннид Хамбо ламы, учителя Далай-ламы XIII

Агван Доржиев
В начале жизненного пути

Самый выдающийся политический и религиозный деятель XX века из числа бурят Цаннид Хамбо лама Агван Доржиев родился в 1853 году в урочище Хара-Шибирь Хоринской степной думы (ныне Заиграевского аймака Бурятии). До 18 лет жил на родине, служил писарем в канцелярии Степной думы, обзавелся семьей и был преуспевающим мирским чиновником. Но вскоре жизнь круто изменилась. Он отправился в Тибет на учебу в знаменитый Гоманский дацан при монастыре Брайбун.

В своей автобиографии, сохранившейся на тибетском и монгольском языках, Агван Доржиев писал: «18 лет от роду отправился в Тибет для усовершенствования буддийского образования… На 35-м году от роду, успешно выдержав экзамен в среде 20 ты-



По материалам
Гунсымы МИТЫПОВОЙ

Фото С. Конечных

АЦАГАТСКИЙ АРШАН — ШКОЛА ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

У речки Шулуута, впадающей в Уду в тридцати верстах от Верхнеудинска, в 1825 г. без всякого ведома российских властей возник буддийский монастырь, называемый Шолотским, позднее — Ацагатским дацаном. О «самоволии» бурят иркутский губернатор дознался только спустя шесть лет и счел за лучшее не закрывать, а официально признать дацан, где уже стояли главный храм Цогчен-дуган и два сумэ.

Приход Ацагатского дацана составляли более 4 тысяч бурят хоринских родов близлежащих улусов. В 1877 году они получили разрешение на перенос дацана на новое место, в трех верстах от прежнего. Основной причиной переноса было неудачное положение его в низменной и отличавшейся сыростью местности. Для нового дацана была выбрана возвышенная местность, где протекала ключевая вода.

Через некоторое время в местности Энгир Туглуй поднялся крупный монастырский комплекс с главным храмом, тре-

мя сумэ, школой Чойра, типографией и библиотекой.

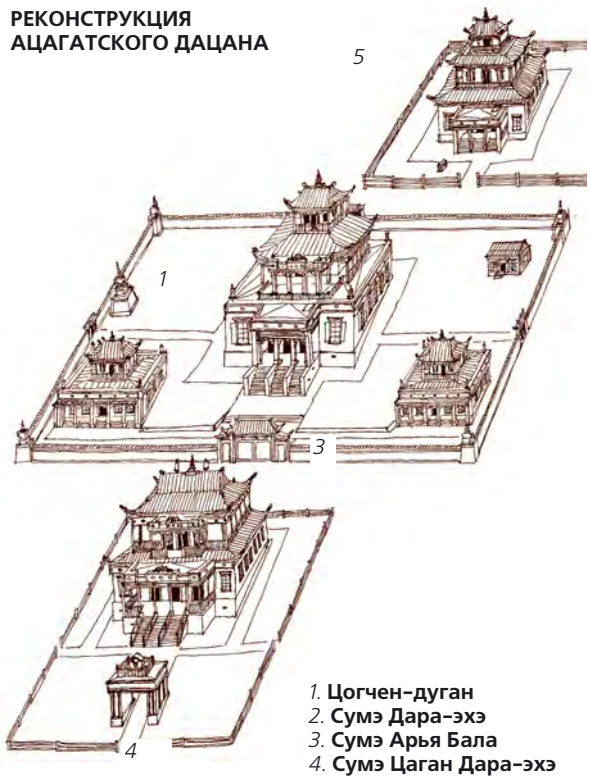
Строительство Цогчен-дугана (главного храма) велось, по всей вероятности, по проекту забайкальского областного архитектора Штерн-Гвяздовского. Трехэтажное здание главного храма представляло собой сочетание китайского и тибетского архитектурных стилей. К почти квадратному в плане каменному нижнему этажу с юга примыкал солидный портик, на его высокую площадку вела разделенная на три марша лестница в десять ступеней. Белые каменные стены поверху были ограничены горизонтальной широкой полосой темно-красного фриза с золочеными дисками-толи. Фасад здания украшал дорогой позолоченный бронзовый ганжир — подобие громадной вазы с высоким, суживающимся кверху и закругленным горлом, который при освящении храма наполнялся печатными молитвами — «маани». После освящения Цогчен-дугана к нему были перевезены из старого дацана два храма-сумэ. Центральное место

Цогчен-дуган Ацагатского дацана
Не сохранился

В честь приезда цесаревича Николая Александровича в Ацагатском дацане был устроен торжественный молебен, праздничные представления. *1891 г.*

в алтаре одного сумэ занимала скульптура Дара-эхэ, исполненная в рост человека. Другой сумэ — Арья Бала (Хурдын сумэ) — по своим размерам несколько уступал сумэ Дара-эхэ.

РЕКОНСТРУКЦИЯ АЦАГАТСКОГО ДАЦАНА



1. **Цогчен-дуган**
2. **Сумэ Дара-эхэ**
3. **Сумэ Арья Бала**
4. **Сумэ Цаган Дара-эхэ**
5. **Джуд-дуган**

Крупным событием в истории Ацагатского дацана явилось посещение его цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 году во время его известного путешествия по Сибири и Дальнему Востоку. Предпочтение среди других дацанов было отдано Ацагатскому, потому что он находился по пути следования Николая и был расположен недалеко от большого тракта.

В связи с этим решением Бандидо Хамбо лама, глава бурятских буддистов, отдал распоряжение ширетую (настоятелю) Ацагатского дацана подготовить почетную встречу цесаревича, преподнести ему подарки, бурханы, хадаки (белые шелковые шарфы). Ширетуям других дацанов предлагалось прибыть на встречу с цесаревичем Николаем.

Встреча прошла в торжественной обстановке. Позже родилась идея сооружения нового храма на том месте, где стояла палатка цесаревича. Здание сумэ Цаган Дара-эхэ построили в 1897 г. Оно было двухэтажным деревянным и по своим размерам превосходило не только малые сумэ, но и здание Цогчен-дугана. К квадратному в плане объему спереди примыкал шестиколонный портик. Второй этаж, значительно меньший, окруженный галереей на колоннах, предназначался для почитания Цаган Дара-эхэ. Здесь же разместилась и школа богословия Чойра.

В начале XX века к северу от главного храма, за оградой монастыря, построили деревянное здание Джуд-дугана, близкое по стилю к тибетским храмам. В этом сумэ хранилась литература — Ганжур, Галсан Жамцын сумбум, ксилографические дощечки на тибетском и монгольском языках, танка — иконы на ткани, скульптуры, другие предметы тантрийского культа. В настоящее время от Джуд-дугана сохранился только фундамент.

Особенностью Ацагатского дацана было ярко выраженное тантрийское направление. Многие ламы Ацагатского дацана в совершенстве владели тайнами медитации. Из памяти старожилов не стерлось воспоминание о ламе Мэжид-амбае (род. в 1911 г.), который «пересекал пространство за считанные минуты». Этот реальный человек, отличавшийся незаурядной силой, умом и логикой, ходил по селам Хоринского и Заиграевского аймаков до 1970-х годов, поражая их обитателей необыкновенными умственными и физическими способностями.

Неподалеку от основных строений дацана есть минеральный источник — Ацагатский аршан. Вода его обладает лечебным действием. Здесь и была основана снискавшая в начале XX века огромную известность Школа тибетской медицины. Ее основали знаменитые бурятские деятели Чойнзон-Доржи Иролтуев и Агван Доржиев.

Чойнзон-Доржи Иролтуев родился в улусе Нарин-Ацагат. В 1872 г. поступил хувараком (учеником) в Шолотский дацан и через год вошел в число штатных лам. Далее последовали годы обучения в буддийских монастырях Тибета и Монголии. По возвращении стал настоятелем Ацагатского дацана. С 1895 г. был утвержден Хамбо ламой. На этом посту активно осуществлял руководство деятельностью дацанов Забайкалья. После пятнадцатилетнего

пребывания во главе бурятских дацанов Хамбо лама Иролтуев оставил эту должность по болезни и в 1911 г. вернулся в родовое кочевье семьи Иролтуевых и поселился в местности Ацагатский аршан.

Замечательный человек, ученый-богослов имел высокий авторитет среди лам и прихожан дацана. Будучи прославленным лекарем, он пользовался в народе большой популярностью, люди беспрерывно шли к нему за помощью. Приезжали к нему и ламы-медики из отдаленных дацанов за лекарствами и рецептами. Зная Иролтуева, тогдашний тибетский посланник в России Агван Доржиев всемерно поддержал создание Школы тибетской медицины, открытой при Ацагатском аршане в 1913 году.

Школа представляла собой уникальный комплекс с лазаретом, фармацевтической лабораторией, школой, где проходили обучение эмчи-ламы, с Мамба-дацаном, где проходило богослужение, посвященное Отошибурхану, богу медицины. Жилые дома при источнике-аршане ставились по кругу, по традиционной системе «гороо», как юрты, когда ни один дом не загораживал фасада другого дома. В школе обучалось от 25 до 50 лам, которые одновременно проходили практику в лечении больных в лазарете. Сбор лекарственных трав медики-ламы вели в окрестностях аршана, в долинах рек Илька и Уда, лекарственные препараты привозились из Китая и Монголии.

В первые годы после революции роль Ацагатского дацана в духовной жизни бурят значительно возрастает. Сюда, к Ацагатскому аршану, из Петербурга переселяется Агван Доржиев.

При его активном участии в октябре 1922 г. в Ацагате проводится духовный съезд буддистов двух Бурят-Монгольских областей — ДВР и РСФСР. Агван Доржиев призывает лам совершенно отказаться от частной собственности и все свое имущество передать дацанским коммунам. Намеченная в Ацагате реформа расколола ламаистское духовенство. и привела к острому религиозному противостоянию консерваторов и «обновленцев», продолжавшемуся до конца 1920-х годов.

Агван Доржиев одновременно продолжает уделять много внимания развитию Школы тибетской медицины В 1926 г. в Ацагат по настоянию Цаннид Хамбо ламы был передан знаменитый Атлас тибетской медицины, некогда доставленный из Тибета. Атлас стал главным учебным пособием Ацагатской школы. Кроме того, для совершенствования в различных науках Агван Доржиев направляет в хорошо знакомый ему Тибет бурятских юношей.

Цесаревич Николай с родоночальниками агинских бурят. *1891 г.*

Хамбо лама Чойнзон Иролтуев

Ламы — настоятели забайкальских дацанов в Ацагате

Изготовление матриц для печати книг в бурятском дацане

До 1928 г. Агван Доржиев активно проводил в жизнь идею «обновления» буддизма. Тогда у него оставалась еще надежда, что буддийская церковь уживется с советской властью. Однако та вскоре перестает считаться даже с солидарным течением ламаизма. В феврале 1930 г. были проведены мероприятия против бурятского праздника Сагаалган, вынесено решение о закрытии двадцати дацанов. Лам обложили высокими налогами, стали выселять из домов. В условиях начавшихся гонений распри между буддистами потеряли всякий смысл. Агван Доржиев покинул Ацагатский аршан и переехал на постоянное место жительства в Ленинград, где возобновил свою деятельность буддийский храм, объявленный в 1927 г. резиденцией представительства буддийского духовенства в России.

В 1930-х гг. Агван Доржиев жил при буддийском храме, сохранив при себе небольшую общину бурятских буддийских монахов-лам. В январе 1937 года после арестов соратников и учеников, бессильный защитить свою веру от гонений, 85-летний Агван Доржиев уехал из Ленинграда в Бурятию. Когда он вернулся в Ацагат, медицинской школы там уже не было, как не было и самого дацана. Атлас тибетской медицины и другие буддийские реликвии уже хранились в Антирелигиозном музее Улан-Удэ. Эмчи-лам выселяли из своих домов, многих отправляли в тюрьмы и на лесоразработки. Целителей обвиняли в том, что они наносят вред здоровью людей.

Совсем мало оставалось жить и Агвану Доржиеву. Авторитетнейший деятель буддийской церкви, открыто признавший советскую власть и призывавший всех бурят к лояльному к ней отношению, был схвачен и обвинен в измене Родине, подготовке вооруженного восстания и террористических актов...

За годы советской власти монастырский комплекс был разрушен. В настоящее время здесь находится база летнего лагеря школы-интерната № 3 г. Улан-Удэ. Сохранились многие дома, в том числе дома Агвана Доржиева, Чойнзона Иролтуева, эмчи-лам.

В 1992 г. началось возрождение Ацагатского дацана уже на новом месте — у склона горы Тамхитын дабаан, также неподалеку от села Ацагат. Новое здание дацана построили по проекту старейшего бурятского архитектора Андрея Вампилова.

За два года до возрождения Ацагатского дацана, в 1990 г., Бурятию посетил Хамбо лама Агван-Нима, резидент Международного буддийского центра в Гоман-дацане (штат Карнатака, Южная Индия). Один из крупнейших философов буддийского мира меч-

сяч лам трех больших монастырей Лхасы, удостоился я получить ученую степень лхарамба. В то время требовалось назначение от означенных трех монастырей 7 ученых лхарамб состоять при Далай-ламе XIII (тогда еще в юном возрасте 12 лет) при изучении им цанида (буддийской философии) и литературы. Назначенный от дацана Гоман, я был принят в число 7 ученых и благодаря особому, преимущественно перед остальными коллегами, благоволению Далай-ламы XIII, я безбоязненно обнаружил истинно свое происхождение, а затем в частных беседах с ним рассказывал, как мои сородичи, состоя в подданстве Русского царя, свободно, без всяких притеснений, исповедуют свою буддийскую религию и пользуются во всем защитой правительства».

Оказавшись при дворе тибетского Далай-ламы, Агван Доржиев стал играть ведущую роль во внешней политике правительства Тибета в конце XIX – начале XX в. Его деятельность была направлена на сближение Тибета с Россией и протекала в сложной внешней и внутриполитической обстановке.

В 1904 г. английские войска вторглись в Лхасу, столицу Тибета. Далай-лама со свитой бежал в Монголию и остановился в Урге, где встречается с официальными представителями правительства России. В этом ответственном шаге тибетского духовного правителя решающую роль сыграли советы Агвана Доржиева идти на сотрудничество с русским правительством в целях получения его поддержки в борьбе против английской агрессии. Далай-лама Тубдан-Чжамцо находился в Урге почти три года, рядом с ним неизменно присутствовал Агван Доржиев. Политика на сближение с Россией не дала положительного результата. Далай-лама вынужден был вернуться на родину.

Агван Доржиев переехал в Петербург в качестве дипломатического представителя Тибета. В России Агван Доржиев настойчиво продолжал свою миссию, в правильности которой он неоднократно убеждал царя Николая II и его министров. Высокая ученость Доржиева, его близость к Далай-ламе, а также аудиенции, которых удостоил его российский император, сделали его чрезвычайно популярным в среде российских ламаистов.

В 1908 г. Агван Доржиев начал добиваться разрешения на постройку буддийского храма в Петербурге. Его идея была поддержана целой плеядой замечательных российских деятелей — буддологом Ф.И. Щербатовым, знатоком ламаистского искусства князем Э.Э. Ухтомским, высокопоставленным чиновником и художником Н. Рерихом. Во время конфиденциальной встречи Агвана Доржиева с Николаем II в Царском Селе такое разрешение было получено. Храм Гунзэчойней (в переводе с тибетского — «Место распространения святого Учения Будды, сострадающего ко всем») был выстроен в 1909–1915 гг. по проекту петербуржца В.Б. Барановского и при участии бурятских лам-художников на Петроградской стороне в Старой Деревне. При строительстве были использованы пожертвования бурятского населения Забайкалья и тибетского Далай-ламы. Храм действовал до 1935 года, когда буддийские монахи были репрессированы. Храм возобновил свою деятельность только в 1990 г.

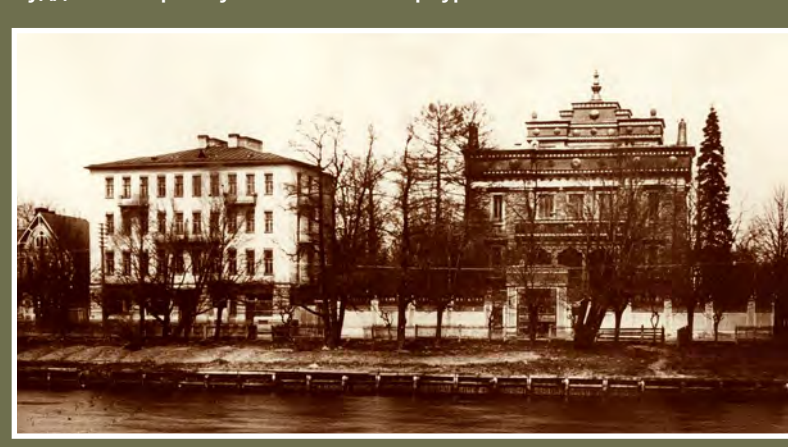
Агван Доржиев также основал новые буддийские монастыри в Западной Бурятии, а также в Калмыкии, куда совершил не одну длительную поездку.

В начале века Агван Доржиев вместе с профессором Ц. Жамсарано и Б. Барадиным основали в Петербурге издательство «Наран» (Солнце), где в течение ряда лет печатали памятники монгольско-бурятской литературы. Здесь был опубликован так называемый «агвановский алфавит», автором которого является Агван Доржиев. Алфавит был составлен на основе классического и маньчжурского алфавитов, был рассчитан на всех бурят. По инициативе Доржиева в 1908 г. была открыта типография при Ацагатском дацане, в которой было напечатано немало уникальных изданий на монгольском и тибетском языках.

После крушения монархии Агван Доржиев остается в России. Он вновь становится видным политическим деятелем, участвуя в заседаниях возникшего в Петрограде Бурятско-Калмыцкого комитета, провозгласившего своей целью создание национальных органов власти, руководил комиссией на общебурятском съезде в июле 1917 г. В первые годы советской власти с исключительной энергией проводил работу по сбору средств и продовольствия в Бурятии и Монголии для бедствующего населения Калмыкии.

Приняв решение вернуться в Бурятию, Доржиев занял лояльную позицию к новой власти. Обладая обширнейшими философ-

Буддийский храм Гунзэчойней в Петербурге



скими знаниями, Цаннид Хамбо лама изучил работы Маркса и Ленина и выдвинул неожиданный тезис о том, что раз в буддизме нет бога, значит эта религия атеистическая... Доржиев намечает реформу буддийской церкви, открывает при Ацагатском дацане Школу тибетской медицины.

В 1930 г. активная деятельность Агвана Доржиева среди бурят была прервана. Его вынуждают переехать на постоянное место жительства в Ленинград, где он поселяется при буддийском храме в окружении небольшой общины бурятских лам. В 1936 г. большая группа выходцев из Бурятии, в том числе ряд выдающихся бурятских ученых и художников, была заподозрена в национализме и арестована в общежитии при Петербургском дацане. Почти все они вскоре были расстреляны...

Едва живой Агван Доржиев добирается до своей родины. Невзирая на преклонный возраст, 13 ноября 1937 года Агван Доржиев был арестован и заключен в тюрьму Улан-Удэ. Условий содержания он выдержать не мог и завершил свой жизненный путь в тюрьме 29 января 1938 года.

Малая родина Агвана Доржиева — село Хара-Шибирь.
Заиграевский район

Агван Доржиев в конце жизненного пути

Субурган в память Агвана Доржиева в его родном селе Хара-Шибирь

тал увидеть свою родину, село Дабаты Заиграевского района. Семилетним мальчиком Агван-Нима Цыдыпдоржиев был определен в Ацагатский (Шолотский) дацан учеником ламы — хувараком. В 1927 г. девятнадцатилетним юношей он в числе десяти учеников дацана по настоянию Цаннид Хамбо ламы Агвана Доржиева уехал учиться в Тибет. Там в совершенстве овладел буддийской философией, многими языками, преподавал монгольский и тибетский языки в университетах Италии, Франции и Швейцарии, написал труды по буддийской философии.

Через год после поездки в Бурятию восьмидесятитрехлетний Агван-Нима-хамбо скончался. В 1995 г. на его родине был сооружен субурган в память об Учителе по проекту А.Р. Вампилова, а через год тибетский лама Еши-Лодой-римпоче освятил при дацане музей, посвященный жизни и деятельности Агван-Нима-хамбо. В дар от учеников Агван-Нимы-хамбо музею переданы его личные вещи.

Как и столетия назад струится у у подножия горы Сагаан хада священный источник — Ацагатский аршан. На юго-восточном склоне этой горы есть «каменная голова», почитаемая жителями с давних времен. На юго-западном склоне места поклонения: два каменных обо «Ехэ эзэнтэй». По южному склону проходят две поливные канавы «Монгол субак» (монгольские канавы). Также на южном склоне, согласно преданию, имеется несколько захоронений монгольских предводителей.

Со времени образования здесь школы тибетской медицины, а, возможно, известные и ранее, существуют здесь священные места и знаки. Это «Агар зандан» — дерево раскидистое, растущее к северо-западу от источника; «Бодисадын мур» — след Бодхисаттвы, оставленный на камне, недалеко от источника «аршанай урда ойрхон»; «Лхамо сахюусанай мориной хулэй мур» — след лошади богини Лхамо, обнаруженный на камне, на холме к западу от источника.

Величественные горные вершины, душистые травы, хрустальный воздух и целебная вода — все это Ацагатский аршан. Источник по-прежнему славится своими лечебными свойствами и остается признанным местом отдыха и лечения.

У Ацагатского аршана до сих пор стоят дома эмчи-лам (лекарей)

Ацагатский аршан — целебный ключ

Ученическая работа хуварака (ученика) Ацагатской медицинской школы

Знаменитая святыня бурятских буддистов ныне хранится в Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. Она представляет собой копию с оригинала Атласа тибетской медицины XVII века. Это свод иллюстраций, состоящий из 76 листов-картин, содержащий свыше 10 тысяч различных рисунков. Размеры листов в среднем 82 х 67 см, картины выполнены в традициях станковой тибетской живописи (танка).

Атлас

По материалам выставки составила Светлана БАРДАЛЕЕВА

Атлас иллюстрирует тибетский трактат XVII века «Вайдурья-Онбо» («Голубой берилл»), являющийся комментарием к основному индо-тибетскому медицинскому «канону» — четырехтомному сочинению «Чжуд-ши», состоящему из 4 разделов и 156 глав.

Картины написаны на тонком льняном полотне фабричного производства, что гово-

Фрагменты листов знаменитого Атласа

Фрагмент листа № 11. **Портреты авторов** *(крайние справа)*

тибетской медицины

рит о позднем времени создания Атласа — конец XIX — начало XX века.

Автором трактата «Вайдурья-Онбо» и идеи создания к нему цветных иллюстраций Атласа является регент V Далай-ламы, выдающийся политический деятель и ученый своего времени Дэсрид Санчжай Чжамцо (1653–1705). Портрет его помещен вторым справа в верхнем углу листа 11. При отборе и компоновке сюжетов, текстовом оформлении вместе с ним работал Шонну Чогпа Чойнпол. Он изображен рядом с Дэсрид Санчжай Чжамцо на листе 11 крайним справа.

Художниками являлись график Норбу Чжамцо из Лхобрага и живописец Генин из Лхасы. «Вайдурья-Онбо» и Атлас тибетской медицины писались одновременно, в течение двух лет — 1687–1688 гг.

Оригинал Атласа находился в медицинском дацане Чакпори, и судьба его была неизвестна долгое время. Считалось, что хранящийся в Бурятии Атлас является единственной копией с оригинала.

Каким же образом Атлас попал в Бурятию? История появления этого уникального произведения в Бурятии несколько таинственна. Вкратце история его такова. Он был привезен из Тибета на рубеже XIX–XX вв. бурятским эмчиламой (лекарем) Ширабом Сунуевым (1860–1930) из Сэртог Мамба-дацана в Восточном Тибете. Там он обучался тибетской медицине в течение 10 лет.

Атлас тибетской медицины. *1-й лист*
Дворец–мандала Верховного Целителя Бхайшаджьягуру — Отошо *(бурят.)*

При содействии выдающегося политического и религиозного деятеля бурятского народа Агвана Доржиева (1853–1938), бывшего тогда одним из учителей Далай-ламы XIII (1876– 1933), была осуществлена работа по копированию листов Атласа.

Шираб Сунуев привез его в Цугольский дацан, где уже в 1869 г. был открыт первый в Забайкалье медицинский дацан (мамба). В 1926 году по просьбе Агвана Доржиева Атлас был передан Ацагатскому мамба-дацану, где действовала Школа тибетской медицины и обучалось около 60 учеников.

В 1936 году Школа тибетской медицины была закрыта, а Атлас был привезен в фонды Краеведческого музея главным хранителем Ж.Ж. Жабоном.

Изучению Атласа посвятили себя многие эмчи-ламы, бурятские ученые-востоковеды, религиоведы, историки и другие. Благодаря комплексной работе многих ученых стала возможным публикация Атласа на русском языке.

В 1986 году был опубликован первый китайский комплект Атласа. Стало известно, что его подлинникхранится в медицинском центре в Лхасе, столице Тибета.

Таким образом, существует оригинал Атласа XVII века и две полные копии с него. Кроме этого, разрозненные листы-картины Атласа встречаются во многих странах.

Бурятская копия Атласа опубликована на английском языке в 1992 году, на русском — в 1994-м.

В 1998–1999 годах 40 листов-картин Атласа экспонировались на выставке «Буддийское искусство исцеления» в трех городах США — Атланте, Вашингтоне, Рено (штат Невада).

Благодаря этой выставке листы Атласа были отреставрированы, проведена консервация, обрамление картин, так как в том виде, в каком они хранились (обычными листами), их невозможно было экспонировать. В настоящее время листы Атласа обрамлены в двойное паспарту из бескислотного картона белого цвета, для крепления к паспарту использованы лапки из японской бумаги на тканевой основе. Сверху положена синяя рамка («маска») из того же бескислотного картона, как бы имитируя традиционное шелковое обрамление. Затем все это одето в деревянную раму из натурального бука с безбликовым (ламинированным) солнцезащитным стеклом.

Это делалось для того, чтобы наилучшим образом сохранить листы Атласа и выдержать эстетические принципы и традиции оформления буддийских икон. Все материалы привозились американской фирмой «Прокультура» из разных стран: Америки, Германии, Японии. Атлас реставрировался в Бурятии специалистами из Эрмитажа и Музея истории Бурятии.

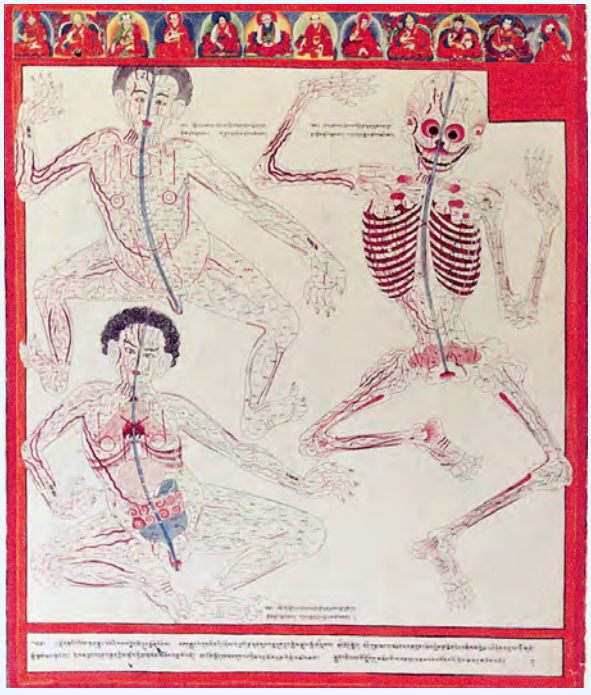
После прибытия из Америки Атлас тибетской медицины экспонировался в залах Музея Востока в Москве, а затем, в полном виде — 76 листов, — был выставлен в залах Музея истории Бурятии.

Выставка преследовала следующие цели: ознакомить с историей индо-тибетской медицины в Бурятии, показать этапы адаптации ее в Бурятии: изучение теории медицины, ее практики и создание бурятской ветви единого «Древа медицины» тибетской цивилизации. Для этого на выставке были представлены ксилографы по медицине, отпечатанные в типографии Агинского и других дацанов, жоры-рецептурники эмчилам, составленные на основе местных лекарственных трав, фото известных бурятских лекарей и религиозных деятелей, комплексов медицинских дацанов. Показаны материалы Ацагатской медицинской школы; теоретическое пособие — руководство по изучению тибетской медицины с рисунками руководителя школы Д. Ендонова, — дипломные работы учеников — хувараков школы, хирургические инструменты, кожаные мешочки — хранилища для лекарств, растительное и минеральное сырье.

На выставке были отражены современные достижения теоретического изучения индо-тибетской медицины и опыт практического применения. Например, создание аппарата пульсодиагностики нового поколения «Эмчи» на стыке наук — медицины, филологии, философии и физики; промышленное производство медицинских препаратов «тан», бальзамов, ликеров фирмы «Байкалфарм».

Были представлены и материалы лечебной практики при Центре восточной медицины, фитоаптека. Здесь же проводились приемы врача-диагноста и эмчи-ламы.

Показаны были материалы Бурятского Научного центра, труды, публикации ученых-востоковедов, изучавших источники индо-тибетской медицины, исследовавших Атлас — всех тех, чьи работы, многолетние изыскания дали возможность узнать о бесценном памятнике индо-тибетской медицины, многие картины которого дают уникальные материалы по истории, культуре, быту и верованиям тибетского народа.



Лист № 11. Изображения сети связующих сосудов (кровеносных, внутренних, внешних, промежуточных и пульсирующих)

Цогчен-дуган Анинского дацана — объект культурного наследия регионального значения, поставленный на государственную охрану постановлением Совета Министров Бурятской АССР от 29.09.1971 г. № 379. Анинский дацан расположен в Хоринском районе Республики Бурятия, в 30 км (по автодороге) к северо-востоку от села Хоринска, в 5 км от улуса Алан, на правобережье реки Оны (бур. Анаа).

АНИНСКИЙ ДАЦАН

Распространение ламаизма в Забайкалье относится к концу XVII в. В 1741 г. указом императрицы Елизаветы Петровны впервые был утвержден штат из 150 «комплектных» лам, которые были приведены к присяге на верноподданство России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать свое учение (Юмжапова М.Д. Влияние русской церковной архитектуры на бурятское буддийское зодчество (сер. XVIII — 1-я пол. XIX в.) /Архив наследия-1999. Научн.сб.-вып. 1. — М., 2000, стр. 262–281).

Большинство первых бурятских монастырей были кочевыми. Войлочные храмы-юрты исчезли в 1820–1830-е гг. «Дацаны хоринских бурят, основанные в последней четверти XVIII в., а также возникшие позднее... с самого начала возникли, как стационарные. К сер. XIX в. все буддийские монастыри Забайкалья представляли собой комплексы сравнительно небольших деревянных построек, которые по отзыву генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского «были довольно бедно обставлены за исключением Кудунского и Анинского дацанов» (Там же, стр. 262–281).

Согласно «Летописи хоринских бурят» датой основания Анинского дацана официально принято считать 1795 г. По хронике В. Юмсунова «из дерева был выстроен дацан Гандан Шеддублинг» («Рай

Тушита, обитель проповеди и практики Учения») тайшой Иринцеевым на собственные средства.

Место для строительства дацана на берегу реки Ана было выбрано согласно культовым канонам: «Границы поселений на восток составляют возвышенности сначала в более западном направлении, а затем от скалистого кряжа Марокту принимают более южное направление и следуют по течению реки Марокту, далее по восточным возвышенностям хребта Ильдергэ до скалистых источников Чисана. Отсюда, спускаясь по хребту на юг, достигают до южного ската Хальтэгэй, направляются по течению реки Уды с юга, достигают до озера Цаганнура, отсюда начинаются границы северного прихода, которые следуют по Сонгияту до северных возвышенностей Хурби. На востоке наиболее удаленные урочища прихода находятся у гор Марокту в 55 верстах от дацана; на юго-восток у хребта Ильдергэ в 60 верстах от дацана; южная граница у горы Хэтэгэй и берегов реки Уды в 12 верстах от дацана; западная у озера Цаганнура в 84 верстах и северная — у Хурбийских горных возвышенностей в 120 верстах от дацана»

(*Историческая записка к проекту реставрации памятника истории и архитектуры XIX в комплекса Анинского буддийского монастыря. Том II. Книга IV //НРПКБ Бурятпроектреставрация. — Улан-Удэ, 1993 г. Архив ГУ НПЦ охраны и использования памятников истории и культуры).*

С начала основания дацана в 1795 г. в задней части двора Цогчен-дугана размещались два небольших деревянных храма — Хурдунэй-сумэ и Докшитов, затем появились два других — Дэмчика и Аюши. Остальные дуганы располагались за пределами монастырского забора.

«По архивным источникам, согласно указу иркутского гражданского губернатора Трескина от 9 мая 1806 г. за № 1661, дацан был перестроен на средства Дамбадугара Ринчеева — ассигнациями 33 162 руб. и на средства тайши Мардаева — 12 103 руб. 12 коп.» (*Жамсуева Д.С. Трансформация северного буддизма в условиях российского общества (по материалам дацанов этнической Бурятии) — Иркутск. 2016, стр. 69).*

12 января 1811 г. деревянный дацан сгорел, после чего с утверждения Восточно-Сибирского генерал-губернатора в том же 1811 г. дацан был перестроен в камне на сумму свыше 25 тыс. руб. за счет добровольных пожертвований прихожан.

В 1-й четв. XIX в. в архитектуре Анинского дацана хоть и прослеживалась символика буддийской мандалы, здание по виду напоминало православную церковь и строилось, очевидно, с приглашением русских мастеров. Дацан представлял собой квадратный в плане двухэтажный приплюснутый куб размером 16,3 х 16,3 м, «покрытый каменной усеченной пирамидой, завершавшийся двухъярусным фонариком с жестяным куполочком. Кроме большого купольного свода по углам здания возвышались четыре кирпичных башенки. В центральный объем здания с четырех сторон света врезались одноэтажные пристрои. Над южным пристроем возвышалась башня высотою 12 саж., напоминая колокольню. Через ее нижний ярус входили в главный храм, а по винтовой лестнице поднимались на второй этаж. В левом и правом выступах также имелись входы, к которым вели лестницы, а в северном располагалось святилище. Эти объемы, накрытые шатровыми крышами, заканчивались такими же двухъярусными фонариками. Перекрытия первого и верхнего этажей опирались на 30 колонн, поставленных в 6 рядов. Здание опоясывалось террасой на каменных сводах, которая повторяла конфигурацию плана. Вокруг второго этажа шел балкон... Сооружая храм, строители добились замечательного технического результата: они без предварительного опыта и аналогий в зодчестве Забайкалья возвели громадный каменный пирамидальный шатер с размерами сторон примерно 8 саж. и высотою 5 саж.» (*Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск, 1983, стр. 137*).

В нач. XX в. Анинский дацанский комплекс состоял из 12 дуганов и главного соборного Цогчен-дугана, субурганов, хурдэ, ламских домиков, хозяйственных и дворовых построек, ограды. Согласно исследованиям, проведенным историком Д.С. Жамсуевой, на сегодняшний день известно о следующих зданиях-сумэ, входящих в комплекс дацана:

Цогчен-дуган — 1811 г.;

Джуд-дуган (Хурдунэй-сумэ) — 1822 либо 1824 гг.;

Дуйнхор-дуган — 1811 г. (по другим источникам 1829 г.);

Манба-дуган (сумэ Оточи) — дата строительства неизвестна;

Чойра-дуган (сумэ Аюши) — 1811 г. (по другим источникам 1830 г.);

Барай-сумэ (типография, печатня) — ориентировочно 1880 г.;

Майдари-дуган — 1894 г.;

Чойра-дуган (Мункэ-мани-сумэ, вторая группа философской школы цаннита) — 1915 г.

По данным 1909 г. общее число ламских домиков достигало 300 дворов, население до 500 чел., хувараков (учеников) около 100, состав бродячей школы «гонуд» — 88 чел.

В 1-й трети XX в. Анинский дацан представлял собой поселок, центральную часть которого занимал храмовый комплекс, огороженный стеной с главными воротами на южной стороне, боковыми — на восточной и западной. Цогчен-дуган был огорожен каменным забором. «Первоначально забор был деревянный, затем в 1885 г. аннинские буряты возбуждают ходатайство о замене забора, выставляя «благодательного инородца» Сандана Намжилова, «который без всякого с чьей-либо стороны принуждения решил построить на собственный счет каменную ограду Анинского дацана, ассигновав на сей предмет до 1000 рублей своих собственных денег» *(Историческая записка к проекту реставрации памятника истории и архитектуры XIX в.)*.

В одном из алтарей Цогчен-дугана располагался бюст императрицы Екатерины II, почитаемой ламами и мирянами как Белая Тара (по-бурятски, *Цагаан Дара Эхэ*).

Очевидцы вспоминают, что дацан, находившийся на перекрестке торговых путей, был похож на небольшой город, в котором кипела повседневная жизнь. Недалеко проходил Читинский тракт, велась оживленная торговля, вся долина была застроена домами и лавками бухарских евреев (*буржахэ)*, китайских торговцев, русских и монгольских предпринимателей, тибетских паломников.

В кон. XIX в. верующие прихода Анинского дацана собрали средства на возведение гигантской статуи бодхисаттвы Майтреи. Статуя представляла Будду Грядущего в стоячем положении, составлявшей в высоту 11 м и выполненной из меди. Для этой статуи был возведен специальный храм — Майдари-дуган.

На 1914 г. при Анинском дацане прихожан было: мужского пола —3611, женского — 4284; всего — 7895. По тем же сведениям, вообще в Анинском дацане насчитывалось 20 отдельных дворов; 150 домов русской постройки, 50 домов буддийской постройки, войлочных юрт для жилья не имелось вовсе, 50 амбаров для склада домашней утвари, 39 сараев и завозней; всего зданий 289 при 80 оградах. В состав населения дацана входили 13 штатных лам, 60 нештатных хувараков свыше 14-летнего возраста и 15 — ниже 14-летнего возраста (*Жамсуева, стр. 78*).

В дацане действовала книгопечатня, ежегодно издававшая 16 наименований монгольских и тибетских сочинений. Имелось специальное хранилище для 1613 печатных досок. Для изготовления типографских матриц применяли мягкую и твердую древесину, типографскую краску. Изготовлением кси-

лографических досок занимались не только ламы-профессионалы, но и миряне-ремесленники. По инициативе буддийских священнослужителей было основано Анинское приходское училище — первая светская школа на территории Бурятии (ныне это Хоринская средняя школа № 1). В Анинском была впервые среди бурятских дацанов в 1878 г. основана школа Дуйнхор, которые затем развились в ряде хоринских и селенгинских дацанов. Школа Дуйнхор обеспечивала астрономическую и астрологическую службу буддизма.

Анинский дацан был центром религии, образования, книгопечатания, иконописи, графики, театрального искусства (в виде мистерии *Цам*). В дацане хранились 11 родовых знамен хоринских бурят, врученных Петром I в 1703 г. делегации хоринцев.

Дацан славился сильными школами буддийской философии (цаннид), медицины (*мамба*) и тантры (*джуд*). Первое сообщение о практике тибетской медицины в Анинском дацане появилось в нач. XX в. Была создана медицинская школа, где в течение четырех лет изучались четыре главы Чжуд-ши. На пятый год обучения ученики получали звание манрамбы. Ламы писали медицинские сочинения, где излагали медицину научным образом, в виде лечебников.

Школа цаннит начала действовать в 1858 г. В двух школах — старшей и младшей — обучались в большом количестве лучшие ламы из дацанов Селенги, Хори, Баргузина и хамниганов. Появление такой школы свидетельствует о высокой степени подготовки бурятского духовенства. Факультет цаннит представлял собой школу изучения религии и буддийской философии в реалистическом направлении («*цаннит-текпа*»). Ученики сами выбирали себе учителей из ученых лам. Число изучающих цаннит в разное время было от 400 до 500 лам. Далее они продолжали обучение в Цугольском дацане и в Лавране.

В число получивших образование в Анинском дацане входит 12-й хамбо-лама Итигэлов, постигавший здесь в течение 23-х лет учение Будды. С 1904 по 1908 г. настоятелем дацана (ширээтэ) был Намжил Лайдапов, впоследствии (в 1917–1919 гг.) — 13-й пандито-хамбо-лама.

Анинский дацан был закрыт на основании ходатайства президиума Хоринского аймисполкома от 24 июля 1936 г. Вопрос по его закрытию рассматривался на заседании Президиума ЦИК Бурят-Монгольской АССР 27 января 1937 г. В выписке из протокола заседания говорится, что «община верующих прихода Анинского дацана в числе 516 чел. своими решениями отказалась от дальнейшего содержания дацана, использования дацана и культового имущества. Оставшиеся в числе 10 служители культа своими письменными заявлениями от 4 июля 1936 г. отказались от дальнейшей службы в дацане и исполнение культов и покинули дацан». В связи с этим и было приято решение о закрытии Анинского дацана и передаче здания дацана передать Хоринскому аймисполкому для ис-

пользования под культурные нужды местного населения (ГАРБ ф. Р-248, оп. 3, д. 188, л. 81–81об).

Здания в итоге были переданы леспромхозу, редакции районной газеты, колхозной школе, комхозу хоринских МТС, кирпичи пошли под контору райпромбыткомбината, столовую...

Новая страница в истории дацана открылась в 1990-е гг., когда была вновь организована религиозная община.

В 1996 г. Научно-проектное бюро «Бурятпроектреставрация» Министерства культуры Республики Бурятия подготовило проектно-сметную документацию на реставрационные работы Анинского дацана.

В 2008 г. ОАО «Бурятпроектреставрация» разработало проектную документацию «Реконструкция и реставрация Анинского дацана в Хоринском районе. Пристрой к главному храму».

В настоящее время на территории сохранилось в руинированном состоянии здание цогчен-дугана, каменная ограда, несколько субурганов. Построены новое деревянное здание Сахьюсан-дугана, восстановлены сохранившиеся и построены новые субурганы, ведутся работы по восстановлению пристроя к главному храму. В 2011 г. вокруг старой каменной ограды на средства верующих буддистов были построены 108 субурганов. Каждый субурган имеет свой уникальный номер и закреплен за конкретными родами и семьями. Территория возрождаемого Анинского дацана занимает 9 га и будет разделена на 9 частей, символизирующих 9 драгоценностей.

В 1909 г. с архивом дацана работал российский востоковед профессор А.М. Позднеев, который в своей докладной записке сообщал, что «здание названного дацана было возведено из камня и покры-

то железною крышей в 1808 г., и что вскоре после сего стены этого здания под тяжестью этой кровли лопнули и дали трещины, а засим некоторые места железа разошлись и разорвались, посему в дождевое время в дацане через его крышу постоянно струилась вода. Однако здание продолжало существовать и ламы признали, что в нем, возможно было отправлять хуралы еще в течение 50 с лишком лет» (*Жамсуева, стр. 73*).

Прошедшее в 1862 г. в районе дацана землетрясение «повлекло за собой трещины на задней стене здания, а 1 августа 1864 г. «в Ане случилась страшная буря, она во многих местах сорвала железные листы с крыши дацана, чем привела, как отмечалось в дацанском архиве того времени, в совершенно невозможный вид и положение». Это событие, по-видимому, послужило одной из главных причин реконструкции дацана, другой же причиной могло быть то, что внешний вид здания, напоминающий церковь, уже не устраивал иерархов дацана (*Жамсуева, стр. 73*).

В течение 1865–1870 гг. была произведена существенная реконструкция соборного храма, и здание получило новый архитектурный облик. «Снесли башню до уровня первого этажа, а также шатровые крыши с фонариками на остальных выступах, — писал исследователь архитектуры Бурятии Л.К. Миннерт. — Вместо карнизов первый и второй этажи получили широкие фризы со светлыми толи. Перед всеми тремя входами устроили портики с массивными колоннами. Архитектурным продолжением выступающих объемов первого этажа во втором были двухколонные портики со всех четырех сторон. Вместо каменного шатра второй этаж

закончили плоским перекрытием, на котором возвышается третий этаж в виде павильона с небольшими портиками с четырех сторон. Поскольку павильон имеет в плане размеры значительно меньше, чем второй этаж, а второй несколько меньше первого, стоящего на высокой платформе, сооружение получило отчетливо выраженное ярусное членение с пирамидальным силуэтом. В каждом случае уменьшение следующего этажа использовано для устройства кругового обхода: по террасе — на первом, по галерее — на втором, вокруг павильона — на третьем. Последний этаж покрыт четырехскатной крышей с поднятыми углами, в центре ее в окружении четырех акротериев высится ганджир. Его вертикаль зримо закрепляет ось центрической композиции здания, которая благодаря поэтажным портикам получила еще большую определенность» (*Минерт, стр. 137–138*).

В 1898 г. прихожане Анинского дацана приняли решение о расширении храма за счет пристройки ввиду того, что «дацан вместимостью своей далеко не соответствует действительной», а также в связи с тем, что дацан приобрел «1000 Будд благих времен». Хамбо-ламой Иролтуевым в течение года велась переписка с губернатором Забайкальской области о разрешении строительства: «Имею честь... просить не оставить сделать надлежащее распоряжение об утверждении на пристройку при Анинском дацане из деревянных материалов на каменном фундаменте» (*Жамсуева, стр. 75*). Разрешение на строительство было датировано 11 мая 1899 г.

Строительство пристроя было закончено в том же 1899 г. Новый деревянный объем расположился впереди главного фасада здания, примыкая к его южному выступу с главным входом. «Стены деревянного сруба (26,0 х 22,6 м) на высоком бутовом цоколе гладко обшиты досками и побелены, что придает им вид каменных. В восточной и западной стенах прорезаны по шесть попарно сгруппированных окон. К южной стене примыкает четырехколонный портик (5,70 х 16,05 м). Широкая лестница ведет к трем дверям входа. Главная часть антаблемента портика — широкий темно-красный фриз с толи. Такой же фриз завершает поверху объем пристроя. Фриз выступает над крышей, имеющей очень малый уклон, в виде парапетной стенки. В пристроенный зал были вынесены все сидения для молящихся, а весь нижний ярус старого храма превращен в алтарь. Его центр заняла пологая четырехугольная пирамида, уставленная тысячью Будд Благих Времен. Главным алтарем все же продолжал считаться прежний, у северной стены» (*Минерт Л.К., стр. 139*).

«А.М. Позднеев, посетивший дацан в 1916 г., в своих заметках отметил, что «относительно главной кумирни Анинского дацана, по соображению всех ремонтировок, пристроек и надстроек, можно было догадаться, что в настоящую пору она имеет форму, близко подходящую к форме Джидинского дацана. Оба эти дацана при своей перестройке были расширены так, что в них вся первоначально построенная кумирня была обращена в помещение только алтаря, втрое же большая его, собственно служебная часть кумирни была пристроена заново. Таким образом, обе эти главные кумирни, как в Джидинском, так и в Анинском дацанах, получили вид не квадратных, а продолговатых зданий, в которых служебная часть значительно превосходит главное святилище кумирни» (*Жамсуева, стр. 76*).

Анинский дацан — это уникальный образец буддийской архитектуры — был первым среди известных дацанов, выполненных в камне местными бурятскими мастерами. Его архитектура отражает взаимовлияние строительных и художественных культур различных стран и народов, в ней «доминируют правила организации пространства, где понятие центра и четырех сторон света положило начало ориентации главного здания по оси север-юг и появление четырех выступающих объемов и стенах, окружавших центральный объем здания. В дневнике Базара Барадина мы находим тому подтверждение: «Этот дацан очень маленький и имеет образец Лойлона, т.е. божественного дворца (8 углов), но к нему сделана пристройка к южной стороне в виде дугана без крыши — по тибетскому образцу» (*Жамсуева, стр. 71*).

В отчете экспедиции 1927 г. Р.С. Мэрдыгеева и П.Н. Дамбинова, Анинский дацан описывался таким образом:

«Дацан еще рельефнее свидетельствует об искусственном внедрении европейского стиля в дацанских сооружениях — окна, ворота, балюстрады и т.д. представляют весьма неудачное смещение восточного и западного стилей... Цокчен-дуган — главный храм старого Анинского дацана — составляет исключение: на северо-западной стене этого храма имеется большое (во всю стену) изображение *бадмы цэцэк* (лотосы). Что касается крыши Анинских дацанов, то они имеют преимущественно тибетский или близко к нему смешанный стиль, за исключением крыш здания Майдари и верхнего мезонина Цокчен-дугана... Стержни Цокчен-дугана старого Анинского дацана снизу украшены облом-

ками или кольцеобразными выступами. Оконные и дверные отверстия имеют прямоугольную форму. Просветы верхних этажей заполнены деревянными решетками, представляющими *тумен-жаргал*-орнамент, символизирующий долговечность. Этими же орнаментами украшены двери. Но зато ничего восточного, самобытного нет в рамах, наличниках и ставнях Анинского дацана — они всецело русские. Нет в дацанской архитектуре... профилевки... Балясины на балюстрадах встречаются разные: точеные столбики наподобие русских перил, легкие ажурные решетки, представляющие тот же орнамент «утта настай» и т.д. Внутренность... Анинского храма также пестрит украшениями, как и наружный вид. Нижний этаж... представляет большую залу, установленную колоннами, поддерживающими потолок. Кронштейны разукрашены различно, есть кронштейны с изображением драконов. Потолок Цокчен-дугана старого Анинского дацана украшен интересными картинами в углу, написанными клеевыми красками на материи, которая наклеена на потолке. Картины изображают драконов. Плафонов в европейском смысле мы в дацанах не встречали...

Главный храм Цокшин-дуган Анинского дацана имеет смешанный стиль: тибетский, китайский и даже есть некоторая доза от русского стиля. Длина храма 24 саж., ширина 10 саж., высота 7 $^{1}/_{2}$ саж. Этажей три. Фундамент главного дацана сделан из камней и кирпича, 4 каменных крыльца с колоннами и 11 дверей сделаны в западноевропейском стиле. Окон всего 43. Карнизы в тибетском стиле»...

«Что касается карниза (антаблемента) ордера портиков и карниза третьего этажа, здесь повторяется комплект архитектурных деталей, уже ставший к тому времени традиционным в бурятском культовом зодчестве. Девять рядов разнообразных орнаментов и архитектурных деталей, разделенных узкими полочками, нависали друг над другом. Каждый орнамент имеет свое название и символическое значение. Первым снизу идет полоса *табирру* — белых рельефных кружков на темно-красном фоне. Он имеет и другое название — *эрхите* (четки). За ним следует выпуклая порезка стилизованных листьев лотоса (*падма цэцэг*); выше располагается *тумэн-жаргал*-орнамент, символизирующий вечность; над ним нависают треугольные зубун, так называемые *шубуун хонолга* — птичий ночлег; затем *уэлэн* — облако; *угулза* — завиток, напоминающий рог дикого барана; *хастамга* — свастика, символ твердости, крепости; *маани* — молитвенные письмена; *ухэр-хоншор*

или *улан* — облака, символизирующие пасть божества Ямандаги или Чойжела. Вышележащая часть — карниз (третьего этажа) — в выступающих углах поднимается плавной кривой, создавая приподнятые концы крыши. Карниз состоял из трех квадратных в сечении брусков — *уняа*, нависающих друг над другом»...

«Стоимость постройки главной кумирни дацана, по отчету начала века, со всеми наружными украшениями оной, оценивалась в 73 161 руб. 60 коп., а 5 малых сумэ, стоящих в ограде дацана, — 8611 руб. 77 коп. Движимое имущество дацана, находящихся в этих кумирнях, както книги, бурханы и прочие кумирные украшения, оценивались в 57 706 руб. 71 коп. Надворные постройки дацана, каковы кухни, амбары, здания для приготовления жертв, записываются ценою в 3785 руб. 78 коп., а хранящаяся в них главным образом кухонная утварь в 28 руб. 20 коп.» (*Историческая записка к проекту реставрации памятника истории и архитектуры XIX века комплекса Анинского буддийского монастыря. Том II. Книга IV*).

«Цокчин-дуган стоит в середине обширного, слегка вытянутого в меридиальном направлении двора (95,3 х 108,8 м). Ограда высотой в рост человека сложена из камня и оштукатурена. Небольшие субурганы на квадратных в плане массивных постаментах, сооруженные в ее углах как бы «охраняют» и архитектурно определяют пространство двора. По оси храма в южной стене размещались священные ворота (бойдойн-халга). Это довольно внушительное деревянное сооружение из двух перекрытых антаблементом пилонов, между которыми располагались ворота, по сторонам дополнялось небольшими павильонами с калитками. Расположение деревянных калиток в западной, восточной и северной стенах совпадало с композиционными осями главного храма» (*Минерт, стр. 139*).

Новый дуган Анинского дацана

Исследователь бурятской архитектуры Л.К. Минерт подтверждает, что «главный храм Анинского дацана является выдающимся произведением бурятской культовой архитектуры, не имеющим аналогий по своей планировочной и композиционно-пространственной структуре в буддийском зодчестве соседних стран. Его остатки имеют несомненную архитектурную и культурно-историческую ценность и должны быть сохранены для потомков».

Выводы:

1795 г. — основание дацана, построен деревянный храм Гандан Шиддублинг;
1806 г. — дуган перестроен;
1811 г., 12 января — деревянный дуган сгорел;
1811 г. — постройка Цогчен-дугана в камне;
1865–1870 гг. — реконструкция Цогчен-дугана;
1885 г. — строительство каменного забора;
1899 г. — строительство деревянного пристроя к Цогчен-дугану;
1937 г., 27 января — официальное закрытие дацана;
1990-е гг. – возрождение дацана, постройка нового здания Сахьусан-сумэ;
1996 г. до настоящего времени — ремонтно-реставрационные и восстановительные работы.

Использованные источники и литература

ГАРБ ф. Р-248, оп. 3, д. 188, л. 81–81об

Историческая записка к проекту реставрации памятника истории и архитектуры XIX века комплекса Анинского буддийского монастыря. Том II. Книга IV // НРПКБ Бурятпроектреставрация. — Улан-Удэ, 1993 г. (Архив ГУ НПЦ охраны и использования памятников истории и культуры)

Юмжапова М.Д. Влияние русской церковной архитектуры на бурятское буддийское зодчество (середина XVIII — первая половина XIX в.) /Архив наследия-1999: Научн.сб.-вып. 1.— М., 2000. — С.262–281

Жамсуева Д.С. Трансформация северного буддизма в условиях российского общества (по материалам дацанов этнической Бурятии). — Иркутск, 2016. — С. 68–95

Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск, 1983.— С. 135–139.

СУБУРГАНЫ АНИНСКОГО ДАЦАНА

Дарима ЖАМСУЕВА

Колоссальное количество субурганов по сравнению с другими бурятскими дацанами было возведено в Анинском дацане на востоке Бурятии. Большая часть этих сооружений была разрушена после разгона лам монастыря в 1930-х годах. По воспоминаниям, внутри и вокруг Анинского дацана стояло не менее 26 субурганов. Большая часть из них восстановлена в 1986 году жителями ближних хоринских сел. Когда субурганы были восстановлены, их освящение — «рамнэй» — провел Хамбо лама Мунко Гомбоев, бывший лама Анинского дацана.

Анинский дацан (тибетское название Гандан Шаддублинг) был основан в конце XVIII века бурятским тайшой (старостой) Иринцеевым. Первоначально же он существовал как войлочный дуган, затем началось строительство деревянных и каменных зданий. В 1811 году, согласно летописи хоринских бурят, по образцу божественного дворца-Мандалы был построен в камне главный соборный храм — Цогчен-дуган. С 1863 по 1870 год проводилась его рекон-

Главный храм Анинского дацана. *Фотография начала XX в. Разрушен*

Субурганы — выбеленные куполообразные строения с коническим завершением в пейзаже современной Бурятии явление обычное. Эти буддийские сооружения можно встретить и в безлюдной степи, и на вершинах гор, но прежде всего они возводятся в местах поклонения, связанных с кончиной известных лам, в память о знаменательных событиях в истории буддизма или в монастырских комплексах.

Еравнинские озера

Субурганы Анинского дацана восстановлены в 1989 г.
Хоринский район

В соответствии с каноном, субурган (*санскр.* — «ступа») — это реликварий, хранилище священных остатков Будды, его учеников или святых. Тибетское название субургана имеет буквальный перевод — «вместилище для жертвы».

Веками вырабатывались правила возведения субурганов. Первоначально субурган или «ступа» представляли простое массивное полушарие или каменный купол. Впоследствии форма их сделалась более сложной.

Субурган состоит из трех частей. Основание, колонообразный купол и навершие со шпилем символизируют три сосуда бытия: мир желаний, мир имеющих форму и мир не имеющих форм. Главная часть (бумба) покоится на базе (банрим), состоящей из четырех главных, равных по высоте ступеней и двух меньших, причем одна из этих меньших (гэбчжу) лежит на основании базы, а другая (бум-дан) — на вершине. Сама бумба представляет собою два, положенные друг на друга, усеченные конусы с равными радиусами больших оснований. Шпиц, третья часть субургана, символ мирового дерева на вершине горы Меру, являющийся символом мироздания.

Сокровенный смысл субургана ясен: в эзотерическом понимании он символизирует пять элементов, на которые распадается человеческое тело после смерти. В основании лежит массивный блок, являющийся прообразом твердости земли и символизирующий элемент «земля» (эмблема земли — квадрат). Над фундаментом находится шар, символизирующий элемент «вода» (символ — круг). Затем идет коническая часть, подобная языку пламени, которая символизирует элемент «огонь» (символ — треугольник). Полусфера, находящаяся на конической части и напоминающая перевернутый купол неба, символизирует элемент «воздух» (символ — полукруг). Увенчивается все сооружение вытянутой каплей, представляющей элемент «небо» (символ — точка). Такая пятичленная структура является пространственной моделью вселенной. В эзотерическом же смысле символизирует постепенный путь к просветлению и достижению нирваны.

Фото Б. Михайлова

струкция, а в 1898-м он был еще расширен. Кроме главного Цогчен-дугана, в Анинском дацане были построены сумэ (монастырские здания) Джед (Хурдэнэй) в 1822 г., Дуйнхор в 1811 г., Мамба (Оточи) в начале XX века, Чойра в 1811 г., Майдари в 1898 г., Баарай-сумэ (типография) в 1880 г., Мункэ маанин-сумэ в 1916 г.

Анинский дацан в первой трети XX века представлял собой большой поселок. Его центральную часть занимал храмовый монастырский комплекс, огороженный каменной оградой. По оси его главного входа в ограде были ворота в виде павильона, с колоннами и многоцветным антаблементом.

Все субурганы возведены в ознаменование каких-либо событий или в память духовных лиц. Из 26 субурганов четыре стояли за пределами комплекса и располагались по сторонам света. Документально время их возведения не установлено.

В 1986 году жители села Ульдурга восстановили три субургана с северной стороны главного храма. Они посвящены крупнейшим иерархам буддийской церкви. Субурган, стоящий на северо-восточном углу возле Цогчен-дугана, сооружен на месте первого деревянного храма.

К востоку от главного храма в 1904 году, во время русско-японской войны, был возведен большой субурган «Зугдул-Намжилдма». Отличительной особенностью этого субургана было то, что его корпус стоял на четырех арочных основаниях, под которыми можно было пройти и даже проехать на лошади. От этого субургана в настоящее время сохранилось каменное основание. Так как он был построен во время войны, в фундамент его, вероятно, заложено огнестрельное и холодное оружие, как при возведении в те же годы подобных субурганов в наиболее почитаемых до революции Цугольском и Агинском дацанах.

Четыре субургана, стоящие в Анинском дацане по углам ограды Цогчен-дугана, несли охранный смысл. На северной стороне комплекса в 1986 году были восстановлены 9 субурганов. По словам местных жителей, эти девять субурганов были посвящены ширетуям (настоятелям) дацана.

На северо-западной стороне сохранилось пять старинных субурганов, значение которых уже никто не может объяснить.

Фото С. Конечных

Возвращение ИМПЕРАТРИЦЫ

В алтаре Анинского дацана хранился бюст Екатерины II, пожалованный императрицей лично хоринскому тайше Ринчину Шодоеву, который сопровождал в 1764 году ламу Заяева в его поездке к царской семье. Именно во время этой поездки Екатерина Великая учредила пост главы ламайской церкви Восточной Сибири и Забайкалья, утвердив в качестве первого пандито-хамбо-ламы Дамба Даржа Заяева.

По благословению хамбо-ламы бюст императрицы занял почетное место в западном алтаре Цогчен-дугана Анинского дацана. Здесь же хранились портреты царствующей особы Российского государства, а раз в год в Анинском дацане проводились молебны в честь здравствующего императора или императрицы.

С приходом на трон нового царя иркутский губернатор или глава Забайкальской области привозили в дацан знамена с вензелями и гербом престолонаследника. При большом скоплении верующих происходила церемония освящения знамени и его передача дацану. Это был одновременно и государственный акт, и большой народный праздник.

В 1873 году в Анинский дацан нанес визит великий князь Алексей Александрович, четвертый сын императора Александра II, младший брат императора Александра III. Согласно протоколу, великий князь должен был находиться в дацане определенное время. Но когда перед ним раздвинули тяжелые шторы западного алтаря Цогчен-дугана, и он увидел там портреты императоров России, в том числе и своего отца. Великий князь растрогался до глубины души и остался на целые сутки.

После отъезда высокого гостя ширэтэ-лама (настоятель) Анинского дацана испросил позволение на возведение на месте юрты, в которой останавливался Алексей Александрович, дворца Белой Тары. Белая Тара – это буддийское божество, воплощением которого на земле российские буддисты признали в 1766 году императрицу Елизавету Петровну, затем Екатерину II, а уже следом за ней стали признавать всех императоров и императриц Российского государства. Эта традиция продолжалась до 1917 года.

Бюст импреатрицы Екатерины II хранился в Анинском дацане до 1930-х годов. Затем он бесследно исчез....

В год 255-летия учреждения института пандито-хамбо-лам и обретения Анинским дацаном бюста Екатерины II ширээтэ-лама Легцок Дарижапов выступил с инициативой о воссоздании бюста Екатерины Великой в Санкт-Петербурге. Эта инициатива получила благословение XXIV пандито-хамбо-ламы Дамбы Аюшеева.

Новую скульптуру создали в Санкт-Петербурге скульптор Матвей Макушкин и архитектор, академик Российской академии художеств Вячеслав Бухаев и. Размеры бюста 500 х 250 мм, масса 15 кг. Работа основана на других прижизненных скульптурных изображениях императрицы. В целом на создание скульптуры ушло около полугода.В конце лета 2019 года воссозданную скульптуру императрицы встретили в Иволгинском дацане.

26 ноября 2019 г. в Русском драматическом театре им. Н.А. Бестужева в Улан-Удэ состоялось торжественное представление воссозданного бюста императрицы Екатерины II. На мероприятии присутствовали первые лица республики, в том числе глава Бурятии Алексей Цыденов и ширээтэ Анинского дацана лама Лэгцок Даприжапов.

Улан-Удэ стал четвертым городом на маршруте исторической реконструкции путешествия скульптуры в 1764 году из Санкт-Петербурга в Бурятию по Московскому тракту. Ранее состоялись торжественные церемонии, посвященные воссозданию скульптурного бюста Екатерины II в Санкт- Петербурге, Москве, Екатеринбурге.

После выставки бюста в Национальном музее Бурятии он занял постоянное место в главном алтаре Анинского дацана.

Великая ступа на Кижинге

В 1919 году в долине реки Кижинги была построена и освящена ступа Джарун-Хашор. В 1937 г. Великая ступа была взорвана и разрушена до основания, так же как и сам Кижингинский дацан.

26 сентября 1990 г. достопочтенный Дуглах Ринпоче из Непала освятил место, где Великую Ступу должны были возродить заново. Силами буддистов-мирян, общественности, при финансовой поддержке правительства Республики Бурятия новая 12-метровая ступа была воссоздана и освящена в октябре 2001 г.

В 1928–1929 годах комиссия Буручкома по выявлению и учету ценностей во главе с молодым художником Романом Мэрдыгеевым посетила тогда еще действующие Анинский и Эгитуйский дацаны в Хоринском аймаке Бурятии.

Отчет об этой экспедиции — свидетельство людей, видевших своими глазами, как создавались шедевры буддийского искусства. Публикуется фрагмент рукописи, содержащий характеристику творчества бурятских художников — зурачинов.

Р.С. Мэрдыгеев *(второй слева)* **с художниками Эгитуйского дацана Даба Тушнэ, Базаром Аригунэ, Нимой Цыренпилоном**

Секреты дацанской живописи

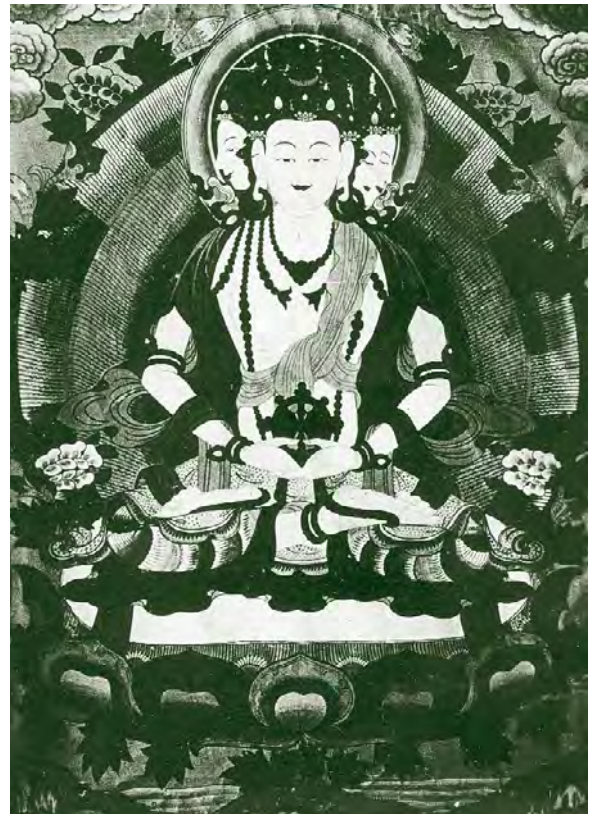
Роман МЭРДЫГЕЕВ

Танка «Падмасамбхава» (индийский проповедник тантрийского буддизма, прибывший в Тибет в 749 году, основатель школы «ньингмапа»). Работа художника Эгитуйского дацана Еши-Нима Дамбийна
Не сохранилась. Репродукция 1927 г.

Дацанская живопись, по нашему мнению, преимущественно клеевая, которую европейцы отнесли бы, пожалуй, к особому роду темперы. Перспектива тонов встречается в изображении неба, лепестков «бадма цэцэк» (лотоса) и прочих цветов, но в основном линейная и воздушная перспектива в дацанской живописи так же, как и в китайской и тибетской, отсутствует. Достаточно взглянуть на любую икону в бурятских дацанах, чтобы убедиться в этом. Понятие о гармонии красок у дацанских худож-

ников далеко не то, что у европейских художников. Преобладающими красками здесь являются: белая, красная, зеленая, синяя, фиолетовая, желтая и оранжевая, а дополнительные к нему: розовая, малиновая и бордовая — к красной, желто-зеленая, светло-зеленая (изумрудная зелень с белилами) — к зеленой, кобальтовая и голубая — к синей, ультрамариновый цвет — к фиолетовой и, наконец, дополнительные коричневые и серые тона. Черная краска в виде китайской туши, как золото и серебро, употребляется, как материал, дающий законченность произведению. Краски кладутся на полотно отдельно друг от друга. Дополнительные цвета добываются исключительно смешением соответствующих красок в ступках до нанесения их на полотно. В этом отношении главную роль играют белила.

По колориту краски располагаются так: красный идет с зеленым или желтым цветом, синий — с зелеными или желтыми, причем орнаментации их отделяют тонкой линией белила и тушь. Колорит в европейском смысле дацанским художникам неизвестен, потому наперекор ему практикуется тушовка красками. Нередко практикуется здесь, в особенности в



Танка «Гунриг» работы Тогтохо Будаева
Конец 1920-х гг. (не сохранилась)

Зурачин Эгитуйского дацана
Тогтохо Будаев за работой над танка «Гунриг»
Конец 1920-х гг.

Богдо Зонхоба (Рджэ Цонг кха па). *Начало XX в. Грунтованное полотно, минеральные краски. 90 x 59,5*

раскраске архитектурных украшений и мелких работ по дереву, так называемая «пятитонная тушовка» на одних цветах, причем начальной краской считается тушь, а конечной — белила.

В раскраске своих работ дацанские художники пользуются тибетским сокращенным цифровым обозначением красок. Например, под цифрами «1» и «6» обозначается белая краска, 2-я — черная, 3-я — синяя, 4-я —зеленая, 5-я — желтая, 6-я — белая, 7-я — красная.

«Грязных» тонов, которыми пользуются европейские художники, в дацанском изобразительном искусстве нет, краски у них ярки, резки и весьма оригинальны. Тени получаются усилием тонов. В некоторых случаях принято отделять изображаемый предмет от фона тонкой, чуть заметной черной или коричневой краской. В линиях, тенях черной краской служит разведенная в воде китайская тушь. В дацанской живописи линия играет большую роль: от нее зависит форма изображения, складки одежды, она придает прекрасное выражение лицу и т.д. Красота и нежность тонов, по мнению дацанских художников, зависят от приготовления и терки красок. От подобной терки, гово-

рят они, зеленая, например, краска превращается в совершенно белую пыль. Краску трут в особых ступочках, которые можно найти в аптекарских магазинах. Число таких ступочек у художников дацана имеется от 15 до 30 штук, то есть для каждой краски особо. В этих ступочках не только трут, но и разводят краску.

Хорошие краски привозили раньше из-за границы, главным образом, из Китая и Тибета. Ныне пользуются исключительно русскими непрочными красками, которые покупают в Верхнеудинске, Чите и Троицкосавске. Немало можно встретить в дацанах живописных работ, исполненных плохими красками. У некоторых икон, например, отдельные краски (розовая и голубая) или почернели, или же совсем исчезли с полотна. Нам не удалось разузнать — употребляют ли дацанские художники натуральный ультрамарин, стоимость которого доходит до 700 руб. фунт, и пурпурин, который в древнее время ценился весьма дорого (у финикиян ценился 2000 р. фунт). В дальнейших исследованиях дацанского искусства нужно и на это обратить внимание.

И, наконец, небезынтересно отметить и самый труд дацанских иконописцев. Пишут они свои иконы с раннего утра до позднего вечера и пишут, полулежа над своим «тылыком» на полу. Дацанские иконописцы не признают писания икон сидя или стоя. Они считают, что при такой работе краска стекает с кисти и вообще неудобно. Правда, маленькие изображения пишут они сидя, причем работу держат на руках. Словом, работа дацанских иконописцев весьма тяже-

Сэршэн Намсарай Хадгуу (Навадева Махапита Вайшравана)
XVIII в. Грунтованное полотно, минеральные краски. 49,5 х 36,5

лая. Один старый лама Донэ Балданов рассказывал, что он в молодости был иконописцем, но потом бросил эту работу навсегда, потому что он от тяжести работы иконописца всерьез занемог, захворал. В Эгетуйском дацане весьма популярно имя одного из покойных художниковлам Еши-Нимы. Преждевременную смерть последнего ламы объясняют именно тем, что он был «вдохновленным зураша» (художник), а жизнь «зураши» недолговечна: «Скоро они дряхлеют, руки трясутся, глаза видят плохо, появляется бессонница, головная боль, упадок сил» и т.д.

Дацан не знает правильной организации труда, в частности труда художников.

В этом отношении художники дацана — жалкие жертвы религии, растрачивающие попусту свои таланты и изнывающие в тисках религиозного канона ламаизма.

1929 г.

Художник Еши-Нима Дамбийн. Эгитуйский дацан. Танка «Хий морин» («Ветер-конь»). *1-я треть XX в. Цветная ксилография. 180 x 111*

Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова обладает уникальной коллекцией танка, собранных в период разрушения дацанов в 1930-е гг. Лишь малая часть реликвий оказалась в фондах музея, где они бережно сохраняются как свидетельство бурятской истории и культуры.

◀ **Дэмшэк Хорло (Шри Чакрасамвара)**
XIX в. Грунтованное полотно, Минеральные краски. 68,5 x 52,2

ЗАНДАН ЖУУ

Светлана БАРДАЛЕЕВА

«САНДАЛОВЫЙ БУДДА»

Эгитуйский дацан (основан в 1824–1826 гг.) был одним из популярнейших в Бурятии до 1935 года, куда со всех концов стекалась громадная масса верующих. Притягательность его достигалась тем, что в нем находилась знаменитая святыня буддийского мира — стоящий Сандаловый Будда «Зандан Жуу». Со слов местных жителей записано, что «эта статуя была привезена сюда в 1898 году из местности У-тай в Китае, что в 550 верстах к западу от Пекина. Привезли ее два монгола — Содном и Шагдар — и преподнесли в подарок Эгитуйскому дацану»… Есть и другие сведения, утверждающие, что Сандаловый Будда был тайно вывезен из Китая во время Боксерского восстания.

Много было легенд об этой удивительной скульптуре. Считается, что существовали два прижизненных изображения Будды Шакьямуни. Одно из них хранится в Британ-

ском музее, второе изображение якобы утрачено. Верующие буряты считают, что находящийся в Эгитуйском дацане Зандан Жуу — и есть второе прижизненное изображение Будды.

Этот легендарный памятник представляет из себя мощную деревянную скульптуру высотой 2 метра 18 сантиметров. Правая рука Будды обращена открытой ладонью вверх в жесте «дарования защиты», левая — в жесте «дарования милосердия». Этот тип изображения известен как «Будда царя Удаяны». По легенде, царь Удаяна, правитель одного из древнеиндийских княжеств, покровительствовавший буддизму, решил заказать прижизненное изображение Учителя. Будда Шакьямуни согласился позировать, но художник не мог смотреть на него из-за ослепительного сияния, исходившего от тела. Тогда Будда подошел к озеру, и изображение было изготовлено с его отражения в воде. Вероятно, поэтому на одеянии Зандан Жуу множество концентрических полудужий, похожих на круги в воде или волны.

Скульптура обладает определенной «магнетической» силой: доброе милосердное выражение лица, серые глаза со скорбно опущенными уголками с любовью взирают на всех молящихся. Говорят, что Зандан Жуу парит в воздухе, что под его стопами можно протянуть ниточку. Верующие шли за многие километры, чтобы помолиться и хоть раз в жизни прикоснуться к нему. В дацане скульптура стояла

Зандан Жуу перед реставрацией

В 1991 году по просьбе Центрального духовного управления буддистов России Министерство культуры Российской Федерации разрешило передать в постоянное безвозмездное пользование из фондов Музея истории Бурятии 2212 культовых предметов. Среди них была и двухметровая скульптура стоящего Будды — Зандан Жуу, которая считается святыней буддийского мира. Скульптуру Будды перевезли в Эгитуйский дацан, что в 250 километрах от Улан-Удэ, где она находилась до 1935 года.

до его закрытия в 1935 году, затем была вывезена в Антирелигиозный музей г. Улан-Удэ, который располагался в Одигитриевском соборе. Активное участие в вывозе скульптуры принял главный хранитель Жалсан Жапович Жабон. Ветераны музея вспоминают, что скульптуру из дацана вывозили ночью, чтобы не будоражить местное население. Каково же было изумление сотрудников, когда машина прибыла утром в город: весь кузов был усеян монетами — подношениями.

Более полувека Зандан Жуу хранился в фондах музея истории Бурятии. Отношение сотрудников к святыне было самым трепетным и уважительным. Многие верующие приходили поклониться ему, как и прежде, но только украдкой и тайком. За скульптурой был специальный уход. Это было таинство — стереть с него пыль, помыть, почистить его атрибуты. Благодаря музейным подвижникам, таким как Ж. Жабон, Г.-Д. Нацов, А. Герасимова, Н. Бадлаева и другим, удалось сохранить многие памятники культурной и духовной жизни бурятского народа.

В 1991 году Зандан Жуу наконец вышел из «заточения» в Одигитриевском соборе. Для его обозрения была подготовлена специальная выставка одного экспоната: «Сандаловый Будда — святыня буддийского мира» в Художественном музее им. Ц.С. Сампилова. Будду венчала пятизубцовая драгоценная корона с лентами, богато украшенная лазуритом, малахитом, кораллами. С ушей тяжело свисали серебряные серьги. На груди сияло серебряное толи — зеркало со вставками из кораллов, халцедонов, лазурита. В течение месяца продолжалось паломничество верующих в музей.

В октябре 1991 года Зандан Жуу возвращен в возрожденный Эгитуйский дацан. С 1995 по 1997 г. скульптура находилась на реставрации. Из Госэрмитажа были приглашены художники-реставраторы Марина Мичри и Дмитрий Коновалов. Скульптура была обследована на месте, расчищена от поздних поновлений и ненужной позолоты и был открыт настоящий «авторский» слой. Зандан Жуу засиял своей подлинной красотой. Для лучшего сохранения скульптуры изготовлена специальная стеклянная витрина, предохраняющая святыню от пыли, копоти и других загрязнений.

Как и в былые времена, стоит Зандан Жуу в своем парчовом облачении, которое было преподнесено ему бурятскими мастерами еще в 1930-е годы, во всем своем великолепии, по-прежнему милостиво взирая на всех верующих, молящихся, поклоняющихся ему — Учителю, пролившему свет Дхармы всем живым существам.

Мистерия цам в Эгитуйском дацане
Фотография начала XX в.

